

Маршан
Грозового мира

НОСТА

Амбициозный молодой человек десять лет хранит секрет, не зная о его ценности. Лишенная магии девушка стремится вернуться в семью, не думая о происходящих странностях. Её названная сестра бьется в силках, сплетенных судьбой. Один раз они все сходятся вместе — и меняется курс событий. Расставаясь и объединяясь, трое совершенно разных людей ищут свое место в мире и одновременно борются против загадочного убийцы, с которым их связала сама лента времени.

==== Часть первая. Медный шлем =====

Вы видите мою одежду, но не мою душу, вы знаете мое имя, но не мою историю. Однако я вижу, что вам этого вполне достаточно.

Скользит-скользит легкая фигурка, даже не оглядываясь по сторонам. Осторожность? Какая там осторожность? И мыслей о ней не возникает в твоей прекрасной головке. Правильно, дорогая моя. О твоей безопасности до поры до времени позабочусь я, а когда мои цели поменяются, то уже никто тебя не защитит. Тебе нравится играть со смертью? Я готов устроить вам новый раунд. И я знаю, что победы ты не одержишь. Почему знаю? Потому что лента времени вьется и вьется, иногда показывая грядущее. Во мне говорит не самоуверенность, дорогая моя. Некоторые предсказатели не ошибаются. Ты, танцующая на краю с вызывающей усмешкой на лице, ты, с твердой опорой под ногами превращающаяся в скромную и тихую девушку, ты, потерявшая свое главное сокровище и получившая от судьбы невероятное везение, ты упадешь с этого обрыва. А я — подтолкну.

Я следую за тобой неслышной тенью. Я всегда иду по кругу, и совсем скоро я начну новый круг, широкий, впившийся в землю этого несчастного мира кровавой полосой, и вот тогда мои руки протянутся к тебе. Ты станешь либо первой, либо последней, третьего не дано. Ты идешь по улице неродного города, глядя то вперед, то на мостовую под ногами. Тебя мало интересует то, что происходит рядом с тобой. Ты уверена, что тебе повезет и в этот раз. Ты даже не видишь, что за тобой следуют два человека, которым хочется вскрыть тебя, как сейф с драгоценным содержимым, искорежить, сломать и выбросить. В тебе и впрямь найдутся драгоценности. Одни ты прячешь внутри металлического протеза предплечья, и они нужны тем людям, а другие составляют тебя — ту, какая ты есть. Они нужны мне. И я не позволю никому раскрыть сосуд-тебя прежде, чем это сделаю я.

Ты выбрала малолюдную улицу. Кажется, ты даже вспомнила об осторожности и нащупываешь спрятанный пистолет, чтобы дать отпор своим врагам. Ты их заметила? Похвально. Сейчас ты убьешь их обоих, а потом я убью тебя.

Тонкая фигурка. Ты не похожа на своих женственных сверстниц, вернее, ты не хочешь быть на них похожей, потому и можешь иногда походить на юношу в платье. Ты совсем бледна. Ты волнуешься, хоть и не хочешь показывать этого. Ты прикрыла капюшоном свои прекрасные темные волосы, чтобы как можно меньше людей запомнили твои приметы. Жаль, что я не умею управлять ветром. Я бы велел ему подуть и скинуть твой капюшон, и тогда многие увидели бы твое лицо. Им ещё предстоит увидеть его в газетах, в разделе криминальной хроники. Нет, ты вовсе не красивая. Ты просто моя.

Да, все так, как я и думал. Ты стремительно оборачиваешься с поднятым пистолетом, но в глазах мелькает нерешительность. Не привыкла убивать, дорогая моя? Я сделаю это за тебя. Выстрел. Второй. Два трупа, поздравляю. Но я всего раз нажал на спусковой крючок, в

таких делах я не ошибаюсь. Выходит, помощник? Его сюда не звали.

Он выскакивает из узкого переулка и подбегает к тебе. Мальчишка, считающий себя слишком взрослым, привязавшийся к тебе, посягнувший на то, что ему не принадлежит. Нет, он пока не умрет, но если расшалится, то закончит плохо. Я ценю знаки судьбы. Ты станешь не первой, а последней. Я приду за тобой, когда наступит время, и пусть с тобой рядом в это время находится твой «друг». Рядом с тобой будет множество людей, только вот тебе это не поможет. Я не прощаюсь. Я говорю: «До свидания».

===== Глава 1. Недосказанное =====

Хор имел привычку двигаться немного впереди, даже если того не предполагал план. Не спешить — но опережать с промедлением. Встреча была назначена на одной из немногочисленных улиц, чьи обитатели этим ранним утром даже не выглядывали наружу. Здесь находились дома для рабочих с завода дирижаблей, трудящихся в вечерне-ночную смену и приходивших домой за час до того момента, когда Мальс Хор бесшумно двигался между серыми в утренних сумерках, одинаковыми по внешнему виду трехэтажными кирпичными зданиями с небольшими окнами. При их постройке никто не учитывал какую-либо эстетику — просто сооружали большие коробки, чтобы в них поместились все. Уставшие обитатели общежитий спали. Их не волновало, что происходит за окнами, какие молодые люди бродят по улице, порой посверкивая магией.

Именно здесь и именно в это время Хор уже не раз устраивал встречи, понимая, что это безопасно. Но то, что проворачивалось сегодня, имело большое значение, оттого он подождал Раль, свою напарницу, не здесь, а за квартал до нужного места и затем пристроился ей в хвост, желая незаметно проследить последний отрезок пути. И оказался вознагражден за свою предусмотрительность: за Раль приглядывал не только он, но и ещё двое людей, чьи цели определить было невозможно.

Напарница выглядела так, словно их не замечала: двигалась с прежней уверенностью, не делая никаких попыток непринужденно оглянуться или выявить слежку другим способом. Наконец она свернула в безлюдный переулок, явно провоцируя тех двоих на активные действия. Риск. Опять риск. В последний год эта удивительная девушка развивала умение скрытно передвигаться лишь для того, чтобы проверять, насколько его хватит, шагать по краю и привлекать внимание тех, кого следовало бы оставлять в неведении.

Хор скользнул вслед за ними, готовясь выхватить из-под плаща обрез винтовки. Только б не опоздать! Впрочем, совсем уж пустой риск Раль не стала бы устраивать... Послышался выстрел. Руки действовали почти бессознательно, и второй выстрел сделал уже Хор, а через секунду он понял, что оба преследователя Раль мертвы.

Она стояла напротив, все ещё держа пистолет в поднятой подрагивающей руке. Подчеркнуто строгая одежда в темных тонах, и тщательно прилизанные, заплетенные в простую косу волосы — это образовывало странное сочетание с упрямым вызовом в выражении зеленых глаз. Металлический блеск предплечья, напряженно сжатые губы, сдвинутые к переносице брови с изломом. Адилунд Раль снова не стала жертвой. Хор прекрасно знал, что этот тщательно выписанный вызов исходит не от самой напарницы, по характеру мягкой и спокойной, а от чего-то, что он не мог осознать до конца и что появилось лишь на третий год их знакомства.

— Идем отсюда, быстро, — скомандовал Хор. — Мы пробудили всех, кого только могли.

Они метнулись в грязную улочку, составленную все теми же рядами однообразных

домов: весь этот квартал занимали рабочие общежития. Поворот, ещё поворот. Пришлось сделать немаленький круг, чтобы запутать следы, но в итоге Хор все же привел Раль к тому самому месту, где они и хотели изначально встретиться. Сюда ещё не долетело беспокойство, встревоженным вороньим граем вздымавшееся над местом, где прозвучали выстрелы. Хор не собирался задерживаться среди этих сонных зданий, но требовалось проверить одну вещь.

— Где груз? — коротко спросил он.

Напарница сделала глубокий вдох, а затем сняла крышку с протеза на левой руке, позволяя увидеть давно почерневший механизм, в свободных «гнездах» которого находились несколько золотых колец с эмалью. Это было слишком даже для Раль.

— Это магические вещи, — напомнил Хор, понимая, что упрек просто не дойдет до адресата. — А если бы случился конфликт энергий? Ты могла потерять руку или даже умереть, — все же закончил мысль он, хотя это не имело никакого смысла.

— Но все ж обошлось, — прозвучал главный, непрестанно повторяющийся при подобных ситуациях аргумент Раль.

— А могло не обойтись, — тихо сказал Хор. — С тобой ничего не случилось, это да, — и, по её твердой уверенности, никогда не может случиться, — но могли повредиться и кольца.

— Я их проверю, — быстро пообещала она, готовая на любой справедливый штраф. Нотаций Раль не любила, как и споров: несмотря на пробудившееся упрямство, большую часть времени она была тихой или даже робкой, не проявляя никакой дерзости. — Ну что, возвращаемся?

Напарница, поочередно подцепив каждое из колец ногтем, вытащила их все из протеза и вручила Хору. Он со вздохом кивнул, принимая груз, и спрятал его в свою сумку. В глазах Раль отразилось облегчение, поскольку нотаций не последовало. Она смущалась, когда её отчитывали, прятала взгляд, выглядела осознающей свою вину, но никогда не слушалась, если речь шла о любимых танцах на жизненном обрыве.

— До встречи на уроках, — сухо сказал Хор. Ему требовалось ещё заглянуть в их конспиративную квартиру, чтобы спрятать там обрез и кольца. А вот Раль могла сразу пойти на занятия.

Они переглянулись и неторопливо зашагали в разные стороны, чтобы через полчаса прийти в одно и то же место: Центр Одаренных. Если бы Хора спросили, что он думает об нем, ответ был бы не слишком красив: «Гнусное название и гнусная система». «Одаренными» именовались те, кто как раз не имел определенного таланта и находился в его поиске, что порой затягивалось на долгие года и могло поставить наследника богатого рода на очень низкую ступеньку общественной лестницы.

О всей системе Хор имел своеобразное мнение, которое предпочитал не высказывать в присутствии других. Знала только Раль, вполне разделявшая его чувства. Они оба не просто так стали напарниками: их столкнуло как раз пребывание в Центре, длившееся уже больше трех лет. Кто-то находил свой талант быстро — но это случалось лишь с некоторыми.

Для большинства «одаренных» выбор жизненного пути превращался в тягостную длинную дорогу, с которой иногда хотелось упасть куда-нибудь в глушь, подальше от всех предназначений, испытаний, занятий, доверительных разговоров, ставивших целью раскрыть стремления и способности человека. Иногда Хору казалось, что все это создано, чтобы экспериментировать над людьми, рассматривать их пристально, словно сквозь

увеличительное стекло, поворачивать, заглядывать в самые потаенные места, даже препарировать... Якобы для того, чтобы раскрыть самый главный талант.

Каждый в чем-то да талантлив. Раль умела выкарабкиваться из всех опасных ситуаций, куда себя заводила. И это следовало бы изучать, а не мифические способности к механике, к разным наукам, к руководящим должностям. Чаще казалось, что создатели Центра мудреным образом подгоняют своих подопечных под те условия, в которых может находиться член одной из влиятельных семей. Предполагать можно было бесконечно, сходясь в одном: здесь делали не совсем то, о чем говорили красивыми словами.

Длинное трехэтажное здание, увенчанное невысоким куполом из самого прочного стекла в Объединенном Мире. На воротах красовалась семиконечная звезда — символ всей системы. Каждый раз, проходя в эти ворота, Хор делал быстрое, почти незаметное движение. Со стороны это выглядело стремительным касанием звезды, но значило больше: палец рисовал среди семи лучей восьмой, совсем маленький. Геометрически он смотрелся негармонично. Но он там был. Не всем дано светить так, чтобы их видели, не всем приходится светить так, чтобы не привлекать внимания.

Не раз Хор представлял эти ворота запертыми, неживыми, заброшенными или переделанными — не в мечтах, но в рассудительных планах. Однако пока здесь царили шум и жизнь. Он прошел мимо группы учеников в темно-коричневой форме, обсуждавших что-то по бионике. Некоторые серьезно углублялись в разные науки или занятия, думая, что смогут найти в них свое призвание, и все же мало кто обнаруживал способности по собственной инициативе: чаще это ждало в конце пути, намеченного преподавателями. Ещё один повод сказать, что содержание книги отличалось от обложки.

На занятия полагалось приходиться в форме, которой Центр исправно снабжал учеников. Хор успел зайти на их небольшую квартиру, купленную тогда, когда он имел более громкую фамилию, и оставил там кольца с обрезом, а заодно переделался. Не следовало совершать несколько незаконных предприятий в ослепительно белой рубашке и коричневой жилетке с эмблемой Центра. Хотя цветом Грозового Мира официально считался золотой, но его сочли не очень-то подходящим для одежды огрызков благородных семей, и в итоге форма стала коричневой. Впрочем, этот цвет, неброский и при том приятный глазу, всегда Хору нравился, в отличие от бьющего в глаза золотого. Флаг их региона блистал, как молнии летней грозой, и это было правильно, но отверженный наследник семьи Хорана уже не считал себя неотъемлемой частью Грозового Мира.

Прогулявшись по знакомым коридорам, Хор остановился напротив двери с надписью: «ГК-3». Буквы означали Грозовой Край, чаще называемый Грозовым Миром. Здесь находились комнаты для теоретических занятий учеников из третьей группы: здесь, в Центре, группы заменяли курсы, а разделение по родинам, Мирам, или Краям, — факультеты. Впрочем, в одной группе могли находиться люди самых разных возрастов с самым разным стажем обучения.

— Мальс! — послышался сзади звенящий голос. — Мальс, подождите меня.

Он не двинулся с места. Даже не обернулся, слыша, как приближаются быстрые семенящие шаги. Обладательница голоса обошла Хора и остановилась рядом с ним.

— Ах да, я вспомнила, вы не любите отзываться на имя, предпочитая фамилию, — произнесла она с легким любопытством. — Но вы мне нужны сегодня. Мальс Хор. Занятие придется пропустить, впрочем, оно не для вас.

— Хорошо, — кивнул Хор.

И двинулся следом за затянутой в серо-черное платье фигурой — Ли Ханненсон, директрисой, считавшейся фактически главой Центра. Эта женщина, выглядящая то на двадцать пять, то на тридцать восемь, для многих оставалась загадкой, но все же была приятным человеком, открытым и не любившим сильно мудрить. На занятиях она появлялась крайне редко, предпочитая издали отслеживать пути одаренных, и в судьбу некоторых вмешивалась, поворачивая её самым прекрасным способом. Сам тот факт, что Ли заговорила с кем-то из учеников, означал для того немалую выгоду. Хор к нынешнему везению отнесся довольно спокойно.

Ему порой доставляло удовольствие наблюдать за директрисой, её семенящей походкой, быстрым взглядом и умением устанавливать с одаренными доверительные отношения. Из всех преподавателей эта женщина нравилась Хору больше всех. В некоторые периоды она даже отождествляла себя с собравшимися здесь членами влиятельных семей, сохранивших лишь огрызки фамилии, и под всеми документами подписывалась как Ли Хан. Именно это насмешливое сокращение, неожиданно красиво легшее на короткое имя, вдохновило когда-то Хора называться огрызками фамилий, а не именами, как было принято в Центре. При рождении Мальс Хорана, ныне Мальс Хор, он не стыдился того факта, что отделился от своей семьи, и даже выставлял это напоказ. Хор. Следом за ним Адилунд Раль превратилась в Раль.

В Объединенном Мире степень успешности человека следовало определять как раз по фамилии. Четверо правителей хоть и рождались в разных семьях, но все носили фамилию Эссентессер. То же самое происходило и с остальными. Все выдающиеся военные именовались Ричарделями, представители судебной системы — Аусхассенами, люди, занимающиеся финансами, — Мистералями. Правда, люди из низших слоев общества выбивались в верха довольно редко, а меж самыми знаменитыми фамилиями в соответствии с дарованиями, успехами и занимаемой должностью курсировали те, кто рождался в знатных семьях. Наследники, у которых не обнаружилось никакого толкового таланта, отправлялись в Центр, сохраняя лишь кусок фамилии.

Кабинет Ли Ханненсон, вопреки этой светлой и живой натуре, оказался сумрачным из-за завешивавших окна штор. Вообще комната выглядела как рабочий кабинет любого из учителей, и степень порядка здесь имела среднюю: не очень аккуратно разложенных на столе книг было совсем немного, чтобы назвать это серьезным беспорядком. Ли оказалась чем-то посередине, не педантичной и не стихийной, как и раньше она находилась посередине — между преподавателями и одаренными.

Директриса зажгла дополнительный магосветильник, указательным пальцем левой руки нажав на тугую кнопку, и крупная лампочка в простом стеклянном абажуре загорелась, потрескивая, неярким оранжевым светом, добавляющим комнате уюта. Ли жестом предложила Хору сесть. Он устроился на стуле, выпрямив спину, как солдат перед командиром. Разговор обещал быть серьезным. Могло дойти и до резкого зигзага в карьере одаренного, хотя этого не очень хотелось. Хор предпочитал последовательное, не слишком резкое движение вверх, рассчитываемое непосредственно им самим, а не чужим человеком, каким бы приятным тот ни выглядел.

— Я хотела поговорить с вами о вашей напарнице, Адилунд Раль, — начала Ли, сложив книги в стопку на краю стола. А вот это оказалось немного неожиданно. Для подобных бесед обычно выбирались другие места, да и проводила их не директриса. Хор ничем не высказал удивления и продолжал неподвижно сидеть, ожидая продолжения. — Дело в том,

что она категорически отказывается ходить на главные занятия по специальности своей родины, Крылатого Края. Это серьезное нарушение традиций Центра: без посещения этих занятий исследование способностей сильно затрудняется.

— Вы хотите, чтобы я повлиял на Раль? — уточнил Хор. Все же он ожидал не такой темы. Возможно, главное его ещё ждало — а значит, не расслабляться, не подавать виду, что удивлен.

— Я хочу, чтобы вы выяснили причину её поведения, — взгляд Ли стал серьезнее. — Тут дело не только в Адилунд, но и в её родственниках. Вы наверняка знаете, что из семьи Мистераль в наш Центр одаренные приходят довольно редко. У нас было мало возможности оценить их поведение, и все же у большинства наблюдались некоторые странности. Я думаю, что упрямство Адилунд проистекает из семьи. Рондер Мистераль, её отец, сильно темнит насчет гороскопа и всех обстоятельств, а я хочу знать правду, чтобы работать с нашей ученицей. И все же для директрисы Центра устраивать расследование слишком хлопотно. Вы не против заняться этим?

Да, Хор все же оказался прав в своих мыслях насчет двойного дна темы.

— Чем именно заняться? — пожелал полной ясности он. — Изучением условий, повлиявших на её характер?

— Условий, обеспечивших попадание Адилунд к нам, отношение к этому её родственников — и особенно отца, — не замедлила провести рамки задачи Ли. — Меня интересует изнанка Мистералей — в том, что касается гороскопов и соответствия им разных членов семьи. Я думаю, что вы способны справиться с подобным заданием. Я уже заметила, куда направлены ваши таланты. И контрабанду колец памяти из Серебряного Мира тоже заметила, она проведена грамотно, что подтверждает мои слова. Вы специалист по тайной войне, Мальс Хор, вы умеете действовать незаметно. Если с этим делом все получится, я обеспечу вам должное образование и постараюсь, чтобы ваши тайные действия послужили на пользу Объединенному Миру.

Значит, контрабанду все же засекли. Хор это допускал: если б он захотел скрыть все свои действия, поступал бы иначе и работал бы только один, не примешивая к этому любительницу риска Раль. В том, что касалось её семьи, разобраться хотелось: ведь это касалось и напарницы. Кроме того, Рондер Мистераль интересовал Хора как важная политическая фигура Грозowego Мира, откуда происходил он сам.

— Я принимаю это дело, — кивнул Хор.

— Благодарю за содействие. — Ли наклонилась и вытащила откуда-то снизу толстую папку. Её украшали надписи на языках всех Миров. — Вот здесь находится та информация, которую знаю я и которую можете узнать вы. Однако этот свод материалов не должен покидать моего кабинета, так что читать вам придется тут. Для всех остальных — у нас с вами проходит факультатив, особые занятия. Надеюсь, вы сумеете обеспечить мне должное прикрытие?

— Прикрытие нам обоим, — заметил Хор с легкой улыбкой и принял протянутую папку. Внутри хранились настоящие ценности, совершенно неожиданно ставшие доступными. Хоть сюда и записывалось лишь то, что касалось Центра, способностей и гороскопов, но все это затрагивало кусочками образ семьи Мистераль, лидеров Грозowego Мира, приоткрывало завесу над некоторыми моментами жизни родного края. Хорошо, что внимание Ли привлекли именно Мистерали, финансовые искусники, влиятельные и умелые в переговорах люди. Хор знал, что когда-нибудь обязательно встретится с главой семьи,

Рондером, хоть и не представлял, какие цели будет преследовать эта встреча.

— Это сделка выгодна для нас обоих, — произнесла Ли, откидываясь в своем кресле и неторопливо поправляя золотистый локон. Сейчас казалось, что ей двадцать пять. — Но я попросила бы вас быть поосторожнее. В Центре сейчас не самые радужные времена.

Хор приподнял бровь, ощущая, что это особенный намек, который вряд ли будет дан кому-либо другому из одаренных.

— Конфликты между начальством — печальная вещь, — задумчиво проговорила директриса, — и лучше разбираться с ними в самом зачатке. Я не хочу развала Центра. Если вы справитесь с этим делом, то готовьтесь стать моим тайным помощником, — через двадцатипятилетнюю проглянула тридцатилетняя умелая женщина. Она знала, чего хотела, и добивалась этого теми способами, какие считала правильными.

Хор просто кивнул.

— А пока вы считаетесь моим учеником, — продолжала наставления Ли, — так что я попрошу вас соответствовать этому статусу и ни при каких условиях не нарушать порядок. Опоздания выглядят не очень красиво. Вы должны приходить ровно-ровно, не опаздывая ни на секунду. Поняли?

— Да, я все понял. — Иногда дополнительные дела вне Центра требовали от него задержки. Сейчас дела вне Центра фактически завершились, перейдя в дела Центра, поскольку предстояло выполнить задание директрисы. — Я не стану уроном вашему достоинству, — спокойно добавил Хор. — И благодарю за доверие.

Ли с легкой улыбкой покачала головой

— Благодарить рано. Степень моего доверия вы все равно увидите не сейчас.

Петляя по закоулкам, Раль ловко ковырялась правой рукой в протезе. Она уже привыкла на ходу приводить его в порядок после всех приключений. Это подкрутить, сюда добавить каплю особого раствора, чей состав известен только в Крылатом Мире, и обеспечить полную заглушку магии. На все уходило около пятидесяти минут, а в глухих переулках обычно не находилось людей, готовых с жадным любопытством созерцать биомеханизмы.

Разобравшись с протезом, Раль уверенно выбрала направление в сторону центра: здесь, в столице Объединенного Мира, она превосходно ориентировалась, избродив за время обучения в Центре одаренных уже половину города. В последний раз проверила свою полумеханическую руку и осталась довольна. Крылатый Мир умел хранить секреты. Как и три прочих — Грозовой, Облачный, Серебряный. Слившись в Объединенный, они остались отдельными частями, не способными организовать тесное взаимодействие. Главная причина заключалась в разности магии и технологий — все это блюлось в строжайшей тайне от других краев. Горделивое название Мира говорило само за себя: разные материки одной планеты, разные регионы одной страны, они выставлялись отдельными Вселенным.

В Крылатом шестеренки приделывались к живой плоти, образуя с нею симбиоз, в Серебряном творили чудеса из химических соединений, в Облачном гремели огромные механизмы на пару, в Грозовой их заставлял вертеться разработанный местными мастерами способ «поимки молний», как его называли, — особым способом выделенная энергия. Хор в ответ на расспросы пожимал плечами и напоминал, что оба напарника по рождению из разных краев и лучше не смешивать дела личные с делами общественными. В конце концов, сама Раль не очень-то распространялась о технологиях, заставляющих двигаться её левую руку.

В выделявшемся среди прочих здании Центра Одаренных уже приблизилось время общих занятий по краевым группам. Это значило, что «грозовики» шли в одно место, а «крылатки» — в другое, и тут уж для Раль не имело значения, куда и зачем двинется её группа. Основные занятия по профилю неизменно проходили мимо. Такую установку дал с самого начала названный отец, глава фамилии, придерживаясь все того же правила скрывать магические и технологические секреты, которые хранила в себе её механическая рука. Рондер Мистераль пригрозил, что если Раль ослушается, то может вообще вылететь из Центра Одаренных и отправиться работать горничной или посудомойкой. Этого она позволить себе не могла, до сих пор мечтая о возвращении дара, за которым следовало возвращение к семье.

Тем не менее, отсутствие ученицы в Центре могло повлечь за собой неприятности. Поэтому она чинно явилась в оное здание, мелькнула перед знакомыми людьми в коридоре, неторопливо прошла мимо Марджорис, занимавшейся Крылатыми, и уже не получила на свою голову никаких выговоров. Злостное нарушение традиций само превратилось в традицию, и с ним уже все смирились. Если Марджорис и вызывала к себе непокорную в некоторых вопросах ученицу, то только для того, чтобы её понять. Раль упрячилась лишь в тех случаях, когда не существовало другого выбора. И ей порой было очень неудобно, особенно перед Хором, который за неё волновался, однако она боялась, что он её не поймет.

Все профильное занятие Раль просидела в пустой комнате группы за книгой. Впрочем, страницы переворачивались где-то в другой реальности, а сама она, словно влившись в кольцо памяти, существовала в прошлом, заново переживая случившееся, заново осознавая это. Новый риск опять принес победу. Везение продолжалось — выходит, оно действительно было знаковым, предвещало изменения в жизни, самые лучшие, какие только могли произойти. Это явление не объяснялось наукой, практичный Хор не стал бы воспринимать его всерьез, но Раль верила, что оно не лжет. А значит, вполне возможно, что совсем скоро к ней вернется её магия...

В коридоре послышался стук шагов, сопровождаемый возгласами, и один из них явно принадлежал Верелле из группы номер три, а значит, все двигались сюда. Хор посидел бы и чинно подождал, пока обстоятельства соизволят проясниться, но Раль была другой, и она поспешно подбежала к двери и чуть приоткрыла её. По коридору двигались одnogруппники, четверо что-то несли... вернее, кого-то.

— Зашибло! — послышалось горестно общим воплем выражения беды, и Раль даже не поняла, кто именно это воскликнул.

Зато поняла, что сейчас в комнату внесут мертвеца.

Синди Хассен, бойкая и острая на язык девушка, которая, как и Хор, путешествовала из одной группы в другую, прежде чем попасть сюда. Когда-то живое, выразительное лицо Синди теперь было бледным, почти что фарфоровым, и Раль сделалось жутко от его вида. Балансируя на краю, не мысля в последний год жизни без опасностей, она боялась чужой смерти, смерти не врага, а друга, хорошего знакомого или просто человека, за свою жизнь не причинившего никому страшного зла. Потому Раль и застыла, глядя, как в комнату группы вносят уже похолодевшую Синди со спокойным выражением, какое раньше появлялось на её лице крайне редко.

— 3-зашибло? — шепотом спросила Раль.

— Механизм на практике обвалился, — подрагивающим голосом ответила Верелла. — Она слишком близко стояла...

— А другие? — шепот стал ещё тише.

— Другие все целы.

Синди уложили на два стола, предварительно сдвинув их вместе, и вся группа быстро хлынула обратно в коридор: находиться рядом с мертвой не хотелось никому.

— Останешься здесь, подождешь службу порядка, — произнесла Верелла в таком темпе, что Раль едва разобрала слова и не успела возразить. Напавшая робость сковала язык вместе с мыслями, и она лишь растерянно смотрела вслед спешащим одноклассникам. Конечно, ведь у них продолжатся занятия, а человека, который постоянно пропускает профильные, можно и оставить...

Затихли торопливые шаги в коридоре, и в почти пустую комнату холодящей дымкой проползла тишина. Адилунд Раль всегда любила тишину. И всегда боялась смерти.

Синди лежала на столе, неестественно неподвижная, побелевшая... Никаких внешних жутких признаков: ни крови, ни изломов тела, ни гримасы боли. Просто отчужденное мраморное спокойствие ушедшей души, и это пугало больше всего. Закрытые глаза смотрели смертью.

Пальцы Раль нервно мяти край платья — темно-зеленого форменного платья с более светлого тона рукавами и тугим воротником, почти такого же, в какое была одета и Синди. Это осознание заставило вздрогнуть. Такая же ученица этого проклятого Центра, такая же беспокойная, такая же стремительно шагающая по этим коридорам в такой же форме, такая же кривящая губы при напоминании о дисциплине, такая же живая. А теперь — умершая. И Раль казалось, что она стоит возле того самого порога, за который ушла Синди, и он находился слишком, слишком близко, готовый в любой момент принять в себя ещё одну душу.

Она закрыла глаза. Успокоиться. Хор говорил о каком-то методе, но это было так давно, и сейчас все вылетело из памяти. Раль трясла мелкая дрожь, и, несмотря на плотно сомкнутые веки, впереди все равно виднелся неживой взгляд Синди.

По коридору снова застучали шаги, уверенные, быстрые, четкие — и эту походку она узнала моментально. Марджорис Амитале Ханненсдон, занимавшая всеми учениками из Крылатого Мира и завоевавшая среди большинства подопечных нелюбовь. Эти строгие звуки внезапно помогли взять себя в руки: Раль в одно мгновение собралась, приняв застывшее невозмутимостью выражение лица, а мысли выстроились четким порядком, ориентируясь лишь на то, что предстояло в ближайшее время. Эмоции спрятались под твердым слоем обязательства быть спокойной.

Шаги Марджорис сопровождалась едва слышным перестуком чьей-то ещё походки: скорее всего, она принадлежала человеку из службы порядка, которому предстояло заниматься этим делом. Они двое остановились возле двери, не заходя внутрь, и зазвучал резковатый голос Марджорис:

— Она там. Про все обстоятельства вам расскажут, там должен быть кто-то из учеников. Простите, но я спешу, потому что надо разобраться со всеми последствиями на учебной станции.

— Да, конечно. Благодарю вас, госпожа Амитале, — ответил твердо её спутник, мужчина зрелых лет.

— Я надеюсь, что вы во всем разберетесь, господин Тровен, — произнесла она, и звук узнаваемой походки двинулся дальше по коридору, а в дверь негромко постучали.

— Разрешите войти? — спросил тот самый мужской голос.

— Д-да, конечно, — тихо ответила Раль. Голос внезапно перешел в тонкий сип, и фраза сделалась совсем неслышной, но её невидимому собеседнику хватило, и дверь мягко скрипнула.

Вошедший был среднего роста, затянутый в классическую черно-синюю форму службы порядка. Шел он совсем тихо, несмотря на решительные движения. В пепельных волосах уже серебрилась седина. Прищуренные глаза за один миг прощлись по комнате, выхватывая детали, а затем глянули на Раль. Лицо Тровена оставалось абсолютно невозмутимым, и с первого взгляда могло показаться, что он равнодушен ко всему происходящему, однако по легонько мелькнувшей заинтересованности стало ясно, что это дело для него не то рядовое, какое выполняют спустя рукава со скучающим выражением на лице.

— Добрый день, — поздоровался он, и Раль запоздало вспомнила о вежливости. Её хватило лишь на негромкое:

— Здравствуйте.

— Майор Тровен, сыскной отдел службы порядка, — отрекомендовался вошедший.

— Адилунд Раль, ученица Центра Одаренных, — ровно и без эмоций представилась она.

— Вы хорошо знали погибшую? — невозмутимый взгляд в сторону мертвой Синди. Раль чуть вздрогнула от такого спокойствия и тихонько ему позавидовала.

— Нет, мы не общались между собой, — уже быстрее произнесла она, желая поскорее все это закончить, однако понимала, что расспросы предстоят долгие. Перед ней явно находился человек, любящий свое дело и занимающийся им со всей тщательностью.

— Но вы видели, что происходило? — продолжал Тровен.

Ей стоило бы почаще отвечать на заданные вопросы без недоговорок, но последний год постепенно отучил от честности и прямоты.

— Я знаю, как это происходило, — тихо сказала Раль. — Вы ведь знакомы с устройством дирижабля?

— Подождите-ка, — нахмурил брови майор. — Я не совсем понимаю, при чем здесь это. Несчастный случай произошел на практическом занятии, однако в этот день группа занималась по профилю Крылатого Края, а не Облачного.

— Я не описываю то, что случилось сегодня, — покачала головой Раль. Её голос звучал почти что на грани шепота: она предпочитала говорить о серьезных вещах именно так. — Я озвучиваю свою версию. И начинаю с дирижаблей. Вам известно, что такое батерс?

Тровен кивнул, спокойно принимая такой ход разговора. Конечно же, он знал, что такое батерс, главная энергетическая деталь дирижаблей, обеспечивавшая согласованность действия магии и техники.

— На учебных моделях дирижаблей, применяемых здесь, батерс немножко отличается от классического, — речь Раль была почти тишиной и, к счастью, живой. На Синди она старалась не смотреть. — Наши «воздушные корабли» так и не взлетят. Если в обычных батерс при полете используется на высокой мощности, то у нас он применяется где-то наполовину, лишь для демонстрации. Эта «работа вхолостую» не предусматривается изначально конструкцией, и если она длится долго, то в механизмах могут возникать неполадки. Так что каждый вечер батерс снимают с моделей, чтобы прочистить и приготовить к следующему учебному дню.

Раль на мгновение замолчала, переключаясь с монотонной лекции на воспоминания и ощущения.

— Вы не учились здесь, — задумчиво, еле слышно произнесла она. — Так что вы не знаете, чем живут ученики Центра и что среди них считается особенно почетным. При спуске батерса присутствуют лишь те, кому положено его снимать, остальным строго запрещено в это время находиться при учебных моделях. Рискованно. Потому и привлекательно. Вы не видели, каким восхищением окружают человека, который видел спуск батерса, ведь это показатель смелости и удачливости. Синди захотела этого восхищения, и она его получила. Получила вместе с той энергией, которую не сумела удержать внутри себя: она выплеснулась во время занятия на механизм, что и вызвало обрушение.

— Выглядит логично, — оценил версию Тровен. Хотел, наверное, сказать что-то ещё, но замолчал, увидев, что Раль чуть поморщилась: её сбили с намеченной линии, и несколько хороших мыслей рассыпались серой пылью, не желая уже возвращаться.

— Синди могла бы справиться с этой энергией, но ей помешали, — все же зазвучал шепот. — Ей передали блокиратор, сказав, что он все сгладит, а он только усугубил. Тот, кто передал, хотел этой смерти. — Раль внезапно замерла, сама удивленная тем, что только что сказала. Она хотела не выходить за рамки обязанностей, но с удивительной легкостью выскользнула из них на волне предчувствий и догадок.

Тровен нахмурился и шагнул к Синди, повернул её левую руку запястьем вверх и мрачно глянул на голубую металлическую полоску, закрепленную в коже маленькими иголочками.

— Кустарная вещь, но до чего же ловко сделана, — он провел пальцем по блокиратору. — Вы видели, кто и как передал эту вещь погибшей?

Раль покачала головой.

— Нет, — она не меняла шепота. — Я просто знаю, что передали. Сегодня утром. Синди не собиралась применять дополнительный блокиратор, но ей предложили неплохой вариант, и она согласилась.

Тровен напрягся.

— Кто предложил?

— Я не знаю, — беспомощно развела руками Раль. — Просто история, хорошо это или плохо, имеет свойство повторяться.

Она задумчиво глянула на своё левое запястье с еле заметными следами от таких же дополнительных блокираторов. Три года назад они уже перестали иметь смысл, но маленькие красные точки остались на всю жизнь неприятным напоминанием.

— Вы имеете в виду случившуюся когда-либо ранее историю с нарочно подложенным человеку кустарным блокиратором, что привело к смерти? — попытался понять Тровен.

Раль вскинула голову.

— Я имею в виду старую мрачную легенду о демоне, который давал людям самые обычные предметы, становящиеся орудиями убийства или самоубийства.

— Почему вы так уверены, что произошло именно это? — Тровен не подавал виду, но он наверняка путался в словах собеседницы. Или не путался, а путалась она.

— Я Мистераль, хоть и ношу сейчас фамилию Раль, — это звучало уже громче. Фамилия «Мистераль» никогда не гармонировала с тишиной, а должна была звучать, петь, жить так ярко, как только могла. — Шесть лет назад весь Грозовой Мир говорил о Проводнике, человеке, воплощавшем собой того демона. Убийце, не совершившим ни одного убийства самостоятельно. Потом он погиб. А память осталась и никогда не изгладится. Я знаю, что Синди смотрела на спуск батерса, я знаю, что она подстраховалась и не могла

просто так оплошать с этой энергией, я увидела этот блокиратор и поняла, что Синди просто о нем ничего не успела узнать, потому и не сняла перед практикой. Дальше во мне говорят не факты, а то, что не зависит от фактов, но мне кажется, что вы придете к тому же выводу, что и я.

Майор Тровен медленно кивнул.

Его подпольная деятельность дала прекрасные результаты — такие, что впору было назвать себя везунчиком. Хор не ожидал доверия со стороны Ли Ханнесдон и ещё больше не ожидал, что его направят на расследование именно в том направлении, в каком он хотел работать. Тайны семьи Мистераль — ими, пожалуй, интересовались многие, тем более жители Грозового Мира, к которым относился в прошлом Мальс Хорана. Сейчас его местом жительства стала столица Объединенного Мира — как и у всех одаренных. Смешно, но это слово уже стало в их стране ругательством: ни то ни се, одаренный, и больше никакой пользы. Слово, взятое лишь для того, чтобы не звучало грубо, а на самом деле все они были бездарными. Почти. Мальс Хор не просто так мечтал об изменении всего, он мог подняться наверх, но оставался в самом низу, потому что иначе не мог выполнить важнейшего дела, к которому готовился десять лет.

Может, в семье Мистераль существовало и не так много секретов, может, Ли Ханнесдон не так уж рвалась их узнать. Вряд ли Раль интересовала её сильнее интриг в Центре. В первую очередь это задание служило проверкой кандидату в тайные помощники директрисы. Пару раз мелькали мысли, что семейство Раль прячет в шкафах скелетов не больше, чем все прочие фамилии, а странности имеют логичное и тривиальное объяснение, просто о нем не стало известно всему миру. Однако задача состояла в том, чтобы узнать как можно больше, чтобы показать, как много он умеет узнавать.

Хор шел по улице Квемеры, заполненной паром и шумом сердца Объединенного Мира. Сотню лет назад маленький город, во время войны она стала островом спокойствия, стремительно расцвела и сделалась в итоге столицей всего огромного государства — по сути, центром половины планеты, которая поделилась на две части: Объединенный Мир и Островной, или же просто Острова, занимавшие один из четырех материков. С Островами, так и не признавшими глобальное государство, долгое время велась война, но сорок лет назад стороны заключили мир и совершенно отдалились друг от друга.

За не слишком долгий срок, проведенный в звании столицы, Квемера немало выросла, втягивая в себя близлежащие города и деревни, дымя по окраинам заводами, шумя автомобилями, поездами и дирижаблями. Совсем молодая, она, в отличие от столицы Грозового Мира, не имела старого центра, более спокойного и величественного. Квемера была воплощением нынешнего волнительного, суетливо мчащегося вперед и вверх века, а кусочки старины давно спрятались среди сверкания и мелькания всего нового. Улицы почти что с самого начала строили и мостили для того, чтобы по ним ездили не только лошади и телеги: автомобили давно перестали быть редкостью для столицы, хоть и владели ими только обеспеченные люди. По центру ходили громоздкие пневматические трамваи, в южных районах, где преобладали холмы, использовались канатные.

Поскольку именно в столице располагался Центр, то Хор знал многие её уголки: за время своей одаренности сумел изучить, благо память всегда была хорошей. После всех хождений, прогулок, бегов и приключений какие-то места стали неприятными, какие-то — даже пугающими, но в целом он любил этот бурный город. Здесь находились главные

учебные заведения для наследников наиболее известных фамилий, однако Мистерали, хоть и жили во всех Мирах, учились только в Грозном.

Хору потребовалось двадцать минут, чтобы дойти от любимейшего Центра до скромного здания Академии Культуры, окруженного кирпичной оградой, в некоторых местах оплетенной диким виноградом. Поскольку даже чиновники из правительства признавали в деятелях культуры романтически настроенных личностей, здесь имелся сад, которому, впрочем, доставалось от всех технических аспектов планировки города.

Неподалеку от Академии пыхтели негустым дымом трубы завода дирижаблей, работавшего преимущественно на топливе с примесью магии и оттого не мешавшего жителям, но все северные растения покрывались в таких условиях желтоватым налетом, и удобрения мало помогали. От аварий того же завода, уже ставших привычным явлением, в землю уходили разные вещества с частицами магии, и нередко все это впитывали цветы и деревья. Поэтому сад был не идеальным местом для получения вдохновения, но других поблизости точно не удалось бы найти. Несмотря на все неудобства расположения, он стал маленьким прекрасным уголком столицы, но пускали сюда только учителей, учеников и тех, кто имел к ним серьезные дела.

Хор имел такое дело к одной из учениц, правда, предпочитал его скрывать, так что для разговора пришлось придумать другой повод. Здесь, в Академии, жила и училась сейчас Илана Кровиндаст, родная дочь Рондера Мистералия, сводная сестра Адилунд Раль. В своем плане встреч с представителями почтеннейшего семейства Мистераль Хор поставил на первое место именно Халану, поскольку поговорить с ней, не раскрывая своих намерений, было проще всего. Учеников Академии Культуры не учили притворяться и лгать — наоборот, наиболее явно демонстрировать чувства через искусство.

Хор не собирался заявлять всем сразу о том, что он изучает Мистералей и все, что с ними связано. Существовало прикрытие сегодняшнего похода: ему якобы требовалась встреча с представителем Мистералей в Квемере по поводу Раль, однако Хор не знал этого представителя и пытался выйти на контакт с ним через Илану.

Возле ворот Академии стояло двое драгун в парадной форме. Это была традиция — с тех времен, когда именно в этом маленьком здании размещалась резиденция короля. Размещалась, надо сказать, не более трех недель. Через некоторое время королевская власть перестала существовать, во главе страны стали четверо Эссентессеров, однако солдаты, охранявшие Академию Культуры, вместо обычной формы продолжали носить парадную драгунскую.

— Вы чей гость? — строго спросил один из них у Хора, в то время как второй, улыбаясь, беседовал с молоденькой девушкой.

— Не имею приглашения, но мне необходима встреча с Иланой Кровиндаст по поводу представительства Мистералей в Квемере, — неторопливо ответил Хор, замечая, как поскущало лицо собеседника.

— Ваше имя?

— Мальс Хор, из неопределенных, — он предпочитал говорить «неопределенные», а не «одаренные».

— Проходите, — кивнул драгун и бросил взгляд в сторону высоких домов: где-то между ними пряталась старая часовая башня, которая звонила каждые пятнадцать минут. — У вас не больше часа, иначе — штраф.

Такие правила действовали фактически во всех центрах обучения наследников знатных

семей, так что Хор не удивился строгости и, поблагодарив, прошел на территорию Академии.

Выложенная розовыми и белыми камнями дорожка вела вдоль изящных клумб к центральному входу. Цветов тут было много: на клумбах, в вазонах и подвесных горшках. Среди невысоких кустов и ровно подстриженной травы прогуливалось несколько людей, трое с этюдниками сидели на небольшом расстоянии друг от друга, а дальше от них бил фонтан, увенчанный склоненной женской фигурой. Был слышен негромкий щебет местных птиц.

На минуту задержавшись возле ворот, Хор зашагал дальше, к центральному входу, и тут сзади послышался быстрый топот и сопение. Его обогнал паренек лет пятнадцати с выщипанными волосами до плеч и озорными глазами.

— Вам же к Халане, да? Я провожу, — выпалил он.

— Вы здесь учитесь? — Хор соблюдал классическую вежливость. Он мог говорить «вы» и младенцу.

— Ухаживаю за садом, — сообщил паренек. — У нас тут больше девушек, чем мужчин, — это он произнес со снисходительностью, явно относя себя к настоящим мужчинам, — так что всю работу ученики выполнить не могут. Вот я и помогаю в свободное время.

— В свободное? — приподнял бровь Хор, продолжая идти медленным шагом. — Значит, учитесь? Или работаете?

— Учусь, — ответил проводник. — Но... это не важно, в общем, — он со смехом махнул рукой. — Не вашего размерчика эта «академия». Но в саду я работать люблю: сколько бы ни нервничал — успокаиваешься. Мое имя Чармэл. Чармэл Хусту, я младший брат госпожи Хусту, которая предподает пение.

Возле самого входа он потянул Хора по другой дорожке влево.

— Обойдем — и с черного, — подмигнул Чармэл. — Здесь не очень любят, когда ходят в учебное время с центрального. Да и через него дольше. Здание старое, ему почти столько же лет, сколько Квемере, и иногда в переходах можно запутаться. Хотя не так, как в «задире», конечно.

— В «задире»? — поинтересовался Хор.

Они шли возле самой нежно-голубого цвета стены, украшенной лепниной, и направлялись, видимо к неприметной темно-синей двери.

— Ну да, «задира», — Чармэл хихикнул. — Завод дирижаблей. Мы все его так зовем.

— Мы — это кто?

— Те, кто там работает или проходит обучение. Я вот учусь, чтобы потом устранять все аварии и спасать наш чудесный сад. Потому и пошел на завод. А как выдастся свободное время — сразу сюда, в «кулек», то есть в Академию Культуры, к сестре и яблоням. Яблони я очень люблю, — пояснил Чармэл.

Чуть не заглушая его, из открытого окна послышалось звучание хорового пения. Проводник заулыбался. Да, ведь его сестра как раз преподавала пение.

— Нам сюда, — указал Чармэл на ту самую темно-синюю дверь. — Да, кстати, не вздумайте называть при ком-то из наших Академию «кульком». Обидятся. Это привилегия тех, кто здесь учится или работает, а вы вроде как посторонний.

— Хорошо, не буду, — кивнул Хор.

Ему вдруг подумалось, что такие грубоватые, но добрые названия вроде «задиры» и

«кулька» люди придумывают лишь тому, что действительно любят, и потом произносят их с гордостью, считая, что это не принижает, а наоборот, повышает авторитет учебного заведения. Центру Одаренных Хор мог бы придумать кличку, но она звучала бы просто оскорблением. Для него не нашлось своего «кулька», и бывший наследник семьи Хорана стал одиночкой.

За дверью оказалась лестница с совсем низкими ступенями, так что можно было без лишних усилий одним шагом преодолевать сразу две. Чармэл вообще прыгал на три. Они поднялись на второй этаж и через дверь из светлого дерева прошли в пустой и тихий коридор. Сделав буквально пять шагов, жизнерадостный проводник свернул направо, к невысокой двери с номером сто семнадцать.

За ней было совсем узкое помещение, явно подсобное: два ряда шкафов и узкий проход между ними, в данный момент загороженный открытой дверцей одного из шкафа.

— Обратно сами дойдете, — сообщил Чармэл и шмыгнул в коридор.

За дверцей усиленнее зашуршали и завозились, а затем она с неприятным скрипом закрылась, и Хор увидел того, к кому его привел Чармэл. Это однозначно была не Халана Кровиндаст. Молодой человек лет двадцать-двадцати пяти. Русые с рыжеватым отливом волосы, зачесанные вверх, юркие темные глаза и идеально ровная осанка. Он стряхнул с рук белую пыль, похожую на мел, и протянул Хору ладонь.

— Эвальд Мистераль. Наследник, а заодно и представитель семьи Мистераль в Квемере.

===== Глава 2. Недослышанное =====

Хор просчитался, думая, что если наследник Мистералей находится в столице, то информация о нем обязательно где-нибудь проскользнет — в газетах или в разговорах различных представителей знатных семей, а их в Центре хватало. Он решил, что предложит Халане связаться с родными, якобы желая что-то сделать для Раль, и ожидал получить отказ. Полноправный представитель Мистералей, с дружелюбным видом протягивающий ладонь и готовый помочь, в эту комбинацию совсем не вписывался.

— Мальс Хор, — Хор ответил рукопожатием, не стремясь скрыть свое имя после того, как уже назвал его охране.

— Можно сказать, земляки, — лицо Эвальда просветлело. И вряд ли он насмеялся.

— Увы, но я принадлежу Квемере, — ровным тоном произнес Хор, слегка напрягаясь из-за столь светлого настроения собеседника, который вообще-то должен был его заподозрить в неясных делах со своими названными сестрами.

— Я — тоже, — по-прежнему приветливо сообщил молодой Мистераль, небрежным жестом поправляя на плече темно-красный жилет, из-за чего на дорогой ткани остался едва заметный белый след. Его одежда хоть и была сшита в ателье, но практически соответствовала форме Академии Культуры: классический комплект из брюк, совсем новой рубашки и жилета с одним-единственным карманом, только эмблемы учебного заведения не хватало. Видимо, таким образом Эвальд старался не выделяться среди учеников. — С этим представительством ничего не поделаешь, приходится сидеть здесь и практически ничего не делать. Да, кстати, чуть не забыл: вы ведь интересовались моей сестрой, да? Она вам нужна, а не представитель нашей семьи? И зачем же?

Хор задержался с ответом на три секунды, а Эвальд уже беззаботно махнул рукой:

— Не хотите — не рассказывайте, дело ваше. Правда, Илана сейчас на уроках, — его тон стал чуть ли не извиняющимся, — но через полчаса освободится, и тогда вы с ней поговорите. Прошу прощения, что влез в это, — да, наследник семьи Мистераль

действительно извинялся, хотя по всем правилам приличия просить прощения и объяснять надлежало Хору, — но мне было интересно, кто же захотел встретиться с моей сестрой. Если хотите, можете эти полчаса походить по Академии: здесь хватает необычных вещей, я покажу.

— Благодарю за любезность, но — нет, — сдержанно отказался Хор. Собеседник стал для него настоящей сенсацией: прочие наследники знатных семей так себя не вели. — Увы, полчаса для меня слишком много. Придется зайти в другой раз.

— Погодите! — воскликнул Эвальд.

Он шагнул к столу, подхватил лист бумаги и перо, открыл чернильницу и набросал несколько строк. Все это наследник Мистералей проделал стремительно и вместе с тем изящно, без шума и лишних движений.

— Вот, возьмите адрес. На этой квартире собираемся мы все вместе, Илана обязательно придет. Вы умеете играть на рояле? — внезапно спросил Эвальд.

— Да, — кивнул Хор, принимая сложенный вдвое лист.

— Тогда обязательно приходите сегодня в половину седьмого. Будем вас ждать. Дорогу до выхода найдете?

Раль сидела за столом, положив на него левую руку и внимательно глядя на красные точки, следы от блокираторов, выделяющиеся на бледной коже полумеханического предплечья. Пару сотен лет назад протезами называлось что-то полностью искусственное, однако умельцы-маги Крылатого Мира научились сочетать живое и неживое. Детали механизмов теперь с легкостью встраивались в организм, добавляя то, чего ему не хватало. Во многих случаях полностью заменять конечность не было смысла: просто заместо плоти кое-где вставлялся металл, и этого хватало. Раль знала одного мужчину, которому удалили гангрену на локте, а кисть, вполне живая, прекрасно работала, только нервные импульсы к ней поставлялись через провода протеза, подвижные магической энергией.

Где-то на середине предплечья Раль располагался четырехугольник фиолетовых пятнышек, «дар-родинок», как их называли. Точно такие же пятнышки красовались на кончиках каждого из пальцев правой руки. Контакт дар-родинок позволял управлять примитивнейшим блокиратором энергии, появлявшемся при рождении у каждого человека с начала веков. По этим пятнам и узнавали в новорожденных будущих магов.

Тысячу лет назад люди почти не использовали заложенные в них возможности. Выработывавшаяся внутри человеческого тела энергия по законам природы уходила в окружающую среду точно так же, как тепло шло к холоду. Те, кто имел дар-родинки, в конце концов все же догадались, что одним касанием можно закрыть движение магии и накопить её в себе, а вторичным касанием — высвободить. Начав с примитивных действий, люди постепенно научились выполнять множество сложных операций при помощи своей энергии. Однако природный блокиратор, управляемый дар-родинками, позволял накопить не так уж много. И вот наступил тот момент, когда человек впервые применил искусственно созданный блокиратор, названный ключом.

В разных странах развитие магической науки происходило по-разному, но наиважнейшую роль во всем играли именно блокираторы, позволявшие сохранить огромное количество энергии и затем направить её в верное русло. Раль в свое время перепробовала немало ключей, сделанных как в Крылатом, так и в Грозовом Мирах. Сейчас это уже не имело смысла, потому что магии не осталось, весь высокий потенциал, каким юная Адилунд

хвасталась названным сестрам и братьям, истощилась. Сейчас она могла выжать из себя совсем немного, коснувшись пальцами дар-родинок.

Не помог даже протез: наполовину металлическое предплечье, чьи механизмы призваны были восстановить выработку энергии в организме. Кисть и пять сантиметров запястья с дар-родинками и следами от ключей оставались живыми, поэтому рука работала точно так же, как и обычная, не доставляя Раль никаких неудобств в физическом плане. Но протез, металлическую часть руки от дар-родинок до локтя, приходилось проверять после взаимодействия с энергиями других Краев, и вообще он требовал заботы, а пользы не приносил. Однако она привыкла.

Давно растерявшая свой дар Синди не пользовалась дополнительными блокираторами, но при спуске батерса часть высвободившейся энергии впиталась в тело, и она, закрыв дар-родинковый ключ, принялась спешно искать методы сохранить доставшуюся магию, потому что та исходила от механизмов Облачного Мира и не могла долго задерживаться в теле человека, прибывшего из Крылатого.

Желая, видимо, применить для чего-то эту энергию, Синди с радостью ухватилась за тот предложенный блокиратор, чтобы не искать ценную вещь самостоятельно. Она могла не волноваться: хоть красивая голубая полоска из металла на предплечье и была прекрасно заметна, но «эрго»-украшения, точь-в-точь повторяющие ключи, носили многие. Пластинка, закрепленная на руке иголками или даже незаметной ниточкой: пока не снимешь, не отличишь безделушку от блокиратора.

Синди носила «эрго» не раз, так что подозрений не возникло ни у кого.

Никто ничего не заметил.

Никто ничего не понял.

А она умерла.

Два помощника майора Тровена унесли тело, и сам он ушел вместе с ними, пообещав, что ещё вызовет к себе ученицу Адилунд Раль для подробного разговора. А она осталась сидеть в пустом классе, вновь слушая тишину, теперь уже не кажущуюся такой мертвой, но все равно отдававшую неприятным ощущением случившейся беды.

Марджорис ничего не сказала Раль о дальнейших действиях. Марджорис вообще не зашла, и дело было в умершей. В Синди преподавательницу, отвечающую за Крылатых, раздражало буквально все: и походка, и насмешливый взгляд, и постоянно сыплющиеся с языка остроты, и неумное желание срывать дисциплину. Её шутки смущали и заставляли теряться большую половину одноклассниц. Синди Хассен умела убедительно издеваться, а вот шуток над собой терпеть не могла и всегда мстила. Могла оскорбиться так, что уходила из Центра прямо во время урока. Потом возвращалась с милой улыбочкой, но прощения не просила никогда.

До попадания в Центр Синди носила фамилию Аусхассен, а её представители имели немалое влияние в Облачном Мире, кроме того, отец строптивой ученицы был близко знаком с директрисой Ли Хан, потому-то излишне самостоятельная «одаренная» и продержалась здесь... до самой смерти. Раль не знала, кому понадобилась эта смерть. Читалось в ней нечто жестокое, не вписывающееся в обычные мотивы преступлений. Вряд ли Синди имела серьезных врагов, которые пошли бы на столь странную комбинацию... В чем же тогда причина?

Раль уже мечтала пойти на профильное занятие, лишь бы не переваривать в одиночестве случившееся, однако к месту приковывал долг. Некоторые секреты не следовало

знать преподавателям из Центра Одаренных, даже Ли Хан, будь она трижды замечательным, дружелюбным и надежным человеком. На первом же профильном занятии Марджорис добралась бы до исследования её механической руки, а это сильно бы навредило Рондеру Мистералю и его брату, который жил в Крылатом Мире и занимался разработками в области протезирования.

В дверь осторожно постучали.

— Войдите, — произнесла Раль гораздо громче, чем полчаса назад Тровену.

В комнату шагнул парень лет двадцати, совершенно не вписывающийся в строгую обстановку Центра. Выбритая голова, черная рубашка, черная жилетка, ярко-красные брюки и красный же рисунок в виде зигзага на левой щеке. Такого ученика выгнала бы за дверь даже добрая Ли Хан — мыться и приводить себя в приличный вид. Впрочем, на лице нежданного гостя не читалось никакой дерзости — наоборот, в взгляде промелькнуло смущение. В руках он держал шляпу-котелок и старательно её мял, пытаясь, видимо, унять волнение. В общем, поведение и одежда составляли полную противоположность.

— Здравствуйте, — негромко произнесла Раль.

— Добрый день, — быстро ответил он и буквально впился в неё взглядом, изучая каждую черточку. Затем выдохнул. — Что с Синди?

— Вы имеете в виду Синди Хассен? — бесцветно прозвучал абсолютно бессмысленный вопрос.

Парень кивнул.

— Представьте, пожалуйста, — попросила Раль. Просто так рассказывать о смерти незнакомому, стороннему человеку она не хотела.

— Трэйгл Швэс, — его голос зазвучал увереннее. — Я её муж.

Брови Раль чуть приподнялись вверх, и она не успела открыть рот, как сразу же последовало уточнение:

— Мы поженились три месяца назад. Оба совершеннолетние, разрешение от Центра и глав фамилий в наличии, — Трэйгл произнес это механическим тоном — видимо, уже не раз повторял, когда люди вот так вот удивлялись.

— Значит, вот как, — медленно произнесла Раль. Она не умела правильно успокаивать людей, поэтому просто сказала: — Она умерла. Несчастный случай.

Трэйгл отшатнулся от неё, словно увидел перед собой что-то ужасное, а затем бегом выскочил из комнаты. По коридору загрохотал звук его шагов. Надо же, у Синди уже был муж, не менее выбивающийся из строгого порядка, но, наверное, любящий эту упрямую и острую на язык девушку. Теперь она умерла. А он жив.

Раль уронила голову на руки. Ну почему все сложилось так, что она не могла пойти на профильную практику?

Торговлей и доходами Хор не интересовался. Бросаясь в авантюры, он всегда делал это ради какой-то важной цели, которая стоила риска, и обогащение в список подобных целей не входило никогда. Недостатка в деньгах испытывать не приходилось: Центр Одаренных выплачивал ученикам сумму, которой хватало на все необходимое. Некоторые, так и не отвыкнув от красивой жизни, неразумно тратили эти средства и потом жаловались на тяжелые условия. Хор же сразу отделил для себя прошлое от настоящего, задвинул на самую дальнюю полку излишнее чувство собственного достоинства, а вместе с ним — и память о положении возвышающегося над всеми наследника известной фамилии. После этого стало

гораздо проще надевать неказистую дешевую одежду и самому зашивать в ней дырки, ходить по грязным улочкам рядом с людьми, занимающими низшую ступеньку социальной лестницы, просить, а не приказывать, быть готовым к отказу и осознавать, что в твоей жизни все зависит только от тебя.

Он готовился к этому ещё с десяти лет, когда понял, что не желает вписываться во всю систему воспитания и обучения детей из знатных семей. Конечно, тогда ещё сохранялась надежда, что удастся подобрать себе удобную жизненную стезю, не совпадающую с гороскопом. Три года назад все окончательно прояснилось, и Хор сделался Хором, а столица приютила бесталанного гостя из Грозового Мира.

Довольно быстро он сумел приспособиться к здешней жизни, изучил весь северо-восточный район Квемеры и завел несколько полезных знакомств. Учился средне, ни за чем не гнался, в отличие от большинства одноклассников, мечтающих так покинуть ненавистное учебное заведение. Хор не стремился приткнуться к какой-нибудь семье, его больше устраивало провести лет эдак пять-десять в Центре, сколько бы нелюбви тот ни вызывал, а потом, сделав все запланированное, попробовать начать собственный путь.

Первый год потратился на наблюдение и освоение, а затем неожиданным подарком явилось обращение одного из крылаток-одаренных, занимавшегося не совсем законными делами. Поскольку Хор показал себя как человека, не особо ценящего закон и государственную систему, то именно его и пожелал видеть своим заместителем Парвель, входивший в группу контрабандистов, но получивший новую фамилию и вынужденный вернуться обратно в Крылатый Мир. Он служил последним звеном в цепочке торговли кольцами памяти: несколько человек прятали их среди груза одного из кораблей, совершающего регулярные плавания до Тридоне, квемерского порта, а затем уже один из матросов, мирно отдыхая в таверне до отплытия, передавал приходящему туда Парвелю коробочку с контрабандой.

И теперь заняться этим предстояло уже Хору, который прошел несколько проверок от покидающего Квемеру авантюриста, и по их итогам остались довольны оба. Парвель — потому что избежал неприятностей, оставив всю систему в рабочем состоянии. А Хор — потому что ему требовался контроль над всеми попадающими в Квемеру кольцами памяти, чью судьбу приходилось тщательно отслеживать после продажи. Вообще комбинация со вступлением в контрабандисты выглядела чистого рода везением, свалившимся на голову просто так и оттого очень подозрительным. Возможность держать в руках большинство переправляемых сюда колец — при том, что его как раз интересовали эти кольца. Впрочем, «интересовали» — это было ещё слабо сказано, именно они служили главным ключом к тому делу, которое предстояло выполнить в первую очередь и ради которого Хор в свое время отказался от всех привилегий положения талантливого Ричарделя.

Парвель уехал в свой Крылатый Мир, а неделю спустя в комнате общежития обнаружилось письмо, гласившее, что получателю сего надлежит прийти в пять часов к памятнику Фэйна Эссентессера, дабы прояснить все нюансы договора об участии в поставке колец. Хора это не испугало, поскольку Парвель об этом предупреждал: теневая, незаконная жизнь Квемеры строго регулировалась людьми, которые так себя и называли — тени. Если длинно и более секретно — те, кто ходит в тени. Красивые иносказания с немалой примесью символизма они любили: Хору это слегка мешало, но он не возмущался.

Контрабандистов, находящихся под покровительством таинственной организации, именовали свободными торговцами: они не обременяли себя необходимостью платить

некую сумму теням или как-то помогать им, просто не преступали принятых там правил, а взамен получали гарантию того, что ни один человек из организации не станет на них нападать.

— Те, у кого есть мозги и осторожность, а также нет достаточной наглости, — цедил тогда переговорщик-тень новому свободному торговцу, — вас не тронут. Прочие же поставят себя вне нашего закона. Нет, мы не станем им мстить из-за вас, но вы имеете полное право прикончить их, как последний сброд, и организация только одобрит это. Однако с полицией в любом случае разбирайтесь сами.

Ещё спустя неделю прибыл корабль из Серебряного Мира, и Хор смог получить первую партию колец. Он волновался, и все же дело прошло благополучно, а вскоре кольца перекочевали к торговцам из тени, пообещавшим, что о судьбе товара они проинформировать смогут.

И — потекло, пошло, постепенно прокладывая четкую колею. Хор осознавал, что действует против закона, но не беспокоился из-за этого. Во-первых, контрабанда не вредила никому и ничему, кроме, пожалуй, полной уверенности Серебряных в том, что их секреты самые лучшие и никогда никому не достанутся. Во-вторых, все это он проделывал ради серьезной цели, которая умудрилась быть ещё и благой. По крайней мере, для некоторых.

Через два месяца Хор впервые убил человека. Даже двух. Они вообразили, что неопытный торговец не сможет дать отпор, однако он сначала выстрелил по ногам, а потом и в голову, чтобы не создали шума. И хотя было жутковато нажимать на спусковой крючок, но Хор убедил себя в том, что избавляет столицу от действительно опасных, не подчиняющихся элементарным правилам людей, ведь они игнорировали даже теневые законы. В тот же вечер опять пришел вызов от организации, и его расспрашивали о случившемся, а потом мирно отпустили, сказав, что так и надо было поступить. Ещё спустя пару месяцев к опасным незаконным приключениям присоединилась Раль.

Они познакомились на общем занятии. Хор помнил, как тоненькая невысокая девушка с длинной косой темных волос, кончик которой она постоянно теребила, и большими зелеными глазами, в которых, на удивление, читалась искренность, доказывала преподавателю свою точку зрения. А говорили они как раз о системе образования и её нюансах. Впоследствии Хор ещё не раз встречал людей, не собирающихся выкладываться на полную или со всем соглашаться с учителями, но Адилунд Раль была первой. После урока они разговорились, и у неё оказался необычайно тихий и спокойный в обычное время голос.

— Я ведь не хотела спорить-то, — произносила Раль негромко и ровно, и не хотелось её просить, чтобы повторила звучнее. — Как будто оно мне нужно, самоутверждаться, показывать, какая я тут несогласная. Нет. Но я видела их лица — и вы видели, они же сидели и слушали это как великую истину. И потом надолго затвердили бы неправду. Я не могла оставаться в стороне, вот и выступила.

Обоих мотало по разным группам, но знакомство постепенно переросло в крепкую дружбу. Женихом и невестой их прекратили называть уже к концу первого учебного года, но поняли, что эта парочка расходиться не собирается. Казалось бы, что могло привлечь двух настолько противоположных людей? Хором двигал трезвый разум, Раль нередко руководствовалась чувствами. Он мог лукавить, изворачиваться, изображать приветливость по отношению к людям, которых ненавидел. Она долго не соглашалась на ложь, если считала цель недостаточно оправдывающей это средство. Он был необычайно практичным, она любила тишину, чтобы подумать обо всем на свете, не обязательно полезном.

Они во многом различались, становясь похожими лишь тогда, когда в Раль просыпалось её упрямство, — но ведь сошлись. В первую очередь из-за отношения к Центру Одаренных и его методам обучения. Кроме того, Адилунд оказалось прекрасной собеседницей, начитанной и владеющей многими темами. С ней было приятно проводить время: Хор отдыхал рядом с человеком, который не стремился скрыть св чувства или надавить на собеседника, чтобы что-то у него выпросить. Раль нравилось дружить бескорыстно, она привыкла так дружить, а Хор постепенно учился у неё этому. Окончательно близки они стали после того, как Ли передела свое имя в Ли Хан, и по ей примеру Мальс превратился в Хора. Адилунд поддержала его и навеки сделалась Раль: он знал, что будет называть её так, даже если она уйдет в другой Мир с другой фамилией.

Совмещать добросовестную учебу и деятельность контрабандиста оказалось не так уж и просто, и Хор решил, что ему в этом деле необходима напарница. Раль оказалась самым подходящим вариантом. Правда, первый год она немного робела, зато вот потом начала свои вызовы судьбе. Судьба пока принимала их без раздражения, но могла и обидеться.

Полной тайны из своих теневых занятий Хор делать не мог, отдавая себе отчет в том, что некоторым вышестоящим людям эти мелочи прекрасно известны, ведь они тоже сотрудничали с организацией, получая от неё немало полезной информации. Теперь выяснилось, что к теням имеет отношение и Ли. Это не особо удивляло, ведь директриса была далека от идеала начальницы учебного заведения.

Ли Ханненсдон стала во главе Центра уже около шести лет. Когда Хор впервые её встретил, он уже знал, что к этой даме стоит относиться со всем вниманием. Невысокого роста, с семенящей походкой и изящными маленькими ножками, обутыми в неизменные черные туфли, директриса выглядела привлекательно, дружеским отношением отыскивая нужный подход к людям. Ли нередко появлялась среди учеников, чтобы сделать важное объявление, но никогда не выступала, если приходилось извещать одаренных о каких-либо негативных вещах. Таким образом её появление практически у всех стало ассоциироваться с хорошими событиями, а о плохих сообщали прочие преподаватели, с которыми у учеников и так имелись натянутые отношения. Директриса не вела уроков, не устраивала воспитательные беседы, вообще не входила в близкий контакт с одаренными, соответственно, не проявляя перед ними никаких отрицательных черт.

В общем, Ли Ханненсдон возвышалась над прочими преподавателями, как королева цветника учеников, не возделывающая землю, не остригающая кусты, не выдергивающая сорняки, но светлая и прекрасная, где-то вдаль от всех раздающая указания и появляющаяся среди сада яркой бабочкой, радующей глаз. Это было по-своему мудро. Ведь в Центре появился хоть один преподаватель, которого одаренные уважали и даже любили. Подчеркнутый контраст между доброй директрисой и строгими учителями позволял ей добиваться большего благодаря мягкому поведению и доверию к ней со стороны учеников. Особенно хорошо это действовало на тех, кто упрямылся только ради того, чтобы упрямиться.

Хор к этому разряду не относился — впрочем, как и Раль. Они оба упирались лишь тогда, когда имели на это веские причины, и сама Ли в таких случаях понимала, что ничего не сможет сделать, а потому не вмешивалась, дорожа своей репутацией доброго духа Центра Одаренных, а с непокорной ученицей, не желающей посещать профильные занятия, по нескольку раз в месяц говорила Марджорис Амитале Зорренд, отвечавшая за Крылатых.

Ли имела обширные связи среди высших и низших кругов. Фамилия Ханненсдон

означала её принадлежность к сфере образования, но магическим даром она похвастаться не могла и вообще не происходила из какой-либо знатной семьи, однако среди семи высших фамилий Объединенного Мира директрису уважали. Она наверняка проворачивала некоторые интриги со своими учениками и их родственниками, и потому Хора не удивляло, что она контактировала с тенями.

Но среди одной семьи Ли не удалось получить осведомителей. Мистерали оставались закрытыми, и именно потому Хор получил сейчас задание выведать побольше о них. И главным источником сделался Эвальд, совершенно непонятный, дружелюбный и наверняка скрывающий за открытостью нечто серьезное. Сейчас, даже если не считать задание Ли, Хор хотел прийти на этот званый вечер, поскольку наследник семьи Мистераль очень его интересовал.

Впервые за последний месяц Эвальд решил провести совместный вечер, и Хемену, конечно же, позвали. Она сначала не очень хотела идти, но названный братец пообещал нового гостя, сведущего в истории и музыке, и отказ плавно сменился согласием. Хемена с удовольствием присутствовала на таких вечерах, если было с кем поболтать о нежно любимой истории. Особенно о военной, но знатоки сражений прошлого отыскивались вне стен родной Академии редко.

Хемена Ричардель занималась совсем не тем безобидным делом, какому посвятила себя её младшая сестра Илана. Старшей из дочерей Рондера Мистералья с самого детства была уготована иная стезя. Военная.

Девушка в темно-красном платье, сшитом не по последнему писку моды, но где-то по предпоследнему — обтяг талии без корсета и вышитые узоры на груди. Маленькая черная шляпка, венчающая невысокую прическу завитых волос, рыжих на грани красного: пожалуй, самый яркий оттенок естественного цвета. Длинный кружевной зонтик в руке, неспешные движения, тихий голос. Можно ли в таком человеке заподозрить бойца? Можно ли предположить, что эта тонкая рука, любящая порой сверкнуть серебряными кольцами, будет писать приказы, которые армия беспрекословно исполнит? Лет сто назад она вызывала бы у всех изумление, но нынешний Объединенный Мир с легкостью допускал подобные противоречия.

Составленный при рождении гороскоп и проявившаяся буквально во младенчестве тяга к мальчишеским занятиям предопределили судьбу Хемены. Она начала в подробностях изучать искусство ведения боя, и Грозовой Мир определено ждала женщина-командующий, вышедшая из семьи Мистераль. Она гордилась своим положением, своими знаниями, своими успехами в Академии, своими способностями. И считала, что достигла большего, чем названный брат.

Эвальд Мистераль родился в Облачном Мире, но гороскоп и сложившиеся обстоятельства сделали его наследником Рондера Мистералья. Подобные перестановки давно принимались как должно в Объединенном Мире. Каждый высокопоставленный родитель знал, что, возможно, ему придется передать ребенка тому, кто обучил бы его лучше, чем специализирующиеся в другой области родные. Детей строго распределяли по способностям. Тех, кто оных не имел, либо отправляли в Центр Одаренных, либо использовали для заключения браков, объединявших разные семьи.

Лет в одиннадцать Эвальд получил фамилию Мистераль и очутился в Грозовом Мире, где царили представители его новой родни. До двадцати лет он проходил обучение у

названного отца, Рондера Мистералья, и жил вместе с его дочерьми. Впрочем, они все тоже быстро разлетелись из родного дома, отправившись в столицу в различные Академии. Старшая, Хемена, готовилась стать военной, младшая, Илана, занялась живописью, и лишь средняя, Виорди, осталась рядом с матерью, ожидая брака с кем-либо из Грозового Мира. Адилунд Мистераль, ныне именуемая Адилунд Раль, была, как и Эвальд, лишь названной родственницей, воспитанницей, но гороскоп и оценка её талантов оказались ошибочными. Попав в семью в четыре с половиной года, она не оправдала надежд отца и в возрасте семнадцати лет оказалась в Центре Одаренных с неопределенным талантом.

С Хеменой они мало дружили ранее и редко виделись сейчас. На совместные вечера, куда Эвальд для двух названных сестер, причем больше для Иланы, приглашал разных интересных людей, Адилунд не приходила. Встречалась она только с Эви — и то не чаще раза в неделю, явно решив отгородиться от Мистералей.

Эвальду повезло с характером: необычайно легкий на подъем, он без труда переносил все кардинальные изменения в жизни. Казалось, для этого человека вообще не существовало чего-то, что могло бы привязать его к себе на длительное время. Названный брат интересовался всем одновременно, почти не расстраивался из-за неудач и мог спокойно бросить начатое дело, если на горизонте назревало нечто более любопытное. Ветренный, да. Ветренный математик. Ветренный финансист.

Эвальду все давалось без особых проблем. Педантизмом он никогда не страдал, но решал поставленные задачи качественно и скучал от перспективы долго и нудно работать с документами. Рондера это не смущало: он считал, что если дать Эви хорошего секретаря, то из наследника получится идеальный глава семьи Мистераль.

Эвальд помогал названному отцу с его делами, но последние два года находился в столице как представитель их фамилии, разбросанной по всем регионам-Мирам. Это немало облегчало жизнь Рондере Мистералю, который не любил всех обязанностей, связанных со столицей. С Иланой и Хеменой Эви прекрасно ладил и постоянно обеспечивал им развлечения в виде таких вот вечеров. Правда, в последний месяц загрузили ответственностью Илану, да и он больше времени проводил там, где полагалось всегда быть представителю Мистералей. Но сегодня опять устраивался вечер.

В половину седьмого Хемена ещё шагала по главной улице Квемеры. Опаздывала, потому что задержалась на собеседовании с ректором. Впрочем, когда она стремительным шагом зашла в принадлежащую им квартиру, выяснилось, что новый гость тоже опаздывает. Хмуря светлые бровки, сестрица Илана с сожалением заметила, что, возможно, он вообще не придет. А Эви лишь пожал плечами:

— Придет. Не сомневайтесь.

Пока этот таинственный любитель опозданий задерживался, неумная сестренка Илана воспользовалась ситуацией и занялась самым любимым делом: вытаскиванием всевозможной информации из старшей.

— А правда, что Маршал сейчас ищет себе преемника и для этого проводит кучу экзаменов в Военной Академии?

— Да кто его знает, этого Маршала, — не слишком-то вежливо высказалась Хемена, усаживаясь на диване рядом с сестрой. — Нас в это не посвящают. Экзаменуют по всем профилям, причем довольно жестко, но, в конце концов, я нахожусь на третьем курсе, и здесь все очень строго. С пятого, говорят, начинают на каждом уроке проверять знания, а тех, кто по итогам недели с ними плохо справился, сразу отправляют в низшие офицеры без

возможности идти дальше.

— Да уж, весело вам живется, — пробормотала Илана Кровиндаст, которая в своей учебе утруждалась гораздо меньше, хоть и ворчала порой на слишком суровых преподавателей. Отец был гораздо требовательнее к своим дочерям, и теперь это помогало.

— Девочки, я побаиваюсь, что наш уважаемый гость просто заблудился в нашем квартале, — объявил с неизменной улыбкой Эви. — В конце концов, тут на половине домов едва номера найдешь, даже если знаешь, какая улица. А на нашей трехэтажке же не написано, что именно тут гнездятся Мистерали. Так что я немного прогуляюсь — наверное, ему нужна помощь в ориентировании.

— А можно я с тобой? — моментально вызвалась Халана. Даже спустила правую ногу с дивана, где сидела на коленках, совсем как маленькая девочка.

— Не могу назвать это приятной прогулкой, так что лучше ты оставайся здесь. И стереги Хемин, — Эвальд подмигнул, — а то она без обещанного гостя того и гляди вздумает улизнуть.

— Как будущий полководец, я не улизну, а отойду с развернутыми знаменами, — с достоинством произнесла Хемена, хотя она, конечно же, шутила. — И вот тогда Илане будет малость сложно меня удержать.

— Она будет сражаться, как отряд грозовиков у Белой Горы, — пообещал Эвальд, напоминая про одно из легендарных сражений последней войны. — Так ведь? — и снова подмигнул младшей из Мистералей.

— Я постараюсь, — пообещала та.

Эви своим реактивным шагом покинул комнату, и скоро раздался щелчок закрываемой двери. Спущенная с дивана нога Иланы поднялась обратно, а её хозяйка тихонько хихикнула. Хемена промолчала. Эвальд предпочитал постоянно делать комплименты не старшей, а младшей — что ж, она не имела права винить его за такое особое отношение. Эти двое более сошлись по своему легкому характеру и оптимистичному взгляду на жизнь. Да и рядом они находились дольше: Хемена уехала на учебу раньше всех и возвращалась в родной дом только на лето.

Халана продолжала щебетать об экзаменах в обеих Академиях. Старшая сестра думала.

Маршал, один из четырех правителей Объединенного Мира, носивших фамилию Эссентессер, год назад лишился своего ученика и преемника. В их стране фамилии Эссентессер могли одновременно удостоиться только восемь человек: собственно Маршал, глава армии и полиции, Герцог, представлявший законодательную власть, Магистр, ведавший судопроизводством, Регент, отвечавший за магию, и ученики каждого из них.

В преемники люди выбирались также по гороскопу и способностям и могли получить это звание чуть ли не в младенчестве. Например, юная Кинэри Эссентессер, готовящаяся стать Герцогом после смерти действующего правителя, была выбрана в восемь. А вот Маршал решил взять себе в новые заместители одного из студентов Военной Академии, имеющего достаточно и способностей, и знаний. В этом был резон: в силу возраста Байонису Эссентессеру требовалось как можно быстрее подготовить преемника. Как именно он хотел выбрать — никто не знал, только ходило множество слухов, большинство которых Хемена считала чистой выдумкой.

Хлопнула дверь, застучало в прихожей. Илана встрепенулась, Хемена неторопливо повернула голову к входящему молодому человеку лет двадцати с учтивым, проницательным взглядом карих глаз. Коротко постриженные волосы цвета кленовых стволов слегка

лохматились, но в целом гость выглядел аккуратным, и в нем чувствовалась даже какая-то военная подтянутость, свойственная людям из Академии. В сдержанно-вежливом выражении лица проскальзывало что-то знакомое, а затем Хемена поняла, что молодой человек напоминает ей Арктера Хорана. Поняла ещё, почему сравнила его волосы с кленами: гость казался такой же частью привычного Грозового Мира, как и кленовая аллея возле дома Мистералей.

— Позвольте вам представить Мальса Хора, — в комнату прошествовал по-прежнему веселый Эви, на которого сестры, занятые гостем, не обратили сразу внимания. — Он из Грозового Мира и умеет играть на рояле. Хор, это Хемена Ричардель и Илана Кровиндаст, мои названные сестры.

Гость улыбнулся, и это вышло у него несколько слащаво, однако в глазах оставалась искорка, не соответствующая общей сдержанности и вежливости. Мальс Хор, некогда наследник Арктера Хорана. Он был таким знакомым и вместе с тем таким новым...

— Пусть меня съест какая-нибудь тварь, если вы умеете ориентироваться в этом городе, — раздался позади жизнерадостный голос Эвальда.

Наследник Мистералей стоял на углу улицы, в странной манере наклонив голову вперед и исподлобья смотря на Хора. На лице была обычная приветливость, но он не улыбался даже краем губ.

— Я умею ориентироваться лишь в некоторых частях этого города, — с достоинством ответил Хор. На деле он потратил слишком много времени на изучение этого квартала, думая, что быстро разберется, где здесь нужный дом, но номера зданий на этой улице отплясывали нечто неприличное. — Спокойное детство наследника фамилии приучает к тому, что тебя просто доставляют в нужное место, — и он глянул на Эвальда, с интересом ожидая его реакцию на этот намек. И реакция не заставила себя ждать.

— Ах, да, раз уж мы затронули эту тему, — прежним легкомысленным тоном произнес наследник и представитель Мистералей. — Я сразу у вас спрашиваю: как вы относитесь к разговорам об Одаренных и их нелегкой доле? Я не люблю расстраивать своих гостей, а потому готов закрыть для бесед на нашем вечере все темы, которые вам не понравятся. Да, кстати, вы ведь гость, так что можете заранее ставить все причудливые условия, какие хотите. Никто не обидится.

— Обычно эти моменты обсуждают до того, как приглашают на вечера, — с усмешкой заметил Хор. — Однако спешу вас успокоить: я не слишком люблю Центр Одаренных как организацию, но не возражаю против своего там присутствия. Что же касается нелегкой доли... Фамилию «Хор» я предпочту и Ричарделям, и даже Эссентессерам. Вы можете называть меня по ней, а не по имени.

— Хорошо, — кивнул Эвальд и едва заметно улыбнулся. — Однако не повторяйте этого перед Хемин, она же Ричардель, может обидеться. И не скромничайте так, Эссентессером мечтает быть любой. Это возможность изменить мир.

Разумеется, на посту правителя это сделать удалось бы в любом случае, но для некоторых вещей становиться правителем не требовалось.

— А вы бы мечтали? — серьезно спросил Хор.

— Разумеется, — он ответил стремительно, чуть не перекрыв ответом вопрос. — Впрочем... может, есть нечто ценное и в моем нынешнем положении, то, чего я не нашел бы на верхушке. И все же носить фамилию Эссентессер прекрасно.

Хор покачал головой:

— Я хотел бы оставаться только собой. Мальсом Хором. Да, не очень-то почетно, зато оригинально. Я единственный в своем роде — в буквальном смысле.

Эвальд снова улыбнулся.

— Такое может сказать каждый. Я тоже... единственный в своем роде. Идемте.

Они неторопливо двинулись по улице, а Хор задумчиво поглядывал на спутника, вспоминая, что о нем говорилось в материалах, собранных Ли. Похоже, об Эссентессерах он говорил не просто так, потому что было время, когда Эвальда пытались перевести в Зорренды, причем с самыми высокими результатами тестирования. Но не сложилось, появились более подходящие кандидатуры, и в конце концов приняли решение отправить двенадцатилетнего мальчика в семью Мистералей, где имел большую важность переход наследника из другой фамилии, поскольку своих наследников не существовало.

Среди семей Объединенного Мира центральное положение занимали семь: Ричардели военные, из которых выбирался Маршал, Тиргирхольды, администраторы, из которых выбирался Герцог, Аусхассены, специалисты судопроизводства, из которых выбирался Магистр, Зорренды, сильные маги и ученые, из которых выбирался Регент, Хорана, ведающие промышленностью, Мистерали, распорядившиеся финансами, и Каэндра, нагруженные канцелярскими делами.

Представители первых четырех фамилий, соответствующих четырем ветвям власти, занимали ведущие посты во всех регионах. Тем не менее, фактическими правителями каждого Края становились главы остальных трех. Таким образом Облачным управляли Эссентессеры, Грозным — Мистерали, Крылатым — Хорана, а Серебряным — Каэндра. Так что, становясь наследником, Эвальд получал перспективу в будущем сделаться человеком, стоящим лишь на одну ступеньку ниже Эссентессеров. Но, в отличие от четырех фамилий-«заместителей», как их называли, он уже не имел шанса оказаться на самой высокой ступеньке.

Сотню лет назад в королевстве Саанг произошел переворот, направленный против королевской власти. В результате правителем стал Фэйн Эссентессер, поменявший всю государственную систему. Благодаря ему появилось четверо правителей-Эссентессеров, и под их управлением страна начала расширяться, пока не заняла три из четырех материков. Она получила новое имя — Объединенный Мир, а фамилия Фэйна стала её знаменем. И все же Мальс Хор знал одну вещь. Может, во времена первого Эссентессера все эти преобразования виделись огромной пользой, то теперь некоторые из них не мешало преобразовать ещё разок.

Они прошагали к тому самому зданию, вокруг которого Хору уже довелось пройтись. Запачканный, едва различаемый номер располагался невысоко, но рядом с ним рос потрепанный куст, который и закрывал обзор. Эвальд рассказывал о своих названных сестрах примерно то, что содержалось в документах от Ли Ханненсдон, и больше всего в этом рассказе мелькало имя Халаны, раз пять была названа Хемена, вернее, как он её называл, Хемин, а о Хорди и Раль наследник Мистералей не упомянул вообще.

Они поднялись на второй этаж, и Эвальд толкнул слегка приоткрытую дверь с цифрой «17», а затем вежливо пропустил гостя вперед. Из узкой прихожей, где на вешалке Хор заметил два дамских плаща, он прошел в просторную гостиную. Бледно-желтые обои, несколько пейзажей в золоченых рамах на стенах, цветастый ковер под ногами. Возле стены находился длинный диван, на котором восседали две девушки. К нему придвинули узкий

стол, накрытый для чаепития, а по бокам располагались ещё два пустующих стула. Вся мебель была одним гарнитуром, из янтарно-золотистой древесины, с резьбой. Хор оценил возраст и цену всего этого и вспомнил, что находится в квартире финансиста Мистералья. Почетное место в углу занимал рояль — тоже дорогая вещь, сделанная престижной фирмой.

— Позвольте вам представить Мальса Хора, — зазвучал звонкий голос организатора вечера. — Он из Грозового Мира и умеет играть на рояле. Хор, это Хемена Ричардель и Илана Кровиндаст, мои названные сестры.

— Приятно познакомиться, — первой произнесла девушка с ярко-рыжими, почти алыми волосами, спрятанными в простую прическу под маленькой черной шляпкой. По твердому голосу можно было сделать вывод, что из двух дам именно эта занимается войной. Да и её преисполненное достоинства лицо напоминало те лица, какие Хор видел в пору своего обучения военному делу десять лет назад. С той поры многое утекло, сменились не раз и учителя, и занятие, но кое-что твердо осталось в памяти.

— Рада познакомиться, — улыбнулась вторая, с более светлой рыжиной и дружелюбием в глазах, как у брата. В этой девушке чувствовалась тонкость, потому Хор и определил в ней творческую натуру. Хоть выражение лица и светилось радостью, однако чуть прищуренный левый глаз выдавал в ней хитрость, свойственную и названому брату. Халана Кровиндаст тоже носила изящную маску, вряд ли проявляя полную искренность. Она была одета в простое платье с широким белым воротником, рукавами чуть длиннее локтей, цветочными узорами и туго завязанным шелковым поясом.

— К нам кто-то ещё придет сегодня, Эвальд? — властно спросила Хемена.

Тот развел руками.

— Я не нашел большого количества кавалеров, достойных вашего общества, — молодой Мистераль стремительно проскользнул мимо Хора и в два шага очутился возле дам. — Однако я надеюсь, что отсутствие поклонников скрасит музыка. Не так ли, Хор?

— Вы предпочитаете усеченную фамилию имени? Интересно, — произнесла Хемена. Прямая осанка, высоко поднятая голова — в этой комнате юная Ричардель выглядела самой старшей на фоне улыбчивого названного брата. — Эви, ты уже потряс нашего гостя своей чудовищной прямоотой и узнал, почему это так?

— Его сложно потрясти, — Эвальд легонько двинул бровями. — Да, я узнал, но ваша прямоота, сестрица, не менее чудовищна.

— Она идет в ход лишь тогда, когда я знаю, что никого ей не раню, — невозмутимо отозвалась Хемена. — Итак?

— Я люблю свою фамилию, — ответил вместо хозяина гость. — Может, от знакомых вам учеников Центра Одаренных вы и слышали негодование по поводу всего, что с оным Центром связано, но ко мне это не относится. — К нему это действительно не относилось, потому что Хор предпочитал сохранять все негодование в мыслях.

Илана наморщила брови.

— Может, не будем про эту тему?

— Странно, — заметил Хор. — Ваша сестра немного другого мнения.

— Нет, ну давайте правда не будем, — тонким голосом повторила Илана, по-прежнему щуря левый глаз. — У нас радостный вечер — отложим все серьезные разговоры. Вы с Эви ещё встретитесь не раз и успеете все это выяснить, а сейчас вы ведь сыграете нам на рояле?

— Безусловно, — Хор учтиво наклонил голову.

Он прошествовал к стоящему в углу инструменту, присел на невысокий табурет и

открыл крышку рояля, отмечая золотые с завитушками буквы на ней: «Сергеан». Одна из лучших фирм. Эвальд разбирался в инструментах.

— Что угодно услышать прекрасным дамам? — Хор непринужденно протянул ноги вперед и скрестил их в щиколотках, опустив пятки на педальную коробку. Пользоваться педалями во время игры он не любил и думал, что сегодня обойдется без этого.

— Программу вечера составляю я, прошу прощения, — встрял Эвальд. Он в два шага оказался возле одного из стульев и поднял с него десяток листов с нотами. — Скажите, вам доводилось играть легкомысленного содержания песни? Вернее, аккомпанировать им?

— Доводилось пару раз, — пожал плечами Хор. — Однако я мог бы исполнить нечто более достойное, — краем глаза он отметил, что Илана при этих словах хихикнула. Хемена оставалась царственно спокойной.

— В следующий раз, — постановил Эвальд и, шагнув к роялю, торжественно вручил гостю ноты. — Вы знаете мотив «Голубых ворот»?

Хор удивленно приподнял брови.

— Это же такой... примитив, — нашел он нужное слово, хотя хотелось сказать нечто более резкое.

— Если знаете главную мелодию, то особых проблем возникнуть не должно, — Эвальд водрузил ноты на подставку. — Со всеми нюансами аккомпанемента разберетесь? Я дам вам время познакомиться с нотами, можете даже порепетировать.

— Зачем? — удивился Хор. — Там же идет сплошной повтор, я мог бы и с первого раза сыграть.

— Не хорохорьтесь перед дамами, — улыбнулся Эвальд. — Вы это с первого раза не сыграете.

— Думаете, в семье Хорана не было хороших учителей музыки? — мягко спросил Хор. — Я получил прекрасное образование до того, как меня записали в одаренные. Вы будете петь? Я начну.

— Ладно, как хотите, — пожал плечами Эвальд, с легкостью отказавшись от своей позиции. — Там мудреная гармония, но, надеюсь, вы справитесь. Я буду петь не «Голубые ворота», а стихотворение того же ритма, но более качественное. К сожалению, ещё не нашлось композитора, который сочинил бы к нему музыку.

Хор положил руки на клавиши и рассеянно глянул в ноты, зная, что музыка действительно примитивная: всего одна мелодическая строка на протяжении всей песни — и только в самом конце небольшие изменения. Эвальд развернулся к сестрам.

— Начали?

Хор кивнул и неторопливо заиграл начало, отгоняя из мыслей самую песню, не самую красивую.

— Ах, судьба-проказница, ах, судьба-шалунья, — вступил мягкий баритон Эвальда — и внезапно на последнем слоге сделал изящный ход вверх. Рояль в сочетании с этим прозвучал фальшиво, и Хор сбился; пальцы левой руки ускакали на совсем не те клавиши. Он с досадой поднял ладони, понимая, что уже не успеет за темпом певца: пел наследник Мистералей так же быстро, как и говорил. А ноты и впрямь оказались непростыми.

Эвальд улыбнулся — совершенно без сарказма. Хор пожал плечами.

— Вы говорили, что песни будут достойными. По началу этой я уже понял, что достойной в том смысле слова, к какому привык я, её назвать нельзя, — произнес опростоволосившийся музыкант с прежней невозмутимостью.

— Так вам не понравилась песня? — улыбка Эвальда стала слегка виноватой. — Я всегда откладываю наиболее эффектные вещи под конец выступления, а эта не столь дурна, как вам могло показаться. Вы ведь разобрались с гармонией, да?

Позади раздался жизнерадостный смешок, принадлежавший, очевидно, Илане.

— Разобрался, — кивнул Хор.

— И о чем же вы хотите услышать? — деловито поинтересовался Эвальд.

— Я хочу услышать достойную песню, — просто ответил Хор. — Да, кстати, а откуда у вас эти тексты?

Эвальд порылся в кармане и извлек сложенный листок бумаги, исписанный так плотно, что весь казался синим. Видимо, именно здесь и содержались все тексты, выученные им наизусть.

— Один из моих хороших друзей, бывавший, к слову сказать, на этих вечерах, работает в небольшом литературном журнале, куда приносят на публикацию стихи. Среди них попадаются совершенно любопытные экземпляры, — развернув свой листок, он принялся сосредоточенно всматриваться в массив мелких букв. Потом перевернул чудо-записку вверх ногами и довольно кивнул. — Тут, например, великолепно описан закат.

— Эви, вот про закат не надо, — вдруг серьезно сказала Илана.

— Прости, — Эвальд на две секунды обернулся к сестре и виновато ей улыбнулся. — Я забыл. У нас тут свои традиции, — пояснил он уже Хору. — Закат придется отложить, все легкие по содержанию вещи — тоже. Значит... — Эвальд на мгновение наморщил лоб. — Возьмем вот это. Мотив «Желанной» знаете?

— Плохо, — признался Хор. Мотив-то он знал, но понимал, что ноты и в этот раз окажутся непростыми.

— В таком случае гляньте, — Эвальд выудил из десятка листов с нотами нужный. — Тут уже не столь мудрено, но все равно некоторые моменты могут показаться непривычными. Я люблю красивые фортепианные аккомпанементы, потому и стараюсь добывать наиболее причудливые. Вы уж простите. Хемин, пока наш гость изучает мелодию будущей песни, не могла бы ты рассказать о последнем экзамене?

— Да, да, расскажи, — присоединилась к просьбе Илана, с неизменным задором щурясь.

— Вы имеете в виду тактический, когда нас вывезли в поле, дали в подчинение по отряду солдат и устроили войну всех со всеми? — усмехнулась Хемена, скрестив руки на груди. — О да, это было весело, но я не могу рассказывать государственные тайны при постороннем.

Посторонний тихонько хмыкнул и занялся нотами, делая вид, что полностью сосредоточен на них. Разумеется, с первого раза сыграть мудреную мелодию не вышло.

— Сколько будут ещё длиться твои экзамены? — полюбопытствовала Илана.

— Предлагаю закрыть и эту тему, — прямо, безо всяких намеков сказала Хемена. — Мне хватает напряженности со всеми экзаменами, а на наших вечерах не говорят о делах и беспокойных вещах. Лучше ты что-нибудь расскажи, Эви. Как там твои обязанности? Почему ты на целый месяц забросил наши вечера?

Эвальд развел руками:

— Обязанностей мало, но занятости хватает. И не только у меня.

— Ага, хватает, — хихикнув, вступила Илана. — Ты занимаешься тем, что присматриваешь за двумя Академиями, где учатся твои сестры, и только самостоятельность

Адилунд не позволяет тебе влезать в дела Центра Одаренных.

— Да даже не в том дело, — тон Эвальда оставался таким же веселым. — Просто Центр Одаренных есть Центр Одаренных, у них свои законы. Не так ли, Хор?

Тот умудрился попасть в ноты одновременно с ответом:

— Именно, но законы могут меняться.

— И вы считаете себя тем человеком, который способен их поменять? — моментально произнес Эвальд.

Хор кивнул, ничего не сказав, и минорным аккордом завершил сыгранный аккомпанемент. А затем вежливо улыбнулся:

— Начали?

Эвальд серьезно кивнул. Пальцы Хора легонько двинулись по клавишам, рождая немного грустный мотив песни о любви, а в музыку вплетались строгие слова:

Да, я давно позабыл слово «честность»,

Впрочем, я честным и раньше не был.

Слава, богатство, почет и известность,

В каждой улыбке — свой скрытый посыл.

Я — это книга. Я — буквы и точки.

Ты прочтешь то лишь, что должен прочесть.

Жестами, взглядом пишу эти строчки:

Вызов, угрозу иль добрую весть.

Мертвенно сдержан; не подозревайте:

Чист, как поля моей книги чисты.

Черным по белому все: прочитайте,

Если вам пальцы не режут листы.

Точки и буквы — фантомы и маски,

Шорох страниц — новый текст каждый миг.

Ночью, во сне, голос мамы без ласки

Спросит сурово: «Чего ты достиг?»

Нет, я не сказка: роман. Или драма.

Суть всю раскрою, когда придет срок.

Я совершил очень многое, мама.

Но я молчу. Ты — читай между строк.

Песня стихла, и некоторое время они все ничего не говорили. Лицо Эвальда было задумчивым, привычных оживляющих атмосферу фраз он не произносил, потому-то и продолжалась тишина. Сестры не отрывали взгляда от неподвижного брата, Хемена хмурилась, прищуренный глаз Иланы совершенно не сочетался с проникнутым внезапной серьезностью выражением лица, а Хор понимал, что если кто и имеет право нарушить молчание, то только не он. Но пауза затягивалась.

— Кто сочинил эту вещь? — наконец негромко спросил гость.

Эвальд тряхнул головой, словно оттаяв, и нервно улыбнулся:

— Один мой знакомый.

— Тот, кто работает в газете, или тот, кто прислал туда свои стихи? — ровным тоном поинтересовалась Илана. Её смешки и веселая улыбка уже не сопровождали каждое слово, а в глазах не блестел интерес.

Эвальд неторопливо перевел взгляд на неё и пожал плечами:

— Нет. Он не горел желанием представить свои творения общественности, но я решил по-другому.

— Погоди-ка, — приподняла бровь Хемена. Хотя она сохраняла непроницаемое выражение лица, но пальцы правой руки нервно сжимались. — Ты хочешь сказать, что автор этих стихов не давал позволения их кому-либо читать, а ты взял и все это нам спел, наперекор его воле?

— Да ладно тебе. — махнул рукой Эвальд, досадливо поморщившись. — Мы с этим человеком давние друзья, и как-нибудь уж разберемся, это не великая трагедия. Да и не было с его стороны такого категоричного запрета.

Хемена повела плечами, и на некоторое время воцарилась неловкая тишина.

— А вам не кажется, — вдруг тихо произнес Хор, — что это все же неправильно? Это стихотворение сочинено не для того, чтобы штурмовать с ним журнал и потом гордиться публикацией. Оно... Очень личное.

Опять повисла тишина. Хор не до конца понимал себя: собирался оставаться незаметным и влез, хотя его никто не просил. Песня зацепила. Вроде и не такое уж произведение искусства, но сочетание слов, музыки и того, как Эвальд её пел, неожиданно дало прочувствовать это стихотворение, и Хор не сомневался, что те же чувства испытывал автор, когда писал. Глухая тоска, скрытая от окружающих твердой стеной невозмутимости и привычки показывать лишь то, что надо собеседнику.

— Вы даже не знаете, кто это написал, — пожал плечами Эвальд, выглядя почти беззаботно. — Поэтому я не вижу ничего страшного.

— Пожалуй, да, — протянула Хемена.

Илана начала говорить что-то о живописи. Вечер продолжался, только в нем уже не чувствовалось прежних покоя и искренности.

Раль занимала в общежитии Центра Одаренных небольшую комнатку с видом во двор, обычно пустой и унылый. Ученики его не любили, и довольно редко кто-нибудь бродил здесь, заучивая материал, или устраивал встречи. Только ветер гонял по грязным камням бумажный мусор и горстку желтых листьев. Смотреть в окно Раль не любила даже при самом мрачном настроении, поэтому почти всегда закрывала его шторой, тратя больше денег на лампу, поскольку оплачиваемый администрацией тускловатый свет люстры начинал работать лишь после заката.

Был уже вечер, занятия в Центре давно закончились, и все ученики разошлись по домам или комнатам в общежитии. Стало тихо и темно. Солнце клонилось к закату, и наступила та ровная, не гнетущая нисколько тишина, к которой Раль стремилась каждый день после суеты, шума и беспокойства учебного дня. Только сегодня эта тишина не избавляла от мыслей о Синди, Тровене, Трэйгле. И о загадочном безжалостном человеке, который передал Синди блокиратор. Казалось, все это ничем уже не вытравить из головы, казалось, трагическая история навеки поселилась внутри, заставляя вновь и вновь возвращаться к ней, заново обдумывать, заново прокручивать все события. Она выгнала даже привычные мысли о риске, о везении, которое служило знаком возвращения магии.

В комнате с зашторенными окнами царил полутьма, но это не мешало Раль: она могла с закрытыми глазами ходить здесь и отыскивать нужные вещи, поскольку почти всегда поддерживала четкий порядок. Сейчас предметы вокруг выступали неясными силуэтами, но она ясно представляла себе до мельчайших деталей узкую кровать, уютное кресло-качалку,

простой стул рядом, маленький стол в углу, книжную полку над ним и комод, на котором располагалось несколько расписанных фарфоровых тарелок и фотография мамы в деревянной рамке. Скромный шкаф стоял возле самой двери, так что, когда её неаккуратно открывали, раздавался неизменный стук железной ручки об исцарапанную, покрытую старым лаком поверхность шкафа.

Раль зажгла лампу на столе, достала с полки книгу по магии Облачного мира, раскрыла наугад и попыталась увлечь себя чтением. Оторвал её внезапный стук в дверь. Девушки из общежития нередко заходили друг ко другу в гости, ведь по несколько человек в одной комнате не жили, а коротать осенние вечера без компании мало кто любил. Однако среди всех учениц Адилунд Раль слыла нелюдистой и скучной, оттого мало кто мог бы в позднее время зайти к ней без серьезной причины, да и действительно серьезных причин возникнуть не могло. Разве что... Синди. Это событие вычеркнуло сегодняшний день из списка привычных дней.

— Зайдите, — произнесла Раль приглушенно.

Скрипнула, открываясь, дверь.

— Простите, — произнес нервный мужской голос, и она увидела перед собой Трэйгла, выглядящего очень смущенным. — Я... Добрый вечер, — вспомнил о приличиях он.

— Вас не выгнали? — полувслух-полушепотом спросила удивленная Раль. — В женском крыле общежития в такое время...

— Как видите, не выгнали, — развел руками он, явно ощущая неловкость. — Это... Я... Простите, что так. Но я должен был встретиться с вами.

Раль зевнула, показывая, что совершенно не беспокоится на этот счет.

— Именно сегодня?

Трэйгл кивнул.

— Да. Завтра станет поздно.

Раль вздохнула, отложила в сторону книгу и выпрямилась, как подобало истинной леди.

— Я слушаю. Только предупреждаю вас, что о Синди я фактически ничего не знаю. У меня только догадки и предчувствия.

— Да-да, — закивал торопливо Трэйгл. — С-спасибо. Мне это и было нужно. Понимаете ли... Я уверен в том, что это не просто несчастный случай, и я пытаюсь выяснить все обстоятельства произошедшего.

— Это не ко мне, — повторила Раль.

— Да нет же, — он с досадой нахмурился. — Я не о том. Сведения я добываю сам. И мне удалось встретиться с Мэшметом Зоррендом, с предсказателем. Вы, наверное, знаете, что он принимает только тех, кого хочет, и меня он принял.

— Старейший из Зоррендов? — ещё больше удивилась она. — Значит, в вашем случае что-то очень серьезное.

В Объединенном Мире, где магия использовалась для непосредственного воздействия на предметы или живых существ, особым уважением пользовались редкие обладатели дара «видения ленты времени». Такие люди узнавали детали прошлого и будущего, но применение их силы имело немало ограничений. Бессмысленных или мелочных предсказаний никто никогда не делал.

— Что он вам сказал? — серьезно спросила Раль.

— Много намеков, — губы Трэйгла болезненно скривились. — Но из них я понял... что и впрямь с тем... происшествием, — он с усилием вытолкнул из себя это слово, — хватает

всего мутного. Из конкретного я могу сказать лишь две вещи. Во-первых, предсказатель просил остерегаться «медного шлема». Во-вторых, он назвал имя того, рядом с которым будет и дальше происходить... подобное. Нет, это не виновник, но его почти всегда затронет.

— И кто же это? — проявила нетерпеливость Раль.

Трэйгл сделал глубокий вдох.

— Эвальд Мистераль.

Когда совсем уже стемнело и в уютной квартире стало скучно, Эвальд с неизменной улыбкой объявил об окончании вечера, поблагодарил всех присутствующих и предложил им заночевать сегодня здесь. Илана согласилась моментально, Хор вежливо отказался, а вслед за ним отказалась и Хемена. Не захотела она и того, чтоб её провожал брат, а лишь повела плечами и сказала, что пройдет пару кварталов вместе с гостем, а дальше уж проблем возникнуть не должно.

Они вышли из квартиры вдвоем. Хор галантно поддерживал старшую из сестер Мистераль за локоть. Стоило им выйти на улицу, как она повернулась к нему, очень внимательно глянула и сказала:

— Вам стоит приходить к нам почаще.

— Почему? — ровным тоном поинтересовался Хор.

— Потому что вы удивительным образом влияете на Эви, — заявила Хемена. — Сомневаюсь, что он решил бы исполнить эту песню, если бы за роялем сидел другой человек. Дело в вас и только в вас.

— И с помощью чего же я повлиял на вашего брата? — спросил он уже с легкой заинтересованностью. — Признаюсь, я не имел такой цели, а слова о достойных песнях у меня вырвались лишь потому, что я не хотел признавать своей самоуверенности касательно аккомпанемента.

Хемена махнула рукой.

— Да ясное дело, что вы шутили насчет достоинства и что Эви принял игру, но как, как он её принял! Не отшутился, как обычно, а действительно решил спеть такую вещь. Вы знаете, Эвальд Мистераль, — она подчеркнуто назвала его полное имя, — довольно редко вспоминает о том, что жизнь на самом деле серьезна. Он... не идет по своему пути, он просто летит. Порхает, то и дело отвлекаясь на то, что видит по сторонам. Эви следовало бы остепениться — и чем скорее, тем лучше, потому что в нашей семье, как и во многих других знатных семьях, нужно быть очень сильным. А он — наследник. Вы на него положительно влияете, потому-то я и хочу, чтобы вы пришли на следующий вечер. Вы ведь придете?

Хор пожал плечами, делая безразличный вид.

— Не знаю, но постараюсь.

— Постарайтесь, — мягко произнесла она. — Я была бы вам благодарна за это, меня немало волнует судьба нашей фамилии, а ведь скоро все будет в руках Эвальда. Я... Я останусь Мистераль, даже если всю дальнейшую жизнь буду носить фамилию Ричардель.

— А Илана? — тем же тоном спросил Хор, стараясь держаться в потоке откровенного разговора.

— О, она настоящая Кровиндаст, но любит Эви. Халана хочет так же порхать, не заботясь особенно ничем, живя своими рисунками и получая от этого удовольствие. Эти двое спелись, хоть Эвальд и появился в нашей семье не так давно. Я пытаюсь быть гласом

разума в их компании, но удается не всегда. Впрочем, они всегда чудят в рамках приличия.

— Не знаю, как вы относитесь к этой теме, — с осторожностью произнес Хор, — но Адилунд Раль, похоже, желает на всю жизнь остаться Раль.

Хемена смерила его оценивающим взглядом.

— Вы с нею вместе учитеесь, ведь так? Адилунд — из Мистералей, хоть она и «крылатка», и большего я не могу вам сказать.

Илана Кровиндаст могла остаться на ночь в принадлежащей брату квартире, а вот Хемене Ричардель следовало соблюдать дисциплину при любых обстоятельствах, потому она чинно возвращалась в общежитие, хотя и могла оправдаться перед начальством присутствием у представителя семьи.

Ворота, которые окружали построенное углом здание общежития, уже были закрыты, однако в ответ на стук и предъявление пропуска молодой, но угрюмый сторож их открыл и пробурчал вслед поздно явившейся даме что-то совсем непонятное.

Даже в темноте Хемена с легкостью нашла дорогу к своей комнате, тихонько прошлась по коридору со скрипучим полом и, со второго раза справившись с заевшим замком, скользнула внутрь. Принялась нащупывать на столе лампу и зацепила что-то непонятное, что со стуком упало на пол. Хемена торопливо зажгла свет и поглядела на эту вещь с удивлением, поскольку, уходя, оставляла все в полном порядке.

На полу обнаружилась деревянная плоская коробка толщиной и размерами с дамский роман, какие с избытком встречались в книжных магазинах Квемеры. К крышке была прикреплена записка. Печатными буквами: «Хемене Ричардель». Данных о себе отправитель не оставил.

Она подняла коробку, щелкнула маленькой задвижкой на боку и распахнула крышку: внутри лежали сложенный лист бумаги и небольшой продолговатый предмет, завернутый в плотную материю. Сначала Хемена взяла послание от загадочного отправителя. «Добрый вечер, госпожа Ричардель». Выходит, он знал, что коробка попадет сюда именно вечером, то есть принес её сам, а не передал через кого-то.

«Моего имени вы не знаете, хотя я надеюсь, что в будущем вы не раз услышите обо мне. Пока же можете именовать меня просто Кей. Я столь заинтересован в вас, потому что вы — сестра Адилунд Раль, а ещё потому, что вы Мистераль и оной останетесь до конца своих дней. Я присылаю вам одну удивительную вещь, которой надлежит воспользоваться лишь в крайнем случае. Она именуется люминескарий, поскольку после активации начинает светиться. Но главный её смысл не в свете, а кое в чем другом. В чем именно — сейчас я вам, увы, сказать не могу, но обещаю, что потом раскрою этот секрет. Сейчас я слишком плохо знаю вас, чтобы говорить прямо, но эта вещь способна принести пользу в решении одной важной для вас проблемы, на которую я уже успел намекнуть в предыдущих строках. Храните люминескарий у себя и никому о нем не рассказывайте, иначе первое мое письмо станет последним, а проблему вам придется решать самостоятельно. Искренне ваш, Кей».

Хемена несколько раз перечитала необычное письмо, затем отложила его в сторону и серьезно задумалась. Да, загадочный Кей был прав, в разрешении той проблемы она нуждалась особенно, но откуда же он узнал? И как собрался решить то, над чем перестали ломать голову после всех попыток Мистерали? Хемена взяла в руки завернутый предмет, тот самый люминескарий, а затем положила обратно. Спрятать — до следующего письма от

Кея. Она ощущала, что эта вещь хранит в себе необычную магию, и оттого не решалась трогать её, пока не разобралась во всем.

Хемена оглядела комнату, пытаясь сообразить, где лучше всего скрыть странный подарок. Тайников здесь никогда не было, как не было и смысла их делать. Она переводила взгляд то на узкую кровать, застеленную темно-зеленым с коричневыми узорами покрывалом, то на приютившийся в углу стол, то на широкий подоконник, заставленный стопками книг, то на небольшой шкаф, где уже не осталось свободного места: будущим военным позволялся хороший гардероб, но пространства для него предоставлялось мало. В конце концов Хемена решила на простой и одновременно оригинальный ход: уложила коробку в середину одной из дальних стопок, где загадочный подарок нельзя было увидеть: его с трудом заметил бы знающий человек, не говоря о попавшем сюда впервые. Хемена осознавала: в этом деле необходима строгая тайна, иначе ничего не удастся.

Она прекрасно поняла намеки Кея; поняла и то, что если он давал такие намеки, то он знал многое о Мистералях. И хотя цена помощи оставалась неясной, как и все остальное, но Хемена не видела другого выхода, слишком уж сильно давила та проблема, о которой стало известно автору таинственного письма.

Она потушила лампу и тихо вздохнула. Опять ложь. Впрочем, она же Мистераль, чего тут удивительного?

===== Глава 3. Недоделанное =====

Хор так и не разобрался с итогами вчерашнего вечера у Мистералей. Задачу внедриться в общество тех людей, которые влияли на Раль, он выполнил, хоть и узнал совсем мало, а также получил странное одобрение от Хемены Ричардель. Но вот Эвальд... Эвальд Мистераль оставался фигурой непонятной. Казалось, он все в жизни воспринимал с легкостью и потому без тени разочарования отнесся к сказанным в тот вечер Хором словам.

Вместе с тем смущала внезапная серьезность Эвальда при исполнении песни. “Я — этс книга, я — точки и буквы”. Не потому ли он замер, что понимал: это все про него? Не выступала ли эта легкомысленность всего лишь маской? Впрочем... в этом случае наследнику Мистералей стоило бы научиться столь искусному умению притворяться ещё лет в двенадцать, поскольку названная сестра откровенно считала его беспечным. Нет, поведение Эвальда не могло быть целиком игрой, но элементы игры Хор допускал, памятуя о слишком случайной их первой встрече.

Встав на следующее утро с постели, он с удовлетворением подумал о том, что может не идти на часть уроков и не забивать голову знаниями, которые вряд ли пригодятся. Нет, Хор не относился ко всему образованию скептически, но в Центре следовало бы вычеркнуть из расписания пятую часть занятий, что пошло бы на пользу всем.

Требовалось составить план действий на этот день. Изначально Хор хотел отправиться к Ричарделям в Военную Академию, но знакомство с Хеменой уже состоялось. Поэтому первоочередную важность имел новый вечер у Мистералей, ведь Эвальд пригласил туда “дорогого гостя”.

Имелся и другой подход к семье Раль, подсказанный документами Ли Ханненсон, но сейчас, пока не закрылся главный источник информации, это откладывалось. Ещё предстояло серьезное дело, касающееся последней добытой партии колец. Последней — сразу в нескольких смыслах, потому что намек директрисы аккуратно закрыл дальнейший путь их маленькой контрабанде.

Кольца памяти, именовавшиеся так потому, что могли сохранять в себе воспоминания

суммарной длительностью до восьми суток, официально не могли быть куплены где-либо, кроме Серебряного Мира. Каждый из регионов, кроме Облачного с его центральным положением, старался сохранять свои секреты магии и технологии, и законом это поощрялось. Однако в Грозном тоже были не против использовать эти кольца: они выступали идеальным отчетом, который никак нельзя опровергнуть, и пригождались в мелких и крупных делах.

Хор имел несколько заказчиков, которым сбывал полученную контрабанду, кроме того, некоторые влиятельные лица покупали у него товар без посредников. Кольца памяти не были такой уж востребованной вещью, поскольку их требовалось применять очень аккуратно, не привлекая внимания полиции, однако их аналогов наука Грозного Мира представить не могла. Потому, хоть кольца и не считались дефицитным и необычайно нужным товаром, но лишних у Хора не оставалось.

Теперь о теневых квемерских приключениях можно было на время забыть, поскольку новое дело протекало под контролем Ли Ханненсон, а она не любила, когда её намеков не понимали. И ещё она наверняка собиралась объяснить теневикам, отчего некий ученик Центра Одаренных вдруг вышел из своей роли свободного торговца. Ну а задание оказалось не тормозом на пути вперед, а новой ступенькой.

Хор оделся, пару раз провел расческой по волосам и вышел в коридор, оставляя в своей комнате четкий порядок. Общежитие уже гудело, кто-то спорил, кто-то куда-то несся, опаздывая, кто-то бомбардировал чью-то дверь. Отпрыски благородных семейств, попадая в Центр Одаренных, традиционно срывались с цепи и вне уроков отбрасывали подальше церемонность с воспитанностью. Лично Хор этого сделать не захотел, а Раль вообще не любила выходить за рамки вежливости, если только это не касалось её обожаемого риска.

— Мальс! Тебя перевела Ли? — гаркнули над ухом.

— Не перевела, а взяла под опеку, — неторопливо ответил Хор, не оборачиваясь и не меняя темпа ходьбы.

— Вот красавчик, а, — раздался рядом другой голос, принадлежащий Тоунту из его группы. — И за что ж тебя так она полюбила?

Хор только пожал плечами, не интересуясь, видят это или нет. К вечеру вся группа будет обсуждать новость, и каждый сочтет своим долгом лишний раз прилипнуть к товарищу по несчастью, получившему возможность найти себе теплое местечко.

Возле самого выхода из общежития, где было особенно шумно, ждала, как и всегда, Раль, почти прижавшись к стене около прохода, так что её задевали руками, но никто не ворчал: все привыкли к этому. Сегодня напарница выглядела особенно серьезно. Хору успели рассказать о том, что одна из “крылаток” погибла при внезапной поломке механизма, — это могло стать причиной нынешнего состояния Раль.

— Доброе утро, — негромко поздоровался Хор. Среди общего шума она могла и не расслышать, но прочитала по губам и кивнула.

— Доброе утро, — напарница говорила очень звонко. Так происходило всегда, когда она сильно нервничала. Раль любила тишину, но если бушевало внутри, то уже не имело значения, спокойствие снаружи или нет.

Они вдвоем покинули здание, отбились от потока учеников и отошли подальше, оба понимая, что сейчас нужен серьезный обстоятельный разговор.

— Это из-за Синди, да? — мягко заговорил Хор.

Раль кивнула.

— Это был не несчастный случай.

Хор вспомнил все, что ему говорили о том происшествии, — он слишком мало знал, чтобы с ней спорить.

— Почему ты так думаешь?

— Обрушение случилось из-за того, что энергия Синди выплеснулась наружу, — Раль говорила непривычно громко. Хорошо, что они стояли довольно далеко от потока учеников. — А энергия выплеснулась из-за неисправного ключа, который Синди кто-то передал специально.

— Откуда такие сведения? — Хор видел логику во всем, кроме последнего суждения.

— Сначала мне это говорили предчувствия, — вздохнула Раль. Она начала крутить между пальцами свой волосок, чтобы успокоиться. — А потом я узнала от мужа Синди, пробившегося аж к старейшему Зорренду, что это действительно так.

— Мэшмет Зорренд? — заинтересованно переспросил Хор. — Так серьезно, что даже лента времени решила показать свою частичку? Выходит, этот “несчастный случай” — часть чего-то более важного? Что ещё сообщил предсказатель? — вернулся к конкретным вопросам он.

— Первое: нам нужно остерегаться некоего “медного шлема”, — Раль стала ещё прямее и расцепила руки, словно докладывала. — Второе: вся история вертится вокруг человека, знакомого мне, но не тебе, о нем я тебе потом расскажу. Но он не преступник, не виноват в этом. И, наконец, третье, самое главное, то, ради чего муж Синди и пришел ко мне, хотя видел меня всего во второй раз: если сегодня в десять часов встать на служебной площадке часозвони, то можно найти ключ к разгадке, — она произнесла последнее предложение на одном дыхании и замерла, внимательно глядя Хору в глаза.

— Часозвони? — нахмурился он. — Ты уверена, что речь шла не о простой часовой башне?

— Уверена, — уже совсем тихо сказала Раль.

Хор сделал глубокий выдох. Часозвоня, старейшее здание города, наделенное самой серьезной магией. Да на этой невысокой башенке с потемневшим от времени циферблатом и большими серебряными стрелками фактически держалась главная магия Объединенного Мира! Неудивительно, что посторонние туда не допускались. А человеку без дар-родинок появление там вообще грозило смертью.

— Нам осталось всего два с половиной часа, — произнес наконец Хор с осторожностью. — Неужели нельзя было попросить предсказателя обеспечить посещение часозвони, раз дело столь серьезное?

— Трэйгл... ну, мужа Синди так зовут, — поправилась Раль, — в общем, он попросил, и Зорренд дал разрешение. Но проблема в том, что в часозвоню лучше не заходить без позволения Регента, а Регент два дня назад уехала в Крылатый Мир. Ни один серьезный маг не решится без этого позволения зайти туда, ведь кто знает, что там сейчас за состояние энергии. Зорренд посоветовал искать добровольца среди Одаренных, имевших ранее высокий уровень резерва, но затем потерявших их, потому-то Трэйгл и обратился ко мне.

— То есть, — быстро осознал все это Хор, — ты сегодня в десять часов отправишься в часозвоню выслеживать таинственного благодетеля Синди?

Раль внезапно передернуло.

— Не говори так, пожалуйста, не надо сарказма. Мне от этой истории тяжело.

— Не буду, — пообещал Хор. — Но не думай, что я отпущу тебя одну на такое дело.

Её тонкие брови слегка приподнялись.

— А как же иначе? У меня, — голос Раль стал глуше, — действительно пустота на месте глубоких резервов, мне пребывание в часозвоне не повредит, в отличие от тебя.

— Прости, что тебе не признавался ранее, — вздохнул Хор, — но мы с тобой товарищи по несчастью. У меня тоже пусто — и тоже на месте прекрасных резервов. Их было столько, что чуть Эссентессером не сделали, — он невесело усмехнулся. — Ну так что, мы идем вдвоем, как всегда?

Раль некоторое время молчала, а потом робко улыбнулась.

— Значит, и ты тоже... Значит, мы вместе. Как всегда.

Хор вытащил из кармана серебряные часы — единственный остаток былой роскоши, к которой он старался не привыкать, но сделал исключение для этих часов, подаренных человеком, которого он мог назвать настоящим своим учителем. Жаль, что ещё до причуд наследника Хорана их развела программа обучения. С этим пожилым Ричарделем хотелось бы встретиться, чтобы многое обсудить, однако он наверняка уже забыл Хора, а навязывать себя последний не собирался.

— До занятий у нас ещё много времени, так что я не хочу откладывать, — произнес он. — Мне нужно знать как можно больше о смерти Синди Хассен, чтобы полностью представлять картину.

— Мне известно не так уж и много, — слегка смутилась Раль. — О всех деталях нужно спрашивать у майора Тровена, который занимается этим расследованием.

— А я спрашиваю у тебя, — сквозь обычную невозмутимость Хора проглядывало дружелюбие, которое он показывал только своей напарнице. Он подмигнул. — Расскажи, что знаешь. Синди была ближе тебе, чем мне.

— Да, ближе, и потому я знаю, что она ходила за батерсом, — при этих словах Раль чуть потупилась.

— Та-ак, — взмахнул рукой Хор, пряча часы в карман. — Чуть медленнее и желательно последовательно. Началось все с того, что Синди Хассен решила присутствовать на снятии батерса?

Раль кивнула.

— А сама она родом из Крылатого, — задумчиво произнес он. — До Центра Одаренных училась именно там, верно?

— В плане магии мы с ней схожи, — Раль болезненно нахмурилась — при её отношении к смертям то, что случилось с Синди, напарница воспринимала слишком сильно. А теперь, похоже, решила и отождествить себя с погибшей.

— И ещё схожи с множеством других в вашей группе, — Хор постарался придать тону беззаботность. Когда-то Раль вносила их разговорами в него мир и спокойствие, теперь он считал своим долгом придать ей уверенности. — Итак, Синди, имея классические Крылатые характеристики, присутствовала при высвобождении Облачной энергии, и, разумеется, это на ней не могло не отразиться.

Про батерсы он в свое время перечитал тонну литературы, ведь они составляли основу дирижаблей, а дирижабли составляли основу воздушной войны, да и переправлять с их помощью отряды в Грозовой Мир было удобно из-за быстроты. То, что в ту пору Мальсу Хорана не исполнилось и десяти, мало влияло на дело: в юности он нередко возвращался к знаниям прошлого, обновляя их в голове, чтобы весь труд ранних лет не пропал зря.

В батерсе сосредотачивалась большая часть магии, позволявшая управлять дирижаблем,

когда тот находился в воздухе, и дававшая энергию для быстроты его движения. По сути, эта важнейшая деталь служила связкой всей магии с механизмами. И в то время как остальные части работали на обычном топливе, для батерса приходилось заливать топливо с примесью магических элементов, и от него оставались отходы: часть из них дирижабль выбрасывал в воздух, часть приходилось удалять после полета. Учебные модели не могли ничего выбрасывать в помещения, потому каждый вечер батерс снимали и прочищали вручную. При снятии применялась энергия, дабы разъединить его контакты с остальным механизмом, и это означало значительные выплески, которые по законам природы стремились распределиться по тем предметам или существам, которые имели низкий уровень магии. Служащие, проводившие снятие батерса, специально впитывали её в себя, но очутившаяся рядом Синди слегка нарушила равновесие и втянула в свои резервы энергию Облачного Мира.

— И, разумеется, она никому из преподавателей не сказала об этом, — вслух закончил Хор свои мысленные рассуждения. — Но долго хранить в себе чужеродную энергию слишком опасно, как опасно и её выплескивать из себя сразу через дар-систему.

— Дар-система вообще может повредиться, — серьезно произнесла Раль. — Чтобы убавить воздействие на неё накопившейся внутри организма магии, Синди решила использовать ключ.

— Вообще это было идеальное решение, — счел нужным уточнить Хор. — При помощи блокиратора снимается лишнее напряжение с дар-системы, а потом можно очень аккуратно выпускать магию без вреда для себя. Другое дело, что для таких процедур желателен качественный ключ.

— А ей кто-то нарочно дал некачественный, — вздохнула Раль.

— И когда Синди на уроке попыталась тихонько выпустить энергию, которая незаметно ушла бы в механизмы, все прошло не так, как она планировала, и случилось обрушение, — мрачно закончил Хор. Картина выглядела законченной и вполне ясной. Оставался лишь один вопрос: кто и зачем дал Синди Хассен неисправный блокиратор?

— Поскольку уже ясно, что здесь все очень серьезно... — Раль опять нахмурила брови и странно посмотрела на Хора. — Я напомнила майору о старой легенде, про демона, который совершал убийства не своими руками.

— Майор, может, и не из Грозового Мира, а вот нашим землякам намек будет ясен сразу же. Ты решила связать то, что случилось сейчас, с действиями Проводника?

Она кивнула.

Проводник, страшная сказка Грозового Мира, которая, казалось бы, закончилась семь лет назад. Убийца, который ни разу не нанес смертельный удар, но хладнокровно уничтожил семерых жертв, присылая рассказ о каждой из них в самую крупную газету Края. Его могли судить только за доведение до самоубийства, но до суда дело не дошло. Пожар в доме Проводника оборвал жизнь одного из самых таинственных преступников их региона. Оборвал ли?

Спалось Хемене плохо. Она просыпалась с десятков раз и хоть погружалась обратно в сон довольно быстро, но видения мелькали какие-то странные, оставляющие после себя необъяснимые неприятные ощущения. Потому-то Хемена и встала раньше обычного, что дальше окунаться в эту непонятность не хотелось. Встала и в первую очередь проверила спрятанную коробку. Может, именно этот подозрительный подарок послужил причиной

странного состояния, однако он давал надежду, а ради надежды можно было терпеть все, что угодно.

Хемена вернула коробку обратно и протерла глаза, поняв, что окончательно проснулась. Взгляд наткнулся на маленький конвертик, белеющий под дверью: видимо, его просунули посреди ночи в щель. И что-то подсказывало, что это сделал тот самый Кей, что прислал люминескарий. Она подняла письмо, медленно, очень медленно вскрыла его и развернула сложенный треугольником листок бумаги со строчками, написанными уже знакомым почерком.

“Сегодня я открою часть секрета. Встречаемся на площади возле часозвони в десять. Если сможешь, приходи пораньше. Кей”.

Да, все это выглядело на редкость странно, и любая девушка поостереглась бы идти на контакт с незнакомым человеком. Однако Хемена понимала: если этот Кей знает о самой главной её проблеме, значит, он близок её семье и осведомлен о многом, а сейчас играет в тайны, потому что не желает, чтобы об этом узнал Рондер Мистераль. А все возникшие подозрения она в себе заглушила, осознавая, что другого выхода нет. Проблема в последний год ширилась и росла, грозя заслонить собой весь путь к счастливой жизни. Магический дар Хемены Ричардель истощался и вскорости мог совсем исчезнуть. Если она не восстановит его сейчас, пусть даже при помощи странного незнакомца, то отец пойдет на крайние методы. Для него, фактического лидера Грозового Мира, давно перестали иметь значение все законы морали: Рондер Мистераль не собирался жалеть чужую жизнь, продвигая по карьерной лестнице свою дочь. А ей становилось тошно при одной только мысли, какой ценой вернется тогда магический дар. Сколько уже способов перепробовали — и ни один не подошел, а значит, либо сделка с загадочным Кеем, либо тот кошмар, который без тени сомнения устроит отец.

Занятия в Военной Академии начинались в девять, однако Хемена знала, что сможет выпросить себе небольшой отгул, пообещав, что такого больше не повторится, и отработав, насколько это возможно. Все преподаватели знали, что у нее не бывает проблем с дисциплиной, а значит, оказаться чуть ранее десяти возле часозвони представлялось вполне возможным.

Хемена разорвала конверт на мельчайшие кусочки и выбросила их в мусорную корзину, а само письмо бережно сложила и спрятала в сумочку. Конечно же, она придет на встречу с Кеем.

Погода была облачной: что ж, немудрено, осень потихоньку захватывала просторы Объединенного Мира. Здесь, в центре Квемеры, где осталось не так много деревьев, она заявляла о себе холодом и дождем: до холода пока не дошло, а вот дожди лили в начале недели знатно и теперь, похоже, собирались вернуться. Но плохая погода не стала бы причиной отменить столь важную встречу. Хемена верила Кею, хоть тот и вторгся в её жизнь без спроса, неожиданно, без объяснений. А что ей ещё оставалось? Сколько ни верь семье, это не поможет.

Общежитие располагалась в десяти минутах ходьбы от Военной Академии, однако сегодня пришлось выйти гораздо раньше, чтобы успеть до урока договориться с господином Хармадом. Он был ни больше ни меньше ректором, но имел с Хеменой теплые отношения.

Сольсетен Хармад, как и обычно, находился в своем кабинете, напоминавшем оружейную палату или музей великого полководца. В ответ на вопрос, зачем нужны все эти карты и старинное оружие, занимавшие много места, ректор отвечал, что эта коллекция

помогает ему не забывать о сути своего дела и настраивает на нужную волну. В Академии болтали, что он палит из старинных пистолетов по винным бутылкам или нерадивым ученикам. Сольсетен действительно прекрасно стрелял, а также в совершенстве знал главные труды по военной науке. В последней кампании он принимал активное участие, находясь на посту начальника штаба Западной армии, но сразу же после победы вернулся в любимую Академию.

— Что случилось, Хемин? — спросил ректор без приветствия.

— Вы разрешите мне уйти со первого урока, господин Хармад? — сейчас она обращалась к нему официально с официальной просьбой, не упирая в давнее знакомство и близкие отношения.

Сольсетен пожал плечами.

— Веские причины?

Хемена молча кивнула.

— Тогда без вопросов. Я скажу, что по моей просьбе, а дальше ты уже сама сообразишь, — он улыбнулся.

— Д-да, — быстро сказала она, сдерживаясь, чтобы не поморщиться от этого “сама сообразишь”. Напомнила себе, куда сегодня идет, и уже уверенно добавила: — Спасибо.

— Ты же знаешь, я всегда готов тебе помочь, — дружелюбно кивнул ректор.

Хемена стремительно вышла из кабинета, прикрыла за собой дверь, на пару мгновений задержавшись и послушав шорох пера по бумаге, а затем зашагала в сторону аудитории, где проводился первый урок.

Сольсетену Хармаду было тридцать с небольшим, и это не мешало ему находиться в верхах армии. Гений по гороскопу, он с самых ранних лет обучался этому делу у лучших преподавателей и к двадцати годам стал неплохим офицером, в двадцать пять — генералом, в тридцать — начальником штаба и ректором Военной Академии. Полное имя звучало Сольсетен Хармад Ричардель, но фамилия уже воспринималась как единое целое с ним, так что все называли ректора “господин Хармад”. Практика использования на месте фамилий вторых имен встречалась повсеместно из-за многочисленных представителей одной и той же фамилии.

Сольсетен Хармад стоял во главе Академии потому, что служил ярким примером для всех учеников. Он лично вел занятия у выпускников и неплохо организовывал учебный процесс, хотя был известен мягкостью и либеральным отношением к ученикам, сколько бы ни ходили слухи про стрельбу по нарушителям порядка, отстающим и буянам. В целом ректор пользовался любовью подопечных и уважением преподавателей, но вот Хемена Ричардель не могла точно охарактеризовать их отношения, видя в них и хорошее, и кошмарное, и мечтала навсегда разорвать с Сольсетеном, однако не могла этого сделать, пока находилась в Академии.

— Я даже не могла подумать, что когда-нибудь сюда приду, — с легким трепетом в голосе произнесла Раль.

Они двое стояли на первом этаже часозвони, а её служитель, с одобрением кивнувший на предъявление разрешения от Зорренда, доставал из металлического ящичка причудливый ключ с вкраплениями магии. Им открывалась дверь на верхние этажи.

Комната, где все трое находились, не представляла собой ничего особенного: темное дерево, которым обили все стены, небольшое окошко с закрытыми ставнями, лампа,

освещавшая вечную полутьму этого места, стол и стул для служителя и старинный ящичек на этом столе — тот, куда сотню лет традиционно укладывали ключ после каждого использования.

— Прошу вас, — служитель шагнул к двери и вставил ключ в замочную скважину. Раздался тоненький скрип, а затем у Хора возникло такое ощущение, словно только что пол провалился и он упал вместе с ним. Через мгновение это пропало, и стало ясно: так организм отзывался на магию часозвони. Не зря же эту небольшую башенку избрали главным местом работы Регенты Объединенного Мира.

По глазам Раль Хор понял, что она ощутила примерно то же. Вслед за служителем они прошли в дверь, которую шедший последним Хор аккуратно прикрыл за собой. Неспешно поднялись по каменной винтовой лестнице под аккомпанимент звона своих шагов и скрипа механизма часозвони, уже отчетливо различаемого здесь. Но увидеть сами механизмы не довелось: проводник остановился, едва они через широкий люк выбрались в абсолютно пустую комнату с выбеленными стенами и мраморным полом. Через два больших окна, располагавшихся ровно друг напротив друга, сюда входил солнечный свет. Некоторое время все трое не двигались среди тишины, нарушаемой лишь скрипом механизмов да тяжелым дыханием Раль, уставшей от подъема, хоть тот и не был слишком быстрым.

— Это и есть служебная площадка, как мы её называем, — наконец произнес служитель часозвони. — Именно здесь осуществляет наблюдение за магией Регент. Раз господин Мэшмет Зорренд разрешил, оставайтесь здесь, сколько вам нужно, а мне необходимо спуститься. Вернетесь обратно той же лестницей.

— Скажите, а отсюда нельзя пройти никуда вверх? — тихо спросила Раль.

Служитель покачал головой.

— Разумеется, можно, но не вам. Поглядите на потолок. — Хор вместе с напарницей послушно запрокинули головы, изучая такой же побеленный, как и стены, потолок. — Если включить один механизм, то он просто отъедет в сторону, а сверху спустится лестница. Но это используют лишь мастера, вам выше делать нечего.

— Ясно, спасибо, — кивнул Хор.

Служитель начал неспешный спуск. Пройдя несколько ступеней, он закрыл люк, и напарники остались вдвоем. Стоило стихнуть шуму шагов внизу, как Раль заговорила:

— Что здесь может случиться такого важного? Даже не представляю.

— Я тоже не представляю, — откликнулся Хор, снова оглядывая пустую комнату, ровные стены, пол, потолок и поблескивающие солнечными лучиками окна. Затем задумался. — Послушай, Раль, лестница гораздо уже этой комнаты.

— И что? — недоуменно заморгала она.

— А то, что здесь может быть не только камень. Не только стены.

— Думаешь, тайник? — наморщила лоб Раль.

— Уверен. Мне кажется, Регенту неудобно каждый раз приносить все необходимое с собой. Ладно, это все шутки, а на самом деле догадаться довольно просто. Видишь, какого мудреного вида подоконник? Готов биться о заклад, где-то там спрятана кнопка, запускающая процесс открывания тайника.

— Не очень-то красиво вскрывать тайники Регента, — заметила с робостью Раль.

Хор махнул рукой.

— Пустяки. Мы никакого вреда этим не принесем. В конце концов, нам разрешили делать все, что нужно, а нам сейчас нужен ключ к разгадке. Где же искать ключ, как не в

потаянных местах?

— Можно искать на руках у маскирующих их под эрго людей, — тихо сказала Раль, и её глаза потускнели.

Хор вздохнул и шагнул к подоконнику, намереваясь хорошенько его исследовать, но тут взгляд зацепился за ещё одну любопытную вещь.

— Погляди-ка, Раль. Вот сюда, на стену. Видишь? Как будто кисточкой для рисования мазали. Отличающийся от остального по покраске слой, верно?

Напарница подошла ближе и пригляделась.

— Действительно... Выходит, кто-то ещё раз покрасил этот кусок стены, чтобы что-то скрыть.

— Именно, — кивнул довольный Хор. — К счастью, я всего ношу с собой ножик, так что мы прямо сейчас можем соскоблить этот слой и посмотреть, что под ним.

Раль кивнула и вздрогнула: по всей башне прошелся гул, совсем рядом громко зазвенело, возвещая жителям Квемеры точное время.

— Без четверти, — пробормотал Хор. — Успеем.

Слегка распогодилось: в просветах длинных облаков то и дело поблескивало солнце, словно подмигивая спешащим внизу людям. Хемена неторопливо прогуливалась назад-вперед по площади, где располагалось здание правительства, пристроенное к старой часозвоне, и прочие административные комплексы. Все они блестели поновляемыми красками. Центр города. Центр страны. Центр Объединенного Мира.

Хемена задумчиво глядела на украшенный колоннами вход в правительство. Там, внутри, находились самые могущественные люди мира, четверо Эссентессеров, возглавлявших страну.

— Я рад, что вы пришли пораньше, леди Ричардель, — прозвучал совсем рядом сильный молодой голос.

Она обернулась и увидела юношу лет двадцати максимум, ученика Академии Магических Наук, о чем свидетельствовала форма. Длинное бледное лицо с узковатыми темными глазами, зачесанные назад волосы насыщенного черного цвета. Он улыбался краем губ, но не выглядел слишком уж весело.

— Здравствуйте, — отойдя от неожиданности, произнесла Хемена. — Вы... Кей, да?

Молодой человек выглядел не сказать, чтобы обычно, но все же как-то прозаично для таинственного Кея. Он улыбнулся ещё шире.

— Да, но большего я вам сказать не могу. Идемте.

— Куда? — поинтересовалась Хемена.

— Туда, — Кей кивком указал на часозвоню. — Вы позволите взять вас за руку?

Она кивнула. Пальцы Кея оказались очень горячими, но сухими, так что это не доставило неприятных ощущений.

Они вдвоем пересекли площадь, обошли высокое зеленое здание, кажется, принадлежавшее высшему суду Объединенного Мира, и Кей направился к небольшой дверце, видимо, черному ходу.

— Вы занимаете столь высокое положение? — с осторожностью спросила Хемена, подозревая, что он носит фамилию Аусхассен, раз свернул именно сюда.

— Выше меня только небо и стрижи, — усмехнулся её спутник. — Прощу вас.

За железной дверью оказалась винтовая лестница и полутьма. Ведомая уверенным

Кеем, Хемена начала подниматься вверх.

Хор аккуратно скоблил ножом белую краску. Довольно скоро под ней показалась ярко-черная — похоже, какие-то буквы. Хор заработал ножом с удвоенной энергией, и ему удалось расчистить аккуратную надпись мелкими буквами: “Мильварес Зорренд”.

— Мильварес, — тихонько охнула Раль. — Он же умер прошлым летом от опухоли в шее.

— Но кому-то понадобилось записать его имя здесь, а затем замазать, — задумался Хор. — Делать выводы пока рано, надо все отчистить до конца.

Снова заскрипел нож, отколупывая засохшую краску, и снова под белым показались черные буквы. Новая надпись, новое имя. Хэ尔蒙т Ричардель.

— Он тоже умер в прошлом году, — ещё тише сказала Раль. — И тоже своей смертью — это может подтвердить десяток лучших врачей Объединенного Мира.

— Ты думаешь, это мог быть список жертв? — Хор ещё раз внимательно поглядел на обе надписи.

— Мог быть. Но этих людей не убивали. Их не требовалось убивать: все сделали болезни.

— Кто знает, кто знает, — пробормотал Хор и принялся снимать слои краски ещё ниже. Он расчистил буквы “сэйт”, когда внизу послышались шаги: сюда поднимались двое людей.

Напарники переглянулись, и Раль решительно прислонилась спиной к стене в том самом месте, где красовались имена, а затем присела и подолом платья смела все кусочки краски поближе к себе. Выпрямилась. Теперь следы соскабливания стали совсем незаметными, и Хор с облегчением вздохнул, отчего-то почувствовав, что с идущими сюда людьми делиться находкой не стоит.

Люк со скрипом открылся, и из него появилась рыжая голова в черной шляпке.

— Адилунд? Хор? — с удивлением спросила Хемена Ричардель.

— Хемин? — ахнула Раль. — Ты-то что здесь делаешь?

— Вам тот же вопрос, — слегка побледнев, старшая из сестер Мистераль выбралась на служебную площадку.

— Кто с вами? — спросил Хор, понимая, что их ответы на этот вопрос затянутся.

— Мой друг, — холодно ответила Хемена.

Вслед за ней в помещение поднялся молодой человек лет двадцати со темными волосами и глазами и болезненно бледным лицом. Одет он был в ученическую форму Академии Магической Науки.

— Добрый день, господа, — с легким удивлением произнес он. — Не ожидал вас здесь увидеть, но, впрочем... — его взгляд стремительно прошелся по комнате и на мгновение вцепился в едва заметную белую пыль возле ног Раль. Незнакомец усмехнулся. — Дело надо доводить до конца, господа. Если б вы поискали в углу, то увидели бы не старый список, а новый, но вы не дошли, поздравляю. А я вас запомнил.

Хору показалось, что в этот раз пол действительно провалился, открывая путь в бездну. И сейчас все закончилось чернотой.

Блеснуло на несколько мгновений осколком света, чьим-то шепотом, запахом лекарств, но почти сразу же развеялось, перейдя в спокойный глубокий сон.

Проснулся Хор от того, что рядом оживленно говорили. Он открыл глаза и увидел Раль, беседующую с пожилым человеком в белом халате. Впрочем, белым здесь оказалось все: и

стены с потолком, что неприятно напомнило об инциденте в башне, и белье на ровном ряде кроватей, так что не возникало сомнений касательно места, куда они попали. Госпиталь. Хорошо хоть не та палата, где вскрывают трупы.

Хор почувствовал, что стало слишком жарко, и скинул одеяло, которым его укрыли, с груди на ноги. Этот шорох привлек внимание Раль, и та мигом обернулась.

— Ты уже проснулся?

— Похоже, что так, — медленно ответил Хор. Пожалуй, ему стоило сначала разобраться с мыслями, а лишь потом претендовать на разговор.

— Добрый день, — произнес человек в белом халате. Выглядел он как военный врач — настолько прямо держался и сурово смотрел. — Майор Тровен из службы порядка. Вам есть что добавить к рассказу вашей подруги?

— Хотя бы то, что я его не слышал, — пожал плечами Хор, приподнимаясь и садясь на постели. — Но скажу лишь самое главное, что я знаю. Мильварес Зорренд и Хэ尔蒙т Ричардель, как и Синди Хассен, умерли не просто так: им в этом помог тот человек, чье сопровождение леди Хемену в часозвоне. Там же, в часозвоне, на служебной площадке, были списки людей, к судьбе которых он приложил руку или собрался это сделать.

Тровен покачал головой.

— Списки уничтожены, а Регент, вернувшаяся час назад, находится не в лучшем расположении духа. Но вы утверждали, что видели того человек, ведь так? Вы запомнили его приметы?

Хор с досадой поморщился:

— Он весь — одна сплошная примета, с которой ничего толкового не сделаешь. Иллюзия. Иначе мы в живых бы не остались. Многое могла бы прояснить леди Хемена, — он внимательно глянул на старшую из сестер Мистераль, все ещё спавшую на соседней кровати. — Но это пока отложим. Так что же с нами произошло?

— Таинственный спутник леди Ричардель совершил непонятное магическое действие, и энергия часозвони очень бурно на это отреагировала, — принялся объяснять Тровен. — В результате вас оглушило, этот человек скрылся, а Регент до сих пор работает над устранением последствий. Вас перенесли сюда, в главную больницу, однако лечения не потребовалось.

— Если нет ничего серьезного, то мне кажется, что пора бы пробудить нашу леди, — заметил Хор. — Это даст хоть какие-то ответы. Не очень удобно майору ждать, пока она проснется сама.

— Не очень удобно ждать вам, — сухо произнес Тровен. — Я могу сидеть здесь хоть три часа, у меня есть чем заняться и о чем подумать. Мне передали это дело и освободили от всех других, потому что человек, проникший в часозвоню без ведома Эссентессеров и служителей, может принести большой вред. Его спутница также представляет очень большой интерес, — с этими словами майор пристально глянул на спящую Хемену.

— Вот именно, — подтвердил Хор и, резко выпрямившись на постели, потянулся к названной сестре Раль и подергал её за руку. Та оказалась очень холодной, в противовес его ладони после теплого одеяла.

Хемена шевельнулась, открыла глаза и медленно обвела взглядом всех присутствующих.

— Что это было? — слабым голосом спросила она.

— То, что не грозит вам смертью, а подробностей мы коснемся чуть позже, после того, как вы нам расскажете о своем попадании в часозвоню, — взял в руки нить разговора Хор.

Прежде чем повторно выслушивать объяснения о том, что он уже знал, он хотел объяснений о самой таинственной стороне дела. — С самого начала.

Хемена некоторое время молчала, собираясь с мыслями и пытаясь выйти из растерянного состояния, а затем все же заговорила:

— Меня привел один человек...

— Имя? — резко спросил Хор.

— Извините, но это моя привилегия — задавать вопросы, — заметил Тровен.

— А моя привилегия — привести эту даму к её брату живой и здоровой, — только отмахнулся Хор. — Учтите, леди Хемена, что Эвальд обязательно обо всем узнает, а значит, станет известно и господину Рондеру Мистералю.

В её глазах мелькнул испуг.

— Не надо, пожалуйста, — умоляюще попросила Хемена. — Я все поясню. Этого человека я видела в первый раз, он назвался Кей. Мы встретились возле часозвони, затем зашли с черного хода в какое-то здание, кажется, судебное, поднялись по лестнице и оказались в той пустой комнате, где стояли вы. Вот и все.

— Погодите, — покачал головой Тровен. — Господин Хор, прошу меня не перебивать, из-за вашей нетерпеливости может потеряться часть важных деталей. Итак, леди Ричардель, что предшествовало этой встрече? Почему вы решили прийти к часозвоне? Прошу вас отвечать очень подробно, чтобы не приходилось возвращаться к одному и тому же за новыми деталями. Итак?

Хемена сделала глубокий выдох, приподнялась на постели, оперлась спиной о спинку кровати и начала:

— Вчера вечером я обнаружила в своей комнате в общежитии посылку. Моя комната обычно открыта до десяти часов вечера, а в десять по коридору проходит дежурная и закрывает все двери. Ключи дают только ученикам, которые отличились поведением, а я вхожу в их число. Я веду к тому, что кто угодно, способный зайти в общежитие, способен зайти и ко мне и оставить там то, что считает нужным. Поэтому я не могла отследить путь посылки, но и не сочла её слишком странной.

— Что находилось внутри? — лицо Тровена сделалось совершенно непроницаемым.

— Завернутый в ткань некий магический предмет — я его не вскрывала — и письмо.

— Отчего не вскрывали?

— Не решилась, — вздохнула Хемена. — Кто знает, что за магия там, внутри, я не сумела бы сдержать что-то непредсказуемое. Отправитель в письме намекнул, что это поможет мне решить некую проблему, поэтому я не стала сразу же отвергать его и попробовала навести контакты.

— Как вы думаете, что это могла быть за проблема? — спокойно спросил Тровен.

Раль присела на край кровати Хора, внимательно глядя на названую сестру, но раз в минуту посматривая на него.

— Вам не кажется... — голос Хемены стал тише. — Вам не кажется, что это слишком — выпрашивать у меня про все, что я имею право сохранить в тайне?

— Мне кажется, что я должен узнать правду, — сурово ответил Тровен, сдвинув брови. — От этого многое зависит. Служба порядка столкнулась с неординарным преступником, Регент требует ответов на вопросы, а ответов нет, и найти их сможете только вы. Вскрытием той самой неприятной правды.

Хемена порывисто натянула на себя одеяло так, что высовывалась одна голова. Кажется,

она и впрямь мерзла. Боялась?

— У меня возникли некоторые трудности с магическим даром, в крайнем случае грозящие перейти в опустошение резервов, — наконец произнесла она. Щеки стали ещё бледнее. — Я переживала по этому поводу. А тот человек, который прислал странную вещь и от имени которого выступал Вэст, обещал, что может решить мою проблему. Я подумала, что речь идет именно об этом, и решила попробовать. Он ведь мог оказаться действительно добрым человеком или просто пожелать сделки, но помочь.

— Вот, значит, как, — тон Тровена не менялся. — Этот человек в послании упоминал какие-либо имена?

— Он назвал себя Кеем, а ту вещь — люминескарием, — плечи Хемены шевельнулись под одеялом. — Больше я ничего не знаю.

— Люминескарий, — повторил майор. — Никогда подобного не слышал. Может быть, вам, господин Хор, известно, что это за вещь?

Тот покачал головой.

— Что-то, связанное со светом, но за подробностями обращайтесь к мастеру, изготовившему эту вещь. Где она сейчас, леди Хемена?

— Я просил не перебивать, — напомнил Тровен.

Хор только развел руками — извините, мол, по-другому не мог.

— Я спрятала её в стопке среди книг, — пояснила Хемена. — Не знаю, что с ней сейчас, но комната открыта, а значит...

— А значит, от таинственного люминескария осталось одно название, — закончил за неё Хор, заслужив новый неодобрительный взгляд майора.

— Если преступник проник в часозвоню, то снова попасть в общежитие ему труда не составит, — все же согласился Тровен. — Однако вернемся ко вчерашнему дню. Итак, вы получили посылку, прочитали лежащее в ней послание и спрятали все это у себя?

Хемена кивнула без слов.

— Что происходило дальше?

— Утром я нашла под дверью ещё одно письмо: Кей предлагал встречу, чтобы все прояснить, и назначал местом встречи Центральную площадь, место возле часозвони. В десять часов или чуть пораньше. Я пришла в половину, и где-то около десяти появился он, чтобы отвести меня туда, где мы смогли бы поговорить. Что было дальше, я уже вам рассказывала.

Тровен кивнул.

— Думаю, вы так и не поняли, что попали в самую часозвоню.

— В часозвоню? — округлила глаза Хемена. — Да как это возможно-то? Мы от неё в другую сторону двинулись и с черного хода зашли в здание суда. Клянусь, все было именно так!

— И вы не поняли, что после встречи с Кеем приобрели невидимость? — чуть приподнял бровь майор.

Хемена с ещё большим изумлением замотала головой.

— Нет, ничего подобного. Какая невидимость? Я даже не чувствовала прикосновения магии.

— Очень жаль, что вы ничего не почувствовали, однако все случилось именно так. Следы применения невидимости нашли на вас лекари. Зачем вы лжете?

— Клянусь, я не лгу, — с отчаянием прошептала Хемена. — Если бы я увидела, что

меня пытаются скрыть от других людей, я ни за что б не пошла с этим человеком. Я Ричардель! Я чту законы.

Хор вспомнил её слова о том, что она навсегда останется Мистераль, однако не стал ничего говорить.

— Извините, леди, но я не могу вам поверить, — жестко произнес Тровен. — Не заметить невидимости, хоть её и устроил другой человек? Зайти в одно здание и очутиться в другом? Даже наша магическая наука не предусматривает подобного. Пространственными перемещениями владеют только Эссентессеры.

— А может, это и был Эссентессер! — выкрикнула Хемена. — Только, клянусь, все происходило именно так! Подумайте сами, если б я хотела выгородить себя, стала бы я сочинять столь нелогичную версию?

— Мы с вами ещё обсудим это, когда я официально вызову вас на допрос, — ровным тоном ответил Тровен. — До свидания, леди Ричардель, до свидания, госпожа Раль, до свидания, господин Хор.

Не дожидаясь ответных слов, он зашагал к выходу из палаты, на ходу сбрасывая с плеч белый халат.

— До свидания, майор, — провочал ему вслед один Хор. Сестры Мистераль — именно Мистераль, хотя она фамилию сменила, а другая укоротила — предпочли промолчать.

— Мамочка, — выдохнула Хемена и без сил сползла на подушку. — Я же действительно ничего не сделала... Что теперь будет? И Эвальд... Он же не узнает, да? — она с надеждой посмотрела на Хора и Раль.

— Не узнает, — в один голос заверили напарники.

— Вы спрашивали, что же будет? — заговорил с уверенностью Хор. — А я вам отвечу: музыкальный вечер у вашего брата. Придет ваша сестра, приду я, придет, быть может, ещё какой-то гость. Развлечемся. Я поиграю на рояле. И прекратите думать, что в вашей жизни что-то серьезно изменилось: только добавилось несколько новых забот. Если вы действительно невиновны, то вас оправдают, Ричардели об этом позаботятся.

Она внезапно вздрогнула и истерически рассмеялась.

— О да, да-а-а, — еле выговорила Хемена сквозь смех, — они позаботятся, клянусь, позаботятся!

— Что с тобой? — тихо спросил Раль.

— Со мной моя жизнь, — резко ответила её названная сестра, перестав смеяться. — И вам туда лезть необязательно.

Вся история оставила ещё больший неприятный осадок, чем то, что случилось с Синди. Да, никто, к счастью, не погиб, однако таинственный Кей существовал, не был призраком, порожденным подозрительностью. И он уже убил кого-то до Синди. Помог умереть двум могущественным людям, выше которых стояли только Эссентессеры.

Раль ощущала, что все глубже и глубже опускается туда, откуда сложно выбраться и где неприятно находиться. Она мало чем помогла Трэйглу, только показала половине столицы, что дело серьезное, и ещё подвергла опасности себя и Хора. “Я вас запомнил”, - отчетливо слышались в воспоминаниях слова непонятого Кея, и в них выражалась явная угроза двум людям, забравшимся туда, где их не ждали. Кто знает, может, таинственный убийца уже уготовал Хору и ей ту же судьбу, что и несчастной Синди да двум политическим деятелям Объединенного Мира. От этого бросало в дрожь.

Кей имел большую, просто огромную магическую силу, явно превышавшую резерв двух людей из Центра Одаренных и даже резерв Хемены. Хемена... Утерянная сестра, отгороженная стеной под названием государственная система. Три года назад Раль заставила себя разорвать все связи с людьми по фамилии Мистераль: того требовал “отец”, названный родитель, повелитель экономики Грозового Мира, Рондер Мистераль, и она не могла не подчиниться. Сохранилась лишь связь с мамой. Этого их лишить не смогли, но обучение в Центре не позволяло часто видеться с человеком, безвыездно живущим в Крылатом Мире.

Хемена... Её Раль совсем не ожидала увидеть сейчас, её Раль совсем не хотела видеть. Напоминание о безмятежной жизни возле названных сестер, с волшебным ощущением магии внутри себя и радостью от каждого нового дня. Хемена тоже не жила счастливо: это стало ясно по вырвавшимся у неё истерическим словам. Раль чувствовала жалость к ней и к себе, и это делало ещё более мрачной всю картину нынешнего положения.

Удивила и другая вещь. Хор стал гостем на развлекательном вечере Эвальда Мистералья, не сказав ничего об этом ей, и его на этом вечере определенно ждали. Когда они вышли из больницы на улицу, встретившую их резким ветром, Раль не смогла не задать вопрос:

— Ты ходишь к Эвальду?

Хор кивнул, ничем не выказав беспокойства.

— И сколько уже? — в голосе Раль явственно зазвучал укор.

— Вчера в первый раз попал, — пожал плечами он.

— И кто тебя туда пригласил? — продолжила расспросы она, хоть и потеряла часть пыла от последней фразы собеседника.

— Эвальд Мистераль, — Хор не изменил краткости.

— И давно вы с ним дружите? — Раль вдруг почувствовала легкую робость от того, что так на него насаждает, в то время как он и не собирался от неё все скрывать.

— Один день.

— И когда же вы успели так подружиться, что он сразу тебя пригласил? — твердость в голосе Раль зазвучала оттого, что она начала злиться на саму себя.

— Вчера, после занятий, когда ты уже ушла, он появился в Центре, — отвечал Хор со спокойствием, даже с небрежностью. — Искал тебя, а нашел меня. Мы поговорили. Он узнал, что я играю на рояле, и пригласил меня на этот вечер.

— А чего он от меня хотел? — нахмурилась Раль.

— Марджорис все жалуется Ли Ханненсдон на тебя, потому что ты не ходишь на профильные занятия. Директриса наша добралась в конце концов и до Эвальда, а тот для проформы сходил сюда, якобы чтобы тебя вразумить. Хотя понятно, что ты все равно профилем не займешься. Эвальд помелькал в Центре Одаренных, чтобы его запомнили, поболтал со мной, а потом скажет, что имел с тобой воспитательную беседу, но ты, увы, не вняла его словам. И все будет так, как и раньше, только Марджорис лишней раз убедится в твоём упорстве.

Все это Хор говорил обычным тоном, не позволявшим определить в его словах ложь, и Раль поверила. В другое время она согласилась бы с посещениями развлекательных вечеров, но после слов предсказателя, переданных Трэйглом, не могла этого сделать.

— Хор, тебе не следует там появляться, — отчего-то не хотелось называть истинную причину этой просьбы, и Раль решила, что расскажет обо всем в следующий раз.

— Но не прийти сегодня было бы невежливо, — разве руками Хор.

— Ну... ещё раз два-три сходить можно, однако не более, — вынесла вердикт Раль. И добавила железный довод: — Пожалуйста.

— Хорошо, не более двух-трех раз, обещаю, — улыбнулся он.

Эвальд Мистераль выглядел очень жизнерадостным — впрочем, как и всегда. Почти всегда, если не учитывать некоторых серьезных песен и не менее серьезного их исполнения. На этот раз он сам встретил Хора, не желая повторных блужданий по кварталу, но помощь и не потребовалась: гостя довела до квартиры Хемена, с которой после случившегося у них завязались более тесные отношения. В частности, ему было позволено говорить ей “ты” и “Хемин”.

Хор пообещал Раль, что придет самое большое на два-три вечера, и понимал, что обещание придется выполнять, хоть бы это и ставило преграды на пути прекрасного источника информации о Мистеральных.

Кроме Эвальда и Иланы в квартире оказался ещё один человек, белокурый юноша с медленной речью и восторженными глазами. Замкнуто-суровая, ещё более молчаливая, чем вчера, Хемена гостя явно не привлекала, поэтому рядом с ней присел Хор, позволяя юноше обихаживать юную художницу. Эвальд, болтая обо всем, переходил от одной пары к другой.

Мечтательного блондинчика звали Алексис, и он представился ни много ни мало поэтом, одним из тех, чьи стихи публиковались на страницах литературных журналов, а порой даже исполнялись Эвальдом Мистералем в качестве песен на вечерах. Последний пообещал и сегодня спеть что-нибудь из творений гостя, но попозже, объяснив это тем, что ноты сложнее “Голубых ворот” и “Желанной”. Хор возражать не стал, помня, как озадачили его аккомпанементы к предыдущим двум песням. Лишь сказал с легкой улыбкой:

— Вам следовало бы заранее предупредить меня о том, что именно собираетесь исполнять, потому что без подготовки мне сложно.

— В следующих раз обязательно постараюсь, но, увы, — Эвальд развел руками, — очень часто я сам не представляю, что именно буду петь.

— Тогда дайте мне все ваши ноты, и я их потихоньку выучу, — предложил Хор, запоздало вспоминая, что в общежитии Центра Одаренных рояля не предусмотрено.

— Это все слишком сложно, — рассмеялась Илана. — Давайте вы будете репетировать здесь, так гораздо интереснее.

— Интереснее вам — слушать мои мучения, — улыбнулся Хор. — А я, может, страдаю, когда меня внимательно слушают во время репетирования.

— Я в вас верю, вы справитесь со всеми моими нотами, — весело сказал Эвальд.

Беззаботная беседа продолжалась. Обсудили последние новости, в том числе и то, что случилось в часозвоне, Хор сказал несколько ничего не значащих слов об этом и ловко перевел тему на творческие успехи Алексиса и Иланы. В тематике они спелись: один писал о природе и любви, другая рисовала природу и романтические сцены. Compliments от юного поэта стало ещё больше, а Эвальд заметил на ухо Хору:

— Похоже, намечается свадьба, и Рэру это не понравится.

— Рэру? — неслышным шепотом переспросил Хор.

— Сиятельному Рондеру Мистералю, — тихонько фыркнул Эвальд.

— А почему Рэр?

— Не знаю, — пожал плечами наследник Мистералей. — Возможно, потому, что никто другой его так не называет.

Кажется, он не считал, что для действия необходима строгая причина.

Разговор свободно порхал от одной темы к другой, сопровождаемый улыбкой Эвальда, смехом Иланы и радостным взглядом Алексиса. Хор и Хемена говорили не столь оживленно, как остальное трио, но вполне вписывались в непринужденную атмосферу этого вечера.

Эвальд начал рассказывать о своих поездках по Грозному Миру. Говорил он увлекательно, перемежая повествование интересными и веселыми замечаниями, подолгу не задерживаясь на чем-то одном и на протяжении рассказа сохраняя почти серьезное лицо, даже когда остальные готовы были покатиться со смеху, и от этого все шутки звучали ещё смешнее.

Ещё с прошлого вечера Хор понял, что рассказывать разные истории Эвальд с его живой яркой фантазией умеет и любит, однако не проявляет назойливости в этом плане. Он вообще умел чувствовать настроение собеседников и моментально перескакивал куда-нибудь, если видел, что слушателям не по вкусу тема.

Спустя час увлекшей всех их беседы общим решением Хора послали за рояль: репетировать новые ноты. Остальные продолжили обсуждать последнюю речь Фаркасса Эссентессера, только Хемена уже не разжимала губ, хоть и с заинтересованным выражением лица слушала брата, сестру, гостя и брэнчание Хора, путавшегося в гармонии. Снова он знал мотив, но не мог толково попасть по клавишам согласно сложным нотам Эвальда.

А сам хозяин нот в это время рассказывал, как насильственно отучился курить. В рассказе прозвучало имя Адилунд, и Хор моментально наострил уши, однако все оказалось банально: поборница здорового образа жизни Раль, видя, что названный брат дымит, как паровоз, тайком вымочила его сигареты в молоке, а сама сказала, что они просто подмокли от разлитой воды. Покурив такую бомбочку замедленного действия, Эвальд почувствовал тошноту и весь вечер не отходил от раковины. Больше он к табаку не прикасался. История, рассказанная неизменно шутливым тоном, показалась Хору странной. Насколько он знал, Раль не любила вмешиваться в чужие жизни, менять в них что-то, если человек этого принципиально не хотел, пусть бы она и приносила этим пользу. Скорее уж шутку с сигаретами провернула лисичка Халана, сегодня уже меньше щурившая глаз, а Раль, возможно, взяла на себя вину. Ну не выдумал же Эвальд эту историю просто так.

Наконец Хор объявил:

— Я готов. Честно говоря, не понимаю, какое удовольствие вам приносит мое неуклюжее музицирование на заднем плане, гораздо удобнее репетировать до вечера.

— Нет, лучше, когда прямо здесь, — похоже, Илана собиралась стоять на своем до конца. Эта дама брала пример с брата и совершала действия по совершенно пустяковым причинам. — Тогда вся песня становится частью этого вечера. А иначе у вас просто концерт будет.

— Ваша логика очаровательна, хоть и не до конца понятна, — решил взять пример с Алексиса в плане комплиментов Хор и повернулся к Эвальду: — Начнем?

— Конечно, — кивнул он.

Хор заиграл вступление, которое, возможно, человек с хорошей музыкальной памятью успел бы выучить наизусть за время репетирования. В звучание рояля влился голос Эвальда.

Ветер уснул. Облака периной

Спрятали ласковый лунный свет.

Стих над рекой резкий крик звериный,

Сгладился жизни тревожной след.
Полный покой, только плещут воды,
Даже сейчас в свою даль спешат,
Спрятаны синие неба своды,
Гордо над миром живых молчат.
Вдруг шевельнулось — шум, шум полета.
Птицы? Но те подчинились сну.
Кто-то небесный, крылатый кто-то
В мирную ночи летит страну.
Вот два стремительных силуэта
Вмиг прочертили ночную мглу.
Ангелы это? Иль духи это?
Кто подчинил неба высь крылу?
Ветер поднялся, гостям внимая,
Душам их и беспокойным снам,
Ветер подул, тучи разгоняя,
Дал свет луне и умчался сам.
Снова затихло — другим покоем,
Засеребрилась луной река,
Берег откликнулся волчьим воем,
В воздух впиталась его тоска.
Прямо к воде опустилась пара,
Он — юный воин с мечом в руках,
Чудного он обладатель дара,
В детства отринувший слово “страх”.
Льнула к нему его дама с лаской,
Руки-крыла за спиной сложив,
И, наслаждаясь чудесной сказкой,
Тихо шептала: “Уйди от битв
И распрощайся с разящей сталью,
Ждать тебя с боя нет больше сил...”
Он ей кивнул и, вздохнув с печалью,
В реку клинок верный опустил.
Каждый поклялся, что будет верен,
В сумраке скрылись они ночном.
Так и не понял цветущий берег,
Было то жизнью иль чудным сном.
В теплые струи упали слезы
В ивы впитался печальный смех
Каждой весной берег видит грезы,
В них эта пара прекрасней всех
И долетают их счастья звуки:
Радостно шепчет она ему:
“Милый, тебя, хоть и крылья — руки,
Небом, полетом я обниму”.

Эвальд закончил, улыбнулся, поклонился и послал всем присутствующим воздушный поцелуй. Илана захопала, Алексис засиял, Хор для красоты момента тоже встал и поклонился.

— Просто восхитительно, — воскликнул автор песни. — Эвальд, это восхитительно! Я, признаться, переживал за немного неправильный ритм стихотворения, но в вашем исполнении это сглаживается, и получается идеально!

— Благодарю вас за приятные слова и за прекрасное стихотворение, — улыбнулся в ответ певец. — Оно достойно такого звучания.

Хор был согласен: стихи и музыка действительно сочетались, и отталкивающей слащавости в тексте не чувствовалось. Между Иланой и Алексисом моментально завязалось обсуждение песни, а Эвальд шагнул к Хору и, по-прежнему улыбаясь, шепнул ему на ухо:

— Вы хотели посмотреть на Мистералей — вот они, Мистерали, самые обычные люди со своими радостями и проблемами. Нет в них ничего неординарного, что следовало бы изучать под лупой или даже микроскопом, никаких великих тайн. Все, что только можно назвать необычным, сосредоточено в главе семьи, а все прочие ничем не отличаются от вас, Мальс Хорана. У вас тоже хватает тайн, я знаю.

Он выпрямился и посмотрел на удивленного Хора. Карие глаза светились искренностью и дружелюбием, совершенно не желая походить на маску.

Эвальд Мистераль прекрасно понял, ради чего его пианист приходил на эти вечера, понял — и, кажется, нисколько не осуждал его за это. Во всей тираде читался беспечный посыл: хватит искать здесь великие тайны, это развлекательные вечера, все тут — обыкновенные люди, вливайтесь в общее веселье, Мальс Хорана, и не забивайте себе голову глупостями.

Положительно, Эвальда Хор не понимал. А тот, на мгновение оглянувшись на Хемену, которая, подойдя к остальным, что-то серьезно говорила сестре, продолжил все так же на ухо:

— Вот с главой семейства, с нашим уважаемым Рэром вам лучше не конфликтовать и вообще не контактировать. Ему даже судьба прислуживает. Его враги то добровольно со сцены уходят, то просто умирают, и добрый десяток лучших врачей в один голос заявляет, что криминала в этом нет.

— Умирают? — тоже шепотом спросил Хор.

Эвальд спокойно кивнул.

— Например, Мильварес Зорренд. В прошлом году его опухоль доконала, а он и Рэр как кошка с собакой были, об этом вся столица знала.

— А Хэльмонт Ричардель случайно не относился к числу его врагов? — не смог не задать вопроса Хор.

К его удивлению, Эвальд на мгновение наморщил лоб, вспоминая, а затем опять кивнул.

— К числу не таких уж явных, но в некоторых важных вещах они не соглашались, да. Хэльмонт же тоже погиб в прошлом году, верно? Ну вот. Рэру точно судьба прислуживает, так что лучше от него держаться подальше, — он вполне искренне улыбнулся и отошел от Хора к Хемене.

— О чем вы там шептались? — негромко любопытствовала она.

— Договаривались, что споем в следующий раз, но — тс-с-с-с, а то Халана услышит, — опять заулыбался Эвальд.

А Хор не мог отвести от него взгляда и снова и снова прокручивал в голову одну мысль.

Хэ́льмонт Зо́рренд и Ми́льварес Ри́чардель мешали Рондеру Мистералю. Старейший из Зо́ррендов говорил о медном шлеме.

А что, если медный шлем — это иносказательное обозначение рыжих волос?

Рыжими традиционно были все главы семьи Мистераль. Эвальд не мог похвастаться таким уж ярким цветом, но рыжина в волосах имелась и у него. Те, кому насыщенности не доставало, брали в жены огненноволосых девушек, чтобы не нарушать традицию.

Если Хор думал правильно, то таинственного Кея направлял в его деятельности Рондер Мистераль, главный экономист Грозового Мира и фактически его правитель. Он вполне мог приказать Кею помочь Хемене с её проблемами, поскольку имел заинтересованность в карьере дочери. В таком случае опасность всей ситуации для Раль заметно снижалась, чего нельзя было сказать о самом Хоре.

Он все следил глазами за Эвальдом, вновь начавшим веселую болтовню ни о чем. Почему он постоянно выступал двигателем событий, кажущихся полными случайностями и при том необычайно полезных для Хора? Это настораживало. Это напрягало.

Внезапно вспомнились слова предсказателя о человеке, вокруг которого разворачивалась вся история со странными смертями. Раль ещё сказала, что Хор его не знает, а происходил тот разговор до того, как ей стало известно о посещении им вечеров...

А вдруг тем человеком и был Эвальд Мистераль?

===== Глава 4. Недопонятое =====

В этот раз Хор снова провожал Хемену с устроенного Эви вечера. И она попросила пройтись с ней немного дольше, поскольку нервозность утра и дня до сих пор не выветрилась, несмотря на все старания веселого Эви, милой Иланы и забавного Алексиса.

Над ними тремя нависла серьезная опасность, приправленная пугающей непонятностью. Кей оказался не благодетелем, а человеком со странными жуткими целями, преступником. Очень сильным. Накинуть на человека невидимость так ловко, чтобы тот сам этого не заметил. Войти в одно здание и оказаться в другом. Хемена была уверена в том, что ничего не напутала, все происходило точно так, как в рассказе Тровену. Неудивительно, что он отказался сначала верить в это.

Насчет обвинения она переживала мало, понимая, что её оправдают. Если что — Сольсетен постарается, он всегда рад позаботиться о своей Хемин. От этого становилось совсем тошно.

Радовало лишь то, что Хор и Раль пообещали пока не извещать Эвальда о случившемся, однако если история имела далеко идущие последствия, то Рондер Мистераль вполне мог узнать о некоторых не слишком умных поступках своей дочери. Этого она очень боялась. Отец редко появлялся в жизни сестер Мистераль, где-то раз в месяц навещая их и со всей серьезностью спрашивая, требуя, ставя задачи на ближайшее время, а затем снова пропадая. Как и многие дети, рожденные в знатных семьях, ласки от родителей Хемена не знала, а встречи с Рондером для неё означали одно: ответственность.

От отца редко приходило одобрение: почти всегда слышался укор, какие-нибудь замечания, претензии, критика, наверное, справедливая, но каждый раз заставляющая сжиматься от страха, краснеть и лепетать нечто невнятное. Хемена с радостью принимала любые наказания, лишь бы избежать тяжелого взгляда Рондера и непомерно тяжелых его слов. Поэтому сейчас она мечтала о том, чтобы он так и не узнал о встрече с Кеем, обернувшейся непонятным попаданием в часозвоню.

Хемена запоздало вспомнила о том, что к завтрашнему дню ей необходимо выполнить

обширное задание, полученное от Сольсетена после того, как она пришла каяться за пропущенный учебный день. Ректор, как и всегда, отнесся ко всему спокойно и лишь сообщил, что это задание сделать необходимо, что оно очень важное, поскольку составлено даже не в Военной Академии, а среди высших армейских чинов специально для тестирования учеников. Хемена тогда долго кивала ему, а затем взяла листы с заданиями, принесла их к себе в общежитие, перерыла стопки с книгами, где, разумеется, не обнаружилось никакого люминескария, и пошла к Эви. У неё было слишком уж плохое состояние, чтобы заниматься учебой, а у Эвальда часы пролетели незаметно, оставив чуть выправленное настроение и осознание того, что придется, наверное, до поздней ночи провозиться с заданиями.

— Вот же... — хотелось выругаться, но при воспитанном молодом человеке воспитанная дама этого делать не стала. — Послушай, Хор, у меня серьезные проблемы.

— Я это уже знаю, — ровным, отчего-то подействовавшим успокаивающе тоном откликнулся он. — Появились ещё какие-то?

— Да, — выдохнула Хемена. — Проблемы с учебой. Мало того, что я пропустила сегодня почти все занятия, так ещё и не успела сделать очень важные объемные задания. Теперь у меня есть маленький кусочек вечера, ночь и совсем уж маленький кусочек утра, чтобы с ними разобраться, и ещё мне очень паршиво, — призналась она.

— Хотел бы я помочь, — развел руками Хор. — Но вряд ли потяну уровень Военной Академии.

Хемена сделала глубокий выдох, остановилась и поглядела на едва различимое в темноте позднего вечера лицо своего спутника.

— Мальс, — она впервые называла его так, называла специально, поскольку сейчас имело большее значение имя, — скажи, ведь тебя действительно обучали военному делу до Центра Одаренных?

Он некоторое время молчал, а затем покачал головой:

— Меня обучали военному делу до перевода на специализацию моей семьи. А произошло это, когда мне было всего двенадцать, и с той поры я больше не повторял всех вложенных в мою голову знаний. Я прошу прощения, Хемин, но я действительно ничем не могу помочь.

— Ну пожалуйста! — умоляющим вскриком вырвалось у нее. — Мне сейчас очень плохо, и я боюсь не оправдать доверие одного человека. Все слишком сложно. Я хочу распутать хотя бы пару нитей, иначе совсем задохнусь. Пожалуйста, Хор, давай попробуем вместе решить эти проклятые задания — может быть, вдвоем и сможем что-то выполнить.

— Ладно, — произнес наконец Хор тем же ровным тоном. Темнота не позволяла увидеть его глаза.

Была уже почти ночь, а ученик Центра Одаренных сидел в комнате ученицы Военной Академии и пытался решить предназначенные ей задания. Ответы на часть вопросов Хемена все же написала, но затем не выдержала, сказала, что у неё мозги пухнут, и улеглась на свою кровать, оставив Хору три серьезных задания. Одно он сумел решить, опираясь на старье-старые знания истории, ко второму долго пытался подобрать подход, а затем махнул на него рукой, а вот третье представляло реальный интерес. Разбиралась одна из авиабитв последней войны, и требовалось определить, чем руководствовался командир воздушной эскадры, совершая маневр, который в итоге привел к победе.

Хемена уже крепко спала, а Мальс Хорана, ссутулившись возле лампы, всеми возможными способами изучал ситуацию, восстанавливая в голове все, что только знал о дирижаблях, их механизмах, резервах, действиях в бою... Два листка были исчерканы малоразборчивыми заметками. Спустя где-то час в голове все сложилось совсем четко, и радостный Хор принялся записывать на отдельном листе ответ для Хемены.

В голове ярко стояла вся сцена той битвы, он до мелочей представлял себе обстановку, понимал, какие мысли вертелись в голове у адмирала воздушной армии. Мальс Хорана фактически ощущал себя там, в прошлом, среди звона, шума, скрипа механизмов, криков и порохового дыма, где нельзя думать час над правильным решением, а надо соображать за минуты, за секунды. Он давно не испытывал таких... прекрасных ощущений.

Хор резко тряхнул головой, вырывая себя из этого состояния, которое старался забыть на протяжении всех лет. Нет, он не был военным. Не был!

Подмахнув последние сухие строчки ответа, Мальс Хор отодвинул в сторону все и вышел из комнаты, намереваясь, несмотря на позднее время, дойти пешком до своего общежития.

Когда Раль возвращалась после уроков, к ней подбежал мальчишка и передал записку “от вон того высокого господина”. Разумеется, в той стороне, куда он указывал, никакого высокого господина и в помине не было, но условный знак давал понять, что на кольца нашелся срочный покупатель. Записка гласила: “Завтра в пять часов утра на обычном месте”.

До полуночи Раль несколько раз ходила к комнате Хора, но он так и не появился. Развлекательный вечер, да... Эвальд умел заинтересовать людей. А вдруг... Вдруг что-то случилось? Ведь именно Эвальд находился в центре событий, связанных со смертью Синди, а Раль по глупости не стала говорить об этом Хору. Ей следовало сегодня же оградить его от названного брата, но Трэйгл передал строгое предупреждение предсказателя: чтобы будущее наступило таким, каким надо, эти слова должны знать как можно меньше людей. Нет, лучше просто попросить Хора прекратить эти визиты сегодня же.

Кое-как уняв волнение, Раль вернулась к себе и решила, что пойдет на встречу сама. Она знала, где спрятаны кольца, и уже несколько раз проводила сделки, так что могла справиться без главы их команды. В отличие от Хора, Раль не очень любила походы в “теневую Квемеру”, а вот он чувствовал там себя прекрасно и с легкостью наводил контакты, вливался в настороженные компании, словно всегда там состоял. Она побаивалась, что в один прекрасный день Хор окончательно махнет рукой на законы и растворится среди серости окраинных домов, чтобы проявляться из нее туманным силуэтом для осуществления серьезных операций, тщательно скрываемых от службы порядка.

Раль подготовила их пропуск — монету две тысячи сотого года выпуска с тремя выбоинами на лицевой стороне. Больше ничего не требовалось — только товар, но его предстояло взять из квартиры Хора завтра. Спалось ей плохо — в мареве ночных видений выплывала черная фигура, поблескивая чем-то в руке: сначала казалось, что ножом, а потом показывался красивый блокиратор, тот самый, что убил Синди, и при его виде горло начало сдавливать, словно веревкой. Раль просыпалась, некоторое время успокаивалась, а затем снова погружалась в эту муть. Лишь под утро начало сниться что-то мирное — что именно, уже не запомнилось.

Она встала в четыре, привела себя в порядок и выскользнула из дверей общежития в

сырое осеннее утро. Даже сейчас Квемера жила: в ней ни на секунду не прекращались забота и суета. Заводы работали круглые сутки, а для рабочих, соответственно, рано открывались и поздно закрывались магазины. Одна из смен начиналась в половину пятого, и сейчас по улицам шагали люди, спеша на завод, а среди них уверенно и незаметно двигалась Раль, уже совершившая бросок до конспиративной квартиры и прихватившая там кольца. Она замедлила ход возле небольшой булочной на углу крупных улиц и зашла внутрь. Попросив у хозяина свежего хлеба, положила на прилавок монету две тысячи сотого года выпуска с условными выбоинками.

Вместе с хлебом особой покупательнице передали новую записку. Клиент соглашался на установленную цену, платил сверх сотню и просил три кольца. Видимо, ему срочно требовался товар. В булочной больше не было людей, и Раль спокойно передала хозяину коробочку с кольцами. Он вышел, а через некоторое время вернулся с небольшим кожаным кошельком, где оказалась вся плата и одно из колец. Она приподняла бровь, не понимая этого поступка покупателя.

— Он сказал, вам полезно будет посмотреть, — ровным голосом произнес “булочник”.

Раль медленно надела кольцо на палец и вывернула правую ладонь так, чтобы три пальца коснулись дар-родинок, а четвертый — металла с эмалью. Вспыхнуло.

До чего же красивая штучка. Сегодня ты станешь подарком кому-нибудь, ну а я посмотрю, что из этого выйдет.

Я с усмешкой смотрю на красивый голубой блокиратор.

Раль не успела прервать контакт, как мелькнуло второе воспоминание.

Нам давно пора бы узнать друг друга получше. Моя рука выводит каллиграфические строчки, заметно отличающиеся от обычных каракулей. Не пытайся найти меня по этим строчкам, дорогая моя, это я найду тебя, когда придет срок.

Рука с пером изящно поднимается в воздух. На листе бумаги написано: “Приятно познакомиться. Кей”.

Раль сдернула с руки кольцо, выскочила на улицу и бросилась в промежуток между булочной и соседним зданием, чтобы увидеть, куда делся клиент. Все, кто приходил сюда покупать, удалялись через черный ход, и Кей не мог попасть наружу другим путем. Она угадала: от крыльца уже быстро шагала, почти что бежала высокая фигура в темном плаще. Раль ринулась следом. Кей резко свернул вбок и исчез: оказавшись в том же переулке, она уже никого не увидела и отчаянно завертела головой, пытаясь понять, куда делся насмешник-убийца.

Раль успела услышать лишь шорох за спиной — а через мгновение сильная рука тисками сжала её шею, а кожи коснулся прохладный металл.

— Тише, дорогая моя, — прозвучал над ухом тихий мягкий голос. В пальцах проснулась предательская дрожь, а вот губы застыли, и, даже если бы Раль не держали, она вряд ли смогла бы закричать. — Все хорошо, — продолжил тем же мягким отвратительным тоном Кей. — Ты хотела встретиться — мы встретились.

— Выпустите меня, — прошептала Раль. — Чего вы хотите?

— Я всего лишь хочу познакомиться ближе... достаточно близко, — его дыхание обдавало левую сторону лица, заставляя морщиться. — Дорогая моя, тебе категорически не следует рисковать слишком сильно. Думаешь, твое везение — это признак возвращающейся магии? Нет. Твое везение — это я. Ты дорога мне, ты очень ценна для меня, а значит, ты не имеешь права погибнуть в нелепой свалке. Я много делал для тебя, и я надеюсь, что ты

перестанешь неблагоприятно ввязываться во всевозможные истории, чтобы мне не пришлось лишний раз убивать людей, спасая тебя. Все ясно, дорогая моя?

Раль едва сумела кивнуть, слабо понимая, для чего Кей все это устроил. Мысли совершенно замутнились, и среди них слабым лучиком мелькало осознание слов убийцы: везение обеспечивал он... Значит, надежда оказалась ложной. Значит, магия и не спешила возвращаться. А Адилунд Раль уже успела поверить, что скоро сможет опять называть себя Мистераль...

— Если хочешь силы — иди в театр, — шепнул на ухо Кей.

— Ч-что? — удивилась она. Все выглядело совсем уж нелепо.

— Что слышала, — его голос стал жестче. — Театр из Грозового Мира, прибывший в Квемеру неделю назад и расположившийся в том же квартале, где ночует чаще всего твой брат. Приходи туда и спроси Кудесницу, если тебя, конечно, интересует твой магический дар. Как видишь, я желаю только тебе помочь. Прощай.

Кей с силой толкнул её вперед, Раль потеряла равновесие и упала на колени, а когда сумела вскочить, то рядом уже никого не было.

На последней перемене к Хемене подбежала одноклассница и, поджав губы, сказала, что её ждет у себя ректор.

Сольсетен, не дожидаясь визита, сам попросил о визите. Это могло означать несколько вещей, и все они выглядели плохо. “Да за что мне все это?” — скорбно подумала Хемена, однако не посмела послушаться и, пока имелось время, быстро зашагала по знакомому маршруту к кабинету ректора.

— Здравствуй, Хемин, — Сольсетен снова смотрел с дружелюбием, однако она не обманывалась этим, понимая, что ничего хорошего встреча не несет.

— Здравствуйте, господин Хармад, — неслышно произнесла ученица. — Для чего вы меня вызвали?

— Да прекрати ты уже эти официальности, — поморщился ректор. — И в прошлый раз, и сейчас — скоро ты совсем от меня этикетом отгородишься. Нет, не надо. Да, я вызвал тебя как власть имущий в Академии, но того, что между нами, это не отменяет.

— У меня ошибки в задании, да? — Хемена почувствовала, что у неё дрожат руки. Наибольший стыд всегда приносило осознание того, что она не оправдала чье-то доверие.

— Ошибки есть, да, но это не имеет значения, — махнул рукой Сольсетен. — Эти задания проверялись людьми, которые опытнее меня и выше стоят по служебной лестнице... Хемин, да что же с тобой такое? Ты все бледная. Успокойся, я не собираюсь тебе сообщить ни одну плохую новость, слышишь?

Она еле кивнула. Плохой могла оказаться и та новость, которую ректор считал хорошей.

— Так вот, проверялись моим начальством, — продолжал он. — И по их итогам делались значительные выводы. Что же касается тебя... — Сольсетен выдержал паузу, а потом улыбнулся и шагнул вперед, протягивая руку: — Поздравляю, Хемена Эссентессер.

Она упала в обморок.

После уроков Хора из Центра дернула записка Хемены, переданная одним из учеников Военной Академии, видимо, влюбленным в леди Ричардель-Мистераль, раз он готов был бежать от одного учебного заведения до другого. В записке Хемин просила срочно прийти к ней в общежитие, причем тон заставил сразу же сорваться с места.

Хор стремительно шел по квемерским улицам, по тому же маршруту, какой проходил сегодня ночью, борясь с воспоминаниями и неумной тягой к запретному. Хемена была Ричардель, и об этом не следовало забывать. Хотя он и желал помочь этой девушке, однако понимал, что должен вести себя предельно осторожно, чтобы не касаться вновь всего, что связано с войной. Это грозило срывами вплоть до остановок на пути к давней цели.

Дверь в комнату Хемены оказалась открытой, а сама хозяйка полулежала на кровати, совершенно бледная. Её щеки блестели.

— Что случилось? — тихо спросил Хор.

— Можешь за меня порадоваться, — её губы искривила горькая усмешка. — Перед тобой Эссентессер. Хемена Эссентессер. Ученица и преемница Маршала Объединенного Мира.

Хор замер, совершенно запутавшись в происходящем. Радостная новость вызывала слезы и расстройство. Да ещё какая новость! Маршал Объединенного Мира длительное время отказывался брать себе воспитанника и вот все же сделал выбор — а выбор этот пал на Хемену, что ещё больше растревожило её.

— В чем дело? — мягко спросил Хор.

— Ты рад или не рад? — выкрикнула Хемена почти истерически.

Он пожал плечами.

— Не рад. Как я могу радоваться, если тебе так плохо?

— Если посмотреть на все со стороны, то мне хорошо, очень хорошо, — она всхлипнула. — А отец будет смотреть именно со стороны. И оценит именно со стороны. Ты понимаешь, что теперь для меня планка задрана выше небес и я сойду с ума, пытаясь её достичь?

— Если все так серьезно — откажись, — с твердостью сказал Хор. Он сам решил бы на такое легко — но вот Хемену подобный подход явно удивил. — Послушай, издерганный Эссентессер не нужен ни Объединенному Миру, ни тебе самой. Маршал Байонис — умный человек, он поймет, если при таланте у тебя проявится нежелание идти дальше.

— Понимаешь... У меня не то что желания... У меня таланта-то нет! — губы Хемень кривились, ногти впились в пальцы в попытках хоть как-то достичь успокоения. — Хор... Маршал сделал окончательный выбор по итогам тех самых заданий... По твоим ответам!

Теперь побледнел уже он.

— погоди... Я решил всего пару заданий. Как так?

— Вот так, — прошептала Хемена. — Ректор мне расписывал все это, долго расписывал, а я поняла лишь то, что все в том задании промахнулись, а у меня оказалось точное попадание в цель. Твое.

Хор почти упал в кресло, обхватив голову руками. Ситуация огорошила так, что он уже был не в состоянии говорить что-то ободряющее Хемене. Это все-таки случилось. Гороскоп, чтоб ему сгореть в пламени бездны, оказался точен. Мальс Хорана имел в военном деле талант, достойный звания Эссентессера.

То, от чего он отрекся десять лет назад, вернулось, чтобы заявить о своих правах на огромную роль в его жизни. Хор понимал: теперь ему будет сложно отказаться от этой дороги, поскольку Хемена для неё не годилась и её боялась. Ситуация вывернулась так, что без появления у Маршала ученика уже не получилось бы обойтись. Хор прекрасно представлял себе дальнейшее будущее: он приходил к Байонису, чтобы выгородить подругу, а тот соглашался ей помочь, но не соглашался отпустить того, кому по итогам заданий

вручил фамилию Эссентессер.

Как там говорил Эвальд Мистераль? Эссентессером быть прекрасно...

— Хемин, — глухим голосом произнес Хор. — Ни о чем не беспокойся. И не бойся, что твой отец устроит тебе что-то за все, что случилось вчера. Я улажу, клянусь. А с Эссентессером спорить не будут, — добавил он со злой усмешкой.

Действительно смешно. Столько людей мечтали попасть в воспитанники к Маршалу, а те, кому такое счастье доставалось, мечтали от него избавиться.

— Спасибо тебе, Хор, — еле слышно произнесла Хемена.

Говорят, от себя не спрячешься, куда бы ни мчался, какими бы стенами не отгораживался от частей души, которые хочется выбросить. Глупо было думать, что такое дарование, как он, сможет полностью перейти на другое дело.

Наверное, несмотря на свои заявления, внутри Хор ждал возможности вернуться — но так, чтобы не перечеркнуть этим то, что сделал раньше. И только после исполнения дела, требовавшего от него контроля над кольцами памяти. Теперь этот контроль исчез из-за действий Ли, и больше ничего не заставляло держаться внизу, хотя о деле он забывать не собирался. Когда-то Мальс Хорана поклялся себе, что не воспользуется составленным в детстве гороскопом, сулившему место в верхах армии, однако экзамен Маршала основывался именно на таланте, не беря в расчет происхождение, магический дар и гороскопы. Значит, это было именно то возвращение, которое не нанесло бы урона принципам Хора. А место Эссентессера давало множество возможностей.

— Скажи, — снова зазвучал тихий голос Хемены, — ты ведь... тоже не хочешь на место ученика Маршала? У тебя такие глаза..

— Я когда-то вертелся в этих кругах, а потом ушел. Сам. И возвращаться после этого мне совсем не хочется. Впрочем, перетерплю, — Хор махнул рукой. — А... у тебя с этим как? Не любишь армию, но гороскоп и семья на это не посмотрели?

Хемена помотала головой.

— Нет, я не имею ничего против гороскопа и раннего определения фамилии... Да, я — Ричардель, но среднего уровня Ричардель, а мне задирают планку, и я ничего не могу с этим поделать, — она говорила негромко, а к концу каждого предложения чуть ли не переходила на шепот. — Не могу взбунтоваться и уйти куда-нибудь в Центр Одаренных — меня просто непустят. Я должна быть на высоте. Иначе меня туда поднимут насильно, и это... это очень неприятно, поверьте. Я совершенно не тяну на Эссентессера, а выбор Маршала означал бы очень высокий подъем этой планки, и я точно не справилась бы. Вот... так, — Хемена сделала глубокий вдох и растерла слезы по щекам. — Кроме того, как ты мог уже слышать, у меня начинаются проблемы с даром, как у Раль, а это вообще ужас... Но чего об этом говорить, — пробормотала Хемена совсем тихо. — Я благодарна тебе за помощь, но, — она не сумела скрыть пробежавшей по телу дрожи, — что будет, если отец узнает о решении Маршала до того, как ты это самое решение изменишь?

— Не знаю, — ответил Хор очень ровно, ощущая, что шаг сделан и вернуться не удастся. — Я надеюсь, что это удастся списать на ошибку: тогда у Рондера Мистеряля не появится никаких претензий к тебе.

Он вспомнил свои вчерашние вечерние выводы. Рондер Мистераль становился противником сразу в нескольких делах — и Хор подозревал, что их интересы ещё не схлестнутся, поскольку он возвращался к тому, что категорически отверг в двенадцать лет. Он становился Эссентессером. Будущим Маршалом Объединенного Мира.

“Ещё неизвестно, — подумал Хор, — кому от этого станет плохо”.

Раль сидела в своей комнате, обняв дрожащие колени руками, и все никак не могла успокоиться. Каждые пять минут мысли возвращались к туманному переулку, прикосновению ножа и чужих рук, мягкому голосу, вселявшему отвращение, и тем словам, которые он произносил. Все в этом человеке выглядело непонятным, его действия и слова мало состыковывались между собой, те образы, которые на протяжении этих двух дней она составляла в голове, ломались и рушились, стоило обнаружиться новым обстоятельствам.

Кей не собирался убивать её. Тем не менее, именно он был виноват в смерти Синди и ещё двух или более людей, умерших в прошлом году. И как-то обставил их гибель, что та выглядела естественной.

О, Раль помнила то, что происходило в Грозном Мире шесть лет назад, когда в газету каждую неделю приходило письмо с кусочком легенды о демоне, подсовывавшем людям их смерть, и с подробным описанием, как к тому же концу привел таинственный аноним того или иного человека. Потом его убили самого. Один из полицейских сумел отследить путь писем и, чуть не погибнув, застрелил искусного преступника. Его тело сгорело в его доме: из-за опрокинутой лампы случился пожар. Многие из тайн того дела так и остались тайнами. Поговаривали, что этот человек выжил... Может, он действительно выжил — и все это время скрывался, продолжая свое черное дело, но не желая светиться на страницах газет. От этих мыслей Раль становилось совсем жутко. Она продолжала ничего не понимать, она путалась в том, что делать дальше. А Хор так и не пришел.

Ни ночью, ни утром Раль его не увидела. В Центр он явился, однако они не пересекались, поскольку сегодня проводились преимущественно профильные уроки, а затем Хор ушел к директору на отдельные занятия. И сразу же после них куда-то убежал, не сказав никому ни слова. Кажется, ему передали какую-то записку, но от кого?

Уроки помогли Раль немного отвлечься от мыслей о Кее, но с возвращением домой они снова заполнили голову, путая и пугая, наводя туман и заставляя сердце сжиматься от устрашающей неизвестности.

В дверь постучали, и она вздохнула с облегчением. Наконец-то Хор! Раль вскочила, подбежала к двери, поспешно открыла и замерла. Напротив стоял совершенно серьезный Трэйгл в своем несуразном котелке и в красных брюках.

— Здравствуйте, — произнес он без былого смущения, даже слегка грубовато, но с уважением.

— Здравствуйте, — тихо сказала Раль, совсем растерявшись. — А вы... по какому делу? Трэйгл помрачнел.

— Да все по тому же самому.

Он решительно двинулся вперед, и она шагнула в сторону, уступая этому порыву. Трэйгл присел на свободный стул, положил ногу на ногу и посмотрел на хозяйку комнаты, не смеящую ему возразить.

— Дело все хуже и хуже. Час назад я получил результаты... вскрытия Синди. Я настоял на его проведении, и выяснилось нечто совершенно непонятное. У нее была вырезана печень — аккуратно, хирургически, работал мастер своего дела. Только вот ткани рядом совершенно целые, никаких шрамов не осталось: явно работал врач высокого уровня, зажививший разрез после извлечения печени. Непонятно только, зачем он все это сделал.

Раль недоуменно моргнула.

— Я не понимаю... Кто и когда успел сделать эту мерзость?

— Видимо, это произошло уже после смерти, в больнице, — Трэйгл говорил спокойно. Она так и не разобралась, кем была для него Синди: браки, заключаемые по расчету, преобладали среди всех знатных фамилий, но Трэйгл, в отличие от жены, к ним не принадлежал. И все же он мог говорить довольно ровно о том, что случилось с ней. Вместе с тем Раль помнила нервозность этого уверенного в себе человека, когда они встретились в первый раз. — Кто-то из лекарей напакостил, — продолжал Трэйгл. — Зачем — не знаю, но я хочу найти эту сволочь и с ней за все рассчитаться.

Раль сделала глубокий вдох, пытаясь привести в порядок затуманившиеся снова мысли. У мертвого человека вырезали печень и скрыли все следы этого? Зачем? Для того, чтобы кому-то её пересадить? Или как?

— Не понимаю, — мотнула головой она.

— Да там даже майор Тровен голову сломал, — со злостью произнес Трэйгл. — Не пытайтесь. Но эта гадюка явно из лекарей — решил, видимо, для каких-то своих целей позаимствовать, все равно, мол, мертвому не надо. И это ещё не вся пакость. Умер предсказатель Зорренд. Умер как раз после того, как почти направил нас на верный путь, — простое совпадение? Мне так не кажется! — он стукнул кулаком по колену. — Дело закручивается, и понятия не имею, как оно может закончиться.

Раль замерла. Зорренд умер — это совершенно не походило на случайность, а если Кей сумел добраться даже до столь известного, уважаемого и оттого защищенного человека, то все остальные были перед ним попросту бессильны...

— Я сегодня встретила с тем, кто дал Синди блокиратор, — прошептала Раль. — Я не видела лица. Он приставил мне к горлу нож и дал какие-то странные советы, а ещё сказал, чтобы я меньше рисковала... Я не могу ничего понять, я ничем не могу помочь вам. Я — просто какая-то игрушка в руках этого человека.

Теперь с недоумением моргал уже Трэйгл.

— Кошки-мышки, — процедил он с ненавистью. — Хотя... Это неприятно, да, но это дает шанс: ведь те, кто заиграется, может и проиграть.

— И что теперь делать? — развела руками Раль.

— Я не знаю, — мрачно ответил он. — Проклятие, я всего лишь младший инженер на заводе — кто ко мне прислушается? — Трэйгл с отчаянием всплеснул ладонями. — Полиция твердит, что известит, если что-то выяснит, но они молчат, а я хочу знать! Может, я и не любил её так, как она меня, но я имею право знать, я имею право на мечь! — теперь он смотрел на Раль чуть ли не со злобой, вряд ли осознавая это, полностью погружаясь в безысходные возмущенные мысли. — Она была моей женой, она понимала меня как никто другой...

Раль молчала, до боли кусая губу. В Трэйгле и Синди она видела редкое сочетание людей со схожими сложными характерами — закрываясь от всех окружающих прочной скорлупой язвительности, грубости и откровенных выходок, они тянулись друг ко другу, хоть по доброй воле никогда не признались бы в этом.

— Все равно найду, — прошипел Трэйгл. — Хоть бы для этого понадобилось перевернуть весь мир. Вы поможете мне? — в его взгляде проступила надежда среди ярости. — Я не знаю, к кому другому обращаться.

Раль кивнула, и внезапно по её телу пробежала дрожь.

===== Глава 5. Недостаточное =====

Приход Трэйгла посеял ещё больше тревоги в душу Раль: теперь стало ясно, что они фактически беспомощны перед Кеем, который справился даже с старейшим членом самой известной семьи магов. Вот выше них действительно стояли только Эссентессеры. Снова и снова вспоминались странные слова убийцы, а среди них — приказ отправиться в театр. Звучало нелепо, однако Кей вряд ли был безумцем, и Раль отчего-то почувствовала в себе решимость послушаться его на этот раз.

Она не знала, где остановился театр, зато помнила, где живет Эвальд. И неподалеку от его квартиры одна пожилая дама сдавала в аренду целый двухэтажный дом. Театр вполне мог туда поместиться. Раль отправилась именно к тому дому, про себя гадая, каким образом выставить визит, чтобы её не приняли за сумасшедшую или запутавшуюся.

Здание «гостиницы» было выкрашено в светло-оранжевый цвет и выделялось на фоне коричневатых и зеленых соседей. Увидев возле ворот вместительный автомобиль, Раль подумала, что оказалась права в своих догадках. Она подошла к автомобилю и увидела, что рядом с ним разговаривают два молодых человека в яркой одежде.

— Добрый день. Скажите пожалуйста, вы ведь из театра, да? — спросила она, стараясь говорить увереннее. Куда же вел путь, указанный Кеем? И для чего он был вообще указан?

— Ну из театра, и что? Что надо-то? — с подозрением прищурившись, спросил тот из них, что был повыше, с вьющимися светлыми волосами и большим прыщом на носу.

— Я должна увидеть Кудесницу, — выпалила Раль как можно быстрее, чтобы робость не успела возобладать над крохами уверенности.

— Сабинку-то? — хмыкнул второй, пониже, с живым огоньком в темных глазах. — Она на втором этаже, в комнате с пианиной.

— Эй, а ты вообще знаешь, кто это? — не снижал подозрения первый.

— Да подруга Кудесницы — иначе б так не называла, — беззаботно махнул рукой второй. — Идите-идите, только запомните: не пианино, а пианина. У нас уже скандалчик небольшой вышел, больше никому споров не хочется.

— Хорошо, — скрыв недоумение, кивнула Раль и двинулась мимо них к раскрытым дверям дома.

В просторном холле лежали какие-то сумки, тюки и ящики, с которыми возились несколько женщин, кто-то постоянно прохаживался туда-сюда. Никто особо не обратил внимание на пробирающуюся мимо незнакомую девушку, которая шмыгнула по лестнице на второй этаж и слегка озадаченно остановилась, раздумывая, в какую же из одинаковых дверей с номерами зайти. Сомнения разрешили донесшиеся звуки фортепиано и тихое пение — Раль, ориентируясь по ним, смело постучалась в нужную дверь и почти сразу же распахнула её.

За инструментом сидела молодая женщина лет двадцати пяти с длинными светлыми волосами, собранными в хвост, изящным овалом лица, высоким лбом и добрым взглядом темно-зеленых глаз. Одета она была в простое зеленое платье с рукавами до локтей. Рядом стоял смуглый мальчик лет двенадцати, который испуганно закрыл рот при виде гостьи.

— Хейзи, иди, пожалуйста, к себе, — мягко произнесла женщина. — Мы продолжим завтра. Что вам угодно? — обратилась она уже к Раль, которая сделала шаг в сторону, пропуская припустившего к дверям Хейзи.

— Я... Я... — совершенно растерялась гостья, не понимая, о чем говорить. Кудесница была незнакомой женщиной, они видели друг друга в первый раз, и говорить о Кее и его поручении стало бы большой глупостью.

В этот момент рядом раздалось тихое жужжание, и из валяющейся в углу приоткрытой сумки в воздух взмыла коричнево-красная металлическая фигурка размером с человеческую голову. Через мгновение на ладонь ошеломленной Раль присел механический дракон с алыми крыльями и, как домашний котенок, потерся головой о её руку.

Раль не могла поверить своим глазам. Три года назад она уже распрощалась со своей магией, с этим самым драконом, который, получив от неё жизнь, умчался вдаль на механических крыльях, унося с собой весь энергетический резерв Адилунд Мистераль, и превратил её в Адилунд Раль. Вот куда вел её Кей! Вот зачем велел пойти к Кудеснице! Вот же удивительные причуды судьбы: дракон умчался, но не погиб вдали от Крылатого мира, а в конце концов оказался рядом со своей создательницей в Грозовом и попал к Кудеснице, а теперь сел на руку Раль. Средоточие её магических сил, первый серьезный опыт применения дара, прекрасный результат творчества, из которого можно было получить обратно энергию, тем самым возвращая потенциал дара.

— Он ведь ваш, да? — прошептала Кудесница. — Простите...

— Да за что прощать? — улыбнулась Раль, будучи не в состоянии сейчас мыслить трезво. — Благодаря вам он цел...

— Я ничего не понимаю в этом, — вздохнула Сабина. — Я только знаю, что строго запрещено содержать их у себя. Это ведь опасно: другая магия, неизвестная настройка. Но он был такой замечательный... Я просто не смогла, я рискнула. И мне до сих пор удавалось скрывать его от всех.

— Спасибо! — воскликнула Раль. — О, спасибо! Именно благодаря вам он теперь вернулся ко мне. Вы меня спасли!

— Я рада, — с облегчением выдохнула Кудесница и протянула руку. — Эссабина Мейер. Это мое имя. Я играю второстепенные роли и занимаюсь почти со всеми юными актерами. Здесь меня называют Кудесницей, долго рассказывать историю этого прозвища.

— Давайте я все объясню, — Раль глубоко выдохнула для успокоения и прислонилась спиной к дверному косяку, чувствуя, как от волнения начинают подкашиваться ноги. — Только... можно мне присесть? Это все так неожиданно, хоть и необычайно хорошо.

— Д-да, садитесь же, — Эссабина кивком головы указала на деревянный стул у стены. — А то вам и впрямь сейчас плохо станет. Он такой милый, правда? — она смотрела уже на дракончика.

Раль кивнула и без слов прошла к стулу. Села. Механическое чудо закопошилось у неё в руках, требуя внимания. Пальцы привычным жестом коснулись дар-родинок, дракон забил крыльями, и с механических деталей начала стекать энергия, впитываясь в опустошенные три года назад резервы и потихоньку расширяя их.

— Вы из какого Мира? — тихо спросила она у Кудесницы.

— Из Грозового, но путешествовала, — пожала плечами та и, аккуратно закрыв крышку рояля, вместе со своим стулом развернулась к собеседнице. — Если вы про магию, то я не знаю никакой: ни облачной, ни грозовой, ни крылатой.

— Это из Крылатого, — пояснила Раль все так же тихо. — Когда у человека есть высокий потенциал, он может проявиться совсем внезапно и потратиться на не очень значительную вещь. Я немного ошиблась и случайно вложила всю свою силу в этого дракона. Мне дали задание оживить механизм при помощи энергии, и я перестаралась, а потом не успела его поймать, и он улетел вместе со всем, что в нем оказалось. Такое у магов из Крылатого случается довольно часто, но многим удается поймать оживленный механизм

сразу же или чуть спустя, но если не поймать... При таком выплеске в организме нарушается равновесие — и закрываются резервы, порой почти полностью. Со мной это и было. Единственным моим шансом оставалось найти его и вернуть эту энергию, чтобы потом постепенно развивать резервы. Я уже распрощалась с надеждой, а сейчас... — она глянула на тихонько постукивающее составными частями механическое чудо и счастливо улыбнулась. — Наконец-то!

— Я рада за вас, — Эссабина тоже улыбнулась. — Знаете... Приходите на наш спектакль! Завтра в пять часов в Зеленинском театре.

— Приду, — Раль бессознательно кивнула. — Обязательно приду.

На развлекательный вечер снова пришел Алексис, ради такого события вырядившись в ослепительный белый жилет с серебряными пуговицами. Они опять разделились на пары, между которыми с неизменной улыбкой курсировал Эвальд. Хемена уже совсем успокоилась после дневного, и они с Хором спокойно болтали на тему сражений прошлого. Обсудили и последнюю войну, и тот авиабой, схему которого задал рассчитать Ричарделям Маршал Объединенного Мира. В разговор честно встрял Эвальд, причем зря: он обнаружил свое полное незнание военной теории и, шутливо заклеив себя позором, перешел к Илане и Алексису беседовать о безобидных вещах. Пеня сегодня, кажется, не планировалось.

Хемена с усмешкой посмотрела вслед брату и шепнула Хору на ухо:

— А ведь Эви действительно ничего не знает о моем лже-Эссентессерстве. Выходит, не узнает и отец.

— Разумеется, не узнает, — едва слышно ответил он.

Жизнь для всех этих людей входила в привычную колею... да что там говорить, для Мальса Хорана, похоже, тоже произошло возвращение в ту колею, из которой он немалыми усилиями вырвался во имя своих принципов. Принципы остались, никуда не делись. Если уж он не ушел из мира армии, значит, он собирался перекраивать этот мир под себя.

Подошел Эвальд с небольшой черно-белой коробкой в руках.

— Вы умеете играть в шахматы, Хор?

Тот кивнул.

— Менее виртуозно, чем на фортепиано, однако умею. Меня научили в детстве.

— Ваш брат — большой любитель, из-за него и я пристрастился, — пояснил Эвальд, выставляя на исчерченную клетками доску черные и белые деревянные фигуры. — Я имею в виду Ровиаса Хорана, наследника семьи Хорана.

— Так вы с ним знакомы? — чуть приподнял бровь Хор.

— Мы с ним хорошие друзья, — подтвердил с невозмутимостью Эвальд. — Правда, сейчас я здесь, а он там, но это не мешает нам переписываться и сохранять довольно прочную связь.

— Могу вас с этим поздравить, — ровным тоном произнес Хор. — Мне в подобной чести было отказано. Итак, какой цвет вы предпочитаете?

— Тот, на который укажет фортуна, — пожал плечами Эвальд. Он закончил расстановку войск, взял белую и черную пешку и завел руки за спину. — Правая? Левая?

— Правая, — Хор кивком головы указал на нужную руку. — Предпочитаю выбирать её.

— Вот в этом вы с Ровиасом похожи, — улыбнулся Эвальд. — Если б я любил жульничать, я б всегда играл тем цветом, каким хотел, но я честно мешаю эти пешки так, что и сам не знаю, где какая. У вас черные. Начнем?

Хор кивнул. Белые двинули вперед королевскую пешку. В ответ шагнула третья с краю черная. Друг напротив друга выскочили кони. Эвальд внимательно глянул на позицию, а затем изящным движением выставил далеко вперед своего слона, нападая на коня. Хор спокойно двинул пешку на королевском, освобождая пространство для развития. Слон съел коня. Размен, сдвоенные пешки на фланге, слегка неясная позиция.

Белые развивались спокойно и надежно, не делая никаких выпадов после первого, а черные тоже аккуратно наращивали свою военную мощь, однако готовились к атаке, поскольку именно на это их настроила легкая нестандартность позиции. Хор любил маневрировать в спокойном положении, чтобы затем совершить резкое действие, вскрыть игру и перевернуть все вверх ногами, будучи к этому готов и радуя неожиданностью соперника. Эвальд действовал неспешно, затыкая все дыры и не собираясь в ближайшее время устраивать рискованные действия. Видимо, случившийся в самом начале размен был направлен именно на утихомиривание позиции.

Черные пешки на ферзевом фланге решительно двинулись вперед. Белые выстроились крепостью, исключая почти все возможности разменов. Фланг встал. Фигуры Эвальда, первую половину партии ползавшие, как сонные мухи, быстро сгруппировались и ринулись в атаку по открывшимся линиям. Хор не успел ничего сделать. Позиция рассыпалась, и ему пришлось отдать сначала пешку, а затем и качество, поменяв ладью на разошедшегося коня соперника. Ферзи ушли с доски, оставив черных доигрывать неприятный эндшпиль с вполне предсказуемой концовкой. В конце концов Хор просто протянул противнику руку, сдаваясь, не дожидаясь проведения ферзя и мата.

— Ну как вам вариант? — поинтересовался Эвальд. — Я не люблю обсуждать все сразу во время партии, но начальные ходы прекрасно помню и могу воспроизвести. Хотите посмотреть?

Хор кивнул. Они неторопливо расставили былую позицию ходов после пятнадцати-двадцати.

— Не нужно было тут лезть, — принялся объяснять Эвальд. — Если бы вы продолжали выжидать, ничего страшного не случилось бы, а я не сумел бы прорваться.

— Выжидать — хорошее дело, — усмехнулся Хор. — Однако чего дожидаться, сохраняя спокойную позицию? Вы знаете, где тут есть возможности хоть как-то вскрыть игру?

Эвальд внимательно глянул на него и улыбнулся:

— Здесь лучше вообще ничего не делать. Сидеть и ждать, и тогда все рано или поздно перейдет в ничью. Вариант не выигрышный. Просто он основан на нетерпеливости черных, а эту нетерпеливость проявляют фактически все.

— То есть вы предлагаете в этой позиции ходить туда-сюда, образно выражаясь, и не реагировать ни на какие действия белых? — приподнял бровь Хор. — Полный пассив?

— Не полный пассив, а полная оборона, — уточнил Эвальд. — Иногда без этого никуда. Ровиас Хорана, впрочем, предпочел сменить дебют за черных, чтобы только не встречаться с моим вариантом.

Хор усмехнулся:

— Я свои варианты не меняю. В следующий раз попробую не отдать вам моего коня, а что уж из этого выйдет — посмотрим. Но сейчас партия уже завершена, и мне кажется, что мы слегка утомили шахматами людей, которые не так сильно их любят.

— Что вы, нет, конечно же, — поспешно произнес Алексис. — Нам было интересно поглядеть. Когда-нибудь я научусь играть в шахматы.

Эвальд улыбнулся. Алексис, юный романтик, юный поэт, стремился всем восхищаться и всему радоваться. Такой же милый цветок, как и Халана. У них получалось целое сборище не осознающих серьезности жизни людей — подобное тянулось к подобному? Все равно это выглядело малость странно. Хотел бы Хор знать, какую фамилию имеет их гость.

— Ты нам сегодня не споешь? — спросила Хемена.

— Не хочу утруждать Хора, — отшутился Эвальд.

— Что значит «утруждать»? — так же шуточно возмутился тот. — Я уже третий день углубляюсь в ваши ноты, а если прекращу на время это делать, то совсем потеряю форму, и в следующий раз придется провозиться как минимум час. Час в сопровождении моих странных звуков на рояле — как вам это понравится?

— Никак, — заключил Эвальд. — Но настроения петь у меня, прошу прощения, сейчас нет. Может быть, вы просто нам сыграете?

— Охотно, — кивнул Хор и прошагал к роялю. — Правда, мне придется все это вспоминать, так что не судите строго, если не получится с первого раза.

Он исполнил несколько не слишком сложных, но красивых мелодий, получил восторженные, как и всегда, взгляды Алексиса, улыбку Иланы и Эвальда, одобрение Хемены. На третьей по счету песне в дверь постучали, и хозяин заторопился открывать, извинившись перед гостями.

Он отсутствовал минут десять. За это время гости опять разделились на пары, и Хор, оценив внезапно пришедшую к нему догадку, тихо сказал Хемене:

— Скажи, ты не замечала, что твой брат совсем не смеется?

— Эви? — удивилась она. — Да это самый веселый человек в нашей семье.

— Я не про то, — качнул головой Хор. — Да, он постоянно шутит, выглядит так, словно вообще не слышал слова «серьезность», но лично я ни разу не видел, чтобы Эвальд рассмеялся над своей или над чужой шуткой. Вы знакомы дольше, может, тебе доводилось встречаться с подобным, гм, явлением, однако я могу поклясться, что за все эти веселые вечера, где прозвучало много всего невероятно смешного, твой брат не засмеялся ни разу. Только улыбался. Немного странно выглядит, правда? При его-то характере. Сомневаюсь, что дело в воспитании, тут другая причина, однако я не представляю какая.

Хемена задумалась — видимо, вспоминала.

— Я уже привыкла, что если Эви — значит, улыбка до ушей, но вот на смех как-то не обращала внимания. Странно, — она нахмурилась. — Я не помню, чтоб он смеялся на каком-либо из вечеров, если не путаю, конечно. А может, путаю. Скорее всего, путаю. Во всяком случае, это не имеет значения, — быстро закончила Хемена.

Хор пожал плечами. Если собеседница не хотела говорить на эту тему, то следовало аккуратно отставить её в сторону. И все же выглядело все необычно. Человек, который постоянно шутит и никогда не смеется сам.

Эвальд вернулся с прежним веселым выражением лица и пояснил, что дела имеют скверную привычку порой наведываться на милые развлекательные вечера, однако пообещал, что подобного в ближайшее время не повторится. В качестве компенсации он решил снова спеть для всех гостей. Хор, понимая, что случится в ближайшее время, прошел к роялю и потребовал самых сложных нот. Эвальд улыбнулся. Илана рассмеялась. Алексис восхитился его упорством пианиста. Хемена легонько усмехнулась.

— Значит, так, — Эвальд вдруг подмигнул им всем. — Раз уж у нас собралась компания настолько творческих людей, то почему бы не устроить коллективное творчество?

— Это как? — глаза Алексиса моментально загорелись.

— А вот так, — организатор вечера уже был полностью захвачен идеей. — Алексис, вы напишете стих — прямо здесь. Илана попробует что-нибудь нарисовать по его мотивам, или наоборот, вы напишете по её картине или наброскам. У меня здесь есть уголь для рисования и даже краски. После этого я исполню этот стих, а Хор будет аккомпанировать. Как вам?

— Было бы чудесно, но... — Илана слегка смутилась. — Вдруг у меня не получится?

— У меня стихи выходят по вдохновению, — Алексис аж покраснел.

— Понятное дело, — махнул рукой Эвальд. — Однако что мешает вам попробовать? В конце концов, не все ж одному Хору мучиться с роялем под вашим наблюдением. Если получится что-то ужасное, признаем эксперимент проваленным и займемся чем-нибудь другим. Ну как? Рискнете? Кто за?

Рука Иланы взметнулась сразу же, Хор свою поднял лениво, Алексис — застенчиво.

— А мне чем заняться? — приподняла бровь Хемена. — Я не отношусь к творческим людям.

— А ты придумаешь тему для совместного творчества, — моментально выкрутился Эвальд. — Идет?

Она повела плечом и последней изящно подняла руку.

— Только не жалуйтесь, если вам не понравится.

— Договорились, — радостно подвел итог голосованию Эвальд. — Итак, леди Хемена, ваше слово?

— Темой будет... вода и все, что с ней связано, — минуту подумав, решила она. — Достаточно широкая, но для первого раза подойдет.

— Так вы надеетесь, что будут и следующие? — мигом просиял Эвальд. — Прекрасно, что у этой идеи есть потенциал. Тема мне нравится, и я думаю, что наш поэт и наша художница найдут, что изобразить из нее. Господа, я жду ваших творений, у вас есть час, чтобы создать шедевры. Поскольку меня некоторые zde присутствующие считают, скажем так, болтливым, — он улыбнулся, глядя на Илану, — то я вас покину, дабы не смущать.

— Я тоже могу выйти, — вызвался Хор.

— Нет, останьтесь, — внезапно попросила Илана. — С вами интереснее. Хемин, и ты тоже, с тобой я буду консультироваться насчет темы.

— Признайся сразу, что я сбиваю с настроения, а Хемин и Хор — нет, — несколько не смущенный, заявил Эвальд. — Я появлюсь через час или в том случае, если позовете. Все исчезает и никому не мешаю, — и он выскользнул в прихожую, откуда вела дверь во вторую комнату.

Илана и Алексис зашептались между собой, а Хемена двинула бровями, приглашая Хора к продолжению разговора. Только его чего-то не тянуло. Тянуло больше подумать, не отвлекаясь на беседу, о всем том, что происходило в последние дни, об участии в этом Рондера и Эвальда Мистералей и всех странностях.

Мелькнула внезапная мысль. Повинуясь ей, Хор быстро поднялся, двинулся в прихожую, прошагал к нужной двери, почти беззвучно открыл её и скользнул внутрь, в комнату, обставленную точно так же, как и первая, только без рояля, зато с двумя большими шкафами. Эвальд сидел на стуле за мольбертом и... рисовал. Хор, удивленно замерев, успел увидеть ярко-черный силуэт человека за роялем на сине-зеленом фоне в серебряную крапинку, словно сверху на рисунок насыпали звезд. Взгляд художника стремительно метнулся к вошедшему, а затем Эвальд удивительно изящным движением подхватил

стаканчик с грязной от красок водой, выплеснул его содержимое на почти готовый рисунок и ослепительно улыбнулся.

Да, этот человек находился за границами понимания Хора.

— Что это было? — тихо спросил он.

— Ваш портрет, — пожал плечами Эвальд. — Но я очень не люблю, когда меня застают за рисованием. Увиденный ранее времени портрет я уже не могу нормально доделывать, а потому вы видите то, что видите.

Хор тихо вздохнул, глядя на растекающиеся по картине грязно-серые разводы.

— Все же вы странный человек, Эвальд.

— Очень даже может быть, — развел руками он. — Что ж, когда-нибудь я нарисую новый, и он до вас дойдет, если вы не станете проявлять излишнее любопытство. Так по какому поводу вы зашли?

— Не хочу мешать им, — беспечно ответил Хор, хотя эта беспечность далась ему не так легко после вызванного собеседником недоумения. — Да и без вас стало скучнее.

— Не хотите развлекать Хемин? — Эвальд вполне качественно изобразил возмущение. — Я на вас обижен. Я для того вас и приглашаю, чтобы она присутствовала, а то наша высокоумная Ричардель не любит простых разговоров, а с вами она может о многом побеседовать.

— Например, об обучении военному делу, которое я забросил, поскольку сейчас состою в Центре Одаренных, — в голосе Мальса скользнул вызов. Вот сейчас и должен был решиться волновавший Хемину вопрос.

Эвальд улыбался и ничего не говорил в течение целой минуты, сказав этим достаточно.

— Мы с вами оба прекрасно понимаем, что военного дела вам не избежать, — наконец пожал плечами он с прежним дружелюбным видом.

— И можно узнать причину, по которой случилось ваше понимание? — хоть собеседник и оставался совершенно мирным, но Хор атаковал.

— В тот вечер вы провожали Хемин до дома, а значит, могли и зайти к ней, и помочь ей с решением задач, — просто сказал Эвальд. — При всем уважении к моей сестре, я знаю, что выдающихся талантов полководца у нее нет. Чего не скажешь о вас. Узнав от Маршала о назначении, я просто умножил два на два и получил, соответственно, четыре. Я не стал сообщать о случившемся Рэру, — Хор не сразу вспомнил, что так он называл Рондера Мистералю, — и просто ждал, надеясь, что вы окажетесь честным человеком и займете полагающееся вам место.

— Я оправдал ваши ожидания, — Хор присел на соседний стул. — Можете радоваться, Хемин сохранит более-менее стабильную жизнь. Чего нельзя сказать обо мне, — аккуратно передразнил он собеседника. — Вы говорили, что Эссентессером быть прекрасно: что ж, посмотрим, через пару месяцев я смогу точно узнать, каково это.

— Так вас совершенно не радует ваше назначение? — удивился Эвальд. Кажется, он действительно не понимал, как можно не видеть великое благо в ношении фамилии правителей.

— Меня оно обрадует только тогда, когда я продержусь с ним полгода и при том ни я, ни оно от этого не пострадают, — ровным тоном произнес он. — Мальс Эссентессер... Это может плохо сочетаться, но чего уж загадывать. Увидим.

— Увидим, — кивнул Эвальд. — Мне кажется, что вы недолюбливаете саму систему фамилий и их распределения.

— Именно так, — тон Хора стал даже слишком спокойным. — У меня есть причины её не любить и считать, что без неё было бы лучше.

— Без нее было бы точно так же, — грустно улыбнулся Эвальд. — Несправедливость, неточность, недочеты — это сопровождает людей всегда, какие бы гении ими ни правили.

Хор промолчал, с интересом наблюдая за приоткрывшейся на миг серьезной стороной этого человека, которая проявилась и после исполнения той грустной песни. Нет, Эвальда Мистерала он не мог назвать ветреным везунчиком, откладывающим в сторону серьезность жизни.

В дверь постучали.

— У нас уже все готово, — объявила с улыбкой Хемена. — Совместное вдохновение творит чудеса, а вам придется сейчас петь. — Она бросила взгляд на мольберт. — Опять за свое взялся — и опять скрытничает? Что ж, я вижу, что столица тебя не поменяла. Идем. Знаешь, Хор, — обратилась она уже к гостю, — Эви в Грозном Мире постоянно творил подобную красоту, изображая окружающих людей в одном ему понятном ключе. Силуэты и россыпи цветов — никакой конкретики, одна только абстракция.

— Это был мой портрет, — усмехнулся Хор.

— Тогда поздравляю тебя с тем, что ты сам его испортил, — пожала плечами Хемена.

Они втроем вышли к довольным Илане и Алексису, хотя последний, кажется, стеснялся ещё больше, чем раньше. Они ещё немного поспорили, кто первый представит свое творение, и в итоге начала Илана, продемонстрировав всем изящный угольный набросок женской фигуры, рождавшейся из струй водопада. Следующим выступил Алексис.

Там, где струи воды так шумны, так дерзки,
Родилась из их брызг дева бурной реки,
Дочь божественной силы, волшебной руки,
Что в тиши совершенства творила мазки.

Мне увидеть её красоту довелось:

Чудо-платье из волн и разливы волос,
И журчанье воды из её губ лилось,
И сияли глаза, не вмещавшие слез.

И игралось в волнах дикой речки дитя,
Провожала весну, с теплым ветром шутя,
И не знала о боли, о жгучих смертях,
И не билась ни разу у горя в когтях.

И во льду застывала холодной зимой,
А когда с мартом птицы летели домой,
Вырывалась из льда и плыла в летний зной,
Любовалась природы чудесной страной.

По ночам танцевала она на волнах
И являлась кому-то в сияющих снах,
Прогоняла от душ беспокойство и страх
И улыбкой своей, и журчаньем в устах.

И неслась по ручьям, в водопадах плыла,
Ей милы были свет и туманная мгла,
Не страшилась морозов, цвела от тепла
И любила весь мир так, как только могла.

Поэту хлопали. Стихотворение Хору снова понравилось, а Эвальд озабоченно порылся в своих нотах и с торжествующим видом выцепил из них нужные. Под обсуждение созданных шедевров Хор честно репетировал аккомпанемент, потом они успешно исполнили эту песню, а счастливый Алексис тихонько подпевал. После творческого эксперимента они просто говорили обо всем подряд, и, несмотря на серьезность произошедшего разговора с Эвальдом, Хор снова окунулся в веселую атмосферу.

У Хемин уже не могло возникнуть проблем с отцом. Проблемы могли возникнуть только у Байониса Эссентессера с Мальсом Эссентессером. Он тихонько вздохнул, осознавая, что все же его имя не сочетается нормально ни с одной фамилией, исключая ту, что использовалась вместо имени. Мальс Хор. Больше и не надо. Почетней и не надо — только б оставаться самим собой. Он давно выбился из системы и не желал подниматься на самые верха за счет её элементов. Хорошо что, в отличие от прочих учеников-Эссентессеров, новый преемник Маршала выбирался по таланту, а не по гороскопу, а выбиравшийся по гороскопу год назад умер от застарелой болезни.

В дверь решительно постучали.

— А ты обещал, Эви, что нас больше не потревожат, — капризно протянула Илана, глядя вслед брату, стремительно идущему к дверям.

Он замер на середине комнаты, потому что новый гость вошел сам. Вернее, гостья. Вернее, Адилунд Раль собственной персоной. Вернее, она, но и не она, поскольку Адилунд Раль не имела достаточной магической силы для того, чтобы войти в дом, открыв при помощи энергии запертый замок.

На лице Эвальда было написано изумление, граничащее с ужасом. Илана с недоумением моргала, Алексис вообще ничего не понимал, Хемена вдруг застыла каменным изваянием, а Хор... Хор просто улыбнулся, встал и сделал несколько шагов вперед, протягивая руки напарнице, которая неизвестным образом вернула магический дар.

— Поздравляю, Раль, — громко сказал он. — Правда, подозреваю, что с этого дня правила Объединенного Мира предписывают тебе иметь иную фамилию.

Она тоже шагнула ближе к нему, и лицо осветилось радостной улыбкой.

— Я — Мистераль, Хор, но для тебя навсегда останусь Раль.

— Слышите? — он повернулся к изумленным присутствующим. Губы Эвальда чуть шевельнулись, и в их движении угадывался неслышный шепот: «Не может быть. Этого не может быть». — Перед вами Мистераль, — торжественно произнес Хор, наслаждаясь этим моментом. — Ваша сестра.

— Не старайся, — легонько усмехнулась Раль. — Мои родственники слишком привыкли к тому, что я гордо ухожу от них, пресекая любые попытки начать разговор, потому что глава фамилии решил навсегда вычеркнуть меня из жизни семьи. Илана, Хемин и Эви не виноваты в том, что стали от меня далеки, но для того, чтобы сблизиться, нам нужно время. Прошу прощения, господа, но я пойду. Хор, ты со мной?

Он с улыбкой покачал головой:

— Мне нужно успокоить их и успокоиться самому. Поговорим завтра утром об этом, в подобных делах лучше не спешить. Возвращайся к себе... Раль.

Она кивнула.

— Извиняюсь за вторжение. До свидания.

Адилунд Мистераль скользнула к входной двери, вышла и закрыла её за собой на замок, используя техномагию.

— Что ж, этот вечер становится все интереснее и интереснее, — сказал Хор для того, чтобы что-то сказать.

Эвальд потихоньку оттаял от своего застывшего изумления и попытался безмятежно пожать плечами.

— Чудеса в этом мире все же случаются.

— Так это отец велел ей отталкивать нас при каждой встрече? — зазвучал возмущенный голосок Иланы. — А я-то, глупая, думала, что Адилунд действительно на всех разозлилась и не хочет нас видеть.

Эвальд бросил на неё короткий предупреждающий взгляд, намекая, что не следует распространяться о делах семьи в присутствии посторонних людей. Впрочем, Алексис увидел много, а Хор перестал быть посторонним в этой компании.

— Я ничего не поняла, — повела плечом — привычный жест — Хемена. — Надо будет завтра как следует разобраться со всем этим. Может, на Адилунд повлияло то наше приключение?

— Вы о часозвоне? — беспечно поинтересовался Эвальд. Кажется, если что-то и удавалось скрыть от Рондера Мистерала, то от его наследника это не ускользало. — Сомневаюсь. Обычно такие вещи влияют только в плохом смысле, а возвращение дара после опустошения обычно имеет закономерности.

— И какие же? — усмехнулся Хор. — Признаться, мне с этим столкнуться не довелось, меня сразу зашвырнули в Центр Одаренных, не задумываясь, можно ли вернуть мою магию, хотя она дала бы мне возможность хотя бы пойти в Зорренды.

Брови Эвальда плавно поползли вверх.

— Так вы тоже очутились в Центре из-за потери магии, а не из-за отсутствия таланта?

Хор сделал выразительную паузу и милым тоном поинтересовался:

— А разве в Центр можно попасть, имея талант, но не имея магии? Мне кажется, что мы говорим о разных вещах и друг друга не понимаем, но только что вы сделали один интереснейший намек. Итак, я повторяю вопрос. Не подлежит сомнению то, что отсутствие энергетического дара не дает человеку получить фамилию Зорренд, поскольку та связана именно с магией, однако что насчет других фамилий? Я в детстве рассматривался как кандидат в Зорренды из-за высокого уровня резерва, но впоследствии этот уровень фактически исчез, я не оправдал надежд семьи в других занятиях и попал в Центр. Но меня интересует ответ на вопрос, Эвальд.

— Спросите у Арктера Хорана, — пожал плечами тот, опять выглядя спокойно и дружелюбно. — Вы знаете, я не люблю настаивать и в ответ жду от людей вежливости, а она выражается в отсутствии назойливости. Я знаю ответ на вопрос, но не имею права вам говорить. Извините.

— Я у моего отца спрошу, — Хор скрестил руки на груди. — Только вот он ответит так же.

— Значит, вы не имеете права этого знать, — легкомысленно произнес Эвальд, словно удивляясь, как собеседник не может этого понять.

— Раль, я так понимаю, знает, — очень вежливо сказал Хор. — И уж она-то мне точно ответит.

— О чем вы вообще? — подала голос Хемена. — Эвальд? Оказывается, у тебя есть секреты семьи, которые ты никому не выдаешь? Удивительно, — она изогнула губы в насмешливой улыбке. — Может быть, ты ещё кое-что не имеешь права нам говорить? И не

смотри на меня так, меня не интересует присутствие посторонних. Пусть Алексис слышит все, тем более, что, кажется, ты ему доверяешь, хоть и пытаешься мне намекнуть, что он посторонний. Эвальд, давай прямо сейчас обозначим рамки: я — Ричардель, ты — Мистераль, я — просто неплохая ученица, ты — наследник, я — одно, ты — совершенно другое. Все, Эви и Хемин умчались, мы выросли, и теперь уже не может быть полного доверия друг ко другу. Не так ли? Не так ли? — гораздо громче повторила она, совсем разойдясь.

Эвальд улыбнулся неожиданно доброй и обезоруживающей улыбкой.

— Нет, Хемин. Не так.

— А как? — с вызовом спросила она.

— Тебе я могу объяснить, пожалуйста, — он выглядел как человек с самым лучшим на свете настроением. — Ответить на все вопросы. Объяснить, если что непонятно. Ты остаешься моей сестрой, несмотря ни на что.

— Тогда почему ты не можешь оказать ту же любезность и человеку, спасшему твою сестру? — напирала Хемена. Илана и Алексис молча хлопали глазами, понимая, что вступать в спор сейчас не стоит. — Хор достоин доверия, уж всяко большего, чем твой поэт, — она свирепо глянула в сторону Алексиса.

— Я не спорю, что он достоин доверия, и он хороший человек, потому что помогал тебе, — даже сейчас строгостью и серьезностью в выражении Эвальда особо не пахло. — Если б я сейчас спокойно все рассказал бы, это был бы дружеский жест, однако я не могу оказать его тому, кто не просит, а требует, причем с полной уверенностью в том, что ему не откажут, — он безоблачно, действительно искренне улыбнулся и пожал плечами. — Наш уважаемый гость добывает информацию с боем, а я не привык, чтобы меня штурмовали. Я не против договориться миром, что-то подарить, от чего-то отказаться, ведь у меня нет таких уже великих секретов, однако мой отказ в этом вопросе связан исключительно с поведением нашего гостя, — Эвальд говорил так, словно Хор не стоял сейчас рядом.

— Вот, значит, как? — приподнял бровь вышеназванный гость, не желая менять тактику. — Я не против мирных договоров, однако у нас с вами было слишком поверхностное знакомство, чтобы я проникся к вам безграничным доверием...

— Ой, да не надо этого, — махнул рукой Эвальд с прежним веселым видом. — Я не прошу от вас такого уж безграничного доверия. Всего лишь приятного общения и отсутствия подобных атак. Не спорю, это выглядит красиво: вы уловили неточность в словах собеседника, начинаете надавливать, чтобы моментально получить ответ, и с чувством собственного превосходства разглагольствуете. Красиво. Но это годится для людей, считающих друг друга соперниками. А я вам не соперник. Если выразаться проще, то я повел себя по отношению к вам точно так же, как вы — по отношению ко мне, и это кажется мне правильным.

Хор даже не сразу смог ответить на этот любопытнейший монолог, сдобренный необычайно приветливым и чуть ли не счастливым выражением лица Эвальда.

— Я прошу прощения, — наконец сухо произнес «уважаемый гость». — Я говорил с вами как с наследником Мистералей, а не как с моим хорошим знакомым, — он произнес это ровно и глянул на Эвальда: неужели тот действительно верил, что слова про «хорошего знакомого» — правда?

— А я прошу прощения за то, что повел себя как наследник Мистералей, а не как нормальный человек, — радостно отозвался Эвальд. — На этом считаю конфликт

исчерпанным. Илана, Алексис, прошу прощения за эту сцену. Хемин, ты тоже извини. Хор, я вам объясню эту тему, но не прямо сейчас, потому что не хочу слишком серьезного разговора. Да и Хемин она не очень понравится: это будут поводы для переживаний.

Хемена распахнула глаза, и в них мелькнуло понимание.

— Прости, Эви, — тихо сказала она.

— Да ничего, — он с теплотой глянул на названую сестру. — Хор, если вам не терпится, мы можем выйти во вторую комнату и все это обсудить. — Эвальд веселым взглядом обвел остальных. — Надеюсь, вы не станете протестовать?

Не дожидаясь ответа, он направился к двери в соседнюю комнату, и Хор двинулся следом. Происходящее на вечере очень сильно спуталось и стало малопонятным, однако даже из туманных ситуаций следовало извлекать максимальную выгоду, чем он сейчас и занимался.

— Понимаете ли, — непринужденно начал Эвальд, едва Хор прикрыл дверь, — распределение по фамилиям основывается на магическом даре, — он держался так, словно и не происходило никакого недопонимания между ними. — Это все из-за Регента и необходимости в слаженности всей магии. Ну вы же знаете, — Эвальд наморщил лоб, — законы о термоэргическом равновесии, ограничение на применение магии, необходимость объединить всю эту энергию в толковую систему и так далее и тому подобное. Для того, чтобы с этим не случилось какого-нибудь серьезного провала, Регент через систему обучения наблюдает пути всех обладателей дара, и обычно их вытягивают на должности повыше. Да и фамилии дают, ориентируясь на магию: её оттенки различаются в каждом из семи семейств.

Значит, это исходило от Регента, от одного из четверых Эссентессеров, от самой государственной системы Объединенного Мира. Что ж... Что-то подобное Хор и предполагал.

— Все маги должны быть на виду, — продолжал Эвальд. — Поэтому им составляется красивый гороскоп, да и с обучением стараются получше. Адилунд взяли в семью только из-за дара, а когда тот исчез... Думаю, вы поняли. Хемена сейчас очень нервничает из-за того, что у нее начали опустошаться резервы, ведь это может означать полное падение.

— Вот, значит, как, — задумчиво произнес Хор. — Но вы говорили о закономерностях опустошения и восстановления резервов. Что именно вы имели в виду?

— У Адилунд случился выброс, очень обидный, и восстановление могло произойти только одним способом: возвращением утраченной энергии, — Эвальд вздохнул, вспоминая, видимо, внезапное появление Раль. — И это такое невероятное совпадение... что слишком невероятное. Вот скажите, каков шанс того, что механическое животное без капли разума в голове улетит от своей создательницы и встретится с ней три года спустя в другом регионе?

— Вероятность очень низка, — не мог не согласиться Хор. — Понимаю, отчего вы были столь поражены.

Эвальд вздохнул и слегка озадаченно почесал затылок.

— Я до сих пор в это поверить не могу, но должен принять. Слишком уж все случайно, неожиданно, чудесно, замечательно. Я не люблю такие поразительные совпадения — вдруг это на самом деле кем-то распланированная вещь? Но я скорее сломаю себе голову, чем пойму, кем и зачем спланированная. Я люблю математику, но просчитывать людей, признаться, не очень-то умею.

— Я не имею сведений, чтобы судить об этом, — серьезно произнес Хор, понимая, что

над этим действительно стоит подумать. — Мне необходимо расспросить Раль, чтобы понять хотя бы, где она встретила свой вернувшийся дар.

— И не получила ли указаний на него от кого-то, — подхватил Эвальд и с надеждой посмотрел на него. — Мне она не доверяет. Попробуйте все выяснить, и я буду очень вам благодарен. Адилунд — часть моей семьи.

— Я сделаю все, что смогу, — ответил Хор, по-прежнему держась отстраненно и осознавая, что слишком плохо знает этого человека, чтобы судить, есть ли его откровенность откровенность.

— Благодарю вас, — улыбнулся Эвальд. — За это я вам расскажу все, что вы хотели знать о возвращении даров... и не только. Прежде чем говорить о возвращении, следует упомянуть об исчезновении, которое возникает до жути банально, — он заговорил более серьезно, как лектор. — Человеческий организм — это аккумулятор энергии, но у каждого аккумулятора есть срок годности, потому и наше тело тоже изнашивается. У кого-то это происходит в семьдесят, у кого-то, увы, в двадцать или даже семнадцать. Правда, потом организм может излечиться и снова воспринимать магию на должном уровне. Вот эти процессы отследить бывает очень сложно даже сильным лекарям, не говоря уже о попытке их предсказать или ими управлять. Однако есть одна примета, по которой можно угадать, что дар возвращается: начинается везение. Везение на грани нереального. Неизменное. А потом проявляется и магия. Это не вписывается в науку, но это есть.

— Вот, выходит, как, — медленно произнес Хор. — Вы знаете, что Раль в последний год совершенно забыла о такой вещи, как осторожность?

— Нет, — слегка озадаченно протянул Эвальд. — Со мной она ничем не делилась, увы: обычно глава семьи обрубает все контакты с кем-либо из неопределенных, я ничего не мог с этим поделать. Выходит, Адилунд чувствовала, что у неё восстанавливается дар... Но я до сих пор не могу поверить в такое совпадение. Дракон умчался в чистое небо — а в результате прилетел к хозяйке. Просто удивительно, — все никак не мог оставить эту тему он.

Теперь все стало ясно. Зря Хор пытался перевоспитывать свою напарницу, когда она чрезмерно рисковала: ведь именно так проверялось, вернется дар или нет. А он вернулся. И Раль снова стала Мистераль. Правда, будущий Мальс Эссентессер не вполне осознавал, вс что же в итоге это выльется.

— Я постараюсь разобраться, — ещё раз сказал Хор.

— Так какие ещё вопросы у вас остались? — Эвальд снова был сама доброжелательность.

Вообще-то он уже ответил на все, на что обещал, однако, раз ситуация складывалась столь прекрасно, то почему бы и не обнаглеть?

— Почему среди Мистералей так редко встречаются неопределенные? — спросил Хор так, словно с самого начала имел право получить ответ на этот вопрос.

Эвальд сощурился:

— Услышь Рэр, что я выкладываю вам эти вещи, он бы успел десять раз проклясть любимые гороскопы, однако я как наследник семьи Мистераль могу распоряжаться полученными знаниями так, как хочется мне. Это фокусы наследственности. Изнашиваемость в магическом плане — признак организма, а он зависит от родителей. В нашей семье очень тщательно подбирают жен и мужей. Наследников, впрочем, тоже.

— А то, что у вас почти не рождаются мальчики, тоже из-за наследственности? —

беззаботным тоном поинтересовался Хор, отчасти копируя манеру разговора собеседника.

— Именно, — невесть чему обрадовался Эвальд. Возможно, догадливости Мальса. Хотя тема была не очень-то радостная. — Для полных объяснений вам лучше б обратиться к ученым, однако если коротко, то мальчики просто не выживают. Каждую невесту, готовящуюся вступить в семью Мистераль, предупреждают, что как минимум один выкидыш у неё случится.

— И так — у всех? — приподнял бровь Хор. — Сколько же таким образом детей погибло... И это не лечится?

— Увы, — развел руками наследник Мистералей. — Это смешано ещё и с магией. Все наследники подбираются по способностям и магии из других семей, но наиболее подходящее для нас сочетание всех признаков и дара дает в итоге смерть детей мужского пола.

Хор сделал паузу, пытаясь осмыслить этот научный феномен.

— Подождите, — мягко произнес он. — Но почему вы-то не умерли в утробе матери? Вашего сына убьют те признаки, которые идут от вас — которые должны были не дать вам родиться.

Эвальд стал серьезнее:

— Оказавшись в Центре Одаренных, вы потеряли многие частности жизни наследников. Одно дело — зачатки дара, другое — дар развившийся. В зависимости от того, как расширяется и применяется магия, меняются признаки организма. Жизнь и действия, составляющие самого человека с фамилией Мистераль, делают невозможным рождение у него ребенка мужского пола. Те, кто к этому не готовы, просто оказываются в других семьях.

— Все равно слишком мудрено, — заметил Хор. — И не очень-то правдоподобно.

— Вы не представляете, как долго это пытался понять я, — понимающе вздохнул Эвальд. — Ведь это касалось непосредственно меня. Рэр даже принес пару научных трактатов и всеми сложными терминами обосновывал свои слова. Я, пожалуй, принесу вам пару книг в следующий раз, и мы об этом поговорим: за один вечер я подробно не расскажу, тем более что база доказательств уже наполовину из головы вылетела.

— Когда ещё он будет, следующий раз, — задумчиво произнес Хор. — Я отправляюсь в Эссентессеры.

— Я забыл, — честно признался Эвальд, улыбнувшись. — Буквально в один день столько изменений... Мне теперь придется половину Квемеры обегать, чтобы убедить каждую встречную шавку в том, что Адилунд снова Мистераль.

— Ну... каждой встречной шавке об этом, может, знать и необязательно, — хмыкнул Хор.

— Шавки сами все узнают, — заверил его Эвальд с заговорщицким видом. — Пока я буду по десять раз объяснять умным людям прелесть ситуации с моей сестрой, это запомнят и воробьи, и падающие листья, и утренний дождь, не говоря уже о пробегающих мимо собаках. Так что, вернемся ко всем? А то они скоро начнут беспокоиться, что мы друг друга съели.

Хор вспомнил начало разговора и в который раз убедился, что этот человек совершенно непостижим.

— Идем, — только и сказал он.

В соседней комнате действительно сохранялась напряженная атмосфера, Алексис и Халана шепотом переговаривались между собой, а Хемена сверлила взглядом дверь, чтобы

начать ещё усиленное сверлить вышедших Хора и Эвальда.

— Я прошу прощения за все эти сцены, — произнес последний с виноватым выражением лица. — Но мы помирились и выяснили все вопросы, которые хотели выяснить. Ведь так же? — он посмотрел на Мальса с просьбой в глазах, словно ища поддержки.

— Безусловно, — кивнул Хор. — Я, в свою очередь, также прошу прощения.

— Ой, да хватит вам, — с облегчением выдохнула Хемена. — И так уже по пять раз оба извинились.

— Тогда — официально. Сейчас — нормально, — провел границу Эвальд и смущенно улыбнулся. — Может, я вам ещё что-нибудь спою?

— А не слишком ли поздно? — встрепенулась Илана.

Алексис первым бросил взгляд на висевшие над роялем часы с длинным маятником и ойкнул.

— Почти одиннадцать! А я-то думал посидеть до десяти... — он с разочарованным выражением лица мял указательный палец левой руки пальцами правой. — Придется теперь брести по темным улицам — хорошо хоть, что дорогу я помню.

— А оставайтесь вы тут, — радушно предложил Эвальд.

— Н-нет, не пойдет, — вздохнул Алексис. — Я никого не предупредил, выйдет плохо, если начнут меня искать и беспокоиться. Ничего, меня же никто не убьет в этих переулках, — он хихикнул, покосившись на хозяина квартиры. — Завтра — в это же время, да?

— Разумеется, — кивнул Эвальд. — Илана, ты остаешься, это не обсуждается. Хемин?

— Не хочу нарушать дисциплину, — пожал плечами леди будущий полководец. — Со мной и так в последнее время много хлопот, лучше не исчезать из общежития на ночь. Я возвращаюсь. Алексис, мы можем пойти вместе, если вам в ту же сторону.

— Мы идем вместе в любом случае, — галантно заявил этот кавалер. Скорее дама защитила бы его, чем он её.

— А вы, Хор? — с легкой улыбкой повернулся к нему Эвальд. — Оставайтесь, на троих как раз места хватит — смысл вам возвращаться по темени к себе? Вряд ли кто-то станет беспокоиться из-за вашего отсутствия, да даже если и станет — вы фактически не принадлежите Центру. Так ведь, Хемин? — он подмигнул названной сестре.

— Прошу прощения, — церемонно ответил Хор, — однако я иду к себе.

— Нет, — с непонятым упрямством вдруг сказал Эвальд. — Вы оставайтесь.

— Мне нужно вернуться в свое общежитие, — Хор поочередно выделил каждое слово, дабы придать фразе весомости. Он совершенно не собирался подчиняться ветреным желаниям этого человека.

— Зачем? — простодушно поинтересовался тот.

— Чтобы поспать, — отвечив гениальной логикой Хор.

Эвальд пару раз моргнул, а затем выдал ещё более гениальную логику:

— А зачем, если можно переночевать здесь?

— Я привык спать в одном месте, — вздохнул Хор, раздосадованный необходимостью объяснять столь простые вещи. — Да, здесь приятно, однако, как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше.

— Общежитие Центра Одаренных для вас настоящий дом? — распахнул глаза Эвальд. Определенно, несмотря на невинный вид, соображал он не хуже любого интригана: сразу нашел, где подцепить.

— Домом можно называть разные места, — уклончиво отозвался Хор, пытаясь понять, как пробить это настойчивое желание очень уж доброжелательного человека. — Он бывает очагом, а бывает крепостью. У меня — крепость.

— И от кого? — взгляд темных глаз выражал милое любопытство.

— От того, кто может напасть, — снова включил гениальную логику Хор. — Мне кажется, что дискуссия затягивается. Вы разрешите мне уйти? Или запрете в подвале, специально для этой цели отобрав у прочих жителей подвал? — решил обратить все в шутку он.

— Запереть Эссентессера? Я ещё не сошел с ума, — с готовностью откликнулся на призыв юморить Эвальд. — Однако скажите же вы, чем вам так не понравилась моя квартира, что вы стремитесь отсюда уйти?

— Я стремлюсь сюда вернуться, — возразил Хор с мягкостью. — Но завтра. Простите, я просто привык спать в своей кровати.

— Дело ваше, — наконец пожал плечами Эвальд, вернувшись к прежней своей легкости в перемене целей. — Но если передумаете, то я готов обеспечить вам превосходную ночь. Если вы не любите рано ложиться — отсюда есть выход на крышу.

— Соблазните, да? — усмехнулся Хор. — А вот не соблазнюсь.

— Как хотите, — Эвальд выглядел по-прежнему беспечным.

Хемена и Алексис первыми прошли к дверям, следом за ними двинулся Хор, а уже затем — провожающие хозяин квартиры и Илана. Алексис задержался, помогая Хемене надеть плащ: последние ночи уже явно отдавали прохладой, несмотря на в целом теплый первый месяц осени, и в эти минуты Эвальд успел шепнуть Хору на ухо: «Если бы вы остались, то могли бы рассчитывать на большую информацию — ту самую, за которой пришли с самого начала к семье Мистераль». Это было настоящее искушение, и бороться с ним не оставалось сил. Пришлось сдаться на волю хитрющего победителя, которому невесть зачем понадобилась ночевка здесь странного гостя. Может, Эвальд надеялся в свою очередь узнать больше о Хоре?

— Знаете, я, наверно, все-таки останусь, — он постарался говорить так же легко, как и излишне гостеприимный хозяин. — Уже похолодало, и мне не улыбается идти, стуча зубами, до общежития.

— Вот и прекрасно, — обрадовался Эвальд.

Проводив Хемену с Алексисом, они вернулись в комнату с роялем: здесь предстояло спать Хору, за все годы обучения в Центре Одаренных не проведенному ни одной ночи вне общежития. А названные брат с сестрой занимали соседнюю. С прежней улыбочкой отправив туда Илану, Эвальд остался выяснять условия их странной сделки.

— Разговор — завтра, — моментально предупредил он. — Вы и так выжали меня до состояния иссохшегося фрукта, мне нужно морально подготовиться к беседе с вами, — опять сверкнула необычайно доброжелательная улыбка. — Я встаю около семи, Халана — в восемь, но она уйдет на занятия, и мы сможем спокойно поговорить обо всем, о чем вы бы хотели. И о чем я бы хотел, если можно. Если хотите, могу показать, как выходить на крышу.

— Благодарю, но сейчас действительно холодновато, — усмехнулся Хор. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — искренне пожелал Эвальд.

Уже через десять минут Хор укладывался спать на диване прямо в форме Центра, сняв лишь жилетку. Обычно ложась поздно, он привык быстро засыпать в любое время суток,

особенно если этому предшествовали какие-либо ночные приключения. А их хватало, потому что бывший наследник семьи Хорана стал частью теневой жизни столицы Объединенного Мира.

Качались в туманном мареве неясные фигуры. А потом туман исчез, и осталась только тоненькая тропинка среди густого леса: полоска красноватой глинистой почвы, по центру которой ровно проходила другая полоска, уже багровая, тоненькая-тоненькая. Он наклонился и понял, что это — кровь. Но не мог не двинуться вперед, осторожно ступая ногами так, чтобы не задевать жутковатую линию.

Лес шумел, гнулись и ревели деревья, влекомые диким ветром, пронзительно пищал кто-то в кустах. Били крыльями птицы, рвясь в сумрачное небо, но ураган подхватывал их и, хохоча злобным свистом, кружил с собой в безумном танце, ломая в живых тельцах все, что только мог. Мир окончательно потерял рассудок и страх, крошась на сталкивающиеся друг с другом куски и становясь единым целым в буревого хаосе.

Мальс не сразу осознал, где находится, когда его выдернуло из мятущегося сна в небольшую, но все же более просторную, чем в общежитии, комнату, где в углу поблескивал лакированной поверхностью рояль, а приоткрытое окно делилось ночной прохладой. Как бы ни было здесь приятно, но все же он привык засыпать и просыпаться дома вне зависимости от обстоятельств. Даже в гостях у Хемены оставаться не захотел, исчезнув оттуда по решению задачи, сделавшей его новым Эссентессером.

И причина была не просто в привычке. Причина была в том, что некоторые сны, посещавшие бывшего Мальса Хорана, носили в себе оттенок той магии, с которой он расстался десять лет назад, и больше всего Хор боялся, что остатки его дара попробуют выйти наружу. И ещё он боялся, что один из снов окажется пророческим, как-то случилось уже несколько раз.

Решительно откинув в сторону выбившееся из пододеяльника одеяло, Хор встал. С самого начала было плохой идеей оставаться здесь, и не играла роли важность знаний, которыми хотел поделиться Эвальд. Молодой Мистераль почувствовал то, что до самого Мальса дошло не сразу, поэтому-то и настоял на ночевке в этой квартире. Оставалось в двадцатый раз поразиться его проницательности и уйти. Немедленно.

В голове ещё волновался взбаламученным морем увиденный сон, но Хор, решив проанализировать его потом, четкими движениями, словно проснулся не минуту, а полчаса назад, накинул жилетку, кое-как пригладил взлохматившиеся волосы и заправил постель. В соседней комнате едва слышно зашуршало, а затем дверь неслышно приоткрылась, и к неумемному гостю с легким изумлением на лице шагнул ещё более бодрый Эвальд Мистераль. Да он вообще ложился?

— Я предполагал, что вам может у нас не понравиться, но не настолько же, — растерянно произнес хозяин квартиры.

— Дело не в месте, а во мне, — тихо ответил Мальс. — Знаете, некоторые люди не просто так держатся за свои принципы. Вообще не просто так их вырабатывают.

— Что ж, верю, — губы Эвальда слегка изогнулись в усмешке, наконец-то стирая образ открытого всему миру и излишне доброжелательного человека. — Только у меня, как бы это странно ни звучало, тоже есть принципы. Я люблю выполнять желания людей, если для меня это возможно, а для них — важно. Только вот для вас, похоже, это уже не важно.

— Вы о чем? — приподнял бровь Хор, оставаясь невозмутимым, но потихоньку осознавая, что его визиты сюда закончатся раньше, чем он предполагал.

— Я о вас, — в голосе Эвальда прозвучало что-то, похожее на жесткость. — Я думал, что вы влезли в нашу проклятую семью, чтобы разобраться в ней и этим помочь Адилунд. Я не препятствовал этому и в меру возможностей разъяснял вам тонкости, хотя моему названному отцу это совершенно не понравилось бы. Я упробил вас остаться именно сегодня, потому что с завтрашнего дня на нас обрхих наваливаются хлопоты, а значит, лучшей возможности уже не представится. Если бы вы хотели, вы получили бы всю информацию, но вы этого не хотите. Мне действительно дорога Адилунд, и я надеялся, что в этом мы схожи — зря надеялся. Одного только неудобства для вашей персоны хватило, чтобы вы забыли о моей сестре и руководствовались исключительно своими интересами. Везде на первом месте у вас стоит Мальс Хор — ну или Эссентессер, плевать. Так или иначе, в разговоре со мной вы не заинтересованы, да и я считаю, что вам у нас делать нечего, а потому мы больше не увидимся — в дружеской обстановке. Хотя не исключаю, что Маршал Объединенного Мира будет вызывать к себе главу дома Мистераль. Всего хорошего, — не ожидая ответа, он исчез в своей комнате.

— Прощайте, Эвальд, — тихо произнес Хор.

Ночная Квемера встретила его осенним холодом и едва слышными шумами, доносящимися от неусыпного завода. «Задиры», как выражался Чармэл Хусту. Вот и закончилась вся эпопея, начатая его болтовней и путем к подсобке, где находился Эвальд Мистераль. Ли Хан не очень обрадовалась бы, однако это Хора уже не волновало: он переходил из Центра Одаренных аж к Эссентессерам. Отец очень удивится, а директорисе придется искать нового кандидата в помощники для тайной борьбы с теми преподавателями, которых она не устраивала.

Хор медленно шел по темной улице, где фонари встречались раз в пятьдесят шагов, и не желал ускорять хода, как бы ни было прохладно. Вот и все. Больше он не появится на этих вечерах, хотя и тянуло узнать не вписывающегося ни в какие рамки Эвальда. Теперь рядом с ним будет Раль. Мальс не считал, что это так уж прекрасно, но, в конце концов, она всегда стремилась именно к этому, к положению полноценного члена семьи, и он не имел права ставить препятствия на пути человека к его мечте.

С завтрашнего дня действительно начинался совершенно иной виток судьбы для них обрхих, разъединяющий напарников — как надеялся Хор, не навсегда. Хотя Эвальд наверняка выскажет названной сестре все, что думает о её милейшем напарнике. Ну и пусть. Раль давно сумела составить собственное мнение о Мальсе, а уж её мнение о людях было сложно поколебать с одного раза, в этом он успел убедиться на собственном опыте. Адилунд Мистераль в некоторых вещах становилась неожиданно упорной. Теперь её риск остался в прошлом, как и обучение в Центре. Кажется, все закончилось хорошо. Но конец одного — это всегда начало чего-то другого, иногда лучшего, иногда — не совсем...

==== Часть вторая. Серебряный меч =====

Вернувшись домой, Алексис первым делом переписал сочиненные за вечер стихи в свой альбом, полюбовался каллиграфически выведенными строками, потушил лампу и собрался уже спать. Однако наполненный событиями вечер не давал успокоиться, в голове вертелись всевозможные мысли, то и дело вспоминалось лицо их гостя, Мальса Хора, ещё одного выходца из Грозового Мира.

Мальс Хор обучался в Центре Одаренных, но вел он себя не так, как большинство людей, искавших себе таланты. Кажется, нынешний гость нашел свою способность, и она была в умении играть. Не на рояле. На ситуациях и людских поступках. Алексис отчего-то

чувствовал это в словах и действиях Мальса, чуть ли не кожей ощущал это, когда он разминал пальцы, сидя перед черно-белыми клавишами, играл в шахматы с Эвальдом, комментируя партию, и общался со всеми присутствующими, оставаясь закрытым, несмотря на всю доброжелательность. Он носил маску не хуже Эвальда, а может, и лучше.

Алексис не только был поэтом, но и обучался тонко чувствовать магию, поэтому он нередко чувствовал людей, особенно если те имели магические дары. Хор казался непонятным и чужим, возможно, оттого, что его резервы давно истощились и привычная энергия не давала никаких подсказок об этом человеке.

Алексис вздохнул, садясь на постели. Вряд ли ему удалось бы заснуть в ближайшие полчаса, тем паче что прогулка по холодным улицам не способствовала успокоению. Рядом слышалось шуршание и тихое мурлыканье: белый пушистый кот вспрыгнул на кровать и уютно расположился под боком у хозяина. Алексис с легкой улыбкой почесал у него за ухом и все же лег: живущий здесь уже пять месяцев кот Тихоня, соответствуя своей кличке, вполне мог ублажать делящего с ним квартиру человека.

Едва слышный шорох в углу удивил Алексиса. Он приподнялся на постели, думая, что бы это могло быть. Не ветер точно, поскольку окно оставалось закрытым, и не дремлющий Тихоня, а мыши в доме не водились лет уж пятьдесят. Показалось или нет?

Зашелестело уже у него за спиной, и через мгновение тонкая иголка впиалась в шею. Алексис рванулся, открыв рот, но крика так и не прозвучало, потому что дикая судорога искорежила тело, а связки словно затвердели, не позволяя вырваться ни единому звуку. Все постепенно растворялось в пугающей темноте с привкусом железа, а последним исчез стройный черный силуэт на фоне окна.

===== Глава 1. Затронутое =====

Она порой побаивалась верить в это, но это свершилось, причем таким неожиданным образом, что ни один приключенческий роман не смог бы предсказать подобное. Дар вернулся к Адилунд Мистераль. И вернулся благодаря убийце, врагу, отчего-то захотевшему сделать этот внезапный подарок. Чего хотел Кей? Неважно! Главное, что мечта исполнилась. Главное, что все препятствия на пути к дому разрушились. Думать о целях Кея она будет, они вместе с Хором будут думать, но сейчас — какой смысл? Сейчас пела душа. Сейчас весь мир радужными красками заливало осознание того, что главная цель достигнута.

Теща себя надеждами именно о ней, Раль шла весь последний год по самым тонким краям, испытывая свое везение. Да, оно оказалось волей таинственного преступника, но этот же странный опасный человек помог и вернуть дар. Значит... Значит, все происходило так, как и должно было происходить. В очередной раз сбылась заветная примета о бесконечной удаче, а ведь удача была, и имело ли значение, какую форму она принимала, какую руку направляла?

Три года назад Адилунд Мистераль чувствовала себя практически убитой. Сейчас она ожила. Возвращение дара означало возвращение прежней фамилии и воссоединение с любимой семьей, к которой она так стремилась все это время. Центр Одаренных оставался позади мрачным напоминанием о том, что счастье недолговечно, и местом, где Адилунд встретила замечательного друга, но все же оно оставалось позади. А впереди она видела ставший родным Грозовой Мир и особняк Рондера Мистералья, где жили все они впятером, настоящей дружной семьей. Сколько бы препятствий Раль ни преодолела вместе с Хором, какой бы храброй и бесшабашной себя ни показывала, но такой она становилась лишь в

крайних случаях, в сложных жизненных ситуациях, а душа за острыми ощущениями не гналась. Наоборот, она всегда желала покоя. Тишины. И чтоб без заката.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Конечно, среди Мистералей тоже не было сплошного затишья, и все же снова оказаться у них значило войти в покинутую жизнь, привычную, любимую, радующую одним только своим присутствием. Это давало надежность. Это давало надежду. И это позволяло, отринув запреты приемного отца, снова общаться с близкими людьми. Эви, Илана, Хорди, Хемин. Четверо девчонок и один мальчишка, двое рыжих, двое темноволосых и один почти-рыжик, поскольку полным рыжим они Эвальда принавать отказались. Он обижался. Обещал, что возьмет себе огненноволосую жену и у него будут исключительно канонные дети и не менее канонный наследник. Девочки смеялись.

Как же давно это было! И как жутко осознавалось то, что в какой-то момент все это стало для Раль прошлым, к которому не виделось возврата. Огромная радость накатывала при мысли о том, что никакой границы уже нет и это якобы прошлое снова проникло в настоящее, чтобы остаться и будущим.

Был поздний вечер, практически ночь. Адилунд Мистераль уже не могла сдержать свои чувства и сохранить блаженный покой ночи — она пританцовывала и смеялась, не боясь, что начнут волноваться в соседних комнатах общежития, напевая себе под нос что-то из репертуара Эви: «Голубые ворота ты мне в небе открыл!»

Наверно, если б Хемин стала свидетельницей его ухода из квартиры Мистералей, она бы вряд ли поняла, в чем вообще дело. Ну приснился сон — бывает. Ну не очень приятный — бывает. Так чего ж пугаться, зачем уходить невесть куда, зачем вообще себя накручивать? А вот Эвальд, кажется, если не понял, то почувствовал и построил ещё дополнительную цепочку выводов, посчитав Хора полным эгоистом, не думающим о Раль. Тот смолчал, не желая возражать, понимая, что это слишком сложно для почти не знающего его человека, да и слишком сокровенно для того, чтобы открывать его Эвальду — даже в обмен на информацию о Мистералях. В конце концов, Хор в этом раскладе уже ничего не значил.

Центр Одаренных терял сразу двух буйных учеников-напарников, именовавших друг друга не по именам, а по с презрением врученным огрызкам фамилий. А если учесть, что недавно погибла и Синди, то Ли Ханненсон становилось гораздо спокойнее. Но если учесть, что её кандидат в тайные борцы сбежал к Маршалу Объединенного Мира, то тревоги прибавлялось. Что-то в верхах Центра творилось не то, но что именно — это Хора уже не интересовало, поскольку жизнь безо всякой помощи преподавателей сделала хорошенький кульбит. Он не собирался более помогать Ли, поскольку не считал себя обязанным ей. Что же касалось Мистералей, то теперь Раль угодила полностью в их власть и в их традиции, куда стороннему человеку, пусть даже ученику Эссентессера, вмешиваться не следовало. Она рвалась к этой семье. Значит, она сама собиралась как-то ужиться со всеми особенностями своей фамилии.

Хора тревожил сон. Слишком короткий, чтобы что-то понять, кроме общего хаоса, и слишком яркий, чтобы сразу его забыть. Вообще сны, явившиеся вне родного дома, запоминались очень хорошо, до мельчайших подробностей, даже лучше, чем обычные кошмары, а если уж они сами оказывались кошмарами... Тогда все мысли занимало исключительно то, что довелось увидеть, и страх перед неведомым выводил из равновесия, мешая обычному спокойствию и порой доводя до совсем уж крайностей.

Хор всегда очень внимательно, слишком внимательно относился к снам и постоянно ожидал, что их частичка сбудется в реальности. Любые их намеки на что-то неприятное заставляли в два раза сильнее беспокоиться. Из-за своего болезненного восприятия тревожных видений он старался никогда не ночевать вне дома и этого правила придерживался неуклонно. Потому и ушел от Хемены, потому и не желал оставаться вместе с Мистералами. Потому и умчался от них, переживая по поводу сна и опасаясь, что дальше может привидеться что-то ещё более мрачное. В Квемере действовал таинственный убийца, впереди маячила ответственность, связанная со званием Эссентессера, и Хор не собирался прибавлять себе беспокойства. Ему предстояло сосредоточенно выполнять ответственные действия, и ошибка в них могла стоить гораздо больше, чем уже имеющая мало смысла информация о Мистералах.

Хор в последний раз вернулся в общежитие, с каким-то особым наслаждением провернул ключ в двери и вошел в комнату. В место, на долгие три года ставшее настоящим домом за неимением других вариантов. Интересно, где полагалось жить преемнику Маршала? Этого вопроса он изучить не успел, не думая, что когда-нибудь заберется на такие высоты. Кажется, все Эссентессеры жили рядом, хоть и имели право ночевать в других квартирах.

Уснуть удалось довольно быстро, и никакие видения хаоса уже не тревожили до самого утра — довольно хмурого, однако принесшего удовлетворение. К погоде Хор относился очень ровно, считая её не больше чем фоном, не способным влиять на настроение и планы, только если природа не устраивала прямых помех. Такое в его жизни случалось всего пару раз: столичный город, отделившийся от природы, не настолько от нее зависел, чтобы страдать из-за продолжительных дождей, ветров или валящего сугробами снега. Всегда находились люди и механизмы, быстро нейтрализующие все последствия.

В отличие от напарника, Раль к погодным явлениям относилась более чутко, наверное, примерно так же, как он — к своим снам. Она особенно остро воспринимала закаты, однако и дожди, и радуга, и хмурость небес тоже достаивались её пристального внимания и могли стать причиной выводов о грядущем дне или просто задумчивого настроения, в котором напарница не желала устраивать рискованные выходы. Сейчас, когда надобность в них отпала, Раль, видимо, сделалась спокойным, любящим подстраиваться под природу человеком. Теперь она снова вливалась в покинутую когда-то семью.

Хор надеялся, что для него сохранилось хоть какое-то место в мыслях напарницы, ведь не зря же они столько провели вместе, участвовали во многих передрыгах, поддерживали друг друга, как могли. В момент встречи оба были неопределенными одаренными, уставшими от своего статуса и не понимавшими, в каком направлении двигаться, если преподаватели предлагали мельтешащую россыпь профилей и нисколько не помогали в выборе, хотя в во весь голос заявляли прямо противоположное.

На почве этого непонимания и желания отстраниться от ситуации Раль с Хором и сошлись. Они не желали поскорее подобрать себе приемлемое занятие и убраться отсюда. Они хотели чего-то большего, они стремились по-настоящему жить, и каждый действовал по своему плану, однако ж при этом получилась неплохая пара, объединившая свои усилия. Хор двигался по намеченному ещё с детства пути, намереваясь сделать то, что мог сделать он и только он. Раль, как теперь стало понятно, мечтала вернуть дар и прикладывала все усилия для этого. Они двое начали контрабанду с кольцами и благодаря этому избродили теневую сторону Квемеры, став полноправными её членами. Это продвинуло обоих на тех стезях,

которые они избрали, а заодно расширило возможности будущей деятельности.

Хор просыпался в общежитии Центра Одаренных, уже не относясь к этому Центру. Сегодня Ли ждала результатов, но не могла их дождаться. Сегодня Мальс Хор шел как проситель к Байонису Эссентессеру.

С легкой усмешкой он проводил взглядом часозвоню. Туда доступ имели только Эссентессеры, и раньше это звучало прямым запретом, ну, а теперь... Теперь Хор сам оказывался в рядах Эссентессеров. Хоть и не заслуживал этим уважения Регента, которая вряд ли забыла последний инцидент.

В здание правительства простым людям заходить воспрещалось, да и знатных без соответствующей бумаги не пропускали. Хор имел бумагу: письмо на имя будущего преемника Маршала с внушительной печатью. Видимо, пока слухи распространялись мало, и солдаты у входа не разобрались, что кандидат в Эссентессеры не того пола, так что человека с письмом пропустили и даже любезно сопроводили на второй этаж в приемную Маршала Объединенного Мира. Байонис Эссентессер вышел сразу же, как только ему сообщили о посетителе.

Главе армии было около пятидесяти, и Хор это знал. Тем не менее, при первой встрече он посчитал бы, что этому человеку максимум сорок пять — учитывая весь отпечаток, накладываемый на внешность столь ответственной и сложной ролью. Так что Маршал выглядел ровно как пятидесятилетний, живущий спокойной жизнью. Похоже, даже война не состарила его так, как могла бы. Байонис Эссентессер родился на юго-востоке Объединенного Мира, потому обладал слегка раскосыми глазами, внезапно напоминая Кея, и более смуглой, чем у прочих жителей столицы, кожей. Шагал он неторопливо, словно с осмотрительностью относился к каждому своему движению, и вообще походил на правителя расчетливого.

— Откуда вы взялись, молодой человек? — в отличие от непроницаемого Хора, Маршал легкой усмешкой показал свое к нему отношение. — Мне всегда казалось, что Хемена — это женское имя.

Тот кивнул.

— Хемена Мистераль с вами полностью согласна, господин Маршал.

— Хемена Эссентессер, — неожиданно резко поправил его Байонис.

— Хемена Мистераль, — повторил Хор и вежливо улыбнулся, делая намек, только собеседник, кажется, понял его не совсем правильно.

— Меня мало интересует величина дара, изначальные таланты и все прочие характеристики, — отрезал Маршал. — Она прошла экзамен, а значит, стала моим учеником. Все. Она — Эссентессер, хоть этого ещё нет в документах.

— Нет? Вот и прекрасно, — Хор действительно обрадовался: выходит, об ошибке узнало совсем мало людей, и это облегчало положение Хемин. — Дело в том, что экзамен она, не подозревая о его важности, писала дома — за это попустительство следует спрашивать господина ректора Военной Академии. И так вышло, что я помог леди Хемене решить задачу с дирижаблями.

Маршал смотрел на него очень внимательно. А затем, решительно и быстро отодвинув стул, сел, уже не взвешивая каждое движение.

— Врать о таком было бы верхом наглости и фантазии. Что ж, молодой человек, раз вы не изволили сами прийти на экзамен и явить нам свои способности и знания, то экзамен вам будет прямо сейчас.

...Говорили они очень долго, и Маршалу даже пригодился стоящий среди бумаг графин с водой, предназначенной для посетителей. К тому моменту, когда дебаты закончились, оба спорщика были полностью удовлетворены талантами и знаниями друг друга.

Они встретились, как всегда, на входе в общежитие, где в очередной раз шумел поток учеников, спешащих на занятия. И снова отошли подальше ото всех, чтобы делиться друг с другом сокровенным.

— Раль, — тихо сказал он.

— Хор, — так же тихо откликнулась она.

— Мистераль, — его губы чуть изогнула усмешка.

— Эссентессер, — её голос зазвучал уже звонко.

Мальс вздохнул.

— Уже знаешь, да?

— Хемин рассказала, — кивнула Раль. — Мы часов в семь встретились, она хотела знать, что и как с моим даром, не показалось ли все им вчера вечером. А я хотела узнать о тебе, ведь ты остался там ночевать.

— Я вернулся в общежитие, — пояснил Хор, чувствуя какую-то неловкость и не понимая отчего. Возможно, он просто не умел прощаться и побаивался этого. — Прямо посреди ночи. А в восемь уже беседовал с Маршалом. Он полностью согласен с моей кандидатурой, а значит, я действительно Эссентессер.

— А я действительно Мистераль, — ещё звонче прибавила она. — Дар вернулся, это поняла и Хемин, хотя она, кажется, не успела привыкнуть к этому. Во всяком случае, мы говорили довольно холодно. Ничего... У нас ещё все наладится. В конце концов, я в семье, — и эта мечтательная улыбка стоила того, чтоб им разойтись в разные уголки Объединенного Мира. Что ни говори, а Раль добилась именно той цели, о какой мечтала.

— У меня тоже, можно сказать, семья, — произнес отрешенно Мальс. — Думаю, мы с Байонисом Эссентессером станем хорошим тандемом. Ты скоро уезжаешь? — первым решил затронуть не самую приятную тему он.

— Через неделю, наверное, — Раль потупила взгляд. — Пока Эвальд разберется со всеми документами...

— Он разберется быстро, поверь, — усмехнулся Хор, вспоминая слишком приветливое лицо наследника Мистералей. Он действительно умел быть быстрым, а вдобавок к этому — хитрым. И ещё наверняка хотел увезти названую сестру в Грозовой Мир, подальше от её «эгоистичного» напарника. — Может, не неделя, а даже дня три-четыре. Но проблема в том, что мне придется уехать сегодня или завтра. Так сказал Маршал, подробностей я не знаю.

Раль вздохнула и неспешно зашагала ближе к ограде, желая протянуть время до ответа.

— Все так неожиданно получилось, — наконец произнесла она.

Хор качнул головой.

— В моем случае — как раз-таки закономерно. Тебе же Хемин про это рассказывала, верно? — И, получив кивок, продолжил: — В конце концов, я сам этот путь и выбрал. Ну, а ты? — Мальс пристально посмотрел на слегка смутившуюся при этих словах Раль. — Я так и не понял, как тебе удалось вернуть дар.

Вместо ответа она неторопливо двинулась вдоль ограды, сминая ногами потемневшую осеннюю траву.

— Это получилось благодаря Кею, — прозвучал совсем тихий голос Раль. Она

остановилась. Хор изумленно приподнял брови. — Да, ты не ослышался, именно благодаря нашему врагу. Я получила заказ на кольца, тебя не было, — громкость и высота голоса Раль возрастали, — и я отправилась на продажу сама. Передала три, получила деньги и одно из колец, в нем были воспоминания. Его воспоминания. Ключ, из-за которого погибла Синди, и насмешливая надпись: «Приятно познакомиться. Кей», — произнеся это чуть ли не на пiske, она порывисто повернулась к Хору. И сникла. — Я не подумала, бросилась за ним... А он приставил нож к горлу и велел прийти к Кудеснице в театр. И ещё сказал, что он и был моим везением.

Мальс сделал глубокий вдох. Вот чего он точно не ожидал, так это помощи Кея. Или же не помощи? Вдруг это все могло принести Раль вред?

— Что было потом? — отрывисто спросил Хор.

— Он исчез, — бесцветным тоном ответила Раль. — Я вернулась к себе, хотела поговорить с тобой, но тебя нигде не оказалось. И я... я решила сходить в театр, к Кудеснице. Он располагался совсем рядом с домом Эвальда. Я шла, не зная, что и как сказать, но в комнате Кудесницы нашелся мой дракон.

— А кто такая Кудесница? — нахмурился Хор. Схему возвращения дара он помнил ещё из слов Эвальда.

— Это просто актриса, она учит детей, и они так её прозвали, — Раль постаралась непринужденно улыбнуться, но вышло слишком нервно. — Эссабина — это её настоящее имя. Но это вообще неважно... — она вздохнула. — Дракона и дар я вернула именно потому, что мне помог Кей. Это так, с этим не поспоришь.

— А ты не думала, что он хотел как-то этим навредить тебе? — теперь Хор очень жалел, что из-за своего положения преемника вынужден покинуть Раль. Адилунд Мистераль. Сейчас ей требовалась помощь. Кто разберется со странными подарками Кея? Эвальд? Хемин? Сама Раль? Нет, все это было слишком ненадежно. Попросить бы Маршала выждать пару деньков, да кто станет слушать новоявленного Эссентессера, который обязан во всем подчиняться учителю?

— Я ничего не знаю, — прошептала Раль. — Но так было надо.

Над широкой посадочной площадкой покачивался на канатах величественный серебристый дирижабль. Он только-только приземлился, потому и покачивался, пока причальная группа закрепляла все канаты и суетилась вокруг пассажирской гондолы — герметичной капсулы, где располагались кабина управления и помещения для людей. Байонис Эссентессер с интересом наблюдал за этим, нисколько не тяготясь ожиданием. Его ученик стоял рядом и тоже с любопытством смотрел на приземление воздушного корабля.

Ещё утром Мальс Хор разговаривал с Маршалом, объясняя всю ситуацию, а сейчас Мальс Эссентессер, официально утвержденный в новой фамилии и должности, сопровождал своего учителя в поездке в Грозовой Мир. Байонис совершенно спокойно отнесся к объяснению того, что произошло с решением задания, и перед всеми выставил это ошибкой при проверке. Мальс Хор, разумеется, не имел права участвовать в этом экзамене, однако Маршал и здесь выкрутился, сказав всем, что решил испытать и отказавшегося когда-то от военной стези кандидата в Ричардели, а по результатам этого испытания понял, что он — самый талантливый из всех.

Прочие Эссентессеры были явно не в восторге от появления в их среде человека с сомнительной репутацией и отсутствием ярко выраженного магического дара, однако

Байонис стоял на своем. Его в первую очередь интересовали полководческие способности ученика, а с остальным, как он говорил, можно было разобраться. Верхушка Объединенного Мира всколыхнулась, поднялся неслабый шум, и Маршал, не желая оказываться в его центре, затеял эту поездку и прихватил с собой Хора, которого уже никто не называл Хором, кроме его самого, поскольку имя нравилось меньше этого огрызка фамилии. И все же к имени приходилось привыкать. И ещё к величественному слову из десяти букв с двумя комплектами удвоенных «с». Эссентессер. Интересно, почему Эвальд при первой их серьезной встрече упомянул в беседе именно это? Провидец, нечего сказать... Замена умершему Зорренду — о его смерти Хор вычитал в газетах и почти сразу же подумал, что в этом может быть замешан Кей.

Двери пассажирской гондолы открылись, и Байонис стремительно направился вперед, а Хор двинулся следом, отставая от него на половину шага. Их никто не сопровождал. Маршал нес лишь небольшой чемодан, а необходимые Мальсу вещи поместились в старой сумке, болтавшейся теперь за плечами. Они вдвоем поднялись по небольшой лесенке, выставленной причальной группой, и сквозь дверь с закругленными краями прошли в гондолу.

Мальс Эссентессер попадал внутрь воздушного корабля впервые, хоть в свое время и ознакомился детально с его строением и военными возможностями. В пределах Грозового Мира не было смысла устраивать полеты, а в Облачный Мир Мальс Хор уже плыл морем, поскольку никто не стал бы организовывать для него воздушную транспортировку.

Вошедший в гондолу попадал в узкую комнату, откуда расходились двери: служебное отделение — направо, пассажирское — налево. Хора Маршал послал налево, в предназначенную гостям дирижабля каюту, а сам отправился поговорить с капитаном. Мальс воспринял это спокойно, хоть его и тянуло побывать в служебном или даже машинном отделении, своими глазами увидеть редкостные механизмы и вращающую их магию, разглядеть батерс. Но он был на дирижабле всего лишь придатком к Байонису, а потому не высовывался и исполнял все, что ему говорили.

Пассажирское отделение состояло из пяти кают, располагающихся ровно друг за другом: для того, чтобы оказаться в предназначенной двум Эссентессерам пятой, пришлось бы миновать все четыре предыдущих и раскланяться со всеми, кто там уже находился. Хор посчитал такую систему не слишком удобной: особенно для тех, на чью горькую долю выпала первая каюта, однако идущий рядом член экипажа пояснил, что подобная планировка необходима для качественного применения защитных систем в случае аварии или просто неприятности с механизмами. Мальс попытался сопоставить в голове полученные ранее данные и эту информацию — вышло плохо. Проводник, заметив, видимо, легкую озадаченность на его лице, махнул рукой и посоветовал не забивать себе голову такими вещами.

— Наша «Рассекающая» не предназначена для перевозки пассажиров, это бывший военный корабль, — сказал он, проходя вслед за гостем в нужную каюту. — Поэтому мы мало уделяем внимания этой стороне планировки. Сначала здесь было отделение для десанта, потом в нем просто поставили перегородки. Наши пассажиры невзыскательны. Впрочем, вы сами убедитесь в том, что это маленькая проблема, когда поговорите с теми, кто займет каюты перед вами. Абы кого не берем, так что все, кто летит с нами, — уважаемые люди Объединенного Мира, хорошо знакомые адмиралу.

— Вы хотели сказать — капитану? — негромко произнес Хор, подозревая, однако, что

собеседник не ошибся.

— Да нет же, адмиралу, — подтвердил тот. — Он старается контролировать все полеты «Рассекающей» — любимый кораблик как-никак. А когда нужно доставить куда-нибудь самого Маршала, то исполняет роль капитана.

— Вот, значит, как, — пробормотал Хор, опуская сумку на стул. Из окон каюты, располагавшейся позади всех в пассажирской гондоле, должен был открываться неплохой вид во время полета.

Итак, командир воздушного флота находился сейчас на этом небольшом дирижабле, поскольку имел прекрасные отношения с Байонисом и желал доставить его в Грозовой Мир лично.

— И кто ещё с нами летит? — поинтересовался Хор более насущными вопросами.

— Четверо Аймалдэнов, врачей, а остальных вы вряд ли знаете. Один — из военных, занимался в Объединенном Мире делами нашего, а теперь наконец-то смог вернуться домой. Ещё двое — люди из судейских, когда-то ставшие прекрасными друзьями адмирала. И вы с Маршалом. Все.

— Остальные придут ещё нескоро? Когда мы отправляемся? — взгляд Хора потихоньку шарил по каюте, мало чем отличающейся от корабельной. Те же минимализм и максимальная зафиксированность крупных предметов на их местах. Два кресла, целых пять стульев, стол, небольшой книжный шкаф — пассажиры «Рассекающей» явно по ночам не летали. — И зачем понадобилось отправляться в другой Мир сразу четверем Аймалдэнам?

— У них там важное семейное событие, связанное с Аймалдэнами из Грозового, — проводник начал с ответа последний вопрос. — Мы поднимаемся через час, при желании вы можете ещё доделать дела на земле.

— Звучит так, словно я собираюсь не в полет, а на тот свет, — усмехнулся Хор.

— Вы собираетесь в небо, — серьезно уточнил проводник. — А это дело серьезное. Кто знает... Некоторых оно любит, некоторым дарит ненависть, некоторых просто сбрасывает обратно на землю, чтобы жили, но больше его не касались.

— Любопытная философия, — обратил все в шуточность Хор. — Ладно, посмотрим, как я ему понравлюсь.

Проводник с легкой грустью посмотрел на пассажира и вышел, а тот присел на стул возле окна: на улице все ещё копошилась причальная группа да спорила пара военных. Затем к ним подошел мужчина в плотном сером плаще, что-то сказал и направился ко входу в гондолу. Пассажир. Любопытно. Видимо, тот самый военный, который захотел вернуться на историческую родину.

Мужчина прошел в гондолу и остановился в четвертой по счету каюте. Раздалось шуршание. Хор, решив, что для знакомства сойдет и дополетное время, вышел из своей и направился к попутчику. Ему было около пятидесяти. Коротко подстриженные седые волосы, очень худая, но подтянутая фигура, узкое лицо, сохранившее следы былой красоты, выдающиеся скулы, несколько крупных родинок на лбу и взгляд человека, привыкшего оценивать все на наличие опасности.

— Добрый день, — поприветствовал его Хор. — Мы с вами почти что соседи.

— На «Рассекающей» все — соседи, — доброжелательно откликнулся мужчина, и его взгляд стал мягче. — И все друг другу доверяют, поскольку всем доверяет адмирал. Те, с кем следовало бы вести себя аккуратно, летают на других кораблях. Лейнор Зорренд, — протянул руку он. — Занимаюсь военной магией, обеспечивал некоторые аспекты её

разработки в Облачном Мире и теперь возвращаюсь в родной Грозовой.

— Мальс... Эссентессер, — чуть помедлив, назвал себя Хор и пожал ему руку. — Сопровождаю Маршала Байониса в его поездке в Грозовой Мир.

— Присаживайтесь, — радушно пригласил его Лейнор. — Бывали когда-нибудь у нас? — Двадцать лет прожил, — честно признался Хор. — Мальс Хорана, вы могли слышать. — Из Центра Одаренных — и в Эссентессеры? — в голосе Лейнора зазвучали уважительные нотки. — Таким никто ещё похвастаться не мог.

— Благодарите Маршала, вовремя вытащившего мой талант, который я стремился закопать, — пожал плечами Хор. — Я не очень-то хотел этого положения, но, раз уж стал лучшим кандидатом на роль следующего Маршала, то делать нечего.

— Вы — необычный человек, — заметил Лейнор. — И я был бы рад познакомиться с вами поближе, однако сейчас, к сожалению, нас потревожат: сюда идет вся делегация Аймалдэнов.

К гондоле действительно подошли четверо людей в бело-зеленой одежде: мужчина лет пятидесяти, женщина лет тридцати и юноша с девушкой, почти одного возраста, едва-едва достигшие совершеннолетия: возможно, брат с сестрой, погодки. Перебросившись с причальной командой парой фраз, они все вошли в гондолу и через минуту поочередно вплыли в третью каюту.

— Доброго дня, — поздоровался с новыми попутчиками Лейнор.

— Здравствуйте, — негромко произнес Хор.

— Рад приветствовать всех друзей адмирала! — приветливо улыбнулся мужчина, старший из Аймалдэнов, с аккуратной бородкой и веселыми глазами. — Хотите верьте, хотите — нет, но я впервые отправляюсь в Грозовой.

Брат и сестра поздоровались синхронно, а от последнего из их группы приветствия так и не последовало. Нет, не последней, а именно последнего: выглядя издали женщиной, это оказался длинноволосый молодой человек с усталым выражением лица, словно он ночи три подряд не спал. Полуприщуренные глаза с вялым равнодушием оглядывали находящихся рядом людей. Темно-коричневый плащ мешковато сидел на нем. Этот лекарь явно спал на ходу и ничем не интересовался.

— Виррен Аймалдэн, — представился мужчина.

— Маскэрэ Аймалдэн, — сообщил удивительное имечко юноша.

— Тора Аймалдэн, — слегка меланхолично произнесла его сестра.

Четвертый опять промолчал.

— Кей, не засыпай, — толкнул его под бок Маскэрэ. Сокращение имени неприятно напомнило о последних приключениях в часозвоне.

— А? Что? — заморгал глазами соня. — Д-да. Бьюкенен Аймалдэн. Приятно познакомиться. Спасибо, — и, кажется, опять уплыл в свою дрему.

— Вы не обижайтесь на Кея, — развел руками Виррен. — У него сильный дар и очень развитое чувство долга — вот и выкладывается на дежурствах в госпиталях так, что из жизни выпадает. Зато ради здоровья людей старается.

— Пусть каждый выполняет свое дело хорошо — и за это уже его следует уважать, не беря во внимания вежливость, — пожал плечами Лейнор. — Лейнор Зорренд, — представился и он. — Уроженец Грозового Мира, возвращаюсь к себе. Вы могли обо мне слышать.

— Да-да, слышал, — кивнул Виррен. — Вас следовало бы назвать Зоррендом-

Ричарделем.

— Благодарю, но фамилия мага почетнее, — улыбнулся краешками губ Лейнор.

— То есть вы не относитесь к тем военным, которые превозносят свое искусство выше всех остальных?

Он кивнул. Возникла пауза на секунду, и Хор понял, что пора бы ему явить все великолепие недавно полученной фамилии.

— Мальс Эссентессер, — произнес он, отмечая, как загорелись глаза Маскэрэ. Тораотреагировала более спокойно, напомнив поведением сонного Бьюкенена. Были ли все они кровными родственниками? Хор видел у Маскэрэ и Торы явное сходство, от темно-русого цвета волос и до черт лица, и в конце концов пришел к выводу, что лекарь-Кей им старший брат или кузен, а вот с Вирреном они если и имели родство, то дальнейшее.

— Мне все ж любопытно, почему сразу столько представителей достойной фамилии летят в Грозовой? — завязал непринужденную беседу Лейнор.

— В Шэстмонде, это самый крупный порт, завершилось строительство новой крупной больницы, — с удовольствием пояснил Виррен. — Меня пригласили, а я взял с собой Тору и Маскэрэ, им полезно. Ну а Бьюкенену просто необходим отпуск, вот я и уговорил его на эту поездку: хоть немного отдохнет. А вы насовсем к себе?

— Именно, — кивнул Лейнор, прислоняясь спиной к стене каюты. — Квемера прекрасна, однако сейчас у меня появилась достойная смена, и я рад вернуться обратно на родину. Вы где родились?

— В Серебряном Мире, — махнул рукой Виррен, символизируя невообразимую дальность тех краев. — А вы, молодой Эссентессер, сопровождаете Маршала, ведь так?

— Да, — скромно ответил Мальс.

— Когда вы стали учеником Маршала? — спросил Маскэрэ. Его живые черные глаза горели любопытством.

— Вчера, — просто пожал плечами Хор. — Неудивительно, что ещё не всем стало об этом известно. Хотя некоторые столичные газеты уже могли провозгласить эту удивительную новость. Не могу точно сказать, я сегодня не читал газет.

— И правильно делаете, — послышался тихий, по-прежнему сонный голос Бьюкенена. Присев возле окна, он совиными глазами поглядывал на остальных и, видимо, не совсем осознавал, что говорил. — Газеты мешают нормальному функционированию нервной системы. Самые важные события вам все равно расскажут люди, которым вы доверяете, а не газетчики. Правильно делаете, да, — повторил он ещё тише, а взгляд совсем потерял осмысленность.

— Кей занимался исследованиями на эту тему, изучал нервную систему, — снова принялся объяснять его действия Виррен. — До сих пор не может отойти. Не обращайтесь внимания.

Рядом застучали двери, и в пассажирское отделение вошел выглядящий очень довольным Маршал.

— Приветствую всех. Мальс, отправляйся в нашу каюту, сейчас к нам зайдет гость, а мне пока надо переговорить с Лейнором.

Хор ещё раз внимательно окинул взглядом улыбчивого Виррена, доброжелательного Лейнора, мечтательную голубоглазую Тору, заинтересованного буквально всем Маскэрэ и не просыпавшегося более Бьюкенена. Кей... Не очень-то приятное совпадение, если оно, конечно, совпадение.

В этот день Хемена старалась не показываться Сольсетену на глаза. Но напрасно: он ждал возле дверей Академии после занятий, улыбаясь во весь рот и явно намереваясь ещё раз поздравить, а потом завести разговор о причинах и следствиях. Увидев ректора в парадном черном костюме, она остановилась, лихорадочно думая, что же делать теперь, а он, ещё приветливее улыбаясь, двинулся вперед. Хемена сделала глубокий выдох.

— Случилась ошибка при проверке заданий, я вовсе не Эссентессер, место преемника передано даже не Ричарделю, — быстро произнесла она в лицо Сольсетену, скользнула мимо него в толпу учеников и ускорила шаг, почти бегом покидая Академию.

Это было довольно смело — развернуться и уйти, не слушая ответа. Раньше Хемена не стала бы этого делать, двигаемая смущением и осознанием того, что должна быть благодарной Сольсетену. Эта обязанность благодарить сильно её стесняла в сочетании с тем, что ректор ничего не просил, а только помогал. От многих людей Хемена приняла бы это без терзаний, однако в нем не чувствовалось бескорыстия, и она понимала, что рано или поздно придется платить. Боялась этого. Смущалась, когда видела излишне приветливое поведение Сольсетена. Злилась на себя и на него. И нуждалась в нем. Все это излишне утомляло, особенно в сочетании с запросами отца и тревогой о магическом даре. Но Хемена не знала, что с этим делать, не представляла, как быть... до недавнего времени. Сейчас появилась надежда, не вполне осознаваемая, однако пробужденная спокойными рассуждениями едва знакомого человека.

Хор присел боком на обитое красной тканью кресло: его поставили так, чтобы можно было смотреть в окно, а он не отрывал взгляда от входа, где в скором времени предстояло появиться Маршалу и адмиралу, и размышлял о людях, с которыми только что познакомился. Лейнор выглядел слишком дружелюбным для военного: обычная маска приятного человека, а под ней мог оказаться кто угодно, от негодяя до прекрасного союзника. Такую фигуру следовало изучать не одним разговором, а сотней, и не следовало быть уверенным, что полностью его изучишь даже после сотни.

Виррен Аймалдэн вел себя столь приветливо от искренности души. Лекарь, он не имел никакого повода скрываться и хитрить, а потому просто жил своей профессией и весело болтал с едва знакомыми людьми. Тора и Маскэрэ выглядели едва оперившейся молодежью, вырвавшейся из родного города в поездку.

А вот Бьюкенен... Настораживало его поведение, мутные слова и сокращение от имени Кей. Конечно, таинственный «доброжелатель» Хемены и преследователь Раль мог взять свое имя откуда-нибудь с потолка, но Хор не мог просто так отбросить свои подозрения, а потому решил наблюдать за Бьюкененом особо внимательно.

Негромкий разговор Маршала и Лейнора, прошедших в соседнюю каюту, совсем затих, а через минуту раздались по-военному четкие шаги, и Хор приготовился.

— Вот и вы, адмирал, — громче произнес Лейнор. — Не изменились за два года.

— Зато изменился ты, — ответил сухой высокий мужской голос. — Слишком постарел. Бросай уже службу, а то слишком рано вгонишь себя в гроб. У нас в Объединенном Мире не столько хороших людей, чтобы просто так ими разбрасываться.

Хор понял, что адмирал — человек жесткий и не очень-то любящий милые разглагольствования. Что ж, так было даже интереснее.

— Вы мне льстите, — тон Лейнора стал серьезнее. — Однако спешу вас разочаровать: я

хочу оставаться хорошим человеком, а потому продолжу свою службу на благо Объединенного Мира. Я не собираюсь уходить в отставку — не то время. У нас были неприятные потери на последней войне.

— Что ж, как хотите, — ровно откликнулся адмирал. — Байонис, идемте.

Дверь открылась вперед, пропуская вперед подтянутого человека в белом мундире с длинными темными волосами. Ярко-синие глаза с легкой насмешкой посмотрели на Хора, заранее давая понять, что адмирал о нем не очень высокого мнения.

— Мэйл Иушнице, — представился он, руки не подавая. — Кто-то из ваших ещё прибавил бы «Ричардель», но лично я не считаю, что повторы украшают речь.

— Мальс Эссентессер, — спокойно назвал себя Хор.

Иушнице пренебрежительно пожал плечами:

— Вы даже фамилии Ричардель в свое время не носили, нет?

— Ты смотри на него в первую очередь как на моего ученика, — заметил с легкой улыбкой Маршал, войдя вторым и закрыв за собой дверь. — Да, преемников у нас любят назначать не совсем по заслугам, однако Мальсу есть чем похвастаться. Скажи, — он внимательно глянул на Хора, — почему дирижабли этого красавчика в последнем бою раскрутило, как крылатку клена, — из-за ошибок и неисправности механизмов или потому, что требовалось срочно совершить маневр?

— Это была специально допущенная техническая ошибка, которая привела к неожиданному развороту половины флота и перелому в сражении, — безэмоционально, как ученик учителю, ответил Хор.

— Заметь, я не подсказывал, он сам догадался, когда получил такое задание, — уточнил Байонис. — Теперь делай выводы, сколько тут знатности рода, сколько — таланта. Да, заслуг особых пока нет, но они будут.

— Значит, вы, молодой человек, у нас особо одаренный, — растянул губы в подобии улыбки Иушнице. — Что ж, прекрасно. А что у вас с образованием? Ведь вы не Ричардель.

— Образование — дело десятое, — махнул рукой Байонис. — Это уж я обеспечу, а сам сваливаться не собираюсь. Если и помру в ближайший год, то разрешаю тебе провести революцию и принять фамилию Эссентессера, а Мальс согласится, не так ли? — подмигнул он преемнику. — Да и садись ты, я хотел бы нормального разговора, а то стоишь так, словно на кого-то броситься готов.

Адмирал пожал плечами и опустил не глядя в ближайшее кресло.

— Итак, его выбор — исключительно твоих рук дело? — поинтересовался он у Маршала.

— Я это пытаюсь сказать вот уже полчаса, — с улыбкой кивнул Байонис. — Да, мне указывали на многих, но я предпочел собственное мнение, устроил этот экзамен и твердо решил, что тот, кто разгадает твой маневр, будет учиться у меня.

— Мой маневр не смог бы разгадать человек, не знакомый с устройством дирижаблей и основными азами их применения в бою, — заметил Иушнице. Похоже, до потепления его отношения к новому Эссентессеру было далековато.

На этот раз Маршал промолчал, давая возможность ответить самому ученику.

— В детстве меня определили на направление Ричарделей и дали немало знаний, но я захотел уйти из этой сферы, — произнес Хор, понимая, что этими словами ещё больше отвратит от себя адмирала. Ничего, монолог ещё не закончился, Иушнице ждало несколько сюрпризов. — Знаете, вы показались мне человеком, любящим прямо, и я вам скажу

прямо. Я не стал одним из лучших Ричарделей по одной простой причине: я возненавидел всю систему с гороскопами и переходами людей от одной фамилии к другой. Мне было всего десять, но я стал свидетелем неприятной истории, в результате которой один человек потерял все, включая жизнь, а случилось это как раз из-за нелюбимой мною системы. Я согласился стать преемником Маршала только потому, что его выбор основывался на моих действительных талантах и знаниях.

— Согласился стать, — усмехнулся Байонис. — Вы оказали мне великую честь, Мальс Хор, приняв мое предложение. А могли бы отказаться?

— Мог, — только и сказал он.

Пренебрежения во взгляде синих глаз явно поубавилось.

— Но к армии-то у вас какое отношение? — все же не менял холодного тона адмирал. — Ведь вы отказались от этой стези.

— Отказался. Потому что иначе не мог. Признаюсь, мне доставляет удовольствие планирование и представление в голове боевых действий, может, это даже моя стихия, но в тех условиях я сделал бы все угодно, лишь бы не следовать ставшей ненавистной системе. Мне было десять лет, и я упирался так, как только мог. Меня переориентировали на Зорренда, потом — на Хорана, а потом отправили в Центр Одаренных для поиска способностей. А потом Маршал, разыскивая себе ученика, вспомнил о моих талантах и предложил пройти небольшой экзамен. Я прошел — и даже больше.

— Ну что же, — Иушнице глянул на него с легкой заинтересованностью. — Я рад, что ошибался в вас. Мы ещё познакомимся поближе, а сейчас я должен встретить последних пассажиров. Байонис, ты на них поглядеть обязан, а вот вы, Мальс, при желании можете не идти.

— Могу не идти, но пойду, — пожав плечами, сообщил Хор в тон адмиралу. Тот усмехнулся, оценив.

Они втроем двинулись мимо мирно болтающих Аймалдэнов, мимо Лейнора с книгой к входу в гонодолу, а им навстречу уже шагало двое людей примечательной внешности. Вернее, внешность их не выглядела столь уж необычной, но выражения глаз заставили Хора напрячься. Даже в многолюдной толпе он не мог бы просто так пройти мимо этих двоих, не зацепившись за них хотя бы взглядом.

Первому было не более сорока, и, кажется, он родился где-то в южных землях, на что указывали смуглый оттенок кожи, широкий разрез глаз и резкие черты лица. Темные глаза оглядывали Хора так, что он внезапно почувствовал себя шахматной фигурой, на которую смотрит игрок, раздумывая, двинуть ли её или оставить на месте. Второй был младше лет на десять, выше ростом, однако с заметным уважением к своему спутнику во взглядах и движениях. Щетина на щеках и слегка разлохматившиеся, не уложенные строго в прическу волосы придавали ему более грубоватый, неряшливый вид. Синие глаза смотрели на мир придиричиво, оценивающе, порой с легкой снисходительностью, хотя иногда в его лице мелькало что-то доброе и кроткое, чтобы через секунду смениться ровным, чуть насмешливым выражением. В обоих чувствовалась властная стать: то, что они стоят во главе серьезных объединений или же одного объединения, Хор понял сразу.

— Добро пожаловать на борт «Рассекающей», — уголки губ адмирала раздвинулись в легкой усмешке. — Вы в первый раз совершаете путешествие на моем корабле? Ничего, я надеюсь, это станет доброй традицией. Позвольте вам представить Байониса Эссентессера, хоть он и не нуждается обычно в представлении, а также его преемника Мальса

Эссентессера.

Первый кивнул, а второй приподнял бровь в ответ на прозвучавшее имя Хора. Явно слышал уже о нем. Но что и в каком контексте?

— Ферчазейро Аусхассен, — назвал первый неожиданно тихим голосом — голосом, который не привык звучать громко, потому что его слушались с первого раза.

— Толл Каэндра, — представился и второй. Затем очень внимательно посмотрел на Хора, раньше своих слов давая понять, что сейчас будет говорить о нем. — Скажите, вы продолжите свой небольшой бизнес после получения звания Эссентессера или нам уже не стоит надеяться?

Хор чудом сдержал удивление. Теневики. Перед ним стояли представители теневых корпораций Квемеры, причем одни из самых влиятельных, причем друзья адмирала Иушнице, и они в присутствии одного адмирала, а также Маршала Объединенного Мира интересовались у Мальса Эссентессера, собирается ли он участвовать в теневой жизни столицы и дальше. Хор совершенно растерялся, не понимая, какого ответа от него ждут.

— На пороге о делах не говорят, — заметил Байонис. — Пройдемте, господа, у вас ещё будет часов восемь, чтобы переговорить с моим учеником и узнать все, что хотели.

Ферчазейро снова кивнул без слов.

— Разумеется, — произнес Толл.

Они уже впятером прогулялись до последней каюты, в то время как двое мужчин внесли в первую вещи новых пассажиров.

— Меня очень радует ваша предприимчивость, Мальс, однако она зашла довольно далеко, — успел шепнуть на ухо приемнику Байонис и как ни в чем ни бывало принялся что-то говорить адмиралу.

Хор сделал глубокий вдох и выдохнул, собираясь с мыслями. Присутствие Толла и Ферчазейро совершенно выбило его из колеи, поскольку он не мог ожидать появления рядом с самим Маршалом кого-то из теневиков, да при том столь откровенных. Теперь Байонис понял, чем промышлял его ученик до ученичества, и сложно было сказать, какими последствиями это обернется.

Толл и Ферчазейро успели представиться всем прочим пассажирам — причем с ещё большей отстраненностью, чем Маршалу и Хору. Виррен Аймалдэн явно не обрадовался их присутствию тут, однако говорил вежливо, соблюдая приличия. Хору стало интересно, как отреагирует на новых пассажиров Кей, однако тот в буквальном смысле спал, сидя в кресле и прислонив голову к стене. Длинные волосы сбились на лицо, опять делая молодого человека похожим на женщину.

В их каюте Хор снова присел на то же кресло, на каком разговаривал и с адмиралом: отчего-то маленькая доля постоянства позволяла разуму работать лучше. Вошедший вслед за новыми знакомыми Маршал аккуратно прикрыл дверь за собой и защелкнул задвижку.

— Итак, что за дела у вас в Грозном мире? — самым вежливым тоном поинтересовался он. — Надеюсь, Магистру не придется потом навещать его после вас?

Толл покачал головой:

— О нет. Поверьте, господин Маршал, мы всегда заинтересованы в том, чтобы у Эссентессеров было поменьше проблем. Особенно у господина Магистра, — его тон звучал совсем ровно, и глаза смотрели спокойно, только легкой-легкой модуляцией голоса Толл показывал насмешливости больше, чем её выражали взгляд и усмешка адмирала пять минут назад.

— Что ж, я вам поверю, — Байонис бросил быстрый взгляд на Хора, затем — на Иушнице. — Не думал, что у тебя такие друзья.

— Среди таких людей очень полезно иметь друзей, особенно если люди хорошие, — пожал плечами адмирал, и Хор понял, что кое-что их роднит. — Есть вещи, которые искоренить невероятно сложно: в таком случае следует хотя бы частично получить над ними контроль.

— Контроль? — приподнял бровь Маршал, внимательно глядя на новых пассажиров. — Мне слабо верится в это.

— Все очень просто, — произнес Иушнице с прежней невозмутимостью. — На вершине того, что считается противозаконным, должен стоять ответственный человек, верный стране чуть больше, чем остальные. Разумеется, он будет верен своим интересам, однако способен принести пользу. И можно получать сведения обо всех делах.

— Что ж, я понимаю вашу логику, — тон Маршала оставался совсем не дружеским. — Но иметь настолько прочные контакты с подобными людьми? Вы ведь были полицейским, Мэйл.

Вот, значит, как. Хор едва слышно усмехнулся.

— Я в полиции это и понял, — вскинул голову адмирал. — Если хочешь поддерживать закон хоть на каком-то уровне, без беззаконий не обойтись.

— Это мы ещё обсудим, — произнес наконец Байонис. — Во сколько отправляемся?

— Да можем прямо сейчас, если у нас нет настроения вести дальнейшую беседу, — пожал плечами адмирал. Он, видимо, констатировал факт, поскольку через мгновение после фразы развернулся, отодвинул защелку, распахнул уверенным движением дверь и, чеканя шаг, направился в служебное отделение.

— Приятно было познакомиться, — так, словно ничего и не происходило, произнес Толл, а Ферчазейро опять промолчал.

Они вдвоем вышли вслед за Иушнице, оставляя в пятой каюте лишь тех пассажиров, коим она принадлежала в полете. Маршал внимательно посмотрел на ученика, а потом молча вздохнул и присел на свободное кресло, устремив взгляд в окно. Да, поездка начиналась весело.

— Поверил ведь? — вдруг негромко спросил Байонис.

— Во что? — поинтересовался Хор с осторожностью, по лукавому взгляду Маршала догадываясь, что кое-где ошибся с выводами и позволил себя поймать.

— В то, что я испытываю недоумение и возмущение из-за открывшихся обстоятельств и что Мэйл по этому поводу готов со мной спорить, — кажется, Байонис давал ученику первый урок. — На самом-то деле все не так, но я должен был показать этим господам, что ни сном ни духом, и убедить их в отсутствии у меня контактов с теневиками. Вышло неплохо, не так ли?

Хор кивнул, сумев сохранить невозмутимый вид.

— Я действительно поверил.

Он замолчал, хотя закончил на такой ноте, что фраза прозвучала неоконченной. Байонис усмехнулся.

— Думаешь, если связи Мэйла с теми людьми меня устраивают, то твоя подпольная деятельность тоже понравится? Нет. За неё не следует наказывать, но её следует прекратить, что ты и сделал. Больше у меня претензий нет, однако возвращаться к этому делу не советую.

— Если понадобится — вернусь, — едва слышно произнес Хор. Кажется, он перенял у

Раль манеру говорить о самых важных вещах так, что собеседнику приходилось прислушиваться. Зато можно было рассчитывать на полное его внимание: волей-неволей отвлечешься от сторонних мыслей, дабы уловить этот почти что шепот.

Маршал нахмурился, осознав, видимо, что для ученика этот вопрос имеет большое значение.

— Если понадобится — а в каких случаях это понадобится? — все же спросил он, не желая сразу закрывать тему, хотя уже понял, что запретить не удастся.

— Я не могу сказать вам точно, — Хор продолжал говорить на той же громкости. — У меня есть цель, путь к которой заслонен загадкой, и есть зацепки, способные помочь в решении этой загадки. И одна из таких зацепок и есть кольца памяти, контрабандой перевозимые в Грозовой Мир при моем содействии и там продаваемые. Вы, думаю, понимаете, что я не стал бы проворачивать это ради одной только выгоды. Однако полностью объяснить свои цели вам я не могу, поскольку эта тайна должна остаться тайной даже для близких моих друзей, в разряд которых я, увы, не могу вас пока отнести.

— В таком случае я желаю вам удачно дойти до вашей цели, используя как можно меньше противозаконных способов, — учтиво произнес Байонис. — Мы ещё обсудим это. А сейчас можете насладиться началом полета: «Рассекающая» отправляется.

Хор посмотрел в окно, на суетящуюся причальную группу, которую правильнее уже было назвать отчальной. Один за другим канаты отвязывались от специальных стоек, и матросы, высовываясь из открытых окон служебного отделения, убирали их внутрь. Отвязывание происходило в строгом порядке, поэтому дирижабль равномерно приподнимался над землей. Загудели и застучали, включаясь, моторы. Последние канаты исчезли, и «Рассекающая» начала медленный подъем и ещё более медленный разворот на север.

Дома и улицы Квемеры, люди, автомобили, телеги становились все меньше. Хор с интересом смотрел на выглядящий моделью город, отмечая некоторые свои маршруты, с легкой усмешкой глядя на выделяющийся стеклянной верхушкой Центр Одаренных, на не очень-то заметную рядом с администрацией часозвоню, на извилистую реку Соу, пересекавшую город, на дальние кварталы, где они с Раль встречались после своих приключений и где располагалась их конспиративная квартира.

Что ж, Хор мог благодарить неожиданный поворот в своей судьбе хотя бы за то, что он дал полюбоваться столицей с высоты полета дирижабля. Жаль только, что Байонис немало заинтересовался его прошлым после этого разговора, — впрочем, это в конце концов все равно бы всплыло между учителем и учеником.

Когда Хор думал или говорил о событиях той давности, когда он начал резко менять свое мировоззрение, он обычно говорил: десять лет назад. На самом деле то, что стало толчком ко всему этому, произошло двенадцать лет назад, когда ему шел одиннадцатый год. Юный Мальс стал свидетелем не самой приятной истории: стремление человека любой ценой вернуть дар привело к смерти. И после этого у мальчика начал постепенно снижаться уровень магии. Никто тогда и не думал, что Ричардель со столь высоким потенциалом способен оказаться в Центре Одаренных: все взрослые были уверены, что это временное явление. А он вдруг отчетливо представил себя лишенным магии, практически на грани — посмотрел на систему образования и распределения в знатных семьях не сверху, как привык, а с самых низов, и увидел то, чего не желали замечать люди вокруг.

Дар ухудшался — сравнительно медленно, однако неуклонно. Мальс все глубже

проникал в нюансы их системы, выспрашивал у всех знакомых информацию о людях, которые остались без магии, и чем дальше он продвигался, тем более неутешительной становилась картина. Хор пытался поговорить об этом с отцом, с братом, с Ричарделями, но получал в ответ “заботливые”, а на деле равнодушные советы не переживать из-за этого. Никто рядом не желал признавать того, о чем говорил, буквально кричал юный Мальс. И это его злило. Это пробуждало в нем характерное для их семьи упрямство и нежелание становиться частью системы.

Снижение уровня резервов остановилось. Его уже не считали выдающимся в плане дара Ричарделем, но таланты позволяли занять высокое положение среди военных. Согласно гороскопу. Слово “гороскоп” к тому времени уже начало невероятно раздражать Хора: он не понимал, как можно ссылаться на столь неавторитетный источник при утверждении будущей стези ребенка, родившегося в знатных семьях. Упрямство все росло. Его возражений, его исканий, его вопросов не желали замечать — что ж, Мальс решил поступать так, чтобы весь его путь выступил протестом против этой системы.

Резко ухудшились результаты по учебе. Хор саботировал уроки, а на все нотации отвечал вызывающей усмешкой. После долгого разговора с сыном Арктер Хорана попросил главу семьи Ричардель перевести Мальса обратно в родную фамилию. Это случилось как раз десять лет назад, и это было небольшой победой: во всяком случае, он уже не следовал пути, predetermined гороскопом. Новый наследник семьи Хорана усиленно работал, желая достигнуть успехов на своем направлении, и продолжал искать информацию, продумывая, как смог бы подняться наверх, чтобы изменить то, что его возмущало: нерациональность системы в определении профиля детей.

В шестнадцать лет магия исчезла совсем. Хор отнесся к этому спокойно: чего-то подобного он ждал. А спустя три года Арктер Хорана объявил старшему сыну, что тот не справляется с обязанностями наследника, и невозмутимо отправил Мальса в Квемеру, в Центр Одаренных, сам занявшись воспитанием и обучением младшего, Ровиаса.

Так Хор очутился на самом низу — но все ещё считал, что впоследствии поднимется, дабы все изменить. В Центре его держали дела, связанные с кольцами памяти, и ещё — это он осознал чуть позднее — дружба с Раль. Она сумела стать единственным близким человеком для него, решительно пройдя сквозь ту стену, какой Хор отгораживался от других людей: элемент поведения наследника, помноженный на сдержанность и привычку больше обороняться, чем идти на контакт. Практически со всеми знакомыми он не сохранил хороших отношений, поскольку со своим видением системы оказался далеко от них.

А с семьей дело обстояло ещё сложнее. Старший сын остался в памяти многих Хорана бунтарем и скандалистом, источником ссор. Младший брат, Ровиас, всегда становился на сторону отца, и оттого их отношения особенно накалились. Одна лишь мать по-доброму относилась к Мальсу, но она его жалела, надеясь, что когда-нибудь он вернется. Мягкая по характеру, почти безвольная, Нэри Хорана во всем разделяла точку зрения мужа, потому и считала сына несчастным из-за того, что он потерял дар. Она его не понимала, только жалела. И потому тоже оказалась за стеной, которую Хор возвел вокруг себя.

— Я проконтролировал работу наших и теперь могу быть свободен, — в комнату шагнул Иушнице уже с более дружелюбным выражением лица, отрывая его от размышлений. — Вообще-то следует признать, что моим молодцам капитан и не нужен, однако устав в армии — первое дело. Вы просветили своего ученика или это сделать мне?

— Просветил, разумеется, — улыбнулся Маршал. — И даже кое в чем просветился от

него, но это уже тема для разговора между нами. Садись, официальности и скрытности закончились. Мне бы хотелось, чтобы между вами с Мальсом сложились дружеские отношения: в конце концов, ему же быть следующим Маршалом.

От последних слов Иушнице едва заметно помрачнел, однако быстро выправился и как ни в чем не бывало заметил:

— Я никогда не против дружеских отношений с начальством. Однако... разрешите мне наладить их без вашего участия? Мы ещё успеем поболтать, сколько нам угодно, а тесные знакомства я люблю заводить в положении один на один.

— Звучит так, словно ты хочешь не говорить, а драться, — усмехнулся Байонис, выглядя, впрочем, совсем безмятежно. — Идите, я взял с собой несколько важных бумаг, чтобы не скучать в дороге.

Иушнице приоткрыл дверь перед Хором, как перед дамой, и тоже усмехнулся. Они вдвоем прошагали мимо всех обитателей кают: Бьюкенен по-прежнему спал, Виррен читал книгу, Тора вышивала, Маскэрэ не отрывался от окна, Лейнор задумчиво сидел и едва посмотрел в сторону проходящих людей, а Толл и Ферчазейро вообще не шелохнулись, мраморными статуями глядя друг на друга.

По узкому переходу адмирал провел Мальса в служебную гондолу. Исполнялась очередная мечта детства, только вот не могли не настораживать обстоятельства её исполнения. Желание Иушнице поговорить наедине выглядело логичным, если не считать места беседы. Впрочем... в пассажирском отделении набралось слишком много людей, и было бы невежливо просить кого-то уйти, оттого-то адмирал и увел Хора сюда. Что ж... Кажется, это действительно не представляло никакой опасности, хотя сам факт откровенного разговора без свидетелей на двадцатой минуте знакомства продолжал смущать.

Иушнице прошел в служебное отделение и почти сразу же свернул направо — туда, где особенно стучало и гудело. Ещё одна дверь. Адмирал поспешно завел туда своего спутника и завозился с замком, закрываясь, позволяя Хору внимательно изучить удивительную комнату. Здесь было жарко. Взгляд почти всюду натыкался на блеск начищенной меди, из которой изготавливалось большинство деталей для энергетического механизма дирижаблей.

Именно тут находился его центр, отгороженный от вошедших небольшой оградой высотой до пояса. В ней существовал проход, сейчас закрытый. В центре, посреди сплетения труб, подмигивавшего светом разных лампочек, красовалась правильная пятиугольная призма из цельных листов меди с посеребренными ребрами. От неё, как аорта от сердца, отходила крупная труба, далее ветвящаяся на более мелкие. Сбоку на призме имелась шкала в виде полукруга, по которой металась стрелка, а внизу горели две маленькие лампочки и тускнела пыльным стеклом третья. Полученных до Центра Одаренных знаний хватило, чтобы сделать однозначный вывод: перед Хором находился батерс, главная деталь дирижабля. Вещь, имевшая отношение к завязавшейся недавно неприятной истории.

— Здесь немного шумно, но нам не мешает, верно? — нарушил молчание адмирал.

— Верно, — невозмутимо подтвердил Хор, поворачиваясь от механизма к собеседнику. — Так о чем же вы хотели поговорить?

— О себе и о вас, — не стал ударяться в конкретику Иушнице. — Маршал хотел бы, чтобы мы подружились и я стал вашей опорой в случае его смерти. Оную, увы, надлежит включать в расклад, ибо возраст дает о себе знать, а лекари не способны одолеть все без исключения болезни. Так вот, вам следовало бы кое-что учесть. До вас преемником

Байониса Эссентессера считался я.

Хор вздохнул.

— И оттого я вам так не по нраву?

— Нет, — адмирал покачал головой. — Я не имею к вам ненависти. Любви, кстати, тоже. Наоборот, вы решили мою неопределенность, поскольку я не считался официальным преемником, но готов был заменить Маршала. Я говорю сейчас вам об этом, чтобы между нами не существовало никаких недомолвок. А то потом вам скажут, что вы заняли мое место и я из-за того смертельно на вас обозлился. Посеять вражду между людьми на деле довольно просто.

— А вы хотели бы носить звание Эссентессера? — поинтересовался Хор. — Раз уж мы решили говорить друг о друге...

Иушнице на минуту задумался, а затем ответил:

— В детстве я об этом, разумеется, мечтал, но происхождением не вышел, и даже высокий пост в армии мне не светил. Сейчас я понимаю, что должен находиться на своем месте, а роль Эссентессера неразрывно связана с магией, магии в ней бывает даже больше, чем в армии. Поэтому я не против остаться просто адмиралом, командиром воздушной эскадры Объединенного Мира. А место Маршала пусть занимает тот, кого серьезно готовили именно к этому.

— Не могу назвать себя подобным человеком, — пожал плечами Хор. — Как вы уже знаете, на протяжении целых десяти лет я занимался чем угодно, только не военным делом.

— Ничего, — махнул рукой Иушнице. — У вас есть талант, желание и достаточно времени, чтобы подготовиться ко всем тяготам положения Эссентессера. В плане простых военных вещей без примеси магии я вас поддержу, можете не беспокоиться.

— Спасибо, — кивнул Хор. — Скажите... вы упоминали, что родом не вышли для Маршала. Можно ли узнать вашу изначальную фамилию?

Иушнице только усмехнулся.

— Лейгебэл. Ничего не говорит? И правильно. Эта фамилия не относится к влиятельным и знатным, её представители нередко умирают от голода в грязи и нищете. Собственно, моя бабушка и умерла. Мне ещё повезло, что родители получили неплохой доход и сумели воспитать всех нас четверых. А мне удалось потом пробиться на службу в полицию Грозного Мира, и с той поры начался подъем вверх. Кстати, — он сощурился, — я заметил, что вас не очень обрадовали мои слова, касающиеся полиции. Так не любите нас? — адмирал выделил последнее слово, показывая, что не считает себя полностью отделившимся от той службы.

— Вас я уважаю, — ответил Хор, тоже выделив местоимение.

— Похоже, — заметил с новой усмешкой Иушнице, — это исключительно из-за того, что я веду дружбу с теневиками и вообще ушел в армию. Я повторяю свой вопрос. Вы не любите полицейских?

— Некоторых, — по-прежнему сдержанно отозвался Хор.

— А точнее? — адмирал явно не собирался сдаваться.

— Тех, кто слишком любит свое положение, — на длинные фразы Мальса сейчас не тянуло.

— То есть вам не нравятся полицейские, гордящиеся своими заслугами?

— Своим положением, — бесстрастно поправил его Хор. — Я не беру в расчет заслуги. Я рассматриваю невыразимую гордость людей от осознания того, что они — служители

порядка, служители закона. Как будто это само по себе означает великую роль человека в общественной жизни.

— Закон, — негромко повторил адмирал. — Вы произносите это слово так, как будто оно для вас клетка, досадная помеха, ограничивающие рамки, и ничего более.

— Для меня — да, — лаконично ответил Хор. — Для других людей он, безусловно, более важен.

— Вот, значит, как, — с неприятной улыбкой протянул Иушнице. — Вы у нас, выходит, самый умный, выше всех, да?

— Нет, — качнул головой Мальс.

— Тогда почему все должны соблюдать закон, а вас это не касается? — кажется, налаживание контактов привело к прямо противоположному результату. Что ж, они собирались говорить друг о друге — так пусть адмирал хорошенько узнает будущего союзника. Или начальника. Первое не всегда сочетается со вторым, второе не всегда означает первое.

— Закон — это рамки. А рамки нужны тому, кто не умеет их выстраивать самостоятельно.

— И ещё тем, кто их выстраивает неверно, хотя уверен в собственной правоте, — язвительно прибавил Иушнице.

— Безусловно, — кивнул Хор. Его, в отличие от собеседника, не настолько волновала тема, чтобы не суметь сохранить спокойствие.

— Так вы, выходит, непогрешимый? — выражение синих глаз стало презрительным.

— Нет, ошибки есть у всех.

— Тогда объясните, каково ваше положение в этой системе, — потребовал слегка запутавшийся адмирал. — Вы сказали, что для вас закон — всего лишь помеха.

— Законы Объединенного Мира — да, больше помеха, чем нечто полезное, — не стал отрицать Мальс. — Законы морали, чести и долга для меня имеют немалое значение, но иногда они идут вразрез с правовой системой нашей страны. Это первое. Я не люблю, когда законом, правилами, нормами человек ограничивается и контролируется настолько, что не может действовать хоть отчасти самостоятельно. Это второе. Я допускаю, что некоторых ограничивать можно и нужно: некоторых — но не всех. И третье: меня раздражают люди, которые превозносят законы выше небес.

— То есть полицейские, стремящиеся к их выполнению? — разумеется, неприязнь во взгляде и голосе Иушнице не угасала.

— То есть полицейские, мыслящие только ими. Ставящие выше всего эту ноту, букву, четчайшие правила — и заменяющие свой разум одной-единственной нотой или буквой.

— Но позвольте, — насмешливо приподнял бровь адмирал, — при исполнении служебных обязанностей полиции и полагается себя так вести, она — часть армии, а в армии устав священен.

— Во-первых, — Хор скрестил руки на груди, — даже уставу иногда не стоит повиноваться слепо, хотя это имеет отношение лишь к крайним случаям. Во-вторых, полиция работает не с врагом, которого нужно убивать без пощады, а с обычными жителями страны, и тут уж не распишешь всего устава, как следует поступать. Слишком много тонкостей. И меня раздражает, когда рассудительные люди на них плюют, ставя во главу угла закон. Да, некоторые без него действительно могут навредить. Но кому-то он — помеха.

— Послушайте, Мальс, вы ведете к несовершенству всей правовой системы в целом, к тому, что никакие своды правил не могут предусмотреть всех мелочей. Это известно всем, кому довелось столкнуться с неправдой. Однако смысл ли вам критиковать, если вы сами вряд ли знаете, как это изменить к лучшему?

— Я не критикую, — пожал плечами Хор. — Я объясняю, почему я не считаю закон прописной истиной и почему не люблю, когда его возводят в высший ранг. К правилам нужно подходить с рассуждением.

— Ко всему нужно подходить с рассуждением, — на губах адмирала снова появилась усмешка. — К жизни вообще.

— Да — и не заменять слепо это рассуждение буквой закона, — с легким раздражением бросил Хор. — Мы живем в стране, система которой имеет очень много недостатков, из-за которых страдают люди, и превозносить эту систему я не намерен. И жить, ориентируясь на нее полностью, тоже не намерен.

— Видимо, у вас был плохой опыт встреч с полицейскими, — тихо сказал Иушнице.

— Видимо, — уже хладнокровно согласился Хор.

— Вести себя так, конечно, для вашей гордости лучше, но вот для людей, которые находятся рядом с вами, — хуже, — так же без эмоций произнес адмирал и быстро прибавил вдруг: — Хотите увидеть батерс?

— Я его уже вижу, нет? — двинул бровью Мальс.

Иушнице покачал головой:

— На расстоянии — не считается. Думаю, вы не раз мечтали подойти поближе и прикоснуться к этой вещи. Одно из самых известных изобретений магической науки Облачного Мира, распространившееся во все остальные Миры. Нам следует благодарить облачников за их щедрость, остальные регионы не спешат облагодетельствовать чужаков.

— Для чего вы мне это говорите? — Хора слегка смутил этот его монолог, хотя в тоне этого не слышалось. — Раз уж мы ведем откровенный разговор, то я не вижу смысла в фразах о ничего не значащих вещах.

— Я б не назвал батерс ничего не значащей вещью, — невозмутимо отбил последние его слова адмирал. — Так вы хотите взглянуть на него поближе или нет? Я два раза не предлагаю.

Хор без слов кивнул. Он так и не разобрался в этом стремлении собеседника, хотя, возможно, оно служило для отвлечения от ставшего неприятным разговора и восстановления душевного равновесия уязвленного Иушнице. Последний повозился с дверцей ограды и резким движением распахнул ее. Послышалось жалобное звяканье. Адмирал все так же резко указал своему спутнику на узкую дорожку к механизму, которой, видимо, пользовались все механики для починки неисправностей батерса.

Хор неторопливо шагнул к проходу и опустил ногу на дорожку. В тот же момент он на мгновение потерял равновесие, как если бы поверхность находилась ниже, чем казалось. Мальс поспешно выправился, поймал усмешку на лице Иушнице — а не для этой ли сцены все задумывалось? — непринужденно пожал плечами — впрочем, нет, это было бы слишком мелко, — и двинулся дальше. На третьем шаге лампочки в механизме замерцали беспорядочно мутноватым светом, а медь заблестела особенно резко и неприятно. Хор моргнул, надеясь, что все станет нормальным, однако что-то ярко, до рези в глазах вспыхнуло, и он почувствовал, как валится куда-то вниз. Звучал озабоченный голос Иушнице, но он стремительно тускнел на фоне накатывающегося беспамятства.

Бывают такие люди, хорошие, приветливые, доброжелательные, но постоянно включающие в мозг странную реакцию: стыд и неловкость в ответ на самые обычные их слова и действия. В приятном разговоре об этом можно забыть и непринужденно беседовать, однако стоит наступить малейшему несогласию, и ты уже начинаешь чувствовать себя виноватым, а от спокойного тона собеседника веет строгим нравоучением, хотя, возможно, он и не хотел того. Просто в разуме какая-то особая статья, отвечающая за странности, приказывает смущаться от любых речей этого человека. Чем это вызвано — Раль не знала, но на нее подобным образом действовали два человека.

Соунтис Зорренд, занимавшаяся с «крылатыми» одаренными практическими занятиями и иногда читавшая лекции по магии. Молодая, но талантливая преподавательница была младше некоторых учеников Центра, а с Раль имела разницу в возрасте где-то восемь лет. Соунтис нравилась окружающим, неплохо знала о жизни одаренных и, наверное, могла бы в ней что-то поменять, однако она, как и большинство молодых педагогов, не имела права вмешиваться в основы системы, потому только улыбалась ученикам и говорила на те темы, какие подразумевал её предмет. Соунтис объясняла все просто и доступно, но при том четко, и требовала той же четкости в ответах учеников, и потому Раль всегда смущалась, когда её спрашивали. И совсем тихо, порой неразборчиво произносила первый и второй законы энергии, относящиеся к любому виду энергии, в том числе и к магии: она никуда не исчезала, а лишь превращалась, и могла идти от тел с большей концентрацией к телам с меньшей концентрацией лишь при действии сторонней силы.

А ещё Раль заставляла чувствовать постоянное смущение сама сиятельная директриса Центра, Ли Ханненсдон, когда-то назвавшая себя Ли Хан и давшая Мальсу идею стать Хором. Именно благодаря этой женщине Адилунд превратилась в Раль. Она знала, что директриса — хороший человек, который больше всех остальных в руководстве заботится об учениках, но это не мешало краснеть при пристальном взгляде Ли и её словах, обращенных к ней.

И вот сейчас Адилунд Мистераль мялась перед Ли Ханненсдон, не зная, как толком себя вести. Поправляла и без того затянутую прическу, крутила в пальцах волосок, пыталась взглядом излучать почтение и кивать в ответ на все слова директрисы. А меж тем говорила та совсем немного.

— Я читала письмо вашего брата, леди Мистераль, — Ли перешла на новое обращение совершенно невозмутимо, словно всегда говорила так ученице. — Ваши способности не вызывают сомнений, а значит, я не имею права чинить вам препятствия на том пути, который подходит вам больше всего. С этого дня вы переходите под покровительство семьи Мистераль, поздравляю.

Раль, вернее, Адилунд, в десятый раз кивнула, стараясь внушить себе, что от этого непринужденного тона не нужно ждать досады или нотаций.

— Поздравляю с окончанием Центра Одаренных, — директриса широко улыбнулась и протянула ей ухоженную руку с крошечными ногтями.

Хемена шагала по коридору общежития, чувствуя себя непривычно: и приятно, и слегка неловко. Впервые за полтора года обучения она возразила Сольсетену, хоть и в том, что не было её заслугой, а самое главное — промчалась мимо него, не остановившись на разговор, показала, что имеет дела поважнее беседы с ректором. Интересно, как он отреагирует на

это? Предпочтет притвориться, что не заметил? Но ведь заметил же, что Хемена Ричарделл сделала первый шаг к своей свободе. Может, та и осталась недоступной, и все равно этот первый шаг пьянил, нашептывая мыслям, что реальны и дальнейшие.

Неделю назад она и не верила, что попробует вырваться из запутанной неприятной истории, однако все изменилось благодаря вмешательству Мальса Хора. Он сиял впереди ярким примером, человек, который сам влиял на свой жизненный путь, сам делал выбор, не завися от воли родителей и гороскопа.

И теперь Хемена понимала, что она могла бы так же. Могла... Но сможет ли?

Приоткрытая дверь в её комнату и лучик света из проема: окна на северо-западную сторону, и обычно видно закат, но на его время иногда тянуло задернуть занавески. За полтора года старая традиция, привезенная из дома Мистералей, потихоньку выветрилась, однако в некоторых ситуациях выскакивала проблесками со дна памяти, и тогда штора скрывала розово-голубое небо за окном. Хемена поняла, что хочет это сделать и сегодня.

Она вошла внутрь и почти сразу же направилась к окну, но замерла, жмурясь от льющегося в комнату света. За столом сидел едва различаемый из-за лучей человек: черный силуэт, явно мужской, с книгой в руках. Сердце застучало.

— Хор? — тихо спросила Хемена.

— Прошу прощения, — он обернулся; голос звучал совсем иначе: хоть и спокойно, но слишком холодно. — Я Кей. Я могу завершить этот разговор в любую минуту неприятным для вас образом.

Она потрясенно застыла. С глухим стуком на пол упала выпущенная из непослушных рук сумка. Кричать не имело смысла. Напротив находился самый сильный маг, убийца, а солнце весело слепило, не позволяя разглядеть его лицо.

Кей неторопливо встал, подошел к окну и задвинул штору. Потом так же неспешно вернулся к столу и зажег светильник. На неподвижную Хемену глянуло бледное лицо со слегка раскосыми темными глазами, аристократическими чертами и зачесанными вверх волосами. Бескровные губы шевельнулись в недоброй улыбке.

— Рад вас приветствовать, леди Хемена. Садитесь. Я не люблю, когда люди стоят при разговоре. Успокойтесь, я не собираюсь вас убивать сейчас: все вы трое, нашедшие мой список в часозвоне, сейчас стоите в центре этого списка. Нет, не входите в него. В него входит ваше окружение. Так что в ближайшее время вам бояться нечего, и мы можем спокойно побеседовать на интересующие нас темы. Садитесь же.

Хемена заставила себя сделать шаг, не отрывая взгляда от Кея, а затем рухнула в кресло и тихонько охнула: с утра там оставалась недочитанная книга. Оцепенение помешало сразу же встать, и лишь после новой улыбки незваного гостя она неуклюже поднялась, взяла в руки книгу и села обратно.

— Прекрасно, — кивнул удовлетворенный Кей. — Я бы обратился со своей маленькой просьбой к Мальсу Хору — прошу прощения, к Мальсу Эссентессеру, однако он немного занят и находится рядом с Маршалом. Поэтому я пришел к вам.

— Зачем? — шепотом спросила Хемена. Она не понимала, что и для чего творит этот человек.

— Я же говорил: одна маленькая просьба, — Кей говорил спокойно, даже, можно сказать, ласково. — Дело в том, что я очень серьезно отношусь к знакам судьбы, а ваше совместное появление в часозвоне ничем иным быть не может. Я понял, что дело в вас троих. Я стер со стены и из своей головы имя Эвальда Мистерала. Он больше не может

считаться центром.

Хемена вздрогнула.

— Эви? Вы... Вы хотели его убить?

— Тот, кто находится в центре, неприкосновенен, — поднял палец убийца. — Вашему брату ничего не грозило, однако сейчас мне необходим новый центр для моих дел. Кто-то из вас троих. Адилунд Раль, Хемена Ричардель, Мальс Эссентессер. Выбирайте.

— Я не понимаю... — голос опустился до сдавленного шепота.

— Все очень просто, — покачал головой Кей. — Я всегда иду по кругу, но кругу необходима центральная, главная точка. Мне нужен человек, рядом с которым я найду всех, кто мне пригодится.

— Пригодится в качестве жертв? — это уже была какая-то грань между шепотом и порывистым дыханием. Даже сердце стучало громче слов Хемены.

— Называйте это так, если хотите, — снисходительно пожал плечами убийца. — Я использую другие термины. Независимое центральное положение гарантирует неприкосновенность. Вы, Адилунд, Мальс. Выбирайте, — повторил он.

— Я не знаю, — чуть громче ответила Хемена. — Я не имею права решать за них.

— За всех решаю я, и я определяю, кому какой выбор делать, — взгляд Кея сделался жестким. — Я могу просто кидать монетку — хотите? Но если она укажет на вас, то я не могу гарантировать безопасность Мальсу Эссентессеру и Адилунд Раль. Итак, вы намерены дать мне ответ?

— Вы не дадите мне даже времени на это решение? — с отчаянием распахнула глаза Хемена. — Это ответственность. Я не могу просто так, с ходу вам сказать, кому жить, кому умирать.

— Я повторяю, — в голосе убийцы прорезалось раздражение, — жизнью и смертью здесь повелеваю я. Ну, а ваше дело — определить, кому точно не умирать. Неужели все так сложно? Три человека. Безопасность одному ценой опасности, которая может и не оправдаться, другим. У вас есть десять минут.

Хемена сделала судорожный вдох. Три человека. Двое могут погибнуть, третий обязательно выживет. Свою кандидатуру она отставила мгновенно, вспоминая одолевавшее когда-то душу отчаяние и мысли о добровольном уходе из жизни. Если выбор Кея падет на неё — что ж... Опасность для Адилунд и Хора — слишком большая цена за собственное непоколебимое благополучие.

Адилунд и Хор. Хор и Адилунд. Потерянная три года назад названная сестра с мечтой обрести надежную семью и недавний знакомый, показавший, что на свете есть свобода. Кому из них дарить стопроцентную гарантию жизни? Кого защитить? Кто не сумеет защитить себя сам? Мальс теперь Эссентессер, находящийся возле Маршала. Защита будет, но хватит ли? Адилунд говорила, жертвой Кея становились Зорренд и Аусхассен.

— Осталось пять минут, — равнодушно сообщил Кей. Часов у него не было.

Хемена вздрогнула от этого слишком спокойного голоса, а мысли, которые подхлестнула необходимость решать быстро, панически заметались в голове. Адилунд и Хор... Есть ли ответ у загадки? Или все ответы ложны? Или все пути ошибочны и ведут в пропасть? Названная сестра находилась под защитной отца. Он был в её окружении. И если бы Кей выбрал своей целью его... Да что за мысли такие! Желать смерти родному отцу! А кому её желать? Человеку, согласившемуся ради Хемены вернуться туда, откуда он ушел и куда его не тянуло? Названной сестре, Адилунд, Ади, которой Хемена косички заплетала?

Или заплетала Халана, а Хеми только командовала... Да куда опять мысли-то?

— Время истекло, — провозгласил Кей тем же тоном. — Ваше решение? Или мне взять монетку?

Хемена закрыла глаза. Её била дрожь. Из губ пугливым дуновением скользнуло:

— Хор.

===== Глава 2. Застарелое =====

Эвальд пообещал забрать Раль где-то после обеда, а до того времени у неё было много времени и ноль занятий. И если обычно Адилунд радовала тишина, то сейчас ей не сиделось на месте, хотелось что-нибудь делать. Она вдруг вспомнила, что Эссабина приглашала на спектакль своего театра: может, и не удалось бы попасть на него, но прийти к самой Кудеснице однозначно стоило. Прийти, поблагодарить и рассказать побольше про дракона.

С такими мыслями Раль подходила к дому, где остановился театр, и поднималась по уже знакомой лестнице к комнате с “пианиной”. С Эссабиной она столкнулась прямо в коридоре: та выходила из другой двери и обрадовалась при виде гостьи, сразу же пригласив её на чаепитие в свою комнату. Адилунд, конечно же, согласилась.

— В первую очередь я учу детей, — принялась рассказывать Эссабина, когда они уселись за столик в небольшой уютной комнатке и Раль принялась расспрашивать новую знакомую. — Айт, наш руководитель, очень гармонично подбирает выступления юным артистам, но для обучения музыке несведущего человека, особенно ребенка, терпения у него не хватает. Представляете, какво музыканту с абсолютным слухом работать с теми, кто только на десятом повторе перестает перевирать ноты. Я отношусь к этому мягче, дети меня любят и считают своей Кудесницей — в общем, все стороны довольны, а зрители не устают хлопать нашим младшеньким после их песен.

— А когда я смогу их услышать? — Раль знала, что пройдет как минимум неделя, прежде чем вернувшийся член семьи Мистераль отправится куда-нибудь из Квемеры.

— Через три дня, — обрадовала Эссабина. — Я могу прямо сейчас попросить для вас билеты.

— Если вам нетрудно, — улыбнулась Адилунд. — Тогда я могу и заплатить прямо сейчас.

— Нет, — решительно тряхнула головой Кудесница. — Денег не надо. У нас хватает доходов, чтобы делать друзьям подарки.

— Другам подарки, — мечтательно повторила Раль. — Эссабина, да ведь вы меня совсем не знаете и уже считаете другом.

— Ошибаетесь, я знаю вашу магию, — покачала головой Кудесница, и взгляд её стал точь-в-точь как у мамы Адилунд. — Ведь у меня жил дракон, не забывайте.

— Вам следовало бы родиться в Крылатом Мире, — тихо произнесла Раль. — Скажите все же, как к вам попал дракон? Это важно. В прошлый раз я вообще ни о чем не думала, а теперь понимаю, что слишком уж много совпадений выходит.

— Мне его подарили, — призналась посерьезневшая Эссабина. — Поклонник, имени я не знаю. В тот день я выступала вместе со своими воспитанниками, мы пели, было чудесно... Когда я уже выходила из театра, подошел он, вручил букет цветов и коробку и очень быстро ушел. А в коробке оказался дракон. Я понимала, что нарушаю правила, ведь я знаю о живых механических животных, но он мне так приглянулся... Я подумала, что он создан магией того таинственного дарителя.

— А как выглядел этот даритель? — поспешила спросить Раль.

Эссабина нахмурила брови, вспоминая.

— Темноволосый, прилизанный, с короткой стрижечкой. И глазищи большие пронзительные, как у актера драмы. Манеры у него были явно не кухонные — видимо, в серьезной семье воспитывался. Это все, что я могу про него сказать.

— А он не оставил вам письма вместе с драконом? — Раль уже почти не сомневалась, что это Кей с его бесцеремонной привычкой вручать малознакомым людям ценные магические вещи.

Эссабина покачала головой.

— Нет. Я даже не поняла, почему именно мне именно такой подарок, я на выступлениях особо этого человека среди зрителей и не видела.

— Особо? — зацепилась за размытость в речи собеседницы Раль. — Или все же вообще не видели?

— Ну... — Кудесница замялась. — Во время выступлений больше переживаешь за то, как споят твои подопечные и как справишься ты сама, так что не до разглядывания зрителей. Пару раз мне казалось, что в дальнем ряду сидит именно он, но не могу ручаться, что все в точности так и было. Пение — это что-то вроде опьянения, перестаешь замечать многие вещи, и бывает сложно настроиться на нечто другое.

— Ясно, — медленно произнесла Адилунд. — Понимаете ли... В тот день я не просто так к вам пришла, но и не по театральному делу. Один не самый приятный человек, скрывающий свою внешность под иллюзией, велел мне найти в приехавшем в Грозовом Мире театре Кудесницу, чтобы вернуть дар. Я шла к вам, даже не зная, кто вы, я не представляла, о чем говорить, поэтому так растерялась, когда вошла, благо, меня выручил сам дракон.

— Вот, значит, как, — на лице Эссабины проступила задумчивость. — Это похоже на странную комбинацию, но кто и для чего её устроил — я не знаю. Дракона мне подарили в Грозовом, а тут, в Квемере, я ни разу таинственного поклонника не видела. Что ж, нам остается только надеяться, что когда-нибудь все станет ясно. А сейчас, с вашего позволения, я пойду за билетами.

— Спасибо вам, — кивнула Раль.

Эссабина элегантно поднялась и вышла, по коридору приглушенно зацокали каблуки её туфель. Адилунд ждала, гадая, что же на самом деле хотел Кей. Он обеспечил ей везение, спасал во всех теневых переделках, помог восстановить дар — но для чего? И для чего он устроил смерть Синди, дав ей неисправный ключ? Как и почему умерли все остальные?.. Вопросов было слишком много.

Дверь хлопнула, и в комнату вбежало четверо детей, чьих шагов по коридору задумавшаяся Раль не слышала. А может, они просто подкрались, чтобы с шумом влететь внутрь.

— Здравствуйте, — выпалила обогнавшая остальных девочка с ярко-рыжими волосами, которая напомнила названных сестер Мистераль, тоже рыжиков. — Вы ведь взяли у Волшебницы её дракона?

Раль улыбнулась, ощущая себя как минимум тридцатилетней среди кучки малышей.

— Вообще-то это мой дракон, только он потерялся и попал к Эссабине.

— Потерялся, — протянула темноволосая девочка, пониже ростом, в ярко-зеленом платье и с зеленым же бантом. — А мы думали, он наш.

— А откуда вы про него знаете? — прищурилась Раль. Ей едва удалось сохранять

приветливую улыбку при мысли о том, что эти дети могли разболтать всему театру о живом механизме.

— А нам Кудесница показывала, — моментально выпалил женственного вида мальчик с пепельными волосами. Голосок у него был довольно тонкий. — Но это секрет, потому что у неё самый лучший в мире заводной дракон.

Раль незаметно выдохнула с облегчением: значит, они приняли магическое создание за обычную игрушку, купленную Эссабиной.

— Тетя, а вы нам его не дадите? — жалобно спросил мальчик.

— К незнакомым дамам обращаются «леди», — одернула его самая старшая их детей, полненькая светловолосая девочка со слегка мечтательным взглядом.

— Не будь занудой, Хор! — огрызнулась рыжая, и Раль вздрогнула, услышав слишком прикипевшее к одному человеку обращение.

— Тетя леди, вы нам его не дадите? — заученно повторил мальчик, но Адилунд его уже не слушала.

— Хор? — осторожно переспросила она.

— Меня зовут Хорганек, — кивнула старшая девочка. — Вы простите их, мы не очень привыкли, чтобы сюда приходили незнакомые люди.

— Тинь лучше умеет петь, чем говорить, — выпалила невысокая. Она, видимо, тоже не отличалась вежливостью, зато всегда готова была поддеть товарища.

— Сама ты Тинь! — оскорбилс мальчик. — Меня зовут Тинэйс!

— А меня зовут Адилунд, — плавно вступила в их разговор Раль. — И я нисколько ни на кого не обижаюсь. Но дракон сейчас живет у меня дома, и показать его вам я смогу лишь в том случае, если кто-нибудь из вас удивит меня через три дня на выступлении.

— Хор будет петь, — выпалила невысокая, оборачиваясь на Хорганек. — В красивом платье. Она у нас лучшая певица, вам понравится, вот увидите.

Та чуть покраснела от смущения и тихо сказала:

— Лучше всех поет Кудесница. А я — пробую, учусь, недостатков хватает, но зрителям нравится, это да.

— А остальные пока не выступают, — с завистью выдохнула рыжая. — Мы маленькие. Но уже через полгода запоем и на большой сцене. Кудесница обещала.

Стукнула дверь, и вошедшая Эссабина строго посмотрела на воспитанников.

— Так, армия, быстро по своим комнатам, не мешайте госте. Дракона ведь выпрашивали, да?

— Она нам обещала его принести, если Хор хорошо споет, — торжествующе вставил Тинэйс.

И опять Раль покорило от этого сокращения. Мальс Хор не любил петь, утверждая, что хоть голос у него и неплохой, но слух посредственный, а потому ничего толкового не выйдет. Зато он умел играть по меньшей мере на двух музыкальных инструментах.

— Все, все, идите, — велела Эссабина, и дети заторопились к дверям.

— До свидания, — вразнобой попрощались они, веря, очевидно, в следующую встречу с Раль и драконом.

— Ну вот вы и познакомились с моей армией, — улыбнулась Кудесница. — Понятно, что вам они не мешают, но дисциплина есть дисциплина. Как вам Хорганек?

Раль пожала плечами с ответной улыбкой:

— Хочу посмотреть, как она поет.

— Это золотце мне, видно, дано за все, что я вытерпела, обучая младших музыке, — искренне произнесла Эссабина. — Хорганек талантлива, и вдобавок к этому у неё замечательный характер. У многих, к сожалению, вместе с голосом развивается и гордыня. У неё — нет. Думаю, станет прекрасной певицей и неплохим учителем.

— Здорово, — кивнула Раль. — Теперь я ещё больше хочу прийти. Через три дня в Зеленом театре, верно?

— Верно, — Эссабина вытащила из кармана два картонных прямоугольника. — А вот и билеты. Знаете, — она на минуту задумалась, а затем решительно шагнула к книжной полке и достала оттуда новенький томик в неброской красной обложке. — Это тоже вам, — Кудесница вручила Раль книгу вместе с билетами. — Это история, которую Айт очень хочет поставить — возможно, я даже могу попасть на главные роли. Сама по себе история красивая.

— Спасибо, — искренне произнесла Раль.

Хор открыл глаза, лениво изучил светло-серый потолок и повернул голову. Обычная комната обычной гостиницы, всего по-минимуму: узкий шкаф, невысокий комод, кровать и окошко с мрачным небом. Рядом никого не находилось, и потому можно было сделать вывод, что ничего по-настоящему тревожного не произошло. Какое-то недоразумение. Странное недоразумение — упасть в обморок возле энергетического механизма, куда с непонятными целями его потащил Иушнице. С непонятными целями, конечно же. Интересно, отчего это все же случилось? Влияние батерса. Не как на несчастную Синди, не как на человека из Грозового Мира, хотя от родины осталось только имя, а никакого серьезного «грозового» дара он в себе уже не хранил.

Гостиница. Самая обычная, не привилегированная, без дополнительной роскоши — явно не та, какую предложили бы Маршалу и его преемнику, а ведь об их поездке узнали — кто-то, возможно, запоздало — все, и Байонису вряд ли удалось бы отвертеться от полагающихся по статусу удобств. А если их поблизости не наблюдалось, значит, Хор находился не в конечном пункте их маршрута.

При катастрофической слабости одного из пассажиров дирижабль вполне мог завернуть в другой город, высадить там Эссентессеров и мирно двинуться дальше. Хотя... В одной из кают сидели аж четыре Аймалдэна — неужели они бы не смогли справиться с внезапной напастью? Может, и не удалось. Обидно, если из-за раздражения адмирала задержалась поездка, хотя чего переживать — они же никуда не спешили.

Хор поднялся, и кровать радостно заскрипела в ответ. Положительно, он не ошибался в своих предположениях насчет того, что находится не в столице Грозового Мира. Хас... Красивое место, слишком родное, слишком знакомое, покинутое три года назад. Хас, старый город, гнездо Мистералей и Хорана, место серьезной магии и не менее серьезных интриг. Хорошо, что Байонис решил полететь туда, и плохо, что они так и не долетели из-за причуд адмирала. Впрочем, кто просил злить его откровенностью? Хор мог отшутиться, отделаться парой спокойных фраз, однако ударился в философию и получил осязаемый ответный удар.

Он поднялся, отмечая, что пол совсем теплый, хотя в Объединенный Мир уже пришла осень со своими холодными ночами, и заправил постель. За соседней стенкой зашуршало, а затем раздался четкий ритм шагов, который не принадлежал стремящемуся обычно к тишине Байонису. И Хор почти узнал этот ритм, хотя ему слабо верилось, что этот человек может остаться рядом с «заболевшим» пассажиром, который в свое время его довел.

Дверь распахнулась, и в комнату действительно вошел адмирал Иушнице. Выглядел он так же, как и вчера: спокойствие в сочетании с легкой насмешливостью. Интересно, хоть какое-то чувство вины у этого служителя закона существовало?

— Доброе утро, — Мальс Эссентессер сохранял вежливость в любой обстановке.

— Вообще-то добрый вечер, — усмехнулся адмирал. — С момента вашего красивого падения прошло всего пять часов. Мы сейчас находимся в Кронсвельте: залетели, чтобы оказать вам необходимую помощь. Дирижабль тут же. Все пассажиры согласились подождать до завтрашнего утра, однако я вижу, что мы можем отправляться хоть сейчас.

— Что со мной было? — коротко спросил Хор. Он порадовался тому, что потерял всего пять часов, а не целый день, и не причинил столько неудобств Маршалу. Впрочем, в неудобствах следовало винить кое-кого другого.

— Энергетический шок. Не всем полезно подходить к батерсу. Вам это ничем ужасным не грозило, но вам следовало как можно быстрее покинуть дирижабль, чтобы отдохнуть и прийти в себя. Поскольку выбрасывать вас с парашютом было бы неразумно, то я принял решение сделать остановку, а все прочие согласились. За вас переживают как минимум пятеро человек, в числе которых юная леди, так что можете быть довольны.

— Пятеро? — только и приподнял бровь Хор. — Сомневаюсь, что Бьюкенен Аймалдэн способен переживать за кого-то в перерывах между сном.

— На вашем месте я бы поостерегся с однозначными выводами, — усмешка Иушнице стала шире. — Кей Аймалдэн лично вас осматривал и при случае готов был провести необходимые меры, вплоть до операции, прямо во время полета. Он талантливый лекарь и забывает обо всем, когда речь идет о здоровье пациента. Неудивительно, что с такой отдачей идет постоянное истощение и создается впечатление спящего на ходу человека.

Хор ничего не ответил. Он и впрямь ошибся в Кее и зря начал язвить. Зачем вообще было вставлять эту шпильку? Возможно, не только Мальс раздражал адмирала, но и адмирал — Мальса, и оттого появлялось желание сказать что-нибудь с сарказмом, не подумав, нужно оно или нет.

— У вас есть полчаса, чтобы окончательно собраться. Я жду вас на «Рассекающей», — не замедлил объявить Иушнице и, кажется, собрался уходить.

— Подождите, пожалуйста, — очень учтиво сказал Хор. — Могу я узнать, вы вообще предполагали подобную мою реакцию на батерс?

— Разумеется, нет, — пожал плечами адмирал. — Зачем мне тормозить движение дирижабля? Все вышло случайно, а о причинах надо спрашивать у вас или хотя бы у Маршала, он более сведущ в таких вещах.

— Для чего вас вдруг так потянуло показывать мне батерс? — прямо спросил Хор.

— Вы же хотели на него посмотреть, — лицо Иушнице приобрело совершенно невозмутимое выражение. Определенно, наглость входила в список его качеств.

— Я много что хочу, — сохранил непроницаемость Мальс, мысленно восхитившись его умением уходить от ответа, потому что не понимал, как припереть собеседника к стенке и вытребовать у него правду насчет утрешнего или хотя бы доказать себе, что он лжет. В конце концов, могла действительно произойти случайность...

— Желаю вам скорейшего исполнения ваших желаний, если они не вредят закону и Объединенному Миру, — произнес с усмешкой адмирал и все же выскользнул из комнаты.

Нет, полностью случайным все точно не было. Однако Иушнице мог захотеть чуть-чуть навредить, а вышел перебор из-за каких-то энергетических нюансов. Вот о них следовало

узнать у Маршала. Этим Хор и решил заняться в ближайшие полчаса, благо сборы ему почти не требовались.

В комнате общежития Раль ждал небольшой конверт — от Трэйгла, просившего в ближайшее же время встретиться. Он сообщал, что спустя час будет ждать её на старом пешеходном мосту через Соу, главную реку Квемеры. Поскольку сейчас не оставалось никаких серьезных дел, а этот разговор мог бы продвинуть их вперед, Адилунд, конечно же, решила туда отправиться.

В оставшийся час она прибирала комнату, складывая свои вещи так, чтобы в любой момент можно было взять их и переехать куда-нибудь. Только — куда? Наверное, к Эвальду, потому что именно он оставался представителем Мистералей в столице, однако кроме его квартиры, располагавшейся далеко не в центре города, имелось и строгое темно-серое здание со стрельчатыми окнами — дом, где Рондер Мистераль останавливался при визитах в Квемеру. Раль надеялась, что до него не дойдет, поскольку этот особняк был довольно мрачным.

Адилунд тщательно прибралась и сложила свои вещи в две сумки, после чего с уверенностью могла сказать, что готова к переезду. За этими хлопотами пролетели примерно полчаса, и уже можно было спокойно отправляться к мосту, располагавшемуся примерно в двадцати минутах ходьбы от общежития. В двадцати минутах ходьбы — если брат стремительный темп Хора, который он привил и Раль. Хор... Самым печальным в изменениях их судеб выходила разлука. Он становился Эссентессером, будущим правителем Объединенного Мира. Она возвращалась в семью. И между ними пролегла граница, не позволяющая видеться каждый день и находить достаточно времени друг для друга. Адилунд ещё везло: теперь рядом с ней находились сестры и брат. А Хор? Она знала, что других близких друзей в столице у него нет. Стало грустно.

Несмотря на то, что заводы не чурались выбрасывать часть отходов прямо в реку, в районе Квемеры Соу выглядела не такой уж и грязной — возможно, потому, что текла она очень быстро. В старые времена, когда столица была маленьким городком, переплыть через норовистую реку означало показать немалую ловкость и выносливость. Постепенно люди приспособивали Соу под свои нужды, используя избыток её силы для заводов и энергостанций, так что сейчас она, уже присмирившая, не так стремительно катила свои воды под Старым мостом.

Раль остановилась где-то на его середине, задумчиво поглядывая на потемневшие от времени каменные перила. Кое-где на них виднелись прицепленные цепочки с темно-красными замками, напоминавшими по форме сердце: традиция влюбленных. Все эти замки рано или поздно снимались, но на их месте появлялись новые: люди не желали отказываться от своих милых обычаев. По мосту спешило немало народу; хоть неподалеку и располагался второй, более широкий, предназначенный для повозок и автомобилей, однако многие предпочитали именно этот. В конце концов, половина населения столицы своего транспорта не имела. А кто-то просто любил ходить, а не ездить, например, Эвальд, который имел полное право пользоваться автомобилем, однако, считая, что у него и так полно свободного времени, постоянно бродил по улицам Квемеры.

Из толпы к Раль вынырнул Трэйгл со своей размашистой походкой. Сегодня он уже не выглядел таким смущенным, как в две их предыдущие встречи. Красные брюки и котелок остались неизменными.

— Добрый день, — негромко поздоровалась она, запоздало сообразив, что читать по губам приветствия любят только они с Хором.

— Прошу прощения, что выдернул вас, — быстро произнес Трэйгл, не расслышав, разумеется, приветствия. — Нет, у меня не появилось новых сведений, однако я хочу разобраться с единственной нашей зацепкой. Медный шлем. Вы должны помнить. И... скажите, вы знакомы с теми, кто ходит в тени?

— Я знакома даже с теми, кто смотрит сквозь туман, — призналась Адилунд. Она вообще не любила все эти формулировки, но без них в этих теневых делах не обходилось.

— А вы серьезно настроены, — хмыкнул с удивлением Трэйгл. — Чтоб такая юная девушка — и уже с налаженными контактами?

— Так уж вышло, — развела руками она. — В том нет моей заслуги. Все это обеспечил мой друг благодаря старым знакомствам. Так что же вы хотели?

— Я хотел прийти к этим людям и расспросить их о медном шлеме. Может, это такой символ. Может, прозвище. В любом случае, мы не имеем права просто отставлять в сторону эту информацию. Вы хотите пойти со мной?

Раль вздохнула, глядя на пенящуюся внизу воду.

— Разумеется, я иду. Я знаю больше вас о тени, поэтому я должна. Когда?

— Прямо сейчас, — выдохнул Трэйгл.

Она снова посмотрела на беспокойную Соу, лениво прошлась взглядом по тонкой цепочке с замком, повисшей на старых перилах.

— Я согласна.

Расположившийся в соседней комнате небогатой гостиницы Байонис занимался тем, что рисовал на и без того исчерканном листе схему какого-то боя. Прошлого. Или грядущего. При виде ученика он одобрительно кивнул:

— Как и ожидалось, ничего страшного с тобой не произошло. Просто конфликт энергий. Однако мне хотелось бы знать, что за энергия хранится в тебе — та, что сумела вступить в этот конфликт столь резко. Все тесты в один голос твердят, что «грозовой» дар исчез, а откуда появиться новому? Меня настораживает эта ситуация. Батерс неисправным не был. Причину следует искать в тебе. Нет никаких догадок?

— Я не имею никаких энергетических талантов, — ответил Хор. — Это определено. Однако я мог вобрать в себя часть магии во время нашего приключения в часозвоне.

— Ах да, вы же растревожили бедную Ориасу тогда так, что она ругаться начала, — усмехнулся Маршал, но не с укором, а отчего-то — довольно, словно нашкодивший мальчишка. — Между прочим, наша Регент очень воспитанный человек.

— Пожелаю ей оставаться таковой и далее и не обращать внимания на беспорядки со стороны серийных убийц, — пожал плечами Хор, до сих пор полностью уверенный в том, что их предприятие в часозвоне принесло больше пользы, чем вреда. Иначе не удалось бы показать, насколько серьезен преступник. Хотя это стоило жизни Зорренду.

— Она будет польщена таким искренним пожеланием, так что разом забудет все обиды и признает тебя достойным преемником Маршала Объединенного Мира, однако вернемся к нашей теме. В часозвоне ты действительно мог подцепить энергию. Другое дело, что она долго в тебе не просидела бы: вырвалась бы наружу, как у несчастной Синди Хассен из вашего же Центра. Ты не использовал даже дар-родинки — откуда взяться резерву магии?

— Выходит какая-то непонятность, — задумчиво произнес Мальс. — Я не имею дара и

какого-либо стороннего резерва, однако батерс откликается. Впрочем... Адмирал меня подвел к нему не просто так. Мы спорили, а потом он внезапно предложил подойти поближе к механизму. Я подумал, что разговор зашел в тупик, и согласился, а как сделал несколько шагов — свалился.

Байонис красиво изогнул бровь:

— Думаешь, Мэйл все специально провернул? И совершил какую-нибудь хитрость, чтобы тебя свалить? Сомневаюсь, это не в его духе, да и как объяснить конкретнее? Что он использовал для конфликта энергий — и почему тот ударил лишь по тебе?

— Но зачем тогда понадобилось показывать мне батерс? — уцепился за главное Хор.

— Может, дело было в том, что разговор зашел в тупик? — невозмутимо предположил Маршал. Кажется, он не собирался сразу же становиться на сторону ученика. — Мэйл умеет достойно отвечать на слова — словами, на поступки — поступками, и я ещё ни разу не видел, чтобы он бил в спину. Я знаю этого человека и абсолютно уверен, что он тут ни при чем.

Хор чуть нахмурился, вспоминая последние фразы того разговора.

— Адмирал упрекнул меня в гордости и почти сразу же — меня удивило, что он сказал это не сучающе, а очень даже быстро — предложил посмотреть на батерс поближе. У нас был откровенный разговор, и я спросил, зачем это нужно. Адмирал лишь сказал, что я хочу увидеть энергетический механизм дирижабля, а значит, он должен выполнить мое желание. Я не стал спорить, подумал, это некое предисловие или иллюстрация к чему-то важному. Как выяснилось, не совсем.

— Я лично спрошу у Мэйла, зачем ему понадобилось тащить тебя к батерсу, — махнул рукой Байонис. — И, думаю, объяснение выйдет вполне прозаическое, не имеющее отношения к тому, что с тобой случилось. Когда мы прибудем в Грозовой Мир, я постараюсь, чтобы тебя очень внимательно обследовали. Новичку среди Эссентессеров — не помешает. А сейчас нам пора бы отправиться на «Рассекающую», чтобы нас опять все не ждали.

— Чтобы меня опять все не ждали, — пробормотал Хор.

Байонис нахмурился, глядя на него.

— Пожалуй, после всех приключений тебе не мешает пообедать. Я прикажу, чтобы принесли: правда, ассортимент здесь не первоклассный, но простенького супа и какого-нибудь мяса тебе хватит.

— После столовой Центра меня мало волнует качество еды, — махнул рукой Хор. — Не забывайте, я... немножко не из вашей сферы.

Раль не тянуло погружаться в глубины теневой жизни преимущественно из-за того, что это означало большое количество сложности и конспирации, условные знаки, неожиданные визиты товарищей по профессии и готовность практически в любой момент выполнять задания, полученные из тени. Окунаться во все это ради привилегий и информации однозначно не стоило, хотя Хор думал по-другому. Его всегда тянула эта сторона столицы с её тайнами, необычными традициями и широкими возможностями. Он несколько раз говорил, что ушел бы туда окончательно, если бы не долг, в свое время заставивший отказаться от намеченного родителями пути. Раль слегка побаивалась подобного стремления, но молчала. Она не думала, что теневые контакты пригодятся в будущем, после того, как Хор спасет чью-то жизнь, как того хотел. Однако жизнь показала, что все

налаженные знакомства могут помочь не один раз.

Это не выглядело чем-либо необычным или подозрительным. Просто двое молодых людей, встретившись на Старом мосту, прогулялись парой улиц до небольшого книжного магазинчика, чьи витрины пестрели романами в ярких обложках. Серьезная литература здесь попадалась редко, но она пару и не интересовала.

Зайдя внутрь, Раль и Трэйгл принялись неспешно осматривать товар. Конечно, парень в красных брюках и котелке среди книг выглядел не очень-то уместно, однако кому какая разница? Он более играл роль скупающего спутника, которого прекрасная дама завела сюда и которому приходилось ожидать, пока она подберет что-нибудь по душе.

— Ой, какая красота, — Раль взяла в руки тонкий альбом с мраморным переплетом. — Я думаю, что это можно подарить и Тэлси, и Реме. Скажите, пожалуйста, — она обращалась уже к продавцу, — а нет ли у вас ещё одного такого или даже двух? Ведь мы можем всем на празднике вручить такие, — говорила она уже Трэйглу.

— На складе должно быть, — кивнул продавец. — Эй, Алли, — крикнул он молоденькой девушке, сидящей за стойкой с потрепанным журналом в руках, — замени меня, пока я покупателям на складе товар подбираю!

— Да, мастер, — меланхолично откликнулась та, переворачивая страницу.

Продавец повозился с замком низкой деревянной двери, светло-коричневая краска на которой уже заметно облупилась, и они все трое, по очереди нагибаясь, прошли в темное помещение склада и мимо пыльных коробок двинулись к широко раскрытой двери, из которой лился приятный оранжеватый свет. Внутри сидела женщина лет тридцати пяти с густыми темными волосами, завитыми в пышную прическу. Одета она была в насыщенного голубого цвета платье с черными кружевными вставками.

— Тени исчезают в полдень, — тихо произнесла Раль слова пароля.

— Но живы в полночь, — закончила женщина, едва-едва приоткрывая крупные темные губы — губы южанки. — Вы из торговцев?

— Я из серебряных торговцев, — подтвердила Адилунд. Когда-то Хор заставил её выучить наизусть все формулировки, принятые среди теневиков. — Продлевать контракт со следующего месяца уже не смогу, — добавила она ради честности, хотя знала, что эти люди все равно узнают об изменении их с Хором судеб. — Я прошу знаний.

— Вы получите столько, сколько положено, — голос женщины прозвучал уже механически. — Задавайте вопросы.

— Меня интересует медный шлем.

Короткая бровь удивленно приподнялась.

— Я не понимаю требований. Задавайте более конкретные вопросы.

— Увы, — вздохнула Раль, — конкретики у меня нет. Одного человека при мне называли «Медный Шлем», но я точно не могу сказать, почему именно так. Я потому и прошу помощи у вас, что не представляю, что делать с этой информацией. Человек, которого так называли, опасен для меня.

— Это однозначно не прозвище, — припечатала женщина и задумалась. — Возможно, род деятельности. Или шифр. Если шлем — то это, скорее всего, человек, имеющий отношение к армии. Насчет меди утверждать не берусь.

— Так у вас нет определенной информации об этом? — глупо было надеяться на то, что эта встреча все прояснит, однако ж Раль надеялась — чтобы теперь расстроиться.

Женщина внимательно посмотрела на неё, затем на Трэйгла, затем опять на неё и опять

на Трэйгла.

— Точного ответа я вам дать не могу, — наконец зазвучал почти механический голос. — Тем не менее, я попробую выяснить что-либо о медном шлеме, и если мне все удастся, то завтра в пять часов вы получите извещение об этом. Всего доброго.

Они шагали обратно по складу, шуршали в нескольких коробках, потом посреди магазина заканчивали разыгрывать сцену: мол, альбомов не оказалось, один покупать бессмысленно, все провалилось. В итоге расстроенная пара удалилась, и Раль действительно ощущала себя расстроенной. Все время, пока они заканчивали этот спектакль, она действовала механически, совсем как та женщина, а в мыслях плавала сплошная досада. Адилунд не совсем понимала её причину. Но что-то внутри по-детски наивно кричало, что эта встреча должна была что-то дать. Должна была!

Раль вынырнула из этих мыслей только тогда, когда почувствовала бьющий в лицо ветер на набережной Соу. Рядом шагал мрачный Трэйгл. Из густых облаков выпрыгивали солнечные лучи, далеко на противоположном берегу поднимался в небо дым труб авиазавода.

— Боюсь вас огорчить, — произнесла Раль с большой осторожностью, подбирая каждое слово, чтобы не задеть Трэйгла, — однако мне кажется, что наш союз себя исчерпал. Я уже ничем не смогу вам помочь. Я не детектив и не великий маг, я не имею козырей против нашего противника. Вдобавок ко всему, в моей жизни сейчас случился поворот, — о том, что этот поворот обеспечил Кей, она не собиралась говорить никому более, — и я вернулась в семью. Можно сказать, я себе не принадлежу. — Раль знала, что Эвальд не станет её ни к чему понуждать, но сама стремилась к прежней жизни, центром которой выступала их пятерка. — Делом занимается полиция, и, я уверена, майору Тровену удастся разобраться со всем этим, — продолжала она. — Я в этом раскладе просто лишняя.

Трэйгл смотрел на неё с отчетливо проступающим сомнением во взгляде.

— Я тоже лишний, — наконец произнес он, понурившись. — И все равно я не опускаю руки, использую каждый шанс, потому что это для меня важно. У вас, конечно, своя жизнь, и вам не за кого мстить. — На миг глаза Трэйгла сверкнули. — Но если с кем-то из вашей семьи случится подобное, то вы поймете, как сложно сидеть на месте и ждать.

Раль внезапно смутилась от силы, звучавшей в его словах.

— Пока, к счастью, вся моя семья жива и здорова, — невпопад пробормотала она.

— И именно поэтому вы отказываетесь от участия в расследовании, — с горечью усмехнулся Трэйгл. — Не мне вас винить. Прощайте, — уже ничего не слушая, он стремительно двинулся вбок и растворился среди бледных улиц.

Снова гудела «Рассекающая», уверенно рассекая мощным корпусом воздушные потоки, сохраняя высокую скорость за счет милой энергетической детали батерса, который обеспечил Хору потерю сознания часов пять назад. Теперь стало ясно, что к вещам с концентрированной магией подходить слишком близко не стоит. Оставалось немало мутного в ситуации, особенно в поведении Иушнице.

Маршал погрузился в свои бумаги и мало обращал внимание на ученика в течение где-то часа, а потом, когда стало темнеть и красивый вид из окон дирижабля сменился блеклой беззвездной чернотой, Байонис повернулся к Хору.

— Не желаешь ли попробовать на зуб одну задачку? — он положил на стол два листа бумаги. — Предупреждаю, ответ на неё известен только её автору, а тот известен кому

удовно, только не мне, поэтому я был бы рад, если бы у тебя получилось найти ключ к решению.

— Я попробую, — кивнул Мальс, не выказывая загоревшегося интереса. Его притягивала попытка проверить свой ум. Хор перешел от окна к столу.

— Вот изначальная загадка, — Маршал указал на первый лист, покрытый ровными столбиками цифр без знаков препинания. Шифр? — Нам удалось перевести её в текстовую форму, однако это мало что дало. Потому что текст — обычная сказка на манер народной, и никому не удалось вычленил из неё тайный смысл.

— Любопытно, — протянул Хор. — И откуда же у вас такой экземпляр?

— Подарочек последней войны. Наш резидент вместе со своей шифровкой прислал ещё и эту. Сообщил, что его вынудил один незнакомый человек, которому требовалось переправить это войскам Островов, а связника он потерял.

— Послание от островного резидента? — Становилось все интереснее и интереснее.

— Да. Однако в руки к островитянам это так и не попадет, поскольку они озаботились четко разграничить наши страны после совместной победы в войне. Совместной, — Маршал усмехнулся. — Раз уж вы мой ученик, то обязаны знать, что в первую очередь они расколотили нашего врага, они приняли на себя главные магические удары, они сражались на нашей земле, мстя за своих, в то время как наша армия то отступала, то мельчайшими шажками наступала.

— Я знаю, что Острова сделали много, — с осторожностью произнес Хор. — Однако это не помешало им стать сейчас нашими противниками.

— Не противниками, а всего лишь соперниками, — покачал головой Байонис. — Мы соревнуемся за право считаться наиболее развитой и могущественной страной, но воевать вряд ли начнем. Вам, жителям Грозного Мира, следует особо благодарить Острова: без их армии ваш регион мог оказаться почти полностью разрушенным.

Хор кивнул.

— Но вернемся в загадке, — лицо Маршала стало менее вдохновленным, взгляд перешел на лежащие на столе бумаги. — Думаю, что расшифровка цифр абсолютно верна. Осталось разобраться с текстом. Почитайте внимательно — может, сообразите, что имел в виду этот Сказочник.

Хор зажег светильник, чтобы не портить чтением глаза, и принялся внимательно изучать послание разведчика с Островов.

Сказка выглядела мирной и банальной. Единственный сын бедных родителей, отправившийся в путь, чтобы убить чудище и спасти прекрасную девушку, пользуясь помощью ранее спасенных живых существ. Хору как-то довелось читать обширное собрание сказок, и этот сюжет успел приесться, но народные сочинители его любили. Что же пытался передать на родину таинственный Сказочник?

— Тут нужно подбирать все способы фокусов с номерами букв, с перестановкой слов — просто так я определить не могу, — наконец признался Хор, когда от текста начало рябить в глазах.

— Мы много что перепробовали, но, увы, безо всякого толку, — вздохнул Маршал, убирая в сторону шифровку. — Будем надеяться, что у наших умников появится правильная идея.

— Возможно, — предположил Хор, — сказка служит текстом-ориентиром, хотя, — махнул рукой он, видя заинтересованный взгляд Маршала. — Это ерунда, так как в этом

случае потребовался бы дополнительный набор цифр. Маловероятно, что ключ удастся подобрать. Этот Сказочник прекрасно прячет свои тайны.

— Жаль, — вздохнул Байонис. — Ладно, тогда гасите свет и ложитесь спать.

— Спать? — удивился Хор. — Но ещё не время. Всего-то половина девятого.

— Ложитесь и отдыхайте, — скомандовал без шуток Маршал. — Вам после конфликта надо бы побольше поспать. Понимаю, что вы привыкли ложиться поздно, но один раз нарушить режим не помешает. Это приказ, Мальс Эссентессер.

Хор пожал плечами.

— Вам не кажется, что здесь нет кроватей?

— Мне кажется, что здесь есть кресла, которые с легкостью станут кроватями, — спокойно отбил эту язвительность Байонис. — Мэйл знает свое дело, но если бы их не было, то я отправил бы тебя прямо на пол. Маршал — в первую очередь солдат.

Вечером Эвальд заявился в свою квартиру к названной сестре не один. Он с радостной улыбкой вел под руку темноволосую девушку с застывшим на лице выражением скуки. Однако Раль знала, что этот якобы равнодушный взгляд скрывал за собой волнение, которое Хорди, как достойный представитель семьи Мистераль, не желала показывать окружающим. Адилунд шагнула навстречу названной сестре:

— Здравствуй, Виорди.

— Здравствуй... — тихо произнесла она, как и все остальные, ещё не привыкшая к тому, что Адилунд Раль больше не существует.

— Добрый вечер, — внес неизменную нотку веселья в разговор Эвальд. — Моя бедная квартира вынуждена принимать ещё одного гостя, впрочем, мне кажется, что у нас выйдет жить в тесноте, да не в обиде. Втроем однозначно поместимся, а Илана переночует лишь пару раз, если только засидимся до вечера.

— Эви, не смущай Виорди своим моментальным и не всегда понятным выплескиванием планов, — мягко сказала Раль.

Он хмыкнул.

— Да что, она меня не знает, что ли? — Эвальд безо всякого стеснения подмигнул сестре. — Не успела забыть, не придумывай. А о тебе я уже её предупредил. Просто наша Хорди приехала в столицу не просто так: её ожидает свадьба.

— И... с кем? — голос Раль стал ещё тише. Она понимала, что этот брак не принесет обеим сторонам счастья, останется просто сделкой, хотя... Встречались и подходящие друг другу пары, могло повезти. Сама Адилунд уже думала, что её никогда не достигнет подобная судьба, однако теперь она вернулась в семью, и Рондер Мистераль мог проявить настойчивость.

— Да какая разница с кем, — махнул рукой Эвальд. — Неважно. Но Виорди придется переселиться в Квемеру окончательно — где-то через неделю закончатся все хлопоты с жильем. Жених предлагал ей пока не приезжать, но я решил по-другому: устройте девичник, а? Неизвестно ещё, когда вы все вместе окажетесь в пределах одного города. Мы семья, не стоит про это забывать. Да, причуды главы фамилии отделили нас от тебя, Адилунд, однако теперь все так, как и надо.

Виорди вдруг искренне улыбнулась вслед за братом, шагнула вперед и обняла Раль. Маска равнодушия сползла с лица, обнажая слабую радость и перекрывающее все остальное волнение. Из них троих именно средняя сестра выглядела старше всех. Возможно, потому,

что её сделал взрослым поступок Рондера Мистералья, одним махом обрубивший все мечты.

Когда Виорди исполнилось одиннадцать, буквально на её день рождения, глава семьи спокойно сказал дочери, что её впереди ждет замужество, в котором важны родословные супругов, а не их личные качества. Проще говоря, девочке прямо в лицо бросили: «Как человек ты никому не нужна». Несколько дней она плакала, замыкаясь от сестер, но под их совместными усилиями оттаяла и вернула хоть какую-то веру в будущее. Особенно старалась тогда Хемин, чуть ли не силой вбивая в голову Виорди, что брак по расчету не подразумевает скучное безнадежное существование, что среди тех фамилий, с которыми не прочь породниться Мистерали, хватает молодых, образованных, умных, красивых, благородных людей.

Прошло немало лет, и Виорди уже примирилась со своей судьбой, однако выглядела старше Хемены Ричардель. А теперь не могла скрывать тревогу: видимо, знала имя жениха, но не его внешность, не его характер. Так как Эвальд осторожно отодвинул в сторону эту тему, то Раль дальше спрашивать не стала. Она гладила сестру по напрягшейся спине и улыбалась.

— Прости за то, что я ничего не писала тебе, — прошептала Адилунд. — Мне пришлось слушаться Рондера.

— Я понимаю, — ответила Виорди и, шмыгнув носом, отстранилась. — Я... Я и не обижалась, я понимала, как тебе тяжело, поэтому не ждала писем. Хемин и Илана говорили, что ты ото всех отодвинулась, но я не осуждала тебя за это. Когда все ломается в один миг, не остается иного, кроме как приспособиться к новым условиям, полностью вычеркивая старое, — её взгляд чуть затуманился при этих словах, и Раль поняла, что сестра больше говорит это для себя, чем для собеседницы. — Мне тоже придется расстаться с тем, к чему я привыкла, но я с самого начала знала, что все так и будет.

— Так, хватит, — скомандовал Эвальд. — Кто сказал, что тебе придется порвать все ниточки, ведущие к нашей славной развалине в Грозном Мире? И не думай, сестрица, я так точно тебя не отпущу, и Хемин — тоже. Если твой муженек попробует вести себя, как наш обожаемый глава семьи, то я устрою революцию в Объединенном Мире и сделаю тебя Эссентессером.

— Хор будет не против, — хихикнула Раль.

— А Хора тоже сместим, — разошелся жадный Эвальд. — Займем все правящие посты — были Эссентессеры, а станут Мистерали. Разницы-то?

Виорди улыбнулась:

— Спасибо, Эви. А у тебя милая квартирка.

— Ага, — хмыкнул названный брат. — Предполагалось, что у нашей семейки в столице появится ещё один роскошный особнячок, но я предложил более выгодный вариант, и досточтимый Рондер Мистераль согласился, а что ему оставалось? Не позорить же свой статус самого умного финансиста. И не упускать же лишние денежки, тем более что я честно от них отказался.

Они все вместе наконец-то прошли в комнату с роялем, где от пребывания Адилунд уже наметился небольшой беспорядок в виде сваленных на стол книг.

— Хорошо, что у тебя всего четверо сестер, Эви, больше бы тут не поместилось, — бледные губы Виорди раздвинулись в новой робкой улыбке. В своем светлом платье, тонком, струящемся на манер одеяния из старинной легенды, она выглядела девой леса, которая на миг залетела в сумрачный осенний город.

— Знаешь, я не против и пяти, — махнул рукой он.

Виорди внезапно совсем посерьезнела и опустила взгляд, словно стыдясь своих слов.

— Э-эй, ты чего? — осторожно тронул её за рукав Эвальд. — Ты думала, что только что меня задела, потому что намекнула мне о моей родной семье? Да ерунда. Я был единственным и до двенадцати рос без братьев и сестер, пока у меня не появились вы. Что же касается моих родителей, то от нашего уважаемого главы они отличались мало, поэтому для меня расставание не было великой трагедией.

Они все прекрасно понимали, что переход из семьи в семью не может пройти полностью безболезненно, однако Раль все же признавала, что для Эви это вышло легче. Осознала это и Виорди. Осознала, наверное, раз в пятый, потому что они и раньше об этом говорили, только она, постоянно скреживая мысли о других людях с мыслями о собственной судьбе, проецировала себя на окружающих и начинала путаться в их истинных желаниях. Такое происходило с сестрой постоянно — после того самого разговора на её одиннадцатилетие. Адилунд понимала, что Рондер Мистераль — умелый человек, позволяющий семье держаться на высоте, но за некоторые поступки начинала его ненавидеть.

— Я пригласил Илану и Хемин к восьми, — бодро провозгласил Эвальд. — Наконец-то можно будет с уверенностью сказать, что все в сборе. Правда, гостей при таком составе уже не позовешь, да и кого нам звать? — его взгляд на мгновение потух.

— Да, Хор улетел, — задумчиво произнесла Раль, вспоминая, про кого ещё из гостей местных развлекательных вечеров ей говорил брат. Потом вспомнила. — А Алексис?

Эвальд помрачнел ещё больше.

— Ты не читала газеты? Алексис Эссентессер погиб.

Виорди вздрогнула и испуганно отшатнулась от них, как будто слова о чьей-то гибели имели отношение и к ней. Адилунд внезапно поняла, как они с сестрой схожи в восприятии чужой смерти.

— Я думала, это другой Алексис... — почти что прошептала Раль. — Так у тебя бывал Эссентессер?

— Преемник Регента, — тряхнул головой Эвальд, поморщившись, а в глазах внезапно проступила такая яркая горечь, что пару секунд Адилунд не могла сказать и слова, ощущая лишь её.

— Мама, — прошелестела Виорди. — Я только приехала сюда, и уже — убийство... Это плохая примета.

— Хватит! — решительно сказал Эвальд, снова превращаясь в жизнерадостного себя. — Это ничего не значит. У тебя будет счастливый брак и много детей, каждый из которых сможет сам выбрать дорогу в жизни. Запомни раз и навсегда: чем больше ты думаешь о плохом, тем выше вероятность, что оно случится. А ты должна верить в хорошее. Верить. Надеяться. Ждать. Жизнь не настолько жестока, какой её пытался показать тебе твой отец. Хватит, Виорди, — он нежно взял её ладонь в свои. — У нас воссоединение семьи, считай, а ты все о печальном.

— Погиб человек, — не расставалась со скорбным шепотом та. — Понимаешь?

— Понимаю, — с нажимом произнес Эвальд. — И даже хорошо знакомый мне человек, но у тебя другой мир, другая жизнь, слышишь? И ты живешь. И будешь жить ещё долго. Садись вместе с Адилунд, я спою вам что-нибудь красивое.

Брат как-то по-особенному выпрямился, и лицо приняло непринужденное выражение.

Это была его маска.

Хор проснулся. В каюте было едва-едва светло, однако глаза уже не желали закрываться. Организм привык спать не более шести-семи часов и теперь не желал отдыхать дальше, сколько бы разум ни намекал, что сейчас слишком рано для подъема. Заниматься чем-то означало шуметь и привлекать внимание Байониса, который наверняка прогнал бы неумного ученика обратно в постель, не посмотрев на его жизненные ритмы, просто для того, чтобы самому поспать спокойно.

Хор осторожно присел. Сумерки раннего утра не позволяли тихонько начать что-то читать, а мозг требовал работы — и поскорее. Мысли прошлись по частично сохранившейся в памяти шифрованной сказке, потоптались на ней, так и не смогли найти новую зацепку и перепрыгнули на более старую и, пожалуй, более важную загадку. Смерть Синди, смерть Зорренда, его предсказания, сцена в часозвоне, Кей, его помощь в возвращении силы Раль. «Медный шлем». Эвальд Мистераль.

Об этом Хор уже думал много раз, и, пожалуй, об этом можно было думать очень долго. Стоило ли уезжать? Сестры Мистераль оставались в столице без его защиты, но обеим могли обеспечить прикрытие их семьи. Если б Мальс не улетел, он все равно не смог бы противопоставить ничего серьезного убийце, справившемуся с Зоррендом. Майор Тровен все же делал многое, чтобы поймать преступника или обезопасить от него людей. Хор вряд ли мог устроить это лучше него.

Нет, просто так сидеть и размышлять не хотелось. Он поднялся, стараясь двигаться бесшумно, поглядел на мирно спящего Байониса, а потом — на прикрытую дверь. Прогуляться по коридору, что ли? Ещё в детстве Мальс Хорана любил бродить по дому среди ночи, заглядывая в комнаты к другим. Интересно наблюдать за людьми, когда те спят, и мальчик сумел незаметно застать во время сна всех членов семьи. Мама обычно накрывалась одеялом или простыней почти с головой, словно всегда мерзла. Отец казался оцепеневшим. Он нередко ложился под утро, жег в своей комнате свечи, не признавая ламп. А вот брат принимал самые причудливые позы и очень любил засовывать левую руку под подушку.

Байонис себе вольностей не позволял, даже когда спал, хотя тут роль играла и тесноватая постель — разложенное в кровать кресло. Пальцы Маршала чуть шевелились, словно что-то пересчитывали. Все же он не представлял собой настолько интересное зрелище, за которым хотелось наблюдать в течение пары-тройки часов, поэтому Хор двинулся к выходу, внимательно глядя под ноги и очень осторожно делая каждый шаг.

Надеясь, что у Лейнора не развита привычка бросаться на идущих мимо людей, если идут они в неподходящее время, Мальс прошествовал по четвертой каюте: её обитатель спал прямо в кресле, лицо казалось бесстрастной фарфоровой маской. Хор неслышно скользнул мимо него в следующую каюту. Аймалдэны тоже мирно отдыхали. Бьюкенен свернулся в калачик, своими длинными волосами и худым телом напоминая девушку-подростка.

Мальсу интересно было посмотреть на Толла и Ферчазейро, однако во второй каюте его задержало удивление. За столом, опустив голову на сложенные руки, спал человек. По плечам рассыпались длинные темные волосы. Адмирал Иушнице — но почему не у себя, а среди пассажиров? И ещё он успел сменить ослепительно белый мундир на более темный, кажется, даже бордовый. Хор тихонько усмехнулся и понял, что не удержится от небольшой вредности в ответ на вчерашнее. Он подошел к спящему адмиралу и потряс его за плечо, одновременно шепнув в ухо:

— Так для чего же вы все-таки потащили меня к батерсу, а?

Иушнице вообще никак не отреагировал. Плечо было холодным, а ткань — странной на ощупь. По спине пробежались мурашки. Хор сильнее затряс адмирала, однако тот продолжал оставаться неподвижным, хотя военный давно бы проснулся. Мальс нашарил лампу и торопливо зажег её: в тусклом свете стали более ясными очертания бледного лица с застывшими, широко открытыми глазами. Хор выругался.

Стемнело. Проскользнул мимо скрытый занавешенными окнами закат. Виорди уже не выглядела встрепанной птичкой, которую переносили из одной клетки в другую: она оправилась от потрясения, вызванного неожиданной новостью, и уже шутила с Эвальдом, постоянно поправляя выбивающиеся из прически темные локоны. Раль предложила ей собственные услуги парикмахера, однако сестра решительно отказалась, почему-то не желая переплетать свою мудреную косу.

Пришла Илана. Некоторое время они привыкали к тому, что находятся вместе втроем, однако младшая сестренка никогда не страдала предрассудками и только приветствовала поводы для радости. Очень быстро напряженное разглядывание друг друга вылилось в веселое щебетание, приправленное обещаниями “обязательно нарисовать такую красавицу Виорди”. Адилунд звания красавицы не удостоилась, но особо из-за этого не переживала: ей приносило удовольствие само ощущение вернувшегося прошлого. Снова сестры находились рядом друг с другом, разговаривали, смеялись, забыв про все границы, которые только могли между ними существовать.

А потом снова зазвенел звонок. Позже остальных, уже в сопровождении осенних сумерек, в квартиру зашла Хемин. В прошлый раз она видела чудесное появление Раль, поэтому сейчас выглядела совсем спокойной. Подошла к сестре и без слов её обняла.

Потом они сидели все вместе на диване: вернее, на него поместились только Виорди, Илана и Раль, а пришедшая последней Хемин с легким смехом опустилась прямо на пол, предварительно постелив на него покрывало и сказав, что будущий военный может с легкостью обходиться без роскоши и удобств.

Тек игривым ручейком разговор, крутясь преимущественно около Виорди и всего, что её касалось. Ещё с раннего детства это стало привычным: они трое поддерживали сестру, которой повезло меньше. По характеру впечатлительная и чувствительная, Виорди могла переживать из-за пустяков, не говоря уже о тех проблемах, которые стали частью её жизни. У остальных проблем тоже встречалось не так уж мало, однако они все понимали: ей сложнее. И в едином порыве, не сговариваясь, поддерживали, как могли.

Эвальд, возившийся некоторое время с чем-то в своей комнате, вышел к ним, с улыбкой держа в руках холст: светло-голубой тонкий силуэт девушки в пышной шляпе на фоне цвета ночного неба. Изящную фигуру окружали молочно-белые брызги.

— Это мой небольшой сюрприз тебе, Виорди, — радостно улыбнулся брат.

— Это... я, да? — совсем тихо, выглядя счастливой, спросила та.

Эвальд кивнул.

— Прости, я не умею рисовать лица. Зато я умею рисовать людей такими, какими их вижу. Ты — красивая, Виорди.

— Я красивая, потому что я с вами, — прошептала она, внезапно выведя итог всех тех лет, которые они провели вместе шумной компанией сестренок Мистераль. — Но через неделю у меня уже начнется собственная жизнь, где придется... придется все создавать

самой.

— У тебя получится создать, — тихо сказал Эвальд, присаживаясь на пол рядом с ними. — Получится, если ты оглянешься на прошлую себя и поймешь, как перенести это в будущее. Главное, пойми и решишь. Сил должно хватить, мы поможем — в любом случае поможем.

— Спасибо, — по щеке Виорди пробежала быстрая слезинка. Илана моментально бросилась обнимать сестру.

О да... Это было неотъемлемой частью их жизни десятков лет. Хемин могла ссориться с Иланой, поскольку одна всегда вела себя практично, а другая тонула в романтике, и ещё Раль вклинивалась между ними со своим характером и положением Крылатой, да ещё и Эвальд свалился на их голову как из другого мира. Они могли не понимать друг друга, возмущаться, сцепляться в спорах и даже драться, однако в один момент становились сплоченными, когда понимали, что нужны в очередной раз расстроившейся Виорди.

Взрослые ещё удивлялись, почему они давным-давно не махнули рукой на сестру, не назвали её плаксой, не перестали водить вокруг неё хороводы, отгоняя любую злую мысль. Но вот так уж вышло. Хорди стала центром того, что юные Мистерали могли делать вместе, их маленькой сестренкой, которую требовалось защитить от всего.

И вот сейчас Раль не могла не удивляться, осознавая: выглядящая старше них, распрощавшаяся с детством в одиннадцать лет, Виорди на самом деле была самой младшей, частично застывшей в те самые одиннадцать лет. Хрупкому бутону не дали окрепнуть, сразу обрушив на него заморозки, и теперь только при поддержке он мог раскрыться в прекрасный цветок. Мог! Адилунд в это верила. И знала, что сестра в конце концов сможет избавиться от гнетущего душу осознания себя одушевленной вещью, сумеет сама сделать правильные шаги к счастливому будущему и судьба окажется к ней благосклонна. Иначе и произойти не могло. Ведь в это на протяжении стольких лет они четверо вкладывали себя.

Адмирал Мэйл Иушнице Ричардель был мертв. Это Мальс понял сразу же, когда взглянул в его глаза, и это подтвердилось при попытке измерить пульс, услышать сердце. Маршал, которого Хор, очень стараясь сохранять тишину, привел во вторую каюту, согласился с выводом ученика. А дальше наступил тупик.

Они стояли вдвоем в едва-едва освещенной комнате рядом с мертвым адмиралом в темно-бордовой одежде. Почему он так вырядился — Мальс не понял, а Байонис вообще удивился, откуда у Иушнице взялась форма такого цвета.

— Кажется, нет смысла дожидаться посадки и прибытия полиции, — совсем тихо произнес Маршал. — Нам нужно обследовать тут все самим, причем так, чтобы никто не услышал и не начал волноваться. К сожалению, у меня, в отличие от Мэйла, нет опыта работы в полиции.

— Когда «Рассекающая» прилетает в Хас? — шепотом спросил Хор, старательно давя в себя неприятные ощущения. Ему было жутко, это приходилось признавать. Совсем рядом находился убийца — а в том, что Иушнице именно убили, Мальс не сомневался. Возможно, во всем опять оказался виноват Кей.

— У нас есть часов пять: ночью дирижабль двигается гораздо медленнее. Надо здесь все изучить — может, и найдем какие-нибудь следы.

Байонис зажег второй светильник и, взяв его в руку, внимательно осмотрел пол без единого пятнышка: вечером здесь драили, а после этого никто не напачкал. Ни грязи, ни

крови. Хор молча наблюдал за учителем. Он всего пять минут назад узнал о смерти друга, однако выглядел не как человек, переживший потерю. Была ли тут серьезная дружба? А может, Маршал просто умел превосходно скрывать свои чувства?

— Мальс, присмотритесь: на ваш взгляд, есть ли тут какой-то беспорядок? — ровно спросил Байонис.

Хор покачал головой:

— Нет, все выглядит так, словно сюда так никто и не заселился. В смысле, комнату не заняли, — гул дирижабля напомнил, что они не в гостинице, а в транспорте.

Маршал выпрямился и поставил свой светильник на стол рядом с первым.

— Кажется, тут действительно ничего нет. Убийца действовал очень аккуратно, и... если честно, я сейчас не могу понять, как именно погиб Мэйл. Наверное, магия. Однако для более ясных выводов необходимо осмотреть... тело, — его голос все же не звучал уверенно и спокойно, как раньше, и Хор понял, что самому опытному из Эссентессеров тоже не по себе.

— Я должен помочь? — Мальс по-прежнему говорил шепотом.

— Нет, не должны, — Маршал болезненно нахмурился. Он сам, видимо, не заметил, как перешел на «вы». — Мы не станем здесь ничего менять, пусть работает специалист.

Скорее всего, действовали магией, но дальше судить уже не мне, а более компетентному в этих вещах человеку. Мальс, я изучил все, что мог, и увидел все, что мог разглядеть. У тебя есть какие-то предположения?

Хор развел руками, ощущая скованность в движениях.

— Слишком уж мало фактов. Адмирала убил маг. Кто-то из прочих семи пассажиров.

— Или вы, — неприятно усмехнулся Маршал, снова прыгая от одного обращения к другому.

— Или вы, — в тон ему ответил Мальс. — Однако давайте выключим беспочвенные подозрения и включим вместо них логику. Экипаж пока не берем, а из пассажиров Толл и Ферчазейро однозначно не имеют к этому отношения. Такие люди убивают быстро, тихо, неприметно и не своими руками.

— И не находясь при этом рядом, — закончил за него Байонис. — Обычно они достаточно доверяют своим подчиненным.

— Вас я не могу подозревать по той же причине.

— Тебя я не могу подозревать, поскольку ты только за три часа до вылета узнал об этой поездке, — обрадовал доверием Маршал. — Остаются пятеро.

Хор кивнул.

— Четверо Аймалдэнов и милейший Лейнор Зорренд. Неприятно, что все эти люди вам нравятся, верно?

— Да они, кажется, и вам нравятся, — чуть усмехнулся Маршал.

— Во-первых, я с ними познакомился только вчера, — намекнул Хор на то, что Байонис почти со всеми пассажирами уже имел дружеские отношения. — Во-вторых, не все мне нравятся.

— И кто же исключение? — приподнял бровь байонис. — Лейнор? Виррен?

— Бьюкенен Аймалдэн, — неторопливо произнес Мальс, отмечая легкое удивление на лице собеседника. — Это из-за его имени. Оно слишком напоминает мне прозвище того, против кого мне пришлось выступить в последние дни.

— Совпадение имен ещё не повод подозревать человека, — заметил Маршал.

— Это повод его не любить, — махнул рукой Хор. — А про свои подозрения я вам ещё

не успел толком сказать.

— Итак, я слушаю, — Байонис метнул быстрый взгляд на мертвого адмирала, а затем пристально посмотрел на ученика. — Тебе уже приходилось с ним встречаться?

Хор выдержал паузу, приводя в порядок взбурившиеся мысли, а затем ответил:

— Я знаю человека, которого зовут Кей. Он — очень непонятная личность с туманными целями, но в их крайней незаконности сомневаться не приходится. Я думаю, что даже почтеннейший Ферчазейро счел бы своим долгом усадить этого человека куда-нибудь подальше, чтобы он не смог ничего сделать из задуманного. Кей — убийца. Очень ловкий и умелый. В списке его жертв находятся люди одного положения с Лейнором Зоррендом.

Байонис приподнял бровь.

— Откуда информация, хотелось бы знать? И почему об этом не сказали мне?

— Кей устроил беспорядок в часозвоне, столь возмутивший Регента, а после этого с неясными целями встретился с моей напарницей и дал ей совет, как вернуть дар. Я не в состоянии понять причины его действий, но он опасен, очень опасен.

— В часозвоню без дозволения Эссентессера пойти невозможно, — резко бросил Байонис. — Это не мог быть Бьюкенен Аймалдэн. Схожие прозвища — совсем не доказательство, какой преступник назовет себя настоящим именем?

— Есть и другая деталь, — с прежним хладнокровием произнес Мальс. — Тело Синди Хассен, погибшей несколько дней назад, лежало некоторое время в госпитале, а при вскрытии выяснилось, что у неё вырезано несколько органов. Сделать это мог только лекарь.

— При чем здесь Синди Хассен? — уже с раздражением спросил Маршал. — Она вообще погибла от несчастного случая.

— Именно, — по-военному четко кивнул Хор. — Умерла от несчастного случая, срежиссированного тем же человеком, от руки которого погибли Мильварес Зорренд и Хэльмонт Ричардель. И, подозреваю, Мэшмет Зорренд. Ведь это он сказал мужу Синди, что она погибла не просто так, он велел двум людям прийти в часозвоню, когда Кей устроил там свидание с Хеменой Ричардель, и он погиб почти сразу же после этого.

Байонис не сразу сумел переварить шквал неожиданной информации и лишь глубокомысленно произнес:

— Все это дело требует срочного рассмотрения, однако заняться мы им сможем только после того, как приземлился. Что касается Синди, то какой-то лекарь действительно мог сделать с ней это непотребство, однако это не доказывает того, что именно он виноват в её смерти. Повторяю, со всеми твоими подозрениями, которые могут оказаться реальными, а могут и не оказаться, мы разберемся после. Сейчас важно другое, — Маршал посмотрел на неподвижного адмирала и с неожиданной злостью в голосе продолжил: — У нас есть пятеро человек. Я склонен считать, что четверо, поскольку леди Тора не вписывается в роль хладнокровного убийцы.

— Маскэрэ тоже мало походит, как мне кажется. Ему двадцать с небольшим, а за такое время невозможно получить подобные навыки, — с расстановкой произнес Хор, отмечая, что Байонис уже полностью успокоился и принял невозмутимый вид. Иушнице все же был ему дорог.

— Лейнор, Виррен и Бьюкенен, — ровным тоном сказал Маршал. — Даже затрудняюсь сказать, кто из них менее подходит. Бьюкенена ты обвиняешь во всех смертных грехах, и я понимаю, что без основания ты не стал бы этого делать, Лейнор — превосходный актер, а Виррен... Он тоже может оказаться превосходным актером. Все лекари циничны, без этого в

их профессии никуда, а легкий нрав способен служить маской.

Хор кивнул, соглашаясь:

— Все они могли сделать это. Правда... Хотя я и подозреваю Бьюкенена, но вряд ли он с легкостью сумел бы вызвать адмирала на ночной серьезный разговор наедине.

— А почему ты решил, что это был серьезный разговор наедине? — бесстрастно спросил Байонис.

— Если человек сидит за столом в тот момент, когда рядом есть кто-то ещё, то он либо что-то пишет, а письменных принадлежностей и бумаги здесь нет, либо с кем-то разговаривает, — принялся объяснять свою позицию Мальс. — Адмирал ночует в своей каюте, однако оказался здесь. Значит, кто-то позвал его поговорить отдельно от всех. Seriously. Иначе они не пошли бы в пустую каюту.

Маршал покачал головой:

— Тебе следует знать, Мальс, что Мэйл собрался спать именно в этой каюте, уступив свою леди Торе, чтобы ей было удобнее. Это все происходило уже после того, как ты лег, и неудивительно, что ты слышишь об этом только сейчас. Леди Тора ночевала в служебном отделении, поэтому я и считаю, что она вряд ли могла совершить убийство.

— Тогда дело принимает другой оборот, — нахмурился Хор. — Выходит, что адмирал даже и не ложился? Или он иногда предпочитает спать сидя?

Байонис повторно покачал головой:

— Нет, он определенно не успел лечь. Смерть наступила как минимум часа два назад, а может, и все пять. Я заснул около двенадцати, сейчас половина седьмого, а Виррен ещё долго жег свет. Это, кстати, аргумент в его защиту. Собираясь на ночное преступление, человек не станет беспокоить тех, кому полагается очень крепко спать во время преступления.

— Слишком расплывчатый аргумент, — пренебрежительно пожал плечами Хор. — После того, что вы сказали, мне совершенно непонятно, чем адмирал мог заниматься до поздней ночи в пустой комнате.

— Может, тем, что приглянулось убийце и было унесено с места преступления? — Маршал быстрее нашел логичное предположение. — Может, тем, из-за чего его и убили?

— А вот это надо у вас спросить, — заметил Хор. — Я не имею никакого представления о том, что такого мог делать адмирал, что стоило ему жизни. Вы его друг, и в этом случае вывод делать вам.

— Увы, но у каждого есть свои секреты, — сухо произнес Байонис. — Мэйл не делился со мной частностями, да и встреч у нас было не так уж много: в последнее время всех с головой загрузили из-за проблем, связанных с восстановлением Грозового Мира после войны.

— То есть мы в тупике, — хладнокровно подвел итог этому длинному разговору Хор. — Конкретики так и не удалось достичь. Убийца неизвестно в какой период ночи застал адмирала за неизвестно каким занятием, неизвестно зачем убил его при помощи неизвестно какой магии и неизвестно что сделал после этого. И у нас есть три варианта личности преступника.

— Значит, надо отталкиваться от них, — произнес Маршал глухим голосом, снова бросив взгляд на тело Иушнице. — И искать новые факты, но это — уже после того, как мы приземлимся. — Он усмехнулся. — Вам не страшно, Мальс? — опять переход на «вы», видимо, от волнения. Вряд ли Маршалу было страшно. Хотя... — Мы летим на дирижабле, а

рядом с нами — умелый убийца, неплохо владеющий магией. Если мы сейчас окажемся слишком близко к догадке, он может попытаться повторить свои ночные подвиги, и тут уж никуда не убежишь.

Хор только приподнял бровь:

— Но вы же Эссентессер. Вы сумеете защитить себя.

— Эссентессер, — скривил губы Маршал. — Эссентессер — это всего лишь фамилия. Мне не так уж много осталось, Мальс, хотя, конечно, я могу ошибаться...

— Вы боитесь? — прямо спросил Хор.

— Я боюсь не успеть, — совершенно спокойно ответил он. — Роль Эссентессера все же выгодна: больше шансов, что когда-нибудь старый предсказатель Зорренд поделится с тобой кусочком из ленты времени. Со мной — поделился. Однако мы отвлеклись от главного. Сейчас нам необходимо попробовать хоть как-то прощупать всех имеющихся подозреваемых, и начать следует... с Бьюкенена Аймалдэна. Идем.

С непроницаемым лицом Маршал двинулся к двери, шагая почти неслышно, и Хор тоже постарался идти так, чтобы не нарушать мрачный покой спящих кают. В третьей, рядом со спящими Аймалдэнами, они остановились, и Байонис осторожно потрогал Бьюкенена за плечо. Потом потряс сильнее, поскольку молодой лекарь продолжал безмятежно спать. Хор неожиданно для себя вздрогнул, вспомнив, как сам пытался «пробудить» уже мертвого Иушнице. Но кандидат в его убийцы был жив и здоров, только его сонность никуда не делась.

В глазах Кея Аймалдэна далеко не сразу проявилась осмысленность: было видно, что больше всего на свете он мечтает снова заснуть, однако бледные губы кое-как пробормотали:

— Что случилось, господин Маршал? — кажется, Хора, стоящего возле двери, Бьюкенен со сна ещё не успел заметить.

— Срочно нужна помощь лекаря, идемте. — Маршал незаметно завел руку за спину и жестом велел Мальсу отойти в сторонку под прикрытие шкафа. Во всяком случае, он расценил это именно так и постарался неслышно слиться с обстановкой комнаты, чтобы на это не обратил внимание Бьюкенен.

Последний, выглядя так, словно ещё находился в постели, стремительно поднялся, поежился, накинул свой коричневый плащ, подхватил небольшой чемоданчик и зашагал к двери с сонным лицом и непоколебимой уверенностью. Привычки лекаря давали о себе знать. Байонис чуть посторонился, пропуская Бьюкенена, а потом негромко произнес:

— Прошу прощения, но куда вы собрались? В той стороне только четвертая и пятая каюты.

Бьюкенен растерянно обернулся, по-прежнему выглядя необычайно сонным, пару секунд молчал, переваривая информацию, а затем спросил:

— А... куда нам надо? Ведь опять вашему ученику нужна помощь? Или как?

— Нет, — мягко сказал Маршал. — Помощь нужна другому человеку, нам в первую.

— Х-хорошо, — заторможенно кивнул Бьюкенен и припустил к нужной двери ещё быстрее, чем минуту назад к ненужной. Да, привычки работали быстрее и качественнее, чем ум.

Байонис вышел за ним и знаком велел Хору двигаться за ним. Последний понял, для чего понадобился этот фокус: если бы Бьюкенен сразу бы отправился в первую каюту, это дало бы возможность подозревать, что о смерти адмирала он знал. Выпад ушел в пустоту,

однако Мальс не сомневался, что у Байониса приготовлено ещё несколько для молодого лекаря с подозрительным сокращением имени.

Увидев неподвижно сидящего на полу Иушнице, Бьюкенен одним прыжком преодолел расстояние до него, прислушался, обхватил пальцами запястье мертвеца и с очень озабоченным выражением лица выпрямился.

— Прошу прощения, однако господин адмирал уже умер, — тихо, но неожиданно твердо произнес Кей Аймалдэн. — Поздно что-либо сделать. Что с ним случилось?

— Если б я знал, — с досадой ответил Маршал. — Может, вы дадите ответ на этот вопрос?

— Магическое вытягивание жизни, если говорить в общем, а для частных нужд нужен анализ, желательно специалиста по криминалистической медицине, — четко ответил Бьюкенен. И подавил зевок. — Это сделал маг. Большого я вам сказать, увы, не смогу.

— Послушайте, я в этом деле несведущий, — неторопливо начал Байонис, — однако, быть может, вы дадите хоть какие-то подробности? Ведь есть же закономерности вытягивания магии, вас наверняка этому учили, чтобы лечить людей, которые от этого пострадали. Я слышал, что по внешнему виду умершего можно определить, как именно все случилось. В нашем случае на теле нет никаких следов, мы нашли адмирала прямо сидящим за столом.

Бьюкенен пару раз моргнул и свел брови:

— Нет следов, значит, не было прямого контакта, а часть энергии ушла в окружающий мир. Если прямо сидел, то, возможно, применили ди-блокиратор, от этого тело окаменеет в строгой позе. Простите, — пробормотал он уже тише, — но я действительно не могу дать вам обстоятельный ответ. Я не просвещен в этой сфере. Могу я вернуться к себе?

— Нет, — тон Байониса оставался предельно вежливым. — Для начала я должен знать, не замечали ли вы чего-либо подозрительного вчера вечером и этой ночью? Просыпались ли?

Бьюкенен отрицательно покачал головой.

— Простите, господин Маршал, но после нескольких смен в госпитале у меня усталость, и я мало что замечал. И спал очень крепко. Я не могу вам ничем помочь, простите, — и уже в медленном темпе зашагал обратно, на автомате подхватив чемоданчик.

— Подождите, — окликнул его Байонис. Бьюкенен нехотя остановился и повернулся. — Последний вопрос: вы пользуетесь биокраской для волос?

— Да, — слегка озадаченно ответил он. — А откуда вы узнали?

— Она чувствительна к конфликту энергий: ваши волосы светлее, чем были вчера, — бесстрастно объяснил Маршал. — Это не ваш настоящий цвет, ведь так?

Бьюкенен машинально кивнул. Хор, щурясь, присмотрелся: действительно, сейчас его волосы можно было назвать светло-русыми.

— На самом деле они седые, — пробормотал молодой лекарь. — Так... последствия не самых удачных экспериментов плюс генетическая предрасположенность. Я стараюсь красить, но из-за творящихся рядом магических преобразований краска нередко светлеет.

— На случившееся этой ночью она отреагировала, — на лице Байониса отпечатались задумчивость. — Значит, какой-то глобальный эффект был, хоть следов энергии я и не нашёл. Вы свободны, — кивнул он Бьюкенену.

Тот быстро произнес едва разборчивую благодарность и зашагал к себе в каюту. Из кармана вывалилась какая-то грязная, в масляных пятнах бумажка, но Бьюкенен этого не

заметил. Он хотел спать и думал, видимо, только об этом. И Хор не мог его осуждать: отдавая больным немало энергии, лекарь нуждался в длительном покое.

— У меня пока нет оснований подозревать его, — тихо сказал Маршал, когда дверь за ним закрылась. — Помнишь, я спросил насчет закономерностей вытягивания магии? Мэйл вовсе не сидел прямо, однако Бьюкенен ответил так, как ответил бы, если б не имел никакого отношения к случившемуся. Первую проверку он выдержал, а что уж будет дальше... Теперь необходимо проверить самую сложную фигуру в этой расстановке. Лейнор Зорренд — его подобными фокусами не проймешь: что понял ты, с легкостью поймет и он, так что придется ограничиться обычным допросом.

— Я могу чем-нибудь помочь? — осведомился Хор, понимая, что в этой ситуации от него не так уж много пользы.

— Присутствуй на наших разговорах, если хочешь, — с безразличием пожал плечами Байонис. — А если хочешь, то можешь просто посидеть в каюте; кто знает, может, Лейнор рядом со мной окажется более откровенным, чем при тебе.

— Хорошо, я побуду в каюте, — Хор уловил вежливый намек. Механически — сказала привычка убирать за собой — поднял потерянную Бьюкененом бумажку, которая в прошлой жизни была газетой, сунул её в карман и вежливо пропустил Байониса вперед.

Они вместе прошагали мимо спящих Аймалдэнов и успевшего забыться сном Бьюкенена в четвертую каюту и столкнулись буквально нос к носу с выглядящим вполне проснувшимся Лейнором.

— Доброе утро, господа, — тихо сказал он. — Я уже понял, что на этом корабле творится нечто неладное. Вы вызывали лекаря, и он, надо сказать, вернулся слишком быстро. Кому-то было плохо?

— Адмирал Иушнице погиб, — так же негромко отчеканил Маршал и прикрыл за собой дверь. — Нам нужно это обговорить. Мальс, вы можете идти в нашу каюту.

— Думаете, я без него скажу больше, чем с ним? — приподнял бровь Лейнор. — Нет, оставайтесь, Эссентессер-младший, с вами будет интереснее, а я ничего скрывать не собираюсь. Адмирала убили? — спросил он, в упор глядя на Байониса. Тот безэмоционально кивнул. — Значит, я угадал верно. Под подозрением у вас все пассажиры, исключая леди Тору и вашего ученика, ведь так?

Маршал выдержал паузу и кивнул повторно.

— Я в ваш список кандидатов в убийцы, разумеется, вхожу, — юлить и мило беседовать на отвлеченные темы Лейнор не собирался. — Что ж, остается надеяться, что вам попадутся улики, указывающие на истинного преступника, а я сейчас могу лишь рассказать вам о прошедшей ночи, не слишком уж тихой, как выяснилось.

— Мальс, идите в нашу каюту, — неожиданно твердым голосом произнес Байонис. — Простите, Лейнор, но я считаю, что этот разговор должен происходить наедине.

— Хорошо, — Хор аккуратно обогнул Лейнора и скользнул в дверь. Оставляя её приоткрытой не стал, посчитав, что в подслушивании беседы нет никакого смысла.

Следовало чинно ожидать здесь Маршала, и Мальс вытащил замасленную газету, уроненную Бьюкененом, уже хотел выбросить, однако глаз зацепился за дату. Вчерашнюю. Интересно, и как же относиться к человеку, который твердит, что газеты вредны, однако таскает с собой свежую? Впрочем, судя по пятнам, ею просто завернули обед в дорогу. И все же совпадение выглядело подозрительно.

Хор развернул потемневшую бумагу, пробежался взглядом по строкам и замер,

посмотрев на колонку криминальной хроники. «Загадочное убийство. Этой утром в своей квартире был найден мертвым преемник Регента Алексис Эссентессер. Смерть наступила в результате магического воздействия извне, точные причины устанавливаются полицией». Мальс тихо выругался. Два раза прочитал скупую заметку. И вспомнил белокурого восторженного поэта на вечере у Эвальда. Был ли это тот самый Алексис? На Эссентессера гость походил мало, хотя кто знает... Для поста Регента требовался лишь хороший дар, магические способности, а личные качества играли второстепенную роль.

В любом случае, не подлежало сомнению то, что ещё вчера произошло убийство. А совершил его, скорее всего, Кей, который после этого мирно и спокойно отправился на дирижабль, чтобы улететь в Грозовой Мир. Бьюкенен выглядел очень усталым... Может, не из-за смен в госпитале, а из-за совершенно других, омерзительных «смен»? Подозрение по отношению к этому сонному лекарю все усиливалось.

Наконец скрипнула дверь, и в каюту вернулся Байонис, по лицу которого нельзя было установить, понравился ему разговор или нет.

— Ну что? — коротко спросил Хор.

— Ничего, — во взгляде Маршала все же скользнула легкая досада. — Рассказ о спокойной ночи, заверения в невиновности и готовность помочь в расследовании. В общем, я этого и ждал. Никаких собственных версий Лейнор выдвигать не стал, хоть я и выдал ему часть информации. Тебе, наверное, стоит посидеть здесь и дальше, а я пока пробужу всех остальных и распорядюсь, что делать с телом.

— Подождите, — Мальс предупредительно поднял руку. — Для начала я хотел бы сказать вам одну вещь. Вы слышали о том, что Алексиса Эссентессера убили?

Удивления Байонис скрыть не смог.

— Алексиса? Самого безобидного среди представителей нашей фамилии? Я предполагал, что кого-то особо ретивого может ждать ранняя смерть, но точно не думал о нем. Как все случилось? И откуда тебе об этом известно?

— Любезнейший Кей Аймалдэн завернул пару бутербродов в свежую газету, — невинно пожал плечами Хор и протянул Маршалу ту самую измятую масляную бумагу. — Думаю, полиция хотела оставить общественность в неведении, но кто-то из журналистов пронюхал о самом факте смерти, отсюда и заметка. Буквально три слова. Удивительно, что никто из пассажиров не успел услышать.

— Магическое воздействие, — повторил Байонис, перечитав эту заметку, как и Мальс, несколько раз. — Слишком похоже на то, что случилось у нас несколько часов назад.

— Боюсь, что серия убийств продолжится, если мы не сумеем отыскать зацепку, — вздохнул Хор. — Этот убийца настроен очень решительно, и пока никто не сумел преградить ему путь. Скоро в Квемере начнут бояться и перестанут выходить на улицы по ночам.

— Бесполезно, — усмехнулся Маршал. — Насколько я понял, наш противник имеет конкретные цели — уничтожение конкретных людей, и тут его остановить не так уж и просто. Но мы хотя бы попытаемся. Благодарю за информацию, однако тебе лучше сейчас остаться здесь. Потом мы все обсудим — и твоего Кея, и Алексиса, и то, что не успели обсудить касательно несчастного Мэйла.

Стукнула, закрываясь, дверь. Мальс Эссентессер остался наедине с не слишком обнадеживающими мыслями.

Виррен, Лейнор, попавший в центр совпадений Бьюкенен. Мог каждый из них... Хор

умел решать логические задачи и замечать то, что с первого взгляда незаметно, однако понимал, что в этом деле он вряд ли сможет выступить ключевой фигурой. Следовало не высовываться, предоставить профессионалам возможность довести расследование до конца.

Мальс отложил в сторону газету с известием о смерти преемника Регента и пересел за стол, где лежала стопка бумаг Маршала, среди которых находилась и загадка Сказочника, отодвинутая сейчас насущными проблемами. За окнами гондолы уже стало совсем светло: осень не успела вступить в свои права, и рассвет настаивал не так уж поздно. Хор выключил светильник и задумчиво поглядел на бумаги Байониса. Что-то в них выглядело странно. Затем он понял: среди ровных листов оказался запечатанный конверт. Маршал сидел вчера до поздней ночи со всей этой стопкой, шурша почти каждым листом, вряд ли он забыл распечатать письмо.

Повинуясь интуиции, Хор потянул конверт на себя и с удивлением обнаружил на нем свое имя с отсутствием данных об отправителе. «Мальсу Эссентессеру». Внутри оказалось длинное письмо, и уже первые строки заставили напрячься.

«Доброе утро, Мальс! Вам пишет Мэйл Иушнице по просьбе не известного мне, однако очень настойчивого человека. Он имел любезность напомнить мне о двух адресах, куда может нагряться не очень приятная гостья, и я согласился выполнить его просьбу».

Хор перечитал оба предложения и почувствовал себя очень неудобно. Письмо от уже умершего, таинственность, загадки, странные обороты и намеки на шантаж... Не в этом ли письме крылся ответ на вопрос: зачем понадобилось убивать адмирала и чем он занимался перед смертью?

«Этот человек не горит желанием предоставлять вам образец своего почерка, поэтому пишу я. От его лица. Весь следующий абзац написан полностью под диктовку, считайте его письмом в письме».

Некая настойчивая персона хотела сообщить что-то именно Хору. Странно... Впрочем, в этой истории странным было абсолютно все. Прочитав следующие строки, Мальс не сумел сдержать легкую дрожь, пробежавшую по пальцам.

«Это небольшой привет от Кея вам, Хор. Помнится, в свое время вы очень внезапно появились в часозвоне и начали там искать то, что искать не следовало. Я не могу сказать, что ваше появление нарушило мои планы. Оно их значительно изменило в другую сторону, возможно, даже лучшую. Во всяком случае, я посчитал ваше присутствие в моем небольшом уголке знаком судьбы и решил, что центром моего круга отныне будет не Эвальд Мистераль, а кто-то из вас троих.

После некоторых действий мой выбор остановился на вас. Это значит, что вас я не трону ни в коем случае, то есть вам не следует меня опасаться. При том я не могу гарантировать неприкосновенность людям вокруг вас. Даже наоборот. Я собираюсь уничтожать именно тех, кто с вами встречается и чинно беседует по утрам и вечерам. Впрочем, вы вольны отказаться от положения центра круга и предложить собственный вариант. Я его рассмотрю и сделаю вывод. Возможно, если мне он понравится, я снова поменяю свои планы.

И не стоит говорить кому-либо об этом письме, иначе я по собственному усмотрению поменяю центр круга, и вы станете следующей точкой. Следующей жертвой. Следующим трупом. Я люблю честную игру один на один. Я даже готов дать вам несколько подсказок, если вы желаете меня найти, однако о них никто, кроме вас, знать не должен. Иначе я разозлюсь. Убивать буду много и некрасиво. Вам это не понравится.

У вас есть пара дней на раздумья, а после этого мы с вами встретимся и обсудим некоторые вещи. С надеждой на взаимопонимание, Кей».

Теперь Мальсу стало ясно все. Что делал за столом адмирал, почему плод его труда не был найде возле тела. Иушнице шантажом заставили написать это письмо, а потом убили. И если все это произошло только ради послания... Нет, вряд ли. Хотя от сумасшедшего Кея можно было ожидать чего угодно. Хор понял, что угодил в жуткую ситуацию. Убийца обещал уничтожать людей вокруг него — худшего он и представить себе не мог. Раль, Хемин, Байонис, даже вечно чудящий Эвальд. Никто из них не должен был умирать, однако Мальс мог сделать единственную зависящую от него вещь: заменить одно имя в этом списке своим. И именно это он и собирался делать, не желая подвергать смертельной опасности тех, кто находился и будет находиться рядом.

Мальс понимал, что мало может влиять на ситуацию и выступает в ней больше игрушкой Кея, чем самостоятельной стороной. Разумеется, полностью подавить в себе страх Хор не мог: такой феномен преступного мира не мог не пугать, однако удалось взять себя в руки. Излишне осторожничать и шарахаться от каждой тени попросту не имело смысла.

Вкрадчиво скрипнула дверь: пришел Байонис. На его лице застыло жесткое повелительное выражение, приличествующее Маршалу: видимо, пришлось наводить порядок и командовать лишившимся капитана дирижаблем.

— «Рассекающая» отправляется обратно в Квемеру, — объявил Байонис так, словно перед ним находился очередной безликий подчиненный, и, громыхая по-военному ритмичными шагами, прошествовал к креслу. Присел. Его лицо слегка разгладилось. — Все равно дела всех пассажиров сорваны, — более мягким голосом объяснил Маршал. — Я не собираюсь сразу же отпускать их, расследование никто не отменял.

— Удалось хоть что-нибудь выяснить? — тихо спросил Мальс.

Байонис мотнул головой так, словно ему был тесен воротник.

— Никто ничего не видел и не слышал. Зато я уверился в том, что экипаж совершить преступление не мог: дверь из их отделения открывается туго, и без шума пройти невозможно. Леди Тора обычно спит плохо. В эту ночь она, лежа в каюте Мэйла, просыпалась раз пять, однако не услышала подозрительных звуков. Преступник определенно находился в пассажирском отделении.

— И даже успел побывать в нашей комнате, — ровным, ничего не значащим тоном добавил Хор.

Маршал вскинул брови:

— Что ты сумел узнать?

— То, что и полагалось узнать мне, — Мальс протянул ему письмо. — Это лежало среди ваших бумаг.

— Вечером его не было, — подтвердил Байонис догадки Хора и пробежался взглядом по строкам Кея, выписанным четким почерком адмирала. Выражение лица Маршала становилось все злее и злее. Наконец он дочитал, раздраженным движением отодвинул от себя злополучный лист и ничего не сказал.

Под потолком жужжала маленькая муха: только сейчас Мальс её заметил, потому что наступила неприятная тишина ожидания, а мысли внезапно заполнила пустота.

— Думаю, мы сделали одинаковые выводы, — наконец произнес Байонис с хрипотцой в голосе.

Хор без слов кивнул.

— Я эту гадость отправлю на виселицу, — тон Маршала был ледяным. — Вопрос лишь один: Виррен, Лейнор или Бьюкенен?

Мальс только вздохнул, понимая, что ему пока сказать тут нечего. Хоть какой-то намек дала бы встреча с Кеем, а в ней уже не приходилось сомневаться. Больше всех Хор подозревал Бьюкенена, однако Лейнор и Виррен тоже могли совершить преступление.

— Вот что, — Байонис бросил быстрый взгляд на письмо, затем — на ученика. — Сейчас ты мне подробно все расскажешь про Синди Хассен, про Мэшмета Зорренда и про все прочие убийства. А также про центр круга, — он кивком указал на зловеще белеющий листок, — и твое решение по этому поводу. Время у нас есть.

===== Глава 3. Замершее =====

Как Маршал проворачивал все дело, какими словами объяснял ситуацию и каким тоном раздавал приказы, Хор не знал. Его оставили в каюте даже по прибытии «Рассекающей» в Квемеру, и за стенами и на улице долго стучали шаги пассажиров, экипажа, полицейских, кого-то ещё... Мальс лениво наблюдал за суетой вокруг дирижабля и ожидал Байониса, понимая, что он сделает все в лучшем виде и, раз Эссентессер-старший решил, что его преемнику лучше не высовываться, то лучше действительно не высовываться. Среди всего потока лиц Хор успел заметить известного по предыдущим возмущениям порядка майора Тровена.

Наконец «Рассекающая» осталась почти в гордом одиночестве: лишь несли стражу возле её входа два полицейских, которых Хор в свое окно уже не видел, но зато видел, как они туда прошли, и не слышал, чтобы они заходили внутрь. Тело адмирала уже унесли, а во второй каюте шуршали и переговаривались майор Тровен и Байонис Эссентессер. Мальс ждал, не желая торопить события, хоть это и было скучновато.

Шаги главных сыщиков приблизились.

— Давайте сразу здесь, в конце концов, корабль пуст, и нам никто не мешает. Кроме моего преемника, конечно, — прозвучал голос Маршала.

— Преемника? — настороженно произнес Тровен.

— Я собираюсь посвятить его во все нюансы дела, — пояснил Байонис, открывая перед майором дверь в их каюту. — Будущему Эссентессеру это полезно, кроме того, Мальс уже замешан в этой истории.

Ответных слов Тровена не последовало: видимо, он просто кивнул. Они вошли в каюту.

— Здравствуйте, — сухо сказал майор.

Байонис опустился на ближайшее ко входу кресло и вопросительно посмотрел на Тровена. Тот, однако, не сел, а по-военному вытянулся и положил на стол перед Маршалом увесистую папку.

— Рассказывайте, что вам удалось собрать на нашего таинственного оппонента, — велел Байонис.

— Фактов довольно мало, однако поводов для догадок хватает, — ровно начал Тровен. — Мне много что удалось узнать. Итак, по порядку. Первой в списке идет Синди Хассен, чья смерть произошла от обрушения механизма во время занятия. Все выглядит как несчастный случай, но я допускаю, что он мог быть подстроен кем-то. Синди Хассен находится в моем списке потому, что, во-первых, на неё обратил внимание довольно-таки туманными словами Мэшмет Зорренд, а во-вторых, тело Синди после смерти подверглось вандализму: неизвестный с сильным даром, скорее всего, лекарским вырезал у неё печень и

несколько мелких костей, при этом убрав следы грамотным сращением тканей при помощи магии. К этому делу нам, возможно, ещё предстоит вернуться, но пока по нему все.

— Вам есть что добавить? — бесстрастно спросил Маршал у ученика.

Тот только покачал головой. О вандализме Раль не говорила, но она могла и не знать.

— Следующим идет Мэшмет Зорренд умерший два дня назад от сердечного приступа, — монотонным голосом, словно читал какую-то скучную длинную книгу, продолжил Тровен. — На первый взгляд, в этом также нет ничего криминального, однако до приступа людей преклонного возраста можно довести многими способами. Например, вытягиванием магии. Кроме того, сам собой напрашивается вывод о связи последних предсказаний ЗорRENда и его смерти. При вскрытии снова обнаружился вандализм: некто вырезал и захватил с собой обе почки, селезенку и правую долю печени, снова скрыв следы сращиванием тканей.

Это тоже удивило. В последние дни Хор практически не читал газет, а оттого упустил эту новость. Стало ясно, что Кей ни перед чем не остановится, раз уж он сумел добраться до человека в самых верхах.

— Следующий — Алексис Эссентессер, погибший прошлой ночью из-за вытягивания магии. Поскольку жил он уединенно, нам не удалось понять, что изменилось в его комнате за ночь. В последний раз другой человек был там около недели назад. Ясно лишь то, что преступник проник через дверь, преодолев магическую защиту замков, что свидетельствует об уже упомянутом сильном даре. В момент вторжения Алексис не спал: он не успел даже переодеться, придя домой с развлекательного вечера, устроенного на квартире наследника Мистералей. Преступник произвел почти моментальное вытягивание энергии, следов нам обнаружить не удалось. Вскрытие провели спустя пять часов после смерти, но даже за этот короткий срок некто успел над ним поглумиться: на этот раз исчезли правое легкое и правая же почка.

Алексис. Восторженный поэт, достаивающий массой комплиментов Халану Кровиндаст, — ученик Регента. Может, он тоже носил маску, играл радостного дурачка, беря пример с Эвальда?

— Теперь погиб Мэйл Иушнице Ричардель. Причина смерти — вытягивание магии. Я не удивлюсь, если при вскрытии снова окажется, что чего-то не хватает, но я велел провести все в кратчайшие сроки. Подводя итог всем четырем делам, можно увидеть в них главное сходство: издевательство над телами после смерти. Последние три совпадают ещё по одному признаку. Все погибшие были найдены в красной одежде, однако вы же знаете, господин Маршал, что в нашем флоте никто не носит полностью алую форму. Причина цвета проста: кровь. К сожалению, нам не удалось детально выяснить, что делал преступник, дабы перекрасить одежду своих жертв, ведь не осталось никаких следов ни на телах, ни рядом с ними. Судя по всему, убийца проделывал сложные магические манипуляции для того, чтобы все выглядело именно так. Господин Маршал, мой доклад закончен, поскольку делать цельные выводы о смерти адмирала Иушнице ещё рано.

— Странно выглядит эта затея с перекрашиванием, — сдвинул брови Байонис, довольно быстро проанализировав все услышанное. — Чью кровь преступник использовал для этого? У вас есть какие-либо предположения?

— Я исхожу из того, что у убийцы в избытке имелась кровь его жертв, — невозмутимо ответил Тровен. — И не было смысла брать чью-то другую. Если он — лекарь, то вполне мог заживить порез, откуда брал свою «краску». Да, я понимаю, что все это выглядит неприятно

и непонятно, однако если мы имеем дело с серийником, то почему бы и нет? Эти люди всегда отчасти сумасшедшие.

— И слишком трезво мыслящие для того, чтобы не оставить следов, — закончил с мрачностью Маршал. — Как так вышло? Я не знаток, однако вытягивание магии всегда сопровождается её выплескиванием на окружающие человека предметы. Как получилось, что вам ничего не удалось найти? Неужели прошло слишком много времени? Подобному явлению существует научное объяснение?

— Если вы откроете любую книгу по теории магической науки, то прочитаете в ней, что вытягивание энергии всегда, абсолютно всегда сопровождается выплескиванием в окружающую среду и невозможно полностью взять всю магию от человека и без потерь переместить её во что-то другое. Нам удалось установить, что преступник пользовался неким предметом, куда собирал полученную энергию, однако его род неизвестен.

— Подождите, — Маршал на минуту замолчал, и в его взгляде мелькнуло понимание. — Вы говорите, «если я открою любую книгу по теории магии». Вы имели в виду, что если брать не книги авторитетных ученых, а некие другие источники, то объяснить произошедшее можно?

— Подобные источники мне не попадались, но я допускаю, что они существуют, — кивнул Тровен. — Вы верно меня поняли. А теперь позвольте сделать небольшой экскурс в прошлое. Вам известна легенда о демоне, который доводил людей до убийства или самоубийства, подкидывая им различные предметы?

Лицо Байониса стало совсем жестким.

— Разумеется. Насколько я понял, сейчас речь пойдет о его, скажем так, последователе?

— Именно, — Тровен внимательно посмотрел на папку, но, видимо, передумал браться за документы и продолжил рассказ: — Думаю, здесь все знают о Проводнике, семь лет назад всколыхнувшем Грозовой Мир. Большинство так и не поняло, почему он убивал совершенно разных по возрасту и социальному положению людей, поэтому его просто боялись. А на самом деле Проводник имел очень четкий, ограниченный план своей незаконной деятельности. Полиции удалось выяснить это уже после его смерти... или не совсем смерти. Некоторые мои коллеги склонны считать, что он выжил и теперь вернулся к старому. В любом случае, сейчас в Квемере действует либо он, либо его последователь.

— Тогда это объясняет выбор Мэйла в качестве жертвы, — тихо произнес Маршал. — Значит, месть.

— Мечь? — осмелился вступить Хор, который не совсем понял этот момент.

— Да, ты же об этом не знаешь, — с легкой горечью ответил Байонис, даже не смотря в его сторону. — Мэйл Иушнице Ричардель стал Ричарделем только из-за того, что раскрыл по газетным письмам личность Проводника и, как считалось, его убил. Это позволило Мэйлу продвинуться по службе и стать офицером действующей армии, а уже потом он отличился и вышел в адмиралы.

Теперь этот кусочек мозаики сложился с легкостью. Если раньше Хор мог только гадать, какими мотивами руководствовался Кей, то участие в преступлениях Проводника или его последователя моментально все проясняло. Мечь. И одновременно насмешка над полицией, для которой он оставался неуловимым.

— Что касается меня, то я не верю, что мы сейчас столкнулись с самим Проводником: уж слишком много времени прошло с момента его подвигов, — произнес тем временем Тровен.

— Он мог спастись с помощью своей магии и некоторое время вести себя тихо из-за полученных во время пожара увечий, — возразил Байонис. — Из такой печки даже самый сильный маг вылез бы едва живой и долго зализывал бы раны. Возможно, для спасения Проводник использовал немало резервов, и ему потребовалось несколько лет, чтобы вернуть прежние умения... и наглость. Насколько я могу судить со слов Мальса, наш убийца действовал ещё в прошлом году, но оставлял свою игру тайной и лишь устранял тех, кто ему не нравился.

— Погодите, а нельзя ли узнать, почему вы так уверены? — снова вклинился Хор, поймав двухсекундную паузу. — Есть доказательства, что это именно Проводник или его последователь?

— Доказательства как раз в том, что у нас ничего нет, — Тровен соизволил обратить свой взгляд на наименее понимающего среди них трех человека. — Здесь стоит обратиться к старым документам, и вам, господин Маршал, это тоже должно быть интересно. Итак, настоящее имя Проводника — Гиретте Хусту. Кажется, вы знакомы с другим обладателем этой фамилии? — уловил он реакцию слегка удивленного Хора. — Встречались с Аликой Хусту?

— С Чармэлом, — ответил Мальс.

— Они — племянники Проводника, правда, не знают о своем чудовищном дядюшке и в глаза его не видели. Все же родственные связи в Объединенном Мире сильны и причудливы. Сейчас речь тоже пойдет о целой семье, — Тровен снова повернулся к Байонису. — Жили-были два брата и их младшая сестра. Они очень друг друга любили. Второй брат уехал в Квемеру, и спустя некоторое время у него родились дочь Алика и сын Чармэл. Старший жил холостяком, а сестра из энтузиазма начала работать в помощницах у Хасдента Зоррента, проводившего не самые безопасные эксперименты. Во время одного из них она погибла, потому что Хасдент случайно вытянул из неё магию. Причем оставшиеся в живых ассистенты утверждали, что после этого не осталось никаких следов: энергия полностью впиталась в аккумулятор.

— Полное нацеленное вытягивание, — выдохнул Маршал. — Вы думаете, что сейчас убийца использует именно этот прием?

— Наиболее вероятно, — кивнул Тровен. — Но я возвращаюсь к печальным событиям прошлого. Гиретте, узнав о смерти сестры, разозлился и решил отомстить. Нет, он не убил Хасдента. Он довел его до самоубийства, то шантажируя, то через разных людей напоминая о смерти столь прекрасного человека, как юная Хусту. Изобретатель разочаровался в своем методе и своих исследованиях и выбросился из окна, прижимая к груди все записи. Пока не пришли полицейские, подул ветер, и бумаги разлетелись по дворам, где их подобрала самые разные люди. Именно их потом методично убивал Проводник. И у каждого забирал листы с идеями Хасдента, чтобы в итоге собрать все его записи. Только Гиретте Хусту знал секрет полного нацеленного вытягивания. Он мог передать это кому-то, а мог сохранить для одного себя и начать применять сейчас. Если, конечно, этот человек жив.

— Но ведь его раскрыли по письмам в газеты, — нахмурился Мальс, ловя ускользящую догадку. — А что, если по этим письмам к нему мог прийти не только полицейский, но и кто-то из журналистов, особо любопытный?

— После второго послания журналистов от этого дела отодвинули очень далеко, — возразил Тровен, смотря только на Байониса. — Нет, если нынешний убийца и был знаком с Проводником, то это знакомство состоялось задолго до пожара в доме Хусту. Что ещё важно,

я считаю Гиретте отчаявшимся человеком, для которого стояла только одна цель: отомстить за сестру и умереть самому. Я думаю, что он постарался бы уничтожить все записи Хасдента, чтобы его метод, полученный ценой дорогой для Проводника жизни, не распространился по всему Объединенному Миру.

— Тогда это идет вразрез со всеми версиями, — развел руками Байонис. — Если бы он хотел бы все уничтожить и погибнуть, то этот метод не использовался бы сейчас нашим оппонентом.

— У меня собственная версия. Гиретте не желал передавать кому-либо полученные записи, однако этот человек пришел сам. И добился своего. И, возможно, он был сильным магом, так что сумел противостоять Проводнику и так его вымотал, что Мэйлу Иушнице удалось через некоторое время с ним справиться. Знаете, те послания в газету выглядели как вызов на поединок: «Вот он, я, приходите, и увидим, кто кого». Гиретте собирался драться, но сопротивление полицейскому с небольшим даром он оказал, скажем прямо, довольно вялое.

— То есть мы имеем противника более сильного, чем Проводник? — уловил основную мысль Маршал.

— Вполне возможно, — совершенно спокойно произнес Тровен. — Впрочем, в этот раз и на нашей стороне более сильные бойцы. Взять хотя бы вас, господин Эссентессер. В прошлый раз правители Объединенного Мира в расследование не включались.

— В прошлый раз не погибали люди, входящие в правительство. — Кажется, Байонис был не в восторге от этого намека. Несколько часов назад он ещё говорил Мальсу, что не считает себя достойным соперником Кею.

— Семь лет — слишком большой срок для того, кто сумел одолеть Проводника и забрать у него секреты, — опять вступил Хор. — Он мог бы довольно быстро развернуть свою деятельность и уничтожить немало людей. Впрочем, у меня есть вариант объяснения, почему нынешний преступник так долго находился в тени и почему убивал именно высокопоставленных лиц. И — если брать известные мне и вам, майор, события — почему появился в часозвоне, хотя дорога туда доступна лишь Эссентессерам и тем, кто имеет от них пропуск. И — если возвращаться к общеизвестным фактам — почему убийце удалось проникнуть сквозь всю охрану к Мэшмету Зорренду, а затем с легкостью добраться до Алексиса Эссентессера. — Он сделал паузу. — Я думаю, что у преступника есть покровитель из числа вышестоящих лиц. Возможно — из числа Эссентессеров.

Сквозь невозмутимость Байониса проступило откровенное удивление, и даже майор Тровен приподнял бровь, внимательно посмотрев на Хора.

— У вас очень любопытные предположения, господин ученик Маршала, — заметил учитель. — И я бы не сказал, что они имеют серьезное основание. Вот так сразу подозревать всех правителей Объединенного Мира — тут нужно иметь дерзость, я бы даже сказал, наглость.

— Я сказал — возможно, — очень вежливо произнес Мальс. — Хотя больше я подозреваю другого человека.

— И кого же? — Маршал уже не выглядел уязвленным.

— Рондера Мистерая, — Хор постарался сохранить невозмутимость. — Во-первых, погибшие Мильварес Зорренд и Хэ尔蒙т Ричардель, о которых вы почему-то не упомянули, были его политическими противниками. Во-вторых, Мэшмет Зорренд говорил остерегаться медного шлема, а это очень похоже на перифразу, означающую рыжие волосы.

— А почему покровитель? — только и спросил Тровен. — Почему вы думаете, что само «вышестоящее лицо» не могло совершать это преступление?

— Все очень просто, — усмехнулся Хор. — Преступник начал убивать именно потому, что у него появился покровитель, а до этого он не мог быть полностью уверенным в своей неуязвимости. И даже не знал, кого убивать. Сначала действовал по указке покровителя, а затем начал расширять горизонты. Синди, думается мне, стала случайной жертвой, но её смерть потянула за собой цепочку: предсказания Зорренда и необходимость уничтожить его из-за угрозы раскрытия. Убийца вошел во вкус: он понял, что может разделяться не только с политическими противниками своего покровителя и взялся за старую месть. Так и погиб адмирал Иушнице. Что же касается Алексиса Эссентессера, то мне кажется, что его убили как раз по указке.

— Выглядит непробиваемо, — наконец произнес Маршал. — Проблема только в том, что доказательств этой версии тоже нет.

— Я не ищу сейчас доказательств, — качнул головой Хор. — Я хочу понять, что же на самом деле произойдет, потому что это имеет непосредственное отношение ко мне и окружающим меня людям. Быть может, ваши глубокомысленные рассуждения ещё продолжатся над моим трупом.

— И почему же именно вы? — спросил Тровен.

Байонис вопросительно глянул на ученика и, получив едва заметный кивок, пояснил:

— Перед смертью Мэйл написал письмо. Вернее, преступник вынудил его записать это послание, адресованное именно Мальсу. Прочтите, — он протянул ему тот самый лист. — Только предупреждаю, что в материалы дела это войти не должно: это останется между нами тремя. Убийца, именующий себя Кеем, из насмешки выходит на связь с некоторыми людьми, и это могло бы принести нам пользу, оттого так важно соблюдать навязываемые им правила игры.

— Я тоже должен вам кое-что сообщить, — Тровен взял в руки письмо, однако читать не начал. — Дело в том, что ко мне сегодня утром обратилась одна девушка, уже известная мне по истории с часозвоней. Хемена Ричардель. Тот, кого вы называете Кеем, навещал её и устроил один любопытный разговор.

— Речь шла о центре круга? — быстро произнес Хор, повинувшись блеснувшей интуиции.

Тровен неторопливо кивнул.

— Насколько я понимаю, в письме затрагивалась та же тема, раз вы отгадали. Кей предложил Хемене три варианта «центра круга». Её, её названую сестру Адилунд Мистерали и вас, Мальс Эссентессер.

— Вот как, выходит, — пробормотал Хор. — Тогда вам станет совсем ясно содержание письма.

Хемин, едва знавшая его Хемин выбрала его как центр круга. Что это? Благодарность по отношению к человеку, который согласился вернуться в военную сферу, откуда ушел десять лет назад? Но ведь Хор сам был виноват в том, что имя Хемены вызвало пристальный интерес у Байониса Эссентессера. Нет, просто благодарность не могла сподвигнуть на такое. Выбирая между собой, близкой с самого детства названной сестрой и недавним знакомцем, Хемин остановилась именно на Мальсе. Почему? Почему же? Впрочем, через пару часов он мог прийти в общежитие Военной Академии или даже в саму Академию, пользуясь привилегиями ученика Маршала, и спросить у самой Хемены.

— Насколько я понимаю, — Тровен отложил в сторону прочитанное письмо, — вы

также намерены снять с себя почетную должность центра круга?

Хор невозмутимо кивнул.

— Я не готов решать за других.

— Это делает честь вам, хоть и убирает любую определенность из дальнейших действий Кея, — Тровен ещё раз глянул на строки убийцы, выписанные почерком адмирала. — Впрочем, немалую важность имеет пункт про личную встречу. Если она состоится, это может быть прорыв во всем расследовании.

— Следует быть очень осторожными с этим, — предупреждающе заметил Байонис. — У нас опасный и непредсказуемый оппонент. Чем меньше он знает о наших успехах, тем лучше. Лучше его не провоцировать.

— Боюсь вас разочаровать, господин Маршал, — взгляд Тровена отчего-то сделался неприятным, — однако некоторые люди, не чувствуя за собой хвоста, начинают излишне наглеть. У нас есть два варианта. Либо преступник — лекарь, либо их в команде двое, и один убивает, а другой уродует тела, — вернулся к выстраиванию догадок майор. — Оба варианта имеют равную вероятность, хотя убийца в семье лекарей... Признаю, выглядит это жутковато.

— Не менее жутко, чем смерть Мэйла, — жестким тоном произнес Маршал. — В любом случае мы должны искать среди Аймалдэнов — преступника или его пособника.

— И в первую очередь среди Бьюкенена, Виррена и Маскэрэ Аймалдэнов, — уточнил Мальс. — В принципе, вызывает сомнения даже Тора, но её защищает то, что она спала в каюте адмирала, а хлопков двери не слышал никто.

— Если брать за истину то, что действуют два человека, то что же, выходит, — Байонис нахмурился, — они оба летели на «Рассекающей»? Или только убийца, а лекарь уже потом собрался что-нибудь... вырезать у Мэйла? В таком случае ни Виррен, ни Маскэрэ, ни Бьюкенен здесь ни при чем, а это только все путает. Я предлагаю пока принять первый вариант. Сомневаюсь, что владелец метода Хасдента захотел бы с кем-то делиться. Не говоря уже о том, что вырезание частей трупов в госпитале смотрится более чем странно — какой смысл проворачивать такое? Более реально, что убийца — лекарь и он сразу же после убийства резал тела. Хоть я до сих пор не знаю зачем, но все же это смотрится лучше. Поэтому я считаю, что Лейнора Зорренда пока надо отодвинуть. Займемся нашими лекарями.

— Как я уже говорил, Бьюкенен вызывает много вопросов, — не смог не встрять с любимой своей темой Хор. Наверное, в нем на всю жизнь осталось недоверие к тем, кого кто-либо называл Кеем.

— Виррен наиболее опытный из них, — попытался устроить противовес упрямым подозрениям ученика Байонис. — Кею Аймалдэну, — он, видимо, специально сказал именно так, — могло бы не хватить опыта на подобные сложные манипуляции.

— Скажите, майор, — Хор переключился с Маршала на Тровена, — а на каком счету у госпиталей все четверо подозреваемых-Аймалдэнов?

— На хорошем, — не замедлил обрадовать тот. — Виррен — главный врач центрального квемерского госпиталя и автор методики оздоровления. Бьюкенен — сильный лекарь, известный хирург. Маскэрэ для своих лет делает заметные успехи. Никаких особых жалоб на них не поступало, центрами скандалов они не становились.

— А Тора? — все же поинтересовался Хор.

— Она из них четырех наименее успешна, однако с необходимой программой

справляется. Как видите, ни у одного из этих людей нет чего-то, за что можно было бы зацепиться. Кроме того, Виррен и Бьюкенен проводят много времени в госпиталях, и у них есть алиби на время столичных убийств. Это плюс. Но и минус. Потому что в больницах все друг друга знают и готовы выручить, если что. Солгать — из лучших побуждений. Судя по отзывам коллег, Виррена и Бьюкенена особенно любят, Маскэрэ уважают.

— А Тора? — опять спросил Хор.

— Её скорее терпят, — обстоятельно отвечал Тровен, хотя Байонису, кажется, не понравился ход разговора.

— К чему вопросы про Тору, если вы сами сказали, что её можно пока не рассматривать? — поинтересовался Маршал.

— Мне просто хочется составить всю картину, — пожал плечами Хор. — Эти четверо путешествовали вместе, они — семья. Какой бы гадостью ни был Кей — я говорю об убийце, — уточнил он из вредности, — но многие сдвиги в разуме идут именно из семьи.

— Это уже слишком глубоко пошло, — возразил Байонис. — Чтобы понять отношения в семье, следует копать по родителям каждого из подозреваемых, а сестра все же дело второстепенное, поскольку она младше и мало влияла на Маскэрэ с Бьюкененом. Вам не следует расплескиваться на все сразу, Мальс.

Хор только пожал плечами, отметив, что Байонис в последнее время уж слишком ретиво начал критиковать ученика. Счел нужным приступить к обязанностям наставника? Как знать, как знать...

За дверями послышался неясный шум, и Маршал чуть напрягся, отвлекаясь от чтения нотаций. Через пару минут шум вылился в возбужденные звучания по меньшей мере трех голосов, и в каюту двое солдат ввели юношу, которому едва-едва перевалило за двадцать.

— Рад вас приветствовать, господин Маршал, — сверкнул синими глазами внезапный гость. — Я извиняюсь за то, что не мог выразить свое почтение вам ранее.

Байонис не выглядел радостным: он смотрел на этого молодого человека, как на нашкодившего кота.

— Сколько же часов вы пробыли на корабле, господин Эссентессер? — подчеркнул обращение Маршал, и Хор чуть не присвистнул. Да, Объединенному Миру определенно не повезло почти со всеми преемниками правителей. Один — бунтарь, другой — шалопай, третий вообще погиб... — И что вы здесь делаете?

— Что я здесь делаю? — жизнерадостно спросил очередной неразумный преемник. Жизнерадостность его не напоминала сбивающую с толку приветливость Эвальда Мистераля, поскольку с самого начала предназначалась для издевки. — У меня было путешествие, но оно, увы, по всем известной причине сорвалось. Да будет земля пухом бедному адмиралу.

Юного Эссентессера вряд ли волновала смерть Иушнице, его куда более волновала собственная судьба. А Мальса, Маршала и Тровена — обстоятельства, при которых этот молодой человек очутился на борту «Рассекающей».

— А теперь потрудитесь объяснить, как протекало ваше путешествие и почему мы встретили вас только сейчас, — Байонис сохранял спокойствие, но Хор понимал: если проказник-преемник начнет наглеть, то ему устроят воспитательную беседу. Не очень приятную.

— Я делил с адмиралом его каюту, — честно признался шальной Эссентессер. — Вернее, сначала с адмиралом, а потом — с леди Торой. Я уговорил её никому об этом не

говорить.

— Значит, никому не говорить? — сурово свел брови Маршал. — А что же сказал господин Магистр в ответ на вашу просьбу разрешить путешествие?

Хоуэрс Эссентессер — именно так звали преемника Магистра — не мог ответить на этот вопрос. Просто потому, что его никто никуда не отпускал: он сбежал сам, думая, что сможет укрыться благодаря помощи Иушнице, а тот возьми да стань жертвой таинственного убийцы. И сбежавший шалопай попался.

— У нас вышло, эммм, небольшое недопонимание, — очень мягко выражаясь, объяснил Хоуэрс. Мягко — потому что от небольшого недопонимания не мчатся в другой регион, скрываясь в капитанских каютах.

— В таком случае я извещу Фаркасса, чтобы не вышло большего недопонимания, — в тон юному Эссентессеру ответил Маршал. — А заодно и посмотрю, как чудесно ладят друг с другом учитель и ученик.

— Не бойтесь, что дирижабль сломается? — сдаваться Хоуэрс не собирался.

— Я не боюсь даже того, что он обрушится вам на голову, лишь бы стало ясно, подойдет ли нынешний преемник для роли Магистра Объединенного Мира, — развел руками Байонис. — А поскольку собственной персоной я рисковать не собираюсь, то сейчас мы с майором и с Мальсом просто выйдем и запрем дверь, а откроем её только для того, чтобы впустить сюда Фаркасса. Да, кстати. Я забыл вас друг другу представить. Мальс Эссентессер. Хоуэрс Эссентессер.

— Очень приятно, — пропел преемник Магистра. Кажется, он до сих пор не желал принимать то, что серьезно влип и никто его вытащить из этой истории не сможет.

— Очень приятно, — кивнул Хор с самым милым видом.

— Ну что ж, — невозмутимо сказал Маршал и повернулся к одному из солдат: — Пошлите кого-нибудь к господину Магистру и передайте, что его ученик здесь.

Хоуэрс слегка приуныл. Солдат отдал честь и вышел из каюты, а Тровен пристально взглянул на безбилетного пассажира дирижабля.

— Что вы слышали сегодня ночью? — без предисловий спросил майор.

— Да ничего я не слышал, — пренебрежительно пожал плечами Хоуэрс. — Разве что птицы пели, но это было уже в моем сне.

— Когда вы пришли на корабль? — допрос продолжался.

— Не раньше господина Маршала, но и не позже мрачных типов из первой, — с явным неудовольствием ответил преемник Магистра.

— Как вам удалось проникнуть незамеченным? — сухо задавал вопросы Тровен.

— Мы заранее все обсудили с адмиралом, я был одет как матрос, и никто не обратил на меня внимания. Я поделился тайной только с Торой, так как мы делили одну каюту.

А Тора от них все скрывает. Значит, могла скрыть и что-то ещё. Например, то, что ночью кто-то с шумом проходил из служебного отделения в пассажирское и обратно. Впрочем, Ферчазейро и Толл, спавшие в первой каюте, также не сумели уловить что-либо подозрительное, а они вряд ли спали без задних ног. Такие люди сохраняют чуткость и бдительность всегда. Те, кто бродит в тени, те, кто смотрит сквозь туман. Могли ли они присоединить к себе человека, промышляющего беспощадными убийствами не из строгой коммерческой или политической выгоды, а из какой-то другой цели?

— Как вам удалось уговорить адмирала Иушнице помочь вам добраться до Грозового Мира? — сменил тему Тровен. Как и все опрошенные, Хоуэрс твердил, что ничего не видел

и не слышал: большего от него добиться не удалось бы, значит, оставалось только зайти со стороны возможных мотивов преступления.

Преемник Магистра коротко усмехнулся:

— Мы сошлись в отношении к Фаркасу Эссентессеру. Изначально я планировал улететь из Квемеры с помощью капитана «Рассекающей», командующего дирижаблем в отсутствие Мэйла Иушнице, однако в этот раз корабль возглавлял сам адмирал, и я, связавшись с ним письмами, договорился о том, что смогу провести весь полет в служебном отделении.

— Его не возмутило ваше стремление убежать? — вот Тровена точно бы возмутило. Такого было безнадежно просить о помощи, если это шло вразрез с его правилами, а Иушнице, несмотря на их с Мальсом спор, не ставил закон во главу угла.

— Говрю же, мы поняли друг друга благодаря схожему отношению к господину Магистру, — повторил Хоуэрс. — За меня говорило и знакомство с капитаном, поэтому господин адмирал согласился на всю эту затею.

— И, как выяснилось, совершенно зря, — сухо подвел итог майор. — Что ж, у меня больше нет к вам вопросов, однако сегодня вечером или завтра утром я спрошу господина Магистра, и он разъяснит мне те подробности, которые ускользнули сейчас. Если они ускользнули.

Последняя фраза прямо намекала на то, что Фаркасс выжмет из непутевого ученика все детали его приключения и немного сверх этого.

— О, поверьте, мне не было резона убивать беднягу адмирала, — скрестил руки на груди с улыбочкой Хоуэрс. Его фамильярность уже начала раздражать. — А вот если когда-нибудь кто-то найдет в нашей архитектурной четырехцветице труп Фаркасса Эссентессера, то можете даже не проводить расследование: виноватым буду я.

Резко хлопнула дверь.

— Вот, значит, как? — ледяным от бешенства голосом произнес вошедший. — Когда-нибудь ты меня доведешь настолько, что ситуация получится ровно наоборот.

Хоуэрс Эссентессер в один миг сжался и метнулся вбок, обходя Маршала, словно желая спрятаться у него за спиной, а на лице уже не осталось никаких следов прежнего нахальства. И Мальс его понимал: было чего опасаться при виде злого Магистра. Вне всяких сомнений, в обычное время он выглядел как интеллигентный спокойный человек, однако сейчас взгляд обещал непутевому ученику медленную и жестокую смерть. Хор за свой век повидал немало высокопоставленных лиц, но впервые столкнулся со столь явной злостью, которую Фаркасс и не думал сдерживать.

— Господин Маршал, вы же не хотите второго расследования, да? — быстро прошептал Хоуэрс на ухо Байонису. Тот неопределенно усмехнулся, что можно было трактовать и как «да», и как «нет» и что, разумеется, обнадежить попавшего в переделку юношу не могло.

— Умные люди, обладающие хоть какой-то долей смелости, — неторопливо начал Фаркасс и двинулся вперед, тоже целя обходить Маршала вслед за учеником, — решают проблемы, а не бегут от них подальше, рискуя в будущем получить удвоенные неприятные последствия.

— От некоторых проблем только убегать и получается, — Хоуэрс медленно пятился в противоположную сторону. — Особенно если эти проблемы грозят разделать тебя на кусочки.

— Проблема в нашем случае не я, а скорее ты. — Хор думал, нельзя стать ещё злее.

Фаркасу это как-то удалось, и смотреть на него было неприятно. — И твое нежелание слушать кого-то, кроме себя, и признавать чужое мнение.

— Я могу сказать то же и о вас, — Хоуэрс остановился у кресла Тровена, рассчитывая, видимо, что этот блюститель порядка уж точно не допустит кровопролития. Хотя, если рассматривать законы Грозового Мира, то главным блюстителем порядка был как раз Фаркасс Эссентессер. Готовый кое-кого убить. Впрочем, за все годы близких отношений он добился взаимности.

— Господа, а вам не кажется, что подобные вещи лучше обсуждать не при всех? — светским тоном поинтересовался Байонис. Кажется, его эта ситуация если не забавляла, то точно не тревожила.

— Не кажется! — выпалил Хоуэрс, отчаянно вцепляясь в спасительное кресло майора, который также посчитал нужным поучаствовать в этой драме:

— А мне кажется. Личные вопросы между учеником и учителем следует решать без свидетелей, однако, господин Магистр, я попросил бы вас вести себя спокойнее, к этому вас обязывает ваш пост в Объединенном Мире.

— Именно ради того, чтобы на этом посту находились нормальные люди, я и не веду себя спокойно, — сверкнул глазами Фаркасс. — Я объективен и беспристрастен, как и надлежит грамотному судье, но лишь в тех случаях, когда речь не идет об этом молодом человеке, который уже трижды заслужил, чтобы его выгнали из Эссентессеров.

— Между прочим, я решил вам помочь и сам попробовал выгнаться, — оскорбленно возразил Хоуэрс. — А вы не оценили моего искреннего порыва. Вернее, оценили, но совершенно противоположно.

— Как надо, так и оценил! — рявкнул Магистр. — Мы уже десять раз обговорили этот момент. Раз уж не поменяешь твоего таланта, то ты привязан к фамилии Эссентессера, а значит, никуда не денешься: придется тебе выправляться под рамки поста Магистра. Пока ты жив, тебе моего воспитания не избежать, понял? И никакие попытки побегов это не изменят: не думай, что я с легким сердцем объявлю тебя пропавшим без вести и начну заниматься другим учеником.

— Да к чему эти обоюдные издевательства! — возопил Хоуэрс, рассчитывавший, видимо, что учитель порадуетса избавлению от него.

— А к тому, чтобы ничего не пропало даром, чтобы ты стал нормальным человеком, — резко ответил Фаркасс и повернулся к Маршалу: — Я заберу его, Байонис.

— Да без проблем, — пожал плечами тот. — Мне именно это и надо было. Скажи только, как ты успел так быстро сюда прийти?

— Да я с самого начала знал, что это чудо умчалось на «Рассекающей», — зло выплюнул Магистр. — Думаешь, мне никто не сказал о твоей дружбе с капитаном Рэндом? — он глянул на присмирневшего Хоуэрса. — Я сразу понял, что иного пути у тебя и не будет, поэтому попытался навести контакты с Грозовым Миром, чтобы тебя там поймали и доставили сюда. Все вышло даже удачнее, хотя Иушнице жаль. Без него наш воздушный флот станет в разы слабее — пока не найдется достойная замена. Я находился неподалеку отсюда, и солдаты это знали, потому что я спрашивал у них про мою драгоценную бездарность. Я постарался зайти без шума, чтобы послушать, что вы тут говорите, и успел к самому красивому моменту, — новый взгляд заставил Хоуэрса ещё больше съежиться. — Идем, — непререкаемым тоном велел Фаркасс.

— А может, я не захочу никуда идти! — из последних сил пытался брыкаться ученик. —

Господин майор, вы же понимаете, что может действительно произойти преступление!

— Я осознаю, что два знатока закона не станут совершать крайностей, поскольку лучше всех остальных представляют себе последствия, — равнодушно откликнулся Тровен. — Надеюсь на ваше благоразумие, господин Магистр.

— Правильно надеетесь, — в один прыжок Фаркасс настиг Хоуэrsa и, схватив его за руку, потащил из каюты. На лице того читалась обреченность приговоренного к смерти.

Когда оба Эссентессера с шумом покинули корабль, Байонис только усмехнулся, обращаясь к Хору:

— Вот даже и не скажешь с первого раза, кто более нагл — ты или он.

Хемене снились мутные пугающие сны. Со злой улыбкой шагал навстречу Кей и протягивал отрубленную руку с металлическими двумя третями предплечья. «Вот, смотри, смотри — это твой выбор». От страха отнимались ноги, а убийца подходил все ближе и ближе, вытаскивая из кармана нож. «Это твой выбор. Твой».

Она просыпалась с тихим визгом и терла глаза, отчаянно боясь снова погружаться в жуткий несуществующий мир, созданный её страхами. Вскакивала посреди ночи, ходила туда-сюда по комнате, пытаясь осознать, что и зачем делает. Чувствуя озноб от тревоги и ночной прохлады, закутывалась в одеяло, но от этого начинали слипаться глаза, в дреме вспыхивала сцена из недавних снов, и Хемена с испугом отбрасывала одеяло. Её била дрожь от одной мысли о том, что придется снова увидеть этот ужас.

Тяжелая голова клонилась куда-то вбок, одинокие мысли робкими рыбками дергались в пустом аквариуме разума, затянутом зеленой ряской страха и неясности. Хемена понимала, что всего лишь середина ночи, что утром надо на занятия, что необходимо отдохнуть, иначе завтра весь день будет ломить голову, но все это отступало перед паникой, что захлестывала от жутких ночных видений.

Хемена доставала из шкафа какую-то книгу, легкомысленный женский роман, давным-давно одолженный одноклассницей и так и не начатый, глотала глупые строки, пытаясь этим отвлечься, чтобы потом все же заснуть, но с трудом воспринимаемая история оставалась чужой, не позволяла проникнуться собой так, чтобы можно было забыть про суровую реальность. От сладости придуманной жизни начинало тошнить, и она тянула к себе какую-то другую книгу, начинала листать страницы, тупо глядя на буквы, воспринимая максимум слова, но никак уже не предложения и тем более не абзацы. Хемена боялась этого состояния страха перед кошмарами больше, чем самих кошмаров.

В конце концов она забылась за третьей по счету книгой и встретила утро, с облегчением осознав, что не увидела в последних снах ничего, кроме каких-то мелькающих расплывчатых образов. Но это не отменяло давящего понимания совершенного выбора. Почему Хемена произнесла имя Хора? Почему не выбрала сестру, которая возвращалась в их семью и опять становилась близким человеком? Она боялась думать о смерти Адилунд, особенно после этих кошмарных снов. Возможная гибель Хора представлялась менее яркой, но более реальной и оттого очень пугающей.

Отчего-то в памяти стояло его лицо, совершенно спокойное и мало что выражающее, однако в глубине взгляда горела уверенность и невозмутимый ответ на брошенный вызов. Таким она увидела Хора в тот момент, когда вслед за Кеem поднялась на часозвоню, в тот самый момент, когда впервые судьба столкнула их троих и убийцу.

«Я вас запомнил». С той минуты все и началось. Кей успел произнести три

насмешливых слова, а Хор успел взглядом принять этот вызов. Началась война, в которой он не собирался отсиживаться в безопасных местах. Хемена знала, что Адилунд всегда мечтала о счастливой семейной жизни, не стремилась к карьерным высотам и не мчалась впереди всех. Мальс Хор... Мальс Эссентессер был другим. И он, похоже, не собирался откладывать начатое, забывать о том, что произошло в часозвоне, и выбрасывать из своей жизни загадки Кея. И именно поэтому Хемена хотела его защитить.

Хоть в эту ночь и удалось поспать, но она чувствовала себя так, словно провела её не в кровати, а за какой-то тяжелой работой. Мысли не желали разгонять застоявшийся в голове туман. Кое-как вышло переключиться на теорию военной науки Крылатого Мира, однако Хемена понимала, что сегодня блистать не получится. Из-за внезапных событий, закруживших в своем вихре и не желающих опускаться на твердую землю, она перестала быть той примерной ученицей, какой её знали в Академии.

Месяц назад в центре жизни непоколебимо стояла грядущая карьера в армии, и Хемена этим гордилась, противопоставляя себя ровесницам, которые побаивались войны. А теперь... теперь изменились строгие рамки, которые построил отец при помощи учителей и за которые она заставляла себя не выходить, чувствуя себя, впрочем, вполне удовлетворенной. В четкие правила и цели влилось беспокойным ручьем желание нарушать устоявшиеся традиции, не оправдывать ожиданий, зато оправдывать опасения. И за все это следовало благодарить именно Мальса Хора. У них было мало встреч и серьезных разговоров. Но даже несколько фраз зацепились в памяти, порой забредая в мысли и напоминая о своем существовании.

Хемена помнила, как её потрясли спокойные слова Хора о том, что он мог бы не пойти в ученики к Эссентессеру и мог бы вообще убраться из Центра, если бы сильно того захотел. Она слушала это, открыв рот, и постепенно осознавала, что за границами уготованной ей судьбы есть жизнь, есть что-то привлекательное, куда можно нырнуть с головой. Куда хотелось нырнуть с головой. Хемена побаивалась этого своего стремления, однако чувствовала: если обучение в Военной Академии в конце концов зайдет в тупик, то придется вырваться из золоченой клетки. Правда, южная птичка могла не приспособиться к климату столицы, а привыкшая к обеспеченности девушка могла не справиться самостоятельно, однако она верила, что все получится. В крайнем случае, ей бы немного помог Хор.

В последние дни в Академии главной темой разговоров стал новоявленный Мальс Эссентессер: его на все лады обсуждали, чаще ругали, чем хвалили, а многие вообще задавались вопросом, откуда он взялся и с какой такой стати занял место ученика при Маршале. Возмущались многие. Ещё бы — они столько трудились, чтобы приблизиться к роли Эссентессера, а её взял и прихватил никому не известный паренек, который даже в Академии не обучался! Паренек из Центра Одаренных! Ричардели гадали, что это за феномен такой. Мало кто мог подумать, что человек, имея крупный талант, по своей воле может избрать отличающуюся от него стезю, потому ученики и удивлялись: да, учился в детстве на военного, но ведь не прошел способностями. А он не прошел своей честностью и стремлением к свободе. Тем самым стремлением к свободе, частичку которого Хор подарил Хемене.

Но сегодня разговоры в Академии шли другие. Пугающие. Одногоруппники сообщили Хемене, что дирижабль «Рассекающая», на котором отправился в Грозовой Мир Хор, вернулся в Квемеру. Потому что его капитан, адмирал воздушного флота Мэйл Иушнице Ричардель, был убит. Новость упавшей скалой пригвоздила к земле, заставив снова

вспомнить разговор с Кеем, свой выбор... Убийца не сидел сложа руки. Ещё одна смерть — и на этот раз уже никто не сомневался, что она носила криминальный характер. А что будет дальше? Что будет с Адилунд, с Хором, с ней самой?

Кей выполнил обещание. Новым центром круга стал Мальс Эссентессер.

Едва просидев занятия, во время которых она ещё дальше отошла от прежнего образа примерной ученицы, Хемена побежала в юго-восточный район Квемеры к воздушному порту, где приземлялись все дирижабли. «Рассекающая» находилась здесь, однако одинокая и безжизненная, лишь рядом стояли двое солдат, охраняя вход. Ах, да, место убийства... Она определенно опоздала, если хотела встретить здесь Хора, но смогла хотя бы узнать, где сейчас можно найти Байониса Эссентессера и его ученика.

Маршал с преемником находились в Главном Полицейском Управлении, где разбирались со всеми тонкостями произошедшего. Солдаты наотрез отказались говорить что-либо о погибшем адмирале, и Хемена отправилась в Управление, понимая, что её туда не пустят, но надеясь встретить Хора на выходе. Пусть и придется ждать долго. Ничего. Какая разница, проведет она эти волнительные часы на улице или в комнате своего общежития? Тем более что нынешняя тактика гарантировала встречу. Ученик Маршала имел немало хлопот и без своей подруги, он мог нескоро найти время, чтобы навестить её.

Главное Полицейское Управление находилась в пяти минутах ходьбы от часозвони, на которую Хемена уже не могла смотреть спокойно. Потому что в памяти моментально всплывали лица Хора и оскал Кея. Противники. Кто знает, вдруг слова убийцы ничего не значат, и роль «центра круга» не спасет Мальса, твердо идущего по следу, от смерти? Да, Кей обещал не трогать его, однако Хемена подозревала, что Маршал и его ученик рано или поздно приблизятся к таинственному преступнику настолько, что он же не сможет это игнорировать. Да и разве он кому-то обязан? Все эти слова насчет круга, центра, закономерностей — игра, насмешка, которую Кей может отбросить в сторону, если запахнет паленым.

Пятиэтажное здание Управления гордо высилось среди остальных домов. Его построили недавно, лет пятьдесят назад, поэтому все до сих пор выглядело, как новое, небольшая крепость посреди столицы. Совсем молодая, Квемера не имела стен, которые защищали бы её от врага. Небольшому городку в центре Облачного Мира это и не требовалось, а сейчас так тем более никто не угрожал внешним вторжением.

Сегодня возле Управления было достаточно многолюдно: видимо, сказывалось резонансное дело со смертью известного военного. Адмирал Иушнице обеспечил воздушному флоту несколько блестящих побед в последней войне, его называли героем, им гордились, его ставили в пример ученикам Академии. И вот теперь он погиб. Возможно, как раз из-за одной ученицы Академии. Ведь она, поставив центром круга Хора, сделала жертвами окружающих его людей, а адмирал попал именно в этот список.

Хемена спросила у дежуривших возле входа солдат о Маршале и получила четкий ответ: находится внутри, беспокоить его нельзя. Впрочем, она и не собиралась беспокоить погруженного в расследование Байониса Эссентессера.

— У вас какое-то дело к Маршалу? — прозвучал над ухом чей-то приятный баритон, правда, скучающе.

— Нет, у меня дело к его преемнику, — ответила Хемена, не совсем понимая, зачем это делает. Она могла посмотреть на осмелившегося заговорить незнакомца тем взглядом, каким осаживала одноклассников, однако сейчас говорить тянуло. Говорить — чтобы

заполнить пустоту неясности и тревоги. Чтобы отвлечься.

— В любом случае, это надолго, — усмехнулся незнакомец.

Ему было лет тридцать или даже чуть меньше. Чуть прищуренные ярко-синие глаза с интересом оглядывали Хемену, лицо выражало лишь приветливость, хотя в этом человеке чувствовалось нечто, отличающее его от простого прохожего. Несмотря на едва-едва причесанные волосы, щетину на щеках и подчеркнуто небрежные жесты, Хемена с определенностью могла сказать, что он более внимательный и серьезный человек, чем Эвальд.

— Прошу прощения, но с кем имею честь говорить? — церемонно, в духе этикета прошлых веков произнесла она.

— Толл Каэндра, — учтиво представился он. — Я был среди пассажиров «Рассекающей», однако ко мне вопросов у Маршала уже нет, зато вот к моему спутнику — хватает. И я вынужден ждать здесь. Думаю, мы проведем рядом по меньшей мере несколько часов. Дело серьезное. Они десять раз обговорят каждый факт, прежде чем отпустить свидетелей.

— Так что же произошло? — понизила голос Хемена.

— Отойдем, — шепнул Толл.

Они вместе прошли десяток шагов к углу здания, откуда хорошо просматривался вход. Ждали-то оба.

— Адмирала убили вытягиванием магии, — сразу же выложил суть Толл, едва рядом не осталось внимательных ушей. — Под подозрением половина пассажиров дирижабля, но я, к счастью, туда не вхожу. Простите, подробностей я вам все же выкладывать не буду. Во-первых, я их особо не знаю. А во-вторых, вы ещё не представились.

— Хемена Ричардель, — поспешно сказала она. — Простите, я забыла...

Толл коротко усмехнулся.

— Возле этого здания забывают о многом, в том числе и о вежливости, зато иногда вспоминают то, что вспоминать не следовало бы, — проговорил он быстро и негромко, словно бы самому себе, и перевел тему: — Вы хоть раз встречали адмирала?

Хемена покачала головой.

— Нет, с чего бы нам встречаться? Но я, конечно, не раз слышала о нем. Его маневр во время одной из крупнейших битв последней войны нам давался в качестве экзамена при отборе наследника Маршала. И, признаться, я тогда этот маневр разгадать не сумела, посчитала его, как и все остальные, просто неисправностью механизмов в дирижаблях. А правильно ответил только один человек, и вот его я теперь жду.

Она не понимала, почему так много болтает, открывая себя незнакомому человеку. Но напряженность последних дней требовала выхода, и Хемена молола языком, надеясь с помощью этого получить хоть какое-то успокоение.

— Увы, но я не силен в военном искусстве, — развел руками Толл.

— Ах, да, — кивнула она. — Каэндра — это же... — и замялась, осознав, что род занятий представителей этой фамилии внезапно вылетел из головы. — Это...

— О, мы занимаемся много чем, но чаще всего ведем бумаги, какие только можно, — снова усмехнулся Толл. — Работа хоть и непомерно важная, но неприметная и кажущаяся не такой уж значимой. Поверьте, мне приходилось встречать многих людей, которые забывали о занятии нашей семьи, поэтому я уже привык. Наверное, мы перестанем быть тенью, только если из нашей фамилии выйдет какой-нибудь знаменитый человек.

— Эссентессер? — предположила Хемена. — Но это уже не редкость, и о прошлых фамилиях правителей забывают ещё быстрее. Я, например, не знаю, как звали ранее Алексиса или преемника Магистра.

— Преемника Магистра, чье имя вы забыли вместе со старой фамилией? — подхватил с легкой язвительностью Толл. — Хоуэрс Эссентессер некогда был Аймалдэном. А Алексис — кажется, Аусхассеном, но тут уже я могу путать.

— Да-а, одного Эссентессерства мало, чтобы ваша семья прогремела на весь Объединенный Мир, — подвела итог этому пространному рассуждению Хемена, возвращаясь к теме. — Значит, нужно нечто большее. Особо знаменитый человек. Тот, кто перекует всю государственную систему и приведет страну к счастливому будущему.

— Мечты, мечты, — хмыкнул Толл. — Пока это маловероятно. Я не совсем представляю, куда перековывать эту несчастную систему, и большинство моих родственничков тоже понятия не имеет, как менять мир к лучшему. Увы.

— Впрочем, семья Мистераль тоже в ближайшее время не устроит великих преобразований, — вздохнула Хемена.

— Мистераль? — приподнял бровь собеседник — это у него вышло очень изящно. — Вы говорили, вы из Ричарделей. Пришлось поменять фамилию из-за рода занятий, верно?

Хемена кивнула без слов.

— А я — где родился, там и пригодился, — пожал плечами Каэндра. — Хотя переехать все же пришлось. Я родом из Серебряного Мира, но Квемера потребовала моего присутствия — и я отправился. Признаться, не жалею, поскольку этот город я люблю больше всех остальных, а мне довелось поездить по многим городам нашей прекрасной страны.

— И по многим Краям, да? — Хемену прекрасно устраивала эта болтовня ни о чем, правда, она порой забывала, что надо посматривать на вход, откуда мог показаться Хор. Впрочем, Толл, скорее всего, говорил правду: Маршал и его преемник выйдут из Управления далеко не скоро. Дело адмирала Иушнице требовало удвоенного внимания к каждой мелочи.

— Разумеется, по многим Краям, — кивнул Толл. — Я был в свое время в каждом из них. Чаще всего меня посылали в Крылатый, но и в Грозовой нередко. Только вот последняя поездка так неприятно оборвалась. Нашей полиции задали мудреную задачку. Убийство могли совершить четверо человек, и ни на одного из них нет ни оправданий, ни обвинений. Нам остается только надеяться, что преступник как-то себя выдаст.

— Вы же не собирались мне рассказывать подробности, разве нет? — расшалившееся настроение заставило вернуть эту недошпильку. Что ж, разговор с Толлом хорошо действовал на Хемену, раз она частично успокоилась. Однако мысли об этом моментальным скачком перешли на мысли о Кее, Хоре, Адилунд и выборе, и она помрачнела, снова прокручивая в голове одни и те же неприятные вещи.

— Я не собирался рассказывать подробности, поскольку не знал, кто передо мной, — зазвучал ненавязчивый голос Толла возле уха, и это хоть немного улучшило ситуацию. — Но теперь я вижу, что эта тема не для юной леди. Вам не стоит знать слишком много о столь мрачных вещах. Давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом.

— О чем? — глухо спросила Хемена. — О погоде? О цветочках?

— Передайте вашей сестре поздравления с возвращением в семью, — внезапно произнес Толл.

Несколько секунд она изумленно молчала, глядя на него и пытаясь понять, откуда ему это известно.

— С-спасибо, — наконец выдавила Хемена. — Однако кто вам сказал об этом? Я даже не уверена, что глава семьи знает об этом в красках, а вы... Я ни разу не видела вас рядом с Эвальдом или кем-то из нашей семьи.

— Занятие у меня такое — все знать, — усмешка Толла злой или неприятной не была. — Мы же уже об этом говорили. В руках Каэндра — бумаги, архивы, то есть информация, и это все бывает куда ценнее промышленности, которой заведуют Мистерали.

— Сведения об этом ещё не занесены на бумагу, — резко возразила Хемена. Ей нравился этот человек, однако границы личных секретов семьи Мистераль были неприкосновенны. С каких это пор такие новости столь быстро разлетаются по столице? Наверное, стоило спросить у Эвальда о Толле: кто знает, вдруг этот человек для них опасен.

— Я говорил об архивах в общем смысле, — снова пожал плечами собеседник. — Я имел в виду, что самое главное наше сокровище — это информация. И у нас хватает способов, чтобы добывать её. Я бы мог рассказать вам, откуда получаю информацию о вашей сестре, но, боюсь, перед этим Адилунд Мистераль должна сама кое-что рассказать вам о своей жизни в Квемере. До тех пор я не имею права пояснять вам свое знание.

— Вы... Вы встречались с Адилунд? — совсем тихо спросила Хемена.

— Нет. Но мне по долгу службы докладывали о её, скажем так, результатах. Остальное спрашивайте у вашей сестры. И если решитесь передать ей мои поздравления, то назовите меня, — он на секунду задумался, — человеком, который видит сквозь туман.

— К чему такие тайны и такие обороты? — Хемена нахмурилась. — Чего я не знаю об Адилунд?

— Многого, — с загадочной улыбкой развел руками Толл. — Как и она — о вас. О, в наше время каждый человек рьяно борется за право иметь свои секреты, которые никто никогда не сможет узнать. И почти каждый не менее рьяно борется за право залезть в чужие. Кто-то делает это из любопытства, кто-то — просто потому, что без этого не сможет выполнить свои задачи, а кто-то имеет профессией выуживание тайн, и с третьими людьми я бы вам встречаться не советовал.

— Зачем вы так темните? — все приятные ощущения от непринужденной беседы пропали, и Хемена даже начала побаиваться этого... открытого взгляда. Открытость Толла выглядела тревожнее, чем его милая вежливость, потому что внутри этого человека прятались не самые безобидные вещи.

— Я навожу туман и тень, потому что иначе не могу, — в его усмешке мелькнула легкая горечь. — Увы, но любой человек — заложник своей профессии. Род занятий дает преимущества, рост, порой даже славу, но требует строго выполнять правила. Вот я и выполняю.

— А я — не хочу выполнять! — неожиданно для самой себя выпалила Хемена. То, что росло, раскрывалось и колосилось внутри после нескольких невозмутимых фраз Хора, грозило выплеснуться на всех вокруг. Но выплеснуться не сейчас, а потом, сейчас же она замерла, испугавшись своего признания и даже глянув по сторонам — не услышал ли кто.

— Любопытно, — с интересом протянул Толл. — Вас не устраивает та линия, какую для вас проложили любящие родственники?

— Можно сказать и так, — уже тише, но не менее дерзко произнесла Хемена. Закрываться и прятаться было поздно, оставалось принять бой на тех позициях, на какие она и не думала попадать. А что, если это все правильно? Что, если все так и надо? Что, если встреча с Хором — ключ к счастливому будущему? Она не знала точно, но не могла не

попробовать. В конце концов, Адилунд тоже не осталась безвинной овечкой, попав в Квемеру, да и Эвальд определенно вертел что-то за спиной у отца, не оборачиваясь на традиции и правила.

— Я видел немало таких людей, — спокойно сказал Толл. А она-то готовилась к чему-то сокрушительному, чему требовалось противостоять... — И я сам к ним отношусь. Правда, я умудрился проявить немало неподчинения, не покидая при этом семью. Я давно уже не руководствуюсь в своих действиях словами старших Каэндра, но вы, кажется, желаете идти дальше? Или я ошибаюсь?

— Я... не знаю, — вдруг проявила честность Хемена. — Это зависит от того, насколько далеко я продвинусь среди Ричарделей. Если пойму, что результат не стоит усилий, то просто применю эти усилия в другом направлении.

— Смело, — оценил Толл. Месяц назад она не смогла бы сказать этих слов. Зато их с легкостью произносил Хор. — Вопрос лишь в том, станет ли для вас удачным новое направление.

— А это уже частности, — бесшабашно махнула рукой Хемена. — В конце концов, существует довольно много направлений, и рано или поздно я свое найду. Предполагается, что этим занимаются в Центре Одаренных, но там учитывают магические таланты, политическое положение и мнение родственников, так что там не могут предложить настоящей помощи в поиске жизненного пути. Впрочем, подобный поиск — личное дело каждого. Вмешиваться в него противоестественно.

— Тем не менее, люди занимаются этим «противоестественным» на протяжении всех двадцати веков, — заметил Толл.

— Увы, — вздохнула Хемена. — А ещё люди убивают друг друга на протяжении всех двадцати веков и не перестанут убивать, пока небо не обрушится на землю. В нас много противоестественного. С этим ничего не поделаешь.

Они на некоторое время замолчали. Нет, разговор не зашел в тупик, просто последние философские слова заставили обоих задуматься. Хемена смотрела на серьезного Толла и осознавала, что говорит о таких важных и личных вещах с человеком, которого впервые увидела полчаса назад. Да, на неё не очень-то хорошо влияло вызванное Кеем волнение. Кей. Хор. Адилунд. Все смешалось в жуткую кашу, и со всех сторон выскакивали злые секреты, ещё больше запутывавшие ситуацию. А ведь старые проблемы тоже никуда не делись... Хемене внезапно вспомнился Сольсетен, и стало совсем уж неприятно.

— Расспросите Мальса Эссентессера и Адилунд Мистераль об их совместном занятии, — внезапно посоветовал Толл, прерывая молчание. — Расспросите тщательнее, предупредив, что человек, который смотрит сквозь туман, может рассказать вам больше них. А когда вы достигнете согласия в этом вопросе, то мы сможем продолжить наш разговор. Запоминайте. Завтра в пять часов. Памятник Фэйну Эссентессеру. Прогуливайтесь рядом, а я подойду сам. Всего вам доброго, леди Хемена.

Он неторопливо отошел в сторону, оставив Хемену растерянно смотреть на пустое место, где только что находился удивительный и непонятный собеседник.

Как же все было сложно.

===== Глава 4. Запущенное =====

Мало-помалу мысли утихомирились, потекли по прежнему руслу, хотя Хемена понимала, что впоследствии они ещё не раз хлынут в другую сторону, заставляя её расшатывать привычные рамки. Но это — потом. И потом и придется решать, что же с ними

такими делать. Сейчас она поняла две вещи. Во-первых, встреча у памятника Фэйну Эссентессеру не состоится. Во-вторых, необходимо в первую очередь дожидаться Хора и обо всем ему рассказать, а потом уже разбираться с собой. Хемена вдруг осознала, что разговор с Толлом заставил её совершенно забыть про Кея и связанные с ним волнения. Сейчас это вспомнилось, но все равно уже не ощущалось таким важным. Случайный знакомец взял и перевернул все вверх ногами, не собираясь на этом останавливаться. Нет уж!

Хемена переминалась с ноги на ногу, поглядывая на двери. И взгляд то и дело норовил прыгнуть на Толла, который бродил возле них, ожидая своего друга. Она сердилась и заставляла себя смотреть куда-нибудь на плохо выметенную мостовую, на маленькую лужицу в нескольких шагах от неё, на чьи-то ноги, только не на этого странного человека. Но глаза не всегда слушали хозяйку. В конце концов в дверях показался невысокий смуглый мужчина, и они с Толлом, обменявшись несколькими репликами, зашагали к стоящему в отдалении темно-вишневому автомобилю. Затарахтел мотор, и человек-загадка вместе со своим спутником укатил, на прощание помахав новой знакомой рукой, что в очередной раз подогрело её злость.

Хемена демонстративно отвернулась и подождала, пока звук автомобиля растворится в шуме города. Только после этого снова вперила взгляд в двери, откуда в конце концов должен был выйти Хор. В голове, затеяя Кея и убийства, вертелся сплошной Толл и его слова о свободе. Ну почему она думала только о себе? Встреча с Кеем влияла на судьбы многих людей, и ей следовало волновать разум сильнее, чем странному знакомству и раскрывшимся возможностям жизни.

Из Управления вышел человек, чья походка показалась знакомой. Хемена пригляделась и узнала майора Тровена, который неторопливо направлялся прямо к ней.

— Добрый день. Я увидел вас в окно и подумал, что вы собираетесь что-то сообщить по нашему делу, — ровным тоном проговорил он, не став тратить время на предисловия и расшаркивания. — Я ошибся?

— Нет, вы не ошиблись, — медленно произнесла Хемена, чувствуя полную растерянность. — Я... Да, я хотела сказать, но сказать господину Маршалу.

— Мы вместе с Маршалом работаем над этим делом, — непререкаемым тоном заявил Тровен. — Не имеет разницы, кто из нас раньше узнает обо всем. Прошу вас. Здесь нас никто не подслушает.

Когда Хемена шла сюда, она собиралась рассказывать все Хору и только Хору. Чтобы видеть его лицо. Чтобы слышать его спокойные объяснения. Чтобы понимать все именно от него. Но сейчас это как-то перестало иметь значение.

— Да, я расскажу... Только можно и мне попросить вас рассказать об этом деле? — в голосе Хемены на несколько мгновений пробудилась робость. — Я... Я хочу знать, насколько это опасно.

— Смертельно опасно, — не стал тянуть с ответом майор. — У нас очень серьезный противник, и глупой ложью было бы заявлять, что все хорошо и он никого не сможет тронуть. В зоне риска все, кто так или иначе контактировал с преступником, однако в панику впадать не следует.

— Я и не впадаю, — тихо, совсем как Раль, произнесла Хемена. — Если что, я готова...

— Рассказывайте, — велел Тровен.

Беспокойный день подходил к концу, и Байонис отправил Мальса из Управления домой.

Вернее, в дом Маршалов, в комнаты, напротив которых располагались окна комнат погибшего Алексиса Эссентессера. Хорошо, что об этом не знала Раль: она начала бы сразу тревожиться, говорить про плохие приметы и все тому подобное, однако Хор в эти вещи не верил. Ему требовалось хоть как-то продвинуть расследование, и он использовал для этого любые мелочи, даже те, что давали только призрачный шанс приблизиться к Кею.

Раль. Адилунд Мистераль. Их дороги разошлись, возможно, так далеко, что сойтись уже не удастся. Если она вернулась в семью, то должна во всем подчиняться Рондеру Мистералю, а этого человека Мальс до сих пор подозревал. Да и с самого начала понимал, что союзниками им не стать, только противниками. С самого начала... Это начало случилось десять лет назад, когда помешанный на всех военных штуках мальчуган впервые узнал, что такое магия и что такое смерть. Тогда кончился Мальс Хорана и начался Мальс Хор, который сохранит эту насмешливую усеченную фамилию, даже если будет писать во всех документах другую, более важную, внушающую людям священный трепет.

Из столетия в столетие люди не перестают возмущаться: то, что нужно одному, принадлежит другому, который в этом не нуждается. Ах, обстоятельства. Ах, судьба. Через обстоятельства можно и нужно переступать, их следует кроить под себя, хоть и с оглядкой. Видя перед собой груду кирпичей, умный человек построит стену с дверью, которую запрет на ключ. А потом другие люди начнут туда ломиться и проклинать обстоятельства. И кто-то умный догадается сломать замок. В мире хватает условностей, а абсолюта не существует и не может существовать.

В отличие от нескольких десятков Ричарделей, Хор к роли преемника не стремился. Тем не менее, отказываться он не собирался, прекрасно понимая, что это положение можно использовать для своей выгоды множеством разных способов. Любая обстановка — материал. А уж что ты из нее слепишь, зависит только от тебя самого. Байониса Эссентессера впереди ожидало ещё немало сюрпризов.

Мальс шагал по серой мостовой, привычными короткими вдохами загоняя в легкие атмосферу города со всеми запахами мазута, дыма и сырости. Человеку, которым особо интересовался опасный серийный убийца, следовало вести себя более осторожно, но сейчас Хор, наоборот, хотел встречи с Кеем. Обещанной встречи, обещанного разговора, из которого можно было выцепить хоть что-то полезное. Байонис со своей проницательностью и накопленным опытом сумел бы узнать от убийцы больше, но право на контакт с последним досталось именно Мальсу. Что ж, он тоже немало мог. Это был его дебют, первый серьезный экзамен ученика Маршала, тот экзамен, какой давал больше всех тестов, опросов и письменных заданий, тот экзамен, который определял способности в сто крат лучше “специалистов” из Центра Одаренных. И Хор не собирался его проваливать.

Двухэтажный дом, одним боком практически прилегавший к особняку Герцогов, а другим — к жилищу Регентов, находился в пятнадцати минутах ходьбы от здания правительства. Четыре здания, где жили, вернее, официально располагались Эссентессеры, стояли аккуратным квадратом с роскошным внутренним двором посередине. Первые правители имели неплохое чувство юмора: разместили всех рядом друг с другом, ограничив возможность секретничать. Немудрено, что каждый из носителей гремящей фамилии подбирал себе дополнительное жилье где-то в другом районе, но одни приходили туда раз в месяц, мечтая об одиночестве на несколько часов, а другие практически не появлялись в официальном особняке. К последним наверняка относились и Хоуэрс, и Алексис Эссентессеры. Мальс пока намеревался заявить себя на редкость добросовестным учеником

и лишь потом разойтись по полной программе.

Каждый из четырех особняков имел по три входа: два парадных, внешний и внутренний, и один черный, использовавшийся прислугой. Её в доме Маршала было не так уж и много: Байонис предпочитал обходиться без излишеств, да и его разъезды по всему Объединенному Миру давно стали нормой, поэтому большого штата здесь не держали. Две горничных, повар с помощницей и садовник. Внутренний сад традиционно делился на четыре части, и каждая соперничала друг с другом по красоте. Байонис участвовал в этом соревновании менее ретиво, чем остальные, поэтому садовник был только один. Обо всем этом Маршал успел рассказать ученику вчера вечером, заранее готовя его ко всем нюансам жизни в Эссентессерских куцах.

Вот впереди показался выкрашенный в золотой угол “правительского квадрата”. Да, цветов здесь тоже имелось четыре, и они соответствовали национальным цветам каждого из регионов-Миров. Золотой, белый, бирюзовый и спокойный красный, почти что розовый, который сочли наиболее достойным для Маршала. При мысли об этом вспомнилась алая форма Мэйла Иушнице. Оставалось только надеяться, что в этом углу “правительского квадрата” не случится переизбытка красного. Переизбытка крови. Переизбытка смерти.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Алексис Эссентессер погиб не здесь, а в неофициальном жилье, куда, кроме него, фактически никто не заходил. Наследнику Регента нравилось вести тихую жизнь юного поэта и приходить на те вечера, где его положение не затрагивалось ни единым словом. Они с Эвальдом Мистералем прекрасно спелись, пока кинжал Кея не оборвал многообещающую мелодию.

А ведь Алексис писал действительно красивые стихи... Белокурый юноша с излишне восторженным взглядом. Воспринимать его серьезно было ещё сложнее, чем вечно улыбающегося Эвальда. Регент — единственная роль в правительстве, не требующая серьезнейших навыков и понимания политики. Удел Регента — это магия, в которой не существует всей сложности человеческих взаимоотношений, но которая обладает тысячей оттенков и требует ответственности, быстроты реакции, прекрасной интуиции.

Ориаса Эссентессер, занимающая этот пост, на нем блистала, считаясь одной из лучших за последнее столетие, однако при всей погруженности в службу Объединенному Миру мало обращала внимания на своего ученика, давая ему лишь то, что требовалось, не желая расширять горизонты. Как говорил Байонис, для этой дамы существовало лишь её собственное служение, а остальное имело чрезвычайно малую значимость. Неудивительно, что Алексис так не был похож на Эссентессера. И все же убили именно его. Почему? Это следовало выяснять у Кея, и Хор даже представлял, каким именно образом он намекнет на печальную кончину преемника Регента. За все время, прошедшее с момента получения письма, Мальс успел провернуть в голове немало намеков, чтобы пустить их в ход не задумываясь, чтобы это выглядело как можно более естественно, чтобы у Кея возникло желание насмешливо ответить, прежде чем сработает осторожность.

Внешний парадный вход был приветливо открыт, однако Хор знал, что защитная магия пускает только хозяев и слуг. Остальные наткнулись бы на невидимую преграду и ждали бы позволения войти. Впрочем, некоторые умельцы вроде нынешнего противника могли и уничтожить все средства защиты своей сильной энергией. Мальс подозревал, что их с Кеем разговор произойдет именно в “правительском квадрате”. Во-первых, проникновение сюда было поводом для гордости преуспевшему в незаконных делах убийце, а во-вторых, здесь

находилось не так уж много людей, что означало малый риск вмешательства в беседу. Окна в комнате нового преемника Маршала выходили не только на окна особняка Регентов, но и на улицу: при желании Кей мог бы прыгнуть с первого этажа, сломав защитные системы, и довольно быстро затеряться в толпе. Ищи его потом...

Все эти соображения Хор высказал Байонису, и тот согласился с ними и велел установить максимально скрытное наблюдение за “квадратом”. Впрочем, эта мера вряд ли была полезной, поскольку Кей, идя на разговор, показал бы высший уровень маскировки, осознавая, что ждет его в случае малейшей ошибки. Преступник наверняка понимал серьезность идущей игры и тем не менее оставлял её именно игрой, хвастаясь, насмехаясь, якобы играя в поддавки с противниками. Хор очень надеялся, что в реальности это “якобы” выпадет из предложения, но Кей не перестанет считать, что оно там есть.

Парадный вход вел к широкой лестнице, на которой был постелен ярко-зеленого цвета ковер с разноцветными узорами. Лет пятьдесят назад один из Маршалов поигрался с планировкой здания, и теперь на первый этаж красивый вход существовал только со внутреннего двора, а со внешнего все направлялись на второй, наиболее обитаемый. Практичный Байонис проделал под лестницей дополнительную дверь, выглядевшую, впрочем, не слишком эстетично. Мальс прошел именно через неё, направляясь к своим комнатам, которые располагались в угловой части, соседствующей с домом Регентов. В распоряжении преемника Маршала находились спальня, ванная комната, кабинет и небольшая библиотека. Также у него имелось разрешение при необходимости забираться на второй этаж, в личную библиотеку Байониса, несказанно радовавшую своими габаритами.

В коридоре за низкой дверью на первый этаж красовался такой же ковер, как и на лестнице, делавший шаги бесшумными. Поэтому Мальс передвигался по дому тихо, но и любой гость, в том числе и нежданный, мог рассчитывать на тишину своего присутствия. Хор зашел в спальню, куда сегодня утром перенесли его вещи, задумчиво оглядел скудную обстановку, самолично развесил скромный набор одежды в шкафу и после этого прошествовал в кабинет.

Признаться честно, он не ждал визита так скоро.

Кей, с легкой улыбкой поигрывая серебряными часами на цепочке, ждал Мальса Эссентессера и выглядел так, словно всегда здесь жил, а не появился незаконным образом полчаса назад.

— Добрый вечер, — очень учтиво поздоровался убийца. Выглядел он лет на тридцать максимум. Восточного типа лицо с узковатыми глазами, однако очень бледное, с выделяющимися темными губами. Одежда оригинальностью не отличалась: простая черная жилетка, брюки и рубашка с расстегнутым воротом, под которым виднелась серебряная цепочка.

— Добрый вечер, — непринужденно отозвался Хор, словно начинал светскую беседу с малознакомым человеком. Он постарался запомнить детали внешности Кея, хоть и понимал, что это — иллюзия, которая не даст ключа к пониманию.

— Я люблю держать слово, — порадовал неуловимый преступник. — Кроме того, меня необычайно интересует ваше решение, поскольку оно определяет, в каком направлении мне двигаться дальше. Я заранее благодарю вас за участие в этом. Вы в любом случае окажете мне помощь.

— Я отказываюсь, — произнес Хор с тщательно выписанным равнодушием. — Я предоставляю право решать вам.

— Это честь для меня, — насмешливо поклонился Кей. — В благодарность за такое доверие я вам не стану говорить о своем итоговом выборе — в конце концов вы прекрасно увидите это, когда мой план обретет реальные очертания, а круг станет действительно кругом. Вы, Хор, знак судьбы для меня.

— За это стоит благодарить безвременно почившего Мэшмета Зорренда, — пожал плечами Мальс.

— Нет, — вкрадчиво шепнул Кей. — Зорренд — марионетка. За все стоит благодарить судьбу, а господин предсказатель свою награду получил. Ниточки я ему оборвал.

— В таком случае мы все — марионетки судьбы, — заметил Мальс с нарочитой неспешностью, настраивая собеседника на медленный содержательный разговор. Хотя бы о смысле жизни, воззрении и формулировках сложных общеизвестных понятий.

— Безусловно, — подхватил Кей чуть ли не с восхищением. Он стоял возле самого окна, он мог не бояться затянутости беседы. — Но некоторые уныло дергаются в такт звучащей музыке, а другие скользят среди остальных благодаря тому искусству ведения нитей, какое применяет в их жизни судьба. Мы, Хор, — всего лишь кукольный спектакль, однако кукольные спектакли — это красиво, и в них хватает и драмы, и комедии. Жаль, что вы, в отличие от вашей подруги, так и не посетили театр, приехавший сюда из Грозового Мира: там было и несколько мастеров марионеток.

— Я бы очень хотел его посетить, — почти что беззаботно произнес Мальс. — Однако меня загрузили дела, особенно те, что связаны с вами. И поскольку я ещё не скоро выберусь из них, то позвольте раньше времени поинтересоваться: как вы нашли дракона Адилунд Мистераль?

— О, тайны, тайны, — усмехнулся Кей. — У каждого свое. А я знаю их все и жонглирую ими, то выступая вперед сам, то сталкивая лбом нескольких людей, полностью уверенных в том, что им удалось сохранить секреты. Дракон должен был провести у Эссабины ещё несколько лет, однако я ускорил события, воспользовавшись приездом театра в Квемеру.

— Должен был провести? — двинул бровью Хор. — Кто-то имел на него вполне осязаемые планы? И не этот ли человек в свое время поймал его и спрятал от истинной хозяйки?

— Верно мыслите, — в ухмылке Кея было одобрение, от которого сводило скулы. — Однако большего я вам не скажу. Либо вы сами вытрясете из этого человека его тайны, либо прочитаете их в моем письме, если я решу, чтобы посмертное письмо написал именно он. Да, кстати, какой из двух вариантов вам нравится больше?

— Не могу сказать, — отрезал Мальс. — Поскольку не представляю, что это за персона, ведущая игры с Адилунд Мистераль.

— С Адилунд Раль, — неожиданно поправил его Кей. — Раль. Она не в семье, она осталась собой, как и вы.

Хор прищурился.

— А вам не кажется, что это не вам определять?

— А вам не кажется, что вам пойдет красное? — очень весомым аргументом ответил Кей. — Знаете ли, я черчу свой круг не просто так: каждый, скажем так, пункт в нем не появился бы без строгих причин.

— Проще говоря, вы не убили бы никого из пустой прихоти, — перевел Мальс эту фразу с языка символов на человеческий.

— Да, именно так, — не стал отрицать жесткость формулировок загадочный преступник. — В вашем случае причиной стала бы излишняя наглость. Вы сами стремитесь решать то, что решать не имеете права.

— О, в таком случае для каждого человека можно придумать подобный повод, — усмехнулся Хор, проявляя эту самую наглость. — И говорите потом, что вы не убиваете из пустой прихоти. Ерунда. В таком положении, в каком находитесь вы, уже нет смысла искать серьезную причину, поскольку некоторые незаконные и аморальные действия становятся неотъемлемой частью жизни. Серьезная причина — оправдание для того зачатка совести, какой дается каждому человеку при рождении и довольно быстро отмирает у таких, как вы. Вы убиваете уже просто потому, что убиваете.

— Ложь, — презрительно бросил Кей. — Я не маньяк, который в исступлении бросается на первую попавшуюся жертву. Все, кто погиб от моей руки, это заслужили.

— И даже Алексис Эссентессер? — с деланным изумлением поинтересовался Мальс.

— Он был предателем, — выражение лица Кея позволяло понять: он говорит со всей серьезностью. — За остальным обращайтесь к его семейству и семейству вашей сестры, но за смерть этого человека Регенту вообще следовало меня поблагодарить.

— А в случае с Мэшметом Зоррендом вам просто не понравилось, как судьба держит его нити? — продолжал провоцировать Хор.

— Именно. Старик зажился со своим даром. Вы думаете, что его видения были знаком для вас, чтобы вы узнали хоть что-то обо мне, а на самом деле это был знак для меня, чтобы я сократил последние дни Мэшмета Зорренда. Судьба действует во все направления. Она решила, что больше не станет ничего открывать этому человеку, и попросила меня это устроить. Я устроил.

— А Синди Хассен?

— А это допрос? — не пожелал следовать линии, намечаемой другим человеком, Кей. — Синди вляпалась по собственной глупости.

— А её тело лишилось пары органов тоже по собственной глупости? — время изящных намеков осталось далеко позади: собеседник признавал открытый обмен ударами, и именно его Мальс и вел.

— Можно сказать и так, — хохотнул Кей. — В любом случае, ей эти органы уже были без надобности. И я вам не советую спрашивать, для чего они потребовались мне, иначе вполне возможно, что следующей ночью я примусь разделять именно ваш труп.

— Польщен подобным вниманием с вашей стороны, — не моргнув глазом, ответил Хор. Если б Раль слышала этот разговор, она упала бы в обморок. — Выходит, следующей ночью нам надо ждать нового объекта для исследований?

— Вам. И мне. В первую очередь мне, затем уже вам. Важнее вам, чем мне, но гораздо более интересно и приятно мне, чем вам, — Кей откровенно веселился, жонглируя словами, как чужими тайнами и людскими жизнями. — Может, мне и не следовало этого вам говорить, но какая, впрочем уж, разница? Вам все равно против меня ничего не сделать.

— Позвольте, я все же запишу, вдруг поможет, — решил в свою очередь поиздеваться и Мальс. Он неторопливо прошел к столу, взял лист бумаги, окунул перо в чернильницу и, указав дату вплоть до года, начертил каллиграфическим почерком: “Возможное предотвращение убийства”.

За спиной раздался шорох, и сильные пальцы, выхватив у него перо, добавили к слову “возможное” приставку “не”. Хору удалось даже не вздрогнуть при этом. Кей улыбнулся.

— Не переоценивайте себя, это плохо кончится.

— Я могу сказать то же и о вас, — сохранил верность наглости Мальс.

— О нет, о нет, — рассмеялся Кей, снова занимая позицию возле окна. — Я справедливо оцениваю свои возможности, потому что я их знаю, а вы — нет.

— Тогда я тоже справедливо оцениваю свои возможности, поскольку не знаю ваших, и ваш совет не имеет смысла, — безразлично пожал плечами Хор, кладя небрежно брошенное собеседником перо на место.

Кей восхищенно присвистнул.

— Вы знаете, я вас все же убью. Но после того, как у вас родится сын, поскольку подобный талант пропадать не должен.

— Благодарю за комплимент, — Мальс позволил и себе усмешку. — Однако мне кажется, что вам захочется это сделать раньше.

— Вот как? — Кей сверкнул глазами. — В таком случае — до встречи! И все же хочу дать совет: не ищите среди Аймалдэнов, ищите рядом, я этой семье не принадлежу.

И, легким жестом распахнув окно, выпрыгнул прямо на шумящую улицу. Да, похоже, он не так уж заботился о конспирации, раз решился на подходящий лишь к экстремально ситуации метод сейчас, когда все ещё было относительно безопасно.

Мальс вздохнул и, развернув кресло, сел на него так, чтобы видеть окно. В “Рассекающей” он садился точно так же, любуясь пейзажами и одновременно выясняя все чрезвычайно важные вещи. Привычка начала образовываться, что ли?

Разговор закончился, хоть и весьма неожиданно: в последние секунды Хор рассчитывал на более длительный обмен выпадами. Сейчас он мог успокоиться, попытаться сбросить нервное напряжение, вызванное столь милой беседой, утихомирить боевое настроение и начать анализировать все полученные данные. Перво-наперво, грядущее убийство. Которое, как считал Кей, предотвратить невозможно. Этот факт Мальс ещё собирался оспорить. По крайней мере, ситуация позволяла проверить некоторые подозрения, ведь за всеми людьми, путешествовавшими в ту не очень приятную ночь на дирижабле, очень внимательно наблюдала полиция.

Вторым в списке итогов разговора шло выяснение некоторых мотивов убийств. Алексиса Кей назвал предателем — вряд ли это означало, что он был изменником родины. Скорее, изменником любимейшей государственной системы или же просто семьи. Или даже Регента. Кто знает... Возможно, Ориаса, углубившись в свои обязанности, не заметила обиды ученика, постепенно вылившейся в нечто более серьезное, угрожавшее Регенту. Информация про Синди звучала довольно странно, хотя Мальс допускал, что Кей действительно не желал этого. Он мог просто дать неисправный блокиратор, не имея откровенного желания убивать. Однако его вину это не отменяло. С Зоррендом все было ясно с самого начала, а про Иушнице они даже не заговорили, оба прекрасно все понимая.

Кроме всего, что имело вес для расследования и Объединенного Мира, Хору удалось узнать то, что относилось к самому близкому для него человеку в Квемере. Может быть, самому близкому человеку вообще. С семьей Хорана он расстался, и разве что мать поминала непутевого сына в своих молитвах небу, надеясь, что из него выйдет что-то достойное. Отец занимал высокий пост в Грозовом Мире, неплохо знал Рондера Мистерала, и это уже было причиной не надеяться на его привязанность. Ну а брат... Брат плохо знал Мальса, они слишком рано отделились друг от друга обучением. Теперь Ровиас стал наследником семьи, и Хор думал, что когда-нибудь они встретятся по должностным

обязанностям, но просто из теплых отношений... Увы. Их семья считалась образцовой. Все служили стране. Никто не лил слезы ночи напролет, когда выяснялось, что ради этой службы надо расстаться со своим ребенком или братом. И Мальса настраивали на то, что не следует привязываться к детям, которых дорога обучения может увести куда угодно, очень далеко от отчего дома.

Хор ещё раз внимательно пересмотрел в памяти разговор с Кеем. Могла оказаться важной любая зацепка, любая интонация... Убийца особо акцентировал внимание на Раль — при том, что о собеседнике он высказывался преимущественно потому, что оценивал его наглость, а про Хемин вообще не сказал ни слова, хотя она участвовала во всей мути с перестановкой центра круга. Значило ли это, что его пристальный интерес к Раль в конце концов приведет к печальному исходу для нее? Мальсу хотелось верить, что это не так. При мысли о том, что смерть может настичь девочку в тот самый момент, когда она вернулась к семье и почувствовала свое счастье, становилось невыносимо тоскливо.

Байонис вернулся ещё через два часа: об этом возвестил его сильный голос в коридоре. Маршал что-то объяснял горничной, а та в ответ едва слышно лепетала. Да, учитель умел впечатлять людей, даже если те знали его достаточно долго.

— Ты выглядишь встрепанным воробьем, — произнес Байонис, едва шагнув за порог кабинета, из которого Хор так и не ушел. — Что случилось? Гость все же явился?

— А что говорят ваши прозвнатчики? — устало спросил Мальс.

— А они ничего не успели увидеть, — только развел руками Маршал. — Впрочем, я так и думал. Что удалось узнать?

Хор без слов пододвинул к нему листок, на котором из вредности записал про возможное убийство. Отчего-то при виде Маршала он почувствовал себя разбитым и неспособным долго обсуждать все произошедшее, анализировать, делать выводы, сравнивать, спорить, а ведь в последнее время у них с учителем без споров не обходилось. Хор понял, что разговор с Кеем его все же вымотал, вымотал серьезно, но признаваться в этом не тянуло совершенно.

— Это единственная добыча? — не намеревался медлить Байонис. — О чем вы говорили?

— Он убил Алексиса Эссентессера, потому что считал его предателем — это раз, — загнул палец Мальс. — Синди, по его словам, во всем виновата сама — это два. Он знает кучу всего — это три, и это мне совершенно не нравится.

— Кучу? — общих слов Маршал не терпел, ему требовались подробности, причем чем скорее, тем лучше. — Что именно Кей знает?

— Например, ему известна вся картина с возвращением дара Раль, — не стал утаивать Хор. — А мне, увы, нет. Наглость имеет пределы, причем с обеих сторон. Он перестал из издевательства рассказывать мне красивые истории, я не решился спрашивать дальше, потому что меня просто щелкнули бы по носу.

— Что ещё? Можешь пересказать мне примерное течение вашего разговора?

Мальс понял, что давно не высypался, но это осознание ничем не помогло. Даже наоборот. Изю всех сил стараясь выглядеть бодрым и полным сил, он неторопливо начал говорить, одновременно роясь в памяти, чтобы чего не перепутать.

— Сначала речь шла о центре круга. Он сказал, что сделает выбор сам, но делиться им отказался. Я прямым текстом спросил про дракона Раль, и Кей расплывчато ответил, из чего я сделал вывод, что он знает всю эту историю и кроме того пристально наблюдает за моей

бывшей одногруппницей. После этого мы заговорили о мотивах убийств и о судьбе. Кей говорил, что всеми играет судьба, кем-то — лучше, кем-то — хуже. И ещё заявил, что именно она повелела ему убить Мэшмета Зорренда. Я не берусь судить о столь спорных понятиях, но то, что наш противник возомнил себя кем-то вроде бога, сомнений не вызывает. После этого Кей заявил, что этой ночью произойдет новое убийство, а я записал это. Он выпрыгнул в окно. Это все.

— Выпрыгнул в окно? — Байониса тоже удивила подобная нерациональность. — И никто не стал кричать, никто не посчитал его вором?

— Скорее его посчитали чокнутым Эссентессером, — вставил шпильку Хор, вспоминая беседу с Хоуэрсом. — А если говорить серьезно, то невидимостью он наверняка владеет. Если кто и успел заметить что-то странное, то решил, что показалось: все же считают, что сюда проникнуть вору невозможно.

— Вообще-то действительно невозможно, — серьезно сказал Маршал. — Для вора с средним уровнем магии. У Кея — высокий, очень высокий. Я не удивлюсь, если когда-нибудь проснусь в ярко-красной одежде. Впрочем, мне-то как раз умирать и нельзя: если ещё Фаркасса после всех скандалов сердце подведет, то на кого мы страну оставим? На вас с Хоуэрсом? Да вы разнесете весь мир по кусочкам, собирай потом.

Мальс неопределенно пожал плечами. Лично он разрушать не собирался, только менять, но одно могло сопутствовать другому.

— Хотя, — тон Байониса оставался серьезным, — может быть, миру как раз и надо, чтобы его кто-нибудь разобрал по отдельным кусочкам. Может, ему так жить станет легче. Это тема не для нынешнего времени, но когда-нибудь мы с тобой её обсудим.

— И вы ещё боитесь нашей с Хоуэрсом деятельности? — хмыкнул Мальс. Говорить об этом сейчас было легче, чем о Кее и его вывертах. — Да вы сами скорее станете главной причиной мировой катастрофы, чем это попытаемся сделать мы.

— Может быть, — не стал отрицать Маршал. — Все может быть. Итак, тебе нечего больше добавить по прошедшему разговору?

Хор качнул головой.

— Увы, нечего. Но у меня есть что сказать насчет наших дальнейших действий. Мы не знаем, куда ударит Кей, зато мы можем проверить сразу всех подозреваемых.

— Пустить за ними наблюдение? — Байонис нахмурился. — Но никто не заметил визита преступника в мой, — он выделил это слово, — дом, почему бы тогда полицейским не прошляпить и передвижения подозреваемых?

— У меня есть другая идея, — Хору уже меньше хотелось спать: голова работала, придумывая новые планы, стремясь ускорить дело. — Всю эту ночь рядом с каждым из пассажиров “Рассекающей” проведет полицейский или человек, которому вы доверяете. Все подозреваемые знают, что их подозревают, и почти все внешне исполнены готовности доказать свою невиновность. Значит, мы спокойно можем предложить им эту сделку. Неусыпный контроль в течение всей ночи — а наутро мы либо увидим, что все они невиновны, либо ничего не увидим, и это не станет доказательством, но укрепит некоторые теории. Правда, Кей мог действовать не один... Но это вряд ли. Такой человек точно не станет подчиняться никому, а кто захочет подчиняться ему? Такой человек может лишь заключить сделку, выгодную обоим сторонам, и ей следовать, — не смог не прибавить Мальс, заметив, как потускнело лицо Байониса, оживленное было выслушанной идеей.

Внезапная догадка кольнула мозг. Странно, что Хор раньше не подумал об этом, а ведь

вопрос был серьезный.

— Послушайте, — он нахмурился. — К Хемене Ричардель приходил Кей, верно?

Маршал кивнул с легким непониманием на лице.

— Но он делал это как раз в то время, когда “Рассекающая” находилась далеко от Квемеры, — озвучил Мальс то, что вгрызлось сомнениями в имеющуюся версию об одном убийце.

— Он делал это как раз в то время, когда “Рассекающая” находилась недалеко от Квемеры, — невозмутимо ответил Байонис. — Ты тогда лежал в отключке, все остальные ждали, а некоторые, не желая тратить время, доехали до Квемеры и сделали там какие-то дела.

— Кто именно? — подался вперед Мальс. Это же ключ, настоящий ключ, как они могли его упустить?

— Виррен Аймалдэн, Толл Каэндра и Лейнор Зорренд. — Определенности, разумеется это не дало, но хоть что-то... И Кей Аймалдэн в список не попал. — Бьюкенен хотел поехать, но дядя его не пустил, — подтвердил его мысли Байонис.

— Почему вы не говорили об этом с Тровеном? — изумился Хор.

— Потому что визит Кея к Хемене дает слишком расплывчатые аргументы, — развел руками Маршал. — Убийства — одно дело, на них просто так не решишься. Но прийти к Хемене и говорить ей о центре круга мог и другой человек, не готовый, возможно, переходить от слов к действию.

— Это слишком странно звучит, — возразил Мальс. — Мне кажется более вероятным, что Лейнор или Виррен, удачно заехав в столицу, устроили это дело.

— А я думал, ты примешь мой аргумент, чтобы можно было снова обвинять Кея Аймалдэна, — усмехнулся Байонис. — Кстати, почему ты не внес в свой список Толла?

— Мы уже посчитали его невиновным, разве нет? — Хор все меньше и меньше понимал учителя. — Те, кто бродит в тени, не любят совершать ярких убийств, это одно из правил, если вы ещё его не слышали от своих чудесных знакомых.

— О да, я слышал, — Маршал кивнул, отчего-то загадочно улыбаясь. — Тем не менее, Толл Каэндра — личность в некоторой степени выдающаяся даже среди столь выдающейся группы людей, как теневики. Я пока не стал сбрасывать со счетов Толла, хотя и подозреваю его меньше, чем всех прочих.

— Стоп, — Мальс вдруг понял, к чему он клонит. — Вы думаете, что он не совершал убийств, но приехал в столицу ради того, чтобы навестить Хемин?

Байонис с одобрением кивнул.

— Это больше походит на правду. Видишь ли, Толл Каэндра — это человек, который любит говорить, очень много говорить, но, как сообщил Ферчазейро, непосредственно делами он не занимается, специализируясь на бумагах. Его мало знают даже те, с кем вместе он бродит в тени.

— А Ферчазейро? Его вы не подозреваете? И почему вы не обсуждали это все с майором Тровеном?

— На последний вопрос найди ответ сам, в конце концов, ты же ученик Маршала, — Байонис аккуратно выделил последнее слово, и все стало ясно. Говорить при майоре о близких связях с теневиками было не самой лучшей идеей. — Что же касается Ферчазейро, то контакты к нему как к “туманнику” мы протянули давно, и я, и Мэйл, и мы — союзники. Выгодные друг другу. Такой человек не организовал бы подобным образом убийство, а вот

Толл — темная лошадка. Вдобавок ко всему, именно он стал инициатором поездки, буквально вытащив Ферчазейро на неё. Это заставляет задуматься. И ещё Толл вчера подошел к Хемене Ричардель и о чем-то долго с ней говорил, а когда кончил, то дама выглядела свалившейся с неба.

— Мне надо встретиться с Хемин, — решительно произнес Мальс. — И расспросить её сначала о разговоре с Кеем, а потом — о разговоре с нашим, кхем, попутчиком. Значит, вы предполагаете, что за все пафосные речи отвечает Толл Каэндра? Но не думаете же вы, что сегодня со мной говорил он?

— Не думаю, — Маршал, кажется, слегка заскучал, потому что вспомнил о том, что удобнее разговаривать сидя, и опустил на стул, как если бы Мальс принимал его у себя в кабинете. — В конце концов, реально создать одну иллюзию двум разным людям. Да, переговорить с леди Хеменой было бы очень хорошо, поскольку так ты мог бы сравнить два стиля речи и поведения Кея и сделать выводы. Но я считаю, что скорее всего леди Хемену пугал именно Толл.

— А убивал другой человек?

— А убивал другой человек, — подтвердил Байонис. — Не берусь сказать, кто именно, но, думаю, кто-то из пассажиров-Аймалдэнов.

Мальс десять раз проклял свое размякшее состояние после разговора с Кеем: про одну из самых важных вещей-то он и забыл! И теперь поспешил сообщить о ней:

— Не могу точно сказать, правда это или попытка увести нас по ложному следу, но перед своим красивым выходом в окно Кей дал совет не искать среди Аймалдэнов. А искать рядом с ними — человека, который в их семью не входит.

— Не входит, но обладает даром лекаря? — мигом встрепенулся Байонис, почувствовав в этой информации серьезную зацепку. — Выходит... внебрачный сын или перешедший в другую семью наследник? Второй вариант маловероятен, ведь у нашего оппонента дар довольно силен, а в таком случае ребенка бы не перевели по профилю. Внебрачный сын выглядит логичнее.

— Но... — Хор запутался в его суждениях. — Откуда внебрачный сын Аймалдэнов среди пассажиров “Рассекающей”? Мы же отмели всех матросов, а прочие люди имели вполне определенную фамилию, а значит, и вполне определенный дар. Даже если бы они родились вне брака, то перешли бы по профилю туда, куда следует. Или вы собираетесь подозревать самого непонятного человека в этой компании? Хотит валить все на Толла Каэндра?

— Точно так же, как ты хочешь валить все на Кея Аймалдэна, — невозмутимо отозвался Маршал. Кажется, он собрался припоминать это ученику до скончания дней. Своих или ученика, и кто знает, какое из окончаний наступит раньше.

— Уже не хочу, — обиделся Мальс. — Вернее, хочу, но не так сильно как раньше. — В этот момент у него блеснула идея. — Послушайте, а давайте эту ночь рядом с Бьюкененом проведу я? Вместо полицейского.

— Куд-да, куда с места в карьер? — неодобрительно покачал головой Байонис. — Мы же ещё не приняли этот вариант действий.

— Не приняли — так примем, — Хор не сомневался, что лучшего предложить не удастся. — В конце концов, тот же Бьюкенен на допросах заявлял, что готов по мере сил сотрудничать со следствием.

— Ключевое место здесь — “по мере сил”. И это он заявлял тогда, а сейчас все уже

могло поменяться.

— И что же именно поменялось? — слегка наморщил лоб Мальс.

Байонис ухмыльнулся.

— В тот день Бьюкенен Аймалдэн выспался. А теперь представь, что он после всех дежурств вынужден провести целую ночь рядом с малознакомым человеком, чтобы утром отправиться лечить людей, причем с него будут спрашивать по полной, вне зависимости от того, помогал он следствию или нет.

— А с меня будут спрашивать по полной в плане расследования, но обо мне никто почему-то не думает, — снова обиделся Хор.

— А ты когда-нибудь проводил полную смену в госпитале, отдавая приличное количество своей энергии малознакомым людям? — Байонис стал серьезным. — Это выматывает похлеще любого физического труда. Все ответственные лекари, с которыми мне приходилось сталкиваться, предпочитали поспать лишней часик, чтобы потом быть готовыми отдать больше. То же самое и с Бьюкененом. Бессонная ночь вымотает ему силы.

— Да кто вообще сказал, что у него ночь бессонная-то выйдет? — взмахнул ресницами Мальс. — Это мне надо за ним следить, а милый Кей сможет мирно спать в своей кроватке.

— А потом начнешь дремать и ты, — закончил эту идиллическую картину Байонис. — Либо ты сам захочешь прикорнуть в уголке, либо постарайся себя чем-то отвлечь, но при этом обязательно помешаешь Бьюкенену спать.

— Ну ладно, помешаю — и что? Зато мы продвинемся в расследовании.

— Я не возражал против того, что это поможет продвинуться, — наставительно заметил Маршал. — Все это я говорил для того, чтобы ты понял: не все люди готовы с одного зова мчаться помогать тебе ради общего блага. Если б я не возглавлял расследование, у тебя могли бы возникнуть трудности. А вдруг Кей Аймалдэн отказался бы, чтобы больше отдать своим пациентам? Ты не смог бы его заставить без веских причин, а у тебя в арсенале одни только подозрения, зато вот приказ Маршала может решить эту проблему.

— Это был урок, да? — хмыкнул Мальс. — Простите, я регулярно забываю, что вы должны меня учить.

— Зато я не забываю никогда, — заверил его Маршал с усмешкой. — Потому что ты, даже когда пытаешься вести себя уверенно, выглядишь нахальным мальчишкой, который старается бороться со всеми правилами. И поэтому мне трудно забывать о том, что этого мальчишку необходимо научить всему. В том числе и дисциплине.

— Дисциплина — понятие относительное, — не преминул вставить Хор.

— Жизнь — понятие относительное, — перекрыл его философствования Байонис. — Пока ты носишь фамилию Эссентессер, дисциплина тебе необходима. Хотя бы для того, чтобы Объединенный Мир не стыдился своего Маршала.

— Вполне возможно, — ровным тоном произнес Мальс. — Однако что насчет ночи наедине с Бьюкененом Аймалдэном? Звучит не очень красиво, однако вполне отражает суть, — тихонько хмыкнул он.

— Я не могу пока сказать тебе, разрешаю или нет, — вздохнул Маршал. — Для начала мне нужно переговорить с Тровеном и ещё несколькими людьми, а заодно и кое-что проверить. Знаешь, будет даже лучше, если мы привлечем к этому не полицию, а исключительно хорошо знакомых нам обоим людей. Если у тебя есть такие на примете — сообщи. Но, — он назидательно поднял палец, — то, что я сейчас сказал, ещё не значит, что я согласился.

Хор тихонько усмехнулся, уже зная, что эта идея получит ход. Ну а “хорошо знакомых” людей он подключить к делу мог.

===== Глава 5. Забранное =====

Посетить особняк семейства Аймалдэн Хору, получившему согласие Маршала на придуманный им ход, так и не пришлось. Бьюкенен вместе с младшим братом обитал отдельно от отца, матери и сестры, дабы находиться ближе к госпиталю и иметь возможность помчаться туда в любое время дня и ночи. Несмотря на все подозрения, Мальс почувствовал к уважение к человеку, полностью погруженному в свое служение людям. Теперь внутри уже теплилась надежда не обвинить, а оправдать: выслушав несколько великолепных рекомендаций от коллег Кея Аймалдэна, Мальс почти поверил, что они с убийцей просто тезки.

Из дома, где проживал Бьюкенен, можно было увидеть госпиталь, если сильно вывернуть голову. Хор подозревал, что, дай молодому лекарю возможность, он поселился бы и напротив госпиталя, в любой халупе, или даже в палате, но приходилось поддерживать авторитет семьи и занимать более почетные апартаменты. Маскэрэ обычно спал в соседних комнатах, но все ночи после происшествия он проводил вместе с родителями и перепуганной Торой, поэтому Мальса встретил один только Бьюкенен, одетый в слегка помятую черную рубашку и брюки. Разумеется, сонный. Впрочем, по своей квартире он ходил довольно быстро, ни за что не цепляясь и уверенными движениями заставляя забыть о заспанном лице и взгляде, выражавшем слишком мало осмысленности.

— Добрый вечер, — негромко поздоровался Бьюкенен. Никакой неприязни к гостю он не выказывал: возможно, из-за того, что его вообще мало что волновало.

О том, что Мальс проведет здесь ночь, договорились через Байониса, который все же решил использовать этот метод проверки подозреваемых, одновременно усилив полицейский контроль на улицах Квемеры и включив в дело все резервы, даже те, о которых служители порядка не подозревали. Люди, бродящие в тени и смотрящие сквозь туман, с самого начала не обрадовались конкуренции и согласились помочь с расследованием. Правда, только контролем над некоторыми кварталами. Самым ценным — информацией — они делиться отказались, но Хор надеялся, что в ближайшие дни сумеет хоть что-то выяснить, используя старые, нащупанные ещё вместе с Раль каналы.

— Добрый вечер, — приветливо и вполне искренне произнес Мальс. Позавчера это сделать не получилось бы, однако последняя полученная информация почти примирила его с Кеем Аймалдэном. Почти — потому что черточка характера, принятая, видимо, в наследство от отца и воспитанная комбинациями в детстве и юности, не позволяла безоговорочно доверяться человеку, если он не показал себя в деле.

Было десять часов вечера. На город спустилась темнота, и Бьюкенен уже зажег в квартире несколько светильников. Хозяин и гость прошли в небольшую комнатку со шкапами, заполненными книгами по медицине. Хор ради интереса пробежался взглядом по корешкам, однако все названия были скучны и довольно однообразны. Стола, на удивление, в этом кабинете Кей Аймалдэн не имел, а писал на широком подоконнике, максимально близко придвинув к нему стул. Стопки книг стояли и на полу, занимая все свободное место. С рассеянным извинением Бьюкенен сходил в соседнюю комнату и принес табурет, каким-то чудом не задев им ни одну из стопок и не устроив гигантского обрушения. Видимо, он уже бессознательно лавировал среди устроенного беспорядка, а мозг в это время пытался хоть немного отдохнуть.

— Вот, возьмите, — Кей Аймалдэн опустил табурет рядом с подоконником, пододвинув вбок свой сильно скрипящий стул и сам усевшись на него. — Признаться честно, я даже не знаю, чем мы сможем заняться этой ночью.

— Мы? — приподнял брови Мальс. — Мне казалось, что вы захотите поспать.

— Вот чего я действительно хочу, так это не иметь проблем с полицией, — вздохнул Бьюкенен и не смог сдержать зевков. Вполне возможно, что в это время он обычно уже ложился. — А потому я предпочитаю, чтобы меня проверили сразу и навсегда. Ради этого стоит потерпеть одну ночь. Я, правда, не уверен, проявит ли себя сегодня настоящий преступник, да и было бы бесчеловечно радоваться новому убийству, однако... Я просто надеюсь, что меня подозревать перестанут.

— Не говорите ерунды, — поморщился Хор. — Вам — хочется-, чтобы сегодня ночью кого-то убили и вы перестали иметь проблемы с полицией. С такой профессией, как у вас, легко потерять излишнюю чувствительность.

— Да, насчет профессии вы правы, — странным голосом произнес Бьюкенен. — И все же потеря излишней чувствительности ничего не значит: даже перестав переживать после каждой смерти, я не стану призывать эту смерть к тем, кого ещё можно спасти. Пределом моих мечтаний была бы поимка убийцы в эту же ночь, но, боюсь, это не так уж вероятно. Лично я считаю, что маловероятно и убийство. Скорее всего, не произойдет ничего. Как ни печально это признавать, но Объединенный Мир уже сталкивался с серийными преступниками, и некоторые из них даже пытались угрожать полиции, но большинство этих угроз ничем не оканчивались.

— Вы так много знаете об этом? — только и спросил Мальс.

— Я расспрашивал всех, чтобы хоть как-то понять, что произошло на дирижабле. Кроме того, признаюсь, я банально боялся. Безопасность — слишком относительное понятие, любой бы сказал, что адмирал Иушнице находился в безопасности на «Рассекающей». Тем не менее, он мертв. А я не собираюсь лишать своих пациентов шанса на выздоровление.

Они некоторое время помолчали, а затем Кей Аймалдэн предложил:

— Может, желаете чего-нибудь попить для бодрости? Мне-то уже бессмысленно травить себя, давно понял, что это не работает.

— Если вам нетрудно, чая, — попросил Хор. — Надеюсь, у вас найдется что-то, от чего не заснешь?

— Должно быть, — лицо Бьюкенена сделалось озабоченным. — А вы не боитесь, что я убийца и вас отравлю?

— В таком случае мне поставят памятник как разоблачителю Кея, Маршал возложит цветы, все поплачут, а Ричардели будут прыгать от восторга, поскольку в Эссентесеры изберут кого-то из них, — безмятежно пожал плечами Хор. — Я не рискую. Я даже был бы рад, если бы вы меня отравили: в таком случае вышло бы, что пожертвовали только мной, а не неизвестным количеством жертв.

— Вы альтруист? — Бьюкенен уже поднялся, чтобы идти за чаем, однако решил продолжить философскую беседу.

— Нет, я реалист. Я просто понимаю всю ценность своей жизни и в какой-то ситуации готов её отдать, в какой-то — нет.

— И в чем же заключается главная ценность вашей жизни? — внезапно спросил Кей Аймалдэн, ради такого серьезного вопроса даже перестав выглядеть едва поднятым с кровати.

— В том, что я способен действовать, — ограничился общими словами Хор. — Я могу ещё многое устроить — и постараюсь это устроить, однако я не против того, чтобы одной своей жизнью поймать в ловушку столь опасного преступника, как Кей. Потому что если б он продолжил свои убийства, то в список жертв мог попасть и я.

— Вы уже дважды назвали его Кеем, — Бьюкенен действительно выглядел слегка удивленным. — Почему? В первый раз мне показалось это странным, но вы как раз говорили обо мне как о кандидате на эту роль, а теперь при чем тут я?

— Да ни при чем, — хмыкнул Хор. — Просто его так зовут.

— Убийцу? — расширил глаза Кей Аймалдэн.

— А кого же ещё? Он так подписывался в некоторых своих посланиях. Конечно, имя не настоящее, и тем не менее это сходство выглядит очень любопытно.

Бьюкенен сделал глубокий вдох, то ли успокаиваясь, то ли просто незаметно зевая.

— Теперь я понимаю, почему вы обратили на меня столь пристальное внимание. И ещё я знаю, что в деле с этим... Кеем замешан лекарь, ведь вскрытие всех тел делал один из Аймалдэнов... Если честно, я даже не представляю, кто из нашей семьи мог бы такое устроить. Это дико, это просто не соответствует тем принципам, какие вкладывали во всех нас с самого рождения. Дар лечить, дар возвращать людям жизнь — как он мог настолько искривиться, чтобы человек сам начал отнимать жизни? Нет, ни один Аймалдэн не стал бы такого делать... Да, я не могу ничего противопоставить фактам, кроме этой глупой уверенности в том, что каждый из нас так же предан делу, как и я. Впрочем, не надо об этом.

— Почему же? — усмехнулся Хор. — Вы уже узнали, что я считаю главной ценностью своей жизни. А что насчет вашей?

— А тут все ещё проще, — тихо ответил Бьюкенен. — Я, насколько могу, помогаю людям и двигаю вперед медицинскую магическую науку. Может быть, благодаря моим исследованиям удастся сделать шаг к исцелению самых тяжелых болезней. Так я иду за чаем?

— Безусловно, — кивнул с удовлетворением Мальс. — Я просто хотел вас немного расшевелить разговором, чтобы вы не заснули по дороге.

— О, это вполне может быть, — вздохнул Кей Аймалдэн. — Я прошу прощения, но моя профессия порой утомляет.

С прежней ловкостью лавируя между стопок книг, он исчез за дверью, оставив Хора размышлять над этой небольшой беседой. Последнему все меньше и меньше верилось в то, что Бьюкенен причастен к убийствам. Хотя... может, именно этой цели он и добивался, сказав, что собирается убить, а затем с готовностью согласившись на откровенную беседу? Даже если этой ночью ничего не произойдет, Мальсу будет все сложнее и сложнее считать его преступником. Ловкий ход, если это ход. Хотя... если б Кей действительно это планировал, то он мог бы столкнуться с некоторой непредсказуемостью: кто знает, а вдруг этот шальной преемник Маршала не поведется на все разговоры и только усилит подозрения?

В соседней комнате, служившей, видимо, кухней, шуршал другой — как надеялся Хор — Кей. Раздался шум чего-то падающего и тихое ругательство. Возможно, в поисках не используемого им самим чая Бьюкенен переступил привычные границы, в которых действовал очень ловко, и сказалась его рассеянность, вызванная утомлением. Мальсу все больше казалось, что вне госпиталя и выполнения своих обязанностей этот человек живет на автомате, как исправный механизм, и проявляет личностные качества только там, рядом со

своими пациентами.

Наконец хозяин квартиры снова появился на пороге кабинета.

— Чайник пока греется, и я надеюсь, что ничего там не сплю. Почти не использую свою газовую плиту, — со слегка виноватой улыбкой признался он. — Мне совершенно некогда готовить. Ем в нашей столовой — то есть, в столовой госпиталя, там все действительно вкусно. Маскэрэ как-то пытался соорудить пару шедевров на нашей кухне, однако вышло у него не очень хорошо. Я вообще от этого далек, но чай, конечно, приготовить смогу.

— Так вы спасаетесь от утомления только сном? — полюбопытствовал Мальс.

— Если хочется спать, то чем это исправить, как не сном? — после всех манипуляций с чайником Бьюкенен выглядел ещё более бодрым. Он снова прошел к окну и сел на стул, закинув ногу на ногу и чуть попав ботинком по штанине гостя. — Прошу прощения. Всякие напитки и травы я не люблю, они действуют лишь некоторое время. У меня утомление — часть профессии, от этого никуда не денешься, а расшатывать здоровье только для того, чтобы не выглядеть в глазах других людей лунатиком, я не хочу, — последние слова Кей Аймалдэн произнес довольно жестко. Кажется, он действительно проснулся, только шутить над этим не тянуло. Мальсу хотелось глубже изучить этого человека как раз в то время, когда его не скрывала от других мутная пленка вечной усталости.

— Признаюсь, я тоже мало что принимаю, — сообщил он для поддержания разговора, — однако я просто привык спать совсем мало и не испытываю от этого неудобств. Когда есть время, могу пролежать до обеда, отдыхая, но в целом эта проблема для меня не очень-то остра. Конечно, я отличаюсь от вас, ведь я не трачу свой дар: у меня его просто нет.

Брови Бьюкенена медленно поползли вверх.

— У вас нет дара? И вы — преемник Маршала?

— Я знаю, что это смотрится немного непривычно, — пожал плечами Мальс. — Но — да. При выборе наследников немалое предпочтение отдается дару, однако Маршал делал выбор по итогам экзамена и заупрямился: подавай ему только того, кто лучше всех этот экзамен сдал. А это оказался я. Знаете, как в сказке про девушку, которая оставила принцу свою туфельку, и он женился на той, кому туфелька подошла, не обращая внимания на её социальное положение.

— Так то сказка, — Бьюкенен до сих пор выглядел озадаченным. — И там была любовь, а здесь речь идет не о браке, а об ответственном выборе.

— Ну и что? — Хору даже стало смешно. Привыкли же люди к классическим рамкам традиции — и удивляются даже не такому уж важному отклонению от принятого. — Маршал посчитал мои военные таланты достаточными для этого.

— Знаете, — Бьюкенен резко посерьезнел. — Я, может, в чем-то ошибаюсь, но только не в этом. Эссентессерами ни разу не становились люди без сильного дара. И на таланты в этом случае никто не смотрел. Если вы — преемник Маршала, то вы обязаны иметь высокий уровень магии. Иначе Регент выразила бы вашему учителю протест, и вас удалили бы. Но она этого не сделала. Так в чем же дело?

— В детстве мой дар считали сильным, — задумчиво произнес Мальс. Он как-то упустил это обстоятельство из виду, наивно посчитав, что хоть для Эссентессеров действительно важны настоящие таланты. — Потом он постепенно начал ухудшаться, и лет в шестнадцать совсем исчез. Я стал просто Хором, чтобы с этой низины вознестись до

Эссентессера.

— Это действительно странно, — кажется, Кея Аймалдэна сильно взволновал поднятый вопрос. — Возможно, Регент согласилась на вашу кандидатуру потому, что у вас есть потенциал возвращения дара.

— Мне пока слишком мало везет для этого, — отшутился Хор.

С кухни потянуло паленым, и Бьюкенен, выругавшись, бросился туда. Кажется, прошло слишком мало времени для того, чтобы чайнику был нанесен серьезный урон, и все же с учетом того, что плиту использовали мало, Мальс побеспокоился о сохранности квартиры. Было бы не очень приятно, если б милый разговор перетек в тушение пожара. В бедствиях люди узнаются лучше всего, но это бедствие выглядело просто смешным.

Хор прислушался: кажется, мольбы о помощи с кухни не неслось, хотя Кей Аймалдэн усиленно чем-то шуршал и позванивал. В конце концов он появился в кабинете с фарфоровой чашкой в руках, в которой опасно покачивалось налитое до краев содержимое. К счастью, Бьюкенену удалось водрузить свою ношу на стол, не расплескав ничего по пути. Он облегченно вздохнул.

— Ничего страшного, там просто на плите валялись какие-то старые кусочки — от них и начало пахнуть. Зато я успел вовремя: чайник как раз закипятился, а если б мы с вами проговорили дольше, то пришлось бы ставить его заново.

— Спасибо за этот подвиг, — чуть улыбнулся Хор, пододвигая к себе чашку. — Сами ничего не будете пить?

Кей Аймалдэн только рукой махнул:

— Воды себе принесу, большего и не надо. Вот в столовой госпиталя очень вкусный компот бывает, но его до дома не донесешь. Я сейчас.

Пока Бьюкенен бегал за кружкой воды, Мальс отпил чая: в нем определенно не хватало сахара, но это можно было потерпеть.

— Ну как, бодрит или нейтрально? — поинтересовался сонный гостеприимный хозяин, опять садясь рядом с ним.

— Пока не совсем понял, но однозначно спасибо, — кивнул Хор.

— На каждого по-разному травяные сборы действуют, — поделился врачебным опытом Бьюкенен. — Я знал людей, которые возбуждались от слабого успокоительного. Индивидуальные свойства организма, особенно завязанные на магии, многое значат.

— В моем случае магию можете отметить — впрочем, это мы уже обсудили, — хмыкнул Хор и отпил ещё немного чая. Собеседник глотнул воды из кружки. — Вы вообще болтливый человек? — непринужденно спросил Мальс. — Просто у нас есть ещё часов девять-десять, у меня язык подвешен неплохо, но говорить все это время один и развлекать вас я, увы, не сумею.

— Не могу назвать себя болтливым, — вздохнул Бьюкенен. — Да мне особо и некогда. С близкими людьми могу проговорить довольно долго, но не больше получаса, наверное: дальше я должен или заняться своими обязанностями, или как следует отдохнуть.

— Вы мне напоминаете госпожу Регента, — отчего-то захотелось покрасоваться своим Эссентессерским положением. — Она тоже живет только для своего служения и практически не имеет личной жизни. Вы не думали когда-нибудь жениться?

— У нас очень большая семья, и с наследниками проблем не бывает, так что меня особо не дергают. Отец решил, что раз я имею такой дар и такой опыт, то я имею право сам выбрать, на ком жениться и жениться ли вообще. Меня уже все воспринимают одного из

самых влиятельных людей в семье.

— И вы вообще думаете связывать жизнь с кем-то? — любопытно спросил Мальс.

— Пока не тянет, — признался Бьюкенен и отпил ещё воды. Кажется, эта тема его слегка волновала. — Ну кому я такой нужен? Живущий на работе муж, от которого ни ласки, ни внимания не дождешься. Только из-за моего положения за меня могли бы выйти замуж, но нужна ли мне такая супруга? Раз уж мне предоставили выбор, то я хочу создавать семью по любви или, в крайнем случае, по взаимному уважению, но с тем, как глубоко я погружаюсь в свои обязанности, на взаимное уважение сильно не посмотришь, а любовь... Она пока еще не проснулась, и я не знаю, проснется ли. Однозначно, сейчас я обручен со своей работой.

— Вы хоть раз выезжали из Облачного?

— Я родился в Грозном, — неожиданно обрадовал Бьюкенен. — Так что мы немного земляки. Когда мне было лет семь, меня передали на воспитание моему дяде, Виррену Аймалдэну, а спустя ещё четыре года ко мне присоединились Маскэрэ и Тора, у них обоих очень хорошие дары.

— Поскольку они ваши брат и сестра, то я могу сделать вывод, что они тоже родились в Грозном Мире. Любопытно, что именно вы с ними оказались на дирижабле, следующем на нашу общую родину.

— Это было бы приятное совпадение, если бы не погиб человек, — тяжело вздохнул Бьюкенен. — Практически все пассажиры имели какое-то отношение к Грозному Миру кроме того, летели туда. Большинство вообще там родилось.

— Ну да, большинство... — прикинул в мыслях Хор. — Не считая Толла Каэндра, Ферчазейро Аусхассена и Байониса Эссентессера. Да, и Виррена Аймалдэна — ведь вап дядюшка родом из Серебряного Края, не так ли? В общем счете грозовиков выходит пятеро против четверых. — На самом деле против пятерых, но о Хоуэрсе Эссентессере Мальс говорить не собирался.

— Шестеро, — возразил Бьюкенен. — Вы забываете самого адмирала, который почти всю жизнь прожил в Грозном Мире и вознесся именно в войне за родной край. Жаль, что он погиб, так и не успев дотуда добраться.

Хор едва слышно вздохнул. Беседовать сейчас о Мэйле Иушнице он не хотел, однако другие темы на ум просто не приходили. Он прошелся немного назад по разговору и вспомнил, о чем спрашивал Кея Аймалдэна.

— Вы все же не сказали: вы куда-то ездили, помимо передвижений из-за смены места жительства?

— Нет, — ответил Бьюкенен. Мальс так и думал. — Я слишком занят. Да и зачем? Отдохнуть я могу прямо в Квемере, здесь находятся практически все дорогие мне люди.

— А отец, мать?

— А вас тянет съездить к вашим отцу и матери? — выражение лица собеседника внезапно приобрело жесткость.

— К матери — тянет, — признался Хор только ради того, чтобы не соответствовать ожиданиям. — Но отец будет мне не очень-то рад, поэтому я пока в Грозной Мир не ездил. Однако, в конце концов, я покинул его только три года назад, и с тех пор прошло не так уж и много времени. Когда я освоюсь с новым положением, то смогу навестить мать и брата.

— А я покинул свою малую родину в шесть лет — и толком не успел родителей запомнить, — с неожиданной злостью сказал Бьюкенен. — А они и не захотели потом иметь

со мной тесные отношения, ограничившись официальной между членами семьи. Хорошо хоть, Мас и Тора здесь. Мы с ними вместе росли.

Некоторое время они опять помолчали. Тему семьи не любили оба, и хоть Мальс и желал прощупать собеседника, но открывать ради этого перед ним собственное прошлое было слишком. Хор сделал вид, что увлечен постепенно остывающим чаем.

— Они понимают меня немного лучше, чем дядя, — продолжил тем временем Кей Аймалдэн слегка рассеянно, а затем нахмурился и посмотрел на Хора. — Вы знаете, я совсем забыл об одной вещи, а она, может быть, важная. Помните, вы потеряли сознание на дирижабле, и мы остановились в мелком городке? Вылетело из головы его название...

— Да, — быстро кивнул Хор, раздумывая, что за открытие ему может принести этот разговор.

— Ну так вот, — Бьюкенен выглядел чуть сконфуженно, — пока вы отдыхали, дядя и ещё кто-то там поехали в Квемеру. Нас расспрашивали потом одновременно с ним, и я соврал, что сидел все это время в гостинице, и Мас с Торой соврали, потому что хотели меня прикрыть. Я... Я понял, что это время не должно проходить зря, и уже после отъезда дяди добрался до Квемеры, до госпиталя, и провел одну операцию. Я боялся, что без меня там могут ошибиться, но Виррен меня уговорил, и я поехал с ним в Грозовой, а затем вернулся, раз уж такой знак судьбы вышел. Только дяде об этом мы не сказали, а потому и полиции не стало известно, и я несколько раз думал, что это может быть важным, но все не находил времени и повода, чтобы рассказать. Вот так, — выдохнул он. — Надеюсь, я не испортил ничего, скрыв эту информацию.

— Нет, не испортили, — Хор постарался сохранить ровный, почти беззаботный тон. — Но я расскажу об этом Маршалу.

Было чему удивиться. Выясненное обстоятельство сразу же вызывало немало подозрений в адрес Бьюкенена — если б только он сам не сообщил об этом. Какой смысл преступнику в очернении себя?

— Наше государство так устроено, — тихо заговорил Кей Аймалдэн. — Так уж оно устроено, что семья аккуратно ставится на второй план, пропуская на первый служение. Я очень тянулся к матери, к отцу, а потом все понял и с тех пор любил только книги по медицине.

— А брат и сестра? — с осторожностью вклинился в его слова Хор.

— Мы росли вместе, это да, но обучение отнимало у нас все время и силы, особенно у меня. Я постоянно уставал, Мас и Тора требовали внимания от меня и обижались, между нами постепенно выросло некое отчуждение. Нет, не то чтобы мы друг ко другу равнодушны, но особой любви не возникло. Я все направил на службу, с головой окунулся в медицину, впитывал все знания и с готовностью тренировал свои умения, чтобы потом прийти в госпиталь и избавлять людей от боли. Я делал как раз то, что и должен был, если брать закономерности нашей системы. Тем не менее, на меня порой смотрят, как на странного человека. А каким я ещё мог вырасти? Меня так учили. Я — лекарь, и все. Остального человека уже не существует. Я выполняю свою работу. Я выполняю свое служение.

— И вам не хотелось вырваться из этого? — тоже тихо проговорил Мальс.

— Когда-то — хотелось, не спорю, — Бьюкенен, наоборот, повысил голос. — Но в те моменты у меня просыпалось какое-то подобие совести и идеализма, и я начинал ругать себя: что же это такое, я должен помогать людям, я не имею права заниматься только

собой... Я стыдился своих желаний и с большей силой ударялся в работу, потому что это было моим призванием, и все твердили мне об этом.

— Если человек тратит три часа в день на личную жизнь, помимо работы и необходимого отдыха, это что, называется заниматься только собой? — двинул бровями Мальс. — Лично я так не считаю. Потому что вы и часа в день на личную жизнь не тратите.

— Юношеский максимализм, — устало вздохнул Бьюкенен, словно ему было не почти тридцать, а все шестьдесят. — Я считал, что должен показывать всем пример жертвенности, выкладываться настолько, насколько мог со своим даром, а вышло... Вышло что-то совсем странное. Я не могу сказать, что я старательно переживаю за каждого человека, которого лечу, все же вы были правы, когда говорили о цинизме врачей. Впрочем, нет, я все же переживаю за каждого, но не потому, что мне его жалко, а потому, что я должен, должен его вылечить. Иначе никак.

— Тогда это не служение, — почти что прошептал Мальс. — Это просто работа.

Чего-то подобного он вполне ожидал от Кея Аймалдэна — заикленность на выполнении обязанностей, потому что надо так, так надо, надо именно так и никак иначе.

— Это служение, — упрямо сказал Бьюкенен. — Потому что это — моя жизнь. У меня ничего больше нет. Что такое работа? Человек пришел, что-то сделал, получил деньги и пошел кормить свою семью, улыбаться жене, развлекать ребятишек. А я живу там, — он дернул головой в сторону уже не видного в темноте госпиталя. — И никуда оттуда не уеду, потому что прикован навсегда. Я — врач. — Бьюкенен шумно вздохнул и опрокинул в себя оставшуюся в кружке воду. Да, похоже, разговор выходил слишком уж откровенным.

— И вам это нравится? — спросил после некоторого молчания Хор.

— Да какая разница? — с досадой произнес Кей Аймалдэн.

— Если что-то не нравится, оно всегда подлежит изменению, — произнес Мальс, по сути, свой жизненный девиз. В десять лет ему совершенно не понравилась одна вещь, и он надеялся, что останется жив, чтобы её толковым образом исправить. Да так, что запомнит весь Объединенный Мир.

— Не всегда, — покачал головой Бьюкенен. — Из некоторых замкнутых кругов не выскочить. Попробуешь — и голову пролomiшь себе об стену, так что лучше не стоит... К тому же, это действительно моя жизнь, и я считаю, что могу прожить её так и только так. Что-то менять... Зачем? Я нужен людям таким. Даже если я им не нравлюсь.

— А себе вы каким нужны? — будет смешно, если этот разговор что-то поменяет. Но вряд ли. И ещё вряд ли оба Кея — одно лицо. Хотя... молодой Аймалдэн упоминал о круге, замкнутом круге, однако это, в конце концов, могло быть простой случайностью. Да, на все совпадения стоит обращать внимание, но не такие же мелкие.

— А зачем я себе? — криво усмехнулся Бьюкенен. — В нашем мире все живут только для общества. Вот я и работаю, служу, паху, как ненормальный, спасая лучших сынов отечества, а может, и не совсем лучших, но спасаю. Все вокруг меня благодарят, восхищаются столь успешным молодым специалистом и при том удивляются, почему я напрочь выкинул куда-то далеко личную жизнь. Маскэрэ и Тора смотрят на меня с благоговением, хотя Тора — это такой человек, у которого не так уж просто вызвать какое-либо чувство, не говоря уже о благоговении, а Маскэрэ вообще сидит внутри себя, пусть и старается казаться мной в юности. Мною восторгается дядюшка, вернее, он восторгается собой, потому что сумел воспитать такого ученика и потому что подобрал своему младшему брату невесту, устроил такой союз, от которого родился я. Половина сестер милосердия в

меня влюблена, но они почти все замужем, поэтому только тайно вздыхают. Вот такая получается у меня жизнь. Интересная, господин Эссентессер, интересная.

— Ну что ж, если вы не желаете ничего в ней переставлять, это ваше право, — Мальс задумчиво допил оставшийся чай.

— Не желаю, — потрянул головой Кей Аймалдэн. — И хватит, пожалуй, об этом. Я раздумал говорить с вами всю ночь, я давно ни с кем долго не говорил, и эта беседа может привести совсем не туда, куда надо. Давайте лучше почитаем. Вместе. Вы когда-нибудь читали книги по ролям?

— В смысле? — хмыкнул Хор.

— Очень просто. Садятся несколько человек, и каждый выбирает себе роли. Один читает слова автора, второй — реплики одного персонажа, третий — реплики другого. Мы с Мас и Торой пару раз такое устраивали, пока время было. Не хотите? У меня есть несколько серьезных романов. Заодно можно обсудить и их смысл.

— Неплохое занятие для ночи, — оценил Мальс. — Надеюсь, у нас обоих не перестанет работать голова.

Не очень хотелось оставлять Виорди, однако Раль понимала, что её направляют на действительно важное дело. С ним мог справиться полицейский, но о выполнении просил Хор, и это имело большую важность, потому-то она и согласилась на одну ночь рядом с Хоуэрсом Эссентессером. Кроме того, Мальс шепнул ей на ухо, что преемник Магистра и есть жених Виорди Мистераль. После этого Раль уже ни в какую не отказалась бы от задания, даже если б ей приказал заняться чем-то другим сам Маршал. Она должна была узнать будущего жениха сестры и, если понадобится, сделать все необходимое, лишь бы ей помочь. Раз уж судьба дала такой шанс...

Подходя к группе из четырех эссентессерских домов, Раль вспомнила о том, что в красном здании живет не только Байонис Эссентессер, но и его преемник. Хору прекрасно подходила эта роль, он наверняка подавал большие успехи в том, что действительно умел и любил. Мальс предпочитал не распространяться о своих знаниях в области военной науки, но пары услышанных обсуждений войны хватило, чтобы понять, как прекрасно он в этом разбирается. Тогда Раль спросила, откуда все эти сведения у всего лишь ученика Центра Одаренных. Хор в ответ чуть ли не засмутился и в итоге сказал, что перед попаданием в неопределенные он попробовал немало профилей. Тем не менее, этот род занятий ему действительно подходил, и это она видела уже тогда. Сам Мальс увидел позже, когда нечаянно выполнил самое сложное задание экзамена на Эссентессера.

Возле открытых дверей в белое здание четырехцветного комплекса Раль встретил молодой человек с крайне беззаботным видом и запоминающимися красивыми синими глазами. Кроме этих глаз его круглое лицо больше не имело ничего примечательного, а вдобавок ко всему, скучающее выражение с оттенком легкого нахальства заранее отвернуло её от жениха Виорди. Оставалось только надеяться, что он надел маску, точно так же, как и Эви, только вот маска Эви выглядела куда приятнее.

— Добрый вечер, прекрасная леди, — шутовски поклонился ей Хоуэрс Эссентессер. — Я польщен, что вы собрались провести у меня ночь.

— Ну не так же откровенно на всю улицу, — вырвалось у Раль возмущенным шепотом. — Простите. Добрый вечер вам, господин Эссентессер, и я попросила бы вас вести себя сдержаннее в моем отношении.

— Спросите господина Магистра, куда я посылаю все просьбы о сдержанности, — усмехнулся Хоуэрс, вслед за гостьей проходя внутрь дома.

Их встретил зал с высоким потолком: если пройти направо, то можно было добраться до лестницы на следующие этажи, однако преемник Магистра подниматься не стал, зашагав по коридору первого этажа до двери из темного дерева, которую учтиво распахнул перед Раль.

— Прошу вас.

— Благодарю, — тихо ответила она, ощущая неприятный осадок от вежливости этого человека. Несмотря на учтивые слова, он не уважал никого, кроме самого себя. И это не могло не печалить — ведь именно с ним предстояло долгие годы прожить Виорди.

Ах, Виорди! И ей — терпеть пренебрежительное отношение Хоуэрса Эссентессера? Ей — искать опору и поддержку, а находить только издевательские шуточки? Раль поняла, что боится брака сестры с этим человеком. Но что она могла сделать? Что? Выступить против Рондера Мистералья? Заявить ему в лицо, что дочь — не вещь? А к чему это приведет? У Виорди не было достаточного таланта, её просто отправили бы на какую-то работу, оставив в сторону богатое происхождение. Если нет подходящих способностей, дорога одна — под венец с тем, кого изберут родители. А если не хочешь и этого — получай другую фамилию и иди куда глаза глядят, лишь бы подальше от родного дома. Жестоко. Слишком жестоко. Хор был тысячу раз прав, когда критиковал всю эту систему.

Они с Хоуэрсом прошли в просторную комнату, обставленную, однако в темных тонах. Здесь располагались два больших стола, почти пустых, несколько шкафов и, как ни странно, рояль, но весь покрытый пылью. Вряд ли на нем играли в последние месяцы.

— Итак, чем все-таки намеревается заниматься прекрасная леди всю ночь рядом со мной? — ухмыльнулся Хоуэрс. — Признаться, меня тянуло провести вас в мою спальню, однако это было бы слишком некрасиво.

— Что у вас тут за книги? — спросила Раль, глядя исключительно в сторону шкафов и стараясь выглядеть так, словно её несколько не задевало поведение собеседника.

— А там нет книг, — огорошил её Хоуэрс и, подойдя к одному из шкафов, распахнул дверцу: внутри действительно оказалось пусто. — Впрочем, магазин в пяти минутах ходьбы отсюда все ещё работает: если леди интересуется бульварными романчиками, я могу принести ей парочку.

— Будьте так любезны, — тихо проговорила Раль. Лучше уж глупые безвкусные книги, чем навязчивое внимание не слишком приятного человека. Она хотела узнать его получше, но сейчас не могла преодолеть отвращения, хотя понимала, что должна ближе познакомиться с Хоуэрсом — ради Виорди.

В этот момент по коридору застучали внушительные шаги, и преемник Магистра поморщился, глядя в сторону двери.

— Слышите? Грядет мой разлюбленный учитель, один из великих Эссентессеров Объединенного Мира. Та ещё скотина, — и он быстро закрыл рот, потому что буквально через несколько секунд дверь распахнулась.

На пороге стоял человек лет сорока или даже сорока пяти с породистым красивым лицом, которое портило слегка раздраженное выражение при взгляде на Хоуэрса. Темные волосы Фаркасса Эссентессера были зачесаны назад и старательно прилизаны, а над верхней губой виднелись тонкие усики.

— Здравствуйте, леди Мистераль, — произнес Магистр Объединенного Мира и сразу же

зачастил дальше, так что она не успела ответить на приветствие: — Я заранее прошу прощения за поведение этого нахала — вот кто-кто, а он не знаком с такими понятиями, как сдержанность и скромность. Тем не менее я надеюсь, что ничего вопиющего в отношении вас он не совершит, иначе я действительно его убью. В любом случае, моя комната на втором этаже, обращайтесь, если возникнут какие-либо проблемы. И ещё: вас интересуют книги?

— Разумеется, — торопливо ответила Адилунд. — Спасибо вам, господин Магистр, за заботу.

— Мы сейчас поднимемся в мою библиотеку, и вы выберете то, что вам по вкусу, — решительно сказал Фаркасс.

— Насколько я поняла, ваш ученик чтением не увлекается, — заметила Раль и тут же велела себе не поддевать Хоуэрса даже в присутствии его учителя: язвительный молодой человек мог обидеться и расхотеть идти на контакт.

Магистр поморщился:

— В первую очередь мой ученик увлекается тем, что раздражает всех вокруг. Мне порой кажется, что он живет только ради того, чтобы проверять терпение других людей и делать из них святых или демонов. Впрочем, — он многообещающе посмотрел на Хоуэрса, — если ты обидишь гостью, то я просто тебя высеку, как мальчишку.

— Да чтоб вам провалиться, — с милой улыбкой пожелал юный Эссентессер.

Раль все меньше и меньше нравился дом, в который она попала. Отношения между двумя главными его жильцами давно уже накалились до предела и в конце концов могли действительно вылиться во что-то очень печальное. И сюда должна была попасть Виорди? Ужас, просто ужас. Адилунд поняла, что скорее отправит сестру в теневые кварталы Квемеры, чем в этот красивый особняк, куда мечтали попасть почти все люди из знатных семейств. Услышав впервые, что жених Хорди — Эссентессер, Раль удивилась, что та не стала хвастаться об этом всем, а теперь стало ясно: уж лучше невзрачный мещанин, чем такой правитель. Адилунд начала раздражаться, проведя с ним десять минут, а жить бок о бок с подобным человеком всю жизнь? Нет, нет и нет. Она решила, что обязательно расскажет об этом Эвальду, он должен был понять. И названный брат наверняка сумел бы хоть что-то сделать с этой напастью.

— Идем, — сказал Фаркасс Эссентессер, и они вместе с Раль зашагали по коридору к лестнице на второй этаж. Как только комната Хоуэрса осталась позади, с языка сорвался мучающий душу вопрос:

— Почему он такой?

— Потому что жизнь начала корежить, — с неудовольствием ответил Магистр. — Кто-то в таких условиях становится сильным, кто-то — хитрым, кто-то — невыносимым. Нам с вами приходится наблюдать третий вариант, но, клянусь, я из него сделаю если не первый, то хотя бы второй.

— Послушайте, — Адилунд решила говорить начистоту. — Через пару недель у вашего воспитанника будет свадьба. С моей сестрой. С человеком, которого я давным-давно знаю и которой искренне желаю самого-самого счастья. Я боюсь. Я боюсь видеть её женой Хоуэрса Эссентессера. И я совершенно не знаю, что с этим сделать. Моя сестра не та, кто сможет подобно вам круто обращаться с ним. Наоборот, ей нужна поддержка, а тут... Впрочем, вы все и так понимаете.

— К сожалению, над брачными договорами я не властен, — вздохнул Фаркасс

Эссентессер. — И как знаток законов могу сказать, что у вас не выйдет отменить свадьбу, если не случится чего-то совершенно особенного. Со своей стороны я могу лишь обещать, что постараюсь поддержать вашу сестру. Познакомьте меня с ней заранее, и я думаю, что мы поладим. И в итоге получим второй источник влияния на Хоуэрса.

— Скорее он на неё повлияет, — с горечью пробормотала Раль. — Моя сестра... у нее вообще нет надежды, когда она вдали от нас. Если б вы сумели ей помочь, я бы была бесконечно благодарна вам.

— Посмотрим. Кто знает, может, именно жене и удастся сделать из моего несчастья что-то путное.

Они поднялись по лестнице и в новом коридоре почти сразу же свернули направо, в большое помещение, заполненное шкафами с книгами. О да, Магистр Объединенного Мира имел прекрасную библиотеку. Наверняка здесь находилось множество книг по законам, книг, вмещавших все судебные тонкости. В окне виднелся особняк Маршалов, ещё различимый в вечерних сумерках. Солнце уже зашло, но Раль торопливо отвернулась от окна. С этой привычкой она не могла ничего поделать.

— У меня есть несколько интересных книг по естествознанию, — Фаркасс переключился на то, ради чего они, собственно, сюда и пришли. — Кроме того, могу предложить рассказы Альфэттена: стоящая вещь, уже несколько раз перечитывал. Вон в том шкафу вы можете найти труды по теории магии Крылатого Мира, может это, будет вам полезно. Ещё я в прошлом году приобрел путевые заметки Райальда о его морских экспедициях — там хватает всего удивительного.

— Давайте все, — решительно сказала Раль.

— А вы вообще представляете себе, как пройдет эта ночь? — спросил Магистр, собирая в стопку все рекомендованные книги.

— Ну... — протянула Адилунд, представлявшая на самом деле очень слабо. Хор убедил её в том, что сложности такие посиделки не составят, но то, что казалось простым и ясным для него, порой таило в себе трудности для Раль. — Я предполагаю, что мы проведем эту ночь за книгами и разговорами. Правда, я совсем не ожидала, что... что...

— Что человек с фамилией Эссентессер окажется столь неприятным типом, — закончил за неё Магистр. — Увы. Я пытаюсь его изменить и когда-нибудь изменю.

— Пусть у вас с этим все получится, — вздохнула Раль. — А сейчас я все же должна идти к Хоуэрсу. Не беспокойтесь за меня. Я найду, чем осадить его, если он слишком разоидется. Я умею вести себя с мужчинами, даже со столь наглыми. — Она говорила это не для успокоения собеседника или самой себя. Это была правда. Да, Адилунд сбило с толку поведение преемника Магистра, но это вовсе не означало, что она не могла ничего ему противопоставить.

Хоуэрс ожидал нагруженную книгами Раль все в том же кабинете, усевшись на стол и закинув ногу на ногу. При его немаленьком росте это не составило труда и выглядело довольно-таки элегантно, если подобная невежливость вообще могла выглядеть элегантно.

— Гляжу, ваш мозг таки спасли от голодной смерти, — преемник Магистра, паясничая, поклонился вошедшему вслед за гостьей Фаркассу, умудрившись при этом ещё и ногами болтать. В общем, он старался вызвать раздражение всеми доступными способами, не подозревая, что это на Адилунд уже не действует.

— Спокойной ночи, господин Магистр, — произнесла она дружелюбным тоном, укладывая всекниги на тот из столов, какой ещё не оседлал неумный Хоуэрс. Оставалось

только радоваться, что в комнате хватало места для такого количества мебели: сгонять хозяина было не очень-то удобно.

— Спокойной ночи, леди Адилунд, — пожелал и Фаркасс.

Его преемник вежливых слов не удостоился и лишь показал неприличный жест в спину уходящему учителю. И такое тоже было у них нормой... Раль казалось, что она попала в семью не очень-то обеспеченных людей, где давно начался раздел власти и сын не желает и думать о сдержанности, вежливости, почтении. Странно. Практически всех детей, рождавшихся в знатных семьях, воспитывали именно так, заменяя любовь уважением, но заменяя так надежно, что молодые люди, даже если в мыслях грязно ругались на взрослых, лишь улыбались им и произносили отточенные слова этикета.

Дверь едва слышно закрылась. Раль пододвинула стул к столу, присела и взялась за книгу. Выше всех в стопке лежали заметки какого-то моряка, и она решила приняться сначала за них, чтобы отложить, если не понравится. Сзади мягко скрипнуло: Хоуэрс спрыгнул на пол и неторопливо приближался к гостье, предвкушая удовольствие. Зря. Ему, наверное, вместе со всеми истинами, на которые он плевал, вдалбливали и то, что встречать по одежке — не очень хорошая идея.

Раль открыла книгу и с интересом прошлась взглядом по нескольким страницам, а затем принялась читать с самого начала, концентрируясь на тексте. Рядом зазвучал голос Хоуэрса, однако гостья совершенно не обращала на него внимание, пытаясь вникнуть в пару морских терминов и поглядывая на карту, чтобы представить себе маршрут автора-путешественника. В голосе хозяина проснулась настойчивость: кажется, он не понял, отчего его так игнорируют.

Хоуэрс Эссентессер не знал об одном умении Адилунд, выработанном ей ещё в раннем детстве для того, чтобы пропускать мимо себя некоторые разговоры и даже нотации. Она умела не слушать. Могла полностью погрузиться в мысли, осознавая, что ей что-то говорят, слыша словно в некоем отдалении голос собеседника и видя, как двигается его рот, однако при этом ни одно слово не долетало до разума. Иногда это оказывало пагубное действие: например, когда Раль отвлекалась на переживания от бесед или лекций, которые действительно были важны. Но вот сейчас это пригодилось. Один из рецептов избежать других людей: делать вид, что их просто нет рядом, и погружаться в какое-то занятие. Путевые записки оказались очень кстати.

Адилунд перелистывала страницу за страницей. Хоуэрс выделывался, пытаясь какими-то особо остроумными и, возможно, даже пошленькими оборотами вывести её из спокойствия, думая, что гостья нарочно уставилась в книгу и притворяется, что его не слышит. А она и не притворялась. Наконец хозяин кабинета не выдержал и, подойдя совсем близко, тронул Раль за плечо. Она снова никак не отреагировала, лишь перевела взгляд с одной страницы на другую, понимая, как это задевает самолюбие находящегося рядом молодого человека. Что ж, ему стоило хоть раз встретиться с тем, кто его воспринимал как предмет интерьера.

Не выдержав такого игнорирования, Хоуэрс легонько ущипнул за плечо гостью.

— Я бы попросила вас держать руки при себе, — ровным тоном произнесла она, постаравшись скопировать тон Марджорис, которым та утихомиривала бешеных учеников. При воспоминании о Марджорис на ум мгновенно пришла мертвая Синди, и несколько минут мысли металась по событиям тех дней, так что Адилунд вообще не замечала стоящего рядом с ней Хоуэрса. Не слышала и обидного ответа, который он приготовил для нее. Только

сделала шумный вдох и постаралась снова вернуться в книгу, уже спасаясь ею от неприятных размышлений.

О том, что рядом находится излишне предприимчивый преемник Магистра, Раль напомнил новый щипок, уже болезненный. Она вскинула голову:

— Вы желаете, чтобы я позвала господина Магистра? Мне показалось, что он пообещал вас высечь, — и, снова не дожидаясь ответа, опустила взгляд на книжные страницы. Наверное, Хор удивился бы, видя столь бесстрастное её поведение, потому что привык, что так ведет себя только он, а никак уж не эмоциональная напарница. А она что? А она умела заковывать эмоции, сгонять их внутрь себя, не показывать никому, зато переживать в мыслях вдвое сильно. Мечтательная, задумчивая, тихая Раль. Иногда она была способна спрятаться в своей тишине от всего окружающего мира, даже если к нему относился стремящийся надоесть молодой человек.

Хоуэрс говорил что-то довольно долго, но Адилунд продолжала чтение. История оказалась довольно интересной, да и Раль любила читать заметки путешественников о том, чего никто никогда ещё не видел. И шорох страниц становился громче назойливого голоса хозяина комнаты.

Похоже, Хоуэрс понял, что ничего не добьется своей наглостью, и решительно направился к двери. Успев заметить это боковым зрением, Адилунд аккуратно отодвинула от себя книгу на два с половиной сантиметра, подняла голову и, снова включив манеру Марджорис, поинтересовалась:

— Вы куда, господин Эссентессер?

— А идите вы в... — тут прозвучало такое слово, что Раль пожалела, что не читала в тот момент.

— Я лучше пойду к господину Магистру, — ей было немного противно от собственного тона, зато он действовал.

Хоуэрс опять выругался.

— В таком случае я сейчас принесу подушку и одеяло, потому что я хочу спать.

— Пожалуйста, — все тем же безэмоциональным голосом отозвалась Адилунд, заложила листочком бумаги место, на котором остановилась, и встала. — Я иду вместе с вами.

— Решила контролировать каждый мой шаг?

— Малознакомым людям говорят «вы», господин Эссентессер. Да, я действительно собираюсь проконтролировать каждый ваш шаг. — И ещё показать, что по характеру она сплошная зануда и что лучше к такой не лезть.

Хоуэрс мрачно посмотрел на гостью, которая сама решила ему надоесть, но ругаться больше не стал и стремительно выбежал из комнаты, рассчитывая этим сбить с толку Адилунд. И не зная, что во время их с Хором приключений ей приходилось очень быстро бегать. Нагнать преемника Магистра в коридоре не удалось, однако Адилунд прекрасно увидела, в какую из дверей он запрыгнул. И остановилась возле неё, неторопливо ожидая, когда Хоуэрс вернется: в конце концов, он собрался взять одеяло и подушку, а это не могло занять слишком много времени.

Прошло минут пять. За дверью ничего не было слышно. Раль уже собиралась стучать, как дверь воровато приоткрылась, и из-за неё высунулся Хоуэрс, чтобы почти нос к носу столкнуться со своей гостей. Он опять выругался.

— Я вас жду, — напомнила она достойным Хора тоном.

— А я вас — нет, — зло огрызнулся Хоуэрс и исчез внутри. После ещё пяти минут каких-то невнятных шорохов он появился на пороге с подушкой в руках. Одеяло волочилось прямо по полу.

— Идем, — кивнула Раль так, словно все это было в порядке вещей.

Они вернулись в кабинет, где гостья опять уселась за свою любимую книгу, а Хоуэрс беспардонно улегся на второй стол, даже не стянув с себя домашнюю обувь, а лишь сунув под голову подушку и прикрывшись до пояса одеялом. Адилунд читала, нисколько не препятствуя такому его сну. Минут через десять Хоуэрс предпринял новую попытку к ней пристать, однако снова потерпел сокрушительное поражение и перевернулся на другой бок. Что ж, если ему нравилось так лежать, то не имело смысла возмущаться. В этом доме командовала уж точно не гостья из семейства Мистераль.

Наконец Хоуэрс засопел, решив-таки поспать, и она поднялась. Неслышно дошла до висевших на уровне лица часов, аккуратно сняла их и немножко повертела винтики с рычажками, затем вернула антикварный предмет на место и снова уселась за морские записки. Время текло неспешно и ровно, не взбудораживаясь из-за попыток хозяина комнаты хоть как-то довести гостью.

Жаль только, что Фаркасс не мог использовать против своего ученика метод полного спокойствия и отрешенного занятия другим делом. Да, Хоуэрса следовало перевоспитывать, но как же быть, если у него в таком возрасте упрямства хватало на троих? Нет, Виорди не смогла бы на него так действовать. А свадьба уже назначена... Адилунд запоздало поняла, что если уж исполнять брачный договор, то лучше было взять именно её. Однако в пору заключения того договора Раль училась в Центре Одаренных, и многие даже не верили, что она способна вернуться в семью.

Виорди... Нет, Адилунд не могла вести себя всю ночь так, потому что ей требовался откровенный разговор с Хоуэрсом. Вот бы он хоть на десять минут сбросил свою вечную маску плохого мальчика и начал бы думать и говорить серьезно... Может, им бы и удалось прийти к какому-то согласию в том, что касалось свадьбы и будущего брака. Рондер Мистераль вряд ли интересовался характером жениха, да и в невесте видел всего лишь вещь, поэтому не сомневался, ставя свою подпись на договоре. Что же крылось внутри человека, представляющего другую сторону в этом договоре? Хоуэрс Эссентессер не собирался показывать себя настоящего никому. Вполне возможно, что не стал бы этого делать и в отношении жены.

Но не бывает же так, что внутри души — одна только гниль. Не бывает. Всегда остается что-то хорошее, но оно может очень крепко спать. Самое главное — разбудить, но тут надо действовать либо любовью, либо мудростью, либо всем вместе, потому что мудрость идет в том числе и от любви. Сможет ли это сделать Виорди? Увы...

А могла ли это сделать сама Раль во время их недолгого пребывания вместе? Вряд ли. Но она собиралась хотя бы попробовать, потому что не видела никакого другого способа понять, что же за человек Хоуэрс Эссентессер. Но как к нему подступиться? Какие темы затронуть, как обойти всю наглость, которую преемник Магистра выставлял вокруг себя защитной стеной? Именно что защитной стеной... Фаркасс говорил, что его в свое время жизнь потрепала. Хоуэрс от чего-то защищался до сих пор, привыкнув делать это раньше, и от такой его линии поведения страдали окружающие. Эх, спросить бы о его прошлом у Магистра, но с этим Адилунд опоздала, так что приходилось двигаться самостоятельно.

Что могло произойти с наследником одного из Эссентессеров? Может, ещё в детстве?

Но, кажется, он начал выпускать колючки именно тогда, когда Фаркасс попробовал стать для него чем-то большим, чем просто учитель. Выходит, Хоуэрса возмутило именно это стремление создать ему семью, о которой он не просил. А значит, то, из-за чего излишне нахальный молодой человек переживал и закрывал себя от других, имело связь с близким ему человеком. С очень близким ему человеком. Таким же ценным, как Хор, Эви, Виорди, Хемин и Илана для Адилунд.

Раль задумчиво закрыла книгу и попыталась вспомнить все, что только знала из биографии Хоуэрса Эссентессера. Кажется, он относился к семье Тиргирхольдов до того, как оказался выбран преемником и учеником Фаркасса. Но это семейство никогда не славилось любящими родителями, так что мальчик мог рассчитывать только на уважение к матери и отцу и ответное снисходительное одобрение. В случае успехов, конечно. Брат или сестра... Возможно. Только если профили обучения не оказались разными, а они в итоге разными и оказались. Вряд ли Хоуэрс оказался привязан к брату или сестре так сильно, как это проявилось у Мистералей, хотя кто знает... И, наконец, третий вариант: он мог влюбиться в какую-то женщину и потом, потеряв её, озлобиться на всех.

Так или иначе, человек, которого преемник Магистра так ценил, умер или предал его. Вряд ли предательство. Было в поведении Хоуэрса то, что буквально било через край, кричало о своей исключительности, и вряд ли оно могло родиться из такой драмы, какие происходили в людском мире постоянно. То, что заставило его спрятаться, выпустив наружу одни только колючки, выглядело настолько ужасающим, что молодой человек не выдержал, не смог забыть, а начал меняться, лишь бы меньше переживать из-за этого и меньше показывать свои чувства остальным.

А что могло в последнее время произойти ужасающего? Причем с человеком, равным по положению юному Тиргирхольду или даже юному Эссентессеру? Случайности, при которых он мог встретиться с какой-нибудь прекрасной горожанкой, впоследствии трагически погибшей, Раль не учитывала. Она понимала, что всего предсказать нельзя, и, следуя нескольким правилам, которые Хор постарался ей разъяснить в самом начале их знакомства, двигалась по линии наиболее логичных рассуждений.

А ужасающего в последнее время происходило достаточно. Главной причиной этого стала внезапно обрушившаяся на Грозовой Мир война. Да, сам Хоуэрс жил в Облачном, а родился то ли в нем, то ли в Крылатом, так что не имел отношения к Грозовому, пока не попытался туда сбежать от учителя, но почему бы туда не попасть человеку, которого он любил, во время той самой войны? Зверств хватало... Если объектом одного из них стал тот, кого Хоуэрс ценил, то все становилось ясно. И одновременно все становилось сложнее. Потому что Раль не представляла, как затронет эту тему, а вдобавок и боялась давить на больные места малознакомого человека. Кто знает, может, они на самом деле очень больные.

Едва слышно тикали часы. Адилунд смотрела на пустые шкафы и мучалась необычайно серьезным вопросом. Хор просил её узнать как можно больше об этом человеке, того же требовал долг перед Виорди, Хоуэрс вел себя крайне нагло, а Раль его жалела и не могла решиться на вскрывающий старые раны разговор. Попади на её место Мальс, он сумел бы все сделать быстро, четко и правильно, но ему достался более серьезный собеседник. А Адилунд сидела рядом со спящим на столе Эссентессером, вспоминая оказанный ей неласковый прием и все то, что говорил Фаркасс. Вспоминая, что этот человек мог оказаться убийцей, но одновременно осознавая, что он вел так себя не из простой прихоти.

— Я должна, — прошептала Адилунд. Сколько совесть ни говорила, что так не следует делать, но иного выхода не оставалось. Иначе гораздо сложнее будет Виорди, а ведь она только-только начала оттаивать. Иначе не прояснится расследование Хора, полиция не сделает мельчайшего, а может, и крупного шага по направлению к разгадке. Все они надеялись на Раль, и она не могла не оправдать их надежды, защищая едва знакомого... очень несчастного человека.

Разговор состоится, и ничто не может ему помешать. Так решила Адилунд. В конце концов, мир не построен из одной только доброты, нельзя все время жить в гармонии с самим собой, иногда обстоятельства требуют её нарушить. Не для себя — для других. Это Раль поняла ещё во время их с Мальсом теневого приключения. Он объяснял, что возня с кольцами необходима ради спасения в будущем человеческой жизни, и Адилунд верила, а потому изо всех сил помогала... чтобы оборвать несколько жизней. Те, кто желал воспользоваться магическими вещами вне даже тех правил, какие существовали в тени, те люди становились вне всех законов. И Хор убивал.

Сама Адилунд не сделала ни одного выстрела за все время их совместных действий, только угрожала пистолетом или убегала, а в критических ситуациях ей помогал Мальс... или, как выяснилось, Кей. Раньше казалось, что это везение, означавшее близкое возвращение дара, но стало ясно, что на самом деле выручал Раль убийца, против которого вели сейчас игру Хор и Маршал. И этим убийцей мог оказаться спящий рядом Хоуэрс Эссентессер.

Круг замкнулся, мысли снова вернулись к юному Эссентессеру. Круг замкнулся. Круг. Почему-то от этих слов веяло неясной опасностью, хотя Адилунд не понимала, отчего у нее такая реакция на это. Как бы то ни было, ей следовало подумать о Хоуэрсе и грядущем разговоре с ним. Как намекнуть, как натолкнуть на ту тему, которой собеседник тщательно старается избегать? Раль боялась спрашивать прямо, кроме того, её догадки могли и не подтвердиться. Вот Хор умел вести разговор так, как было нужно ему, а Адилунд не представляла, как подведет Хоуэрса к столь скользкому вопросу. Наверное, стоило упомянуть про войну и постараться развить эту тему, наблюдая за реакцией собеседника. А если не пройдет, то заговорить о чем-нибудь семейном, подхватить для этого пустяковую новость, глупую сплетню...

Прерывая мысли Раль, забили часы, но не просто забили, а зазвенели хрустальной мелодией, заложенной в них мастером и включавшейся несколькими поворотами винтов. Хоуэрс подскочил на своей постели и снова выругался. А Адилунд думала, что у нее много времени...

— Что вообще творится? Что это за будильник? — приемник Магистра хлопал глазами, пытаясь, видимо, осознать, где он проснулся, почему на столе, что здесь делает малознакомая девушка и почему звонят часы, которые ранее вели себя вполне прилично.

— Я должна раз в час проверять, действительно ли это вы, чтобы не случилось какого-нибудь фокуса с иллюзией, — Раль удалось произнести фразу в стиле Марджорис, хотя это вышло и не так легко, как раньше. Она помнила наставления Хора для этой ночи. Поскольку Кей мастерски владел иллюзией, Адилунд не следовало давать повода себя обмануть. В конце концов, такая тщательная проверка требовалась для того, чтобы у полиции уже не оставалось сомнений в невиновности подозреваемого.

Злой и сонный Хоуэрс опять послал её в не самое приятное путешествие. Раль опять напомнила про Магистра Объединенного Мира, и его приемник стал поспокойнее. Однако

снова возмутился, уразумев, что спокойно спать этой ночью ему никто не даст. Адилунд только пожала плечами: в конце концов, Хоуэрс сам согласился на такую проверку. Хотя... попробовал бы он не согласиться. Сразу записали бы в убийцы.

Хозяин кабинета, временно превращенного в спальню, сполз со стола, швырнул на пол подушку с одеялом и заявил, что он отдохнул и дальше спать не собирается. Раль, снова надевшая маску непроницаемого спокойствия, приняла к сведению и снова открыла книгу.

— Да чего ты все туда пялишься? — раздраженно спросил Хоуэрс. — Можно подумать, это действительно тебе интересно.

Напоминать ещё раз об обращении «вы» Адилунд не стала. Она не обладала методичностью Хора, который мог бы повторить это хоть сотню раз и остаться совершенно бесстрастным, поэтому только ответила негромко:

— Это и впрямь интересная книга. Я готова от неё отвлечься, если разговор с вами выйдет не просто набором острот. Я не болтлива, но люблю беседовать с умными людьми. Если хотите, мы можем что-то с вами обсудить.

— Например, вашу прическу, — хмыкнул Хоуэрс, не став уж слишком язвить.

— Мне нравится эта книга, — намекнула Раль. — Если вы настроены шутить — что ж, я вернусь к чтению.

— Да нет, я вовсе не настроен шутить, — поспешно произнес он. — Наоборот, я сейчас более настроен кого-то критиковать или с кем-то спорить. Так о чем же хотели бы поговорить вы? — Хоуэрс сильно растянул последнее слово, не сумев обойтись без карикатурности.

— Даже не знаю, — Раль закрыла книгу, поправив закладку из простого листа бумаги. — Если брать то, что интересно мне, то я хотела бы вас расспросить об обучении Эссентессеров. Дело в том, что один мой хороший друг внезапно очутился в учениках Маршала, — она говорила уже не так медленно, как раньше, потому что не хотела, чтобы её перебили.

— Если вы видели хоть раз моего обожаемого учителя, — скривился Хоуэрс, и Адилунд сообразила, что выбрала немного не ту тему, — то могли бы понять, как очарователен у нас процесс вбивания в голову хоть чего-то. О да, вбивание — в буквальном смысле. Такой уж мне попался наставник. Наверное, Маршал не такой свихнувшийся, как Магистр или Регент, так что шансы у вашего друга есть.

— А чем вам Регент-то не угодил? — с осторожностью спросила Раль.

Хоуэрс посмотрел на собеседницу, как на умственно отсталую.

— Чем не угодил? Да она давно уже переселилась в мир своих фантазий и ни о ком больше не думает. Алкоголичка, только вместо дешевого пива хлещет магию и не может от этого отказаться даже на минуту. Уверен, стоит продержаться эту «правительницу» без её любимых заклинаний всего полдня, и у неё уже начнут плавиться мозги. Жаль только, никто так и не решился на подобный эксперимент. Уважение! О да, великое уважение к великому человеку, ведь это золотце — одна из лучших за последнее столетие. Ах-ах-ах. Красивые умненькие глазки, а за ними — пустота. Регент на совещаниях и голосованиях никогда не может толково высказать свое мнение. У неё в голове пустота, не считая магии.

— Это очень категорично, — заметила Адилунд. — Мне кажется, что остальные правители, будь все так на самом деле, как-то на это отреагировали бы.

— Да все остальные правители такие же, как она! — выпалил со злостью Хоуэрс. Похоже, он вдолбил себе в голову, что живет среди глупых, ничего не понимающих, но

считающих себя умными людей, и оттого бунтовал. — Герцог — выжившая из ума старуха, заставляющая свою преемницу ходить строем. Про своего идиота я вообще молчу. Вот от Маршала, может быть, и будет что-нибудь путное, так что скажу точно: твоему приятелю повезло. Правда, Байонис Эссентессер тоже в свое время торчал на посту Регента, а значит, у него в голове могла остаться радужная каша от этой ерунды, — он задрал нос, кого-то, видимо, пародируя, а затем торжественно произнес, кривляясь: — общая картина магии, величайшая вещь, позволяющая хранить Объединенный Мир. Бред, — выплюнул Хоуэрс уже своим голосом. — Но они же все верят! И люди, которые думают, что ими правят великие люди, тоже во все верят!

— Вы же не думаете, что это массовый гипноз и что вы — единственный человек, который видит правду, — Адилунд стало немного неуютно от этого потока грязи в адрес Эссентессеров.

— Я единственный человек, который варится в этом котле достаточно, чтобы понять, и сохраняет голову на плечах, чтобы не забыться почетом и славой, которые вручаются каждому лже-правителю с его званием, — похоже, Хоуэрс говорил вполне искренне.

— Тогда скажите, почему наша страна все ещё держится, если ею правят такие люди?

— Да страна много что выдержит, ей не впервой, — зло усмехнулся преемник Магистра. — На ней и не так ездили — а ведь не сбрасывала. Народ по-прежнему суется возле земли, не смея глаз вверх поднимать, а правители меняются и меняют все по своему усмотрению, чтобы потом сдохнуть или пустить на свое место других, вещающих по-новому, однако почти не отличающихся от предыдущих.

— Я говорю не о народе, а именно о государстве, — осторожно втиснулась среди потоков его речи Адилунд. — Если бы им правили бездарно, то вместо Объединенного Мира у нас получилось бы по меньшей мере четыре куска, а может, и больше.

— Так четыре куска и есть! — чуть ли не торжественно воскликнул Хоуэрс. — Разве вы не видите? Да регионы плюют на центр, они — Миры, какая им разница, что там вещают Эссентессеры? В каждом из Краев есть свой правитель, и он не обращает внимания на засевших в Облачном Мире четырех тараканов, хотя сам может быть не лучше них. Да, как вы могли бы увидеть, один кусок захотел разделаться ещё на два-три. Из нашей гадостной системы, которую никто из этих якобы правителей и не думал чистить, полезла гниль — и затопила собой половину Грозового Мира! — при этих словах синие глаза бешено засверкали, и Раль поняла: она все верно угадала. Причиной главных бедствий Хоуэрса Эссентессера стала именно война.

— Но нельзя винить в этом только правителей, — попробовала смелее возразить Адилунд. — В конце концов, ту кошмарную идеологию приняли многие среди народа.

— Да потому что посчитали ей ключом к избавлению от этих скотин! — Хоуэрс уже чуть ли не кричал. — Потому что у них уже не оставалось никаких надежд на нынешнюю власть! Людям было все равно, за кем идти, главное, что это могло хоть что-то поменять! А власти не сделали ничего, чтобы это предотвратить! Ни-че-го! — и он опять грязно выругался. — И потому война раскурочила половину региона! Жаль только, — добавил он ненамного тише, — что до Квемеры это не докатилось. Нашим свиньям на престолах было бы полезно взглянуть в глаза тем, кого обманули из-за них. Из-за них! — вот это уже был крик. Сжимая кулаки, Хоуэрс стремительно прошел к стене и, уткнувшись в нее лбом, замолчал.

Молчала и Раль, чувствуя стыд за то, что все же направила его на эту тему, пробудив

немало страданий, но так ничего за это и не получив. Хоуэрс не желал раскрываться: наоборот, только сильнее пытался уколоть всех и каждого, попутно самыми страшными словами ругая Эссентессеров, которых считал виновными в войне, а значит, и в смерти дорогого ему человека.

Наконец он снова развернулся к гостье, нисколько не успокоенный, наоборот, ещё больше разозленный.

— Они обещали! Обещали всегда, но никогда не выполняли! Они говорили, что это ерунда, а это была не ерунда! И ей потом отрезали голову, а фотографии демонстративно прислали в Квемеру — любуйтесь мол! Вот вам и безопасно! Вот вам и ерунда! — кричал Хоуэрс, все больше распаляясь. — А она была даже младше тебя! — он остановился, делая шумные вдохи и выдохи, а затем заорал: — Вон! Вон из моего дома! Убирайся!

Хор напомнил бы ему о договоре, но Раль просто не смогла этого сделать. Она стремительно поднялась и зашагала прочь из комнаты, не думая о последствиях, желая лишь поскорее уйти, чтобы не бередить душу и без того несчастного человека.

— Итак, памятник Фэйну Эссентессеру вам не понравился, поскольку дело явно не во мне. Ко мне вы в итоге прийти захотели, — Толл Каэндра, гостеприимно разлив чай по чашкам, разглядывал сидящую напротив Хемену. Он владел несколькими домами, но для этого разговора выбрал старинное одноэтажное здание на окраине Квемеры, словно выглянувшее откуда-то из позапрошлого века.

Снаружи оно выглядело неказисто, но внутри убранство восхищало тонким подбором предметов, каждому из которых было не менее пятидесяти лет. Сам Толл в честь прибытия гостьи даже причесался и надел темно-синий костюм, хотя в глазах его мелькало нечто диковатое, слишком свободное для официальностей, и это сильно подчеркивалось обстановкой в доме.

Хемена сама не понимала, приятно ей здесь или нет. Нравилось ощущение старины, нравился вкус хозяина, но этот хозяин очень сильно тревожил. Совершенно непонятный, странный, вроде и спокойный, но, похоже, готовый унести куда-то вихрем и заодно унести с собой всех, кто только попадет под руку.

— Я не пришла к памятнику, так как была занята, — соизволила ответить Хемена на риторический вопрос собеседника. — А эта ночь у меня свободна, и, кроме того, я сейчас выполняю по-настоящему важное дело.

— Караулите меня, — уточнил Толл. — Что ж, это весьма почетно и очень нужно в сложившейся ситуации. Будем надеяться, что эта ночь принесет пользу всем.

— Кроме убийцы, — не сумела не сказать Хемена.

— Если вы так говорите, значит, уже убеждены, то убийца — не я, — ослепительно улыбнулся он. — Мне эта ночь принесет пользу в любом случае, поскольку я удостоился беседы с вами.

— Я не понимаю только одного, — с досадой вздохнула Хемена. — Зачем я вам понадобилась? Что двигает вами, когда вы столь упорно пытаетесь завоевать мое внимание? Поверьте, я не страдаю от недостатка поклонников, и, честно признаться, мечтаю, чтобы их стало меньше хотя бы на одного человека.

— Вы меня имеете в виду? — не теряя учтивости, поинтересовался Толл.

— Нет, вы не настолько настойчивы, чтобы успеть мне надоесть. Вас я хочу понять. Того человека... прогнать подальше, чтобы он никогда больше не возвращался.

— Сурово, — оценил Толл. — Мне остается только радоваться, что я у вас на другом счету.

— Чего вы от меня хотите? — прямо спросила Хемена.

— Ничего. Не пытайтесь меня понять, это бессмысленно. Я всего лишь желаю вам хорошего, остальное значения не имеет. Пейте чай, — Толл приветственным жестом обвел накрытый стол, на котором красовались старинный серебряный сервиз и белоснежные салфетки, украшенные причудливым вензелем. — Не будем говорить обо мне, будем говорить о вас.

— А вы знаете, что порой люди боятся его-то только потому, что этого не понимают? — в голосе Хемены звучали разом усталость и отчаяние: этот вопрос выражал все её смятение, нежелание верить сидящему напротив человеку.

— Вы смелая девушка, — вкрадчиво заметил Толл. — Вы не станете бояться из-за подобных пустяков.

— Нет, я так не могу, — тряхнула головой Хемена.

— А я не могу по-другому, — вздохнул Толл, пододвигая ближе к ней чашку, но к своей все ещё не притрагиваясь. — Не сомневаюсь, что, идя ко мне домой в эту ночь, вы намеревались лучше узнать меня, но я не могу доставить вам такой радости. Увы, профессия обязывает. Мне не положена откровенность. Что же касается вас... Нет, я не хочу узнать о вас все сокровенное, я просто пытаюсь вам помочь.

— Почему? — упрямо спросила она.

— Допустим, вы мне нравитесь как человек, — лениво произнес Толл. — И мне не очень нравится Сольсетен Хармад Ричардель.

Хемена вздрогнула.

— Вы... вы об этом знаете? — выдохнула она, осознавая, что о профессии он говорил не просто так. — Но откуда? Вы взяли себе целью самым пристальным образом меня изучить?

— Почему ж? — Толл усмехнулся и ещё ближе пододвинул к собеседнице чашку, как будто это действительно имело значение. — Нет. Я всего лишь открыл небольшую папочку материалов про вас и оттуда взял все необходимое.

— Какую ещё папочку? — напряглась Хемена. — В каких это документах зарегистрированы мои отношения с Сольсетеном Хармадом?

— В наших, — просто ответил Толл. — Я же говорил, что я человек, смотрящий сквозь туман. Вы когда-нибудь слышали о так называемой теневой стороне Квемеры? Если выражаться обычным языком, о всей системе незаконных операций, которая существует в столице?

— Конечно, слышала, — негромко произнесла Хемена. По спине пробежался холодок. Человек напротив был не просто непонятным. Он был опасным. Возможно, даже очень опасным, раз занимал довольно высокое положение в этой системе. По сути, Толл Каэндра относился к преступникам, настолько серьезным и скрытным, что власти приходилось мириться с их существованием. — И... и вы — один из их командиров?

— Именно, — Толл произнес это даже как-то беззаботно. Конечно, он же привык. — Впрочем, спешу вас убедить, что тенивики — это не шайка разбойников, угрожающих покою города, а четко структурированная организация, очищающая Квемеру от немалой доли систематизированной преступности. Сложно выражаюсь? Тогда буду говорить проще. Всем, что считается незаконным, управляет одна группа людей. При этом она хоть и поступает незаконно, но не превышает границ и согласовывает свою деятельность с властями,

одновременно уничтожая тех, кто слишком зарывается. Немало банд, которые могли бы причинить вред столице, нейтрализовали именно теневые отряды. Помимо всего этого, они владеют огромным собранием информации о жителях города, по сути, содержат главный квемерский архив, которым при необходимости делятся с органами правопорядка. Те, кто ходит в тени, не преступают черты и держат в узде всех, кто допускает в своих действиях не совсем законные детали. Наши люди хозяйничают во всех труппах столицы, при этом довольно жестко их вычищают от нежелательных элементов, выполняя, по сути, работу служб порядка.

— Вы пытаетесь убедить меня в том, что ваша организация не просто не вредна, но ещё и необходима? — еле слышно произнесла Хемена.

— Именно, — кивнул Толл. — Преступности избежать невозможно ни одному государству, ни одной системе. Однако стоит выстроить свою систему преступности, имеющую качественные связи с полицией, — и все становится намного проще.

— Но... это же непредсказуемо, — сумела наконец Хемена сформулировать то, что её беспокоило. — Сейчас ваша организация лояльна власти, но, владея такой силой и такими массивами информации, она же может в какой-то момент переменить сторону и начать действовать против государства.

— И устроить свою революцию, захватить власть, заполнить улицы Квемеры трупами? — неприятно усмехнулся Толл. — А зачем нам это нужно? Тени нужна теневая власть, идти дальше нет смысла.

— Но даже эта теневая власть может простираться очень глубоко, — с упрямством качнула головой Хемена. — Столько информации... Это же прекрасное оружие против множества людей. Сколько вы можете сделать одним только шантажом, а если брать и сложные комбинации... Вы опасны. И если вы начнете ради собственной выгоды проворачивать операции, используя, как вы выразились, главный квемерский архив, то вы можете сделать очень и очень много плохого, при том совершенно незаметного.

— Допустим, это действительно так, — Толл стал серьезным. — Однако скажите, будет ли так плохо, если я, например, расштатаю дела вашего отца?

— То, что я не очень люблю моего отца, не значит, что я желаю ему краха, — резко ответила Хемена, ужасаясь от того, что этот человек, похоже, действительно знал о ней все, даже то, что не могло попасть ни в какие документы.

— Я мог бы расправиться с теми его делами, которые бы вам не очень понравились, — Толл задумчиво поглядел на её чашку, но придвигать дальше уже было некуда. — Вы вот только что проповедовали мне о вреде нашей организации. А теперь представьте, что примерно тот же вред может принести любой влиятельный человек, в том числе и ваш отец. Вопрос лишь в том, у кого больше совести и здравого смысла, но ответ на этот вопрос с чужих слов не получишь — только если приглядишься сам. Я пригляделся. И послал свою семью довольно далеко, хотя она это не до конца поняла и сейчас. Я не могу навязать вам свое мнение, но в теневиках опасности столько же, сколько и в любых законных организациях, просто у всех разные методы и разные названия. Суть почти всегда одна и та же. Однако мы говорили о Сольсетене Хармаде Ричарделе. Это его вы хотели прогнать подальше и никогда больше не видеть, верно?

Хемена молчала. Раз уж он такой умный, раз все знал и понимал — пусть устраивает тут монолог вместо диалога.

— Когда я говорил, что собираюсь вам помочь, я имел в виду взаимоотношения именно

с этим человеком, — Толл понял этот намек.

— Думаю, вы в курсе и тех обстоятельств, которые вынудили меня на взаимоотношения с ним, — мрачно произнесла Хемена. — Я в безвыходном положении. Я не могу порвать с ним, потому что тогда все станет известно моему отцу.

— А чего такого в том, что это станет известно многоуважаемому Рондеру Мистералю? — задал провокационный вопрос Толл. — Вам не казалось, что это не так уж страшно на самом деле? Вы сами говорили мне, что хотите выбирать из всех предоставленных направлений. Так при чем же тут ваш отец? Что он вам может сделать? Накричать? Это, допустим, в его власти, но больших проблем вы не получите. Этот человек не властен над вами, как над своей работой. Вы должны это понимать.

— Если я пойду против него, если я не оправдаю его надежд, я... Я... — она судорожно сглотнула. — У меня просто жизнь превратится в полный кошмар. Я умею жить только рядом с семьей, так, как привыкла. А где семья — там и он.

— Покажите, что вы — взрослый независимый человек. Только таким способом можно что-то поменять в вашей ситуации. А иначе — просто ерунда, с каждым годом все больше портящая вам жизнь. В конце концов она действительно приведет вас к кошмару, только это будет медленнее и мучительнее. Вы подчиняетесь отцу, переживаете из-за этого, не подходите для того, что он вам приготовил, выжимаете из себя все, чтобы соответствовать его ожиданиям, а вместо награды получаете новую планку, и все начинается сначала. Замкнутый круг.

— Вот про замкнутый круг не надо, пожалуйста, — нервно попросила Хемена, потому что в голове слишком живо всплыл образ Кея.

— Ладно, не буду, это значения не имеет, — чуть смягчился Толл. — Тем не менее факт остается фактом. Вы не справляетесь. Вы не можете быть тем человеком, на которого рассчитывает Рондер Мистераль, и рано или поздно он в вас разочаруется. Вопрос лишь в том, какой вы станете к тому моменту. Можете совершенно сорвать себе психику и превратиться в неуравновешенного человека. А можете вовремя сказать «нет» отцу и делать так, как считаете нужным. Выйдет конфликт, да. Но если у вас ещё не высосало силы все это, то вы его выдержите без особых мучений.

— Я понимаю, что вы мне советуете, — устало вздохнула Хемена. — Принять бой. Встать против моего отца, а значит, и против семьи. Я уже говорила вам, что я иной жизни не мыслю.

— Так попробуйте представить эту жизнь, — пожал плечами Толл. — Она гораздо лучше той, к какой вы привыкли, хотя с первого раза и кажется, что все ровно наоборот. Подумайте. Сравните. Верный вывод придет довольно быстро.

Она замотала головой.

— Вы не понимаете. Для вас слово «семья» — это просто окружающие вас люди, олицетворяющие собой традиции нашей страны. А я по-настоящему люблю своих сестер и брата, я не знаю, как я смогу жить, если выстрою между нами стену своим конфликтом с отцом. Вы предлагаете и им принять мою сторону? Некоторые из них имеют фамилию Мистераль и обязаны подчиняться главе фамилии, ведь это я Ричардель... Видите, не выходит с этим.

— Это слегка меняет дело, но главному не мешает, — твердо произнес Толл. — Вы можете порвать отношения с людьми, которые вам не нравятся, но сохранить контакты с теми, кого любите. При этом придется проявить немало изворотливости, однако в целом

операция вполне осуществима.

— Я не знаю, как её осуществить, — тусклым голосом отозвалась Хемена. — Полководец, да. Абсолютно бестолковый полководец. Я привыкла подчиняться, Военная Академия не для меня. Я приблизительно понимаю, о чем вы говорите, но я совершенно не понимаю, как это все применить для моей жизни в конкретике. Поэтому я теряюсь, путаюсь и не могу ответить горячим согласием на ваше предложение. Я хочу вырваться из этого... из этой трясины, — слово «круг» говорить по-прежнему не хотелось. — Но я не могу это. Я слишком слаба. Будем смотреть правде в лицо: я не способна это сделать. Вот так. Мне нужен кто-то, кто меня оттуда вытащил бы.

— А моя кандидатура вам не подходит? — аккуратно приподнял бровь Толл.

— Нет! — она с размаху стукнула слишком близко придвинутой чашкой об стол, светло-коричневая жидкость расплескалась по чистой скатерти. — Я вас не знаю, я вас боюсь, потому что вы слишком внезапно вторглись в мою жизнь и ведете себя неестественно! С какой стати вам помогать мне, а? Вдруг вы хотите чего-то большего, чем мой отец и Сольсетен?

— А я действительно хочу большего, — усмешка Толла ей совершенно не понравилась. — Только не от вас, а для вас. Вы меня интересуете не как человек, из которого можно выжать как можно больше, а как человек, в котором можно развить как можно больше.

— Да почему ж именно я? Мы видимся всего-то второй раз — откуда такое великое милосердие, а? Я вам не верю, — как загнанный в угол зверь, твердила она, осознавая, что только в этом человеке и может получить свое спасение. — Все слишком просто. Вы слишком добрый. Так не бывает. Вы — член могущественной организации, серьезная влиятельная персона, которая многое делает ради выгоды, зачем вам понадобилась я?

— Я — серьезный человек? — взмахнул ресницами Толл. — Вот только не придумывайте. Иногда мне надоедает строгий круг обязанностей, и меня тянет устроить что-либо вне его. Признаюсь сразу: у меня на вас далеко идущие планы. Вы бы немало помогли мне в моей дальнейшей работе. Плюс ко всему, я действительно не люблю ректора Военной Академии и не прочь устроить ему хоть какую-нибудь пакость.

— То есть вы предлагаете мне отправить подальше Академию с его ректором и все планы отца — и вместе с вами уйти, как вы выражаетесь, в тень? — прищурилась Хемена. — Да я только что ругала вашу деятельность — думаете, я смогу этим заниматься? Мне кажется, вы слишком самонадеянны, если думаете, что я соглашусь на это предложение.

— Мне кажется, что вы слишком несчастны, чтобы на него не согласиться, — только и сказал Толл.

Раль бродила по неусыпной Квемере до самого рассвета. Лишь часов в восемь она направилась на квартиру Эвальда, будучи не в состоянии докладывать о ночном разговоре Хору. Ведь задание, по сути, оказалось провалено.

Адилунд отперла дверь своим ключом и на цыпочках зашла внутрь, не желая беспокоить Эви и Виорди. Осторожно прошла мимо отвернувшейся к стене сестры и замерла, увидев высунувшуюся из-под одеяла руку в красном рукаве.

Виорди не любила ярких цветов.

Замолотилось сердце в груди, на дрожащих ногах Адилунд сделала несколько шагов к кровати и откинула одеяло, чтобы увидеть алое платье и восковую бледность лица уже

неподвижной сестры.

В один момент закружилась голова, раздался тихий вскрик, словно бы ей не принадлежавший, во всем теле проснулась резкая слабость, и больше Раль ничего уже не помнила.

==== Часть третья. Золотой жезл =====

Лента времени: виток вперед*

Стемнело. Зажигать лампу не следовало: Кудесница приучила всех своих воспитанников к бережному использованию денег и вещей. Но театр не бедствовал: хоть он и не имел популярности, притягивающей к его сцене тысячи людей, но благосклонно принимался публикой во всех уголках необъятной страны.

Хорганек не спалось. Она сидела на своей кровати, обхватив колени руками, и смотрела в окно на черное небо без единой звездочки. Кудесница говорила, дым заводов и свет уличных фонарей спрятали от жителей Квемеры узоры созвездий. Только краешек луны уныло поблескивал в самом углу окна.

В комнате было не так уж и холодно, и Хорганек с удовольствием заснула бы прямо в тонкой короткой ночной рубашке, укутавшись в старый плед, но Кудесница строго велела беречь здоровье, особенно защищать горло и грудь, и пришлось надеть свитер. Он колол руки и шею, иногда даже заставляя засунуть пальцы за воротник, чтобы почесаться. Возможно, из-за свитера Хорганек и расхотелось спать: он вносил некоторое беспокойство, не давая полностью расслабиться, сунуть ладонь под подушку и погрузиться в волшебные миры снов.

А ведь Кудесница сказала, что им нужно хорошенько выспаться: завтра предстояло петь перед искушенными зрителями столицы. Хорганек ждало очень важное и ответственное выступление, требующее немалых сил, а она не могла заставить себя лечь и отхонуть перед ним. Впрочем, такое было часто. Неразумные поступки, угода романтичному настроению, ущерб делу. Кудесница за это не ругала, говоря, что певица и должна жить не так, как все обычные люди, должна находить время, чтобы слушать голоса мира и голос своей души.

О житейских насущных вопросах наставница обещала заботиться сама, что немало помогало Хорганек, но та все же осознавала, что ей следует вести себя разумнее, не полагаясь слепо на Кудесницу. Осознавала, когда глядела на всех остальных детей из их группы, чувствуя себя самой старшей, взрослой, обязанной заботиться о них. Увы, чаще кто-то из младших заботился о замечтавшейся “солистке”, как они её прозвали, хваля красивый голос. Она его считала не очень красивым, самым обыкновенным, просто пела искренне, от души, и людям это нравилось. А Кудесница, прекрасно понимавшая своих воспитанников, подбирала подходящие песни: тихие, светлые, задумчивые, с нежным аккомпанементом фортепиано или тонким пением скрипки.

И завтра предстояло узнать, понравится ли такое жителям столицы. О да, Хорганек волновалась, и это была главная причина бессонницы, затмевающая любой колючий свитер. Завтра... Завтра она наденет свое самое красивое платье. Праздничное. Единственное нарядное, ведь остальные два темно-коричневого цвета, самые простые, и их надо тайком от Кудесницы зашивать, чтобы она, очень занятая, не беспокоилась из-за проблем, которые того не стоили.

Синее платье. С оборками, с пышными рукавами, все такое воздушное, пришедшее из волшебной сказки и прекрасное, как сама ночь. Хорганек всего раз его надевала, когда примеряла, и удивилась, увидев себя в зеркале. Кудесница тоже тогда восхищенно улыбалась

и обещала заплести ей “серебряную косу”, как они двое называли сложную прическу из двух кос, сходящихся в одну.

Мысли об этом постепенно успокоили Хорганек, заставив забыть и о колючем свитере, и о волнении. Она легла, натягивая до самого подбородка плед, и вдруг замерла, снова ощутив беспокойство. Происходило что-то странное, пугающее — и происходило совсем рядом. Сделав глубокий вдох, с легкой дрожью выдохнув, Хорганек спустила ноги с кровати и, осторожно шагая босыми ступнями по паркету, двинулась мимо спящих младших в коридор. Там её ждали тишина и легкое дуновение ветерка: в дальнем конце кто-то открыл окно. А ещё дверь в комнату Кудесницы была открыта, но оттуда ничего не светило — значит, она уже спала. Хорганек знала, как опасен для поющих людей сквозняк, поэтому решительно зашагала к двери, желая её закрыть, и застыла, видя в проеме темную фигуру, склонившуюся над спящей Кудесницей.

Незнакомец обернулся, и вспышка серебристого света в ладонях позволила различить его лицо. Он улыбался.

Комментарий к Часть третья. Золотой жезл

**”Виток вперед” — применяется для описания во вступления к части событий из будущего, “виток назад” — для событий из прошлого.

===== Глава 1. Собранное =====

Глаза у Мальса слипались, и он мечтал лишь об одном: поскорее добраться до особняка Маршала, чтобы сообщить о положительных итогах этой ночи и сразу же завалиться спать. К концу их разговора Бьюкенен просто аккуратно сполз на стол и там задремал, даже не затрудняя себя походом до кровати. Хор с усмешкой сложил все книги в идеально ровную стопку на столе и, старательно протерев глаза, вышел из комнаты, а затем и из квартиры, со вздохом оставив дверь незапертой. В то, что посреди бела дня кто-то захочет лезть в комнату к Бьюкенену, он не верил. К тому же... чем вообще вор мог поживиться здесь, не считая книг по медицине, мало кому нужных?

Даже свежий воздух не помог Мальсу проснуться: его тянуло к земле, ноги заплетались, а перед глазами плавали темные круги. Да, он не раз устраивал ночные похождения, но обычно высыпался перед ними, а в этот раз не получилось, поскольку все вышло незапланированно. Подумав, что такими темпами может и свалиться, Хор отказался от мысли идти пешком и свернул к остановке, желая сократить большинство пути на трамвае и надеясь, что его не придется долго ждать.

Канатные трамваи ходили преимущественно на восточной окраине Квемеры, где холмистая местность плохо подходила для конных повозок, и лишь мощные автомобили взбирались на эти горки, так что изобретенный несколько лет назад трамвай стал избавлением. Он двигался благодаря стальному тросу, протянутому по всей длине маршрута в маленькой канавке между рельсами. Сам трос тащили установки, располагавшиеся в начале и конце линии.

Наконец к остановке подкатился вагон, раскрашенный в бледно-желтый цвет, и Хор шагнул внутрь, отметив, что народа почти нет, хотя в это время город уже пробуждался и начинал жить самой активной жизнью. Но он даже порадовался, что никого нет, потому что было свободно немало мест, и Мальс с облегчением присел. Спать хотелось все сильнее. Вагончик неторопливо двинулся с места и набрал скорость, хоть и не такую большую, какую развивали автомобили и многие конные повозки. Зато с той же скоростью он карабкался на все холмы, становившиеся препятствием для других видов транспорта. Изобретатели

разрабатывали дешевый общественный транспорт по типу автомобилей, но пока это ещё не дало результатов. С такими мыслями Хор равнодушно проводил проплывающий мимо большой дом ярко-черного цвета, а затем выключился — и таким же черным стало все.

Очнулся он от того, что кондуктор потряхивал его за плечо.

— Вставайте, конечная.

Мальс ошеломленно проморгался и дернул головой, рассматривая малознакомые улицы вокруг. Он все-таки заснул! Оставалось лишь надеяться, что ненадолго.

— Сколько времени прошло? — выдохнул Хор.

— Да немного, немного, успокойтесь, мы от Щучьей до конечной минут двадцать идем. Пропустили остановку никак?

— Пропустил, — он выпрямился, потряс головой, окончательно возвращаясь в реальный мир, и полез в карман за новой монетой. — Но ведь мы все равно проедем мимо того места. Я заплачу.

— Да не надо, — махнул рукой кондуктор. — Вы только вылезайте сейчас, надо развернуть трамвай. Не поможете?

— Помогу, конечно, — кивнул Хор и встал.

Поскольку разворачивать вагон на тросе было слишком сложно, существовал особый метод. Мальс вместе с кондуктором затолкнули трамвай, уже не прикрепленный к тросу, на располагавшуюся вслед за рельсами деревянную платформу, а затем вместе прокрутили его до второй линии рельс и толкнули на неё, а кондуктор, вскочив в кабину, рычагом опустил зажим, опять закрепляя вагон на движущемся тросе. Хор на ходу вспрыгнул на подножку, чувствуя себя окончательно проснувшимся от этих хлопот.

Карманные часы он ночью забыл завести, и теперь они стояли, однако Мальс верил кондуктору: времени прошло совсем немного. Наверняка удастся ещё застать Байониса. На нужной остановке Хор сошел, поблагодарив кондуктора. Сразу же выяснилось, что спать хочется почти по-прежнему. С трудом пробираясь сквозь утреннюю толпу народа, он продвигался к особняку Эссентессеров, хотя тянуло прилечь на какой-нибудь лавочке до вечера. Спасало, однако, укоренившееся привычкой стремление ночевать только в том месте, которое он считал домом. Напоминания о мрачных снах и возможных кошмарах заставило Хора ускорить ход и в конце концов в более-менее вменяемом состоянии достичь дверей особняка, уже открытых. Он ввалился внутрь и сразу же встретил Маршала, который прогуливался возле лестницы, явно ожидая своего ученика, дабы обсудить итоги ночи.

— Ну как? — сразу же спросил Байонис.

— А как же «доброе утро»? — фыркнул Хор, на удивление, чувствуя в себе силы огрызаться.

— Сейчас тебе будет «добрый ночи», но сначала скажи, как все прошло.

— Да посидели, поболтали, пооткровенничали, — махнул рукой он. — Ничего особенного. Бьюкенен все время находился под моим контролем. Если сегодня ночью кто и убьет, то это не он.

— Пока никаких сообщений о чьей-либо смерти не поступало, — обрадовал Маршал. — И все же это ещё не повод думать, что Кей не принесет нам сюрприза. Вернулись все наблюдатели, кроме Раль. Ты, конечно, подложил ей приличную свинью с Хоуэрсом.

— Как раз-таки нет, — пожал плечами Мальс. — Она умеет себя вести с зарвавшимися мужиками. Вы просто видели милую тихую девочку, которая стремится никому не причинять вреда, а я находился с ней более длительное время, и знаю, на что она в

действительности способна.

— Мне уже пора в правительство, — объявил Байонис. — Так что обсудим мы это только днем, когда ты уже выспишься. Сколь бы ни было значимо наше расследование, но пренебрегать ради него моими прямыми обязанностями я не имею права. Раль обо всем доложит майору Тровену, вы об этом договорились, ведь так?

— Я учитывал вашу занятость и мою усталость, — произнес Мальс с тем достоинством, на какое только был способен в столь сонном состоянии. — Поэтому и отправил её к майору. Удачного дня, а я все же отправлюсь досыпать.

— Спокойной ночи, — с усмешкой пожелал Маршал, направляясь к двери. Хотя Эссентессеру и полагался личный автомобиль, но Байонис предпочитал передвигаться пешком, тем более что ему редко приходилось преодолевать большие расстояния по городу.

Хор добрался до своей спальни и, кое-как переодевшись, лег. И, почти засыпая, осознал, что предложил Маршалу неправильный план. Они могли воспользоваться самоуверенностью Кея и получить хоть какую-то конкретику в отношении некоторых подозреваемых, если бы подвергли проверке не всех, а только половину. Если б убийство совершилось, то можно было бы с уверенностью сказать, что его совершил кто-то из тех четырех, кого не проверяли. Если б не совершилось — вышло бы наоборот. Да, это не дало бы точного ответа, но сузило бы круг подозреваемых. Скорее всего, сегодня так ничего и не случилось, а значит, возможность что-то узнать пропала.

Сделать такие выводы было совсем несложно. Но Мальс их не сделал. Он понял, что затеял все, втайне желая испортить планы Кею, столь уверенно заявлявшему, что убийство предотвратить нельзя. Но если в случае с Хором действовала задетая гордость, то почему согласился на «ночь проверки» Байонис? Вряд ли Маршал не догадался о том, о чем догадался его ученик, однако он не стал возражать. Почему?

В последние секунды на грани между реальностью и сном Хору казалось, что окна комнат Алексиса Эссентессера смотрят на него с укором.

Даже несмотря на сильную усталость, спал Мальс довольно чутко, и внезапный топот по коридору не мог не разбудить его. Дверь с шумом распахнулась, и на пороге появился всклокоченный и встревоженный... Эвальд Мистераль.

— Что случилось? — сон моментально пропал, и Хор сел на постели, с недоумением глядя на неожиданного гостя.

— Виорди убили, мою сестру, — выдохнул наследник Мистералей.

— Я так понимаю, вы из-за этого примчались в особняк Маршала с таким шумом? Но как вы вообще прошли сквозь двери? — в тоне Мальса осуждения не было, хотя он и не понимал проснувшегося вдруг в Эвальде волнения.

— Э... Я... — смутился тот, и на лице мелькнуло озадаченное осознание. — Меня горничная впустила, — выпалил молодой Мистераль, но Хор уже успел понять, что он врет.

— Нет, все не так, — покачал головой Мальс. — Никакая горничная вас не впускала, вы вошли сами. И потрудитесь объяснить, как вам удалось взломать защиту Эссентессеров.

— Я просто вошел, я ничего не знаю, — с неожиданной злостью ответил он. — Вас это заботит больше смерти моей сестры?

— Я знал, что, скорее всего, этой ночью кто-то умрет, — вздохнул Хор, вставая. — Печально, что это оказалась ваша сестра. Однако вам следовало бы обратиться к майору Тровену, а не ко мне. Я не детектив, а вдобавок ещё и проспал сегодня не более часа.

— Вы друг Раль, — глухо ответил Эвальд. — Вы — тот, кто способен ей помочь, а ей

сейчас очень плохо. Прошу вас, идемте.

— Я иду, — кивнул со вздохом Мальс. — Так вы сказали майору или ещё нет?

— Нет, — с легкой растерянностью произнес наследник Мистералей. — Надо бы, да...

— Бегите сейчас в полицию и просите его, чтобы лично осмотрел место происшествия.

Я доберусь, как смогу. Ведь все же... произошло в вашей квартире, верно?

— Верно, — с тоской отозвался Эвальд. Несколько секунд постоял, глядя куда-то в стену, а затем развернулся и кинулся обратно по коридору, а Мальс принялся одеваться, отгоняя набегающую дрему.

Он уже тысячу раз успел понять, что наследник Мистералей не так-то прост, как кажется на первый взгляд. Но его умение проходить сквозь защищенные самим Маршалом двери не могло не изумлять. Вот сейчас Хор по-настоящему удивился, потому что только сейчас проснувшийся разум это осознал. Похоже, в семье Мистералей водились очень серьезные таланты. Маршалу следовало узнать об этом как можно скорее, но сейчас на первый план выходило убийство Виорди, напрочь рушащее часть теории Мальса — ту часть, которая касалась медного шлема.

Вряд ли Рондер заказал убийство собственной дочери, особенно накануне свадьбы, особенно накануне свадьбы с Эссентессером. Каким бы паскудным характером Хоуэрс ни обладал, связь с правителями давала семье Мистераль немалые преимущества — так зачем же все портить? Значит, названный отец Раль не имел никакого отношения к убийствам. Как и Бьюкенен. Все, кого Хор особо подозревал, оказались невиновными. А кто же тогда виновен? Люди Байониса проверили всех, и никто из подозреваемых дом не покидал. Разве что Хоуэрс, но он тоже мог сидеть тихо, просто Мальс не успел выслушать доклад Раль о её ночном бдении.

Откатившееся было желание спать навалилось с новой силой, и пришлось пройтись до ванной комнаты и подставить голову под струю ледяной воды, чтобы хоть как-то решить эту проблему. Почувствовав себя более-менее бодрым, Хор наскоро вытер волосы висевшим тут же полотенцем и направился через низенькую дверь к выходу из особняка.

На улице все же было довольно холодно, и, хотя это отрезвляло, он все же побеспокоился за частично мокрую голову — простуду не интересовало, каким делами человек занимается и ради чего забывает про здоровье, она просто наваливалась и начинала портить жизнь. Шляпу Мальс не надел, а возвращаться не хотел, поэтому только припустил по центральной улице, чтобы скорее добраться до дома, где проживали прибывшие в Квемеру Мистерали.

Когда Хор подошел к тому зданию, то уже увидел рядом с ним полицейский автомобиль и распахнутую настежь дверь. Майор Тровен успел сюда раньше Мальса, потому что передвигался не пешком. С неба пару раз капнуло, словно сама природа сопереживала потере Мистералей. Сопереживала, как же... Если бы после каждой смерти шел дождь, люди никогда не видели бы ясного неба.

Хор поднялся на второй этаж и прошел в милую квартирку, где этой ночью свершилось убийство. Его встретила Илана, вся бледная. её губы чуть подрагивали, произнося робкое: «Доброе утро». Может, после смерти Мальса Хорана в его семье и устроили бы только официальный траур, но здесь погибшую по-настоящему любили, в том числе и едва-едва вернувшаяся Адилунд. Кто-то в свое время сказал: «Таков закон равновесия: чтобы пришел один, обязан уйти другой». Разумеется, этот закон, даже если бы он существовал, исполнялся не всегда, но вот здесь проявился во всей красе.

Рано утром возвращаясь домой и практически не желая спать, Хемена Ричардель была почти полностью уверена в том, что ей не следует принимать предложение Толла и ломать устоявшуюся жизнь. Да, оставлять все так, как есть, она тоже не собиралась, но устраивать настолько кардинальные изменения, руководствуясь словами едва знакомого человека, выглядело по меньшей мере безрассудно.

Хемена шла к общежитию, намереваясь окончательно выспаться там, но какой-то внутренний порыв заставил её свернуть к самому величественному зданию Военной Академии, хотя сам Маршал разрешил ей пропустить сегодня занятия. И направились ноги не куда-то, а напрямиком в кабинет ректора.

— Хемин, — как всегда, приветливо заулыбался Сольсетен. Ей стало противно.

— Для чего я вам нужна, а?

Ректор не ожидал подобного вопроса напрямиком в лоб, поэтому полминуты изумленно смотрел на Хемену, пытаясь понять, что с ней происходит.

— Я просто хочу помочь, — наконец произнес Сольсетен, и она поняла, что у Толла этот момент выходил гораздо лучше.

— Не надо мне лгать, — с горечью произнесла Хемена. — Скажите: для чего в самом деле я вам понадобилась? Вы хотите взять меня в жены? Или просто держать в зависимом положении, получая от этого удовольствие? Ну же, просветите меня, какой именно жертвой хотите меня сделать.

— Я ничего подобного и не собирался устраивать, — всем видом господин ректор выражал оскорбленное достоинство.

— Да не лгите, — повторила Хемена.

— А я и не лгал, — выражение лица Сольсетена стало жестким, и он откинулся на спинку кресла. — Я не хотел ни первого, ни второго варианта. Мой брат умудрился стать активной стороной в брачном договоре с Мистеральями, и я решил свести вас, двух Ричарделей, соответственно документам и условиям жизни. Учитывая все тонкости вашего положения, вы бы стали прекрасной парой моему брату, поскольку участвовали бы ещё в одной сделке, нашей с вами, и вели бы себя покорно.

— И нельзя было сразу объявить про эту сделку? — раздраженно спросила Хемена. Она с самого начала знала, что этот человек ведет себя не очень благородно, но теперь наконец-то могла дать волю своим истинным чувствам. — Вы столько юлили и строили из себя неизвестно что, не давая понять, что вам не самом деле нужно. Иногда мне казалось, что вы действительно бескорыстны, однако вы начинали вести себя непонятно и порой слишком слащаво... Зачем нужно было все это растягивать?

— Возможно, затем, чтобы получить удовольствие от этого романа, — развел руками Сольсетен. — Вы действительно приятная девушка, особенно когда выглядите полностью уверенной в себе и ни от кого не зависящей. Можно сказать, у нас вышла неплохая любовная история. Потом я бы отправил вас к моему брату, но мы могли бы встречаться и в дальнейшем. Впрочем, не вышло. Я определенно вызываю у вас отвращение. Но как насчет сделки с моим братом? Или вместо этого вы предпочтете общаться с вашим отцом по поводу почти полного отсутствия у вас магического дара?

— Никакой сделки не будет, — отчеканила Хемена. Она видеть не могла этого человека. — Пусть отец узнает, что у меня практически исчезла магия, и пусть ещё все узнают, что ректор Военной Академии покрывает некоторых особо нравящихся ему

учеников!

Сольсетен растерянно посмотрел на неё. Всегда ощущавший себя хозяином положения, не думавший, что она рискнет открыть правду Рондеру Мистералю, он теперь оказался в далеко не самом выгодном положении. Конец интрижки — одно, а разглашение её обстоятельств на всю столицу — нечто другое, совсем уж неприятное.

— Мне все же интересно было бы знать, чем вы займетесь после выхода из Военной Академии. После того, как вас выгонят из Военной Академии, а это произойдет в ближайшие же дни, — все же подколол собеседницу он.

— Ах, чем займусь? — ответ у Хемены был. Даже слишком ошеломляющий, чтобы ректор принял его за правду. — Пойду в теневики! Прощайте, господин Хармад, я искренне надеюсь, что больше мы друг друга не увидим.

Она пулей вылетела из кабинета и победно шагала до выхода из Академии. Пусть Эви разбирается со всеми документами, протестами и проблемами, которые на него свалятся из-за непокорной сестренки. Её уже больше ничего не волновало, кроме нового будущего.

Толл предлагал новую встречу у памятника Фэйну Эссентессера. Что ж, наступила пора полюбить этот памятник...

— А вот и вы, — устало произнес Эвальд Мистераль, поворачиваясь к Хору. — Спасибо, что пришли. Я вам потом все расскажу касательно моих умений, но не сейчас. Сейчас я просто не в состоянии говорить о такой... ерунде.

— Добрый день, — поздоровался и хмурый майор. — Вас прислал Маршал?

— Нет, я по собственной инициативе, — вздохнул Мальс. — Однако сразу же доложу ему, как смогу. Что на этот раз? — он посмотрел на темноволосую, очень бледную девушку в алом платье. Виорди Мистераль. Раль почти не рассказывала о своих сестрах, упомянув лишь раз, что они в детстве были очень дружны, но затем расстались из-за её положения неопределенной в Центре Одаренных.

— Все, как и всегда, — отозвался Тровен. — Перекрашенная одежда, вытягивание магии без каких-либо следов... Я велю сразу же произвести вскрытие, но тут, думаю, произойдет точно так же, как с адмиралом и Алексисом Эссентессером до него.

— Проклятие, — пробормотал Эвальд. — Все так... так... Словно этот человек пытается мстить мне.

— С самого начала предполагалось, что убийства должны происходить рядом с вами, — вполголоса сообщил Хор. — Так сказал Мэшмет Зорренд, но потом Кею встретились мы с Хемин и Раль, и он выбрал нас.

— А мне кажется, что не выбрал, — качнул головой наследник Мистералей. — Сначала Алекс, теперь она... Уж лучше бы сразу убил. Он все обо мне знает, но молчит, молчит ведь, гадина. И не знаешь, то ли скажет на всю страну, то ли просто прирежет тихой ночью. — Поймав очень внимательный, настороженный взгляд Тровена, он с досадой поморщился и потянул Мальса за рукав. — Идем к Раль. Это она нашла Виорди... Нашла, закричала и упала в обморок. До сих пор не очнулась. Идем, — повторил Эвальд. — Халана, тебе тоже не следует здесь оставаться.

Они втроем прошли в соседнюю комнату, где раньше хозяин квартиры уединялся и рисовал. Здесь на расстеленной кровати лежала бледная Раль с закрытыми глазами. Её рука была прижата к груди, словно желая утихомирить бьющееся с болью сердце.

— Тссс, — Эвальд осторожно прикрыл дверь за ними. — Не надо её сейчас будить.

Пусть сначала... уйдут.

Мальс кивнул, понимая, что лучше Раль не видеть ещё раз тела сестры. Илана, вся дрожа, опустилась на диван, брат подошел к ней и без слов обнял, прижав к себе. Сам того не ожидая, Хор внезапно почувствовал тоску. Здесь, в этой странной семье, которую он так хотел изучить, буквально препарировать, по-настоящему друг друга любили. Может быть, Рондер Мистераль и вел себя как все главы фамилий, но эти четверо были самой настоящей семьей. Были... Именно были. Теперь их осталось только трое. Хотя нет, четверо — с Хеменой, хотя её отношения к Виорди Мальс ещё не видел.

— Кей за это ответит, — прошептал он. — Как преемник Маршала, как Эссентессер я вам клянусь, что в ближайшие же дни найду убийцу. Если удастся — он предстанет перед справедливым судом, но смерти он заслуживает и без вынесения приговора.

— Если б я что-то мог для этого сделать... — Эвальд повернулся к Хору. — Но, увы, в этом городе я практически бессилён.

— Зато Байонис Эссентессер здесь практически всемогущ, — негромко пробормотал Мальс, надеясь, что все так и есть. Но в глубине души он понимал, что Маршал не так уж и могущественен против Кея, а вдобавок ко всему он его побаивался. Или побаивался чего-то странного, связанного с таинственным убийцей.

В дверь постучали.

— Господин Мистераль? — снова показался Тровен. — Выйдите на минуту, я желаю вам кое-что сообщить, это важно. Все прочие могут оставаться.

— Я иду, — поспешно двинулся к двери Хор.

Лицо Эвальда скривилось, но он кивнул и, едва-едва перебирая ногами, вслед за гостем вышел в комнату с роялем, где незнакомый лекарь, отдаленно похожий на Бьюкенена Аймалдэна, старательно осматривал лежащую на носилках Виорди.

— В чем дело? — еле слышно спросил Эвальд.

— Видите ли, — вздохнул неизвестный Аймалдэн. — Тут выяснилось одно обстоятельство... Вы знали, что ваша сестра была беременна?

Лицо Эвальда исказилось, и он, внезапно побледнев, пошатнулся, но вовремя схватился за косяк.

— Нет, — глухо произнес наследник Мистералей. — Я этого не знал... Проклятие! Она не могла... — он внезапно с отчаянием посмотрел на Хора, словно ища у него поддержки, но тот ничего не мог сделать. Преемник Маршала не имел никакого отношения к тому, что творилось в этой семье, и не был посвящен во все тайны. Беременность до свадьбы... Урон репутации фамилии, однако Эвальда перекосило так, словно Виорди совершила какое-то ужасное преступление.

— Ваша сестра была беременна, — повторил лекарь. — Ребенок тоже убит, ему просто отрезали голову.

Губы Эвальда дергались, однако он не мог ничего сказать. Мальс тоже вздрогнул от последних слов. Какой же сволочью надо быть, чтобы так поступать с людьми? А ведь Кей имел лекарский дар — откуда у него взялось желание так издеваться над теми, кому ему следовало помогать?

— Эт-то все? — еле выдавил из себя Эвальд.

— Все, — сумрачно кивнул Тровен. — Вы можете идти.

— С-спасибо, — невнятно пробормотал он и, цепляясь за стену, медленно вышел обратно в свою комнату, где его ждала ещё более перепуганная Илана. Мальс двинулся

следом, закрывая за ними обоими дверь.

Эвальд бессильно опустился на кресло и некоторое время молчал, а его бессмысленный взгляд бродил по пустой стене. Видимо, новость стала для наследника Мистералей большим ударом. Хор не желал расспрашивать его ни о чем, понимая, что сейчас его вообще нельзя трогать. Илана, дергая головой, смотрела то на Раль, то на названного брата, то на гостя и нигде не могла найти ни успокоения, ни ответов. Вся ситуация отдавала тоской и мрачностью, заставляя ещё сильнее ненавидеть Кея. Хор чувствовал, как тонет в этом сером болоте безысходности, которая выражалась в каждом взгляде окружающих его людей. И выплыть оттуда он смог лишь после того, как за стеной затихли последние шумы: полицейские унесли тело Виорди, а майор Тровен закончил осмотр помещения и вежливо попрощался с хозяином квартиры, который до сих пор выглядел так, словно его ударили по голове чем-то тяжелым.

Дверь за служителями порядка закрылась, и Эвальд словно бы проснулся. Он тщательно запер замок, затем сказал несколько слов Илане на ушко и велел ей оставаться рядом с Раль, а затем вернулся к Хору в комнату с роялем. В комнату, где умерла Хорди.

— Я не верю, что она могла это сделать, — прошептал наследник Мистералей. — Не верю!

— Вы были о ней столь высокого мнения? — с осторожностью спросил Мальс.

— Да самого обычного мнения я о ней был, — с раздражением махнул рукой Эвальд. — Но этого — не ожидал. Да, я всегда знал, что она мечтает иметь дар, иметь свое место в обществе, а не просто считаться дополнением к мужу. Но чтобы ради этого пойти на такое!

— Извините, но я не совсем вас понимаю, — может, Хор лез туда, куда его совсем не просили, но если бы наследник Мистералей хотел остаться один, он бы отправил гостя ожидать пробуждения Раль, но не отправил же. Значит, хотел именно диалога.

— Конечно, не понимаете, — губы Эвальда искривила болезненная усмешка. — Потому что вы ничего о нас не знаете. А я вам врал. Ну конечно, не раскрывать же тайны семьи первому встречному, особенно если хочешь внушить ему, что мы ничем от остальных не отличаемся. Я собирался очень правдоподобно рассказывать вам ложную официальную версию и потратил кучу времени и сил, чтобы разжиться внушающим доверие материалом на эту тему. А потом наше знакомство прекратилось, и эту тему в разговорах мы так и не развили.

— Вы о чем? — совсем тихо спросил Хор.

— О причине необычайнейшего явления. О том, почему среди Мистералей постоянно рождаются одни девочки, — Эвальд смотрел в другую сторону, а говорил как будто с самим собой. — О том, какие же мы все-таки уроды, не лучше этого убийцы. Вы знаете, Мальс, каждый из глав семейства Мистераль виновен как минимум в одной смерти, а порой и в нескольких, а порой и в многих. Вы хотели знать, отчего у нас не появляются мальчики. Ответ прост, ответ очень прост в плане ответа и очень сложен в плане объяснения, так что, боюсь вы не сможете меня понять до конца. Так вот, слушайте. Детей мужского пола женщины дома Мистераль убивают.

Хор не сказал ничего, понимая, что никакие его слова не нужны Эвальду. Тот просто пытался сбросить с себя груз отвратительных знаний, но боялся затронуть им сестру, потому и выливал все на желающего разобраться в их семье чужака.

— О, мы испробовали уже немало разных средств и в конце концов нашли идеальное. Так мерзко звучит, когда представляешь, для чего нужны все эти средства. Эта проклятая

традиция блюдет уже по меньшей мере сотню лет, но матери очень часто даже не узнают, что их выкидыш на самом деле не случайность. Просто глава семьи или его жена подсыпают беременной в еду определенные травы... И через день мальчика уже не будет. Впрочем, матери от этого не очень огорчатся, потому что они с самого начала знали, на что идут, ведь у Мистералей постоянно случаются выкидыши... Вы, конечно, спросите, зачем все это нужно, — впервые за весь монолог Эвальд в упор посмотрел на Хора.

Тот по-прежнему молчал, боясь своими словами прорывать багровое полотно отчаянного рассказа.

— У мальчиков в утробе дар начинает формироваться раньше, чем у девочек, — глухо продолжил Эвальд. — Не знаю, может, в других фамилиях и по-другому, но у нас все именно так. Если на сроке, не превышающем три месяца, плод погибает, то вся его магия... Нет, не впитывается в окружающую среду. Она вся, — новый отчаянный взгляд, — передается матери.

Разноцветные, режущие острыми краями осколки постепенно складывались в цельную картину, и в ней было больше отталкивающего, чем красивого.

— Из поколения в поколение женщины семьи Мистераль укрепляют свой магический дар, а вместе с тем и положение в обществе, ценой жизни сыновей, причем многие этого даже не осознают, зато главы семей очень внимательно контролируют эти процессы.

— Но почему вы так удивлены, что это случилось с Виорди? — произнес Мальс тихо, надеясь, что весь их разговор сквозь стену не слышит Илана. — Ведь если все идет от главы, в нашем случае — от Рондера Мистералья, то чего такого ужасного сделала ваша сестра?

— У нее свадьба через несколько недель, — Эвальд опять потускнел. — А выкидыш должен был случиться уже во время совместной жизни с Хоуэрсом Эссентессером. А поскольку он далек от всей нашей гадости, то выходит, что все устроить могла только она! Рэр не провернул бы это без её ведома. Вот чего я, хоть убейте, понять не могу. Да, Виорди всегда хотела вырваться из клетки замужества, однако не такой же ценой... Она не могла. Не могла! Я знаю её десять лет, и... И... Можете мне не верить, Мальс. Я знаю, вы скептик и циник, вы холодно относитесь к несчастьям других людей и лишь взвешиваете их в своих расследованиях. Что ж... это правильно. И все же я твердо уверен в том, что Виорди не могла этого сделать.

— По-моему, это не так уж и важно сейчас, — произнес Хор.

— К сожалению, важно, — с горечью сказал Эвальд. — Для меня. И я ничего не могу с этим поделать. Вот с какой стати убили её, а не меня, а? Знаете... Кажется... Кажется, я даже понимаю, почему именно она. Вот как раз из-за этого. И потому я хочу разобраться, как так вышло, что Виорди стала соучастницей столь отвратительного убийства, незаметного, того, за которое никто не покарает, но одного из самых жестоких на свете. Мать, уничтожающая собственного ребенка. Не-ет, — выдохнул он, резко мотнув головой. — Она этого не делала. И я выясню, как и почему все это случилось. Душу из Рэра вытрясу!

— Погодите... — до Мальса кое-что начало доходить. — Вы хотите сказать, что в течение по меньшей мере столетия абсолютно все дети мужского пола погибали, не успев родиться? Но какой в этом смысл? Наследник может принести гораздо больше пользы, чем повысившая свой уровень сил мать.

— Убивали всех, — бесцветным эхом откликнулся Эвальд. — И вы не совсем поняли. Весь дар ребенка шел женщине, весь, и она получала очень высокий уровень. Мистерали стояли почти на одном уровне с Эссентессером. Однако... Прошлые главы семей если

отдавали дочерей в другие фамилии, то не устраивали этого вандализма, а Рэр... Он с самого начала пригрозил Хемин, что ждет её, если она не станет хорошим Ричарделем. Поэтому она делает все, что угодно, лишь бы остаться на высоком уровне, потому что боится за своего будущего сына. Вы знаете... Самое жуткое то, что у большинства детей нашей фамилии идеалом становится семья. Это бывает не так уж и часто. Это у нас есть. Это рушат наши главы. Я воздаю хвалу небесам за то, что такое сделали традицией лишь среди Мистералей, а прочие побаиваются. Хотя лет сто назад такое было нормой во всем королевстве, а потом и в Объединенном Мире.

— Нормой? — вскинул брови Хор. — Тогда почему никому об этом не известно?

— Да потому что об этом старались не распространяться, — скривился Эвальд. — Не если женщина начинала терять дар и это отражалось на общей картине магии, то Регент приказывала ей поднять свой уровень именно таким способом. Красиво, да? Такая гадость существовала ещё при королях, когда Регентом именовали просто самого сильного мага. И тогда любая девушка, поднимавшаяся в верхи, знала, что, возможно, ей придется через это пройти. Потом один Регент — что интересно, мужчина, хотя их в истории меньше, чем женщин — строго запретил это. И убийства прекратились. Но не у Мистералей... Вряд ли Хорди могла провести с кем-то ночь до своей свадьбы, и ещё менее вероятно, что согласилась на подобное.

— А может, ей все предложил Рондер Мистераль уже через некоторое время после начала беременности? — предположил Хор. Разум старательно заработал, придумывая правдоподобную версию, уж слишком несчастным выглядел Эвальд при мысли о том, что его сестра могла решиться на подобное моральное преступление. — Может, глава семьи думал, что она согласится, и до этого специально её принижал, чтобы взрастить мечту о сильном даре? Но все это не означает, что Виорди согласилась убить своего сына.

— А вдруг... — Эвальд замер, пораженный какой-то мыслью. — А вдруг, из-за того, что она начала протестовать, её и убили?

Хор покачал головой, вспоминая все свои подозрения в адрес Рондера Мистералья. Медный шлем. Он или не он?

— Слишком уж это радикально выходит. Я думаю, что у вашего названного отца были методы получше справляться с теми, кто ему возражает.

— О да, — со злостью произнес Эвальд. — Особенно с теми, кто слабее его. Не Виорди... Она... Нет, я ничего не понимаю, однако я пойму! Ему кажется, что он знает и предусматривает все, но кого он не знает, так это меня!

— И я вас тоже не знаю, — прибавил Хор, понимая, что не очень-то хорошо вклиниваться со своими вопросами, однако в другое время он мог просто не получить ответов. — Как вы прошли сквозь защиту Маршала?

— Да я его племянник, — раздраженно ответил Эвальд. — Вы же знаете, у нас в Объединенном Мире все друг другу родственники, а те, кто более-менее близок, близок и магией. Байонис Эссентессер разрешил мне заходить в особняк, вот и все. Спросите его сами.

На некоторое время повисло молчание. Заскрипела, открываясь, дверь, и бледная Илана сделала несколько неуверенных шагов к брату.

— Эви... Мне нужно идти, Эви... Я... Занятия же... — кажется, она только сейчас об этом вспомнила.

— Да, да, иди, тебе надо, — пробормотал Эвальд, глядя куда-то в угол. Сейчас он не мог

подбодрить сестру, сам борясь со своими переживаниями.

Илана медленно, словно во сне, взяла с полки сумочку и двинулась к дверям, но зацепила ногой табурет, и тот с грохотом упал на пол. Она испуганно замерла.

— Виорди! Виорди! — вдруг раздался вскрик из соседней комнаты.

Они втроем, чуть не сталкиваясь в дверях, бросились туда, и застыли, глядя на дрожащие губы Раль и плещущую в глазах боль. Тягостная атмосфера уже ощущалась всей кожей, и Мальс понимал, что ему просто жутко. До сих пор не доводилось встречаться со столь сильным горем нескольких человек. В среде знатных людей смерть давно перестала быть большим несчастьем, и только некоторые плакались и убивались, а остальные смотрели с равнодушием и произносили ничего не значащие слова, полагавшиеся по этикету. Хору вообще практически не приходилось встречаться со смертями хорошо знакомых людей. Виорди оставалась для него неизвестной, но отношение её сестер и братьев к ней цепляло.

— Виорди убили, — безжизненным голосом обрушил все надежды сестры Эвальд.

Лицо Раль перекошилось, и по щеке промчалась быстрая слезинка. Но затем взгляд стал твердым. Неживым.

— Хор... — прошептала она. — Хор, — повторила Раль. Он шагнул ближе и осторожно взял её за руку. Тонкие пальцы сжались вокруг ладони Мальса. — Мы с тобой должны его убить.

— Никто не мог совершить такое сложное убийство за где-то полчаса, — чеканил Маршал Объединенного Мира, глядя в окно на особняк Магистра. — Значит, никто из наших подозреваемых, тех, с кем наши люди провели всю эту ночь, не является Кеем.

— Но есть и тот, кого не проверили до конца, — вздохнул Хор.

— Хоуэрс Эссентессер, — кивнул Байонис, поворачиваясь к ученику. — Признаться, я не верил, что он на такое способен. И все же факт остается фактом. Из всех пассажиров «Расскающей» совершить убийство Виорди Мистераль мог только он. Если, конечно, вы с Бьюкененом не сговорились и не устроили эту серию преступлений вместе.

— Так вы все ещё меня подозреваете? — приподнял бровь Мальс. — Что ж, тогда я готов провести пару бессонных ночей рядом с вами, а заодно и добиться более-менее откровенных отношений.

— Это невозможно, — развел руками Маршал. — Настоящей откровенности я не проявляю никогда. Те, кому я мог доверительно рассказать все о себе, уже мертвы, а новых ближайших друзей я вряд ли ещё заведу. Так что вам придется довольствоваться официальными отношениями и парой откровений в плане моего мнения о некоторых людях. — Он усмехнулся, вспоминая что-то. — Удивительно, однако пару десятков лет назад меня называли болтуном, не умеющим держать язык за зубами и раскрывающему себя перед каждым встречным, если у того красивое личико. Может, я таким и был. Может, злые языки стремились оболгать меня перед Регентом.

— А не перед Маршалом? — вставил Хор.

— О нет. Мнение тогдашнего Маршала не имело никакого значения, поскольку начинал я учеником Регента.

— Интересные метаморфозы, — оценил Мальс. — А я и не знал. Потом у вас обнаружился новый талант — и вы спешно переквалифицировались в главу армии? Или просто некому было занять этот пост? Да, я знаком со всеми фокусами изменения профилей,

но чтобы они проходили так глубоко на столь серьезном уровне... Подобное я вижу впервые.

— А я вижу впервые практически бездарного Эссентессера, ну и что? — пожал плечами Байонис. — Тебе следовало бы лучше изучать историю последних десятилетий. Я стал Регентом и провел в этом звании двенадцать с половиной лет, а затем, всего лишь четыре года назад, занял место Маршала.

— И отчего же такое случилось? — любопытно спросил Хор.

— Ты правильно подумал. Как раз оттого, что лучшей кандидатуры не нашлось, а Объединенный Мир находился на пороге войны, и мы не имели права медлить. В то время как раз с блеском проявила себя Ориаса, и мы, посоветовавшись, сделали вывод, что лучше ей вверить надзор за всей магией, а мне заняться армией. Думаю, мы тогда сделали правильный выбор: сейчас вся комбинация Эссентессеров работает слаженно. Признаться, год назад я хотел уходить в отставку, чтобы передать всю власть Ортесу, однако он умер, и мне пришлось вернуться к полному комплексу ответственности, а заодно и взяться за твое обучение.

— Регент, ставший Маршалом, — задумчиво протянул Мальс, пытаясь понять, как это вписывается в непреложные трактаты о способностях и прочей лабуде. — А такие переходы вообще бывали?

— Разумеется, бывали, но не так уж и часто, чтобы стать обыденным явлением. Однако мы говорили о Хоуэрсе Эссентессере, — вернулся к изначальной теме Байонис. — И о том, что он остается наиболее вероятным кандидатом на роль Кея.

— Мне слабо верится в то, что именно он убил адмирала Иушнице, — признался Хор. — Как-то это... Странновато выглядит. Я не думаю, что Тора Аймалдэн стала бы скрывать его отлучки посреди ночи, а уж она-то точно заметила бы, если бы Хоуэрс ушел. Да и про чутко спящих Ферчазейро с Толлом забывать не следует. Какую фамилию раньше носил Хоуэрс?

— Тиргирхольд. И сначала все думали, что он станет наследником Герцога. Я вот теперь думаю, не лучше ли было отправить его к Нистарии, а то они с Фаркассом действительно скоро друг друга поубивают.

— А почему между ними такие отношения? — хмыкнул Хор, вспоминая теплый прием, оказанный Магистром своему преемнику и отчаянное желание того сбежать куда-нибудь подальше. — Я понимаю, смена семьи, все такое, да и с учителем можно не сойтись характерами. Но чтобы настолько? Они же Эссентессеры, могли бы проявить больше сдержанности и такта. Я даже не представлял, что такое может происходить в верхах Объединенного Мира.

— У Хоуэрса очень, очень сложный характер, а ещё ему пришлось испытать несколько не очень приятных историй. Фаркасс попытался стать ему воспитателем и отцом, и этого молодого нахала подобное отношение просто взбесило. Тогда Магистр сделался из отца любящего отцом суровым. Чуть ли не с ремнем. Подробностей, признаться, мне никто не рассказывал, и я не в курсе, как сейчас проходит обучение Хоуэрса. Скажу лишь, что в происходящем больше его вины, и если кому и начинать двигаться к миру в этом конфликте, то именно ему. Если Фаркасс начнет делать уступки, то это будет расцениваться как отступление или даже как капитуляция, потому он стоит до последнего, а мы видим то, что видим. Я даже не знаю, кто и как может исправить Хоуэрса.

— И все же он остается преемником Магистра — даже несмотря на отвратительный характер? — Хор не до конца понимал эту ситуацию. Он помнил слова Фаркасса о том, что

они неразрывно связаны и что ученику в итоге придется с этим смириться. Однако все выглядело слишком уж сложно. Не лучше ли для всего Объединенного Мира заняться новым преемником?

— У нас есть ещё один кандидат, не носящий пока фамилию Эссентессер, но подходящий на роль Магистра, — пояснил Байонис. — Его воспитанием занимается глава фамилии Аусхассен. Если Фаркасса все же эти трения доконают, то мы сместим Хоуэрса с его поста, а на его место поставим того самого кандидата. Пока же остается только наблюдать за попытками обуздать имеющегося преемника. Надо сказать, смерть невесты вряд ли подействует на него хорошо.

— Если только он её сам и не устроил, — вздохнул Мальс и задумался над тем, как звучат его слова. — Вот знаете, я это сейчас сказал, но никак не могу серьезно в это поверить. Хоуэрс — нахал. Его действительно следовало бы несколько раз выпороть, однако я не могу представить его на месте хладнокровного жестокого убийцы. Как же так? Вы знаете... Мне более кажется... — он нарочно делал паузы, с осторожностью поглядывая на Маршала и ожидая новой резкой критики в свой адрес. — Хоуэрс Эссентессер больше похож на покровителя Кея, — быстро закончил фразу Хор и испытующе посмотрел на Байониса.

— Ну вот, опять покровитель, — с неудовольствием отозвался он. — Для того, чтобы покрывать такие дела, нужно иметь ещё больше хладнокровия и ума. И прилично опыта. Хоуэрс — мальчишка. Я тоже слабо верю в то, что он убивал, но совершенно не могу принять то, что он планировал столь сложные операции для Кея.

— А может, ему и не требовалось ничего планировать? — предположил Мальс. — Может, он только поставлял необходимую информацию. Давайте будем честны: в часозвоню Кей попал именно с дозволения Эссентессера. Причем попадал не раз: ведь он успел там устроить себе настоящий тайник. Что самое удивительное, Регент не обратила на это никакого внимания.

— Можешь спросить у Ориасы, какого цвета стены в её комнате, и она затруднится ответить, тут-то немудрено, — махнул рукой Байонис. — У нее в голове сплошная магия, а если что-то этой самой магии не имеет, то его как бы и не существует. Все Регенты такие, сам знаю. Четыре года назад я тоже интересовался одной только энергией. Засыпаю — а мне все кажется, что к цельной картине примешивается что-то новое, неправильное, лишнее. Потом просыпаюсь и в голове сразу мысль: надо править, надо править. И только потом начинаю соображать, что это был всего лишь сон. В профессии Регента все смешивается воедино: и быль, и небыль, и сны, и реально существующие вещи. Оттого я могу простить Ориасе любую невнимательность. Но вот нам с тобой следует голову употреблять по другому назначению.

— Да почему вам так не нравится идея с покровителем-то? — не вытерпел Хор. Его уже порядком раздражало то, что Маршал отвергает эту теорию без единого серьезного аргумента. Хоть бы объяснил.

— Да потому что этому покровителю все последние убийства без надобности, — решил открыть хоть какое-то свое мнение на этот счет Байонис. — Вспомни, кому досталось. Синди. Как вообще с ней мог быть связан таинственный высокопоставленный покровитель?

— А он и не имел никакого к ней отношения, — с готовностью ответил Мальс. Вот поспорить на эту тему он был не против, поскольку в голове уже успел задать себе эти вопросы и обстоятельно на них ответил. Наконец-то наступила пора этим ответам

прозвучать в разговоре с упрямым учителем. — Смерть Синди произошла по неприятной случайности. Думаю, Кей хотел всего лишь навредить ей, а в итоге все вылилось в гибель.

— Мэшмет Зорренд однозначно убит из-за своих откровений, — двинулся дальше по списку жертв Маршал. — Следующим идет Алексис Эссентессер. И как человек, более-менее сведущий в делах Герцогства, я могу смело тебе сказать, что этот человек не мешал никому.

— Кей называл его предателем, — возразил Хор.

— Не могу даже представить, к чему это относится, — признался бывший Регент. — Хотя, повторяю, я знаю очень и очень многое. А если смотреть на это дело просто со стороны логики: кого и как мог предать Алексис? Страну? Не смешите. В столице это сделать проблематично, да и кому её предавать? Эссентессеров? Опять-таки, кому? Что он такого мог делать? Сдавать информацию? Преемника Регента практически ни во что не посвящали, кроме положения дел с магией, но и про ту Ориаса с ним мало говорила. Она воспитанником совсем мало занималась. Так как ещё Алексис мог стать предателем?

Хор задумался. Признаться, с этой стороны он к делу не подходил, посчитав, что раз обстоятельства жизни погибшего закрыты, то рано включать логику. Как оказалось, логику включать никогда не рано.

— Может, он сделал то, о чем мы ничего не знаем, — наконец произнес Мальс. — Да, совершить предательство в масштабном смысле, то есть сделаться изменником родины, ученик Регента действительно не мог, а значит, это происходило в более узких рамках. То есть среди знатных людей. То есть знать об этом мог только человек, находящийся на одной ступеньке карьерной лестницы рядом с ним, — снова пришел он к любимому выводу о тайном покровителе.

— А мне кажется, что Кей только выдумывает более-менее весомые причины для того, чтобы убивать людей, — отрезал Маршал.

— А я бы не сказал, — качнул головой Хор. — Например, в случае с адмиралом Иушнице мотив вырисовывается прекрасный.

— С Мэйлом-то все понятно, — вздохнул Байонис, на мгновение помрачнев. — Однако что ты можешь сказать о Виорди Мистераль? Зачем Кею потребовалось убивать её? В этой девушке нет ничего примечательного, кроме её сорвавшейся свадьбы с Хоуэрсом Эссентессером, что, кстати, привязывает его к этому делу, но слишком уж очевидно. Он единственный из всех подозреваемых не прошел проверку, потому что довел леди Адилунд до того, что она не захотела продолжать беседу. О том, что проверяют и остальных, Хоуэрс знал. Если б он действительно устраивал все эти убийства и имел хоть каплю разума, он выждал бы до следующей ночи.

— Выждал бы до следующей ночи, да, — с милой улыбкой согласился Хор, предчувствуя аккуратненький поворотец, выводящий на любимую им и раздражающую собеседника тему. — А что, если Хоуэрс запланировал это убийство и отдал приказ о нем, а отменить уже не смог, поскольку не имел срочной связи с исполнителем? Да, я опять возвращаюсь к своей теории с покровительством. А что делать, если она выходит столь красивой?

— Тогда скажи, зачем Хоуэрсу понадобилась смерть Виорди Мистераль, — устало вздохнул Байонис.

— Чтобы не жениться.

— Чем ему женитьба-то помешала? — нахмурился Маршал, слишком быстро задав этот

вопрос. Если бы он его не задал, то через пару секунд ответ прозвучал бы сам собой, Мальсу просто нравилось делать паузы в этой беседе. — Эссентессер властен над брачными договорами, он может отказаться, если они изначально навязаны его старой семьей. Хоуэрс имел выбор и мог с легкостью отказаться от невесты, если она его не устраивала.

— Она его устраивала. Сначала, — вкрадчиво произнес Мальс. — А потом, как я понимаю, стал известен некоторый не очень красивый факт биографии Виорди.

— Ты про беременность? — Байонис помрачнел, вспомнив, видимо, как разделался с неродившимся ребенком Кей. — Я не могу сказать, что это такая уж ужасная вещь, которая моментально отвратила бы Хоуэрса от невесты. Ты пойми, он не настолько чистый нравственно человек. И, полагаю, ему была безразлична жена.

— Вы знаете, почему в семье Мистераль никогда не рождаются мальчики? — тихо спросил Хор.

Маршал на некоторое время замолчал, потом кивнул.

— Знаю. В моей профессии многое приходится знать, а ведь я находился на посту Регента, не забывай. Однако такое происходит только с женами Мистералей, а Виорди отдавали Эссентессеру. Я сомневаюсь, что эта дама решилась бы на столь жестокий шаг.

— Решился её отец, а затем поставил ей ультиматум, — после слов Эвальда о сестре Мальс не сомневался, что именно так все и было. — Виорди поставили перед фактом, ей дали надежду на то, что она сможет раскрыться как член общества, а ведь до того Рондер Мистераль только внушал дочери, что она ни на что не годна. Было бы неудивительно, если бы после этого Виорди согласилась. Но я подозреваю, что она не соглашалась. Тем не менее, об этом мог узнать Хоуэрс, и он мог неправильно это понять.

— И, посчитав свою жену готовой на все ради положения в обществе, убил её? — закончил за ученика Байонис.

— Да. К тому же, Хоуэрс мог посчитать, что она продолжит такие вещи с их общими детьми. Вряд ли это ему понравилось. И если учитывать хорошие контакты с убийцей, то существовал лишь один логичный способ решения этой проблемы.

Маршал снова замолчал, подыскивая, видимо, нужные аргументы против этой теории.

— У меня все же есть два вопроса, — наконец заговорил он. — Первое: если Хоуэрс — всего лишь покровитель, то что нам делать с убийством Мэйла? И второе, вытекающее из первого, да, собственно, и из всего: кто же в таком случае настоящий убийца?

Хор вздохнул. Если бы он мог дать ответ на последний вопрос... Да и первый слегка ввел в ступор, ведь все прочие пассажиры проверялись при гибели Виорди. Может, кто-то из них имел связи с полицией и вступил в сговор с тем человеком, который должен был его контролировать? Но это выглядело совсем уж нелогично. Впрочем, так же нелогично, как и идущий на убийство после беседы с Раль Хоуэрс Эссентессер.

— Но как вы можете ответить на них? — сведущий в военном деле Хор понимал, что порой действительно лучшей защитой становится атака.

— А никак, — чистосердечно признался Байонис. — Меня смущает ученик Фаркасса в роли убийцы: во-первых, как личность, во-вторых, как тот, кто знал о проверке. Предполагать, что убийц трое или что один из подозреваемых сумел как-то обмануть человека, просидевшего рядом всю ночь, глупо.

— А чем же тогда объяснять этот казус? — вздохнул Мальс. — Необычной магией? Но ведь не мог же Кей всего за полчаса совершить преступление со всеми, — он поморщился, — вскрытиями, при условии, что по утрам Эвальд Мистераль спит не так уж

крепко. А ведь ещё следовало потратить сколько-то времени на дорогу туда и проникновение в квартиру.

— Не, это однозначно невозможно, потому-то пассажиры «Рассекающей» и отметаются как виновники. Все, кроме Хоуэрса, конечно. Но такой умный человек, сотню раз повторяю, не стал бы себя компрометировать.

Хор вздохнул. И впрямь происходящее казалось чем-то нереальным. Или они что-то упустили... Но что?

— Хоуэрс вряд ли совершал все преступления сам, — медленно произнес Мальс. — Не стоит забывать, что все операции проворачивал именно лекарь, причем с сильным даром. Я допускаю, что в родне нынешнего преемника Магистра могли оказаться Аймалдэны, но дар однозначно слаб. Поэтому Хоуэрс если на кого и годится, так только на покровителя.

— Выводы про покровителя делай, пожалуйста, про себя, — с легким раздражением порекомендовал Маршал. Интересно, отчего все же его эта тема так задевала? Упорно не желал верить, что рядом находится автор смертельных комбинаций? Но против объявления одного из Эссентсеров убийцей он не слишком-то возражал, были бы факты — объявил бы за милую душу, но почему-то не хотел воспринимать Хоуэрса как покровителя. Упрямство? Вряд ли. Скорее, некое тайное знание, которое Байонис не желал открывать ученику.

— Да мне просто выводы насчет убийцы делать не из чего, — признался Мальс. — Где я вам найду непроверенного человека с даром Аймалдэнов, который присутствовал бы на дирижабле и мог бы совершить убийство адмирала Иушнице? Ну не мог же он все время оставаться невидимым. Может, кто-то из свидетелей лгал? Или... — догадка пришла совершенно неожиданно и хлопнула по лбу. Как? Как он мог не подумать об этом сразу? Видимо, Хор выглядел открывшим гениальную идею, потому что Маршал немедленно потребовал продолжения:

— Что «или»?

— Послушайте... — произнес Мальс совсем медленно, пытаясь нащупать в этой идее слабые места. Почему она раньше не приходила в голову? То, что это дошло до него только сегодня, заставляло искать кучу скрытых подвохов, но те находиться не желали. — А почему бы нашему Кею не использовать иллюзию? Ведь он, при его-то мастерстве, мог проникнуть на «Рассекающую» под видом одного из подозреваемых, предварительно с ним сговорившись.

Маршал со скептическим выражением лица покачал головой.

— Это маловероятно. Нельзя так долго носить на себе чужую личину. Даже если Кей имел очень сильный дар, он все равно долго бы не продержался. А между тем фактически все пассажиры вели себя очень активно: беседовали друг с другом и переходили из одной каюты в другую. Даже Бьюкенен Аймалдэн, которого вы норовите подозревать во всех злодеяниях, немного отоспался и выглядел вполне бодро. Они с дядей затеяли большой медицинский спор, так что даже я приходил, поскольку заинтересовался. Не забывай, Мальс, что ты некоторое время провалялся без сознания и кое-что в поведении многих людей упустил.

— И все же версию с иллюзиями отставлять в сторону нельзя, — упрямо произнес Хор. — Это может хоть что-то объяснять. Иначе мы в полном тупике.

— Мы отставлять и не будем, однако попробуем поискать что-то другое, — подвел итог всему огромному разговору Байонис. — Я ещё выслушаю соображения майора Тровена, и тогда решим, что будем делать дальше. Я пригласил майора на, — он посмотрел на висящие

на стене часы, — три тридцать и, похоже, верно рассчитал, что наш с тобой разговор растянется.

— Похоже, вы начали меня понимать, раз способны предсказать, на сколько я вас задержу своими излияниями великих теорий, — хмыкнул Хор. Часовая стрелка застыла возле трех, минутная — возле двенадцати, секундная в привычном темпе плыла вокруг них.

— Пройдет ещё немало времени, прежде чем мы начнем толково понимать друг друга, как и полагается настоящим ученику и учителю, — вздохнул Байонис. — А вот ты считаешь меня своим настоящим учителем?

— Я считаю вас Маршалом Объединенного Мира, а себя — преемником, — спокойно ответил Хор. — Не могу сказать, что преклоняюсь перед вами, но вас уважаю. Тем не менее, вы не тот мой учитель, за которым хочется следовать хоть на край света. Просто потому, что вы — Эссентессер. А меня с детства готовили если не в Эссентессеры, то в лучшие из лучших Ричарделей. А потом мне это разонравилось, и я порвал с военным обучением — теперь вот вернулся, однако некоторый осадок остался навсегда. Но будьте и вы честны. Я слышал, каким тоном вы говорили об Ортесе. Я верно понимаю, что я для вас не любимый ученик?

— Ты у меня единственный ученик, — пожал плечами Байонис. — Однако ты верно понял, что к Ортесу у меня более теплое отношение, чем к тебе. С тобой я толком не познакомился, тебя не наблюдал во время твоего обучения у других людей, ты остаешься слишком загадочной фигурой, готовой в любой момент повернуть нечто свое, что необязательно может понравиться мне. Ты выглядишь спокойным и надежным, но на деле непредсказуем. Пока я не научился мириться с твоей непредсказуемостью, выгадывать её проявления интуицией, я не могу сказать, что из нас выходят прекрасные учитель и ученик. Однако времени у нас много, и я надеюсь, что все ещё получится.

— А вы не думаете, что я преследую цели, прямо противоположные вашим? — прямо спросил Хор.

— Думаю, что ты считаешь, что преследуешь цели, прямо противоположные моим, — завернул филологическую сложность Байонис и загадочно улыбнулся. — Однако почему ты так уверен, что знаешь мои цели?

— О-о, — выдохнул Мальс. — Скажу честно, я не думал, что Эссентессер Объединенного Мира может проворачивать некие неожиданные дела с непонятными целями прямо на верхушке. Если вы действительно в своих планах схожи со мной, то признаю, что я крупно в вас ошибался.

— А я признаю, что затея Мэйла использовать в экзамене одну из последних битв была так же прекрасна, как и сам его маневр с дирижаблями. Какого же человека потерял Объединенный Мир! — вздохнул Байонис. — Тем не менее, он успел сделать много всего полезного, в том числе и свести нас с тобой. Так уж получилось, что мы оба — бунтари, не до конца согласные с системой. Впрочем, я подозреваю, что ты с ней не согласен полностью.

— Правильно подозреваете, — коротко улыбнулся Хор.

— Но ломать старое сразу до основания губительно для государства, — серьезно произнес Маршал. — Да, менять необходимо, однако в небольших масштабах, постепенно, устраивать не революцию, а эволюцию. И тогда все пройдет не так болезненно. Я читал, как выворачивалось все в стране при свержении королей и установлении власти Эссентессеров. Не могу сказать, что я хотел бы повторения этого сейчас. Поэтому я и хочу очень тщательно

обсудить с тобой все эти темы, чтобы не получить от тебя очень неприятных непредсказуемых вещей. И ещё один момент, о котором я давно хотел тебя спросить. Что это за история, побудившая тебя отказаться от обучения воинской науки и перейти куда угодно, лишь бы не стать Ричарделем?

Мальс сделал паузу. Очень длинную. Он не собирался никому рассказывать эту историю в подробностях, разве что Раль, хотя после того, как она вновь стала Мистераль, Хор побаивался это делать. Некоторые тайны он не мог доверить даже Байонису, несмотря на то, что тот тоже собирался преобразовывать систему общества.

— В результате этой истории я понял, что несовершенство системы может грозить человеку смертью, — наконец произнес Мальс.

Маршал нахмурился. Его не устраивал столь расплывчатый ответ.

— Я так понимаю, большего вы мне рассказывать не собираетесь? Конечно, это ваше право, но жаль, жаль...

— Вы говорили, что никогда не будете со мной откровенны, — пожал плечами Хор. — Я отвечаю тем же самым, и мне кажется, что это вполне справедливо.

— А если я расскажу о себе все самое главное, то, о чем не знала даже моя жена, мир её праху, то ты не согласишься открыть свою тайну? — внезапно предложил Байонис. Его интерес к этому делу оказался действительно силен.

— А у вас была жена? — пробормотал Мальс, тняя время.

— Была, — кивнул Маршал. — Правда, умерла через два с половиной года после нашей свадьбы, а я больше не решился ни на какие отношения. Так каков твой ответ? Мне стоит надеяться на взаимную откровенность?

— Неужели это для вас так важно? — двинул бровями Хор.

— А если я скажу, что от этого зависит дальнейшая судьба Объединенного Мира? — отрешенно спросил Байонис.

Мальс замер. Маршал не мог знать. Он не мог ничего знать об этом, а лишь догадывался, но как же близко эти догадки скользили рядом с той правдой, которую Хор не хотел открывать. Той правдой, в которой сам не разобрался до конца. Той правдой, которая определила всю его жизнь и в итоге привела в этот дом, а затем заставила продолжать этот спор и теперь насмешливо спрашивала: готов ли Мальс Хор делиться ею с другим человеком, едва узнанным.

Тикали часы на стене. Время шло. Байонис вопросительно смотрел на ученика. Тот кивнул.

— Я согласен. Если только увижу с вашей стороны настоящую откровенность.

— Идет, — удовлетворенно кивнул Маршал. — Правда, этот разговор придется отложить на пару дней, пока мы не разберемся с Кеем.

Мальс вздохнул.

— Если б только на пару дней... Кто знает, сколько долго нам придется его ловить. Это очень опасный противник, а у нас исчезли фактически все зацепки. Мы не знаем его итоговых целей, хотя можем догадываться о причинах выбора некоторых жертв, мы не знаем, как именно Кею удастся все проворачивать, и несмотря на два разговора с ним лично и невероятное количество всех допросов, исследований, анализа не можем нащупать его след. Я думаю, что мы должны задействовать по максимуму тех людей, к которым относятся Ферчазейро и Толл Каэндра. У меня есть с ними связи, как вы уже поняли.

— Да, но ты встречался с одними низами, — Маршал, кажется, не верил в то, что это

поможет. — Даже мои контакты ничего не дали: теневики отказываются от сотрудничества и только пытаются прополоть свои грядки от сорняков. Если бы они дали нам информацию о возможных передвижениях Кея...

— Я попробую, — с прежней уверенностью произнес Хор.

— Возможно, ты и имеешь дружеские отношения с кем-то из теневиков, — Байонис не собирався менять скептического отношения к этой идее. — Но пойми, что они могут тебе улыбаться и рассказать о мелочах, но твердо умолчать в главном, потому что подчиняются приказам. Я с этим сталкивался ещё на посту Регента, благо и тогда имел контакты с ними.

Его последние слова Мальс едва различил из-за прозвеневшего звонка. Кажется, Маршал собирався что-то рассказать, но отказался от этой мысли и снова посмотрел на часы.

— А Тровен пришел рановато. И все равно я должен сейчас его встретить, а об этом мы договорим немного позже. Оставайся пока здесь, а я сейчас спущусь к гостям.

— Может, и мне пойти? — предложил Хор.

Байонис без слов покачал головой и вышел за дверь, оставляя ученика ждать. Через некоторое время на лестнице послышался перестук шагов и гул голосов: сюда явно направлялось человека три, не считая самого хозяина. Получается, с майором пришел ещё кто-то из сыщиков? Странно, что до сих пор эти люди не появлялись при всем обсуждении расследования. Впрочем, Мальс не присутствовал на всех допросах и не мог с точностью сказать, что кроме Байониса и Тровена в деле Кея никто не участвовал.

В дверь зашли майор и сопровождавшие его двое полицейских.

— Добрый день, — сухо поздоровался Тровен с Хором.

— Добрый день, — кивнул тот, отчего-то ощущая напряженность ситуации.

— Вы в этот раз рановато, — вошедший вслед за ними Маршал опять посмотрел на часы. — И чем я обязан такому эскорту?

— Вы — ничем, — ответил майор, выглядящий слишком официальным для спокойного разговора с другом. Да и полицейские просто так сюда бы не пришли. Так что же в действительности случилось? — Меня интересует ваш ученик.

— Я много кого интересую, — развел руками Мальс. — Например, добрую половину обучающихся Ричарделей, однако можно узнать, чем именно я привлек вас?

— Узнать, разумеется, можно, — кивнул майор. — Мальс Эссентессер, вы арестованы по подозрению в убийстве Мэйла Иушнице Ричарделя, Мэшмета Зорренда, Алексиса Эссентессера и Виорди Мистераль.

Хор ожидал всего, чего угодно, но не обвинения в убийстве в его собственный адрес. Ему стало бы смешно, если б все не выглядело так серьезно.

— Простите... что? — вскинул брови Мальс.

— Вы арестованы по подозрению в убийстве, — повторил Тровен, и его взгляд совершенно не располагал к шуткам. — Прошу вас пройти с нами.

— Я прошу прощения, — нарочито осторожно вступил Байонис, — однако нельзя ли правителю этого брэнного государства узнать, за что его ученика собираются арестовать? И я вообще-то думал, что вы станете подобные вещи согласовывать со мной, Тровен. Какие у вас доказательства его вины?

Мальса тоже очень интересовал ответ на этот вопрос. В свете полного тупика, куда они угодили с расследованием, он не понимал, какие в принципе могут существовать доказательства чьей-либо виновности.

— Вы желаете доказательств? Что ж, я готов их предоставить. Мальс Эссентессер, покажите, пожалуйста, мне ту вещь, которая висит у вас на груди на золотой цепочке.

Хор застыл, в очередной раз за этот день повергнутый в состояние изумления. Майор встречался с ним раз в третий, но уже успел узнать и понять куда больше, чем Байонис Эссентессер, ну или просто обладал превосходной интуицией, позволившей ему нащупать кажущуюся верной дорожку. Всего лишь кажущуюся. Да, она раскрывала тайну, но совсем не такую, какую хотел раскрыть Тровен.

— Раз уж вы настаиваете, — произнес Хор с отяжкой и неторопливо вытащил из-под воротника золотую цепочку, на которой красовалось золотое же кольцо с эмалевой полоской темно-синего цвета. — Если вас интересует, то это — кольцо памяти, сделанное благодаря магии Серебряного Мира.

— Контрабандный товар, — ровным тоном констатировал майор. — Однако сейчас это неважно. Дайте мне эту вещь.

Чуть поджав губы, Мальс повозился с застежкой цепочки и в конце концов вручил Тровену кольцо. Тот осмотрел вещицу со всех сторон, чуть ли не обнюхав, а затем непринужденно протянул Байонису.

— Проведите, пожалуйста, полный анализ и скажите, для чего это предназначено.

— Да я уже могу сказать, для чего оно предназначено, — вклинился Хор. — Запись кратковременных воспо...

— А я не вас спрашиваю, арестованный, — резко обрубил его на середине фразы Тровен.

— Арестованный? Даже так? — не смог сдержаться Мальс. — Вы пока ещё ничего не доказали, чтобы так меня называть.

— Сейчас и докажу, — невозмутимо ответил майор. — Ваше слово, господин Маршал.

Байонис молчал. И смотрел на ученика так, словно видел перед собой по меньшей мере саблезубого монстра. Медленно переводил взгляд на кольцо, затем обратно на Мальса, и выражение его лица ничего хорошего не сулило.

— Да что с ним не так? — не выдержал Хор.

— Все, — лаконично ответил Байонис, опуская руку с кольцом. — Дело в том, дорогой Мальс, что эта вещь и есть тот самый люминескарий, который оставлял на хранение Хемене Ричардель известный нам всем человек. И предназначен он для того, чтобы держать в себе огромное количество энергии. А энергия эта берется в нем... от людей, из которых вытягивают магию.

— Таким образом, — торжествуяще подвел итог Тровен, — у вас на шее висит вещь, в которую убийца сложил всю энергию, отнятую у погибших. Мы можем устроить полную экспертизу этой вещи и официально доказать, что магия принадлежит именно убитым Кеем людям, однако это уже потом. Того, что есть у нас сейчас, вполне достаточно для вашего ареста.

Хор смотрел на них обоих и не мог поверить в то, что слышал. Как так? Да, это кольцо имело для него огромную значимость, но откуда в нем взяться всей этой энергии?

— Жаль, что это именно ты, — Маршал действительно смотрел на него, как на убийцу, но Мальс чувствовал себя в каком-то странном мутном сне, который не мог понять, как ни силился это сделать.

— Вот так и сходят с ума, — наконец выдавил Хор. — Жить себе спокойно, а затем выяснять, что ты убил по меньшей мере трех человек.

— Неудачная шутка, — майор явно не собирался ему верить. — Я с самого начала заподозрил вас, хоть Маршал и утверждал, что вы не имеете никакого отношения к убийству. В день смерти Мэшмета Зорренда ваше местонахождение точно установить не удалось, однако вернулись вы в общежитие очень поздно. В день смерти Алексиса Эссентессера вы посреди ночи покинули квартиру Эвальда Мистералья, ссылаясь на непонятные причины.

— А ночь смерти Виорди Мистераль я провел рядом с Бьюкеноном Аймалдэном, он может это подтвердить! — перебил Мальс, оглушенный неожиданными свойствами своего кольца, однако не собирающийся сдаваться.

— При том Бьюкеном Аймалдэн один из главных подозреваемых по делу, и вы вполне могли с ним сговориться, дабы обмануть следствие, — заключил Тровен. — Между прочим, это как раз логично, что именно с ним вы провели эту ночь. Я считаю, что все убийства вы проворачивали вдвоем, и, хотя на счет Бьюкенона доказательств фактически нет, я надеюсь, что мы сможем получить их от вас.

То, как были произнесены последние слова, Хору совершенно не понравилось. Он знал, что с преступников в тюрьме пылинки не сдувают, особенно в столь исключительном случае, как с угрожающим даже верхушке убийцей.

— Ага, и все эти письма и разговоры с Кеем я придумывал для того, чтобы всех запутать? — возмущение и растерянность захлестнули Мальса с головой, но ни одного толкового аргумента в голове не рождалось. Отвык, отвык он быстро мыслить в критических ситуациях. — Вам не кажется, что это просто нелепо?

— А вам не кажется, что вот эта вещь однозначно показывает вашу причастность к убийцам? — указующий перст майора вперился в кольцо. — Может, вы и не убивали всех, но однозначно в этом участвовали. Как иначе вы можете объяснить, откуда у вас этот предмет?

— Да я ношу его десять лет! — вся сдержанность провалилась куда-то очень глубоко. — И оно всегда работало как самое обычное кольцо памяти. Так что я мо...

— А откуда оно у вас? — перебил Байонис, одаривая ученика ледяным взглядом.

— Досталось от девушки из семьи Мистераль, — с ходу признался Хор, не уточняя, впрочем, подробностей. — Вся история займет слишком много времени.

— О, у нас будет достаточно времени для бесед, — пообещал майор с нехорошей улыбкой.

— Да провались оно все пропадом! — выкрикнул Мальс, почти что неосознанно делая несколько шагов назад. Выскочить в окно, как это сделал Кей, раствориться в толпе... Одна только проблема — со второго этажа особо не попрыгаешь, а если учитывать высокие потолки первого...

Два полицейских стремительно двинулись следом, однако он предупреждающе вскинул руки.

— Хватит! Никуда я не убегу. Я не идиот, — вся нервозность вылилась в ту фразу, в тот срыв, и теперь Хор более-менее взял себя в руки. Мысль скользнула по разуму, такая верная и такая простая, что он не выдержал и расхохотался. Сочувствующий взгляд Маршала показывал: любимейший учитель подумал, что его преемник попросту тронулся умом. Если бы! — В-вы... Вы совершили великую умственную работу, майор, браво, — наконец смог выговорить Мальс. — Правда, существует одна вещь. Для того, чтобы вытягивать из людей магию, нужен дар. А у меня этого дара нет!

По взгляду озадаченного Тровена стало ясно, что о такой возможности он и не

задумывался.

— Это действительно так? — майор с удивлением посмотрел на Байониса.

— Да, — кивнул тот, однако во взгляде оставалась холодность. — Допустим, ты мог и не совершать вытягивание, однако в любом случае оказывал помощь убийце, так как хранил это кольцо.

— Ну что ж, — Хор сделал глубокий вдох. — Я готов сказать вам, господин Маршал, откуда оно у меня взялось, однако могу это сделать лишь наедине с вами. Как только я все объясню, вы сами решите, кому это рассказывать и рассказывать ли. Надеюсь, майор, — он с усмешкой посмотрел на Тровена, — вы не думаете, что я смогу противостоять Маршалу Объединенного Мира и сбежать. И вообще было довольно глупо приходить и так прямо заявлять мне обо всем: если б я имел силу, как у Кея, я попробовал бы вас всех раскидать, и без жертв не обошлось бы.

— Не наглей, — Байонис по-прежнему глядел на него, как на преступника. — Этот особняк целиком и полностью настроен Регентом на магию Маршала, драка здесь даже для Кея кончилась бы печально. Идем, — он небрежно указал на дверь в библиотеку. — Как раз-таки в этом доме я могу чувствовать себя в безопасности.

— Жил бы Алексис Эссентессер вместе с мамочкой, не было бы у него проблем, — пробормотал Мальс, двигаясь туда впереди Байониса.

— Если бы он жил вместе с матерью, то не дал бы даже повода для убийства, — сухо заметил Маршал.

— Вы поняли, что я имел в виду.

— Я только не понял фамильярности по отношению к Регенту Объединенного Мира, — Байонис плотно прикрыл за ними дверь библиотеки, оперся на ней спиной и скрестил руки на груди. — Итак, я слушаю.

— Это будет долгая история, — предупредил Хор.

— Потерплю.

— Ну что ж, тогда слушайте. — Он не думал, что так скоро поделится с кем-то этим, самым сокровенным, самым серьезным, что только случалось в не такой уж и длинной жизни. — Мне было девять с лишним лет. Я обучался военному делу, мечтал в будущем стать вашим учеником, а в свободное время возился со старой техникой. И однажды я крутил-вертел почти переставший работать патефон. И мне вдруг захотелось — до сих пор не могу понять, почему так сильно захотелось именно этого — придумать устройство, которое мгновенно могло бы передавать реплики одного человека другому, находящемуся на приличном расстоянии. И вот так меня захватила эта мысль, что я решил пофантазировать и начал болтать прямо с этим патефоном, словно кто-то другой мог меня услышать. И знаете... услышал. Тогда я ещё не понял, что это первое яркое проявление моего дара, я просто обрадовался и начал болтать.

— А я и не думал, что у тебя был узконаправленный сильный дар, — усмехнулся Байонис.

— А вот представьте себе, был. И это ещё не все. Со мной говорила какая-то девушка, я не могу знать её настоящего имени, но она точно носила фамилию Мистераль. Моя таинственная собеседница жаловалась мне на тяготы жизни и даже сказала, что может погибнуть из-за того, что вступила в конфликт с семьей. Мы говорили долго, связь постоянно прерывалась, какие-то слова терялись. Я уже не смогу воспроизвести с точностью ту беседу, поскольку прошло слишком много лет, однако самое главное я понял. Я понял, что

наша система с обучением и швырянием человека из одной семьи в другую на самом деле несовершенна и вредна и может даже довести человека до смерти. Потом я расскажу вам историю этой девушки, но сейчас, поверьте, имеет значение не это. А то, что после разговора я обнаружил на своем столе это кольцо, прекрасно зная, что в предыдущие часы его там не было и быть не могло.

— Перемещение человека возможно в особенных случаях и с огромной затратой сил, — медленно выговорил Маршал. — Перемещение предметов, даже магических, нашей магией совершить нельзя.

— Перемещение на расстояние — да. Однако существует один вид магии, позволяющий перебрасываться вещами, а раз на миллион — и людьми. — Мальс сделал паузу, уже чувствуя себя на высоте положения. — И это — дар власти над лентой времени.

Наверное, никто за последние лет пять не видел Байониса Эссентессера настолько удивленным.

— Так ты хочешь сказать, что обладаешь даром времени?

— Я хочу сказать, что обладал им десять лет назад, а затем поговорил с человеком из будущего, притащил оттуда предмет и оказался на мели, — развел руками Мальс Хор. — Сейчас, как вы можете увидеть, во мне не осталось ни капли серьезной магии. Понятия не имею, вернется ли это когда-нибудь, но факт остается фактом. Вполне возможно, что это прекрасное колечко одновременно существует у меня и у Кея. Я в свое время перерыл немало книг и сумел понять, что такое возможно, хотя и не очень хорошо влияет на общее состояние магии.

— Получается, что благодаря этому твоему дару лента времени дала нам ключ к разгадке всех убийств, — наконец сумел сделать толковый вывод Байонис.

— Может, и так, — вздохнул Мальс. — Правда, я только сегодня понял, что у меня на груди висит самый настоящий люминескарий. До тех пор оно вело себя исключительно как кольцо памяти, не отличаясь от тех, что я продавал на руки разным людям.

— Теперь мне ясно, что обеспечило конфликт магии тогда, на «Рассекающей», когда ты потерял сознание возле батерса, — голова Маршала уже приспособилась под открывшиеся факты и старалась объяснить ими все непонятности.

— Да, однако я не представляю, что можно сделать с этим... люминескарием теперь, — признался Хор. — Выходит, что вытянутая из людей энергия существует аж в двойном экземпляре? Я боюсь это использовать, поскольку любые фокусы со временем могут быть опасны.

— А некоторые наказываются заключением, полной блокировкой или даже смертью, — закончил Байонис. — Поэтому тебе следует быть очень осторожным, и ты поступил правильно, решив рассказать обо всем только мне. Тровен об этом не узнает.

— Один только вопрос, господин Маршал, — изогнул бровь Мальс. — А что, если я только что все это придумал?

— Не переоценивай свои способности, — махнул рукой учитель. — У тебя на такое просто не хватило бы фантазии, да и смотрится все слишком нереально. Я б тебе не поверил, если бы это не было правдой. Идем, нехорошо заставлять ждать полицейских. Знаешь, я им очень благодарен: без этой идеи Тровена мы не получили бы серьезную зацепку.

— Да кто знает, зацепка она или не зацепка, — пробормотал Хор, вслед за Байонисом выходя навстречу напряженно ожидающим полицейским.

— Господа, Мальс Эссентессер полностью оправдан, и вы можете быть свободны, — во

взгляде Маршала проглянул настоящий командир-Маршал. — Это приказ. Я не могу открыть вам всего, однако слово правителя вас убедит в невиновности этого молодого человека?

— Убедит, — Тровену не удалось скрыть досаду. — Но я был бы очень рад, если бы вы спустя некоторое время объяснили мне свое решение. Прошу прощения за беспокойство. Всего хорошего.

Проводив полицейских до двери, Байонис вернулся серьезный, явно настроенный на продолжение разговора.

— Давай уже присядем, а то ноги отвалятся, — негромко велел он.

— Или отнимутся от очередного сюрприза, — хмыкнул Хор, со скрипом пододвигая к себе стул. Идти до него пару шагов внезапно стало лень. — Чем вы ещё намерены меня удивить?

— А чем намерен удивить меня ты? — Маршал цивилизованно дошел до стула и только потом сел.

— Да вот ничем, знаете ли. У меня уже не осталось в арсенале чего-то ошеломляющего: все, что только мог, уже истратил. Зато господин майор в этом плане меня немало порадовал. Я и не думал, что могу оказаться идеальным кандидатом в убийцы. Неприятно так обламывать людей. Я, может, для него стал единственным светом в окошке среди всей туманности, а тут выясняется, что сам Маршал за меня заступается. Жуть. Но ради спокойствия уважаемого майора я, конечно, садиться в тюрьму не собираюсь. И тем более попадать под следствие.

— Да и мне нет никакого резона лишаться ученика, — заметил Байонис. — Что ж, если ты уже ничего изумительного мне предложить не можешь, то говорить буду я. Не то чтобы об изумительном, но об интересном. Да, я помню про договор об откровенном разговоре, но это уже вечером, и там я рассчитываю на откровенность с обеих сторон. А сейчас речь пойдет немного о другом. И это — первый шаг ко всему преобразованию Объединенного Мира.

Он на некоторое время задумался, выстраивая, видимо, в голове цельный ясный монолог, а затем начал:

— В начале прошлого века королевская власть была свергнута, а почти все известные цивилизации территории, не считая Островного Мира, объединились в одну страну, в которой мы сейчас и живем. Четверо правителей, взявших себе фамилию Эссентессер, упорядочили всю систему с определением даров, обучением и наследованием, а установленный Регент начал следить за порядком общей магической картины всего государства. Это пошло на пользу всем, поскольку стихийные энергетические выбросы, вызванные неравномерным использованием магии в разных регионах, прекратились. Вернее, прекратились крупные выбросы. С мелкими мы сталкиваемся до сих пор. И хотя об этом не говорят, но многие неудобства, связанные с общим сплетением энергии, сохранились.

Маршал сделал паузу, но не такую, какие любил в речи Мальс: видимо, от последнего как раз ожидался ответ.

— Однако если говорить о poste Регента, то он принес немало пользы, — произнес Хор. — И это как раз то, что я во всей системе практически не критикую. Вернее, я критикую то, как отбирают людей на роль преемника Регента.

— А этим мы займемся, — пообещал Маршал. — Но не сразу. Понимаешь ли, то, что тебя так волнует, затрагивает одних только представителей знатных семей, а то, о чем сейчас говорю я, влияет на каждого жителя планеты, в том числе и на островитян. Магию

необходимо очень тщательно приводить в порядок, иначе пройдет несколько сотен лет, и мы получим глобальную катастрофу.

— Так вас не устраивает то, как Регент справляется со своими обязанностями? — двинул бровями Хор.

— Меня не устраивает то, как построены обязанности. Ориаса великолепна, и её действия, как всегда, безупречны, но ещё не существует той системы, которая позволила бы ей полностью избежать всех недочетов и неприятностей в работе.

— И вы собираетесь создать подобную систему?

— Именно. — кивнул Байонис. — С твоей, между прочим, помощью.

— Хотите ещё одного человека, совмещающего обязанности Маршала с обязанностями Регента? — Хор не мог понять, к чему он клонит.

— Нет, в качестве Регента ты крайне плох, потому что уже посеял свой дар, а без магии находиться на этом посту, прямо скажем, проблематично. Ты мне нужен как Маршал, как глава армии, не зря же я выбрал тебя по твоим талантам.

— Собираетесь уходить в отставку и отдавать мне свой пост? — сыпал предположениями Мальс.

— Нет. Стране придется смириться с двумя Маршалами одновременно.

— Это как? — Хор совсем уж запутался.

— А вот так. Маршал Грозового Мира, — почти что мечтательно произнес Байонис. — Тебе нравится, как это звучит?

— В принципе, красиво, — насторожился Мальс. — И даже более складно, чем Маршал Объединенного Мира. Однако как вы себе это представляете? Группа Эссентессеров в каждом из миров?

— Верно, — кивнул Байонис. — Так и есть. Потому что для каждого Края должен быть по меньшей мере свой Регент. Не помешает и свой Герцог, потому что не дело управлять целым регионом Мистералию или Каэндра. Ну, а высшая судебная и военная власти каждому отдельному Миру тоже станут полезны.

— А командовать всем этим обширным семейством будут Эссентессеры Облачного Мира?

— Да. Их роль сделается наиболее почетной, то есть мы создадим иерархию даже в нашей фамилии.

— В четыре раза больше правителей, в четыре раза больше наследников, — задумчиво произнес Хор. — Да, много Ричарделей, Аусхассенов, Тиргирхольдов и Зоррендов будут рады, однако... не многовато ли?

— А так их место занимают Мистерали в Грозовом, Хорана в Крылатом и Каэндра в Серебряном, хотя предполагается, что во главе каждого из регионов следует стоять так называемым «фамилиям-заместителям» Эссентессеров. По сути, мы изменили только имена, да ещё добавим ворох наследников, но их увеличение даже сыграет нам на руку. Если, например, один из Эссентессеров скончается при неопытном преемнике, то лучше позаимствовать толкового человека у соседнего региона, хотя, например, с Регентом это не всегда удобно. В любом случае, от подобного преобразования хватает пользы. По сути, оно меняет мало что, скорее называет вещи своими именами. Не стоит забывать и тот факт, что каждый из регионов живет собственной жизнью, стараясь ограничивать все контакты с прочими. Облачный-то привык быть центром страны, а другие? Они столь ревностно хранят своим секреты, что кое-где вводят меры более строгие, чем в ранее существовавших

отдельных странах.

— Я вполне согласен, — Мальс быстро ухватил суть его речи. — Однако так ли это понравится всем остальным?

— Если Эссентессеры большинством голосов согласятся, то мнения прочих никто и не спросит. Не думайте, что Рондер Мистераль начнет устраивать бурю по поводу вашего поста в Грозном Мире, однако нам все же нужно, чтобы согласились правители. Необходимо устроить голосование.

— Так устраивайте. В чем проблема-то? — слегка не понял Хор.

— Не проблема. Недостача одного пункта плана, — Байонис слишком внимательно посмотрел на ученика. — Необходимо заявление автора всей идеи, чтобы её вынесли на голосование.

— И вы хотите, чтобы это сделал я? — догадался наконец Мальс, что от него хотят.

— Именно.

— Но разве это не будет ложью? — Хор слегка смутился от столь щедрого предложения. — В конце концов изначальный автор всей идеи — вы. Мне не очень-то красиво блистать речами о крупном изменении страны, словно я сам все это обдумал. Мне вообще поверят? Я слишком молод и неопытен для подобных проектов, да и последние несколько лет я провел в Центре Одаренных. Как я мог провести столько умных размышлений и сделать не такие уж и простые выводы? Мне неудобно все это начинать.

Выражение лица Байониса стало хитрым.

— А ты представь, что я все это придумал, но не решился претворить в жизнь. Представь, что в одном из наших с тобой разговоров я вдруг начал разливаться соловьем на эту тему, высказал много замечательных логичных идей, практически составил цельную картину будущей преобразованной страны... А когда ты спросил меня: «Почему бы не устроить все это на самом деле?» — я только замахал руками, сказал, что существующее положение меня полностью устраивает, и порекомендовал тебе заняться другими, более важными вопросами. Представь себе, что ты увлекся этим проектом и, несмотря на все мои слова, твердо решил разрабатывать его, и в итоге представил его на суд Эссентессеров, поскольку я столь горячо поддерживать тебя не захотел.

— Допустим, я представлял, какую версию событий должны увидеть правители Объединенного мира, однако я не до конца понимаю истинный вариант.

— А чего тут понимать-то? — пожал плечами Байонис. — Я даю идею. А вместе с ней — всю ответственность за неё. Если в итоге проект провалится, то спрашивать будут с тебя, и никто не посмотрит на то, что изначально дал толчок я. Это цена. Выбирай.

— То есть вы в этой истории крайний?

— И никакого отношения к ней не имею, — учтиво кивнул Маршал. — Я довольно сдержанно выскажусь за эту идею на голосовании, сочту её вполне здоровой, хоть и довольно непривычной, а дальше уж решать прочим Эссентессерам. Надеюсь, Ориаса поймет все важность затеи, Нистария, Герцог, всегда поддерживает здравые предложения, не совсем ясно с одним только Фаркассом.

— Кажется, из всех правителей и учеников самые удивительные — это Магистр с преемником. — Хору вспомнилась наглость Хоуэrsa и злость его учителя. А ведь ученик мог быть и Кеem, хотя кто уж его разберет...

— Можно сказать и так. Впрочем, Герцог тоже оригинал, ну и свою скромную персону назвать привычным для Объединенного мира Эссентессером я не могу. Что касается тебя —

так ты вообще удивительный экземпляр с даром времени.

— Знать бы ещё, кто из этого букета необычностей мог стать покровителем Кея... — нарочно поддел учителя Хор. Впрочем, он до сих пор подозревал в этих темных делишках кого-то их правителей.

— Ты экземпляр с даром времени и наглости, — поспешил внести уточнение Байонис.

— А вы экземпляр с редкостным упрямством. И никогда, наверное, толком не объясните мне, почему так протестуете при озвучивании этой версии.

— Мне понравился комплимент про упрямство, так что не объясню, — развел руками Маршал.

— А мне нравится комплимент про наглость, так что я продолжу в том же духе, — в тон ему отозвался Хор.

— И пусть теперь хоть кто-то скажет, что мы не подходим друг другу как учитель и ученик, — усмехнулся Байонис. — Одну партию поем, если выразаться языком Ориасы — или меня в молодости. Однако какое решение ты принимаешь по моей идее? Хочешь ли стать Маршалом Грозового Мира?

— Вы не перечисляли преимуществ лично для меня, однако они ясно видны нам обоим. — неторопливо принялся отвечать Мальс, отодвигая вердикт под самый конец. — Я получаю влияние в Грозовом Мире и просто для всей деятельности, какой только хотел заняться. Конечно, я получаю и приличную долю ответственности. Посему назревает вопрос: скажите-ка, господин Маршал Объединенного Мира, а правильно ли посылать на управление регионом малообразованного юнца, который не сможет толком им управлять? Да, правители могут принять эту идею, но с чего им обязательно назначать в Эссентессеры Грозового Мира именно меня? Можно подумать, не существует более удобных кандидатур. В отличие от тех же Хоуэрса или Алексиса я не находился на глазах у всех длительное время, от меня вообще можно ожидать чего угодно. Да, мне выгодно становиться Маршалом на моей родине, однако станут ли это продвигать господа правители?

— Станут, станут, — пообещал Байонис. — У них просто нет другого выхода. Во-первых, потому, что идею предложил именно ты и ты приблизительно знаешь, как с ней работать. Во-вторых, ты — самый лучший кандидат в плане военного таланта и гороскопа: не забывай, что с самого начала тебя определили именно как будущего полководца. Ну, а с армией справляться не так уж сложно, как, например, с выдвижением и одобрением законопроектов. На первых порах тебе помогут знающие люди, а дальше уже сам приспособишься.

— А как же насчет того, что я не обладаю никаким магическим даром?

— Судя по тому, что ты неплохо взаимодействовал с кольцами памяти, можно предположить, что часть твоего скрытого резерва реально направить в артефакторику, а этого уж хватит: будешь все проводить не с помощью своей силы, а с помощью магических предметов. Да и в конце концов, ты же Маршал, а не Регент, и тебе незачем иметь мощный дар.

— А кто же станет Регентом, Герцогом, Магистром? Алексис погиб, а на Хоуэрса я ни в коем случае не соглашусь, хотя он был бы рад сбежать от своего учителя, — хмыкнул Хор, не став упоминать, что Хоуэрс все ещё под подозрением.

— На роль Регента возьмем одного из способных Зоррендов, кого именно — решит Ориаса. В любом случае, для того, чтобы управлять Грозовым Миром нужны другие навыки, так что Алексис Эссентессер не сгодился бы. С Герцогом сложнее. Им, я думаю, должен

стать кто-то из грозовых Тиргирхольдов — определенно тот человек, который достаточно хорошо знает регион, его обычаи, его секреты и особенности. Ну, а с Магистром, в принципе, можно тянуть дольше остальных, пока не подберется достаточно обученный подходящий кандидат. Итак, ты согласен?

— Да, я согласен, — ответил Мальс даже без театральной паузы. — Буду надеяться, что вы не устроили все это только для того, чтобы избавиться от меня, а заодно навредить Рондеру Мистералю.

— Надейся, надейся, — усмехнулся Байонис. — Скрытнич великий. Я тоже не люблю выставлять все свои планы напоказ. Если такой умный — сам додумаешься, а если не сумеешь — твои проблемы. В ближайшие же дни я назначу дату голосования. А тебе, когда настанет срок, нужно прийти в правительство и передать бумагу, содержащую наиболее точное отражение всего проекта. Её составишь сам, я тебе с этим помогать не собираюсь, потому что Нистария с моим стилем знакома и может заподозрить что-то неладное.

— А писать разными стилями вы не умеете? — приподнял брови Хор, пытаясь в мыслях набросать примерный план этой бумаги.

— Умею, но тебе лучше показать всем свой собственный, — припечатал Маршал. — Чтобы начали запоминать, это полезно. Я надеюсь, что им не раз ещё придется сталкиваться с документами от твоего имени, написанными от начала до конца тобой же. И остается только мечтать, чтобы эти документы не шли на пользу Объединенного Мира. Впрочем, польза для страны — понятие настолько относительное, что во его имя и ломали, и строили, и жгли, и тушили пожар. Ну, а мы с тобой будем незаметно подламывать некоторые части и тут же на их месте воздвигать нечто новое, более правильное. Мы оба темные лошадки, с которыми остальным ничего не ясно. Когда я говорю про тебя, в группу остальных вхожу я, и наоборот.

— Союзники — и каждый себе на уме. Вот кто мы, — согласился с этими пространными рассуждениями Хор. — Однако союз заключен, ведь так?

— Именно так.

===== Глава 2. Созданное =====

Комментарий к Глава 2. Созданное

Товарищи, предупреждаю: в этой части есть бред сумасшедшего и последующий его анализ. Он больше запутывает, чем поясняет. Не исключаю, что так подробно это можно и не описывать, но... Сами сделайте вывод, когда прочтете эту главу, и, если большинство решит, что надо сократить, — сокращу.

Виорди... Виорди, Виорди, Виорди... Столько Раль беспокоилась насчет её брака с Хоуэрсом Эссентессером, а теперь выяснилось, что зря это все. Не о ком беспокоиться, некого поддерживать, некому шептать на ухо добрые слова, некого убеждать в том, что на самом-то деле все хорошо. Все было плохо. И Виорди больше не было на этом свете. Только-только она поверила в себя, только-только на горизонте забрезжил рассвет, как все надежды и мечты сломала жестокая рука. И их младшая сестренка, их общее сокровище, которое каждый старался приукрасить... Её убили. Услышав от Эвальда эти ужасные слова, Раль хотела плакать, кричать и биться в истерике, потому что не верила, что так могло произойти, потому что это было очень больно и несправедливо. А потом она словно бы оцепенела.

Оттаявшая в семье, поверившая в то, что счастье совсем рядом, с надеждой смотревшая в будущее — теперь застыла льдинкой с одной только мыслью, с одной только целью. «Хор,

мы вместе убьем его», — прозвучало в тишине жутким обещанием, не её голосом, но её ненавистью и её горем. Адилунд Мистераль боялась чужой смерти. Смерть не чужая, а слишком близкая превратила её в оружие.

Это потом, когда все уже ушли, Раль лежала и плакала в подушку, вытирая слезы рукавами платья. Из горла вырывались сдавленные возгласы: она звала Эвальда, Хора и Виорди, которая уже никогда не смогла бы откликнуться. Кей... Тварь. Убийца. Человек, с легкостью разрушивший чужое счастье. Он сам заслуживал самой жестокой смерти, и если раньше Адилунд хотела, чтобы с ним разбиралось правосудие, то теперь мечтала убить его своими же руками.

При всем том она совершенно не знала, что и как делать. Даже Маршал и Хор, имея на руках все зацепки, не могли поймать Кея, а Раль уже далеко отстала от расследования. Она обладала лишь безумным стремлением расправиться с таинственным убийцей. Что же дальше? Теневики так и не дали более полной информации — видимо, не сумели её найти. Но что, если попробовать второй раз? Если посмотреть со стороны, это фактически ничего не давало. Что могло измениться с прошлого раза? Адилунд лишь помнила свое сильное разочарование, когда по тому каналу ничего не удалось узнать. Что-то внутри излучало абсолютную уверенность в успехе, и неудача заметно её огорошила. Почему? Почему так произошло тогда, и почему так тянуло повторить все сейчас?

Раль не обладала рассудительностью и внимательностью к мелочам, какими выделялся Хор: все умозаключения, которые могли бы помочь делу, она выводила большей частью из интуиции. Это работало и теперь. Адилунд не знала, чем прошлый раз был хуже этого, но знала, что обязана повторить. Тогда просто что-то пошло не так, а сейчас не могло не получиться.

И Раль, тщательно отмыв и слегка напудрив лицо, чтобы никто не понял, что она плакала, снова направлялась к книжному магазину, хозяин которого наверняка её помнил. История повторялась. Намек, склад, открытая дверь, за которой располагалась уютная комнатка, и темноволосая женщина в ней.

— Я хочу знать все о медном шлеме.

— Если мы не подаем знака, это значит, что мы не нашли того, что вам нужно, — степенно ответила женщина. — Почему вы пришли?

— Это важно. Очень важно, — убежденно повторила Раль. — Вы понимаете... — Её голос зазвучал совсем тонко, на грани срыва. — Из-за этого уже погибла моя сестра! Я должна знать. А вы должны сказать мне. В прошлый раз вам что-то мешало, я знаю. Но... умоляю! Наверное, я не слишком приобщена к теням, чтобы иметь право знать. Однако... нельзя ли хоть как-то...

— Можно, — механически кивнула женщина. — Но для этого необходимо, чтобы за вас поручился тот, кто смотрит сквозь туман.

— Я встречалась с такими людьми, — прошептала Раль. — Но я не могу точно сказать...

— Проще говоря, поручителя у вас нет, — неумолимо заключила женщина. — И все же, может быть, у меня получится что-то для вас сделать. Как ваше имя?

— Адилунд Мистераль, — робко назвалась она, понимая, что все пропало.

— Адилунд Мистераль? — лицо собеседницы вдруг просветлело. — Вы названная сестра Хемены Ричардель?

— Да, — с прежней нерешительностью кивнула Раль, гадая, к чему та ведет.

— В таком случае есть человек, готовый за вас поручиться, — внезапно обрадовала женщина, хотя Адилунд не поняла, отчего все так.

— Но... — начала она, надеясь на хоть какое-то объяснение, однако собеседница перебила уже на первом слове:

— Это не важно. Если он захочет вам все рассказать, то расскажет, а я не знаю ничего. Итак, вас интересовал медный шлем?

— Да, — с облегчением кивнула Раль. Наконец-то хоть какой-то шанс зацепки! Не просто так Мэшмет Зорренд указал им на это. Но Хемена... Она была так далека от всего этого, а теперь, по сути, благодаря ей и вышло поручительство, пришла удача.

— Как я вам уже сказала, это не прозвище, — монотонным голосом принялась объяснять женщина, а Раль слушала, хоть и нетерпение заставляло сердце биться сильнее, а мысли умоляли женщину говорить побыстрее. — Но это и не род деятельности. Шифр. Тот шифр, который используют в тени и скрывают, насколько могут. Именно поэтому я не могла ответить вам ранее. За информацию о любом деле, касающемся шифра, нужно платить много и уже на другом уровне взаимодействия с тенью.

— Я готова ко всему, — решительно выдохнула Раль. — Я отдам долг, я вникну во всю систему, но для начала, умоляю, скажите: что означает медный шлем?

— Он означает свадебный венец, — изрекла теневица. — У нас это не символ, так что дальше придется думать вам самим. Через три дня ожидайте человека от нас, он объяснит условия сделки. Я вижу, что вы торопитесь. Всего доброго.

Раль выходила из магазина, и сердце отчаянно билось, а мысли тщетно пытались вникнуть в смысл услышанного. Свадебный венец. Остерегаться свадебного венца. Да что же это значит? Почему Мэшмет Зорренд это сказал? Только у Виорди могла быть свадьба, но её не будет, потому что Виорди умерла. Погибла из-за Кея. Раль стиснула зубы. Она не могла останавливаться — после того, как этот человек убил её сестру.

Вот уж кого Мальс не ожидал увидеть здесь, так это Ли Ханненсдон. Какое отношение к расследованию имела милая директриса Центра Одаренных? Тем не менее, она стояла перед лестницей на второй этаж, уже пропущенная слугами внутрь, и, приветливо улыбаясь, сообщала бывшему ученику, что желает видеться с Маршалом. Хор был не прочь лишний раз продемонстрировать ей свое нынешнее положение, хоть это желание покрасоваться и имело не самые хорошие корни. Он до сих пор ощущал злорадство, поскольку сумел вырваться из Центра, и не на помойку, а в обучение к Эссентессеру. Одно это должно было заставить некоторых людей задуматься об идее распределения людей по способностям и гороскопам. И магическим дарам.

Заверив Ли, что доложит обо всем Байонису, Мальс поднялся по лестнице, стремительно преодолел пять шагов по коридору до нужной двери, без стука скользнул в кабинет Маршала и наткнулся на вопросительный взгляд.

— В чем дело?

— К вам Ли Ханненсдон, — доложил Хор. — У нее некое дело, связанное с Кеем. Эта дама не из тех, кто станет беспокоить по пустякам, и я думаю, что разговор должен состояться немедленно.

— «Я думаю»? — приподнял бровь Маршал.

Мальс невозмутимо кивнул.

— Её могу выслушать и я.

— Не берите на себя слишком уж много, юноша, — посоветовал Байонис. — Вам хватит и нагрузок, и мыслительной работы, и проблем, особенно если вы стремитесь занять мое место. Перестаньте лезть выше головы и думать, что так сойдет. Ясно?

— Да, мне ясно, — ровно ответил Хор.

— В таком случае не будете ли вы столь любезны пригласить сюда госпожу Ханненсдон?

Мальс кивнул, развернулся, щелкнув каблуками, и почти что строевым шагом прошагал до двери, но в коридор уже вышел спокойно.

— Маршал ждет вас, — сообщил он Ли, которая тоже успела подняться и теперь ждала напротив кабинета. Хорошо хоть стены здесь не отличались высокой звукопроницаемостью.

— Благодарю, — снова кивнула она и со всей элегантностью двинулась мимо Хора к кабинету Байониса.

К тому моменту, когда они оба вошли, Маршал уже успел расчистить стол от половины всего того, что его занимало. Мальс поразился такой скорости: хоть Байонис больше переключивал, чем убирал, но делал он это действительно очень быстро.

— Госпожа Ханненсдон, я слушаю, — прозвучал вежливый тон Маршала.

— У меня сложилась не самая приятная ситуация, — неторопливо принялась объяснять Ли, присев на стул перед Байонисом. — Дело в том, что Рондер Мистераль опять желает осчастливить мой Центр членом своего многочисленного семейства, прибывшим из Крылатого Мира. Нет, это нисколько меня не обременяет, но спустя пару часов после получения письма от Рондера ко мне пришло ещё одно.

Итак, все-таки Мистерали. Хор мог стоять на верном пути, утверждая, что таинственный покровитель не менее таинственного Кея — это именно Рондер.

— Глава семьи Мистераль хоть и записал девочку в одаренные, но не был против её выхода замуж с сохранением всех привилегий изначальной фамилии. И вот второе письмо извещало меня о готовности одного высокопоставленного жениха, чье имя я называть не буду, приютить мою ученицу в своей семье. Я дала бы согласие, но этому мешает одно неприятное обстоятельство. В конверте лежала маленькая бумажка с припиской: «Если случится свадьба девицы Мистераль, то эта свадьба станет кровавой». Автор этих слов был так любезен, что подписался: Кей. Признаюсь, я теперь даже не представляю, как вести себя с этим ревнителем чистоты девушек Мистераль.

— Рондер об этом знает? — только приподнял брови Маршал.

— Нет, но узнает, если вы дадите согласие на это, — похоже, Ли решила целиком и полностью возложить это дело на Байониса, ничего не предпринимая самостоятельно.

— Почему вы спрашиваете разрешения? — тоже не воспринял это как должное Маршал.

— Потому что вы возглавляете расследование, вы заведуете всей игрой, я не хочу портить её вам необдуманными действиями, — объяснила Ли.

— Необдуманных действия я у вас не встречал, — ответил ей комплиментом Байонис. — Но вы правы: из-за нашей несогласованности вполне может получиться не самый приятный результат. А теперь расскажите подробнее о той даме, из-за которой произошло все это.

— Даму зовут Юнари Мистераль. Пока зовут, — уточнила Ли. — И я, если честно, предпочла бы, чтобы она не стала Юнари Раль. Мало того, что это звучит не очень эстетично, так ещё и девочка плохо подходит для нашего Центра. Я была бы рада, если бы она вышла замуж, и поэтому для меня особенно неприятным стал этот инцидент. Однако я

отвлеклась. Юнари сейчас двадцать один с половиной, до пятнадцати она проходила обучение на Аусхассена, а затем вернулась к профилю семьи, но не преуспела и в нем. В целом, ничего особо выдающегося в ней нет, однако, как я уже сказала, здесь желателен брак, против которого выступает известный всем нам человек. У меня все.

На некоторое время повисло молчание. Маршал обдумывал услышанное и давал время на размышления Хору, а затем все же произнес:

— Как вы думаете, какие могут быть у Кея мотивы столь уверенно препятствовать свадьбе? Я исхожу из того, что все действия нашего оппонента имеют хоть какой-то смысл, поскольку человек он умный. И убивает не всех подряд.

— Как вариант, он считает одну из девушек Мистераль или даже нескольких своей собственностью, — первой предположила Ли. — Да, выглядит немного странно, но почему бы и нет? Я пока не вижу другого обоснования.

Маршал вопросительно поглядел на Хора.

— Мне, если честно, нечего ответить на этот вопрос, — признался тот. — Хотя... Покровителю Кея мог не понравиться в политическом плане брак с одной из незамужних Мистераль, и поэтому мы получили ультиматум.

— Опять покровитель, — поморщился Байонис. — Вы можете выдвигать версии, не опираясь на свою теорию, выстроенную одними догадками?

— А вы можете допустить хоть на секунду, что у нас два противника и один силен в магическом плане, а другой — в политическом? — фыркнул Хор. Он не боялся спорить с учителем в присутствии Ли, понимая, что эти двое давно друг друга знают и перепалка вряд ли скомпрометирует Байониса в глазах директрисы. — Я предпочитаю строить догадки, когда у меня есть хоть какое-то представление о ситуации, — продолжал Хор невозмутимо.

— А если оно неверное, то вообще нет никакого смысла ни в чем, — с усмешкой заметил Маршал.

— Я не играю ведущей роли в расследовании, — пожал плечами Мальс. — Мои ошибки не станут бедствием, поэтому я могу спокойно двигаться по выбранному пути.

— Как видите, — Байонис обращался уже к Ли, — мой новый преемник удивительно упрям. Да, он талантлив, но с Ортесом — небо и земля.

Похоже, эти двое знали друг друга даже лучше, чем думал Хор.

— Увы, Ортес сейчас действительно... на небе, — невесело усмехнулась директриса. Как понял Мальс, речь шла о предыдущем преемнике Байониса, довольно уже немолодом, умершем от болезни раньше своего учителя. — А с «землей» можно ещё поработать. Вот только я не дождалась ответа на свой вопрос. Что делать со свадьбой?

— Придется отменить, — вздохнул Маршал. — Да, я могу обеспечить хорошую защиту и расставить вместо гостей хорошо обученных бойцов, но риск остается в любом случае — кроме того, мы слишком плохо знаем нашего врага. Кровавая свадьба нам не нужна.

— А может, попытаться ловить на живца? — негромко предложил Хор. — Кто знает, удастся ли нам в будущем хоть раз уловить направление действий Кея, чтобы схватить его за руку.

Байонис качнул головой.

— Это слишком рискованно. Ни один жених не согласится на подобную затею.

— Отчего же? — Хор издал короткий смешок. — Могу согласиться, например, я.

Маршал внимательно на него посмотрел. Очень внимательно. Затем снова перевел взгляд на директрису Центра:

— Ли, у меня проблемы с этим парнем. Он слишком умный.

— Не прошло и пяти дней, а у тебя уже с ним проблемы. — Да, эти двое имели давние дружеские отношения. Любопытно. — Я уже боюсь думать, сколько проблем получит от него через пару лет Объединенный Мир.

— Объединенный Мир как-нибудь переживет, — махнул рукой Байонис. — А не подойдет под нашего мальчика — так изменится, что ещё ему остается делать?

— Это прекрасно, но, — Ли испытующе глянула на Хора, — не могли бы вы, молодой человек, подробнее и толковее изложить свою идею?

— Идея проста, — сохранил бесстрастное выражение лица тот. — Устроить свадьбу и поймать нашего противника, когда он начнет исполнять свое обещание. Я по брачному договору обеспечу союз с одной из девушек Мистераль по выбору Рондера. А гостей соберем мало, и большинство из них будут заинтересованы в Кее больше, чем в самом торжестве. К риску я готов. Невеста... Не знаю, согласится ли невеста на всю авантюру, но в любом случае её придется охранять особенно тщательно.

— Интересно, — протянул Байонис. — Признаться, я не ожидал от вас столь рискованной затеи. Неужели вы и впрямь готовы поставить на кон все, лишь бы получить хоть какой-то шанс поймать Кея?

— Я не могу этого сказать, — пожал плечами Мальс. — Нет. Просто я осознал, что мне нужно жениться — и желательно поскорее.

Толл удивил её, приведя именно в тот старинный дом, чья атмосфера привлекла Хемену с первого взгляда. Выслушав сбивчивое объяснение возле того самого памятника, он ничуть не удивился, скорее воспринял это как должное и поздравил её с началом новой жизни.

— Думаю, тут вам будет спокойнее, — заявил он, закончив путь от памятника на пороге этого милого здания. — Да, кстати, могу я говорить вам «ты»?

— Безусловно, — кивнула она. — Я позволяла это даже Сольсетену, а вы мне гораздо более приятны, чем он.

— И гораздо более непонятен, — хмыкнул Толл. Синие глаза смеялись. — На ближайшую неделю этот дом будет ваш: устраивайте в нем все, что хотите, но желательно поменьше разрушений, а то денег у меня не всегда много. Я обеспечу пару визитов и писем для прояснения вашей судьбы, иначе ваши родственники поднимут на уши весь Объединенный Мир, пытаюсь выяснить, куда же вы пропали.

— Может, не надо? — осторожно предложила Хемена. — Мне кажется, что стоит выждать некоторое время.

— А мне кажется, что господин Хармад не замедлит с сообщением всех сенсационных новостей Рондеру Мистералю, — возразил Толл. — И ещё он постарается обелить себя, насколько это возможно, а тут чем раньше, тем лучше. Соответственно, нам тоже следует действовать побыстрее. Но тебя это уже не касается, детали спасательной операции взял на себя я, мне это и расхлебывать. Оставайся пока здесь и ни о чем не переживай.

— Я переживаю лишь об одном, — вздохнула Хемена. — Какую цену придется заплатить за это спасение.

— О, она будет тебе по силам.

— Надеюсь, — совсем уже тихо произнесла она, особо на это не надеясь. Вряд ли жизнь расщедрилась на роскошный бесплатный подарок. За порывание всех связей с ненавистным Сольсетеном требовалось платить серьезно, и Хемена готовилась отдавать долги

неизвестным и могущественным теневикам, которым зачем-то так понадобилась. Вряд ли Толл Каэндра в неё влюбился. Но он уж точно не хотел заводить роман с приятной девушкой, чтобы потом сплавить её другому человеку.

— Вижу, вы все же слишком переживаете по этому поводу, — непонятно зачем Толл перешел на прежнее уважительное «вы». — Что ж, главная обязанность у вас одна. И состоит она в верности теневой организации. Большого я от вас и не потребу.

— Что значит — верность теневой организации? — ещё больше напряглась Хемена. — Объясните.

— Это значит, что вы не будете преступать наши правила и разглашать то, что узнали, увидели или услышали в тени, — с независимым видом развел руками Толл. — Проще говоря, вы не должны совершать того, за что мне запретят контакты с вами.

— И... все? — смутилась она.

— И все, — невозмутимо подтвердил он.

— Вы что-то от меня скрываете, — заявила Хемена. — Ведь вы говорили о сделке.

— Вот понятия не имею, — с явным неудовольствием произнес Толл. — Вы — красивая приятная девушка, которой я с удовольствием помогал бы, мало заботясь о дальнейшем. Но как здесь действовать бескорыстно, если в ответ я получаю чуть ли не истерику с вопросом: зачем я все это устраиваю? Ограничивать вашу свободу не было у меня в планах: занимайтесь всем, чем хотите, только не роняйте авторитет организации — все. Я могу представить вам достаточное количество денег и возможность видаться, с кем угодно, дружить, с кем угодно, проводить время, как угодно, хоть и предлагаю в качестве одного из друзей свою скромную персону.

— Но почему именно я? — чуть ли не с отчаянием воскликнула Хемена. — Откуда такая щедрость? Ведь вы человек, живущий сделками, а не благотворительностью. Только не говорите мне, что влюбились в меня, — я все равно вам не поверю. Поймите же, это то, что больше всего напрягало меня в Сольсетене, — необоснованная щедрость.

Глаза Толла за мгновение растеряли всю былую беспечность.

— Случались у меня неприятные дела в тени, — наконец выговорил он. — И одно вряд ли уже забуду: девчонка, служанка, влюбившаяся в своего господина и получавшая от него подачки. Он был той ещё тварью, а потом нарушил теневые правила и получил пулю. Я сам приводил приговор в исполнение, и я помню, как она умоляла оставить его в живых, под пистолет бросалась. Я велел закрыть её в соседней комнате, а когда после казни открыли — висела на бельевой веревке. Рыжая она была. Не как ты, а светлее. И другие мерзости выходили, когда вроде и не ты виноват, а судьба, паршивка, но легче от этого не стало. Стало лишь тогда, когда я пообещал, что кого-то из такой ямы вытащу. А потом и ты подвернулась. Вот так и пошло, — Толл задумчиво вздохнул.

— Спасибо, — прошептала Хемена, веря каждому его слову. — Спасибо за эту свободу.

— Свобода, — хмыкнул он. — Я тебя на волю выпускать не собираюсь, пока что поживешь под моим присмотром, раз уж призналась, что сама не можешь свою тропинку в жизни протаптывать. Свобода, — повторил Толл. — Свобода — это значит иметь над собой людей, которые тебя любят или по крайней мере уважают.

— Мы обещали друг другу откровенность, и лучше заняться этим прямо сейчас, — объявил Байонис Эссентессер. За окном уже совсем стемнело: через несколько часов Маршал обычно гнал ученика в постель, а это время как раз предназначалось для

содержательного разговора. — Пожалуй, стоит начать мне, потому что ты уже успел кое-что рассказать из того, что обычно держишь в секрете. Итак, я родился в Облачном Мире, на самом южном его кусочке, в семье не очень-то богатой, хоть и передающей по наследству магический дар. Из-за деятельности одной группы коммерсантов моя семья совершенно разорилась и из гордости не желала просить помощи у других членов фамилии. Мне пришлось пройти через немало неприятных моментов, и с тех пор во мне начало зреть недовольство всей существующей системой. Я же говорил, что мы похожи?

— Похожи, — сдержанно кивнул Хор. — Правда, вас возмутило несчастье, постигшее вас, а меня — горе другого человека.

— Меня в первую очередь возмущало то, как не повезло моим родителям, — возразил Маршал. — Из-за трагического стечения обстоятельств мой отец погиб. Мать чуть ли не на коленях выпросила у тех коммерсантов денег, чтобы мы смогли добраться до остальных Хорана. Да, Мальс, да, мы с тобой изначально принадлежим к одной и той же фамилии. Забавно, не правда ли? Так вот, мне удалось добраться в столицу, и мой дар наконец-то оценили. Причем очень высоко. Регент выбрала меня своим преемником. Все были в шоке: какой-то нищенка с южных окраин региона, с намешанной кровью, не умеющий себя толком вести на людях, не получивший серьезного образования — и метит в Эссентессеры. Однако Регент упорно стояла на своем, совсем как я сейчас, когда отстаиваю перед остальными тебя. Между прочим, больше своего авторитета я даю на них только собственным примером.

— Мы все же отличаемся, — усмехнулся Хор. — У вас дар был. У меня он пропал.

— Даром времени я точно не обладал, — пожал плечами Байонис. — У тебя даже преимущество. Так вот, я внезапно оказался в самой верхушке, и меня при этом никто не спрашивал. Регент учила меня, особо не задумываясь, что у меня на уме, а на уме у меня зрел целый проект революции. И я готов был воплотить его в действие, не думая, скольких могу при этом погубить. К счастью, я вовремя образумился и занялся эволюцией вместо революции. Понять, в чем на самом деле правда, мне помогла моя жена, — он вздохнул. — Мы прожили вместе всего два с половиной года, потом она умерла и не оставила после себя ничего, кроме измененного мужа, а значит, и спасенного Объединенного Мира. Я всем говорю, что это был брак по расчету. Да и большинство Эссентессеров считают меня способным любить только свои хитроумные планы, но её я любил, и это моя тебе откровенность. Ориаса говорит, мне следовало бы передать по наследству свой качественный дар, но я уже не хотел второго брака, и никому не удалось меня убедить.

Маршал замолчал, думая, что Хор захочет что-то сказать, но тот оставался неподвижным, и некоторое время в комнате висела тишина.

— Как видишь, даже среди старых опытных главнокомандующих хватает сентиментальных людей, — усмехнулся Байонис. — Времена чувств давно прошли, мне осталась только верность или, даже можно сказать, упрямство. В плане упрямства мы с тобой снова похожи.

— Родственные связи — никуда не денешься, — Хор тоже усмехнулся.

— Я ж почему потом смог Маршалом стать? — продолжил Байонис, уже посерьезнев. — Да потому, что все готовился к свержению власти Эссентессеров, изучал способы ведения войны, старался. Конечно, один я все сделать не смог бы. У нас получилась целая организация, вернее, сначала она сформировалась, а потом и я в неё влился. Когда осознал, что мы все двигаемся не туда, то часть наставил на путь истинный, часть сдал

тогдашнему Маршалу, и мозги мы им вправляли вместе с женой.

— Вместе с женой или с Маршалом? — вставил Хор.

— Вместе с женой и одновременно вместе с Маршалом, — кажется, Байонис ждал именно этой подколки. — Я же не успел сказать: моя жена носила титул Маршала Объединенного Мира. Без неё я б тебя сейчас не учил. Вижу, что ты удивлен, но это не удивительно: я всегда говорю о своем браке так, словно он ничего для меня не значил и ничем особенным не отличался. Вот людям и кажется, что я во исполнение брачного договора женился на какой-то серой мышке, а затем схоронил её и думать забыл о семье. Ты теперь знаешь, что это не так. Ты уже многое знаешь. Не пора ли начать говорить тебе?

— Пожалуй, — кивнул Хор. — Самое главное вы уже знаете: про мой необычный дар, истраченный в детстве. Но огромное значение для меня тогда играли слова той девушки, а совсем не странная магия, тем более что я ещё не понимал, что устроил тогда. и, знаете, сейчас я уверен, что говорил именно с Юнари Мистераль.

— Так-так, — чуть нахмурился Байонис. — И именно поэтому ты решил предложить ей руку и сердце?

— Это одна из главных причин. Я в любом случае хотел держаться рядом с ней, а если это означает ещё и бросить вызов Кею, попробовать поймать его на живца, то почему нет? В отличие от вас, я не столь трепетно отношусь к браку и могу себе позволить малознакомую жену. Хотя какую уж малознакомую — я знаю её с десяти лет.

— Почему ты думаешь, что это именно Юнари? И что вообще тебе сказала та таинственная девушка? — Маршал уже смотрел по-деловому, не оглядываясь на подколки.

— Уна. Не просто таинственная девушка: она назвала себя Уной. Звучит почти как Юна, а это удобное сокращение от имени Юнари. Но я, конечно, руководствовался именем в последнюю очередь. Куда большее значение я придавал содержанию слов и их соответствию сейчас. Конечно, я не помню всего дословно и могу путать формулировки, да и звучало все это обрывочно, но самое главное я знаю. Во-первых, Уна — будем называть её так — родилась в Крылатом Мире и имела соответствующую магию, но в конце концов потеряла дар и оказалась в полностью безвыходном положении. Из-за этого она хотела испробовать на себе какое-то новое средство, рискованное, но дающее надежду. А потом я увидел сон: в землю укладывали гроб, и я точно знал, что на памятнике высечено её имя. И когда я проснулся, я так же точно знал, что это не сон, а явь. Тогда я и возненавидел все, что связано с определением людей по их талантам.

— Однако Юнари не единственная из Мистералей, у кого серьезные проблемы с даром, — весомо заметил Маршал. — Взять бы хотя б вашу подругу Адилунд. Впрочем, она уже вернула себе магию. Вы никогда не думали, что она и есть Уна?

— Нет. Ей просто не требовалось таких ухищрений. У нее не получилось бы безвыходных ситуаций: Раль смогла бы преодолеть даже вторичное лишение дара, ведь она не одна. Я сейчас говорю не про себя. У нее две любящих сестры и заботливый брат. В наше время такие крепкие отношения, безусловно, редкость, но и они имеют место быть, в чем я убедился, когда гостил у Мистералей.

— А прочие?

— Насчет прочих не знаю, но Юнари кажется наиболее подходящей. Даже если я ошибаюсь, все равно эта свадьба принесет пользу. Кстати, вы знаете, чем отличаются люди с даром времени от предсказателей? Временщики тоже могут видеть будущее, но только в том случае, когда его можно и нужно изменить. Значит, я должен спасти Уну. Я двигаюсь к

этому вот уже десять лет, порой откладывая более значимые цели, и я надеюсь, что у меня все удастся.

Байонис молча смотрел на него некоторое время, а затем встал и отошел к окну, заложив руки за спину.

— То, что я хочу тебе сообщить сейчас, — негромко и быстро заговорил он, — не имеет отношения к нынешнему делу и моим планам. Это просто откровенность, которую я тебе обещал. Именно я, находясь на посту Регента, организовал исследования, которые привели к обнаружению магии Мерцающего Мира. Тогда это казалось нам величайшим открытием — новая, совершенно необычная и непривычная энергия. А потом почти все, кто работал с ней, умерли в короткие сроки, и я принял решение спрятать или уничтожить все, что касалось этой магии. Но с исполнением этого решения случилась, видимо, какая-то неувязка. До сих пор я не знаю, как именно эта энергия попала в руки людей, которые впоследствии объявили себя меранами и развязали войну. Однако не подлежит сомнению то, что у самых истоков войны стоял именно я. Разумеется, я не желал этого, но факт остается фактом. И это последняя моя тебе откровенность.

— Так можно кого угодно обвинить, — вздохнул Хор. — Но все равно по-настоящему виноваты те, кто возомнил себя высшими существами, поскольку они могли привить себе меранский дар. По-настоящему виноваты те, кто применял новое оружие против Грозового Мира и шел войной на Облачный и Острова, провозглашая себя Меранской Империей, Мерцающим Миром.

— Да, — кивнул Байонис, все ещё глядя в окно. — Но виноваты и те, кто это допустил.

Очередное утро для пытающегося выспаться после вчерашнего бодрствования Мальса Хора началось слишком рано. Более того, оно началось с нового неприятного известия: Кей не собирался отсыпаться и продолжал свою бешеную деятельность по уничтожению людей. Погиб не такой значимый для Объединенного Мира человек, как, например, Алексис Эссентессер, или человек, которого действительно стало бы жаль, как Виорди Мистераль. В эту ночь Кей убил Чармэла Хусту. Услышав имя новой жертвы, Хор заметно удивился. Он не мог понять, отчего таинственный преступник выбрал именно его.

Чармэл, невинный мальчик, болтавший о задирах и кульках, чем он-то провинился? Тем, что состоял в кровном родстве с Проводником? Все это никак не вязалось. Возможно, Кей оставил центром круга Мальса и уничтожал тех, с кем последнему приходилось хоть раз столкнуться. Но в эту систему не вписывалась Виорди Мистераль. Что же, признать, что на самом деле никакой системы и нет? Ладно, центры круга ещё можно отложить в сторону, но каков серьезный повод для убийства именно Чармэла? Месть Мэйлу Иушнице Хор понять мог. А зачем мстить родственнику учителя, раз уж они договорились считать Кея преемником Проводника?

Так и не сумев ничего понять, Мальс попытался полностью проснуться, опять используя для этого ледяную воду, а затем отправился обсуждать случившееся с пробудившим его Маршалом, поскольку сам сильно запутался. Новых зацепок так и не появилось. Обстоятельства смерти оставались прежними: перекрашенная кровью одежда, вытягивание магии, полное отсутствие прочих следов. Вскрытие показало классические результаты.

— Мне совершенно не нравится, что это превращается в настоящий конвейер, — высказал свою озабоченность Байонис. — Кей просто штампует убийства, а нам только и остается, что изучать трупы и ловить воздух, размахивая руками.

— У нас была пара зацепок, — вздохнул Хор. — Однако их не разовьешь. Думается мне, Кею надоело рисковать, и он просто действует по отработанной ранее схеме, уничтожая тех, кого хочет.

— А чего ж он хочет? — в голосе Маршала зазвучало раздражение. — Я не вижу никакой системы во всем этом, и ты, надо полагать, тоже.

— Я вижу только круг, — Хору на миг представилось висящее в воздухе кроваво-красное кольцо, символизирующее путь Кея от одной жертвы к другой. — Но и тот слишком уж непонятен. Возможно, он идет рядом с Эвальдом Мистералем.

— А Мэйл — это месье? — подхватил идею Байонис. — Что же, вполне возможно... Вполне возможно, как и множество других вариантов. Мы в тупике, — с явной досадой проговорил он. — Нам срочно нужна твоя свадьба, Мальс, но как бы она не стала кровавой.

— Самое главное: защищайте Юнари, — попросил он. — Мне-то что — я пришел к этой свадьбе благодаря ленте времени, а значит, повинуюсь именно ей, и тут уж не поменяешь.

— А люминескарий? — внезапно вспомнил Маршал. — Лучше оставь его у меня или в Полицейском Управлении, чтобы не возникло потом каких проблем. Это единственная серьезная вещь, которая у нас есть.

— Хорошо, я оставлю. Скажите, а у вас случаев нет никаких книг, где бы можно было вычитать нечто полезное о моем даре? — с надеждой спросил Мальс. — Мне уже надоело блуждать в потемках в том, что касается магии времени. Её закономерности, возможности истощения, действие на людей и на предметы. Если б мы знали больше, то смогли б большего добиться от люминескария.

— Увы, — развел руками Байонис. — Раньше эта литература была секретной, а теперь совсем пропала. Если её и можно найти, то где-то в тени, так что попробуй лучше сам.

— Больно-то мне позволят подобную литературу, — пробормотал с недовольством Хор. — В конце концов, это у вас в знакомых Ферчазейро и Толл Каэндра, вы могли бы попросить их об услуге, ведь это поможет в поимке Кея.

— Если бы тени хотели помочь в поимке Кея, все стало бы гораздо проще, — помрачнел Маршал. — Но они занимают в связи с этим слишком неопределенную позицию, что заставляет меня сомневаться в их непричастности к делу.

— Сильный маг, секрет Хасдента и ещё вдобавок к этому потенциал теней, — оценил все возможное сочетание Мальс. — Да в таком случае все безнадежно. Вы правы, срочно нужна свадьба. Я отправил вчера письмо Рондеру Мистералу с предложением о свадьбе, и он согласился, однако посчитал нужным растянуть все это на ближайшие два месяца, а нам медлить нельзя.

— Нельзя, — сурово кивнул Байонис. — Так что знакомься поскорее с невестой, очаровывай её, и дело с концом. Свадьбу назначаю на послезавтра.

— Уже? — ахнул Хор. — А как же вся подготовка?

— Потерпим с ней. В конце концов, мы же договорились играть свадьбу в кругу семьи, без излишеств, гостей заменим полицейскими и сильными магами. Соответственно, и со всем остальным обойдемся проще. Потом, когда все закончится, можете повторить церемонию со всей пышностью.

— Если останемся в живых, — внес важное уточнение Хор. — Ибо пока Кей свои обещания исполнял. Он действительно может сделать свадьбу кровавой, и тогда вам придется искать нового приемника.

— Это я как-нибудь потерплю, но в одиночку сражаться с Кеем будет уже сложнее, — вздохнул Маршал.

— А я вам так полезен в этом расследовании? — удивился Мальс, считавший себя более дополнением к прочим детективам, чем серьезным участником дела.

— Ты просто бесценен, — с серьезным выражением лица заявил Байонис Эссентессер. — Ты вывел Кея на контакт: без твоей деятельности мы не смогли бы узнать о нем некоторых сведений. В конце концов, люминескарий оказался именно у тебя. Так что без такого любимчика судьбы мне станет гораздо сложнее. Оставайся в живых, так всем будет лучше: и тебе, и мне, и твоей Уне, и всему Объединенному Миру.

— Благодарю за комплимент, господин Маршал, — усмехнулся Хор.

— Да не стоит, не стоит, господин Эссентессер, — в тоне Маршала тоже звучала усмешка, но обращенная, похоже, не к Мальсу, а к самому себе.

После того кошмарного утра Эвальд решительно велел сестрам перебираться в старый особняк Мистералей, тем более что в столицу прибывала их родственница Юнари, а для устройства её судьбы Квемеру удостоил посещением сам глава фамилии. Эвальд собирался в ближайшее же время продать свою квартиру, чтобы не оставалось напоминаний о трагедии.

Старый дом Мистералей встретил их мрачностью и сыростью, хотя слуги спешно приводили его в порядок ко прибытию Рондера. Давно выстроенные стены в сочетании с зудящей памятью ещё больше угнетали, и Раль поняла, что не может здесь долго находиться, поэтому напросилась идти вместе с Иланой в Академию Культуры, атмосфера которой помогла бы хоть ненадолго отвлечься.

Проводив сестру до нужного кабинета, Адилунд спустилась в сад и медленно зашагала вдоль цветочных кустов — тех, что ещё не отступили под натиском осени. В этом саду она не чувствовала увядания природы, здесь все ещё дышало жизнью, не ведая о страданиях и боли. Раль вдыхала сладкий аромат мелких голубых цветов, которыми

обсадили края половины клумб. Потихоньку рвущая душу тоска отступила на задний план, но не исчезла, по-прежнему напоминая о себе так, что на глазах выступали слезы.

Адилунд шла в самый дальний угол сада, надеясь, что там никто не помешает ей побыть одной, послушать тишину и погребальный колокол стука собственного сердца. Но она ошиблась в ожиданиях: последняя скамейка возле увитой порыжевшим плющом стены была занята. Хрупкая темноволосая женщина в белом платье рыдала, закрыв ладонями лицо. Раль решительно прибавила ходу, приближаясь к ней; на фоне чужого отчаянного горя свое ещё больше поблекло. Адилунд с осторожностью опустилась на скамейку рядом с женщиной, а та, отняв ладони от лица, но по-прежнему всхлипывая, удивленно и беспомощно посмотрела на неё.

— П-простите, — прошептала незнакомка. — Я знаю... недостойно преподавателя... Но... Он умер, понимаете? — в зеленых глазах проступала боль. Точно так же смотрела Илана вчера утром, и если такого лица не было у самой Адилунд, то только потому, что в её глубине её взгляда застыла холодная ярость. — Мой брат умер, — прошептала женщина. — Его убили... Это все из-за Гиретте, будь он проклят, из-за Проводника его...

— Проводника? — ошеломленно прошептала Раль.

— Вы из Грозового, да? — женщина всхлипнула и мазнула мокрой ладонью по мокрому лицу. — Вы его знаете... А он был моим дядей. Хотя мы и не виделись никогда... Это из-за него сейчас погибают люди!

— Так вашего брата... убил Кей? — выдохнула Раль.

Женщина кивнула, и из её глаз снова потекли слезы. Адилунд молча протянула руку и обхватила ладонь незнакомки своими пальцами. Некоторое время они смотрели друг на друга, как в зеркало, только во взгляде каждой, кроме собственной боли, отражалось сострадание к чужой. И неизвестная женщина успела понять и почувствовать Раль ещё до того, как та еле слышно произнесла:

— Он убил и мою сестру...

А потом они опять молчали, ощущая, как тяжелее становится от чужой беды и легче — от своей. А затем обнялись, и теперь уже Раль не сдерживала слез, вспоминая робкую улыбку Виорди и понимая, что эта незнакомка лишилась такого же близкого и важного для неё человека.

В конце концов, когда они обе успокоились, женщина спросила:

— Кто вы? Я ни разу не видела вас здесь. Вы явились словно посланница небес, чтобы я не утонула в этом ужасе, — она дрожащими руками достала из сумочки носовой платок и неуклюже вытерла дорожки от слез на щеках.

— Я сестра Иланы Кровиндаст, — неслышно отвечала Раль. — Я пришла сюда, чтобы развеяться...

— Я — Алика Хусту, — голос собеседницы звучал тонко и сипло. — Я преподаю здесь хоровое пение. Но сегодня... Сегодня утром пришли из полиции и начали меня допрашивать, не знаю ли я что о смерти Чармэла, — она снова всхлипнула. — Вот тут-то все и выяснилось... Я ничего им не сказала, и я уже не смогла вести урок, так что пришла сюда, — Алика нервно сглотнула. — Спасибо вам.

— И вам спасибо, — вздохнула Раль. Своего платка её не нашлось, и она просто вытерла мокрое лицо рукавом. — Я так кошмарно себя чувствовала именно потому, что была одна.

— У вас есть сестра, — медленно проговорила Алика. — А у меня никого больше не осталось, — её голос снова начал дрожать. Она некоторое время помолчала, успокаиваясь, и продолжила уже ровным тоном: — Наши родители умерли давно, а все прочие... семь лет назад. Семь лет назад случилось то, что исковеркало мою жизнь.

— Ваш дядя... — прошептала Раль.

— Да, он был безумцем. Тварью из самой глубокой бездны, проклятием, обрушившимся на весь наш мир за грехи. Но началось тогда с тети. Она не сходила с ума, но без неё не стал бы таким чудовищем он. Это сложно, очень сложно, — Алика болезненно нахмурилась. — Так что я, пожалуй, вам и не объясню.

— Но вы многое знаете об этом, да? — с осторожностью произнесла Раль. Хотя и неприятно было допрашивать женщину в таком положении, но это могло дать хоть какие-то шансы выйти на Кея. Да, сама Адилунд не сумела бы извлечь из этого пользу, но если сказать Хору... Он находилась при Маршала, возглавлявшем расследование, и они нуждались в любой информации.

— О да, я знаю многое, — горько усмехнулась Алика. — Почти все, но мне от этого не легче. Все о Проводнике. И лучше бы я оставалась в неведении.

— И вы не сказали об этом полиции?

— Им это ни к чему, — поморщилась Алика. — Я не могу доверить полиции эти тайны, они принадлежат нашей семье.

— Но ведь именно из-за Проводника происходит вся жуть сейчас, — горячо возразила

Раль. — И, может, то, что вы знаете, даст возможность найти убийцу.

Алика покачала головой.

— В том, что я храню, больше вопросов, чем ответов. Я хочу, чтобы это осталось со мной до моей смерти. Некоторые знания как болезни: чем дальше они распространяются, тем больше вреда приносят.

— Но вдруг это спасет чью-то жизнь? — в голосе Раль появилась непоколебимая твердость. Если б она сама знала хоть что-то, то не замедлила бы рассказать об этом, осознавая, что каждый новый факт приближает дело к раскрытию.

— Да, пожалуй, вы правы, — слабым голосом произнесла Алика. — Но это будет сложно для меня.

— Ради вашего брата! — убеждала Раль.

Собеседница сглотнула.

— Да, ради Чармэла. Но, знаете... я и погубила его этими знаниями. Лучше б я умерла от какой-нибудь болезни и навсегда скрыла бы эти тайны. Они ничего не дают, ничего не раскрывают, только давят и пугают, ведь я до сих пор их не понимаю. Только ради Чармэла, — выдохнула Алика.

Байонис отодвинул остальные дела, вплотную занявшись Кеем. Об этом говорило то, что он провел в правительстве всего полтора часа, а к обеду уже вернулся в особняк, и за столом они продолжили обсуждение, которое не принесло ничего, кроме повторения уже известных фактов. Хор задумчиво жевал пряное мясо, почти не чувствуя вкуса, и искал в голове хоть одну зацепку, хоть одну новую догадку. Бесполезно.

Молчаливый повар собрал со стола пустые тарелки, а вернулся уже с подносом, на котором красовался чайный сервиз. В этот момент в столовую впорхнула горничная с докладом: пришла посетительница, чтобы лично Маршалу сообщить что-то о деле Кея. Посетительницу звали Алика Хусту, это оказалась сестра погибшего Чармэла. Байонис оставил без внимания чай и, поднявшись, сообщил, что через пять минут Хор должен провести гостью в его кабинет.

Посетительнице было, наверное, лет тридцать, поскольку слишком молодых в Академию Искусств не брали, однако её лицо имело простодушное, даже какое-то детское выражение. Она выглядела мечтательной — видимо, сказывался профиль занятий, хотя обычно все преподаватели имели хватку. Расслабляться им было некогда: профессия требовала жесткости, порой доходящей до жестокости. Черты лица, острый длинный нос, чуть удивленные глаза и легкая россыпь веснушек не очень-то напоминали покойного Чармэла. Тот выглядел более оживленным, болтал на все темы подряд, а вот Алика разговорчивостью не страдала. У родных брата и сестры оказалось немало различий.

— Леди Хусту, вас ждет господин Маршал, — почтительно произнес Хор.

— Спасибо, — у неё оказался мягкий приятный голос, звучавший сейчас напряженно. Конечно, Алика не могла вести себя спокойно после того, что случилось с Чармэлом.

Мальс провел посетительницу до кабинета, затем пропустил её вперед себя, и, войдя вторым, неспешно прикрыл дверь. Алика торопливо присела в поклоне перед Байонисом.

— Здравствуйте, господин Маршал.

— Здравствуйте, — тот отчего-то бросил не совсем понятный взгляд на преемника, но почти сразу же любезно взглянул на Алику. — Что вы желаете мне рассказать?

— Я знаю, почему погиб Чармэл, — очень ровно проговорила она. — Вернее, знаю,

почему именно он. Когда мне сказали про вытравливание магии, я сразу все поняла, хоть мне почти ничего не известно о тех убийствах, которые происходят сейчас в нашем городе.

— Итак, я слушаю, — лицо Маршала приняло сосредоточенное выражение.

— Я... Даже не знаю, с чего начать, — с легкой растерянностью произнесла Алика. — Но... В общем, я знаю, что все это — следствие преступлений убийцы, действовавшего семь лет назад в Грозном Мире. Гиретте Хусту. Наш с Чармэлом дядя.

— Он что-то сообщал вам о том, чем занимался? — сразу же спросил Байонис.

— Он — нет, практически не говорил. Но Мэйл Иушнице передал мне его дневник, где многое подробно описывалось.

— Погодите-ка, — неторопливо произнес Маршал, и на его лице отразилось удивление. — В отчетах написано, что этот дневник был случайно уничтожен и потому его не приобщили к материалам дела. Так он у вас сейчас есть?

Алика покачала головой:

— Нет. Мэйл сказал, что надо уничтожить, и я его сожгла.

— Но сам Мэйл Иушнице не стал этого делать? Почему?

— Он хотел, чтобы я прочитала то, что хочу прочитать, — Алика опустила взгляд. — Я ведь до последнего не верила, что наш родственник — убийца, на счету которого семь людских жизней. Дневник открыл мне глаза.

— Почему полицейский Иушнице хотел его уничтожить, а не оставил среди прочих вещественных доказательств? — продолжал бесстрастно задавать вопросы Маршал.

— Он считал, что это слишком личное для полицейского архива и что эти записки все равно не принесут никому пользы, ведь Гиретте погиб, — Алика копировала его тон своим мягким голосом, насколько могла.

— Вы утверждаете, что сожгли его. Вы помните что-либо оттуда?

— Я помню всего его наизусть, — просто сказала Алика.

— Даже так, — оценил Байонис. — Что же заставило вас выучить это все? Гораздо проще было сохранить дневник в укромном месте, раз уж вы так боялись потерять эту информацию.

Алика помотала головой.

— Я не могла сохранить его. Это... Это был просто ужас. Не спрашивайте меня, господин Маршал, что такого кошмарного в нем писал Гиретте: все, что могло принести пользу, я запомнила и теперь могу вам пересказать. Или просто запишу.

Байонис кивнул.

— Очень хорошо, вы этим займетесь в ближайшее время, однако сейчас у нас все ещё разговор, и я хотел бы знать, в чем, как вы считаете, причина смерти вашего брата. Ведь именно об этом вы хотели нам рассказать.

— Да, — машинально кивнула Алика. — Об этом. Вы знаете, даже если меня разбудить после ночи, я могу рассказать часть записей этого дневника, настолько хорошо уже их выучила. И иногда я говорю во сне. А иногда начинаю рассказывать отрывки оттуда, не просыпаясь. Чармэл пару раз говорил мне, но потом, наверное, перестал и только с интересом слушал. Мне говорили на заводе, что он обсуждал с коллегами Проводника. Думаю, он узнал слишком много и начал как-то это распространять, потому и все... — она не договорила, потому что всхлипнула и стремительно поднесла к лицу носовой платок.

Хор налил в хрустальный стакан воды из графина и поднес Алике. Она с еле слышной благодарностью выпила. Немного подождав, продолжила:

— Я думаю, что человек, который это сделал, связан с Гиретте, и я поняла, что должна пересказать вам все важное из дневника, чтобы вам стало ясно хоть что-то.

— Благодарю, — учтиво произнес Байонис. — Мальс, пожалуйста, дайте леди Алике листы и перо, я бы предпочел информацию в письменном виде, чтобы перечитывать несколько раз и показывать другим людям.

Она все же ушла. Спасибо хоть, не стала хлопать дверью и говорить обидных слов, какие обычно свойственны разгневанным девушкам. Нет, дорогая моя, ты не стала закатывать мне сцен потому, что знаешь: вернешься сюда, ко мне. Сколько бы мы ни ссорились, в конце концов все равно помирился, потому что мы родственные души, близкие друг другу настолько, что нам никто больше и не нужен.

Хасдент Зорренд. Впервые слышу это имя, хотя она говорит, что он известный ученый, славящийся своими наработками в области практической магии. Что ж, возможно, я просто слишком мало вращался в тех сферах, и все равно это слишком странно. Я должен увидеться с этим Хасдентом, чтобы понять, нужно ли ей быть рядом с ним, — и неважно, насколько это прибыльно или престижно.

Встретился с Хасдентом. Не внушает уважения, однако какая-то творческая жилка в нем есть, для изобретателя самое то. Раз уж ей так понравилось, то пусть остается у него, но я все равно буду следить за этим. Сам Хасдент против того, чтобы я вмешивался, но не ему мне указывать. Когда речь касается её, я не иду на компромиссы.

Ему не жить.

О, сколько я пытался остаться самим собой, сохранить сущность Гиретте Хусту — но все это бесполезно, когда её нет рядом. Он отобрал её у меня. С этого дня Гиретте Хусту более не существует — остается мститель, демон... Проводник. Да, Проводник, именно так, ведущий людей ко мрачным вратам. Вы сами меня разбудили. Значит, вам не следует задерживаться на этом свете.

Он мертв — сам убил себя, окончательно сойдя с ума. Глядя на его лицо, застывшее в гримасе безумного страха, я ощутил удовлетворение. Даже магия не может сотворить такого с человеческим разумом — а я сумел, и спасибо тебе за это, Проводник. Теперь я точно знаю, что ты перешел ко мне из той легенды и теперь руководишь моими действиями. Спасибо. Жаль лишь, что я уже не сумею остановиться: провожу тех, кто тебе понравится, а затем пойду и сам. Но для начала я должен понять, что он попытался сделать против меня, и подарить это тебе.

Я провел двоих. И наконец-то у меня появился помощник — толковый человек, который сможет разобраться во всем, что наплел в магии Хасдент. Только вот мой ученик задает слишком много вопросов и хочет все знать не только о Проводнике, но и о Гиретте Хусту. А ещё он восхищается Хасдентом, что не может не возмущать меня. Кажется, мне придется его проводить. Но скорее всего он уйдет сам — с таким кровохарканьем долго не живут. Времени у нас не так много, а хотелось бы, чтобы этот молодой человек успел сделать все,

что нужно. Пожалуй, я мог бы его подлечить, но он слишком восхищается Хасдентом.

Мой помощник умер. Не думал, что это произойдет так быстро, но теперь ничего уже не поделаешь. Остался только Проводник и совсем мало времени. Я проводил пятерых, осталась ещё парочка, а полицейские, кажется, что-то начали подозревать. Я слишком красочно писал о тебе, но иначе я не мог, да и ты это одобрял. Ничего, я все успею.

Помощник вернулся очень кстати. Человека в нем больше нет, зато есть рабочие руки и исполнительность, а это как раз то, что мне нужно. И ещё у него красивый почерк. Но вопросы все ещё остались, правда, теперь они уже толковые, ведь он понимает в нашем с тобой деле даже больше, чем я. Это приятно. Когда мы проведем седьмого, мы вместе запишем всю эту славную историю, сохраним тебя на страницах моего дневника, а затем он проводит меня и окончательно уйдет сам.

Вот и седьмой покинул этот мир. Полиция до сих пор шумит, пытаюсь понять, кто же все это сделал, но мне они не страшны. Мне осталась только одна дорога, но перед тем, как двигаться по ней, я должен запечатлеть тебя здесь, а затем уничтожить все, что пытался сделать против тебя Хасдент. Он думал, что тебя возможно победить. Глупости. Тебя не остановит ни один маг этого обветшалого мира, и лишь того ты пощадишь, кто преклонится пред тобой. Несколько капель крови в чернилах, перо в левой руке, неживой помощник за спиной. Проводник, я готов.

История Гиретте Хусту, оболочки для могущественнейшей силы этого мира.

Он стал единым целым со мной, когда мне не было и года. Тогда я этого не осознавал, лишь принимал как должное то, что воспринимаю мир совсем не так, как мои сверстники. Мое взросление началось с того момента, потому что он не мог позволить себе жить в теле глупого и бессмысленного ребенка. Меня многие не понимали, но меня понимал он, а значит, я мог жить полной своей жизнью. Потом появилась она. Не такая чуткая, но проницательная, она сумела уловить то же самое, только в отличие от меня, молчавшего до восемнадцать лет, она уже в одиннадцать начала говорить всем о том, какая она есть. И это стало спасением для меня. Пока все смотрели на неё, я рос и креп, а внутри меня рос и развивался он.

Мы были неразлучны. Он, я и она. Правда, она не совсем понимала, что именно происходило, но готова была принимать все, если это исходило от меня, а значит, его она приняла с той же легкостью. Наши родители пытались как-то вмешаться в это, особенно старались нажимать на неё, поскольку она ещё не привыкла давать отпор, и у меня не оставалось другого выхода. Я прибег к его помощи, впервые превратившись в Проводника, и провел их за ворота другого мира. Она плакала, а потом перестала, поняв своим чутьем, что так было нужно. Мы остались втроем. Вернее, был ещё один, но и он скоро уехал, оставив нас втроем. Наступило самое прекрасное время. Мы делили его на троих, и я ощущал себя самым собой, но в соединении с ним и с ней. О другом я и не мечтал.

А затем появился он. Трусливое ничтожество, уверенное в том, что ему подчинены все тайны мироздания. Мало того, он был уверен ещё и в том, что все, что не вписывалось в его рамки мира, не должно существовать. Он замахнулся на святое. Он попытался уничтожить связь нас троих — и я взбунтовался, пробуждая всю дикость своей истинной природы. В те

дни я сошел с ума. Поддавшись на провокацию, я сам искорежил нашу связь. Единое целое перестало существовать. Она превратилась в обычного человека, он спрятался глубоко внутри меня, а я стал Гиретте Хусту. И я даже не убил того, из-за кого все это началось, потому что пребывал в безумии и не осознавал, что происходит. Несколько шагов отделяли меня от бездонной пропасти: я мог бы влиться в триллионы серых душ, бродящих по этому миру, навеки потеряв связь с Проводником. Но этого не случилось. Я очнулся — в тот самый день, когда она погибла от его руки.

Я уже не жалею её. С ней произошло самое лучшее, что только могло случиться: она ушла, не успев влиться в обычный мир и сохранив ещё крохи ценнейшей связи с ним. А самое главное, она сумела оттеснить настоящего меня и вернуть мне его. И с того самого момента я и он снова стали единым целым, чтобы действовать вместе и вести тех, кого надо провести.

Мы хотели разузнать тот метод, каким он убил её, и мы хотели в первую очередь провести его. Мы немного ошиблись, когда пытались заполучить его метод, так что это оттянулось до проведения последнего из круга. Но зато мне стали ясны все правила круга. В него входит обязательно семь, связанные одним, и этот один должен выжить, в то время как остальные обязаны умереть. В тот момент, когда душа покидает седьмое тело, автору круга дается сила большая, чем все, чем он владел до того. Можно менять центр, но он должен оставаться центром, иначе все рухнет.

В те дни, когда нам с ним как раз требовалась помощь, пришел он. Больной и истощенный, восхищающийся не тем, кем надо, но желающий приобщиться ко всем сокровенным знаниям. Он ценил меня, а я начал ценить его. Вместе мы совершили несколько проводов, и я понял, что должен соединить его с ним, чтобы сделать одного умелого Проводника. Нас снова стало трое, как в безвозвратно ушедшие прекрасные времена. Только вот он отличался от неё, поэтому не получилось того идеального соединения, и он умер, не сохранив себя ни на каплю. Тем не менее, нас снова стало трое.

Мы проводили остаток людей, мы завершили круг, и в руках у нас оказался весь метод. Я получил ту силу, о какой мечтал: теперь я мог провести себя, а его запечатать в этих строках. Правда, как провести его, я не знал, ведь он уже умер, а задействовать для этого его не хотелось. Поэтому я оставил это на усмотрение судьбы, а сам занялся запечатыванием его, в то время как он стоял позади меня и внимательно наблюдал за этим.

И вот оно, великое запечатывание, великая формула, то наследие, которое останется от меня на вечную вечность.

Он начинает просыпаться по кругам. Каждый становится все шире и шире, каждый раз дается все больше и больше силы, пока наконец он не пробуждается и не дается в руки. Круг необходимо чертить тем самым методом, который добыли мы втроем. Семеро вокруг одного. Либо в начале, либо в конце должен стоять тот, чья внутренняя сила особенно велика. Если с него начинается, то завершается все его кровью. Если им завершается, то начинается все с его крови. Если мал потенциал, то потребуются семь кругов, если внутри больше энергии, то хватит и пяти или даже трех. Когда чертишь круг, нужно обращать большое внимание на знаки судьбы и как можно меньше задействовать личной выгоды. В первую очередь — справедливость. Никто из семи не должен быть вовлечен в круг просто так.

Когда он снова проснется, в этом мире наконец-то наступит справедливость. Потому будет лучше, если с момента запечатывания до момента пробуждения пройдет немного

времени. Самое лучшее — семь лет. Но я всего этого не увижу и на это не повлияю — я лишь встречу возле ворот тех, кого доставит к ним следующий Проводник. И тот день станет для меня самым счастливым во всей моей жизни.

И помните: легенды не лгут. Легенды живут своей жизнью, пряча в себе порой самые могущественные силы этого мира. Сборники легенд — это сильнейшее оружие, которым можно победить целую армию. Кто хочет стабильности, тот должен сжечь все эти сборники. А кто хочет спасти этот мир, тот должен читать и впитывать в себя — может, найдет кого-то, кто подобен ему и кто сможет проникнуть внутрь души, стать вторым Проводником.

Я заканчиваю. Последние песчинки падают вниз, жизни отмерен срок. Великое счастье — уходить, зная, что тебя проводит он. Вам всем ещё придется испытать это счастье. Вы не представляете себе, как это прекрасно, и вы будете сопротивляться. Не надо. Благодарите его за подаренную милость, склонитесь перед ним, и он подарит вам то, что есть высший смысл жизни.

Байонис и Хор закончили чтение, а затем понимающе переглянулись.

— Без пары бутылок не разберешь, — вынес хладнокровный вердикт Маршал. — Но вина у нас нет, так что придется работать своей головой. Вернее, головами. Может, нам и удастся что-то понять, не запутавшись двести раз.

Хор просто кивнул. А затем они вернулись к первой странице.

— Видимо, вся первая запись идет о сестре Гиретте, — начал Мальс, пока Байонис, хмурясь, перечитывал. — Она ушла из дома, не поладив, видимо, с братом, но он уверен, что она вернется.

— Согласен, — кивнул Маршал. — Вторая — это о Хасденте. А третья, думаю, сделана после того, как Моул Хусту погибла.

— «Ему не жить», — медленно повторил Хор. — Да, так и есть. Но дальше начинаются странности.

— Раздвоение личности у него начинается, — хмыкнул Байонис, взглянув в строчки четвертой записи. — «С этого дня Гиретте Хусту более не существует — остается мститель, демон... Проводник». Видимо, и раньше у него были какие-то проблемы с этим, но улеглись, а при таком стрессе всколыхнулись с новой силой, и мирный человек превратился в серийного убийцу.

— Хасдент погиб, — продолжил Мальс, переходя к пятой дневниковой записи. — И Гиретте это очень понравилось. А ещё он окончательно отрекся от прошлой жизни, провозгласив себя Проводником, и решил, что в него вселился некий дух, вышедший из легенды. Это ведь та самая легенда, верно?

— Да, о демоне, который протягивал людям орудия убийства и отходил в сторону, а затем наблюдал за смертями. Вы читали её? — Маршал чуть прищурился. Хор отрицательно покачал головой. — А я вот читал, когда заварилась вся эта каша семь лет назад. И никакой дух в меня не вошел. Сама легенда, надо сказать, написана громоздким языком и полна нелогичности. Вряд ли она имела особый сакральный смысл. Просто Гиретте воспринял её особенно остро и начал мстить. Это наложилось на его сумасшествие.

— «Но для начала я должен понять, что он попытался сделать против меня, и подарить это тебе», — принялся читать дальше Мальс. — В дневнике он обращается на «ты» к своей «второй личности», Проводнику, а «он» — обозначает Хасдента. В «Истории» уже все перепутано, но здесь более-менее ясно. Гиретте решил раздобыть метод Хасдента — и начал

свою серию.

— А дальше — самое интересное. Тайнственный помощник, у которого какая-то опасная болезнь. Ведь мы не раз предполагали, что Кей — наследник Проводника, и дневник на это намекает, хотя слова о болезни и последующей смерти помощника меня сильно смущают.

— Жаль, нет никаких слов о том, как этот помощник оказался у Гиретте, — с досадой произнес Хор. — Это могло бы дать хоть какую-то наводку.

— А наводка здесь есть, — возразил Байонис. — Говорится, что этот человек восхищался Хасдентом, который, прошу заметить, не очень-то был известен, предпочитая хранить большинство изобретений в тайне. Напрашивается вывод, что помощник ранее работал с Хасдентом.

— И после его смерти начал сотрудничать с его убийцей? — недоверчиво спросил Мальс. — Как-то это не вяжется. Восхищаться одним — и с легкостью переходить к его врагу?

— Я не исключаю, что этот помощник тоже имел какое-то психическое расстройство, — Маршал задумчиво перечитал всю запись. — Иначе он вряд ли встал бы в пару с Проводником, разве не так? Нам нужно проверить всех, кто ассистировал Хасденту: быть может, найдем пересечения с нашим кругом подозреваемых. Ведь все, кто летел на «Рассекающей», имели отношение к Грозовому Миру, где жил Гиретте.

— «Мой помощник умер», — перешел Хор к следующей записи. — Вот это самое странное, пожалуй, из всего, что я могу воспринять.

— Да, кажется удивительным, если брать дальнейшие записи, — лицо Маршала стало напряженным. — Однако, возможно, Проводник использовал некую метафору. Кто знает, вдруг под смертью он понимал некое преобразование — например, то, что помощник сошел с ума и тоже начал отождествлять себя с Проводником, забыв собственную личность. Или тебе больше нравится считать, что Кей когда-то умер, а затем восстал из мертвых?

— С ним нельзя что-либо точно утверждать, — с чувством сказал Хор. — Но, возможно, вы правы. «Помощник вернулся очень кстати. Человека в нем больше нет, зато есть рабочие руки и исполнительность, а это как раз то, что мне нужно», — прочитал он строки из следующей записи. — С одной стороны, это походит на описание того, кто перестал считать себя за личность и принялся выполнять все приказы Проводника. С другой стороны, это походит и на описание восставшего мертвеца.

— А тебе не кажется, что человек, от которого остались только рабочие руки и исполнительность, не смог бы потом проворачивать столь сложные операции? — Маршал был настроен скептически. — Если только у Гиретте совсем все в голове не перепуталось, я бы мог предположить, что Кей — не его ученик, а ученик того самого помощника. Нашел его после смерти Проводника, узнал все необходимое, а затем — убил, подчищая за собой следы. Но это только версия. Вполне вероятно, что с этим помощником мы сейчас и боремся, а Гиретте писал в своем дневнике полный бред из-за расстройства личности.

— Все может быть, — уклончиво ответил Хор и прочел вслух начало последней записи: — «Вот и седьмой покинул этот мир». Проводник закончил свою серию убийств, а затем решил кончить и с собой, но предварительно — этот странный ритуал «запечатления» его второй сущности на страницах дневника. Хотелось бы знать, сколько в этом правды, а сколько — сумасшествия.

— «Мне осталась только одна дорога, но перед тем, как двигаться по ней, я должен

запечатлеть тебя здесь, а затем уничтожить все, что пытался сделать против тебя Хасдент», — вместо ответа зачитал следующие строки Байонис. — Видишь, он не собирался сохранять этот метод. С запечатлением, конечно, все очень мутно. «Он думал, что тебя возможно победить. Глупости». Можно сделать вывод, что Хасдент начал придумывать свой метод именно из-за Гиретте, опасаясь его. Хотя это, конечно, может быть фантазия Проводника, решившего, что он способен заставить всех бояться. «Тебя не остановит ни один маг этого обветшалого мира, и лишь того ты пощадишь, кто преклонится пред тобой. Несколько капель крови в чернилах, перо в левой руке, неживой помощник за спиной. Проводник, я готов». Неживой помощник — почему он о нем так говорит? Себя же Гиретте не считал мертвым.

— Спросите у него, — мрачно вздохнул Хор. — Здесь больше безумного бреда, чем чего-то полезного, а «Историю» я уже боюсь перечитывать.

— Как раз она и важна здесь, — заметил Байонис. — Остальные записи мало что нам дают, за исключением намеков на помощника, которые, правда, ещё надо разгадать.

— Тогда давайте попробуем хоть что-то в ней понять, — Мальс задумчиво перечитал про себя заглавие. «История Гиретте Хусту, оболочки для могущественнейшей силы этого мира». Нечего сказать, милое название.

— Для начала, — нахмурился Байонис, — желательно определить, что тут с местоимениями. Есть сам Гиретте, есть «она» — его сестра, и есть немалое количество тех, кто обозначается местоимением «он». Я так понимаю, что это Проводник, Хасдент и помощник. Хотя мог быть ещё один, но здесь уже не определишь.

— «Он стал единым целым со мной, когда мне не было и года», — прочитал первую фразу Хор. — Да, а потом Гиретте утверждал, что этот подозрительный дух вошел в него после прочтения легенды. Сомневаюсь, что ему было меньше года тогда.

— Да, но я склоняюсь к тому, что Гиретте, сочиняющий четвертую-пятую запись, и Гиретте, намеревающийся запечатлеть «Историю», — два разных человека. Его сумасшествие прогрессировало, это видно по дневнику, а значит, менялись и убеждения. В любом случае, нас отсылают к тому, что автор этих строк был с самого детства избран для взаимодействия с якобы могущественнейшей силой этого мира.

— «Потом появилась она. Не такая чуткая, но пронизательная, она сумела уловить то же самое, только в отличие от меня, молчавшего до восемнадцать лет, она уже в одиннадцать начала говорить всем о том, какая она есть. И это стало спасением для меня. Пока все смотрели на неё, я рос и креп, а внутри меня рос и развивался он», — это был только первый абзац «Истории», а Хор уже начал путаться. — Здесь идет речь о сестре Гиретте, это определено. Но что значит «она смогла уловить то же самое»? Имела те же отклонения в психике, что и её братец?

— Вот это вряд ли, — покачал головой Байонис. — Моул Хусту выучилась на инженера, и никто не замечал в ней никаких странностей, хотя её регулярно обследовали.

— А Гиретте тоже считали нормальным человеком, — заметил Хор. — Тем не менее, он превратился в сумасшедшего убийцу. Меня смущает в этих строках то, что Моул каким-то образом отвлекала внимание родителей от того, что происходило с её братом. Что бы могло это значить?

— А вот это как раз просто, — Байонис, похуже, особо не утруждался раздумьями. — Когда после двух мальчиков появляется девочка, на ней сосредотачивается все внимание семьи. В таких условиях Гиретте стал незаметнее, что помогло ему ещё больше сдвинуться

не в ту сторону. А поскольку Моул поддерживала брата во всем, то он решил, что она тоже смотрит на мир немного иначе. Ты читай дальше. «Мы были неразлучны. Он, я и она. Правда, она не совсем понимала, что именно происходило, но готова была принимать все, если это исходило от меня, а значит, его она приняла с той же легкостью». Об этом я и говорил.

— «Наши родители пытались как-то вмешаться в это, особенно старались нажимать на неё, поскольку она ещё не привыкла давать отпор, и у меня не оставалось другого выхода. Я прибег к его помощи, впервые превратившись в Проводника, и провел их за ворота другого мира», — продолжил читать Хор. — Выходит, именно Гиретте обеспечил смерть своих родителей? Надо поднять материалы по этому вопросу.

— Поднимем, — кивнул Маршал. — Но, заметь, уже тогда он был серьезно безумен, если с легкостью согласился на смерть родителей. Странно, что после такого Гиретте смог вернуться к нормальной жизни и пару десятков лет не возбуждать ничьих подозрений. Я читал досье: когда ему было лет двадцать, он проходил лечение от психической болезни, но сумел восстановиться — врачи посчитали, что полностью. В контексте этого мне кажется подозрительным момент со смертью родителей. Если б Гиретте действительно имел отношение к этому, он обязательно выдал бы себя. Возможно, он сочинил все уже после.

— «Наступило самое прекрасное время. Мы делили его на троих, и я ощущал себя самим собой, но в соединении с ним и с ней. О другом я и не мечтал», — вернулся к тексту Хор. — Здесь, видимо, говорится, о самом пике его болезни — тогда, в молодости.

— «А затем появился он. Трусливое ничтожество, уверенное в том, что ему подчинены все тайны мироздания», — очень медленно прочитал Байонис. — Это уже новый «он» — подозреваю, врач-психиатр, который занялся лечением Гиретте. И ещё у меня есть предположение, что он как-то связан с Хасдентом... или это и есть Хасдент.

— Совмещать изобретательство и психиатрию? — вскинул брови Хор. — И как ж ему так повезло, что он в обоих случаях сталкивался с Гиретте?

— Это не совпадение, это закономерность. Понимаешь ли, Хасдент начал разрабатывать свой метод как раз из-за того, что боялся Проводника: во всяком случае, так считал сам Гиретте. Почему бы этому и не быть правдой?

— Но тогда вы признаете, что сущность Проводника действительно представляла серьезную опасность? — прищурился Мальс. — Вряд ли Хасдент был подвержен суевериям: если он видел опасность, значит, она и впрямь существовала.

— В этой истории много всего загадочного, — со вздохом произнес Байонис. — И все же я думаю, что началось не с Хасдента, а с Гиретте. Слишком уж необычным выглядит его сумасшествие в сочетании с тем, что он сумел провести семь идеальных преступлений, не привлекая внимания полиции. Я не имею в виду те письма в газету, я говорю о наличии улик и подозрений. А их просто не было. Если б не шедевры эпистолярного жанра от Проводника, мало кто заподозрил бы злой умысел в смерти некоторых из его жертв. Не каждый умный человек смог бы такое повернуть. А у него — получилось. Если тебе угодно, я вижу в этом нечто мистическое, удачу, подаренную человеку с совершенно необычным взглядом на мир.

— То есть вы признаете наличие «могущественнейшей силы во вселенной»? — с легкой долей сарказма поинтересовался Хор.

— Не могущественнейшей, но силы. Ты помнишь запись о смерти Хасдента? — Байонис вытащил первый листок. — «Даже магия не может сотворить такого с человеческим разумом — а я сумел, и спасибо тебе за это, Проводник». Здесь сделан акцент

на некоем особом умении Проводника, которое словно бы выше магии. Сомневаюсь, что он написал бы такое, если бы все проворачивал исключительно благодаря своим стратегическим способностям.

— Послушайте, но ведь это противоречит основным законам магии, той нерушимой основе, на которой стоит вся наша теория. Магическая энергия не может влиять на разум, а что ещё могло стать оружием Проводника?

Маршал невесело усмехнулся:

— Я ничего не знаю кроме того, что Алика Хусту уничтожила дневник, выучив наизусть все записи, чтобы пересказать их как важный материал для расследования, а Мэйл Иушнице позволил ей это сделать.

— Вы хотите сказать, — прошептал Мальс, — она сделала это, чтобы уничтожить то, что запечатлел на этих листах её брат?

Маршал сделал значительную паузу.

— Во всяком случае, она относилась к этому очень серьезно. Как и Мэйл. Удивительно, что за все годы нашей дружбы он не захотел посвятить меня в эту историю. Боялся, что не поверю? Может, справедливо боялся и, наверное, считал, что нет смысла рассказывать, раз уж дневник уничтожен.

— В таком случае, — осторожно заметил Хор, — адмирал должен был полностью увериться, что и таинственный помощник ему ничего не сделает за смерть Гиретте. И он имел эту уверенность, а иначе постоянно чувствовал бы себя в опасности — раз уж решил отнестись со всем вниманием к этому.

— Погоди-ка, — выдохнул Маршал, и в его взгляде блеснуло осознание. Он промчался по последним записям и с легким волнением зачитал: — «Когда мы проведем седьмого, мы вместе запишем всю эту славную историю, сохраним тебя на страницах моего дневника, а затем он проводит меня и окончательно уйдет сам». Ты видишь? Проводника должен проводить помощник.

— Вы хотите сказать, — ахнул Хор, — что помощник и есть Мэйл?

Байонис резко качнул головой.

— Это было бы слишком. Однако Гиретте — тот, для кого на первом месте ритуал, а значит, он готовил свою смерть. И специально для этого отсылал письма в газету — видимо, по ним Проводника и нашел этот таинственный помощник. Возможно, пожар стал частью ритуала, а Мэйл именно в это время появился в доме. Но однозначно в этом стоит искать зацепку. Так что нам необходимо поднять все материалы по этому делу — вдруг какие-то мелочи подойдут к этой картине. Заметь, что адмирал погиб именно сейчас, когда все стало так серьезно, когда Кей начал ритуальные убийства. До тех пор, насколько я понимаю, он тренировал свое умение...

— На политических противниках Рондера Мистералья, — выпалил Хор, которого до сих пор уязвляло отношение Маршала к его теории о покровителе. — Хотя мог бы заняться кроликами или мышами. Поймите же, те старые убийства произошли не просто так!

— Не просто так, — невозмутимо подтвердил Байонис. — Он желал попробовать атаковать по-настоящему сильных противников, прежде чем начинать свой круг, который зависел от воли судьбы, а значит, мог выкинуть любой фортель, вплоть до Эссентессера Объединенного Мира, что он почти и сделал.

Мальс сделал глубокий вдох и перевел взгляд обратно на записи Алики.

— Давайте все же расшифруем до конца эту историю. «Он попытался уничтожить связь

нас троих — и я взбунтовался, пробуждая всю дикость своей истинной натуры. В те дни я сошел с ума. Поддавшись на провокацию, я сам искорежил нашу связь. Единое целое перестало существовать. Она превратилась в обычного человека, он спрятался глубоко внутри меня, а я стал Гиретте Хусту». Здесь, видимо, идет описание лечения, информация о котором сохранилась в архивах о душевнобольных.

— Да, описание лечения, но ограничиваться констатацией факта не стоит, — Маршал нахмурил брови. — Обрати внимание на ход этого лечения. Гиретте признается, что, хоть таинственный «он» и сделал много что, но без резкой реакции со стороны пациента это не вышло бы так эффективно. Провокация. Что значит эта провокация? Как вообще сумели избавить Проводника от его сумасшествия и на время сделать нормальным человеком? Это один из важнейших вопросов, раз уж мы решили не делать четких решений касательно второй сущности Гиретте Хусту.

— А разве в архивах не сохранилось имя человека, который его лечил? — запоздало сообразил Хор.

— Увы, не сохранилось, — развел руками Байонис. — Правда, в одной из бесед Мэйл упоминал... упоминал, что Гиретте лечился по какой-то инновационной методике, которая так и не вошла в употребление, хотя в его случае дала положительные результаты. Я склонен этому верить. Какие выводы можно сделать?

— Гиретте так напугал собой этого врача, что тот прекратил практику? — хмыкнул Мальс.

К его удивлению, Маршал серьезно кивнул.

— Прекратил практику и начал придумывать средство против Проводника.

— То есть вы утверждаете, что он и есть Хасдент?

— Это кажется мне наиболее логичным. Заметь, он переманил к себе Моул как помощницу для экспериментов — и погибла именно Моул, хотя в тот момент рядом присутствовало около пяти человек. Тебе не кажется, что это уж слишком печальное совпадение для Гиретте?

— Хасдент что, провоцировал его снова?

— Нет, — Байонис снова пробежался глазами по начальным записям. — Я думаю, что он пытался экспериментировать с его сестрой, чтобы найти средство против Проводника. Вспомни, что говорилось в дневнике. Гиретте считал их с сестрой и с второй сущностью единым целым и наверняка не раз высказывал это остальным. Хасдент решил, что у Моул схожая ситуация, но она была слабее, а потому стала прекрасным объектом для экспериментов, направленных на то, чтобы вытащить Проводника из Гиретте. А сначала целью сделалось вытащить Проводника из Моул.

— А вместо этого он вытянул из неё всю энергию и жизнь, — мрачно закончил Хор.

— Именно, — кивнул Маршал. — Смотри, что написано дальше в «Истории». «Она превратилась в обычного человека, он спрятался глубоко внутри меня, а я стал Гиретте Хусту». То есть Моул уже не была восприимчивой к этим материям, она отделилась от всей этой странности с Проводником. В общем, не существовало разницы, проводить эксперименты на ней или на постороннем человеке. Это и стало причиной её смерти и пробуждения Проводника, который начал запугивать Хасдента. А тот уверился, что его метод не работает, начал бояться и ощущать стыд из-за Моул, и все это в итоге привело к его гибели, в то время как Гиретте считал, что это полностью заслуга «могущественнейшей силы в мире».

— Выглядит логично, — неторопливо произнес Мальс. — Тем не менее, это сплошные предположения, не подкрепленные чем-то определенным.

— А в данном случае даже имеющийся у нас документ не может ничего подтвердить, поскольку написан сумасшедшим, — пожал плечами Байонис. — Все равно выводы основываются лишь на умозаключениях. Двигаемся дальше. «И я даже не убил того, из-за кого все это началось, потому что пребывал в безумии и не осознавал, что происходит. Несколько шагов отделяли меня от бездонной пропасти: я мог бы влиться в триллионы серых душ, бродящих по этому миру, навеки потеряв связь с Проводником. Но этого не случилось. Я очнулся — в тот самый день, когда она погибла от его руки». Смотри, ещё один важный момент, ответ на вопрос, который ты не задал, хотя определенно должен был. Ведь Гиретте встречался с Хасдентом, когда тот принял себе на работу Моул, и ты мог бы спросить, почему бывший пациент не узнал своего врача. А не узнал он потому, что забыл все о своей болезни и своей одержимости Проводником. Это Хасдент все понял. А Гиретте осознал лишь потом, когда уже в нем проснулась вторая сущность.

— То есть, лечение свелось к тому, что он как бы потерял память, а потому стал жить обычной жизнью? — наконец догадался о сути этого предположения Хор.

— Да. А потом смерть Моул разом все в Проводнике пробудила, и Грозовой Мир получил серийного убийцу. «И с того самого момента я и он снова стали единым целым, чтобы действовать вместе и вести тех, кого надо провести», — процитировал Маршал. — «Мы хотели разузнать тот метод, каким он убил её, и мы хотели в первую очередь провести его». Разумеется, речь идет о методе Хасдента и самом Хасденте, которого желали убить. «Мы немного ошиблись, когда пытались заполучить его метод, так что это оттянулось до проведения последнего из круга».

— Круг, — выдохнул Мальс. — Это то, ради чего следует читать все остальное, путаясь и увязая в дебрях логики сумасшедшего. — Он торопливо подался вперед, чтобы лучше видеть текст, и принялся читать дальше: — «Но зато мне стали ясны все правила круга. В него входит обязательно семь, связанные одним, и этот один должен выжить, в то время как остальные обязаны умереть». Это как раз про центр круга. Семь человек — но у нас... у нас... — Мальс на минуту задумался, подсчитывая в голове количество жертв.

— Шестеро, — быстрее сработал Маршал. — Значит, остался тот, кого мы должны спасти. «В тот момент, когда душа покидает седьмое тело, автору круга дается сила большая, чем все, чем он владел до того». Подозреваю, что здесь Гиретте говорил чистую правду, даже если делить на сто его заверения о могущественности доставшихся ему сил. И я думаю, что именно это сейчас Кей и проворачивает, дабы прорваться ещё дальше в своем владении магией.

— Остался всего один, — повторил Мальс мрачно. — Мы потеряли время.

— Мы потеряли бы его, даже если бы знали обо всем этом, — отрезал Маршал. — Вряд ли у нас получилось бы ставить преграды Кею.

— Вряд ли? — вскинул брови Хор. — Но ведь мы могли бы проверить все догадки, связанные с Гиретте, узнать больше о его жизни и его семье, — может, это дало бы шанс. А вы говорите — не получилось бы. Вы что, думаете, что мы не сможем получить никакой реальной пользы из этих бумаг? Вернее... — произнес он уже тише, глядя на слишком спокойное лицо Байониса. — Вы думаете, что мы не сможем получить реальной пользы, пока не столкнемся с Кеем лицом к лицу.

— Я просто жду твоей свадьбы, — невозмутимо произнес Маршал. — А пока занимаю

себя другими головоломками. Однако мы говорили о круге и его закономерностях. «Можно менять центр, но он должен оставаться центром, иначе все рухнет». Видимо, речь идет о том, что этот центр должен быть связан со всеми жертвами.

— Кей выбрал его сам, — нахмурился Хор. — Я отказался от этой роли, но, думаю, он выбирал из нас троих. — Его мозг лихорадочно заработал. — И если брать связь со всеми жертвами, то Хемин отпадает, ведь она не имела никакого отношения к Мэшмету Зорренду и адмиралу Иушнице. Раль тоже не встречалась с адмиралом. А я... Я вообще не знал Виорди Мистераль, — разочарованно закончил он. — Что же выходит, был выбран какой-то другой центр?

— К сожалению, точно этого не определишь, — бесстрастно произнес Байонис. — Связь между центром и точками круга может быть самой причудливой, а мы всех нюансов не знаем, так что невозможно сказать определенно.

— Ничего нельзя сказать определенно, — с раздражением ответил Мальс и дернул к себе оба листка. — «В те дни, когда нам с ним как раз требовалась помощь, пришел он. Больной и истощенный, восхищающийся не тем, кем надо, но желающий приобщиться ко всем сокровенным знаниям». Здесь речь идет о помощнике. Он однозначно сильно болел. В этом уже нет сомнения, — Хор осознал, что говорит обрывистыми предложениями из-за непонятого волнения, возникшего после этих мыслей о неясном центре круга. Он приказал себе успокоиться и принялся безэмоционально читать дальше: — «Нас снова стало трое, как в безвозвратно ушедшие прекрасные времена. Только вот он отличался от неё, поэтому не получилось того идеального соединения, и он умер, не сохранив себя ни на каплю. Тем не менее, нас снова стало трое».

— То место, которое без метафор не поймешь, — покачал головой Байонис. — Не думаю, что этот помощник умер и восстал. Нет, он просто сделался вторым Проводником, растеряв свою сущность и, возможно, забыв о прошлом. При том он полностью подчинился Гиретте, оттого тот и писал про рабочие руки и исполнительность в своем дневнике.

— И все же сначала упоминается его болезнь, а затем о ней нет ни слова, — напряженно произнес Хор. — Может... Может, Проводник как-то излечил своего помощника, но при том лишил его изначальной личности?

— Логичный вариант, — одобрил Маршал. — Вполне возможно, что этот помощник не горел желанием действовать во благо убийцы Хасдента, но из-за болезни подчинился и в результате стал второй составляющей Проводника. А теперь действует и здесь. Потому что вылечился телесно, но остался с заболеванием разума. Правда, здесь есть одна мутная вещь: этот человек никак себя не проявил в отношении дневника, а ведь именно тот — место «могущественнейшей силы». Гиретте твердил, кричал, вопил об исключительности сидящего внутри него духа, который оказался запечатан на этих страницах, и об этом не мог не слышать помощник — и тем не менее, он даже не попытался выкрасть дневник или сделать с ним что-нибудь. Это довольно странно, не находишь?

— Довольно странно, да... — задумался Хор. Вдруг блеснула идея. — Однако после смерти Гиретте второй мог... излечиться. А значит, все забыть.

— Излечиться? — свел брови к переносице Байонис. — Но если это произошло сразу же после гибели его учителя, без каких-либо психологических инновационных методик доктора Хасдента, то как это вышло и с чем это связано? Думаешь, некая магия держала помощника в подчинении? Однако никакая магия не способна воздействовать на разум, и ты прекрасно это знаешь. Хочешь сказать, мы сталкиваемся с исключением из главных законов

природы?

— Вы сами предполагали наличие этого исключения, — чуть обиженным тоном заметил Мальс. Ему не давала покоя странность в поведении Байониса: возникало ощущение, что некоторые дебаты повторяются в их спорах дважды, но в них меняются стороны. До этого у Хора уже мелькала подобная мысль, но он подумал, что, видимо, что-то неверно понял, и тогда решил отложить выяснение этого вопроса. Сейчас же Мальсу хотелось бы разрешить это недоразумение, поскольку оно выглядело довольно подозрительно.

— Я говорил о другом роде исключения, — невозмутимо отбил удар Маршал. — Я предполагал, что действительно существует некая особая сущность или же особая магия, покровительствовавшая Проводнику. Но я не думаю, что эта магия воздействовала на разум помощника. Это было бы слишком сложно и затратно, а ведь у Гиретте тогда ещё не получилось достать метод Хасдента.

— Ладно, возвращаемся к «Истории», — пробормотал Хор. — «Мы проводили остаток людей, мы завершили круг, и в руках у нас оказался весь метод». Проводник разобрался со всеми своими жертвами и получил бумаги Хасдента.

— «Я получил ту силу, о какой мечтал: теперь я мог провести себя, а его запечатать в этих строках». Хотел бы я знать, что имел в виду Гиретте, говоря о силе: вряд ли он воспользовался методом Хасдента сразу же. Скорее всего, эту силу обеспечил именно собранный до конца круг. То есть он не зависит от метода убийства. То есть существует ещё что-то в этом обряде, что и помогает получить в конце что-то.

— Связь с Проводником? — предположил Хор. — Если помощник остался в живых, то вполне может быть так.

— Точности мы себе, увы, позволить не вправе, — пробормотал Маршал и вернулся к тексту. — «Правда, как провести его, я не знал, ведь он уже умер, а задействовать для этого его не хотелось. Поэтому я оставил это на усмотрение судьбы, а сам занялся запечатыванием его, в то время как он стоял позади меня и внимательно наблюдал за этим». Здесь легкая путаница из-за того, что провести не могут одного, а запечатывают другого, при том первый присутствует, и обоих их зовут «он».

— Помощник мог провести Гиретте, но обратного тот уже не допускал, — снова задумался Хор. — Интересно, почему? В чем вообще отличие по правам этих двух?

— Боюсь, — вздохнул Байонис, — что это отличие продиктовано исключительно воспаленным разумом Гиретте. Мне хотелось бы верить, что категоричность его заявлений чем-то серьезным подкреплена, но... Видишь ли, Проводник заявляет, что его помощник уже умер: возможно, тот оказался «слишком близко к смерти», то есть слишком близко к слиянию с второй сущностью. То есть Гиретте уже не воспринимал его, как полноценного человека, однако считал, что он сможет выполнять обязанности Проводника, раз уж заимел такую плотную связь.

— Видимо, да, — кивнул Хор и снова впился глазами в текст: — «И вот оно, великое запечатывание, великая формула, то наследие, которое останется от меня на вечную вечность». Наверное, тут уж точно не помогут разговоры и предположения. Либо запечатывание сохранило какую-то силу в дневнике, либо — нет, и вопрос этот не так уж для нас и важен, поскольку дневник уже уничтожен.

— А дальше начинается самое интересное. «Он начинает просыпаться по кругам. Каждый становится все шире и шире, каждый раз дается все больше и больше силы, пока

наконец он не пробуждается и не дается в руки». Это объясняет неспешно разворачивающуюся деятельность Кея. Потом там ещё будет фраза про семь лет с момента «запечатывания», а это уже совершенно точно вписывается во временные рамки всех убийств.

— «Круг необходимо чертить тем самым методом, который добыли мы втроем», — подхватил Мальс. — То есть методом Хасдента. «Семеро вокруг одного. Либо в начале, либо в конце должен стоять тот, чья внутренняя сила особенно велика». Синди Хассен? Она не владела никакой силой. Значит, этот человек — в самом конце.

— «Если с него начинается, то завершается все его кровью. Если им завершается, то начинается все с его крови», — зачитал Маршал. — Здесь уже туманнее. Я понимаю, если человека убивают последним, а перед этим добывают его кровь. Но наоборот?

— Мне это не кажется странным, — пожал плечами Хор. — Не забывайте, нам сейчас противостоит человек с даром лекаря. Сохранить на неделю кровь — это не такое уж и сложное дело. «Если мал потенциал», — принялся читать дальше он, — «то потребуются семь кругов, если внутри больше энергии, то хватит и пяти или даже трех». Здесь не нам судить, но Кею, видимо, потенциала все же не хватило. «Когда чертишь круг, нужно обращать большое внимание на знаки судьбы и как можно меньше задействовать личной выгоды». Вот это мы, — он с сожалением вздохнул, — видели и, увы, не раз. «В первую очередь — справедливость. Никто из семи не должен быть вовлечен в круг просто так». Это мы тоже видели, хотя справедливость у нашего противника своеобразная.

— «Когда он снова проснется, в этом мире наконец-то наступит справедливость. Потому будет лучше, если с момента запечатывания до момента пробуждения пройдет немного времени. Самое лучшее — семь лет», — прочитал Байонис. — Вот про это я и говорил. Семь лет. Но касательно справедливости, конечно, полный бред. От того, что вылезет один дух, даже если б он существовал, мировое счастье не наступит. «Но я всего этого не увижу и на это не повлияю — я лишь встречу возле ворот тех, кого доставит к ним следующий Проводник. И тот день станет для меня самым счастливым во всей моей жизни». Это тоже малосодержательный радостный бред уверенного в своей правоте сумасшедшего.

— «И помните: легенды не лгут», — продолжил Хор. — «Легенды живут своей жизнью, пряча в себе порой самые могущественные силы этого мира. Сборники легенд — это сильнейшее оружие, которым можно победить целую армию. Кто хочет стабильности, тот должен сжечь все эти сборники. А кто хочет спасти этот мир, тот должен читать и впитывать в себя — может, найдет кого-то, кто подобен ему и кто сможет проникнуть внутрь души, стать вторым Проводником». Тоже, думаете, бред?

— Нам он явно без пользы, — кивнул Байонис. — Хотя ты можешь пойти и почитать сейчас сборник легенд — авось и найдешь оружие против Кея.

— «Я заканчиваю», — приступил к последнему абзацу Мальс. — «Последние песчинки падают вниз, жизни отмерен срок. Великое счастье — уходить, зная, что тебя проводит он. Вам всем ещё придется испытать это счастье. Вы не представляете себе, как это прекрасно, и вы будете сопротивляться. Не надо. Благодарите его за подаренную милость, склонитесь перед ним, и он подарит вам то, что есть высший смысл жизни». А вот это уже точно бред.

Текст закончился, и оба исследователя внимательно посмотрели друг на друга, понимая, что настала пора подводить итоги. Мальс прокашлялся. Поглядел на листки в руках Маршала, а потом — на самого Маршала.

— Очень запутанная вещь, — с досадой произнес Байонис. — Я сделаю тебе копию, и

мы будем ещё не раз это перечитывать. Однозначных выводов я сделать не могу. Единственное, что очевидно, — это стадии болезни Гиретте и его преступлений. Дальше уже начинаются версии. Моя состоит в следующем. Хасдент и есть тот врач, который вылечил Поводника, но испугался его и начал готовить оружие, чтобы защититься, если вторая сущность проснется опять. При испытании этого оружия, вытягивания магии, изобретенного Хасдентом, и погибла Моул, а в результате взбесился Гиретте. Это то, что касается причин и следствий.

Маршал сделал паузу, обдумывая дальнейшие выводы, затем снова заговорил:

— Так называемый Проводник — это либо проявление сумасшествия, либо что-то очень серьезное, что я не могу анализировать. Помощник — обыкновенный человек, забравший себе секрет Хасдента и, думаю, действующий сейчас против нас. Слова о его смерти означают переход его в некое состояние, необходимое для полноценной поддержки Проводника. Правила круга и то, что касается его дальнейшего применения, — правда. А вот запечатление и позднее возвращение Проводника может быть и правдой, и ложью. С мнением об этом я ещё не определился. Пожалуй, это все. Говорить о записях Гиретте можно без конца, но вот есть ли в этом смысл?

— Кто знает, — развел руками Хор. — В большинстве суждений я с вами согласен — согласен и с тем, что над этим нужно очень хорошо подумать. Больше всего меня интересуют правила круга, ведь именно ими руководствуется сейчас Кей.

— И, увы, они ничего не дают, — хмыкнул Маршал. — Если б мы знали, кто стал последней версией центра круга... Подозреваю, что это все же Эвальд Мистераль. Он мог быть связан и с адмиралом, и с Мэшметом Зоррендом, и даже с Синди.

— Это да, — кивнул Хор. — Возможно, мы трое своей непостоянностью Кея утомили, и он решил оставить знаки судьбы и вернуться к старому центру. Бедный Эвальд. — Вдруг вспомнились его слова в квартире Мистералей в утро после трагедии. Да, похоже, сам наследник фамилии считал, что рядом с ним совершаются все жуткие убийства.

— И ты, и Юнари, несомненно, связаны с ним, так что будьте особенно осторожны на свадьбе, — предупредил Байонис.

— Выйдет глупо, если седьмой жертвой станет кто-то из неё, — усмехнулся Мальс.

— Будет глупо потерять временника, — внезапно сузил глаза Маршал. — Я знаю, что ты любитель риска, но не забывай, что ты рожден не просто так. Некоторым людям суждено оставить приличный след в истории — вне зависимости от того, хотят они этого или нет.

Хор коротко улыбнулся.

— Я, например, хочу.

===== Глава 3. Сменившееся =====

Раль шла по небольшой улице на северо-западную окраину города, где находилась их с Хором конспиративная квартира, в которой хранились кольца памяти и оружие. Именно там они спрятали то кольцо, внутри которого Кей поместил свое насмешливое послание. Быстрая ходьба, осенний холод улиц и ни на минуту не останавливающаяся жизнь города немного привели её в себя, отчасти успокоили взбудораженные мысли. Раль искала защиты во всем, в чем только могла. Она собиралась ещё внимательнейшим образом изучить своего дракона, ведь к его возвращению приложил руку именно Кей.

Ключ от квартиры Адилунд носила с собой всегда, ещё один экземпляр находился у Хора, а третий они спрятали в укромном месте — на всякий случай. В том, что касалось их секретных предприятий, Хор перестраховывался десять тысяч раз, совсем как тенивики,

ставившие превыше всего конспирацию. Да, здорово, что Мальса взял себе в ученики Маршал — здорово ещё и потому, что это спасало его от слишком тесной связи с незаконной организацией.

Раль вошла в четырехэтажный стандартного вида кирпичный дом, почти весь занятый небогатыми жильцами, большинство которых не задерживались здесь долго. Из-за постоянной «текучки» все мало обращали внимание друг на друга, оттого Хор и выбрал это место.

Квартира располагалась на первом этаже. Она считалась двухкомнатной, но вообще это была одна комната, разделенная пополам довольно тонкой перегородкой, сквозь которую слышались все шумы. Из-за того, что один предприимчивый жилец сам ставил и перегородку, и дверь в ней, вся конструкция не обладала надежностью и удобностью. Дверь постоянно требовала починки, а в пустом пространстве между поперечными стенами поселились мыши. Впрочем, нынешних владельцев квартиры это не расстраивало, ведь они здесь не жили, используя это место лишь как склад или тайный уголок для встреч.

Прикрыв за собой входную дверь, но даже не став её запереть — все равно никто не зашел бы, в этом доме все привыкли сидеть в своих норах и не лезть к другим, — Раль прошла во вторую комнату, где располагался главный тайник. В свое время на его обустройство Хор потратил целую неделю, зато теперь они оба могли быть спокойны: их секреты никто бы не открыл. Повернуть маленький рычажок, спрятанный за ветхим диваном, встать на табурет и нажать на якобы сломанную деталь люстры, затем особым образом поднять подоконник — и под ним обнаруживается крупный ящик с несколькими отделами, в одном из которых и лежали все кольца. Свой обрез Хор прятал в соседней комнате, а здесь находились только пистолеты.

Раль стремительно вытащила лежавшее отдельно от всех кольцо и сунула его в протез, не заботясь о влиянии магии — в конце концов, в прошлый раз-то все получилось. Адилунд захлопнула крышку, и в этот момент раздались щелчок в прихожей и скрипение двери, которую кто-то с явным усилием открывал. Раль вздрогнула, и пяти секунд оцепенения ей хватило для того, чтобы упустить единственный шанс на сохранение их с Хором тайны. Она запоздало захлопнула подоконник, но это уже видел вошедший человек.

— Не ожидал от вас подобного, леди Мистераль, — знакомый неприятный голос обжег, словно удар хлыста. Раль развернулась. Перед ней стоял Пеннет, секретарь Рондера Мистералья, не обладающий магическим даром, зато очень преданный своему господину и недолюбливавший его детей.

— Магию против меня применять не советую, — в руке Пеннета блеснул маленький пистолетик. — Что у вас там спрятано?

Адилунд молчала, до боли закусив нижнюю губу. Все пропало. Она погубила себя, а может, ещё и Хора. Ну почему именно сейчас? Пеннет подошел ближе и недвусмысленным жестом велел Адилунд отодвинуться. Она бездумно сделала два шага назад, осознавая, что ничего не сможет сделать. Хор бы придумал какой-нибудь выход. Пеннет приподнял подоконник, глянул на содержимое тайника и со злой усмешкой посмотрел на застывшую Раль.

— Ай-ай-ай, леди Мистераль. Сотрудничество с теневиками, контрабанда, хранение оружия. Господину Мистерально будет очень интересно узнать, чем на самом деле занимается девушка, которую он принял в семью. Идемте, — он резко схватил Адилунд за руку и потащил вон из комнаты, оставив тайник открытым.

Хор согласился на встречу с Юнари Мистераль, дабы представлять, что за брак ждет его в дальнейшем. Впрочем, он знал, что не откажется от своего решения, даже если невзлюбит эту девушку с первого взгляда. В большинстве семей Объединенного Мира отношения между супругами давно перестали что-то значить, а сейчас Мальса интересовал Кей и только Кей. Уж слишком далеко он мог зайти со своей силой и умением скрываться. Скорее всего, и впрямь действовала группа, уж слишком убедительной вышла проверка в ночь смерти Хорди.

Хор направлялся в особняк Мистералей, довольно старый дом на площади Локеры. Она носила имя богатой женщины, приказавшей расчистить местный лес и построить на его месте деревню, которая через пару веков стала столицей Объединенного Мира. С Локеры началась история этого места, и оттого в её честь называли одну из самых красивых площадей, а также парк в южных окраинах, двадцать лет назад вырубленный под постройку фабрики.

Площадь эта существовала ещё при королевской власти, а при росте города расширили и её. Сейчас там находились в большинстве своем дома знатных семей, в том числе и Мистералей. Эвальд не любил этот особняк, потому и жил в небольшой квартире, но сейчас в Квемере находился сам глава фамилии и уж слишком много её представителей, так что квартиры, где проводились все веселые вечера и где погибла Виорди, уже не хватало. Юнари Мистераль, приехавшая в столицу для определения своей судьбы, расположилась здесь, и сюда же направлялся её жених.

Встретил его непривычно хмурый Эвальд, который после смерти Виорди растерял всю свою жизнерадостность. Он проводил Хора в гостиную с длинным столом, вокруг которого располагались строгого вида стулья из темного дерева. На одном из них сидела Юнари Мистераль. Ей было двадцать шесть лет — это Мальс знал ещё из анкет Ли, поскольку она имела сведения о возрастах, гороскопах и дарах всех потенциальных учеников.

Несмотря на то, что они с Раль принадлежали одной фамилии и приехали из одного региона, никаких общих черт Хор заметить не смог. Невеста имела светлые волосы, и её лицо казалось лицом хрупкой куколочки, а выражению глаз явно не мешало убавить снисходительности по отношению к собеседнику.

— Добрый день, господин Эссентессер, — поздоровалась Юнари, поглядывая куда-то мимо него. Видимо, её чрезвычайно интересовал дверной косяк. Хора потянуло из вредности обернуться и удостоить сей предмет столь же пристальным вниманием, однако он вместо этого просто кивнул:

— Добрый день, леди Мистераль.

Эта девушка с первых же минут настраивала Мальса на словесную битву. Похоже, она не очень-то обрадовалась перспективе выхода замуж за столь высокопоставленную персону и так и не смирилась с тем, что не преуспела в своем роде занятий.

Юнари вопросительно смотрела на него, не собираясь сама занимать ведущую роль в разговоре. Она выглядела чрезвычайно занятой дамой, которая снисходительно удостоила Хора аудиенции и теперь ждала, когда же он начнет говорить о деле. Однако посетитель уже настроился на словесную и не очень драку, поэтому вежливо молчал, одновременно изучая лицо невесты. Интересно, до краха в стезе Зоррендов она думала о замужестве? А если думала, то кого представляла как идеального супруга?

— Жаль, что я вам не понравился, — усмехнулся Хор, присаживаясь на свободный стул, но не ровно напротив Юнари, а наискосок, чтобы она могла увидеть его, лишь

повернувшись. — Но это взаимно. Тем не менее, завтра у нас свадьба, и с этим приходится мириться.

— Завтра свадьба, а через три дня могут быть и похороны, как у Виорди, — пожалала плечами Юнари, не собираясь на него смотреть и, наверное, даже радуясь поводу и дальше изучать дверной косяк.

— Могут быть, — невозмутимо кивнул Мальс. — Но если бы вы этого боялись, вы не согласились бы, верно?

— А может, я разочаровалась в жизни, — повела плечом Юнари, напомнив Хемену такую же независимую перед незнакомыми, но внутри иную. — А вас настолько привлекает союз с нашей семьей? — приподняла брови невеста. При том, что она не оборачивалась к собеседнику, смотрелось это неубедительно.

— А вы не любите людей с фамилией Хорана? — лениво спросил Мальс, решив тоже почтить вниманием дверной косяк. Тому уже было впору засмущаться от такой популярности.

— Да, не люблю, — не стала изменять прямоте Юнари. — Но Крылатых. Надеюсь, что Грозовые окажутся не такими.

— Я не знаю, отличаются они или нет, но то, что я отличаюсь от Грозовых, это факт.

— О да, я уже успела это понять, — заметила Юнари со странным выражением лица, сочетавшем и превосходство, и неприязнь.

Мальс помнил торопливые слова Уны, звучащие из патефона: да, тот перевирал всю интонацию, однако темп и саму речь изменить он не мог, так что Хор точно знал: гордячка не стала бы так просить о помощи незнакомого ей человека. Скорее всего, Юнари гордячкой и не была, просто выпустила шипы в честь знакомства.

— Что вам про меня наговорили? — спокойно произнес Мальс.

— Извините? — она снова красиво двинула бровью, изучая дверной косяк.

— Я спрашиваю, какие откровенные вещи вы про меня услышали? Вас должны были серьезно просветить насчет жениха, и вы заранее меня невзлюбили, значит, тому есть веская причина. Вот я и хочу знать, что это за причина.

— Вы, — лаконично ответила Юнари. И одним стремительным разворотом встретила с ним глазами. Хрупкая куколка готова была драться и на чем-то потяжелее словесных выпадов и игнорирования взглядом.

— О, я служу причиной много чему, — улыбнулся Хор. — И не смогу с ходу понять, какая именно деталь моей биографии так вас разочаровала. Просветите меня.

— Ваша служба незаконной организации, прячущейся в Квемере, — отчеканила Юнари и посмотрела на него уничижающим взглядом. О, кажется, она считала теневиков чем-то ужасным, а собеседника — чуть ли не разбойником с большой дороги. Прекрасно. Только вот разбойников с большой дороги не воспитывают, на них вообще ничего не действует. Особенно на тех, кто грабит не пистолетами, а умом.

— А вы в курсе, что с ними спокойно сотрудничает полиция? Может, и её за это заклеить? — Мальсу стало смешно. Он соприкоснулся с тенью именно из-за того, что хотел помочь этой излишне импульсивной девушке. Хотел спасти её жизнь. Впрочем, Хор не мог сказать, что сам не получил от этого преимуществ. Ему понравилась теневая жизнь, однако новые обязанности не позволяли снова окунуться в нее. Маршал остается Маршалом, правителем, и лишь сохраняет наметочные контакты с организацией, чтобы получать в сложных случаях информацию. Состоять на службе правителю Объединенного Мира было

уже некрасиво.

— Полиция делает это в случае особой необходимости, — не смутилась Юнари. — И она не подчиняется преступникам.

— А я что — подчиняюсь? — Мальсу уже нравилось узнавать новые необычные факты о себе. Вот вчера, например, выяснилось, что он и есть Кей. Правда, полчаса спустя удалось доказать совершенно обратное, но с того момента Хор понял, что должен тщательнее приглядывать за тем обликом, какой создает в глазах других людей. Тровен наверняка потратил немало усилий, работая в тупиковом направлении, и вот теперь Юнари воспринимала жениха в штыки.

— Вы им служите, — провозгласила будущая супруга без тени сомнений. — Вы, конечно, можете говорить что угодно, но этого не отменишь. Представьте себе, я не неграмотная дама, которая готова на всех кричать, а сама ничего не понимает. Я знакома с основами устава тех, кто ходит в тени и смотрит сквозь туман. Не ожидали? — она усмехнулась совсем как Ли.

А это и впрямь оказалось для Мальса удивительным. Он думал, что Юнари просто клеймит всех, кто связан с организацией, ведь её предыдущие слова звучали отчаянным неумелым протестом, а теперь в них показалась и хитрость. Что ж, будущая супруга оказалась не так-то проста. Это радовало. И слегка напрягало, поскольку она явно была склонна к самодеятельности и порывистым решениям.

— Вы у них на службе, — утвердительно произнесла Юнари. — Вы заключили контракт и обязаны отдать долг при возможности, поэтому будете подчиняться людям из тени, а значит, стоите вне закона. И про полицию в этом случае говорить глупо.

— Контракт был, это так, — кивнул Хор. — Однако вам не стоит думать, что он подразумевает послушание с моей стороны. Он всего лишь определяет мои права и проводит границу моей деятельности. Если вы знакомы с основами устава, может, слышали и слово «свободный торговец»?

— То есть контрабандист, — безжалостно отрезала Юнари.

— Вижу, что слышали, — кивнул Мальс с невозмутимым видом. — Так вот, вам должно быть известно, что такие люди обязательствами не связаны, они лишь не должны преступать черту.

— Они обязательствами не связаны, это верно, — как-то слишком легко согласилась Юнари. — Однако вы-то уже не свободный торговец. Вы заключили более глубокий контракт, я все знаю. Вы и наша Адилунд. Вы её в это и втянули.

— О, ещё и вашу родственницу приплели, — чуть поморщился Мальс. — Я не против, когда врут обо мне, но не люблю, когда это задевает других людей, не имеющих ко всему никакого отношения.

— Да вы сами не врете, — Юнари подалась вперед, продолжая атаку. — Как раз с Адилунд все верно, и ошибки быть не может. Пеннет сам видел, как она выходила из магазина, где встречаются с вашими тенями, а ещё человек, которому глава фамилии доверяет, рассказывал, что она встречалась с этими людьми и что-то у них спрашивала. Контрабанду вашу мы тоже нашли.

Мальсу удалось сохранить непроницаемое выражение лица, но он в самом деле был удивлен, не думая, что можно с такой легкостью раскрыть всю их систему. Юнари довольно усмехалась.

— Ну что? Можете возразить? — она смотрела так, словно сама и раскрыла Раль.

— Если б я и возражал, то главе фамилии, а не вам, — ровно произнес Хор. — Ну, а как же выяснилось скромное участие в этом деле моей персоны?

— Можете не беспокоиться, она про вас не рассказывала, но в тайнике лежал контракт, подписанный от лица Мальса Хора. Мне глава показывал. Теперь вам уже нет резона юлить в том, что касается этой темы, — победно закончила его невеста.

Мальс едва заметно пожал плечами. Он уже оправился от удивления и теперь задал только один вопрос:

— Я только не пойму: а с чего вы решили, что я имею глубокий контракт с теневиками? Ведь вы нашли в тайнике только документ о подтверждении статуса свободного торговца.

— Да любому ясно, что вы все это проворачивали вместе, — хмыкнула Юнари. — Просто та бумага более ценная, она спрятана где-то ещё, а может, и не оформлена до конца, однако Адилунд рассказала, что уже заключила этот контракт.

— Хотите верьте, хотите не верьте, — произнес Мальс, посерьезнев, — но я действительно ничего об этом не знал. Думаю, она так поступила только потому, что хотела найти убийцу Виорди. И не смотрите на меня так скептически. Ей и её сестрам повезло любить друг друга действительно крепко, и они — семья, а вот мы — так, одно только название.

Юнари вдруг ни с того ни с сего притихла, внимательно глядя на него. Кажется, она даже расхотела драться, впечатленная этими словами.

— Что с Адилунд? — спросил Хор.

— Сидит в своей комнате, пока глава и наследник разбирается с её делом, — ответила Юнари как-то отрешенно, не отрывая от него взгляда.

Участие в этом Эвальда Мальса успокоило: он знал, что названный брат Раль сделает для неё все необходимое, при том зная, что такое теневая жизнь Квемеры и, наверное, представляя, зачем его сестра все это устроила.

— И вы... — кажется, Юнари уже думала совсем о другом. — Вы тоже считаете, что семья должна быть семьей в полном смысле этого слова?

— Считаю, — кивнул Хор, осознавая, что их разговор повернул совсем в другую сторону, а настроение собеседницы полностью поменялось, как и её к нему отношение. — Правда, обстоятельства вынудили меня в итоге связать судьбу с вами.

— Да какие ж обстоятельства? — не поняла Юнари. В самом деле не поняла. Что же Рондер Мистераль об этом с ней не говорил?

— Разве вам не объяснили? — приподнял бровь уже Хор. — Вы вообще знаете, что на этой свадьбе может появиться необыкновенно опасный серийный убийца?

— Говорили, — тряхнула головой Юнари. — Но я не боюсь, иначе не согласилась бы. Однако вы не ответили на вопрос. При чем тут это? Мы говорили о самих причинах свадьбы, а не о препятствиях, которые возникнут.

— Это не препятствия, — вздохнул Хор. — Это то, ради чего все и задумывалось. Проще говоря, ловля на живца. Убийца обещал сделать кровавой свадьбу с девицей из Мистералей — и мы попробовали провести такую, довольно быстро и как можно более скрытно. Здесь все тщательно охраняется, однако риск остается, несмотря ни на что.

— Да знаю я про риск, — с досадой оборвала Юнари. — Выходит, вам было все равно, лишь бы только спровоцировать серийника?

— Да, — не стал кривить душой Мальс. — Мы не имеем права ни на какую задержку, а здесь есть шанс схлестнуться с убийцей в выигрышной для нас ситуации. Он, конечно, знает

об этом не будет.

— Понятно, — произнесла Юнари медленнее, обдумывая какую-то серьезную мысль. — Послушайте... Хотя мы не та пара, которая может надеяться на любовь, но пусть... Пусть у наших детей будет настоящая семья! Вы согласны?

— Я согласен, — и Хор протянул невесте руку, которую Юнари немедленно пожала.

Они заключили свой собственный договор, не зависящий от мнения высокопоставленных людей, однако обещающий стать необычайно крепким.

Он не ожидал, что она станет так себя вести. Она не думала, что он окажется таким. И теперь, с удовлетворением глядя в глаза будущей супруге, Хор думал о том, что ожидания обманываются не всегда неприятно.

Конечно же, Рондер Мистераль не подал виду, но его ситуация с излишне предприимчивой названной дочкой немало возмутила и ещё заставила насторожиться: какие ещё сюрпризы могла хранить двадцатилетняя девица, которая провела в Квемере три года? За три года она могла уйти в любые дебри, заключить прилично контрактов и навлечь на свою голову в два раза больше неприятностей, ведь никто уже не думал, что дракона удастся вернуть, а значит, Адилунд Раль ждало длительное нудное обучение в Центре Одаренных и как итог едва-едва полученная небольшая должность где-то возле родной фамилии в Облачном или Грозовом Мире.

Глава семьи пока ещё не решил, что делать с внезапно вернувшимся членом, потому и откладывал решение. А Раль сидела в запертой маленькой комнатке, не совсем предназначенной для того, чтобы в ней жили. Это было небольшое наказание, но вообще в особняк довольно долго не приезжали дамы, потому-то и не оказалось подходящих мест для того, чтобы расположить там названую дочь Рондера.

Раль сидела на колченогом табурете в некоем подсобном помещении, куда складывали ненужный хлам: старые часы, какие-то кресла, опасно поскрипывающие при надавливании на них рукой, набор фужеров, покрытых паутиной, несколько странных механических предметов, назначение которых узнать так и не удалось. В общем, здесь находилось некое подобие лавки старьевщика: все эти вещи следовало бы давно выбросить или кому-то отдать, но дом, давно не чувствовавший хозяйской руки, завел в себе огромное количество ненужных ничейных предметов.

Раль сидела и думала над тем, что случилось. Её раскрыли. Это ничего страшного не означало, ведь о Хоре так и не узнали, а кольцо все равно лежало в потайном кармашке, никем не замеченное. Однако часть конспирации пропала, да и квартиру накрыли. И выяснилась новая неприятная вещь.

Пеннет оказался возле книжного магазина, откуда проследил за излишне задумавшейся и оттого потерявшей бдительность Адилунд, потому, что Рондеру Мистералю рассказал о не самых красивых предприятиях названной дочери... Трэйгл. Они встретились, когда Пеннет допрашивал Раль, и её поразило, как нагло и уверенно вел себя человек, казавшийся другом.

— Я думал, что главе фамилии всегда следует знать, чем занимаются все члены семьи, — с нескрываемой насмешкой произносил Трэйгл в ответ на её робкое: «Почему?» Он расхаживал по комнате, заложив руки в карманы и игнорируя присутствие Пеннета. — Кроме того, как вам должно быть известно, причинять вред однофамильцу чревато большими неприятностями как вам, так и всем остальным.

— Да разве я причиняла? — тихо спросила Раль, осознавая, как серьезно ошиблась в

этом человеке.

— Могли, вполне могли, ведь вы заключили контракт, а значит, тени могли бы потребовать от вас чего-то, и вы побежали бы это исполнять, как послушная собачка.

— Прекратите!

— А с чего мне прекращать? — издевался Трэйгл. — Я-то ничего противозаконного не делал, я только находился рядом с вами. Теперь я имею полное право говорить, что хочу, а вы лучше помолчите. И так к вам проявляют снисхождение, хотя могли б и зашвырнуть в полицию.

— Да почему вы меня так возненавидели? — не смогла не сказать Раль, потому что перемена выходила уж слишком разительной. Сначала тихо просить, смущаясь и чуть ли не краснея, а затем так резко сменить тон. Из-за чего? И зачем требовалось скрывать истинное свое поведение и отношение раньше?

— Я вас не ненавижу, — двинул плечами Трэйгл. — Вы мне просто не нужны, а значит, меня не интересует, что с вами будет. Вдобавок к этому вы действительно нарушали закон по-серьезному, а оттого заслуживаете подобного к себе отношения.

— Вот, значит, как. Не нужна, — с горечью повторила Раль. — Мне казалось, что вы понимаете, что такое благодарность, но мне нередко кажется что-то неправильное... И кто же теперь помогает вам в поисках убийцы Синди?

— Я обратился непосредственно к главе фамилии, и он дал мне гарантии, что разберется с этим человеком, — заявил Трэйгл с прежней невозмутимостью. — Ему, в отличие от вас, по-настоящему можно доверять.

— И в отличие от вас, — неслышно прибавила Раль.

Её пугало то, как легко вышло ошибиться в человеке. Казалось, что все ясно и никаких туманностей быть не может, Адилунд не приглядывалась серьезно к своему спутнику, уверенная, что они помогают друг другу, а значит, на одной стороне и в дальнейшем тоже останутся на одной стороне. Наивно... Но как же все-таки относился Трэйгл к погибшей жене? После первых разговоров Раль сделала вывод, что он любил её, но сейчас, когда все перевернулось вверх ногами, сомнения находились на любую аксиому, касавшуюся этого человека. Хор смог бы понять его сразу, а даже если не смог бы, то соблюдал бы осторожность и не получил того, что досталось ей. Хор... Вот кто решал все проблемы. А Раль лучше всего смотрелась в роли его помощницы, сама не умея толково действовать в одиночку.

Проблем сейчас хватало, и её положение в доме Мистералей было ещё не самым худшим, что выпало сейчас. Гораздо более важной выступала необходимость в ближайшее же время расправиться с Кеем, чтобы не допустить новых убийств. Виорди умерла, ушла навсегда. А им осталось мстить и не давать уходить прочим людям, может, даже незнакомым, но тоже имеющим свои семьи, которые станут плакать и проклипать ужасного убийцу.

Медный шлем. Свадебный венец. Рондер Мистераль предполагал, что в ближайшие пару лет выдаст замуж Адилунд, но в ближайшие дни, хотя Виорди и погибла, готовилась новая свадьба. Об этом рассказала украдкой Илана, забежавшая к сестре в эту комнатку. Каким способом младшей удалось раздобыть ключи, осталось тайной за семью печатями: та только подмигнула и предупредила, что никто не должен знать. Новую семью обретала Юнари Мистераль, ещё одна уроженка Крылатого Мира, потерявшая дар, но уже не так глупо и почти безнадежно. Её мог ждать Центр Одаренных, но Ли Ханненсон уговорила Рондера

использовать Юнари как средство налаживания отношений между фамилиями. А жених нашелся сразу же. Илана сообщила, что это Эссентессер, и других вариантов быть не могло: преемник Магистра все же не расстался с желанием получить жену из Мистералей.

Зачем ему это понадобилось, Раль не знала, но это определенно грозило какой-то опасностью. И она должна была как-то сообщить об этом Хору, чтобы он сориентировался и начал действовать. Ведь не зря Мэшмет Зорренд передал им эти слова. Может, именно эта свадьба дала бы какую-то зацепку или вовсе позволила бы уничтожить Кея, если б тот попробовал что-то на ней учинить.

Однако никто не собирался пускать провинившуюся Адилунд к её другу, хоть бы тот и находился на посту преемника Маршала. И как здесь добратся? Как передашь? Запиской? Обязательно прочитают и не обязательно отправят. Кодовых слов для писем они не разработали, хотя Хор один раз предлагал это сделать по примеру теневиков. Раль не любила все, связанное с организацией, поэтому выступила против, и он махнул на это рукой, сказав, что все же им не требуется такая сложность для того, чтобы связываться друг с другом. Кодовые слова уместны, когда письма читают, а на двух учеников Центра Одаренных вообще мало кто обращал внимание, они могли хоть революцию готовить.

И теперь Раль оказалась перед сложной задачей, для выполнения которой не имела средств. Связаться с Хором, связаться с Хором... Как? Илана приходила всего раз, и вряд ли ей удастся повторно навестить сестру, кроме того, это риск, так что на авантюризм младшей надеяться не стоило. Хемена исчезла. Виорди умерла. Эвальд ходил мрачнее тучи и мало на что реагировал. Вся их семья посыпалась осколками из-за Кея, и потому Раль обязана была уничтожить его, но утыкалась в стену. В буквальном смысле. В стены комнатухи, которые не могла покинуть. Решетки на окнах не давали доходить до крайностей, и в распоряжении Адилунд находился только весь хлам, наполнявший помещение. Конечно, в нем могло оказаться нечто полезное. Но большинство полезных вещей человек просто не может применить, то не догадываясь, как это сделать, то не догадываясь, что они вообще полезные, то ошибаясь в расчетах. В голове не желал рождаться никакой план побега или передачи письма.

Делать было нечего, и Раль принялась рыться во всей рухляди, надеясь, что это хоть чем-то поможет. Взлетающая в воздух пыль заставляла чихать и морщиться, некоторые вещи угрожали развалиться прямо в руках, однако она старательно исследовала каждый заслуживающий внимания предмет. Ничего, что могло бы заменить отмычку, здесь не обнаружилось, да и, признаться, толково действовать отмычкой Адилунд не умела. Даже Хор освоил это мастерство едва-едва и быстро бросил практиковаться из-за её просьб не погружаться слишком глубоко в незаконную жизнь. Тогда Раль думала, что единственным её проступком будет помощь в перевозе колец, контрабанда из одного региона в другой, не очень-то строго наказывавшаяся судом.

Поиски острого предмета не увенчались успехом, и Адилунд взялась за изучение странных механических вещей, в которых могли сохраниться работоспособные детали и даже какая-то магия. Дар к Раль вернулся, и если он не позволял проникнуть в окно или в дверь, потому что здесь стояли укрепленные замки, то энергия могла помочь с этими вот механизмами и в итоге привести хоть к какому-то результату. Первый непонятный предмет так и остался непонятным после всех длительных изучений, похлопываний, нажатий и раздвигания деталей. Адилунд лишь нашла в самом потайном месте клеймо мастера, работавшего в Облачном Мире, и после этого пропала всякая надежда понять, для чего

нужна эта вещь, и как-либо её использовать.

Следующая оказалась интереснее и что-то напонила. Раль была уверена, что нечто подобное она видела в детстве, может, у отца, может, у Эвальда, может, у слуг. Вороша память изо всех сил, он вертела в руках этот необычный прибор: коробка с набором кнопок и крышка к ней, соединенные длинным проводом. Крышка была не совсем крышкой: она лежала сверху на запаянной коробке, закрепляясь несколькими рычажками. Раль нажала на пару кнопок без боязни — в конце концов, механизм уже давно перестал работать. Внезапно послышался слабый звон, и она вспомнила, где видела подобное.

Подобная аппаратура, используя магическую энергию, могла передавать слова на расстоянии, не превышавшем, правда, нескольких десятков метров. Такой аппарат некоторое время использовал у себя отец для вызова слуг, но потом разочаровался и, видимо, именно так эта вещь очутилась в захлавленной комнате. Было время, когда подобные приборы шли нарасхват: люди думали, что их можно совершенствовать в плане длины действия, а изобретатели усиленно работали над этим совершенствованием, но... Не вышло. Что-то в расчетах оказалось неверным, ну или сама идея с самого начала была неверной, так что по прошествии нескольких лет большинство этих приборов отправилось на свалку. Раль удалось выхватить из памяти название — авифон.

Сейчас она сидела над не сломанным, просто ненужным авифоном, который передавал слова на расстоянии. Да, очень коротком. Да, практически без толку. Да, для разговора нужен был точно такой же аппарат у собеседника. Но все же Адилунд испытала радость. Ведь она имела магию, а если сочетать энергию механическую и магическую, то можно добиться многих прекрасных вещей. Раль даже не знала, откуда у неё вдруг взялась такая надежда, ведь именитые ученые в свое время не смогли улучшить авифон, а она ничего особого не знала и не умела, просто владела даром среднего уровня. Но непоколебимая уверенность отменила все сомнения, и Адилунд поднесла к уху крышку, одновременно направляя в коробку мощную струю энергии. Зазвенело. А потом — чудо свершилось. Из крышки донесся приглушенный, необычайно искаженный, но все же твердый голос:

— Мальс слушает.

— Мальс! — радостно воскликнула она, уже не думая ни про магию, ни про технологии, ни про расстояние. — Наконец-то ты!

— А это кто? — вежливо поинтересовалась крышка. На середине фразу почти заглушил странный звук, похожий на шорох.

— Кто-кто, Уна, вот кто, — улыбнулась Раль, почувствовав прилив хорошего настроения, но запоздало вспомнив, что эту шутку поняли бы только члены их маленькой семьи. Когда юная Адилунд впервые появилась у Мистералей, Хемин заметила, что она похожа на портрет их прабабушки по материнской линии, Уны. — Шучу. Я это, я.

— Ясно, — сдержанно отозвался Хор. Его голос жутко коверкал этот аппарат, не позволяя различить какие-либо эмоции. — Что случилось?

И она начала рассказывать — сбивчиво, торопливо, но радостно. О медном шлеме, о своей ошибке, о Юнари Мистераль, которую собираются выдать замуж, и о том, что это может стать опасным...

— Мистерали — это просто какой-то финансовый зверь. Все. До единого, — первым делом объявил Толл, заходя в дом, где его ждала Хемена. — Вот стоило мне только объявить свое покровительство твоим сестрам и брату, как одна из них моментально этим

воспользовалась.

— Кто? — ответ Хемена почти знала, но спросила.

— Адилунд, разумеется, — Толл скинул пальто и бросил его прямо на диван. — Только ей пришла бы в голову идея пролезть столь глубоко в тень. К её чести сказать, она делала это только для того, чтобы отомстить за сестру.

— Виорди, — прошептала Хемена, вспоминая вечно печальное выражение бледного личика. Она погибла именно в ночь после объединения всех четырех сестер и брата, оставив ноющую тоску на месте радости единства. — Почему вы ничего не делаете против Кея?

— Что можем — делаем, — хмыкнул Толл. Они уже говорили на эту тему, очень долго и чуть ли не на крике. — Что не можем — не делаем. Он в первую очередь добыча полиции.

— То есть, вам он не мешает, и вы не желаете прилагать слишком много усилий к его уничтожению, — с горечью произнесла она.

— Хемин, не требуй от нас слишком многого, правила есть правила, у нас они соблюдаются неукоснительно. Я и без того стараюсь помогать твоим близким — обеспечил покровительство, так что все они смогут в крайнем случае найти защиту в тени.

— Они туда не пойдут, — вздохнула Хемена. — Предпочтут искать защиту там, где уже привычнее. Кто понадеется на недолговечную зыбкую тень, которая сейчас есть, а через секунду может исчезнуть?

— Мое дело предложить, — развел руками Толл. Он подошел к шкафу и принялся доставать свой любимый чайный сервиз. — Так ты не хочешь дослушать, для чего твоей сестре понадобилась помощь тени?

— Она просила найти Кея? — ничего не выражающим голосом спросила Хемена.

— В общем-то да, однако здесь было кое-что более конкретное. Она спрашивала, что значит символ — медный шлем, утверждая, что это подразумевает человека, который убил её сестру. Я не до конца это все понимаю, однако медный шлем — это свадебный венец. А среди некоторых посвященных уже всю обсуждают грядущую свадьбу Мальса Эссентессера и Юнари Мистераль.

— То есть, — встрепелась Хемена, — вы хотите сказать, что тот символ относится к ним?

В памяти моментально возникло лицо Хора в те секунды, когда они встречались взглядом с Кеем.

— Вполне может быть, — лениво отозвался Толл. Все восемь чашек заняли свое место на столе, хотя использовать их могли самое большое два человека. — Эта свадьба охраняется лучше казны, так что, думаю, Кея там ждут. И вполне могут дожждаться.

— Ты так спокойно об этом говоришь.

— А ты так много от меня требуешь, — Толл почти полностью скопировал её интонацию. — Милая моя, то, что я оказываю тебе кучу услуг, ещё не значит, что я готов перевернуть ради тебя землю.

— Но Кей угрожает всем, в том числе и вам! — Хемена опять перешла на повышенные тона. Она не понимала, как можно игнорировать столь опасного человека. — Чем больше он убивает, тем сильнее становится. Сегодня это вам не мешает, а завтра начнут гибнуть люди из теней!

— Они не станут, поверь, — в голосе Толла читалась снисходительность, и это ещё больше разозлило Хемену.

— Не считай свою организацию всемогущей, — она смогла говорить тише, но в душе

по-прежнему кипело. — Этот человек многое может — к сожалению, слишком многое.

— Своих людей мы защитим всегда, — тон Толла сделался тверже. — А я и так делаю слишком много уступок. Наша организация не благотворительная, пора бы тебе это понять. Собой я распоряжаться могу как угодно — тень есть тень, с ней не поспоришь. И да: я не хочу, чтобы ты в ближайшее время встречалась с Мальсом Эссентессером. Вернее, встретиться-то можешь, но пусть он с самого начала уяснит, что я не собираюсь делать слишком много подарков. Маршал просил меня о книгах запретной литературы — и как бы мне не пришлось слышать то же самое от тебя.

— Запретная литература? — округлила глаза Хемена. — Он хочет с помощью этого разобраться с Кеем?

— Байониса больше интересуется его преемник, — качнул головой Толл. — У него какие-то там непонятности-странности с даром, хотя тот вроде как иссяк, вот Маршал и старается как-то его вытянуть на приемлемый уровень, чтобы не иметь конфликта с прочими Эссентессерами. Верхушка и так расшатана донельзя, новые конфликты могут привести к расколу.

— Так значит, дело все-таки в Хоре, — неслышно произнесла Хемена, понимая, что действительно слишком многого требует от и без того спасшего её человека, однако зная, что не может оставить без помощи того, кто первым открыл ей дорогу к свободе.

— Возвращать магию при помощи запретных методов — вот что намерен наш уважаемый Маршал. Это безумие, — Толл уселся на кресло и закинул ногу на ногу, мрачно рассматривая батарею выставленных чашек. — Потому я не собираюсь ничего делать.

— Но магию запретными методами не вернешь, — слегка запуталась Хемена. — В книгах об этом нет ни слова.

Толл зло прищурился.

— Тебе-то откуда знать? Можно подумать, ты такой уж специалист по тайным книгам, которые читали только высшие среди теневигов. Вот я представляю, о чем говорю.

— А я — тоже, — не менее твердо произнесла она. — Если бы такой метод существовал, его бы сумел разыскать или хотя бы искал сейчас мой отец. Для Рондера Мистералея эта проблема — одна из основополагающих, он бы уцепился за любой возможный способ её исправить. Но нет. Ты вряд ли читал эти книги, Толл, ведь ты не сильный маг. И Маршалу неоткуда знать о том, что там могут быть подобные методики. Нет, он искал нечто другое, совершенно другое. То, что справедливо занесли в перечень опасной информации и скрыли от многих людей.

— Думаешь, информацию о несистемных дарах? — свел брови Толл. — Это больше похоже на правду, но у кого прикажешь искать подобный дар? У преемника Маршала?

— А может, и у него, — смело сказала Хемена.

— Ну что ж... Ладно. Я попробую договориться об этом, однако не раньше, чем получу об Байониса всю информацию. Потом уже решим, что делать с книгами, как и кому их передавать и передавать ли. Возможно, хватит только скопированных нескольких страниц. Ты на меня плохо действуешь, — мрачно прибавил он, глядя на Хемену. — Чувствую себя немного идиотом. Не хватало только, чтобы я действительно в тебя влюбился. Сиди здесь. К вечеру должна прийти Астафэ, она хочет знать, как у нас протекает дело, и я, признаться, совершенно не знаю, что ей говорить.

Хмурый особняк Мистералей не спешил превращаться в радостное место даже в честь

свадьбы. Впрочем, сегодняшнее событие вполне могло стать очень грустным. Но для этого Кею нужно было бы обойти два десятка переодетых полицейских и самого Маршала Объединенного Мира, который в этот раз уже был абсолютно уверен в том, что затея удастся. Хор помнил его слова на дирижабле. «Я боюсь не успеть». Байонис тогда так и остался непонятным: то ли он и впрямь опасался Кея, то ли имел какой-то резон его опасаться, ограничение своей силы. Но если в этот раз преступник окажется сильнее и удачливее, Объединенному Миру придется подбирать нового Маршала из Ричарделей.

Одетый в парадный фрак Мальс Эссентессер подъезжал к дому Мистералей на черном автомобиле, принадлежащем Байонису. Поскольку афишировать свадьбу они не желали, то никаких внешних декораций делать не стали. Какой смысл?

Жених, совершенно не ощущающий себе женихом, а больше переживающий насчет Кея и его возможных действий, торжественно прошагал от входа в большой зал, где уже накрыли стол и собрались малочисленные гости. Хор видел среди большинства незнакомых лиц Байониса, однако, как ни приглядывался, не смог заметить ни одного человека, который внешностью соответствовал бы Рондеру Мистералю. Рыжих здесь вообще не было.

— Добрый день, — поздоровался он с Маршалом, который что-то объяснял одному из «гостей», на деле полицейскому. — А где глава фамилии?

— Его нет, — рядом из ниоткуда вынырнул Эвальд Мистераль. Нет, рыжие в зале все-таки были, хотя и не совсем рыжие. — Полчаса назад срочный вызов от Магистра — что мы могли поделать? Там действительно что-то очень важное. Свадьбу откладывать не стали, однако он появится позже.

Маршал с преемником переглянулись и легонько друг другу кивнули. Они оба поняли, что скорее всего Кей сегодня появится. И ещё стало очевидным то, что Рондер во всей этой игре не стороннее лицо. Медный шлем. Похоже, догадка выходила правильной, хотя необычный убийца ещё мог поставить все с ног на голову и оказаться кем угодно. Существовала некоторая вероятность того, что глава семьи Мистераль просто побоялся этого предприятия. Но он определенно что-то знал про Кея. И это без внимания оставлять не следовало. Хор знал, что они устроят тщательный разговор, по сути, допрос, с Рондером. Если выживут, конечно. Это была первая открытая баталия с преступником, ранее действовавшим по ночам. Он обещал сделать свадьбу кровавой, значит, собирался выступить днем и устроить здесь свой вандализм.

Мальс оглядел остальных гостей-полицейских. Кроме Эвальда и Байониса, все здесь готовились драться и привыкли это делать всегда, в любых условиях. Невеста пока не появилась: по традиции, она входила в зал ровно в тот час, когда назначалась церемония. Зная Юнари, Хор мог бы предположить, что под свадебное платье она спрячет какое-нибудь оружие, не желая становиться беззащитной.

На улице звучно забило одиннадцать. Возвещали об этом часовые башни площади Локеры, однако Хор слышал их бой и представлял себе часозвоню, от которой началась вся эпопея расследования точно так же, как с неё начинался ежечасный перезвон по всему городу. Время наступило. Рондер Мистераль при всей срочности не мог провести у Магистра больше часа, значит, все должно было случиться очень скоро.

Гости выстроились рядами вдоль четырех небольших столов. Жених отошел к северным дверям, не сводя взгляда с южных, откуда, согласно традиции, выходила невеста. Они должны были встретиться на середине и поцеловать друг друга. И вот из противоположных дверей выскользнула белая фигурка в тонком, не очень-то свадебном, однако красивом

платье с лицом, закрытым сеткой вуали. Мальс двинулся навстречу. Юнари двигалась плавно, отбросив ради этого события всю свою резкость.

Все ближе, ближе. Вот сейчас он понимал, что они с Раль все же похожи — тем, как двигались. Однако внезапно невеста замедлила ход, едва-едва передвигая ноги, словно необычайно изумившись при виде жениха. Это его напрягло, и Хор, наоборот, ускорился, опасаясь, что что-то уже случилось. Однако Юнари, кажется, взяла себя в руки и двинулась дальше, словно ничего не происходило, однако старательно смотрела в пол, позволяя лишь видеть белую шляпку и волны вуали.

Они остановились друг напротив друга. Невеста стремительно выпрямилась и откинула вуаль с лица. Блеснули слишком знакомые зеленые глаза, и теперь в недоумении застыл уже Мальс.

Он договаривался с Рондером Мистералем о женитьбе на одной из представительниц его семьи.

Но ни одна из сторон и не подумала уточнить, на какой именно.

А в глазах Раль сверкало то упрямство, которое сопровождало все её приключения последний год, и Хор понял, что ему никуда от этого не деться. Он не знал, почему все поменялось в последний момент и как Адилунд удалось уговорить отца и Юнари все поменять. Жених просто шагнул навстречу невесте и обнял её за плечи, старательно твердя себе, что это — всего лишь обряд. Он даже не сразу вспомнил про более веский довод отвлечься — про то, что это вообще не свадьба, а ловушка и что сейчас необходимо заботиться о другом. В конце концов они с Раль почти что стали семьей, и если закрепить отношения официально, то ничего страшного не случится.

Медленно наклоняясь к ней для поцелуя, Хор подумал, что этот день для него станет кое-чем большим, чем просто ловушка для Кея.

Их губы соприкоснулись всего на миг, и щеки Раль стремительно залились краской, а её руки вцепились в плечи Мальса. Он осторожно выпрямился, осознавая, что если б её и без всех обстоятельств предложили бы заменить Юнари, то она согласилась бы.

Жених и невеста торжественно двинулись к восточным дверям, где, как предполагалось, следовало стоять родителям новобрачных, но отцы семейств, главы фамилий, не смогли присутствовать, а ближайшие родственники Раль жили далеко в Крылатом Мире. Поэтому брачующихся встречал только наряженный в праздничный костюм Маршал, игравший роль распорядителя церемонии. Ему предстояло произнести самые главные слова, после чего муж и жена двинулись бы к западным дверям, к накрытому для них столу. Движение рука об руку от востока на запад символизировало само течение жизни, в которую молодожены вступали вместе.

И, пока они шли, в голове Хора вихрем проносились мысли, запоздало анализирующие ситуацию. Скорее всего, Рондер пожелал избавиться от приемной дочери, скомпрометировавшей себя связями с тенями, тем более, что наверняка она сама предложила свою кандидатуру, узнав о готовящейся свадьбе. Что-то заставляло главу семьи беречь Юнари, что-то становилось причиной слов Ли Ханнесдон о том, что “девочке лучше не становиться Раль”. Возможно, они думали, что её дар довольно быстро вернется и станет ещё более сильным, потому, выбирая, кем рисковать, Рондер согласился на предложение Адилунд.

Они остановились в двух шагах от Маршала.

— Мальс Эссентессер, — спокойно и с достоинством спросил тот. — Имеешь ли ты

произволение благое и непринужденное, и крепкую мысль, — старые высокопарные слова сейчас подходили его образу, — взять себе в жены Адилунд Мистераль, которую здесь перед собой видишь?

— Имею, — твердо ответил Хор.

— Не обещался ли иной невесте?

— Не обещался, — он смотрел в глаза Байониса, как ни тянуло скосить взгляд на Раль.

— Адилунд Мистераль, — теперь Маршал повернулся к невесте. — Имеешь ли ты произволение благое и непринужденное и крепкую мысль взять себе в мужа Мальса Эссентессера, которого здесь перед собою видишь?

— Имею, — голос Раль звонко разнесся под сводами старинного особняка.

— Не обещалась ли иному мужу?

— Не обещалась.

— Сегодня, в древнем доме, принадлежащем многие года семье Мистераль, — зазвучал слишком равнодушный голос Байониса, — я объявляю вас, Мальс Эссентессер и Адилунд Мистераль, мужем и женой.

Все захлопали.

В зале стало совершенно темно, как если бы в минуту погасло солнце.

Рядом что-то загрохотало — засверкали вспышки магии. Собранные здесь люди свое дело знали.

— Анцен — влево! — перекрывая все шумы, загремел звучный голос Байониса Эссентессера. — Вторую позицию! Раз-два! Погнались!

Крепко сжав Раль за плечи, буквально схватив её в охапку, Мальс бросился на этот голос, однако споткнулся о что-то и упал на колени, едва избежав окончательного падения вместе со своей драгоценной ношей. Он не понимал, почему стало вдруг темно, как в склепе, ведь были же окна, был самый настоящий день, а вдруг в один момент наступила ночь. Сверкали отдельные вспышки, стучали чьи-то ноги, раздавались громкие стоны, грохот и звон бьющейся посуды, голоса Маршала уже не было слышно. Хор предполагал, что станет делать, но ситуация стала уж слишком неординарной, и он побоялся мчаться к выходу, поэтому, повинувшись какому-то предчувствию, просто затих, ожидая, притянув к себе Раль.

Что-то ощутимо загремело, и от этого внезапно заложило уши. Маги дрались между собой, а человеку без дара оставалось только ждать, чем же все это закончится. Пол ходил ходуном, будто в зале сражались два огромных каменных великана. Кей был слишком силен. Наверное, всю его энергию не смог оценить и Байонис, но Хор надеялся, что защита подготовлена достойная. Собственно, ему только и оставалось на это надеяться.

На мгновение весь зал осветился красным, позволяя увидеть прыгающие непонятные силуэты, а затем что-то громко зашипело, словно сдувался поврежденный дирижабль, и в зал вернулся обычный дневной свет.

Зал представлял собой настоящее поле боя: весь стол разворотили, многие стулья лежали перевернутыми, половину из них переломали. Тут и там лежали гости, не имеющие никаких внешних повреждений: где-то пять человек во главе с Маршалом ещё оставались на ногах. Эвальд лежал неподалеку от Хора, и под рыжеватыми волосами медленно растекалось багровое пятно.

— Что случилось? — едва слышно спросила Раль.

— Не знаю, — сквозь зубы процедил Хор и поднялся, чтобы лучше понять, во что превратилось место праздника.

Большинство лежащих людей шевелилось: их, по-видимому, только оглушило магией, смертей не предвиделось. Один из полицейских уже наклонился над лежащим Эвальдом, трое напряженно смотрели по сторонам, ожидая атаки, в распахнутые двери вбежало человек десять.

— Лекаря! — крикнул Байонис, не терявший роли командира и в такой непонятной ситуации.

Из вошедших женщина и мужчина почти сразу же бросились к нему, и Мальс узнал Бьюкенена. Его спутница подошла к потерявшему сознание наследнику Мистералей, а Кей Аймалдэн занялся ближайшими полицейскими. Ни над одним он не стоял долго, а это значило, что все обошлось.

Хор, осторожно отпустив Раль, зашагал к Байонису.

— Кажется, он уже ушел. Никаких магических следов пребывания, да и нападать не торопится, — несмотря на свои слова, Маршал не выглядел облегченным. Он был готов в любую минуту продолжить прервавшуюся битву.

— Что произошло? Это вы предусматривали? — отрывисто спросил Мальс.

— Нет, этого я не предусматривал, — с досадой покачал головой Байонис. — Но должным образом среагировать мы сумели. И удар оказался достаточным, чтобы его отбросить. Кей понял, что с его резервами против наших объединенных усилий не выстоишь, и исчез.

— У меня лишь один вопрос, — хмуро произнес Хор, снова глядя на все поле боя. — Почему вы его выпустили?

— Потому что оказались не в той ситуации, в какой планировали. Да, мы дали достойный отпор, но все думали только об атаке и защите, а не о поимке. Кей сбежал.

— И что мы тогда из всего этого имеем? — поинтересовался Мальс.

— Материал для размышлений, конечно же, — Байонис приобрел уже совершенно невозмутимый вид. — Мы видели Кея в деле, представляем, какую магию и в каких масштабах он мог применять. Кроме того, многое нам может дать анализ обстоятельств этого, кхем, праздника, но говорить обо всем мы будем потом. Миртен, что с ним? — он уже смотрел на женщину-лекаря, которая все не могла оторваться от Эвальда.

— Надо в госпиталь, и чем скорее, тем лучше, — быстро сказала та. — Кей, ты закончил?

— Да, — в этот раз Бьюкенену удалось выглядеть ещё более сонным, чем ранее. — С ними проблем нет, одно только неполное вытягивание магии. А что у тебя?

— Я даже не могу поставить точного диагноза, — призналась Миртен с очень обеспокоенным выражением лица. — Есть три варианта, и все они очень серьезные. И мне думается, что мы вообще ничего не сумеем сделать. Здесь налицо крупный конфликт энергии, так что все зависит от самого организма. Господа, наш автомобиль у входа, отнесите туда раненого, — велела она тем полицейским, которые только что вошли.

Бьюкенен кивнул родственнице и зашагал дальше, туда, где среди обломков стульев все ещё сидела неподвижная бледная Раль.

— Разрешите, леди Адилунд?

Она кивнула, а зеленые глаза смотрели, словно ничего не видели. Хор торопливо двинулся к невесте... вернее, уже к жене.

— Что с ней случилось? Мы все время были рядом...

— Вы-то были рядом, но, кажется, вы не особо смотрели, — сухо ответил Бьюкенен. —

Так или иначе, вы не заметили у своей супруги перелом руки.

— П-перелом? — прошептала Раль, испуганно глядя на лекаря. Протез выглядел целым, а вот правая рука висела, словно плеть. Теперь стало ясно, почему она молчала и не двигалась, вся бледная: пыталась терпеть боль. Но как? Если произошел такой сильный удар, Мальс не мог его не почувствовать.

— Закрытый, не очень опасный, — успокоил их Бьюкенен. — Я могу вылечить его прямо здесь, если вы хотите. Конечно, придется ещё не раз приходить в госпиталь для осмотра, но самое главное можно сделать сейчас. С вашего позволения, — он ближе шагнул к Раль. Та кивнула. Её подбородок подрагивал, а губы были плотно сжаты.

Бьюкенен поднес ладони к больной руке, почти касаясь её. Раль вздрогнула. Зашипело: переходила магия из одного организма в другой, преодолевая сопротивление комплекса ключей. Лицо Кея Аймалдэна напряглось, пальцы начали подрагивать, а затем он резко поднял ладони, сложив их с резким хлопком. Раль пошатнулась и бессильно упала на руки к Хору.

— Все, — еле слышно произнес Бьюкенен. — Завтра вы должны явиться в госпиталь для осмотра, а сегодня — покой и только покой.

Он тряхнул головой, приходя в себя, и нетвердой походкой двинулся к Миртен. Мальс, взяв Раль на руки, бережно понес её к автомобилю Маршала. Схватка закончилась, и теперь пришла пора оценивать результаты.

==== Глава 4. Сломанное =====

Крепко спящую супругу Хор отнес в свою спальню, а сам немедленно поднялся в кабинет Маршала. Произошедшее требовало самого тщательного обсуждения, тем более что он действительно мало что понял. Байонис не посвящал ученика в тонкости подготовки этой ловушки, хоть тот и разбирался в подобных вещах: в свое время прошел по этому курсу лекций. Ричардели изучали не только ведение масштабных боевых действий, но и применение магии в схватках небольших отрядов.

— Я понимаю, что вы не хотите объяснять, — медленно произнес Хор, глядя на сумрачного Маршала. Тот стоял напротив пустого угла, глядя туда, словно желая увидеть будущее или прошлое. — Но скажите лишь: достойные зацепки есть?

— Мне кажется, что мы на пороге разгадки, — слишком сдержанно отозвался Байонис. Возможно, он не вполне верил в свои слова, поскольку выглядел полностью равнодушным. Не спокойным, а именно равнодушным. — Но для того, чтобы все понять, мы должны пройти от самого начала до самого конца.

— Скажите сначала, что дало сегодняшнее предприятие, — а вот Мальс ощущал в себе нетерпение, которое не мог толком унять. — Как именно вам удалось отогнать Кея? Какие есть против него методы? Как вообще разворачивалось это сражение?

— Признаюсь честно, — Байонис развернулся к преемнику, но оставался мраморной фигурой, — почти все наши заготовки оказались неудачными. Кроме одной. Не знаю, как Кею это удалось, но у него были высококачественные заготовки выплескивающейся магии. Именно благодаря этому он навел такой переполох. А затем применил метод Хасдента — против всех, против кого только мог. При учете силы этого человека, — лицо Маршала сделалось каменным, — все мы действительно могли повторить судьбу жертв Кея.

— Он что, непобедим? — тихо спросил Мальс.

— Он просто поглощает всю направленную против него магию, и это невозможно исправить, пока мы не понимаем сути метода Хасдента. Впрочем, есть один способ

заставить его отступить.

Маршал замолчал. Хор ждал. Он догадался, что этот способ не относится к числу законных и правильных, а поэтому правителю Объединенного Мира было не так-то просто говорить об этом.

— Это излучение, — наконец произнес Байонис. — Полученное при помощи магии Островов.

Мальс замер, совершенно по-новому глядя на его застывшее лицо. Этот человек не был равнодушен. Он применял против Кея то, что могло разрушить всю общую картину магии и сломать давние устои. Не говоря уже о том, что за подобное нарушение смертная казнь ожидала даже Эссентессера. Магия Островов кардинально отличалась от магии Объединенного Мира, она могла все разрушить и спровоцировать серию выплесков, доведя до глобальных катастроф на материке.

— К счастью, госпожа Регент не могла этого заметить из-за того, что все в себя тянул Кей, — Маршал изогнул губы в злой усмешке, а в его взгляде проявилось что-то осуждающее, словно он укорял за все это именно Хора. — Однако я допускаю, что в следующий раз могу и попасться.

— То есть, — проговорил Мальс и остановился. Байонис насмешливо приподнял бровь, приглашая его продолжать фразу. — То есть наш единственный способ противостоять Кею — это то, что способно уничтожить магию всех четырех Миров и при обнаружении обеспечит нам обоим виселицу?

— Именно так, — губы Маршала дернулись в нервной улыбке. — Впрочем, нам с тобой, революционерам, уже не привыкать.

— И что вы собираетесь делать дальше? — во рту у Хора пересохло, и он, едва закончив эту фразу, торопливо облизнул губы и сглотнул. Там, этажом ниже, спала Раль, которая именно из-за Мальса оказалась в этой кошмарной истории.

— У меня есть только один путь, — перед Хором уже стоял величественный Маршал Объединенного Мира, ради исполнения своего долга готовый на что угодно. — Мы должны вычислить, кто из подозреваемых есть Кей, и застать его врасплох. А застать его врасплох означает внезапно заявиться к нему и включить это излучение. И надеяться, что он втянет в себя это все, а не выплеснет на мирный город.

— Да вы с ума сошли, — выдохнул Мальс. — Вы понимаете, что если мы ошибемся, то в Квемере может наступить катастрофа?

— Она в ней уже наступила, — жестко ответил Байонис. — И эта катастрофа именуется Кеем. Он идет по кругу, это да, но с каждым разом круг становится все шире, и рано или поздно этот человек замахнет на что-то очень крупное. Любое столкновение с ним — это уже стихийное бедствие. Что ты предлагаешь? Спокойно сидеть и ждать? Ты хотел сказать, что Кей угрожает городу меньше, чем я?

— Именно это я и хотел сказать, — в голосе Хора тоже зазвучала сталь.

— Этот человек сильнее любого излучения, разве тебе не ясно? И конечной его цели мы с тобой не знаем. У Кея не все в порядке с головой, рано или поздно он окончательно сойдет с ума и выплеснет огромнейшую силу на какие-то разрушения. И я не знаю, кто сможет его остановить. Пойми, — Маршал стремительно шагнул к ученику и встряхнул его за плечи. — Пойми, — повторил он, наклонившись так, что их лица почти соприкоснулись, — что без моего излучения этот преступник в самом деле всемогущ.

Байонис выпрямился и отошел к окну, за которым уже начало темнеть.

— Ты читал книгу Проводника, но Проводник и Кей — разные люди, — негромко продолжил он. — У молодого поколения есть одна одновременно приятная и неприятная черта. Оно всегда стремится быть выше предшественников. Соперник, доставшийся нам, во много раз сильнее и амбициознее убийцы, с которым пришлось столкнуться Мэйлу. Гиретте Хусту не хотел жить дальше. Кей — хочет. И жить, и развивать свои смертоносные умения, и убивать, убивать, убивать. Он считает себя всезнающим и всемогущим, а такие люди никогда не медлят с доказательством своего статуса. У тебя есть другие предложения, как остановить его?

— Нет, — тихо ответил Хор. Набрал воздуха, чтобы продолжить, но замолчал, склоняясь перед резкой правдой в рассуждениях Маршала.

— Тогда мы придерживаемся этого варианта и не останавливаемся на жалости, сомнениях и всем прочем, — усмехнулся Байонис. — Считай это первым твоим серьезным уроком. Возможно, очень серьезным. А может, тебе сейчас как раз это и надо, а все, чему я собирался тебя учить ранее, ты уже прошел самостоятельно.

Хор попытался понять, что значат последние его слова, но, так и не вникнув, задал более насущный вопрос:

— Мы сейчас способны узнать, кто на самом деле Кей?

— У нас много зацепок, — чуть заметно кивнул Маршал. — Пока у меня нет четкого ответа, но... Мы по-прежнему смотрим на тех восьмерых человек, которые летели вместе с нами на «Рассекающей». Я уже исключил всех матросов, поскольку ни у одного из них не было дара лекаря. Сейчас, когда все усложнилось до невозможности, я подозреваю — всех.

— Виррен Аймалдэн, Бьюкенен Аймалдэн, Маскэрэ Аймалдэн, Тора Аймалдэн, Лейноу Зорренд, Ферчазейро, Толл Каэндра, Хоуэрс Эссентессер, — медленно отчеканил каждое из имен Хор. — Разве у Толла, Ферчазейро, Лейнора и Хоуэрса есть дары лекарей?

— У них есть близкие родственники-Аймалдэны. Смешно, но это именно так. А при использовании метода Хасдента Кей получил столько энергии, что мог развить эту сторону своего дара и за семь лет стать очень искусным лекарем. Помнишь его слова о том, что надо искать рядом с Аймалдэнами, а не среди них? Возможно, о том речь и шла.

— Раньше вы доверяли Ферчазейро, — заметил Мальс, слегка удивленный категоричностью Маршала в этом разговоре.

— Сейчас я не могу доверять никому, — мрачно ответил Байонис. — Я видел, на что способен этот человек. При его талантах он мог трижды обвести нас вокруг пальца, а если ещё и считать, что их могло быть несколько... Да, у нас много зацепок, однако я уже опасаясь проводить четкие границы, точно определять, что какой-то человек не мог быть убийцей. Потому что настоящий убийца может с легкостью выходить за все эти границы. Столько силы... Если он впитывал все, что только мог найти, и если использовал бесконечный резервуар предмета, то мог спокойно брать все излишки с улиц Квемеры. Представляешь, какое количество энергии он собрал? Это не катастрофа, это чуть ли не конец мира, — в его голосе уже звучала настоящая тревога.

— Однако вы с такой уверенностью говорили, что нам надо вычислить Кея, — Хор не только видел странность в умозаключениях, но и интуицией ощущал неправильность ситуации. — Мне показалось, что мы действительно стоим на пороге этого, однако через несколько минут вы утверждаете совершенно обратное.

— Зацепки — не более чем детали, — спокойнее заговорил Байонис, — мы не можем сложить из них всю картину без мощного толчка со стороны. А источник этого толчка

один, — он снова наклонился к ученику, а прищуренные глаза сверкнули. — Кольцо памяти, превращенное в люминескарий. И ключ к нему имеешь только ты, потому что даром времени обладаешь один только ты.

— Но... — растерянно пробормотал Хор. — Я знаю об этом слишком мало, чтобы что-то сделать. Я не имею права менять что-то со временем, это опаснее Кея и вашего излучения вместе взятых. Катастрофа нашей страны этих дней есть катастрофа нашей страны этих дней, а лента времени тянется сквозь все эпохи и цивилизации. Если что-то нарушить в ней, то это... это не конец мира. Это конец Вселенной. Всего.

— Само время дало тебе этот предмет, чтобы ты сумел в нем разобраться, а что делаешь ты? — атаковал Маршал. — Разводишь руками, мол, недостойн и ничтожен? Боишься? Правильно. Надо действовать осторожно. Но не дерзнешь — погибнешь. Ты способен что-то сделать со всем, что творится у нас в столице, значит, тебе и руль дирижабля в руки. Ты не думал, что Юнари Мистераль, твоя Уна, могла погибнуть не от какого-то редкого средства вернуть дар, а именно от руки Кея? Она не говорила тебе ничего, ты лишь знал, что стрясется что-то плохое, так почему бы этому плохому не случиться от вполне закономерной причины?

— Я не знаю, — потухшим голосом произнес Хор. — В том-то и дело, что я ничего не знаю. Редкий дар, повелитель времени, человек, способный менять саму ленту... Если вы не помните, сил у меня нет совершенно, я все истратил тогда, возле патефона.

— Но не просто же так ты это истратил? — голос Маршала, наоборот, стал ещё громче. — Время дало тебе это, чтобы ты сумел все уладить. Ты должен понять, как нам вытащить из люминескария имя его создателя. Должен! Понял? И никакие книги здесь тебе не помощники, потому что люди с твоим даром не доверяли бумаге и передавали секреты лишь от учителя к ученику. Тебе должного учителя не досталось — тебя учит сама лента и ещё Кей в качестве стимулятора. Так действуй! Учись, понимай — и сделай то, ради чего искривил весь намеченный родителями путь. Ведь об этом ты мечтал все эти десять лет. Спасти Уну. Замкнуть кольцо. Поздравляю, ты достиг того момента, когда должен все это выполнить.

На некоторое время они замолчали, внимательно глядя друг на друга.

— Иди к себе, — велел Байонис Эссентессер. — И попытайся что-нибудь понять. Люминескарий лежит в верхнем ящике стола, я не стал отдавать эту вещь в полицию, слишком уж опасно. Боюсь, времени у нас мало. Я не удивлюсь, если осталось всего-то ничего... какая-то пара часов. Этой ночью Кей может начать убивать снова. Я установил несколько дополнительных линий защиты вокруг особняка, и, если что, излучатель всегда рядом со мной, так что нам с тобой и твоей жене опасность не грозит. Но я не могу сказать ничего такого об остальных жителях столицы. Иди.

Окончательно стемнело, и Мальс зажег в комнате несколько светильников. Он сидел перед чистым листом бумаги и думал. Кольцо так и лежало в ящике стола, притворяясь самым обычным кольцом памяти без какой-либо информации. Хор же пытался анализировать.

Не Аймалдэн, но тот, кто рядом с Аймалдэнами. Кей говорил это совсем спокойно, а все не-Аймалдэны с «Рассекающей» прошли проверку, кроме, конечно, Хоуэрса, но Мальс не мог представить его, совершенно нервного, на месте хладнокровного убийцы. Кто же тогда? Кто же тогда? Вполне возможно, что действовало двое. Преступник и его

покровитель. Покровитель отправился в полет на дирижабле Мэйла Иушнице, а преступник попросил его осуществить месть, в то время как остальные убийства совершал именно он. Рондер Мистераль... Нет, он в эту систему не вписывался. Да, Хор мог допускать бесконечно много возможностей, однако сейчас он из упрямства следовал по той линии, какую сам считал наиболее вероятной.

Двое. Незвестный второй и первый, летящий вместе со всеми на «Рассекающей». И этим первым скорее всего был Хоуэрс Эссентессер, потому что только он мог разрешить Кею вход в часозвоню. Они поняли секрет Хасдента: только вытягивание магии, никаких особых секретов, просто огромное количество силы, для которого не существовали некоторые закономерности.

Байонис говорил, что только Мальс способен все это понять. А он не видел никаких подарков от ленты времени, кроме непонятого кольца, поэтому просто двигался по своей интуиции дальше. Покровитель — Хоуэрс Эссентессер, который и убил адмирала Иушнице. Тора могла это покрывать, но, скорее всего, она сначала ничего не знала, а потом испугалась. Или же просто её могли усыпить.

К Хоуэрсу подходили многие жертвы. С Синди они могли просто познакомиться при её нахождении в доме Аусхассенов, ведь начинал он именно с этой фамилии, а затем дама начала наглеть и получила смертельный подарок. Мэшмет Зорренд погиб из-за своих предсказаний. Алексис Эссентессер был достаточно близок с преемником Магистра, и последний скорее бы заподозрил его в чем-то, чем тот же Лейнор, с которым они почти не встречались, или отделенный от всех работой Бьюкенен. Мэйл Иушнице погиб из-за желания Кея. Виорди Мистераль — потому, что беременная собиралась выходить замуж за Хоуэрса и могла убивать их детей. Чармэл Хусту — из-за своей болтливости и несообразительности сестры, опять же, здесь все исходило от Кея. А свадьба... Именно это виделось ключевым моментом во всем рассуждении.

Хоуэрс Эссентессер единственный из всей восьмерки был как-то задействован в деле свадеб с девушками из семьи Мистераль. Он не хотел новой Виорди себе в невесты, поэтому применил любимое оружие — Кея, — чтобы припугнуть Рондера. И припугнул бы, но в дело вмешался Мальс Эссентессер, и пришлось действительно показывать представление во всей красе. Однако вряд ли Хоуэрс имел целью убийство Маршала с преемником, потому-то он и велел Кею оставить сцену незаконченной.

Мальс помнил, что говорил преемник Магистра при их первой встрече, и из этого напрашивался вывод, что самой красивой и несчастной, скорее всего, заключительной жертвой должен стать Фаркасс. В дневнике Проводника говорилось о семи людях. Синди, Мэшмет Зорренд, Алексис, адмирал Иушнице, Виорди и, наконец, Чармэл. Оставалось последнее убийство.

Хор вздохнул. Он почти представлял себе покровителя, однако не мог сказать, кем же мог быть сам убийца. Не Аймалдэн, но рядом с ними... Возможно, действительно внебрачный сын? Но тут оставалось только гадать, потому что настоящий Кей мог вообще не принимать участия в деле никоим образом.

Резкий больной укол в шею выдернул его из состояния задумчивости, в один момент наполнив голову шарахающимися ужасающимися мыслями. Хор рванулся вперед, подальше от невидимой угрозы, хотел закричать, однако все захлестнулось болью, а из горла вырвался один лишь сип. Тело свела судорога, и он упал на пол, роняя вместе с собой стул. Незвестное вещество заставляло тело изгибаться в каких-то причудливых позах, а перед

глазами мельтешили яркие вспышки всех цветов радуги. Мысли остались ясными ровно настолько, чтобы понять, что в самом деле произошло.

— Жалеешь, что не стал центром круга? — прозвучал над ухом вкрадчивый голос Кея.

Мальс очнулся от ударившего в нос резкого запаха. Он мотнул головой и инстинктивно дернул вперед руку, чтобы убрать от носа что-то остро пахнущее, но рука была к чему-то крепко привязана. В один момент вспомнилось внезапное нападение, укол, судороги, и накатившая волна страха заставила замереть.

Следующей жертвой Кея стал он, вот и все.

Сознание постепенно возвращалось. Хор понял, что сидит все в той же комнате на одном из стульев, боком придвинутом к стене. Оба запястья были примотаны веревкой к краям спинки, и веревка же удерживала ноги возле ножек.

— Сейчас ты сможешь говорить, — пропел на ухо голос убийцы. — Но прежде чем совершать не самые умные действия, учти, что в соседней комнате спит твоя супруга. Конечно, ты можешь закричать и умереть сразу. Но тогда мне придется убить и её.

Раль! Он сам привез её, думая, что защищает, а на деле отправляя в самое опасное место. Вспомнилось предсмертное письмо Мэйла Иушнице, которого Кей тоже пугал угрозой близким людям.

— Ну так что? Будете вести себя разумно? — насмешливо поинтересовался Кей.

— Д-да, — прошептал Мальс. Говорить он действительно мог, однако это уже ничем не помогало. И последние слова убийцы ясно дали понять: на помощь лучше не надеяться. Хор даже молил судьбу, чтобы Маршал не помешал тому, что творилось сейчас, потому что Кей, разозленный сорванными планами, мог стремительно убить и своего пленника, и Раль вместе с ним.

— Вот и замечательно, — убийца отошел к окну — туда же, где он стоял, когда они в прошлый раз говорили. — Наверное, у тебя накопилось очень много вопросов ко мне, и на некоторые я смогу ответить... исполняя последнее желание приговоренного, — удовлетворенно прибавил он.

— Кто ты? — спросил Хор хриплым шепотом.

— А ты попытайся сам догадаться, — мило улыбнулся Кей. — Я же давал подсказку. Человек, находящийся рядом с семьей Аймалдэнов, но не входящий в нее. Неужели эта подсказка настолько туманная? Что ж, — капризным тоном протянул он, — я не виноват, что для вас её слишком мало.

Убийца неторопливо прошелся к столу, поглядел на чистые листы и хмыкнул. Хор напрягся, надеясь, что не заглянет в ящик... Пусть это кольцо и дальше притворяется самым обычным кольцом... Пусть, пусть, пусть...

— Помнится, мы говорили когда-то о причинах, — с ленцой начал говорить Кей, — и я утверждал, что они у меня всегда есть, причем серьезные. В твоём случае выходит даже две. Во-первых, ты отличаешься особенной наглостью, что мы уже обсудили в прошлый раз. Во-вторых, ты не стал слушать мое предостережение насчет свадьбы.

— У меня есть одно интересное качество, — усмехнулся Хор. Он не мог ничего сделать — что ж, оставалась только словесная битва, вернее, её продолжение. — Я почти всегда делаю все ровно наоборот.

— А вот я всегда выполняю обещания, — Кей положил книгу обратно, вряд ли сильно ею заинтересовавшись. — Поэтому я здесь. Маршал думал, его защиту никто не обойдет.

Глупо, как глупо, и хватает же самонадеянности даже после того, как я показал, на что способен. Кстати, — он оторвался от философских рассуждений и внимательно посмотрел на Хора, — как тебе понравилось представление?

— Я почти ничего не увидел, — честно ответил тот.

— Ах да, я и забыл, что у тебя нет никакого дара, — с насмешливым сочувствием произнес Кей. — Что ж... У нас времени много, но все же оно ограничено, а значит, наступило время мне отвечать на вопросы. И первый ответ будет самым кратким и самым ошеломительным. Поскольку, — он поднял левую руку, и воздух вокруг сделался мутным, изображение темноволосого бледного человека поплыло дымкой, а затем все прояснилось, — приятно познакомиться. Кей.

Это было действительно эффектно.

Мальс в изумлении замер, разглядывая знакомые черты, разительно отличающиеся выражением. Ранее спокойные, глаза сверкали вызовом и желанием уничтожить.

Перед Хором стоял Бьюкенен Аймалдэн.

— Поразительно, не правда ли? — голос убийцы снова сделался вкрадчивым. — Вам, маститым умам, не пришло в голову, что Кей и есть Кей. Хитрость наоборот — и вот вам прекрасный результат.

С самого начала Мальс все подозревал этого человека, чтобы потом в один момент возвести его в ранг хорошего и там и оставить до этого оглушительного падения с высоты собственной гордости.

— О да, ты, конечно же, вспомнишь нашу задушевную ночь, — Бьюкенен смеялся. — И подумаешь о том, что невозможно совершить преступление за те полчаса, которые у меня были. Однако ты из-за слишком долгого бодрствования не заметил одной маленькой симпатичной вещи, дорогой мой. У твоих часов кончился завод, и они стали, но вечером они совпадали с моими, и это ты отметил. А вот утром мои отчего-то убежали на целый час вперед, а ты подумал, что уже пора идти и честно распрощался. Я, разумеется, мешать тебе не стал, даже помог.

— Но не мог же я добираться от твоей квартиры до особняка Эссентессеров целый час, — пробормотал в растерянности Хор. — А Маршал ориентировался именно по времени моего прибытия.

— Меньше надо пить чай с малознакомыми людьми, которые могут при том оказаться ещё и убийцами, — жестче произнес Кей. — Я подмешал туда медленно действующее снотворное, и в итоге ты заснул в трамвае. Я вошел туда следом за тобой и попросил кондуктора пробудить тебя только тогда, когда вы второй раз достигнете конечной. Я сказал, что ты очень устал и тебе нужно отдохнуть, а ты не хочешь об этом слышать и губишь себя недосыпом. Кондуктор согласился сообщить тебе, что прошло лишь двадцать минут с того момента, когда ты заснул, в то время как на деле минуло чуть менее часа. И ты ничего не заметил из-за того, что слишком сильно хотел спать. Вот и весь фокус, что полностью убедил тебя в моей невиновности. Красиво, не правда ли?

— Красиво, — тихо ответил Мальс. — Бедная Виорди.

— Она сама виновата, — губы Кея скривились в возмущенной гримасе. — Она — мать, желающая убивать своих детей. Это наказуемо — если не законом, то мной.

— Так вы, значит, выступаете поборником справедливости? — резким тоном спросил Хор. Их взгляды столкнулись, и в каждом горела своя правота.

— Я тот, кто я есть, и я много что совмещаю в своей деятельности, — вскинул голову

Бьюкенен. — Мы уже говорили об этом: в первую очередь я тружусь во благо медицины и человечества.

— Во благо медицины и человечества? — приподнял бровь Хор, понимая, что этот человек в самом деле сошел с ума. — И ради этого вы режете людей?

— Опыты на кроликах и крысах рано или поздно заканчиваются, — с издевательской улыбкой развел руками Бьюкенен. — Наступает пора более серьезных экспериментов, и тут уж мне не обойтись без людей, которых не жалко.

— Так вы на всех, кого убили, проводили эксперименты?

— Не совсем, — покачал головой Кей. — Вернее, проводил-то я всегда, но убивал их не для этого. В первую очередь — я надеюсь, что хоть это ты смог понять, — из-за того, что мне нужен полный круг и расширение возможностей. Ну, а на втором месте стоит уже использование тел этих людей для некоторых моих исследований.

Мальс на минуту замолчал. Потом тихо спросил:

— Кто стал центром круга?

— Явно не ты, — довольно усмехнулся Кей. — Но если тебе так интересно, то я снова перешел на Эвальда Мистерала.

— Выходит, Мэшмет Зорренд и Мэйл Иушнице тоже имели с ним связь? — в голове вновь и вновь проплывало письмо адмирала — письмо, в котором центром круга предстояло стать Мальсу Хору. А он отказался. И теперь задавал вопросы убийце, оттягивая момент своей смерти. «Жалеешь, что не стал центром круга?» Он жалел. Но зато была жива Раль — сегодняшнее последнее убийство заберет только его... И что дальше? Дальше — победа их врага? Сердце внезапно заколотилось: Хор осознал, что все дело, по сути, проиграно. Все, конец, мат. А на другой чаше весов одно лишь робкое: «Зато Раль жива».

— Нет, с Мэйлом Иушнице они и не встречались, — беззаботно ответил находящийся в шаге от полной победы Кей. — Но какая мне разница? Адмирала я прикончил через тебя, когда центром был ты, ну, а после твоего отказа я снова занялся Эвальдом.

— Но он не полноценный центр, — прошептал совершенно растерянный и подавленный осознанием Хор. — И Синди — как она связана с ним?

— Во-первых, — Кей прищурился, — Синди не в круге. Я уже говорил, что она вляпалась по глупости. Решила, что может мною помыкать, раз уж мы знакомы целых семь лет, но мне это не очень понравилось. А с полноценным центром — бред, это не играет роли.

— Но Проводник... — начал Мальс и замер, осознавая, что не должен был этого говорить.

— Что «Проводник»? — вскинул брови с нехорошей улыбочкой Кей. — Ты так уверенно говоришь о полноценности центра круга, что у меня складывается ощущение... Ты ведь читал дневник дядюшки Гиретте, нет?

Чуть помедлив, Хор кивнул.

Бьюкенен Аймалдэн расхохотался.

— Представляю себе, сколько извилин ты заплел в своем мозге, когда пытался понять, что имел в виду этот сумасшедший. А он был просто сумасшедшим — и при том превосходным удачливым стратегом. Демон из легенды, запечатление в дневнике, возвращение Проводника — все полная ерунда, не считая круга, знаков судьбы и метода Хасдента. Гиретте жил в своей сказочке, придумывая бред про себя, про свою сестру, про живущего внутри демона — и про меня в том числе. Вместе с тем он потрясающе чувствовал

людей и знал, как довести их до критической точки. Я помогал ему, но меня интересовал только метод Хасдента, а также система круга. Но центр не так важен, он нужен лишь для знаков судьбы, главное — чтобы линия в итоге замкнулась на крови.

— И... как это? — произнес Хор, озадаченный этим ещё больше. Он искал зацепку в дневнике Проводника — а дневник оказался сплошным фарсом. Выходит, и опасения Алики не имели смысла?

— А вот так, — жестко ответил Кей, и с его лица моментально пропали все следы веселья. — Чем начнется — тем и закончится. Признаться, меня тянуло поставить в начало списка даму из Мистералей, но судьба начала свою игру, и мы все встретились в часозвоне. Да, дорогой мой, Хемену Ричардель я собирался убить. Не прямо там, не тогда, а чуть потом, предварительно вернув ей магию. Она умерла бы счастливой, и это было бы красиво. Ты тоже умрешь красиво, — убийца растянул губы в улыбке, — жаль только, сам уже не сможешь этого увидеть.

Хор сглотнул — ничего хорошего эта фраза не предвещала. Он сделал глубокий вдох, прогоняя мысли о том, что наступит в ближайшие полчаса, и постарался сосредоточиться на вопросах.

— Как вы проникли в часозвоню?

Кей широко улыбнулся, сделал театральный шаг назад и побарабанил пальцами по поверхности стола.

— Ты подумал верно. В часозвоню нельзя попасть без позволения Эссентессера — а позволение у меня было. Сам догадаешься или подсказать?

— Догадаться здесь так же сложно, как и по твоей подсказке определить, кто ты, — скривил губы Хор.

— Может быть, — безмятежно пожал плечами Кей. — Но раньше я повиновался ему — теперь я сам по себе, и причина тому одна: мой прекраснейший покровитель скончался.

— Ортес Эссентессер? — вскинул брови Мальс.

— Твой предшественник, — наградил его злой улыбкой Кей. — История нашего знакомства слишком долгая, но этот замечательный человек помог мне разобраться с моими возможностями и подтолкнул меня к действию, за что ему, безусловно, спасибо. Я оказался настолько близок к эссентессерской магии, что вошел в часозвоню и смог начертать ритуальный список первого круга, прошлогоднего, на стене. Когда тот круг был закончен, я получил силу — достаточную даже для того, чтобы перемещаться на очень короткое расстояние внутрь часозвони. Это я и проделал с нашей общей знакомой Хеменой Мистераль.

— Ортесу понадобилось это, чтобы сдвинуть своих противников, — глухо произнес Хор для самого себя — осознавая. Слышал бы все это Байонис... — Он думал, что скоро станет Маршалом, а болезнь довершила дело.

— Не болезнь, — покачал головой Кей. — Я. Ортес Эссентессер стал прекрасным завершением круга, благо его кровь мне удалось заполучить в самом начале. Более сильного мага в качестве жертвы я не подобрал бы — а он, вдобавок ко всему прочему, заранее рассказал мне все, что знал, и перестал быть полезен.

— Откуда же ты такой взялся, Кей? — с тоской спросил Мальс, глядя, каким довольным выглядит человек, говорящий о своих преступлениях.

— Да из Аймалдэнов и взялся, — в глазах Бьюкенена блеснула злость. — Меня целиком и полностью вырастила моя семья. В прошлый раз мы говорили о том, что она для меня

стала не семьей, а только оградой. Долг, правила, обязательства. Я был готов все исполнять, я шел по тому пути, к которому меня призвал дар, я служил, изо всех сил, я не обращал внимания на то, что меня возмущало в нашей системе, если понимал, что мои любимейшие родственнички все равно не захотят этого изменить. Я терпел все. Я полностью жил на работе, а затем...

Он замолчал, глядя в темное окно и что-то вспоминая. Поджал губы. И продолжил совсем серьезно:

— Затем я заболел сам. Тем, что не мог вылечить. К сожалению, наша медицина не всесильна, и некоторые смертельные опухоли убрать ей не под силу. И именно такой наградило меня здоровье. Сам я ничего не сумел бы сделать, конечно же, но рядом находилось столько людей, имеющих богатый врачебный опыт, знание всех нюансов и прекрасную интуицию. Я просил их, — Бьюкенен заговорил быстрее и беспокойнее. — Нет, не обязательно лечить, но пытаться это сделать. Пусть устраивали бы на мне эксперименты, какие хотели, все равно мне оставался от силы год. Я просил всех, — он повысил голос, — по многу раз: пробуйте, испытывайте, работайте, вот перед вами удобнейший объект для опытов, согласный на все. А они? А они! Они успокаивали меня, как будто мне это от них было нужно. Бездарности! — раздраженно сплюнул Кей.

— Почему ж бездарности? — негромко произнес Мальс. — Эти люди не имели революционных методов лечения, чего вы от них требуете?

— Поисков! — с бешенством воскликнул Бьюкенен. — Хоть каких-то поисков! Они отговаривались тем, что не желают проводить на мне рискованные опыты, желая, чтобы я прожил подольше, но это просто глупости. Я-то знаю, почему они все отказывались. Потому что боялись. Потому что привыкли сидеть в своих рамках: «Не навреди!» И не желали носа высунуть оттуда, не думая, что их предусмотрительность, — он с отвращением произнес это слово, — в итоге приведет к множеству смертей, ведь люди не получают лекарства от неизлечимых болезней. Я понимаю, когда не хотят рисковать здоровым человеком. Но я-то готов был умереть на первом же эксперименте — лишь бы они хоть что-то делали!

— Ну умерли бы вы, и что дальше? Для исследования одного опыта явно не хватает, — Мальс говорил, потому что попросту тянул время, не зная, для чего это делает. Он сам не хотел, чтобы кто-то сейчас его спас, но, сдерживая внешние проявления страха, мечтал прожить ещё хоть немного.

— Брала бы других, таких же, как я, они наверняка соглашались бы, — с раздражением тряхнул головой Бьюкенен. — Это частности. Я видел в их глазах боязнь нового. Они привыкли перестраховываться, они не решались рисковать, поэтому раз за разом отказывали мне. Лекари! Их задача — двигать медицину дальше и дальше, а эти кроты сидят в своих норах и не могут видеть дальше собственного носа! Я готов был наорать на них всех за это. Я возненавидел всех, кто называл себя моей семьей, потому что они только изображали лживое сочувствие и не делали того, в чем я по-настоящему нуждался. Я пришел к доктору Хасденту. Вот он был смелый человек, — в тоне Кея скользнули восхищенные нотки.

— Да, так что на его экспериментах гибли молодые здоровые люди, не мчавшиеся за такой судьбой, — не смог не вставить Мальс.

— Да что значит гибель одной девчонки по сравнению с тем, что открыл Хасдент, — махнул рукой Бьюкенен. — Я присутствовал при этом открытии, я понял всю его важность, и именно я стал наиболее достойным преемником Хасдента, а заодно и Гиретте Хусту. Я соединил в себе их обоих и превратился в Кея, в таинственного преступника, за которым

гоняется вся полиция во главе с Маршалом Объединенного Мира. Я стал таким, каким теперь меня видишь ты. Я преследую сразу несколько целей, но первоочередная — это движение вперед медицины, науки, всего!

— Ценой людских жизней? — двинул бровью Хор. Руки уже начали затекать, и он попытался ими хоть как-то шевелить, однако узлы Кей делал на совесть.

— Ценой нескольких десятков людских жизней, — презрительно произнес Бьюкенен. — Это мало по сравнению с тем, что я могу сделать впоследствии. Все Аймалдэны — ограниченные люди, вцепившиеся во врачебный устав и не желающие преступать его рамки. Я, в отличие от них, двигаюсь гораздо дальше. Ты, думаю, способен понять, сколько времени прошло с момента моего заболевания.

— Семь лет, — одними губами прошептал Мальс.

— Именно. Столько с подобными болезнями не живут — однако ж я живу. Я вылечился полностью благодаря Хасденту, а мои дражайшие родственники посчитали это чудом. Что ж, раз компетентных врачей устраивает понятие «чудо», то пусть думают, что хотят, однако все это было исключительно моей заслугой. Я продолжаю исследовать этот метод, а благодаря ему двигаю исследования и в других направлениях. Я получаю много энергии и с её помощью могу сделать все, что захочу. Я — преуспевающий хирург с несколькими премиями за выдвинутые способы лечения некоторых болезней. Я спас множество жизней на операционных столах, а часть людей обязана тем, что не лежит сейчас в могилах, как раз моим исследованиям. И скажи теперь, неужели я такой опасный убийца, от которого один только вред? Нет, я действительно работаю во благо человечества.

— Скажите это людям, чьих родных вы убили, — мрачно произнес Хор.

— И скажу! — хлопнул рукой по столу Кей. — Настанет время — скажу. Но к тому моменту я успею сделать столько, что уже никто не сможет заклеить меня преступником. Я стану известным всему Объединенному Миру — под другой фамилией, конечно, потому что я не Аймалдэн. Семья отказалась от меня в дни моей болезни, и вот теперь я отказался от неё. Я не Аймалдэн, так что я не лгал тебе своей подкачкой. Они тогда посчитали меня фактически мертвым, но я выжил, и сейчас я жив, а они — мертвы! — Бьюкенен потрянул головой, заканчивая это эмоциональное высказывание. А затем усмехнулся. — А теперь я буду лечить тебя. От жизни.

Кей поднял с пола уже знакомый чемоданчик и неторопливо вытащил оттуда остро заточенный нож. Затем сделал медленный шаг по направлению к пленнику. Лезвие коснулось плеча Хора, резануло и почти сразу же двинулось вверх, оставляя только небольшой порез, откуда потекла кровь. Бьюкенен протянул руку, зашипело, и багровое пятно расползлось дальше по светлой рубашке.

— Тебя, наверное, всегда интересовало, как именно я это делаю, — с усмешкой Кей сделал новый надрез неподалеку от первого, точно так же максимально распределяя кровь по ткани. — Можешь понаблюдать, радуйся.

Следующий раз лезвие коснулось рубашки, а затем уже и кожи, на предплечье. Кей работал неторопливо и сосредоточенно, явно получая удовольствие от процесса. Мальс напряженно молчал, ожидая продолжения. Наконец весь правый рукав стал красным, и Бьюкенен изящно взмахнул ладонью. Зашипело с большей силой.

— Как можешь заметить, все аккуратно обрабатывается, не оставляя никаких следов, и даже одежда остается в итоге целой — прокомментировал он. — Трудоемко, да, но мне это приятно. Люблю следовать традициям.

Кей неторопливо обошел Хора и занялся перекрашиванием одежды сзади. В какой-то момент он наклонился к пленнику так, что чуть не касался губами его уха, и совсем тихо с усмешкой произнес:

— Сейчас будет ещё одно прояснение обстоятельств, готовься. Ты думал, я устраиваю вандализм с телами... О-о, если б все было так просто! Нет, на деле этот процесс выглядит куда интереснее, и скоро ты в этом убедишься.

Как Хор ни пытался держать себя в руках, но по спине от этого доверительного шепота невольно пробежала дрожь. Одно дело — умереть за миг от вытягивания магии, другое — терпеть неторопливое разрезание на кусочки.

— Я надеюсь, ты не забываешь и про то, что шуметь тебе категорически нельзя, — вкрадчиво зашептал Бьюкенен уже в другое ухо. — Если закричишь — что ж, сократишь мне удовольствие, но заодно и жизнь своей женушке. Мы оба заинтересованы в том, чтобы ты терпел так тихо, как только можешь. И приготовься. Сейчас будет больно.

На минуту наступила полная тишина. Кей, нарочно выжидая, не двигался, а затем прозвучал быстрый шорох, и спину пронзила боль. Хор стиснул зубы, изо всех сил сдерживая себя, чтобы из горла не вырвалось ни единого звука. Хлынула пульсирующая боль, заглушив все остальные ощущения, он бессознательно выгнулся всем телом, рвясь из плотно держащих веревок, делая крошечные вдохи и выдохи. В ушах бесновался ураганный шум, перед глазами багровело, и хлопали крыльями птицы, мчась в грозное небо, а им ломало крылья, совсем как ему.

— Все хорошо, все хорошо, — прорвался сквозь все это насмешливый шепот Кея. — Я закончил и, разумеется, подчистил за собой все пути.

Хор вернулся в реальный мир, но кабинет и бледное лицо Бьюкенена все равно виделись ему с красноватым оттенком. Боль постепенно утихала, хотя ног он не чувствовал совсем. Челюсти свело, и только раза с третьего Мальс смог их разжать, наконец-то с облегчением делая глубокий вдох. И сразу же огнем хлестнуло по всей груди одновременно с жутким испугом: он подумал, что сейчас закричит и погубит Раль, и снова стиснул зубы, едва осознавая, что происходит на самом деле. Опять кричали и бились птицы.

Прошло, наверное, несколько минут, прежде чем Хор полностью оправился от этого и смог видеть и слышать. Ноги по-прежнему не чувствовались, а во рту стало солоно от крови: он прокусил язык, не заметив.

— Тихе, тихе, — Бьюкенен улыбался. Он продолжал неспешно делать мелкие надрезы уже на левой руке Мальса, перекрашивая рубашку. — Как видишь, все прошло прекрасно.

Хор делал короткие вдохи и морщился от отголосков боли, пульсирующих по всему телу, кроме словно бы отсутствовавших ног. Совсем рядом плескался черный омут, и мысли мечтали в него провалиться, чтобы раз — и все, никаких беспокойств, никакой боли. Раль... Раль... Только бы с ней ничего не случилось — и скорее бы все закончилось!

Кей не торопился. Закончив с рукавом, он принялся обрабатывать рубашку на груди, с какой-то любовной аккуратностью производя все эти бессмысленные действия.

— У вас хорошее зрение, Мальс Эссентессер? — внезапно поинтересовался Бьюкенен Аймалдэн. — Как врач вижу: хорошее. Ничего, сейчас будет плохим.

Багряный от крови скальпель вошел прямо в глаз, и в нестерпимой боли утонуло все.

===== Глава 5. Свершившееся =====

Раль проснулась от странного ощущения, словно бы все тело зудело от странного раздражителя. В любом случае, ничего подобного она ни разу ещё не испытывала. В памяти

всплыла свадьба, поцелуй Хора и беснующаяся магия в зале особняка Мистералей. Адилунд осторожно потрогала правую руку: та побаливала, красуясь ярким синяком, но в целом слушалась.

Спальня была явно мужская, а на стуле висела знакомая жилетка. Раль мечтательно улыбнулась, осознав, что она и впрямь жена Мальса Эссентессера. После того, как счастье их семьи разрушил Кей, оказалось, что можно испытать счастье, создав новую семью. Адилунд все эти три года по-особенному относилась к Хору, но лишь вчера с необычайной ясностью поняла, что это нечто большее, чем просто дружба: поняла, когда их губы встретились. Один этот поцелуй заставлял душу цвести. Когда началось столпотворение, Раль несколько не боялась и только прижималась крепче к мужу, снова и снова вспоминая тот прекрасный момент.

Сейчас она чувствовала себя полностью проснувшейся, а странное ощущение требовало, чтобы его причину немедленно выяснили. Адилунд поднялась с постели, оправила смявшееся белое платье Юнари, ставшее вчера из просто выходного свадебным, и осторожно двинулась к выходу, стараясь неслышно ступить босыми ногами по каменному полу. Была все ещё глубокая ночь, и в особняке Эссентессеров — а скорее всего, находилась она именно там — все спали, хотя Хор мог и бодрствовать над очередной задачкой, загаданной Кеем.

Раль неторопливо вышла в коридор и остановилась, оглядывая мрачные стены. Где-то сверху послышался торопливый стук шагов, а через минуту в коридоре появилась фигура, почти бегущая по направлению к Адилунд. Та инстинктивно отшатнулась, пытаясь слиться со стеной, однако человек остановился возле соседней двери, не обращая на гостью внимания. В лунном свете она разглядела хмурое лицо Байониса Эссентессера.

Маршал рванул на себя ручку и, чеканя шаг, вошел в комнату, а через мгновение оттуда полился лучик света. Что-то странное, чуть ли не страшное, чувствовалось во всей этой ситуации, и Раль, не зная, что и зачем делает, вслед за Байонисом скользнула в дверной проем.

Увиденное заставило её глухо вскрикнуть.

На вплотную придвинутом к столу кресле сидел Хор в ярко-алой рубашке, уронив голову на стол и не двигаясь. Взгляд Маршала и предчувствия ясно сказали, что же здесь произошло.

— Мальс! — она бросилась к нему, схватила за плечи, поднимая от стола. От страха перехватывало дыхание, но в сердце билась надежда: Раль знала, что Хор не мог просто так умереть. Его голова безжизненно запрокинулась назад: на щеках темнели несколько багровых линий от глаз до подбородка, словно пробежали кровавые слезы, а на сомкнутых веках был вырезан филигранный вензель — «К.А.» — Мальс! — взвизгнула Раль. Руки бессильно опустились. Пальцы дрожали. Каким же нелюдем надо быть, чтобы сотворить такое?

— Он жив, — тихо произнес Маршал.

Она сделала вдох — и забыла выдохнуть, неотрывно глядя на неподвижного бледного Хора.

— Жив, — повторил Байонис Эссентессер, но радости в его голосе не слышалось. — Однако нуждается в помощи. К счастью, я успел отогнать Кея. Идите, леди Мистераль-Ричардель, вы не должны здесь оставаться.

— Я не уйду! — вскрикнула Раль, сжав в своих ладонях ледяную руку Хора. — Я... Я должна быть рядом с ним, только рядом с ним! Мы — муж и жена, — закончила она уже

шепотом, кусая губы, чтобы не заплакать, но по щекам все равно промчалось несколько быстрых капелек. — Я никогда его не покину, — твердо сказала Раль.

— Тогда подождите здесь, пока я вызываю лекаря, — сухо произнес Маршал и военным шагом покинул комнату.

Они остались одни. Раль дрожащими пальцами погладила неподвижную ладонь Хора, потом обхватила рукой его за шею и прижалась лбом ко лбу. Слезы текли и текли.

— Мальс, — шептала она. — Что он с тобой сделал? Мальс...

Едва проснувшуюся Хемену ждала на столе записка от Толла, уютно устроившаяся рядом с традиционной чашечкой из сервиза.

«Доброе утро! Я думал, тебе это будет интересно. Сегодня посреди ночи мы заметили медицинский автомобиль, несущийся на большой скорости, а посетил он особняк Эссентессеров. А в госпитале появился новый пациент, и это небезызвестный нам обоим Мальс Эссентессер. Спешу успокоить тебя: его жизни ничего не угрожает, а насчет здоровья справляйся сама.

Удачного дня!»

Хемена решительно отодвинула в сторону чашку и бросилась к шкафу — одеваться. Она должна была попасть в госпиталь в ближайшие же десять минут.

Правда, спешка замедлила дело, но уже через пять минут Хемена шагала по улице так быстро, как только могла. К счастью, идти предстояло не так уж много: совсем скоро она достигла длинного трехэтажного здания, выкрашенного в светло-бежевый цвет. Первый же встреченный лекарь, слегка поморщившись, сообщил Хемене, где находится палата преемника Маршала, из-за которого, видимо, в госпитале возникло немало шума.

Хемена бегом кинулась туда. Возле двери в палату на скамейке фарфоровой статуэткой сидела бледная, вся потухшая Адилунд, одетая по-прежнему в свадебное платье и сжимающая в руках какую-то маленькую вещь.

— Ада, — тихо окликнула её Хемена, вспомнив это давнее сокращение.

— Хе... Хемин? — распахнула глаза сестра, и из взгляда повеяло тоской. — И ты тоже...

— Да, я пришла навестить его. Что случилось?

— Кей, — прошептала Адилунд.

— Чт-то? — Хемена разом ослабела, почувствовав, как цепенеют ноги и руки. — Кей? — повторила она.

Сестра кивнула и быстро спрятала ту маленькую вещь куда-то в карман.

— Хор жив, но он ранен... — неслышно продолжила она.

— Что с ним? — резко подалась вперед Хемена.

— Лекари говорят, — слова Раль вообще растворились в тишине, существуя лишь на двигающихся губах, — что он вряд ли сможет ходить и видеть.

Будь трижды проклят Кей! Хемена растерянно смотрела на сестру, все ещё отказываясь принимать то, что протянувший ей свободу человек очутился в самом кошмарном положении. Лишиться сразу ног и зрения... Это вечная темнота и практически неподвижность, это зависимость от других — Адилунд-то сможет, а сможет ли сам Хор, привыкший дистанцироваться от всех и не быть обязанным?

— И никаких шансов, да? — глухим голосом спросила Хемена.

Сестра угрюмо кивнула. На некоторое время повисло молчание, затем Хемена

сглотнула и совсем уже тихо проговорила:

— Я могу пойти к нему?

Адилунд мотнула головой, ничего не объясняя, и Хемена устало опустилась на скамейку рядом с ней.

Некоторое время они вместе молчали, думая об одном и том же, переживая об одном и том же. Как не повезло Хору! Но ведь Кей должен был сделать его центром круга, а значит, не собирался трогать! Как же так получилось?

Мимо проходили какие-то люди, в том числе и в белых халатах: сестры милосердия, медицинские братья и лекари, начиная обычными, заканчивая Аймалдэнами, которые красовались значками своей фамилии.

— Здравствуйте, леди Хемена. Ещё раз здравствуйте, леди Адилунд, — прозвучал над ними приветливый голос Тэйра Аймалдэна, с которым приходилось ранее встречаться — к счастью, на званых обедах, а не в палатах. Хотя она, кажется, видела его, когда после инцидента в часозвоне лежала в этом госпитале.

— Какие результаты? — с волнением спросила Адилунд.

— Все не так плохо, как я рассчитывал, — объявил Тэйр. — Понимаете, у господина Эссентессера довольно сложная травма. Поврежден зрительный нерв, но при этом сами по себе глаза целы, поскольку их залечили. Преступник — однозначно хороший лекарь — сделал разрез, однако сохранил всю структуру органа магией, а после вытаскивания ножа все залечил и таким образом оставил рабочий глаз с нерабочим нервом. То же самое и с позвоночником. Для того чтобы вернуть пациенту и ноги, и зрение, лекарь должен повторно проделать все, что проделал убийца, и восстановить нерв. Это сложный процесс, требующий крупного опыта и значительных резервов.

— Есть человек, который способен это сделать? — порывисто поднявшись, спросила Хемена.

— К счастью, есть, и он уже в госпитале, готовится к операции. Но есть один момент... Дело в том, что подобное лечение довольно рискованно: если магия затронет мозг или избыточно растечется по позвоночнику, то может наступить даже смерть.

— Нет, — тихо охнула Адилунд. — Это слишком большой риск.

— А ты хочешь, чтобы он на всю жизнь остался таким? — возразила Хемена.

— Нет, но... — сестра замялась, и по её лицу пошли красные пятна. — Я не имею права решать. Пусть все определит он сам...

— Сожалею, но это невозможно, — развел руками Тэйр. — Мальс Эссентессер испытал сильный болевой шок, вдобавок на него подействовали крупные магические изменения организма, причиненные извне. Все это пагубно влияет на способность человека мыслить. Даже если я сейчас приведу в чувство нашего пациента, он просто не сможет принять взвешенное решение. В подобных случаях операция согласовывается с родственниками, а вы — единственные, кого я могу сейчас спросить. Если операцию не провести в ближайшие три часа, то её не проведешь уже никогда — пациент не сможет ни ходить, ни видеть.

— Но я... — губы Адилунд дрожали.

— Вы — его законная супруга, и я жду вашего решения.

— Я не могу, я не имею права, — с отчаянием произнесла сестра. — Я не могу рисковать его жизнью.

— Послушай, — Хемена наклонилась к растерянной Адилунд. — Просто подумай и реши сама, какой выбор сделал бы он, если бы так не пострадал от Кея.

— Что бы решил он? — глаза сестры блеснули пониманием среди всего растерянного и испуганного выражения лица. — Я знакома с Хором несколько лет, — произнесла она медленно, обдумывая. — И он всегда предпочитал риск, если тот давал выигрыш. Значит, выбрал бы риск и сейчас, — с усилием закончила Адилунд Мистераль-Ричардель.

— И ваше решение? — мягко спросил Тэйр.

— Проведите операцию, — голос сестры к концу предложения совсем затих.

— Хорошо.

С легким кивком Тэйр Аймалдэн направился по коридору налево — видимо, сообщить тому самому лекарю, что соглашение получено.

Адилунд шумно выдохнула и опустилась обратно на скамейку. По лицу было видно, что она все ещё терзается из-за сделанного выбора, и Хемена сочла своим долгом поддержать измученную сестренку.

— Это его выбор, понимаешь? Я уверена, Хор будет благодарен тебе за это. Нет, он не умрет, ведь дело ещё не сделано, я знаю точно. Толл говорил, лента времени как-то ему показалась особо, специально, чтобы он распутал это дело. А значит, ты все правильно решила, ведь без глаз и без ног такой задачи уже не решишь. Не переживай, Ада, слышишь? Ты не виновата ни в чем.

— Если все... кончится плохо, — выговорила Адилунд, и её голос зазвенел как знак приближающихся слез, — то во всем буду виновата я и только я. Тогда я убью себя, Хемин.

— Не смей! — крикнула она. — Не смей, слышишь? Ты представляешь, каково было бы ему, если б он узнал о подобном? Прекрати. Прекрати себя накручивать, — отдельно произнесла Хемена тоном, который напомнил ей нотациях матери. — Хватит. Все. Будет. Хорошо. Запомнила? Все будет хорошо. Повтори!

— Все будет... хорошо, — выдавила Адилунд и робко улыбнулась. — Наверное...

К двери в палату подошли Тэйр и молодой лекарь, впервые виденный Хеменой, с длинными волосами, собранными сзади в тугой хвост. На лице незнакомца, того самого хирурга, от которого зависели жизнь и здоровье Хора, не оказалось ничего обнадеживающего: он не выглядел приветливым, как Тэйр, а наоборот, плотно сжатые губы и отчужденный взгляд выдавали в нем человека, замкнутого в себе.

— Я уже могу приступить к делу, не опасаясь, что меня потащат в суд, если я слишком многое вырежу? — холодно поинтересовался молодой лекарь у Тэйра. — Родственники не станут кричать об ущербности медицинской науки?

— Нет, — медленно ответила Хемена. Ей этот человек уже не нравился.

— Ну и зря, — припечатал незнакомый Аймалдэн. — Медицинская наука в действительности ущербна, и наша задача — выводить её на качественно новый уровень. Так вы подписали согласие на операцию?

Хемена медленно помотала головой.

— Я ещё не принес им документ, — виновато пояснил Тэйр, чувствуя себя не очень уютно перед этим резким молодым человеком. — Впрочем, это дело времени, в ближайшее же время согласие подпишут, просто сейчас лучше поспешить. А с бумагами разберемся уже во время операции.

— Чем раньше разбираешься с бумагами, тем лучше, — бросил хирург. — Я не хочу, чтобы меня таскали потом по судам, если случай не соответствует моим ожиданиям и выйдет слишком сложным.

Он на мгновение замер, затем несколькими быстрыми движениями помассировал виски

и поморгал. И решительно протянул ладонь к ручке двери, но его остановил звонкий голос вскочившей Адилунд:

— Я ничего не подпишу!

Хирург развернулся и посмотрел на неё с усмешкой:

— Вы слишком непостоянны в серьезных вопросах, леди, это может плохо кончиться. Так да или нет?

— Нет! — выпалила сестра. Её глаза возбужденно горели. — Я не могу доверить такое ответственное дело вам — да вы относитесь к этому с таким пренебрежением, что вряд ли способны сотворить чудо, как настоящий врач. Если у вас такое отношение к больным... вы просто погубите его. Я отказываюсь, — провозгласила она на весь коридор.

— Да подождите, — Тэйр совсем засмутился, — вы неправильно его поняли. Бьюкенен слишком устал от претензий в свой адрес: ведь мы не всемогущи, и люди часто умирают, а винят в этом почти всегда нас. Это утомляет и раздражает, поэтому мы так относимся ко подобным согласиям, бумагам и прочему. Да, Бьюкенен выразился не очень вежливо, но он очень много сил отдает госпиталю, каждому пациенту, с которым работает. Возможно, со стороны все выглядит и не так, но это лучший врач из работающих здесь, клянусь! И только он способен вылечить вашего мужа. Иначе все безнадежно.

— Пусть, — уперлась Адилунд. — Зато он останется в живых. Господину Бьюкенену Аймалдэну я доверять не могу, кроме того, он проходил подозреваемым по делу, из-за которого мой муж и находится здесь.

— Послушай, — опять вступила Хемена, прибегая к испытанному способу, — подумай, как решил бы сам Хор, если бы видел все это. Он совершенно спокойно относится к людям, если те начинают дерзить и вести себя не очень вежливо, в конце концов, он сам иногда таким бывает. Поэтому Хор не изменил бы решения, даже если б увидел господина Бьюкенена, разве я не права? Ведь он и исключил его из списка подозреваемых.

На лице Адилунд была заметна борьба двух противоположных идей. Наконец она сникла и кивнула:

— Ладно. Я согласна.

— И не забудьте подписать бумагу, — сухо произнес Бьюкенен, заходя в палату.

Хлопнула дверь. Стало тихо. Тэйр что-то говорил, но сестры Мистераль только смотрели друг на друга и молчали, общаясь взглядом. Адилунд все ещё колебалась, Хемена, как могла, успокаивала её.

— Я принесу бумагу, сейчас, — наконец заявил Тэйр и быстро зашагал по коридору уже налево.

Стало тихо. Стало страшно. Хотя Хемена готова была сотню тысяч раз повторять сестре, что все хорошо, но внутри тоже проснулись все переживания и тревоги, не желая утихомириваться. У Хора вышел очень сложный случай. Возможно, Кей затем и не стал его убивать, что подготовил такую коварную месть: либо смерть, либо полная инвалидность и зависимость от других. Хемена не говорила Адилунд и о том, что вполне допускала: Хор мог выбрать гибель, чтобы не оказываться в положении, которое считал унижительным.

Руки начали подрагивать. «А что, если?..» — коварно шептал противный голосок в голове, и таких голосков звучали сотни, тысячи, так что отчаянный вопль сердца и разума: «Все! Будет! Хорошо!» — не мог заглушить их всех. Хемена беспокоилась. Она очень беспокоилась. Она беспокоилась за Хора, как за часть своей семьи, как в свое время за Виорди и Эвальда. Не существовало разницы между недавним знакомым, который стал так

дорог, и людьми, с которыми довелось пройти почти всю жизнь.

Бочком подошел Тэйр с бумагой — Адилунд подписала не глядя, размашисто, жирно, чуть не поставив кляксу. Она переживала гораздо больше сестры, теперь это стало понятно. Супруга Мальса Эссентессера не была просто супругой, вышедшей замуж по расчету. Она любила своего мужа. И Хемена не знала, удастся ли Адилунд добиться ответного горячего чувства, однако Хор свою жену ценил хотя бы как друга. Они стали прекрасной парой. И он мог умереть прямо после свадьбы.

Только не это. Только не это. Только не это. Все будет хорошо.

Сколько уже прошло времени с момента начала операции? А сколько вообще длятся такие операции? Наверное, очень быстро, ведь надо успеть, чтобы не отмерли ткани, да и энергии на долгие процессы не хватит. Что же там, за дверью? На этот мысленный вопрос отвечала только тишина из палаты Хора, отгороженной слишком плотной стеной и хорошо закрывающейся дверью, да слишком громкий стук собственного сердца.

Нет, Хемена не любила Мальса Эссентессера так, как Адилунд. Он дал ей не чувства, он дал ей свободу, и она была благодарна за это.

Наконец хлопнула дверь, и Бьюкенен с усталым, но непроницаемым выражением лица неторопливо вышел в коридор к ожидающим его сестрам. Раль вскочила, побледнев:

— Что? — в её взгляде светилась одна сплошная мольба.

— Я прошу прощения, — равнодушно ответил хирург. — Мальс Эссентессер мертв. Ситуация оказалась слишком трудной.

Это ударило поддых, снесло с хоть какой-то высоты на твердую землю, ломая все на кусочки. Как? Как? Почему? И виновата-то в этом была именно Хемена!

Глаза Адилунд с ужасом расширились.

— Убийца! — тоненьким голосом закричала она, бросаясь на Бьюкенена. — Убийца! Ты убил его!

— Прекратите свое возмущение, вы подписали бумагу, — лекарь с неожиданной силой оттолкнул Адилунд от себя, а взгляд оставался таким же равнодушным. — Ваш муж жив и почти здоров, но впредь относитесь уважительнее к людям нашей профессии.

Бьюкенен повернулся и быстрыми шагами двинулся дальше по коридору, оставив Адилунд с непередаваемой гаммой чувств на лице смотреть ему вслед. Хемена понимала, что у нее выражение лица такое же, но какое же облегчение, что все и в самом деле закончилось хорошо!

Сестра вдруг пошатнулась и, сделав торопливый шаг вбок, прижалась к груди Хемены. Донеслись едва слышные всхлипы.

— Хемин... — шептала Адилунд со слезами. — Он... Он...

— Он жив, и это самое главное, — твердо произнесла Хемена.

Сестра ничего не отвечала, только изредка всхлипывала, уткнувшись лицом в криво надетое из-за беспокойного утра платье. Они долго стояли так, успокаивая друг друга своим присутствием, обе одновременно находясь на месте тревожащейся Хорди и её утешителей.

— Я очень прошу прощения за Бьюкенена, — пробормотал рядом снова подошедший к ним Тэйр. — Он в последние дни просто не в себе. Простите, что вам пришлось такое пережить, я поговорю с ним, я... — он замер, не договорив, потому что рука Адилунд мягко, но властно легла на его запястье.

— Ничего, — улыбнулась сквозь слезы сестра. — Самое главное, что мой муж жив и скоро будет совсем здоров.

— Это — да, — смущенно кивнул Тэйр. — Я сейчас осмотрю его, и после этого вы, наверное, сможете зайти в палату и посидеть рядом, сколько захотите.

— Спасибо, — прошептала Адилунд. — И передайте как-нибудь Байонису Эссентессеру, что его ученик вне опасности и что с ним уже не случится ничего страшного. Но... не говорите о Бьюкенене и всем этом, пожалуйста.

— Да, хорошо, — Тэйр кивнул и скрылся за дверью.

— Странно, — произнесла Адилунд уже для сестры. — Я видела этого человека, — судя по тону, говорила она о хирурге, — вчера, он вправлял мне руку и вел себя гораздо любезнее, чем сейчас. А тут... такая перемена. Я хочу поскорее это забыть, Хемин, — призналась Адилунд.

— Я тоже не отказалась бы, — вздохнула Хемена. — Но, к сожалению, наша память сама решает, что выбросить, а что оставить.

Забыть сменилось чем-то по-прежнему темным, однако Хор мог мыслить, рассуждать и понимать. Значит, он все ещё существовал, вопрос только — где? Кто знает, может, тот свет в самом деле есть, и туда попадает каждый человек после смерти, чтобы ответить за содеянное им. Самого главного Мальс сделать не успел — все планы и желания оборвались под безжалостным ножом Кея. Или же не оборвались?

Он попытался пошевелиться. Руки слушались, ноги — тоже, хотя и с заметной болью. Болело вообще все, так что это не очень походило на загробный мир. Выходит, Хор в самом деле остался жив, только не понимал, как все это вышло, благодаря кому так закончилось... и закончилось ли.

Несмотря на все болезненные ощущения, Мальс заставил себя поднять руку и ощупать все, до чего только дотянулись пальцы. Простыня, его одежда, лицо, плотная повязка из приятного на ощупь материала на глазах. Трогая её, Хор слегка надавливал и на глаза, и те отзывались сильной болью. В памяти все ещё покачивалась отвратительная картина ножа, входящего чуть ли не в зрачок. Вряд ли это осталось без последствий. И вряд ли дальше удастся сохранить хорошее зрение, если его вообще удастся сохранить, конечно.

Самое главное, что отзывались ноги: если можно ходить, значит, ничего ещё не потеряно. А живут и без глаз, хотя, конечно, это было бы довольно безрадостно для человека, собиравшегося сделать слишком много.

— Здесь есть кто-нибудь? — прошептал Хор, еле шевеля языком, который тоже болел: ведь он прокусил его, когда старался сдержать крик. — Эй? — уже громче произнес Мальс, и от этого усилия в один момент усилилась боль во всем теле. Он застонал.

— Хор! — раздался сверху тревожный голос Раль. Какое облегчение, что и она жива. — Ты очнулся? Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — прошептал он, попытавшись улыбнуться. — Во всяком случае, для человека, который должен был умереть.

— Не говори так, — она шмыгнула носом. Наверняка плакала, переживала, не находила себе места от беспокойства. Подруга. Напарница. Жена. Адилунд Мистераль-Ричардель. Как же все-таки у неё получилось обменяться местами с Юнари?

— Я чувствую себя живым, — с искренней радостью произнес Мальс. Живым — потому что все болело, отзываясь на каждое мельчайшее движение и на вдохи, однако у мертвых не болит ничего. — Это самое главное. Что говорят врачи? — как он ни хотел выразить все, что постепенно нарастало внутри при осознании произошедшего, но язык

слишком ныл для длительного разговора.

— Через неделю ты будешь полностью здоров, — по голосу стало ясно, что Раль тоже улыбается.

— А... глаза?

— Глаза вылечили, и ноги тоже вылечили, — поспешно заверила его Раль. — Тебе провели операцию, и все удалось.

— Кто провел? — Хор знал слишком много Аймалдэнов, чтобы не этот задать вопрос. В конце концов, было интересно, кто его спас.

Раль помедлила с ответом, затем слегка странным голосом проговорила:

— Мне он совершенно не понравился, но этот человек помог тебе... Его звали Бьюкенен Аймалдэн.

— Что? — чуть не закричал Мальс.

— А что такое? — испуганно, совсем тихо спросила Раль. — Он... ты ему тоже не доверяешь? Но ведь все же получилось.

— Ты не понимаешь, — с чувством произнес Хор. — Бьюкенен Аймалдэн и есть Кей.

Он не видел выражения лица супруги, но тихий вскрик сказал достаточно. Несколько секунд она ещё осмысливала услышанное, а затем выдохнула:

— Я убью его, Мальс! Он... Он! Он чуть не погубил тебя!

— Я не понимаю, — Хор был растерян не меньше. — Почему он оставил свидетеля в живых? Почему излечил? — язык напоминал о себе новой и новой болью, однако Мальс совсем не обращал на это внимание, весь поглощенный волнующей темой. Что двигало Кеем? Что он вообще творил? Сначала не убил, потом даже избавил от всех последствий этой кошмарной ночи. Как это расценивать? Издевательство? Слишком уж сложное, ведь Бьюкенен успел исповедоваться во всем Хору, и после такого даже последний идиот и безумец убил бы слишком много знающего человека.

— Я тоже ничего не понимаю, — это был голос не тревожащейся Раль, а Раль боевой, готовящейся отомстить. — Однако мы должны немедленно поймать его!

— Нет, не рискуй, — резко произнес Мальс, чуть приподнявшись, и этого хватило, чтобы опять стало очень больно. Стон он сдержать сумел, чтобы не беспокоить Раль. В конце концов, это оказалось не так уж и сложно после тех усилий, какие пришлось прикладывать во время пыток Кея, чтобы молчать. — Нет смысла гоняться сейчас за ним. — продолжил Хор тише и медленнее, еле ворочая языком, который требовал внимания. — Бьюкенен знает, что я о нем расскажу, сейчас он скрылся. Мы сможем его поймать, только если воспользуемся другой вещью. Но об этом — потом. Прости, — уже перешел на шепот Мальс, — мне ещё нужно отдохнуть.

— Да, да, конечно, — торопливо произнесла Раль.

Снова наплывало красноватое марево, но оно уже не пугало и не заставляло страдать. Подождав, пока боль улеглась, Хор совсем расслабился и окунулся в целительный сон.

Мальс не мог утверждать точно, сколько он отдыхал в этот раз, но во второй раз проснулся, ощущая себя более-менее бодрым. Все неизменно болело, грозясь усилиться при неосторожных движениях, однако это было счастьем.

— Раль? — осторожно позвал Хор.

— Я здесь, — сразу же откликнулась она. — Как ты?

— Хорошо, — боль в языке немедленно удвоилась, заставляя задуматься: а нужен ли сейчас длинный разговор.

— И это очень хорошо, — прозвучал сбоку ровный голос Байониса. — Признаться, я немало испугался, когда все произошло. Я успел услышать от твоей жены, что Бьюкенен Аймалдэн — это Кей. Это правда?

Мальс хотел кивнуть, но это, наверное, вышло бы ещё неприятнее, поэтому он лишь прошептал:

— Да. Он показал мне себя. Сомнений нет.

— Поразительно, — задумчиво произнес Маршал. — Несостыковок хватает, хотя, думаю, если внимательно работать над этой версией, то мы сумеем заткнуть все дыры. В любом случае, это сейчас неважно. Кей начал открытую войну: раз он оставил тебя в живых, то уже не заботится о своей скрытности. И какая поразительная наглость — сам провел операцию, нисколько не заботясь тем, что мы могли о чем-то догадаться. Я и помыслить не мог, что Бьюкенен появится в госпитале.

— Никто же не знал, что он Кей, — прошептал Хор.

— Ошибаешься. Я предполагал это, почему — поймешь позже, когда уже поднимешься на ноги. Это был вызов, и я понял, что никакие призывы повсюду искать Бьюкенена Аймалдэна не помогут: при его магии и его осторожности это не дало бы результата. Кроме того, я не желал паники. Поэтому я сопровождал тебя в больницу, перепоручил Тэйру Аймалдэну, а сам отправился в правительство. Я до сих пор уверен в том, что мы можем победить, только если используем твой артефакт, — он нарочно назвал так кольцо, не желая говорить об этом при Раль. — Это та причина, по которой я практически не задействую полицию.

— Что случилось ночью? — с осторожностью спросил Хор.

Байонис звучно вздохнул.

— Я, конечно, ложусь спать довольно поздно и сегодня в очередной раз засиделся. Снизу не слышалось никаких шумов, защита работала, как и полагается, — в общем, Кей не подавал никаких признаков своего присутствия в моем доме, но он там находился и прямо подо мной занимался медленно убивал моего ученика. Какая дерзость — и какие резервы. Признаться, никаких сигналов от своих систем я так и не получил, но отчего-то забеспокоился и решил среди ночи сделать дополнительную проверку при помощи магии моего излучателя. И каково же было мое удивление, когда я осознал, что Кей находится прямо на первом этаже, в твоей комнате. Я не мог использовать излучатель на всю мощность: тогда я убил бы вас обоих, а твоя смерть противопоказана этому миру, ведь мы так и не разобрались, что у тебя там со временем.

— Может, и не стоило, — пробормотал шепотом Хор.

— Не смей так говорить, — услышала его Раль. — Без тебя... Без тебя никак!

— Я только допускал, — ещё тише заметил он, не желая споров об этом. — Продолжайте, господин Маршал.

— Я запустил излучатель на малой мощности, причем постепенно — так, чтобы Кей воспринял это не как угрозу от меня, а как некое магическое волнение в особняке. Ведь оно могло быть — при учете высокой силы обоих сторон. Я подозревал, что даже в таком случае он мог бы добить тебя, но это был единственный шанс, и я попробовал, посчитав, что схватка может принести меньше пользы, чем твои взаимодействия с лентой. Да, леди Мистераль-Ричардель, ваш муж умудрился быть кем-то вроде предсказателя, поэтому он особо ценен. Прошло около часа с момента включения излучателя, и в конце концов Кей покинул особняк. Я спустился, уже не надеясь видеть тебя живым, однако получил приятный

подарок. Я и твоя жена. Насколько я понимаю, Кей, посчитав непонятное волнение знаком судьбы — он такие вещи любит, — разочаровался в тебе как в жертве и исчез, оставив нам некрасивую композицию.

— Некрасивую? — Хор хотел привычно двинуть бровью, но выражению эмоций мешала повязка.

— Как-нибудь я тебе это опишу, но не при даме, — галантно ответил Байонис. — Ей и так пришлось многое пережить. Однако этой ночью хватает и грустного. Оставив тебя, Кей решил сорвать злость на другом человеке.

— И? — напрягся Мальс.

— Ты её не знаешь. Девочка из театра, который приехал из Грозового Мира.

— Подождите — девочка? — голос Раль дрогнул. — А кто точно? Я... Я была там, я могу знать...

— Это действительно девочка: ей остался всего месяц до двенадцатилетия, — мрачно подтвердил Байонис. — Звали Хорганек, фамилии нет.

— Хорганек, — прошептала Раль. — И он — убил эту светлую душу! Господин Маршал, я никого так не ненавидела, как его. Что я могу сделать, чтобы помочь в его уничтожении?

— В первую очередь заботьтесь о нашем дорогом Мальсе, — усмехнулся Байонис. — Это действительно очень важная задача, поскольку именно он, скорее всего, сможет найти оружие против Кея.

— Я поняла, — серьезно ответила супруга. — Я постараюсь.

— А я пока ничего сделать не смогу, — хрипло прошептал Хор. — Я пока лежу и лечусь. Время идет. Мы не можем ждать. Синди не в круге, значит, осталась ещё одна жертва, последняя.

— Когда сможешь встать на ноги — тогда и поговорим об этом, — отрезал Байонис. — Я тоже кое-что умею, и пока работаю с этим я. А ты — набирайся сил перед главной битвой, день-другой у тебя есть. Конечно, лекари хотят оставить тебя здесь на неделю, но при усиленной терапии возможна выписка и раньше, так что веди себя хорошо — и быстрее окажешься в рядах нашей армии.

В квартире Хемену уже ожидал невозмутимый Толл с чашкой чая в руке. Весь сервиз красовался на середине стола.

— Я тебя ждал, — сообщил хозяин квартиры, отпивая свой чай. — Как себя чувствует Мальс Эссентессер?

— К счастью, с ним все хорошо, — Хемена присела за стол и демонстративно отодвинула от себя ближайшие элементы сервиза. — Однако досталось ему сильно.

Толл усмехнулся.

— Опять начнешь просить, чтобы я занялся розысками Кея?

— Именно об этом и начну, — повела плечом она. — Потому что дело зашло слишком далеко. Этот человек проник в особняк Маршала и чуть не совершил убийство прямо там — когда же тебе станет ясно, что Кей в самом деле опасен для всех?

— Наверное, никогда, — беззаботно отозвался Толл, продолжая уничтожать свой чай. — Однако я могу кое-что предложить. Думаю, что это поможет Мальсу Эссентессеру и Маршалу Объединенного Мира продвинуться в их изысканиях и сражениях. — Тут он изящным движением пододвинул к Хемене одну из чашек. — Пей, а то не дам.

— Что не дашь? — хмыкнула она, неодобрительно поглядывая на предлагаемую посуду.

— Книгу, которая многое откроет твоим бесценным друзьям, что же ещё? — Толл самолично налил ей чая. — Пей. В конце концов, не все же мне уступать перед тобой.

Хемена поджала губы, однако приняла чашку и поскорее проглотила содержимое, закусив нелюбимый напиток небольшим печеньицем из вазочки.

— Вот это другое дело, — удовлетворенно произнес Толл. — Мало-помалу мы из тебя сделаем настоящего любителя чая, а иначе просто и быть не может. Теперь получай награду за послушание, — он повернулся на стуле и, удивительным образом изогнувшись, вытащил из стоявшей на полу сумки небольшую книгу, завернутую в черную бумагу. — Это и есть то, что именуется запретной литературой, на деле же — просто литература, которая пригодится лишь ограниченному кругу людей. Маршал будет рад получить подобный подарок, а его преемник — особенно.

Время текло медленно, мысли регулярно проваливались в забытие. По ощущениям Хора, наступил где-то вечер, когда к ним снова пришел Байонис. И на этот раз он вежливо попросил Раль выйти из комнаты, поскольку разговор должен был идти о самых важных и довольно секретных вещах. Она, конечно, согласилась и без лишних слов выскользнула в коридор.

— Мне кажется, что уже сейчас стоит обсудить дальнейший план действий. Ты молчи-молчи, — предупредительно велел он, — тебе лучше поменьше двигаться, а говорить буду я. В первую очередь сейчас важен люминескарий и нюансы его применения. Как только ты справишься — побеседуешь на эту тему с Регентом, она знает больше нас обоих. Хоть нам и известно, что преступник — Бьюкенен, однако это фактически ничего не дает, раз он сам себя раскрыл. Этот человек просто так не дастся в руки, бесполезно использовать армию или полицию, поэтому личность убийцы я пока что сохраняю в тайне: так выйдет спокойнее для общественности. У Кея было шесть жертв — тех, кого он специально убил с вытягиванием энергии, так называемые пункты круга. И сейчас ему нужна седьмая. А нам нужно как-то это предотвратить.

— Думаю, что седьмая — Юнари, — не смог не высказаться Хор.

— Вероятно, что из-за нее и получилась вся эта затея со свадьбой, а ещё она — лучший кандидат на роль Уны, — произнес за него все аргументы Маршал. — Я с тобой согласен. Седьмая жертва должна быть чем-то особенным, и неудивительно, если Кей с самого начала берег её для этого, ограждая от прочей судьбы. Вполне возможно, что их с Адилунд обмен и стал дополнительной причиной ухода Кея посреди боя во время свадьбы. Он увидел, что девушка не та, и посчитал, что вся затея не стоит усилий.

— Тем не менее, — усмехнулся Мальс, — за меня он взялся как раз потому, что я нарушил его запрет на браки. И из-за моей наглости, но тут дело десятое.

— А тут у Кея просто разыгралась гордость, ведь он не ожидал, что мы сможем действительно ему противостоять. Этот человек придумал кучу причин для всех своих дел, с фантазией у него проблем нет, но вот считать эту фантазию истиной я не рекомендую.

— Вы защитите Юнари? — просто спросил Хор.

В ответ послышалась лишь тишина: видимо, Байонис кивнул.

— Теперь, когда мы знаем, куда ожидать удар и какой силы он будет, мы сможем ещё тщательнее подготовиться — чтобы в конце концов одержать победу или просто отогнать врага. Повторяю, я уверен: самое главное должен сделать ты с люминескарием. Да, я мало что сделал в этом противостоянии, но исключительно потому, что здесь замешана лента

времени, а значит, центральную роль здесь играешь ты, мне вмешиваться практически бессмысленно. Все наши акции против Кея — это больше защита, чем нападение, потому что противник у нас необычайно серьезный. Если его и можно убить — то только его же собственным оружием.

— Я это понял, — Мальс устало вздохнул. — Только понять бы, как именно.

— А вот насчет этого я могу тебя обрадовать небольшим дополнением ко всем нашим знаниям. Хемена Ричардель — хотя уже не совсем ясно, Ричардель она или нет — час назад передала мне любопытную книгу, одну из тех, что доводилось читать лишь особо осведомленным людям.

— Подарок из тени, значит? — Удручало только то, что сам он читать сейчас не мог.

— Подарок от конкретной тени, смотрящей сквозь туман, — уточнил Байонис. Зашуршало: он, видимо, разворачивал сверток с этой самой книгой. — От подозреваемого в нашем деле с Кеем, Толлом Каэндра.

— Бывшего подозреваемого, — тихо заметил Хор.

— Кто знает, кто знает, — в тоне Маршала зазвучала усмешка. — Может, действовало и несколько человек, но вероятность, конечно, низкая. Или ты окончательно отказался от версии, что у Кея был покровитель?

— Он был и умер. Ортес Эссентессер, — прошептал Мальс, гоня от себя картину в кабинете, когда Бьюкенен раскрывал все секреты ему, связанному, беспомощному, готовящемуся умереть.

Возникла пауза.

— Вот, значит, как, — совершенно странным голосом произнес Байонис. И продолжил, словно этого и не прозвучало: — Ладно, с догадками мы действительно закончили, ведь личность преступника понятна.

— И больше не понятно ничего, — с досадой закончил Хор.

— О да, мы, к сожалению, пока не можем спросить его, зачем он все с тобой сделал, — вздохнул Маршал, однако в его тоне звучало слишком много спокойствия. Мальсу все больше казалось, что Байонис относится к ситуации несколько равнодушно, несмотря на все свои ранние слова об опасности их противника, о том, что ученик должен действовать. Вот именно. Ученик. Не учитель. Последний собирался просто наблюдать и включать или выключать свой островной излучатель. — И мы не можем надеяться на правду: вряд ли удастся проводить допросы Кея, а сам по своей воле он если и расскажет, то слишком мало.

— Почитайте мне эту книгу, — попросил Хор. — То, что важно.

— Ты собираешься посвящать в детали своего дара жену? — вдруг спросил Байонис, подумав, видимо, о том, что читать вслух могла бы и Раль.

— Будь на то моя воля, я б отправил её в Грозовой Мир или на север страны: там безопаснее, — поморщился Мальс. — Если и посвящу — то потом.

— Что ж, воля твоя. А сейчас давай надеяться, что никто не подслушивает под дверью, хотя что ни говори, а двери тут хорошие. — Опять зашуршало, а затем послышался шелест страниц: Маршал искал нужное место. — Первый и основной закон времени гласит, что ни один предмет или человек не должен активно пребывать в одном периоде в двойственном временном состоянии. То есть, в нашем случае активно пребывать не могут твой люминескарий и люминескарий Кея, оттого-то твой и заблокирован, ведет себя почти всегда как самое обычное кольцо.

— И из этого правила исключений нет?

— Боюсь, что нет, — вздохнул Байонис после некоторой паузы, во время которой, видимо, просматривал текст дальше. — Это временное равновесие, одна из самых важных вещей для людей с таким даром, как у тебя. Нам удастся применить люминескарий только после того, как его настоящий экземпляр перенесется с помощью твоего дара в период твоего детства. Проще говоря, до этого разговора с Уной сделать ничего нельзя.

— И никто не знает, был ли он, а если будет, то когда, — заключил Хор.

— Да, однако кто мешает потихоньку узнать это у самой Уны? Если это Юнари Мистераль, то нам нужно осторожно выспросить у нее, не объясняя при этом сути. Если разговор ещё не произошел, а только должен случиться, то Уне не следует изначально о нем знать.

— Скорее всего, ещё не произошел, — мрачно произнес Мальс.

— Почему ж? — сверху опять зашелестели страницы.

— Потому что у нее маловато доверия ко мне, чтобы сразу все рассказывать, — сообщил Хор то, что его немало сейчас тревожило. Чтобы завоевать доверие, требовалось в течение некоторого времени неотступно находиться рядом с Юнари, а в нынешних условиях это только затягивало все. Но если учесть, что Уна — цель Кея, цель самая важная и единственная на данный момент, то, как ни странно, становилось лучше. Они могли защищать только её, не беспокоясь о маленьких девочках из театра, и отражать все нападения Кея, пока не случится того самого разговора.

— А к кому у нее доверие есть? — поинтересовался Байонис тем тоном, какой позволял убедиться: он полностью уверен в том, что Юнари и впрямь не к кому обратиться, кроме Хора. — Не забывай, у девочки была семья в том смысле слова, который употребляется в Объединенном Мире. Никому из этих людей она не готова рассказать тайны, а ты... Я видел, как вы прощались после того разговора. Вы нащупали что-то общее между собой, а значит, Юнари может вполне довериться тебе.

— Надеюсь, что это так, — вздохнул Мальс. Они с тогда ещё невестой сошлись в том, что семья у их детей будет. А теперь все поменялось, и матью семейства могла стать уже Раль, не менее ценившая родственные отношения. Но Юнари... Попадется ли ей такой понимающий муж? Или ему придется опять ставить ультиматумы в словесной схватке?

— Как видишь, единственное, что нам остается — надеяться и ждать, — усмехнулся Маршал. — И при этом готовить свой ход. Защиту на этот раз я обеспечить смогу, клянусь. Правда, для этого пришлось привлечь Ориасу и даже Нистарию, один только Фаркасс не участвовал в нашем общем деле. Теперь маршалский корпус стал в самом деле неприступным, а Юнари разместились на третьем этаже, ей там вполне нравится.

— И почему ж на третьем? — насколько Хор помнил, там вообще редко кого-то селили.

— Из соображений безопасности, конечно. Это оказался самый удобный вариант, объяснять долго. Ну и ещё там красивый вид, — Маршал снова зашуршал страницами. — Однако вернемся к этой любопытной книжице. Так вот, слушай. Человек с даром времени способен перемещать по ленте других людей и предметы, однако это неизменно происходит сквозь прочную связь магии разных поколений и никогда не может быть случайным. Обладателям дара дано право спасать людей, в момент перемещения находящихся при смерти: для живых и здоровых переход невозможен. Он отправляет спасенного в случайное место выбранного магом периода. Чем выше резервы, тем дальше в прошлое способен переправлять временник. Обратное путешествие невозможно, как и перемещение чего-либо или кого-либо в будущее, исключая самого обладателя дара. Проход же в прошлое позволяет

исцелить большинство болезней тела, однако есть вероятность, что все они потом проявятся у временника.

— Вот как, — только и сказал Хор.

Выходит, при наличии крупных резервов он мог спасти тех, кто находился на грани смерти, переставляя их в другой исторический период. Прекрасная, просто прекрасная способность, резервов б ещё к ней...

— Это хоть и важно, но к делу не относится, — продолжил Маршал. — А вот и про предметы. Маг может переносить различные вещи, обладающие собственной энергией, в прошлое и на небольшие отрезки вперед, в будущее. При этом то, что он перемещает, должно быть тесно связано с ним и с другим человеком, с которым у временника магический контакт высшего уровня.

— Так, а что с переносами не в будущее, а из будущего?

— Одну минуточку, — Байонис что-то сосредоточенно просматривал в книге. — Ага, вот оно. Так называемое присутствие проводника в прочих исторических периодах означает, что он прикает разумом и магией в иные участки ленты, телом оставаясь в своем. Если при этом временник встречается с человеком, с которым в будущем создаст магический контакт высшего уровня, то этот контакт сработает, и станет возможным не только видеть события, но и разговаривать с этим человеком, а также принести в свой период связанный с ним предмет. Вот это у тебя и случилось. Та-ак, при этом присутствие строго ограничено поведением ленты, в то время как перемещение из собственного участка зависит исключительно от человеческой воли. Присутствие позволяет временнику видеть чужие судьбы, которые он может изменить, и это отличает его от предсказателей. Кроме того, механизм видения будущего и прошлого состоит в том, что маг двигается по следу одной-единственной души и видит все её глазами, а остальное как в тумане, только могут появляться детали. Ты же сможешь смотреть на другие времена, как на цельную картину, и это чрезвычайно полезное умение.

— Было бы полезным, если б я мог его применить, — уточнил Хор с легким разочарованием. Конечно, в участи предсказателей было нечто неприятное: знать, что все произойдет именно так и никак иначе. А вот временники могли не только наблюдать, но и менять, как его присутствие в год преступлений Кея в корне изменило все.

— Ничего, ещё сможешь, — бодрым голосом заявил Маршал. — Резервы — вещь непостоянная в обе стороны, могут же и восстанавливаться. В крайнем случае, есть и артефакторика, хотя это, конечно, для совсем уже безвыходных ситуаций.

— Я прошу вас, — глухо произнес Мальс, — пусть делают все, что угодно, хоть бы это пагубно влияло на мое здоровье в дальнейшем, но пусть в ближайшие же два дня я отсюда выйду. Вы же понимаете, насколько это важно.

— Ты же помнишь, что действие магии лекарей на человеческое тело ограничено, — предупредительно заметил Байонис. — Если ты сейчас исользуешь все на полную мощь, то как минимум месяц тебя не смогут вылечить от чего-то серьезного. Риск.

— Да у меня вся жизнь сплошной риск, — невесело усмехнулся Хор. — Я должен. Пусть делают все, что только могут.

— Я так и передам Виррену, — невозмутимо согласился Маршал. — Сейчас его смена. Не боишься?

— Да куда там бояться после Бьюкенена-то, — скривился Мальс.

Зазвучали четкие военные шаги, и хлопнула дверь: Байонис вышел, позволяя Хору с

облегчением расслабиться. Неподвижность после разговора была обязательна, поскольку тело опять начало ныть и настойчиво требовало, чтобы его оставили в покое.

По всему выходило, что они с Юнари в ближайшем будущем наладят между собой самый прочный магический контакт из всех возможных, поскольку именно это станет главным условием его присутствия в ином участке ленты и их разговора. Когда же состоится сам разговор? Когда можно будет задействовать люминескарий против Кея? Впрочем, использовать не получится, пока не станет ясно, что это за вещь, а за объяснениями нужно идти к Регенту, тут уж сидеть сложа руки, просто так надеяться и ждать не выйдет.

Опять застучало: шаги возвестили, что сюда идут Байонис и Виррен. Вскоре снова хлопнула дверь, и оба приблизились к постели Хора.

— Разрешите, господин Маршал, я проведу максимальный анализ, — заговорил Виррен Аймалдэн. — Без этого мне решения не принять. Добрый вечер, господин Эссентесер. Как вы себя чувствуете?

— Как и полагается, — тихо ответил Мальс. Не успевшая окончательно утихнуть боль снова нарастала при движении губ и колебании голосовых связок.

— Тогда взглянем, как вам полагается себя чувствовать, — добродушно сказал Виррен. Тихонько зашипело. Хор вдрогнул: в один момент на него накинута неприятная воспоминания ушедшей ночи. — Спокойнее, спокойнее, — голос дяди Бьюкенена звучал мягко и вытаскивал из кошмаров. — Вот и все. Кей прекрасно справился с работой.

Теплота, прозвучавшая в голосе Виррена при этих словах, просто взбесила Мальса.

— Да вы знаете, что ваш любимейший Кей — государственный преступник и что именно он меня искалечил? — не скрывая гнева, выпалил он.

— Ч-что? — тон Виррена был тоном удивленного ребенка. — Вы... Да это просто ошибка! Вы его не знаете. Кей — удивительный человек, он так заботится о здоровье каждого пациента, что не смог бы сотворить такой ужас.

— Я не стал вас расстраивать сразу, однако это правда, — равнодушно произнес Маршал. — Вы плохо знали своего племянника. А доказательств у нас хватает: Бьюкенен Аймалдэн сам рассказывал Мальсу все о своей деятельности, прежде чем начать его мучить. Можете не верить. Однако Кей — убийца, и его теперь разыскивает вся полиция. Мы не объявляли об этом в городе, потому что преступник пользуется иллюзиями и его невозможно поймать простому гражданину, даже если тот вооружен.

— Я... Я не мог и помыслить, что такое случится, — дрожащим голосом выговорил наконец Виррен. — Он всегда был образцовым молодым человеком и превосходным врачом. Он лечил — как жил. И я не мог не верить, что это все настоящее... Получается... Кей и убил адмирала?

— Адмирала Иушнице, предсказателя Зорренда, преемника Регента, дочь Рондера Мистералю, молодого инженера с завода дирижаблей и двенадцатилетнюю актрису, — жестко уточнил Байонис. — И я подозреваю, что все они испытывали немалые страдания перед смертью. Вы видели, через что прошел мой ученик.

— Мне страшно об этом говорить, — прозвучал совсем тихий голос Виррена. — Давайте... Давайте мы все же займемся тем, ради чего сюда пришли. — И торопливо заговорил: — Я вижу, что Кей действительно исправил почти все, что сделал. Осталось только восстановить весь организм от врачебного вмешательства, высокой концентрации магии, и после этого вы сможете ходить и видеть так же хорошо, как и раньше.

— Сколько дней займет восстановление? — быстро спросил Байонис.

— Обычно мы держим пациентов в госпитале неделю — чтобы быть уверенными, что уже не возникнет осложнений. Но я могу выписать его через два-три дня.

— А, скажем, завтра? — проявил Маршал спешку, которой не было даже у Мальса: тот и не надеялся, что сможет выйти отсюда раньше, чем послезавтра.

Виррен некоторое время молчал, делая шумные вдохи и незаметные выдохи.

— Я могу это устроить, но только если в течение всей последующей недели пациент будет приходить в госпиталь для проверки. И для него по-прежнему желателен покой: никаких сильных стрессов, физических и умственных нагрузок. Самое большое для одного дня — прогуляться, и лучше с тростью, отсюда до нового моста или просидеть три часа за званым обедом, а в остальное время отдыхать, отдыхать и отдыхать.

— Я об этом позабочусь, — пообещал Байонис. — В конце концов, не зря же Маршалу Объединенного Мира полагаются пара личных автомобилей.

— Глаза — беречь, — продолжал строгие инструкции Виррен. — Никакого яркого света — и лучше никакого чтения. В ясные дни ходить по улице в темных очках, зрение не перетруждать ни в коем случае, иначе оно начнет садиться очень быстро. Так, кажется, это все, но я могу ещё кое-что порекомендовать по итогам терапии. Её проведет Миртен в ближайшие же часы, а завтра утром закончу все процедуры я или, может, Тэйр, если он придет рано. Это все, — довольно громко закончил он. И добавил потухшим голосом, вспомнив, видимо, о племяннике. — Я могу идти, господин Маршал?

— Безусловно, — мягче, чем обычно, проговорил Байонис. — Спасибо вам за то, что делаете для нас. И учтите ещё одну вещь: лучше не распространяться о вашем племяннике, поскольку его личность пока что держится в тайне.

Слегка шаркающие шаги расстроенного Виррена прошли до двери и затем растворились в коридоре. Маршал с преемником снова остались одни.

— Раз уж завтра ты снова принимаешься за дело, — начал Байонис, — то я хотел бы сразу проверить одну вещь. Ты помнишь о нашем договоре? Об идее создать Эссентессеров в каждом регионе?

— Помню, конечно, — Мальс слегка смутился. Он считал это одним из планов на будущее, способным подвинуться перед острыми проблемами настоящего. — Однако к чему сейчас то? У нас на первом месте стоит поимка Кея.

— Да, но это не значит, что мы должны забывать про все остальное. Тебе предстоит разговор с Регентом, но я хочу, чтобы к тому времени Ориаса уже тебя уважала, а заслужить её уважение можно только достойными делами. У меня готово прошение, которое я предлагал написать тебе. Разумеется, почерк и стиль соответствуют оригиналу — все же я успел тебя изучить за это время. Бумага от твоего лица сегодня вечером окажется на столе у каждого из Эссентессеров, а завтра мы проведем совещание, чтобы вынести решение по этой идее. Тебе придется присутствовать и отвечать на все вопросы, но это не будет большой нагрузкой. Согласен?

— Вообще-то согласен, — протянул Хор. — Но как-то это слишком уж сумбурно выходит.

— Ничего, в самый раз. После того, как мы объявим решение, попросишь у Регента часок для объяснения по люминескарию, она наверняка примет тебя сразу же и будет вести себя, как если бы говорила с взрослым достойным человеком. Просто преемнику Маршала, явившемуся из Центра Одаренных, давно потерявшему магию, Ориаса вряд ли доверит секреты, но если покажешь свой ум, то все станет гораздо проще. А техническую сторону

дела я уже беру на себя.

— Не думаю, что вы предложили бы мне то, что мне не по силам, — чуть двинул бровями Мальс, вспомнив, что под повязкой этого не видно. Однако ж пожимать плечами было бы довольно неприятно. — Так что, повторяю, я согласен. Завтра дополнительно это обсудим.

— В таком случае я удаляюсь и допускаю к вам супругу, которую уже утомили наши секреты, — довольно усмехнулся Байонис. Нет, определенно, он интересовался политическими делами гораздо больше, чем детективными, даже если учесть, что Кей в действительности мог терроризировать всю столицу.

На этот раз Толл заявился домой после полуночи. Хемена не спала: при свете лампы она неподвижно сидела за столом, сжимая в руках пустую фарфоровую чашку из старинного сервиза.

— Не думал, что ты относишься к почтенному племени сов, — хмыкнул он, швыряя на соседний стул пальто и с удовлетворением растягиваясь на диване.

— А я к нему и не отношусь, — тихо ответила Хемена. — Просто ждала.

— Ты осторожнее с этим, — по лицу Толла скользнула веселая усмешка. — Я иногда к рассвету только возвращаюсь.

— Если у меня нет никаких серьезных дел, то можно и не спать ночью, — пожалала плечами Хемена, наконец ставя на стол чашку.

— Ты прямо как верная жена, — Толл внезапно посерьезнел. — Сидишь и ждешь, хотя на стол не особо-то накрыто. Нет, милочка, пора каким-то делом заняться, а то от скуки сдуреешь. Разве сложно найти себе занятие по душе?

— Для кого-то — сложно, — вздохнула она. — А я, хоть и занималась столько военным делом, однако, по сути, ничего не умею. Единственная профессия, которой я овладела, — это жить в семье.

— Профессия, говоришь? — прищурился Толл — Как по мне, это не профессия, а просто спокойная безбедная жизнь за счет остальных. А как иначе назовешь жизнь в семье?

— Жизнь в семье — это поддержка, забота и теплое отношение, — негромко, но твердо проговорила Хемена. — Жизнь в семье — это умение иногда забывать о себе, чтобы угодить другому, не ожидая от этого никакой выгоды. Раньше все женщины осваивали эту профессию, но теперь они заняты другим, и так вот вышло, что некому среди знати создавать настоящие семейные отношения.

— А ты, значит, наладилась быть моей верной спутницей жизни? — изогнул брови Толл. Затем медленно встал и подошел ближе к ней, буравя внимательным взглядом.

— Это то, чем я могу отплатить за помощь, — слабым голосом отозвалась Хемена, чувствуя внезапную робость перед ним. — Но я... Я просто хочу быть рядом, если тебе понадобится помощь. Чтобы ты, приходя с любого дела, в любом настроении, видел горящий свет в доме и понимал, что тебя ждут. Ты не представляешь, насколько это бывает важно порой. Так важно, что без этого уже не получается жить.

Толл молчал, не сводя с Хемены взгляда. А затем резко подался вперед, обхватывая её руками за шею и закрывая вскрик требовательным поцелуем. Через мгновение он отстранился, но Хемена ещё несколько минут находилась в ступоре. Руки дрожали, сердце бешено стучало, и все внутри протестовало против этого.

— Дурочка, — выдохнул Толл. — Я слишком плохой человек для того, чтобы меня

любить.

Губы словно окаменели, и она ничего не могла сказать, но от этих резко брошенных слов вдруг защипало в глазах. Хемена ощущала себя упавшей с высокого обрыва. Толл неровно дышал, прикусывая губу, и все ещё не отрывал от неё взгляда. А потом резко тряхнул головой, и в его глазах засветилось что-то дикое.

— Уходи, — глухим голосом сказал Толл. — Завтра же собирай вещи и уходи — куда угодно, денег я тебе дам, до самой старости хватит, а если что — потребуешь от теней, они не ослушаются. — Произнеся эту неразборчивую быструю фразу на одном дыхании, он замер, наклонившись вперед в полуметре от её лица. — Такие, как я, должны оставаться одни, чтобы никого не портить. Ты не знаешь, что я за чудовище, и лучше бы тебе не знать. Никогда! — прошипел Толл.

Хемену била дрожь. Она до одури боялась этого человека, боялась того... каким он сам себя представлял. И вместе с тем ощущала: ещё минута, и он навсегда закроется от мира в саркофаге внешнего спокойствия, где останется наедине с самим собой, с тем собой, какого ненавидел. На мгновение пробудившаяся жалость к Толлу перекрыла все остальное, и Хемена, вдруг рванувшись вперед, сама его поцеловала — и сразу же упала обратно на стул. Ей показалось, что сейчас она потеряет сознание. Толл, отшатнувшись, как от удара током, с потрясением смотрел на неё.

— С ума сошла, — прошептал он. — Я же о тебе забочусь... — и замолчал, с отчаянием махнув рукой.

— А о т-тебе кто поз-заботится? — будучи не в состоянии сдержать дрожь, выдавила Хемена.

На некоторое время они оба замолчали.

— А как же — свобода, все такое? — наконец вымученно улыбнулся Толл. — Ты не представляешь, насколько это сложно, — связать жизнь с человеком из тени. Тем более со смотрящим сквозь туман.

— Помнишь, что ты говорил? — Хемена тоже улыбнулась, но печально. Дрожь почти прошла. — Свобода — быть в подчинении у того, кто тебя любит.

— Я не умею любить, — прошептал он.

— Ничего, — тоже понизила голос до шепота она. — Я тебя научу.

Проснувшись утром на следующий день, Хор уже чувствовал себя лучше: сказалось многократное применение врачебной магии. Вчера вечером Виррен провел две интенсивных процедуры, а ещё две назначил на утро. Глаза практически не болели, хотя спина все ещё отзывалась на любое движение.

Раль хотела остаться рядом с ним на ночь, но Маршал её отговорил и увез в особняк Эссентессеров, а Мальс запоздало вспомнил, что так и не выяснил, почему она оказалась на месте Юнари. Впрочем, ответ мог и подождать: когда кончится дело Кея, они получат достаточно времени на все разговоры, все вопросы и все ответы.

Если предыдущие процедуры проходили достаточно болезненно и изрядно нервировали напоминанием о Кее, то предпоследняя уже принесла явное облегчение. Когда последние магические искры растворились в воздухе, Тэйр Аймалдэн очень осторожно снял с глаз Хора повязку. В палате было сумрачно, чтобы не тревожить зрение, и Мальс испытал огромное облегчение, отчетливо различая лицо лекаря напротив, небольшую тумбочку, кровать, побеленные стены и высокий потолок.

— Спасибо, — едва слышно произнес он, но в этом тихом слове звучала огромнейшая благодарность: не Тэйру Аймалдэну, просто судьбе за то, что Хор мог видеть.

Лекарь в ответ улыбнулся: у него была мягкая приятная улыбка, которую Мальс наблюдал впервые, раньше слушая лишь его голос. Затем Тэйр осторожно помог ему сесть, и, хотя легкая боль в спине возникала, но это простейшее действие тоже принесло большое удовольствие. Под руководством лекаря Хор немного пошевелил ногами и выслушал вердикт: все в норме, проблем не предвидится. Однако вставать он мог только после четвертой процедуры.

Тэйр удалился, а Мальс медленно принялся разглядывать все, что его окружало, подмечая те детали, на которые раньше никогда не обращал внимания. Тоненький солнечный луч тянулся по полу от закрытого шторами окна, и в этом луче танцевали крошечные пылинки. Это обыденное зрелище внезапно заставило Хора снова улыбнуться. Он рассматривал мир вокруг, почти как ребенок, впервые попавший в незнакомое место и стремящийся разглядеть все до деталей.

Мальс вдруг осознал, что чувствует себя совершенно беззаботно, несмотря на то, что обстановка в городе сейчас была напряженной. Несмотря на то, что им по-прежнему противостоял опаснейший серийный убийца, стремящийся дотянуться до своей седьмой жертвы. Воспоминание об этом сменило настроение со счастливого на серьезное. Хор медленно откинулся на подушку и задумался.

Байонис полностью отстранился, желая, чтобы все устраивал временник, умудрившийся ещё в детстве повязать себя с этим делом. Вряд ли Маршал был фаталистом — скорее, он опасался Кея и понимал, что своими средствами вряд ли сможет его поймать, не устроив в Квемере приличную магическую катастрофу. Так что вся ответственность возлагалась именно на Хора с его люминескарием, то ли активным, то ли неактивным сейчас. Хорошо хоть, Юнари находилась под усиленной защитой: вряд ли Бьюкенену удалось бы пробить то, что строили все четыре Эссентессера. В любом случае, у них было время, потому что противник не решится атаковать в первый же день. А за это время Хор успеет лучше разобраться с попавшим ему в руки оружием. Смущало лишь то, что в это Байонис решил вмешать дела с Грозным Миром и не совсем уместную ныне идею, и причина выглядела довольно странно. Какое им дело до отношения Ориасы Эссентессер к ученику Маршала, когда она обязана помочь, потому что от этого зависело слишком многое. Однако возражать учителю Мальс не стал.

В Квемере пока что было тихо. Лишь несколько человек знали настоящее имя Кея, и они готовились к главной битве. Хор негромко вздохнул. Пожалуй, ему предстояло лишь разобраться со свойствами люминескария, а применять его станет уже другой человек, более опытный маг, так что вполне возможно, что участие в битве Мальса не ждало.

Час спустя, после четвертой процедуры, он наконец-то смог встать и с наслаждением медленно пройти по палате. Ноги слушались, хотя в теле все ещё чувствовалась легкая слабость. Удовлетворенный Тэйр сообщил, что больной готов к выписке.

Из больницы его забрал Байонис Эссентессер, приехавший ради этой цели на служебном автомобиле с закрытым верхом и тонированными стеклами. Он привез Хору новый комплект одежды, включающий пару аксессуаров, необходимых при нынешнем состоянии здоровья: темные очки и трость. Благодаря им Хор походил на слепого, однако это не шло ни в какое сравнение с возможностью полностью потерять и ноги, и зрение. Байонис отвез ученика в свой особняк, где его уже ждала со своей тихой счастливой улыбкой

Адилунд Мистераль-Ричардель.

Читать не следовало, от разговоров начинал болеть прокушенный язык, и первые часы после выписки Мальс просто молчал, сидя рядом с Раль. А она говорила: рассказывала с некоторых интересных уголках Грозowego Мира, где успела побывать, о семье, о Хемене и Эвальде. Про Виорди не упомянула видимо, рана все ещё была свежа.

Муж и жена. Она смотрела на него с восхищением и стремилась заботиться о каждой мелочи. Он пока не мог платить ей тем же, но ценил и уважал. Муж и жена. Семья. Внезапно ставшие одним целым люди. Мальс негромко попросил её рассказать о причине обмена с Юнари.

— Я узнала, что медный шлем означает свадебный венец, а тут ещё известие о твоей свадьбе... — в глазах Раль проснулось её любимое упрямство. — Я не могла отсиживаться где-то подальше, пока все это происходило, кроме того, ко мне вернулся дар, и я больше могла бы сделать при нападении Кея.

— А кроме этого, ты меня любишь, — тихо произнес Хор.

Бледные щеки вспыхнули алым.

— Да, — Раль опустила взгляд. — Это действительно так. Я тебя люблю. И я много отдала бы за то, чтобы всегда находиться рядом с тобой, а это оказалось так просто.

— Спасибо, — прошептал он.

— За что? — распахнула глаза жена.

— За любовь, — просто пожал плечами Хор, в очередной раз чувствуя облегчение из-за того, что самые простые движения не приносили боли. — Это большая ценность, особенно в наше время.

Её губы внезапно задрожали, и к подбородку сбегала крошечная слезинка, но Раль робко улыбалась.

— Ты чего? — он притянул её ближе к себе, аккуратно убирая слезинку левым указательным пальцем, на котором не было дар-родинки.

— Мальс! — Раль порывисто обняла мужа и уткнулась лицом ему в плечо, шмыгая носом. — Мальс... Спасибо тебе за то, что ты есть. Я... Я понимаю, что не заслужила твоей любви, но спасибо за то, что позволил быть рядом с тобой.

— Что значит — позволил? — улыбнулся Хор. — Ты одна из самых дорогих людей для меня, хоть я и не ожидал, что мы станем мужем и женой.

Он не стал говорить большего. На самом деле Раль была единственным дорогим человеком, потому что после разочарования с родной семьей Мальс Хор старался не подпускать людей слишком близко к себе. Однако он осознавал, что любит Раль совсем не как супругу. Скорее как сестру или близкого друга.

Довольно долго они сидели и молчали. Хор осторожно гладил её ладонь кончиками пальцев, а в голове проносились какие-то легкие светлые мысли, в которых не находилось места заботам последних дней. И Мальсу совершенно не хотелось это прерывать, дабы заняться более важными делами или подумать о чем-то серьезном. «Давай уже, признайся себе, — скользнула насмешливая мысль, — что ты всегда об этом мечтал, когда она рассказывала тебе о семье. Тебе всегда хотелось быть на месте её брата и сестер, пусть ты и старался не показывать этого ни ей, ни себе самому. Ты даже не знаешь, что такое любовь мужа и жены, но какая разница — сестра, брат, муж, жена? Какая разница, если можно просто так сидеть, быть рядом и не хотеть расставаться?»

Эту идиллию нарушил стук в дверь.

— Прошу прощения, господин Эссентессер, — на пороге стояла горничная. — Возле ворот вас ждет автомобиль. Водитель попросил передать записку.

Хор осторожно отстранил Раль и поднялся, хотя делать это крайне не хотелось. На листке бумаги аккуратным почерком Маршала значилось: «Через полчаса жду в правительстве на совещании Эссентессеров. Байонис».

Ах, да, совещание Эссентессеров по поводу поданной преемником Маршала бумаги. Обычно все подобные вопросы решала Герцог, глава законодательной власти в стране, но нынешняя идея относилась ко всем правителям, к основам государственной системы и поэтому требовала четырех мнений, а не одного.

— Я должен уехать, — спокойно сообщил Хор, поворачиваясь к Раль. — Вернусь через пару часов, это не должно занять много времени.

— Нет, — она твердо качнула головой. — Я еду с тобой.

— Не хочешь отпустить одного теперь? — краем губ улыбнулся Мальс.

— Можно сказать и так, — взгляд Раль оставался серьезным.

— Тогда собирайся.

Через десять минут они вместе вышли из ворот особняка автомобилю. Мальс опирался на трость. Машина была голубой, но сквозь очки смотрелась темно-синей, совсем как море, омывающее берега Облачного Мира в том месте, где расцвела постепенно Квемера. Раль разместилась на заднем сиденье, Хор — на переднем, и автомобиль мягко тронулся.

Ехали они довольно медленно: быструю езду запретил Виррен, когда речь вторично зашла об автомобилях. Мальс прикрыл глаза, повернув голову в сторону, чтобы шофер не увидел шрамов-вензелей на веках. Хор не знал, как они выглядят, поскольку не мог увидеть этого даже в зеркале, однако понимал, что зрелище не самое приятное, а вдобавок ещё и вызывающее немало вопросов. Он бы старался вообще не закрыть глаз, но им требовался частый отдых, а перспектива ослепнуть смотрелась гораздо страшнее перспективы получить недоумение и испуг со стороны окружающих.

Наконец автомобиль так же мягко остановился, и Раль потрогала Мальса за руку, напоминая о том, что требовалось сейчас сделать. Они стояли перед зданием правительства, возле которого упорно мозолила глаза часозвоня. С покровителем Кея все вроде бы прояснилось, и все же... Вдруг не стоило оправдывать Рондера Мистерала, противников которого убивал Кей в прошлом году? Медный шлем. Да, свадебный венец, но что, если это означало ещё и рыжие волосы? Мальс понял, что должен поговорить с Эвальдом: тот точно выложил бы все, что знал, потому что мечтал отомстить всем и вся за смерть Виорди. Правда, наследник фамилии все ещё лежал в госпитале после полученных на свадьбе магических травм. Раль говорила, ему придется провести там недели две, да ещё и существовал некоторый риск. Возможно, Хору даже повезло больше, чем ему.

Муж и жена Эссентессеры рука об руку прошагали к дверям правительства, где их уже ждал молодой офицер в гвардейской форме, который и должен был провести пару до зала, где заседали правители Объединенного Мира. Они двигались по коридору, наполненному людьми.

Внезапно что-то рядом зашипело, сверкнуло, слепя глаза даже через темные очки. Мальс вздрогнул, осознавая, что сейчас они с Раль практически беспомощны, а через мгновение их накрыл поблескивающий купол, чьи стены массивом энергии предупреждали: «Не сунься — убьет». Отчаянным движением Хор выхватил из кармана маленький пистолет, подаренный Маршалом, и нацелил его в сверкающую пустоту.

— Эй! Кто-нибудь! — крикнула Раль. — Вытащите нас отсюда!

Ответом им было полное молчание, как если бы свершилось перемещение в пустынное место или все люди, идущие по коридору, в одночасье исчезли.

В глазах рябило от блеска купола, но отвести взгляд Мальс не мог, хотя и понимал: если сейчас рядом появится Кей, то это будет конец. Они вдвоем не смогли бы дать достойный отпор, но если все это устроил действительно Бьюкенен, то зачем? Его жертвой должна была стать Юнари, Уна!

Резкая боль ударила в позвоночник, в глаза, выбивая из груди стон, ноги перестали держать, и он, нелепо пошатнувшись, упал на пол, роняя пистолет.

— Мальс! — испуганно вскрикнула Раль.

Хор не мог ответить — разве что стоном. По спине прокатывались волны, от рези в глазах по щекам катились горячие слезы, а главное, он потерял всякую способность сопротивляться.

— Вот и правильно, не рыпайся, когда не просят, — зазвучал сверху самый жуткий голос из всех когда-либо слышанных. Говорил Бьюкенен Аймалдэн. — Я рад, что мы все здесь сегодня собрались. И не торопитесь звать на помощь: вас просто никто не услышит, — Кей довольно усмехнулся. — Это очень сложная энергоемкая магия, однако купол, который вы над собой видите, не пропускает никаких звуков, и в ближайший час вряд ли кто-то сумеет его взломать. Поэтому у нас есть час. Наедине.

Сквозь всю гамму боли до Хора доходили прикосновения Раль, которая пыталась как-то ему помочь, не понимая, что бессильна. Они оба ничего не могли. Только ждать надвигающуюся смерть.

— Встань, — резким тоном приказал Кей. — Я сказал: встань! — повторил он, делая несколько шагов ближе. — Дорогая моя, тебе следует знать, что от твоего послушания зависит жизнь этого молодого человека. Твоего мужа. Его я убивать не собираюсь: если бы собирался, то давно бы это сделал. Моя цель — это ты. Встань, — снова велел Бьюкенен. — Все началось с твоей крови, добровольно отданной в госпитале для возможных пациентов — о, я благодарен за эту щедрость, она упростила мне жизнь. А закончится все здесь и сейчас.

Хор перестал чувствовать её руки на своих плечах. Раль поднялась. Цель? Она — цель? Она — последняя седьмая жертва, та самая, какой не хватает Кею? Она, не Юнари? Уна?! Это был крах и конец. Хор мог бы сделать многое и многое, лишь бы единственный близкий человек оставался в живых и в безопасности, а сейчас лишь мрачными тенями маячили отчаяние и беспомощность. Да как же так? Почему именно Раль? Они с Маршалом ошиблись, решив защищать только Юнари, — и эта ошибка стала роковой.

Мальс не мог сделать ничего против Кея. Не имел никакой возможности отвратить смерть Раль.

— Наконец-то я могу открыть тебе свое лицо без опаски, что это сыграет против меня, — удовлетворенно произнес Бьюкенен.

— Я уже знаю, кто ты такой, — зазвенел в ответ голос Раль. Она не боялась. За себя — не боялась. Уверившись, что Хор не пострадает, она заговорила уверенно, безо всякого страха, безропотно принимая собственную гибель. — Палач! — презрительно бросила Раль. — Одним свим существованием позорящий само существование лекарского дара. Применять его, чтобы издеваться над людьми, — низость.

— Я действую во имя науки, во имя медицины, — оскорбился Бьюкенен. Все это Хор уже

слышал. И тогда была такая же боль, ведущая в темноту, но не было жуткого осознания ошибки и беспомощности, которые вели к чужой смерти. — Да, мои методы жестоки и возмущают всякого порядочного гражданина, однако они по-настоящему развивают нашу науку. Благодаря моим открытиям спустя несколько десятков лет человечество окончательно избавится от смертельных болезней, во всяком случае, от наиболее опасных. Я спас множество жизней, а сколько спасут разработанные мною методы! Что значит по сравнению с ними несколько жизней, каждая из которых была достойна такого конца?

— Ложь! — выкрикнула Раль. — Чем могла заслужить подобная девочка, которой и двенадцати-то не исполнилось? Что такого страшного совершила она, что получила казнь похуже той, какую суд назначил бы тебе?

— О да, — с досадой произнес Бьюкенен. — Это стало небольшой ошибкой, но я чту судьбу. Я хотел убить её наставницу, которая действительно заслужила, однако девочка посреди ночи прокралась за мной, не додумавшись поднять тревогу, и я поднял, что это — знак от судьбы. Да, юная леди не виновна ни в чем, однако она должна была стать жертвой во имя выздоровления многих в будущем.

Злость накатила с новой силой, и Хор медленно потянулся вперед, надеясь нащупать руками упавший пистолет, но спина взорвалась болью, превратив мир в сгустки кровавого тумана, и лишь в каком-то отдалении до него доносились слова.

— Да вы с ума сошли! — зло воскликнула Раль. — Как вы можете так оценивать человеческую жизнь, вы, врач?

— Я оцениваю все жизни, понимаешь, все! — возбужденно заговорил Кей. — Я несу всей науке огромный дар, хоть при этом и страдают отдельные люди. Следующие поколения будут благодарны мне за все, что я для них совершил.

— Да откуда ты знаешь? — с горечью произнесла Раль. — А что, если твои ожидания не оправдаются? Что, если ты не сможешь сделать то, что захотел, и все эти жертвы пропадут даром?

— Я ещё ни разу не ошибся на этом пути! — горячился Бьюкенен. — Я сумею довести все это до конца, клянусь, ну, а ты мне в этом поможешь!

— Значит, доведешь? — почти кричала Раль. — А теперь наведайся в будущее, исцели человека и скажи ему, что это лекарство ты получил, пытая двенадцатилетнюю девочку! Разве ты не понимаешь, — заговорила она уже тихо, совсем тихо, в своем обычном тоне, но это звучало проникновеннее и глубже, чем повышенный голос. — Можно тысячу раз спасти тело самыми разными, самыми бесчеловечными методами. Но душа останется загрязненной, а она и есть самое главное. Если кончатся болезни, если люди будут жить по несколько сотен лет, то не думаешь ли ты, что они все станут равнодушнее, злее, эгоистичнее? Чем дальше смерть, тем меньше её боятся и тем больше ошибок совершают. Ты говорил: как мало стоят жизни одного десятка по сравнению с тем множеством, какое ты спасешь своими делами. Но откуда ты знаешь, сколько стоит одна только жизнь, одна только судьба, одна только душа? Может, эта девочка спасла бы мир. Кто дал тебе право судить? — отдельно, делая часть выдоха после каждого слова, со слезами в голосе произнесла Раль, и от этого её тона пробежали мурашки.

— Судьба дала мне право распоряжаться другими, — надменно произнес Бьюкенен.

— Да откуда ты знаешь, глупец? — усмешка Раль была пронизана болью и жалостью. — Откуда ты знаешь? Тебе дана сила, но не право. Тебе кажется, что она возведет тебя на самую высоту, а с ней ты упал в глубочайшую бездну.

Кое-как переведя дух от боли и ошеломления, Хор осторожно начал ощупывать пол обеими руками, надеясь подхватить пистолет, пока Кей увлечен этой словесной схваткой. Через пару мгновений пальцы отозвались новой болью: Бьюкенен встал тяжелыми ботинками на обе его ладони. Мальс едва слышно застонал. Не столько от боли, сколько от разочарования в последнем своем шансе.

— Прекрати, — стальным голосом произнесла Раль. — Отпусти его.

— Пусть потерпит, — насмешливо отозвался Кей. — Зато хоть жизнь сохранит. Он мне не нужен, а вот ты — нужна.

— И почему же я? — все, проникновенная тишина исчезла из её тона, сменившись примерно тем, как звучал в подобных случаях голос самого Хора. — Что же такого совершила я, что удостоилась права на подобную казнь?

— Ты — сокровище, — вкрадчиво проговорил Бьюкенен. — Мое сокровище. В тебе спит то, чего ты сама не ведаешь и что во много раз сильнее того слабого резерва, который я вернул тебе через дракона. Это не изучено наукой, наука ещё не добралась до таких глубин, но я-то знаю, сколько силы можно в тебе найти.

— Глупости, — бросила Раль. — Вы сошли с ума, и это уже точно. Я растеряла даже изначальный дар, хранившийся в драконе, на один только разговор на расстоянии. Я бездарность, но при отсутствии всех умений умереть, как надо, я сумею.

Разговор. Разговор на расстоянии. На который потрачено огромное количество магии.

Выходит, что Уна и Раль — одно и то же лицо?

И это её, её он должен был защитить, вместо того, чтобы лежать на полу в полностью беспомощном состоянии и просто ждать, пока Кей не прекратит издеваться над своей жертвой. Это её призывала спасти лента времени. Это её Мальс погубил своим бездействием и самонадеянностью.

Он изо все сил рванул руку, пытаясь вытащить пальцы из-под подошв ботинок Кея. В ответ оба каблука прокрутились на месте, дробя мелкие кости пальцев, и Хор зашипел, чувствуя, как по щекам снова катятся слезы из болевших глаз. Да сколько можно уже?

— Прекратите, я сказала! — воскликнула Раль, и в её голосе таилась боль. — Зачем вам это?

— Чтобы нам не мешали, — жестко ответил Кей. — Что ж, я готов закончить. Отдай мне кольцо.

— Какое кольцо?

— Ты носила его при себе с того самого момента, как вытащила из тайника в вашей секретной квартире. Отдай, — напирал Бьюкенен. Он сделал шаг по направлению к Раль наконец-то освободив руки Хора. — Оно у тебя в маленьком потайном кармашке платья. Отдай, иначе я не ручаюсь за жизнь твоего мужа.

— Я отдам, — тихо сказала Раль.

Пальцы едва слушались Мальса, но он упорно тянул руку к груди, где снова был спрятан люминескарий. Перед глазами что-то мелькало, и в какие-то Хору казалось, что он различает две фигуры на фоне сверкающего купола, но это было всего лишь игрой воображения: он ничего не видел.

— Быстрее! — с раздражением велел Кей.

Только бы он не заметил этого! Заметит — и конец всему. Если разговор уже произошел, значит, люминескарий остался только один и находился он у Хора. Руки дрожали.

— Я... — в голосе Раль проснулась растерянность: она не нашла кольца и теперь боялась, что что-то из-за этого случится с Мальсом. — Его нет. Я не знаю, куда оно пропало... Ведь... Три дня назад точно было здесь, я помню!

Хор не знал, действует ли скрытно: перед глазами маячила сплошная тьма, а паника норовила взорваться в голове. Пальцы словно окостенели. Сердце колотилось. Он осторожно приподнялся, чтобы запустить ноющую кисть под воротник рубашки. К счастью, застежка цепочки оказалась близко.

— Куда ты его дела? — со злостью выкрикнул Бьюкенен. — Хочешь смерти своему мужу?

— Я не знаю, клянусь!

— Куда ты его дела?!

Искалеченные пальцы еле-еле справились с застежкой и поймали кольцо, само скользнувшее в ладонь.

— Повторяю: я не знаю, — отчеканила Раль. — Я не лгу. Если б я куда-то его спрятала, то не стала бы об этом молчать.

— Но я чувствую его рядом с собой, — резко произнес Бьюкенен, заставив Хора вздрогнуть: заметит или не заметит? — Да в бездну все это! Мне не нужно и контакта с кольцом, чтобы сделать все, что надо. Приготовься, дорогая моя. Это будет красиво.

Безымянный палец, послушный более всех остальных, трижды прошелся по внутренней поверхности кольца, оставляя там кровавую полосу.

— Только не трогай его, — прошептала Раль.

Отвратительно зашипело. Последним усилием Хор потащил ладонь к левому предплечью, чтобы коснуться дар-родинок. Он не видел их, как не видел и всего остального, но давно привитые в детстве рефлексы дали о себе знать: каждый кончик с точкой ткнулся ровно в родинку, и сквозь все его тело прошел внезапный энергетический ток, заставляя расцепить дар-систему, но держать руки вместе уже не требовалось. Каждая клеточка пропиталась болью и жаром, а затем все это полилось наружу, но внутри по-прежнему было горячо, потому что в тело стремительно входила спрятанная в люминескарии энергия.

Мальс не знал, что он делает. Он просто направлял всю эту силу, мечтая лишь об одном: спасти Раль. Спасти её. И уничтожить Бьюкенена Аймалдэна.

Сверкало и звенело, перед глазами что-то двигалось, извивалось, как живое, а в ушах стучали часы. Ни жар, ни боль не утихали, переплетаясь друг с другом. И где-то снова били крыльями птицы.

Потом все окончательно стихло, так что Хор мог слышать собственные отрывистые вдохи и колотящееся сердце, но больше внутри купола словно не существовало ничего. Не шипело магией Кея. Не слышался голос Раль. Как будто вылившаяся из люминескария энергия уничтожила все, что только могла.

— Раль? — хрипло позвал Мальс. — Раль?

Ему не ответили.

— Раль!

Тишина мягко покачивалась над головой, уговаривая не шуметь и не волноваться.

Хор осторожно начал ощупывать руками пол: пальцы чувствовали только боль, но центр ладони ещё давал понять, что впереди только глухой холодный камень. Мальс передвинулся на локтях, поскольку ноги опять не слушались, и продолжил искать. Левая рука наткнулась на чьи-то ботинки: это были ботинки Бьюкенена, несколько минут назад топтавшиеся по

рукам. Хора передернуло от отвращения, однако через секунду пришло облегчение: он понял, что Кей мертв. В самом деле мертв. Кошмар закончился — только какой ценой?

— Раль!

Видимо, она не могла его слышать. Может, потеряла сознание. Может... погибла. Может, вообще исчезла.

Хор полз дальше и дальше, ощупывая перед собой все негнушимися пальцами, останавливаясь перед бьющейся энергией стеной купола, поворачивая и снова все ощупывая. Но бесполезно. Во всем круге, очерченном куполом тишины, находились лишь он и мертвый Бьюкенен. Раль исчезла.

Временник может переносить в другой участок ленты человека, находящегося на грани смерти.

В критический момент Мальс применил то умение, на какое был способен его дар, и, похоже, Раль действительно отправилась в прошлое. Наверное, она спасена. Только что теперь делать ему?

Ныло все, кроме снова не чувствовавшихся ног. Хор затих, просто ожидая, что будет дальше. Кажется, купол должен был действовать около часа — потом люди в правительстве наверняка смогут его сломать. Но это — потом. Потом...

Глаза заволакивало туманом, прыгали тени. Да какие там тени... Он же не мог ничего видеть. Он просто устал.

Прошло сколько-то времени, и наверху что-то хлопнуло, перестало чувствоваться напряжение от купола, и Хор понял, что его больше нет. Послышался возбужденный шум голосов: люди рядом недоумевали, что же произошло.

— Мальс! — прорезался сквозь весь гул командирский тон Байониса. — Что произошло?

— Я применил кольцо, — прошептал Хор. — Кей мертв. Адилунд... Мистераль-Ричардель исчезла.

— Что ж, — голос Маршала стал неуместно торжественным. — Поздравляю, Мальс Эссентессер.

— Не надо, — скривился он, почти ничего не осознавая. — Моя фамилия — Хор.

— Тогда будем иначе, — усмехнулся Байонис. — Пока здесь все это творилось, правители вынесли решение. Поздравляю, Маршал Грозового Мира.

===== Эпилог =====

Солнце почти зашло. Сквозь серые облака кое-где проглядывало красное небо — примерно такого же цвета, как и флаг Серебряного Мира, а вот цвет стен правительского особняка до него не дотягивал.

Байонис Эссентессер стоял в своем кабинете возле распахнутого окна. Было достаточно холодно, но он не обращал на это внимания. Плотно сжатые губы, нахмуренные брови, направленный в догорающую даль взгляд — Маршал Объединенного Мира размышлял о ближайшем будущем и не мог сказать, что оно выйдет спокойным.

Сегодня закончилась вся эпопея с Кеем — но закончилась ли? Таинственный убийца погиб, его последняя жертва перенеслась во времени на несколько веков назад, победитель-временник, здоровье которого снова сильно пошатнулось, отправился во все ту же больницу. Спектакль дошел до финала.

Да, это был лишь спектакль, в котором Байонис принимал участие на второстепенной роли: от него здесь ничего не зависело. На переднем плане находились Мальс Эссентессер,

Бьюкенен Аймалдэн и спутанная лента времени, а Маршал Объединенного Мира лишь отыгрывал свои реплики, порой странные, порой не совсем умные. И, зная о своем положении фонового героя с самого начала, он не прикладывал усилий, чтобы что-то изменить, и аккуратно убирал со сцены тех, кто пытался выйти в главные роли. Тровен и ещё несколько талантливых сыщиков ещё припомнят это начальнику, который взял все в свои руки и, по сути, ничего не сделал. Они не могли знать — впрочем, они и не узнают. Пусть просто думают, что силу Кея могла преодолеть лишь собранная им самим энергия, которая переместилась на двенадцать лет назад, чтобы круг замкнулся.

Метод Хасдента сгинул вместе с Бьюкененом, и лишь один человек понял, что его сила — не что-то новое, а кое-что очень старое, по природе одинаковое с теми открытиями, которые произошли по инициативе Маршала Объединенного Мира, а затем привели к кровопролитной войне. Конечно, Байонис не собирался говорить об этом своему ученику, но Хасдент в свое время работал именно с магией меранов, потому-то никто и не знал о нем как об изобретателе. Когда в том направлении свернулись все исследования, он попытался применить новый опыт в других сферах деятельности, и это столкнуло его с сумасшедшим Гиретте. А дальше началась кровавая сага, в которую поочередно вписали свои имена Проводник и Кей. Снова показалась она в последние дни — и снова скрылась в тени.

Новый Маршал одержал красивую победу. Якобы гибель его жены — информация про дар времени так и осталась тайной — добавила в картину драматических ноток. В покровители убийцы занесли Ортеса Эссентессера, которого Байонис знал ненамного хуже, чем самого себя. А про странности и несостыковки, оставшиеся после всего, думал разве что Маршал Объединенного Мира.

Потому что ничего не закончилось — лишь сменилась сцена. И Байонис Эссентессер понимал: скоро вся страна станет свидетелем грандиозного спектакля, который развернется на просторах Грозового Мира.

Больше книг на сайте - Knigolub.net